

ВНѢШНІЙ
БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при корол. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

ТОМЪ II.

ИСТОРІЯ ОДЕЖДЫ И УТВАРИ ВЪ СРЕДНЕ ВѢКА.

(отъ IV-го до XIV-го столѣтій).

Съ 336 отдѣльными изображеніями по рисункамъ сочинителя.

ЧАСТЬ 1-я.

ВИЗАНТІЯ И ВОСТОКЪ.

Съ нѣмецкаго И. Васильева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д., ШИЛОВОЙ.

1875.

ВНѢШНІЙ
БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при корол. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

ТОМЪ II.

Съ 336 отдѣльными изображеніями по рисункамъ сочинителя.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1875.

ИСТОРИЯ
ОДЕЖДЫ И УТВАРИ
ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

ОТЪ 4-ГО ДО 14-ГО СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при Берлинской Академіи Художествъ.

„Mit Erlaubniß! Man muss auch in der gelehrten Welt hübsch leben und leben lassen. Was uns nicht dient, dient einem Andern. Was wir weder für wichtig, noch für amnuthig halten, hält ein Anderer dafür. Vieles für klein und unerlieblich erklären, heisst öfter die Schwäche Seines Gesichts bekennen, als den Werth der Dinge schätzen.“—
E. Lessing.

(„Позвольте! Вѣдь, я въ ученомъ мірѣ пужно жить и давать жить другимъ. Что не годится для насъ, пригодится другому. То, въ чемъ нѣтъ ни значенія, ни привлекательности для насъ, сочтеть важнымъ и прелестнымъ кто-либо другой. Смотрѣть на многія вещи какъ на мелочи и пустяки, еще не значить оцѣнивать ихъ; нерѣдко вѣдемъ мы только обнаруживаемъ свою собственную недалекую видность.“
Е. Дессингъ.

Часть 1-я.

ВІЗАНТІЯ И ВОСТОКЪ.

Съ нѣмецкаго И. Васильева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1875.

Рисунки дозволены цензурою. Москва. Июня 4 дня, 1875 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый здѣсь трудъ составляетъ нѣкоторымъ образомъ продолженіе къ изданной въ 1860 году „Kostümkunde. Handbuch der Geschichte der Tracht, des Baues und des Geräthes der Völker des Alterthums. Mit 1945 Einzeldarstellungen“ *.

Если въ настоящее сочиненіе не вошло изслѣдованіе произведеній зодчества, то лишь по причинамъ чисто внѣшнимъ. Вопервыхъ, я не желалъ придать этой книгѣ объема перваго тома, а потомъ спѣшилъ скорѣйшимъ ея окончаніемъ. Последнее обстоятельство въ особенности побудило меня сократить матеріалъ, тѣмъ болѣе что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я долженъ былъ удѣлять время на различныя постороннія дѣла и занятія.

Въ какой мѣрѣ мнѣ удалось показать тѣсную связь костюма съ всеобщей исторіею культуры, берусь всего менѣе рѣшать я самъ. Отъ внимательнаго читателя не укроется, что по крайней мѣрѣ такова была цѣль къ которой я стремился, и позволяю себѣ надѣяться, что онъ сѣмѣетъ оцѣнить трудность такого предпріятія. Замѣчу лишь то, что для обработки настоящаго отдѣла не существовало почти никакихъ предуготовительныхъ работъ, такъ что предлагаемый мною трудъ слѣдуетъ считать неболѣе какъ предварительнымъ опытомъ.

Все что я могъбы прибавить еще относительно изученія костюма **, значенія его и пользы, все это было высказано еще въ предисловіи къ назван-

* Внѣшній бытъ народовъ. Исторія одежды, вооруженія, построевъ и утвари народовъ древняго міра. Соч. Германа Вейса. Съ нѣмецкаго В. Чаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Томъ I. 1873. 1874.

** Смотри предисловіе переводчика перваго тома, и предисловіе сочинителя къ третьему тому этого труда, помѣщенное въ первой части перваго тома, стр. XIV.

ному выше сочиненію. Что касается рисунковъ, то и въ этомъ отношеніи я сообразовался съ цѣлю которую имѣлъ въ виду. Всѣ рисунки скопированы съ величайшею точностію и тщательностію съ самыхъ лучшихъ и достовѣрныхъ источниковъ безъ малѣйшаго отступленія отъ подлинниковъ, причемъ, за участіе принятое въ этомъ дѣлѣ издателями, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ принести публично мою благодарность.

Берлинъ, въ Мартѣ 1862 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- Введеніе.—О формѣ и развитіи костюма у римлянъ до эпохи Константина великаго стр. 1—35.
- Одежда.** Стр. 4—19.
- Мужская и женская одежда 4—11. Позднѣйшія измѣненія одежды 11. Должностныя отличія 14. Вооруженіе 17. Вышнія отличія римскихъ жрецовъ 18—19.
- Утварь.** Стр. 20—25.
- Страсть къ роскоши 20. Золотая и серебряная посуда и пр. 22. Мебель 24. Способы перемѣщенія 24. Оффиціальная утварь 26. Христіанство 27. Одежда христіанъ въ Римѣ въ первые вѣка 29. Вліяніе христіанства на формы утвари 33.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

КОСТЮМЪ ВИЗАНТІЙЦЕВЪ И НАРОДОВЪ ВОСТОКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Византійцы. Историческій обзоръ стр. 36—44.

Одежда. — Торговля и промыслы 46. Матеріи и украшенія 47. Красяльное мастерство 50. Щегольство пурпуровыми одѣяніями 51. Художества и ремесла, (финифтяное, золотыхъ дѣлъ мастерство и пр.) 52. Памятники по ихъ отношенію къ дѣйствительности 53. Народная одежда. Мужская 54. Обувь и пр. Уборка волосъ и бороды 57. Женская одежда 58. Головные уборы 60. Одежда господствующиыхъ сословій 63. Нарядъ императоровъ и императрицъ 64. Константинъ великій 64. Юліанъ 65. Іовіанъ. Валентиніанъ. Граціанъ 66. Θεодосій великій 66. Аркадій 67. Анепмій и Пульхерія 68. Юстиніанъ и Θεодора 69. Слѣдующіе за ними правители и царительницы 70. Романъ IV и Евдогія 75. Особья отличія Себастократора 77. Отличія придворныхъ чиновъ и служебныя 78. Одежда высшихъ и низшихъ чиновниковъ 80. Оружіе и вооруженіе 84. Палатинцы 87. Вспомогательное войско и наемники 93. Богослужебное облаченіе 93—108. Начало священнослужительской одежды и развитіе ея до осьмаго вѣка 94. Отъ осьмаго до тринадцатаго и далѣе 99. Происхожденіе одежды духовныхъ орденовъ 106. — Утварь. Общія замѣчанія. Ремесленные промыслы. Матеріалы. Формы. Техника 108—111. Сосуды. Богослужебная и церковная утварь 112. Престолъ 115. Сѣнь (rugos, ciborium) 116. Раки для мощей 117. Распятія 118. Епископскія наведры 118—121. Комнатная мебель. Стулья. Письменные наклон 121. Ложа 122. Шкапы 122. Почетныя кресла. Курульное кресло. Золотое кресло 123. Императорскій тронъ 124. Военный снарядъ и орудія для наказанія 125. Колесницы и носилки 125. Погребальная утварь 128. Носила и саркофаги 128.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ново-Персы. Историческій обзоръ стр. 131—138.

Одежда.—Общія замѣчанія. Торговля и промыслы. Матеріи и украшенія 138—141. Мужская одежда 141. Царскій нарядъ 144. Оружіе и вооруженіе 151. Оборонительное 151. Нападательное 155. Строевые порядки 156. Одежда жрецовъ 157. Женская одежда 157. Утварь 159.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Арабы. Историческій обзоръ. (Отъ 632—1304 г.) стр. 160—168.

Постепенное измѣненіе коренныхъ обычаевъ подъ азіатскимъ вліяніемъ 169—172. Одежда. Древній національный костюмъ 173—176. Торговля и промыслы. Африка. Азія 176. Аравія. Испанія 178. Сицилія 179. Формы орнамента 180—182. Памятники 183. Мужская одежда низшихъ классовъ 183. Высшихъ сословій 184—187. Правителей и калифовъ 189—191. Украшенія 191. Оружіе, вооруженіе и пр. 192—205. Женская одежда 205—210. Косметика, украшенія и пр. 210—214. Костюмъ другихъ восточныхъ народовъ 215—220.—Утварь. Общія замѣчанія. Сосудованіе. (Формы и отдѣла сосудовъ) 221—224. Обиходная посуда 225—227. Мебель 230. Приборы для освѣщенія 231. Для измѣренія времени, игральные 233. Музыкальные инструменты 234—239. Способы перевозки, (повозки, носилки и пр.) 239 240. Земледѣльческія орудія 240. Военные снаряды. Погребальная утварь 241.

ВВЕДЕНІЕ.

О ФОРМѢ И РАЗВИТІИ КОСТЮМА У РИМЛЯНЪ ДО ЭПОХИ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО. ¹

Предоставивъ Октавіану самодержавную власть, римляне доказали неспособность свою далѣе управлять собою. Раболопная угодливость съ какою они такъ скоро подчинились одному человѣку, погубила равноправность всѣхъ гражданъ, которая дотолѣ охранялась ими съ чувствомъ глубокой внутренней гордости. То, чего не могъ достигнуть даже Цесарь, совершилъ теперь Октавіанъ. Такимъ образомъ, въ короткое время въ римскомъ народѣ угасъ и послѣдній остатокъ истинно-римскаго духа.

Первые начатки такого крайняго разслабленія слѣдуетъ отнести, по всей вѣроятности, къ весьма отдаленной эпохѣ. Еще въ то время когда римляне, выступивъ изъ тѣсныхъ границъ своихъ, (около 264 до Р. Х.) окончательно покорили остальную часть Италіи, потомъ, въ продолженіе пуническихъ войнъ (съ 264 по 146 до Р. Х.), вліяніе иноземныхъ обычаевъ повредило въ значительной степени простотѣ нравовъ, какою изстари отличался римскій народъ. Даже по окончаніи второй пунической войны (съ 218 по 202 до Р. Х.) и послѣдовавшихъ затѣмъ македонскихъ побѣдъ (168 до Р. Х.), но преимущественно послѣ первыхъ походовъ въ Сирію (190 до Р. Х.), вліяніе восточныхъ народовъ на римлянъ достигло уже такихъ размѣровъ, что болѣе строгіе умы среди ихъ, всѣми силами старались ему противодействовать. Однако, при такомъ положеніи дѣлъ, съ этихъ поръ были уже безо-

¹ Нижеслѣдующія страницы суть краткое извлеченіе, в отчасти дополненіе въ четвертой главѣ «второй части» моея *Kostümkunde*. (*Handbuch der Gesch. der Tracht, des Baues und des Geräthes der Völker des Alterthums*). в пр. Stuttgart 1860. 11 стр. 925 и сл.—

См. Ch. Meiners. *Geschichte des Verfalles der Sitten, der Wissenschaften und Sprache der Römer in den ersten Jahrhunderten nach Christi Geburt*. Wien und Leipzig 1791; потомъ относящіяся сюда главы у E. Gibbon. *The history of the decline and fall of the roman empire*. Lond. 1777 до 1788; I. C. F. Manso. *Leben Constantius des Grossen*. Breslau 1817, I. Burckhardt. *Die Zeit Constantins des Grossen*, Basel. 1853. и другія сочиненія приводимыя въ самомъ текстѣ.

лезны всѣ дальнѣйшія попытки возстановить чистоту древнеримскаго строя. По мѣрѣ того какъ римское оружіе, съ одной стороны, все далѣе и далѣе распространяло свое владычество, сперва въ Греціи, въ малой Азіи (около 187 до Р. Х.), потомъ и на западъ въ Галліи и Испаніи (съ 58 по 51 до Р. Х.), и наконецъ покоряло сѣверную часть Африки, съ другой, почти одновременно все болѣе и болѣе утрачивался прежній народный характеръ въ хаотическомъ смѣшеніи раскрывавшихся передъ побѣдителемъ культовъ, нравовъ, бытовыхъ особенностей различныхъ племенъ, и всего того, чѣмъ его надѣляли иноземная торговля и промышленность.

На этомъ пути римскій народъ уже значительно подвинулся впередъ когда явился Цесарь; но несмотря на всѣ усилія его предотвратить опасность грозившую странѣ, даже самому ему не удалось остановить всеобщаго стремленія къ упадку. Смерть Цесаря, развязавъ всѣмъ руки, стала сигналомъ къ междоусобной войнѣ, вызвавшей снова наружу общественные недуги, которые долготѣ слерживала единственно только строгость закона. Потомъ, въ продолженіе губительной междоусобной войны, сопровождавшейся непосредственно, съ одной стороны, непрочностью обладанія и необезпеченностью собственности, съ другой, легкостью приобрѣтать обманомъ и спекуляціею значительныя богатства, заглохъ вскорѣ послѣдній остатокъ благороднаго чувства, и даже всякое возвышенное понятіе о правѣ и долгѣ, замѣнившееся вполне бездушнымъ стремленіемъ наполнить внутреннюю пустоту вѣтшими наслажденіями, разгуломъ и непомѣрной расточительностью на предметы роскоши.

При такомъ разстройствѣ понятно что римляне со страхомъ взирали на угрожавшее имъ безсліе, и, сознавая внутреннюю несостоятельность свою, преимущественно въ Октавіанѣ искали для себя опоры и ему съ готовностью покорялись. Впрочемъ, они нисколько не ошиблись въ своихъ расчетахъ, ибо Октавій вполне понималъ задачу свою въ виду общаго положенія страны, и дѣйствительно, ему удалось остановить, по крайней мѣрѣ еще на долго, дальнѣйшее стремленіе къ упадку. Въ продолженіе его правленія, благопріятствовавшаго до нѣкоторой степени тоже искусствамъ и болѣе тонкому обращенію, Римъ одряхлѣвшій и уже разлагавшійся, повидимому снова сталъ оживать, хотя конечно при такихъ обстоятельствахъ уже не могло быть рѣчи о возрожденіи древняго духа. Однако, хотя и нельзя уже было исправить глубокоукоренившейся во всѣхъ слояхъ общества страсти къ пустымъ наслажденіямъ, ни бездушной развращенности, которою въ меньшей степени проникнуты были всѣ классы общества, тѣмъ не менѣе все это слерживалось теперь въ болѣе строгихъ границахъ, по крайней мѣрѣ наружнымъ видомъ высшаго художественнаго интереса.

Между тѣмъ, сравнительно съ эпохою окончательнаго разложенія свободныхъ учрежденій римлянъ, это было счастливое время. Но, слишкомъ скоро оно снова помрачилось всѣми ужасами предшествовавшаго періода, вызванными чудовищами императорами, занимавшими престолъ послѣ смерти Августа (съ 14 по 96 по Р. Х.) При такомъ положеніи остались тщетны попытки и тѣхъ немногихъ императоровъ одушевляемыхъ благородными стремленіями, которые смѣнялись съ поименованными извергами, какъ напр.

Веспасіана (69 — 79) и Тита, такъ что съ бѣльшимъ еще безстыдствомъ и большею наглостью стали вновь выступать наружу всѣ прежнія низкія страсти, въ связи съ отступничествомъ отъ поклоненія туземнымъ божествамъ, впрочемъ давно уже потрясеннаго греческими и азійскими культами. Хотя въ послѣдствіе цѣлому ряду дѣльных императоровъ, отъ Нервы до Севера (съ 96 — 180 по Р. Х.), дѣйствительно удалось болѣе энергически противодѣйствовать общей распущенности, тѣмъ не менѣе порча глубоко заѣла въ народѣ, и даже съ бѣльшею еще силою выступила она по смерти Марка Аврелія, когда бразды правленія перешли въ руки гнуснаго Коммода. Съ этихъ поръ распущенность постепенно достигаетъ крайнихъ предѣловъ, какъ-бы поддерживаемая переходившимъ отъ этого изверга къ преемникамъ его „царственнымъ сумашествіемъ“, и римскій народъ между тѣмъ, внутренно растлѣваемый безнравственностью и политическою неурядицею, а съизвнѣ угрожаемый всюду германцами и сарматами, со дня на день приближался къ своему концу.

Дабы при такихъ обстоятельствахъ предотвратить паденіе могучаго колосса, какимъ все еще было римское государство, нуженъ былъ мужъ обладавшій прежде всего самымъ глубокимъ пониманіемъ внутреннихъ недуговъ государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ одаренный въ высочайшей степени безкорыстнымъ самоотверженіемъ и энергическою волею. Эти качества совмѣщаль въ себѣ Діоклеціанъ, человѣкъ сумѣвшій стать выше нескончаемыхъ смуть терзавшихъ страну. Энергіею своею ему даже теперь еще удалось заставить уважать римское имя, хотя для этого ему и пришлось отказаться отъ единодержавія и назначить себѣ соправителей, раздѣливъ между ними имперію. Тѣмъ не менѣе честь древняго Рима погибла безвозвратно. Главною заботою правителей стало теперь охраненіе окраинъ государства, а такъ какъ Діоклеціанъ для этой цѣли перенесъ резиденціи въ другія мѣста, то Римъ на долго пересталъ быть мѣстопробываніемъ двора.

Но наврядли древняя столица въ первое время въ состояніи была понимать на сколько отъ этого умалилось ея значеніе. Богатая римская знать давно уже окружила себя такою непомѣрною роскошью, что даже во внѣшнихъ отношеніяхъ не замѣчалось въ городѣ отсутствія придворнаго великолѣпія, несмотря на то что оно преобразовано было императоромъ совершенно по образцу пышной обстановки восточныхъ царскихъ дворцовъ. Къ тому же, благодаря именно этой роскоши частныхъ людей, въ народѣ обращались такія громадныя суммы денегъ, что для него не былъ особенно чувствителенъ ущербъ который ему причиняло отсутствіе двора. Но истинно глубокою потерю для него было то, что Римъ съ этихъ поръ, только по преданію сталъ считаться столичнымъ и главнымъ городомъ и средоточіемъ могущественной имперіи, тогда какъ въ дѣйствительности, онъ низведенъ былъ на степень второкласснаго города.

Несмотря на могучую энергію съ какою Діоклеціанъ снова сплотилъ одряхлѣвшую имперію, ему однакоже суждено было дожить до быстрого разрушенія удивительнаго но вполне растроенаго внутри, созданія его собственннхъ рукъ. Онъ только политически сплотилъ государство страдавшее несравненно глубочайшими язвами, требовавшими высшаго врачеванія. Правда, что чл-

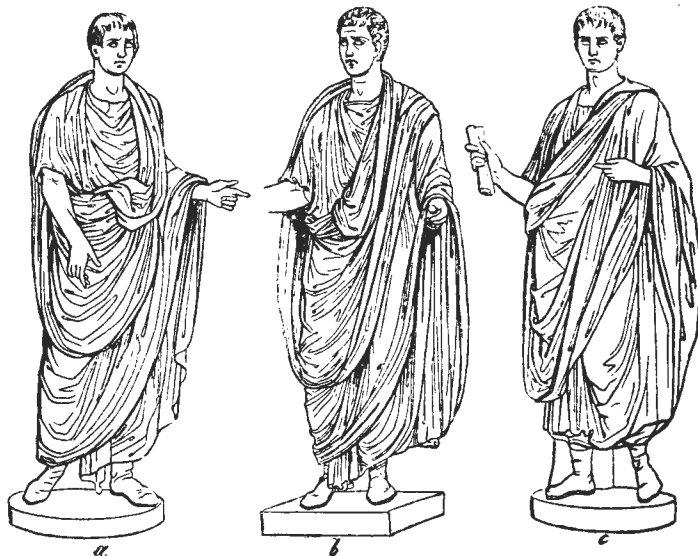
сто политическіе расчеты тоже руководили борьбою царскихъ сыновей (съ 306 по Р. Х.), довершившею распаленіе имперіи, и въ особенности ожесточенною войною Константина противъ Максенція, добивавшихся исключительнаго верховнаго владычества;—однакожь вскорѣ сюда вѣшался также вопросъ о духовной побѣдѣ христіанскаго ученія, распространявшаго живительное дѣйствіе свое подъ вѣшнимъ гнетомъ уже болѣе трехъ столѣтій. Только въ торжествѣ этого ученія таилась теперь единственная возможная точка опоры для возрожденія распавшагося внутренно и издыхавшаго римскаго міра. Константинъ вел. понялъ это, и вотъ почему ему удалось снова соединить въ одно цѣлое подъ свою державу римское государство; съ этихъ же поръ также строй римской жизни постепенно сталъ обновляться и преобразовываться, отдѣляясь все болѣе и болѣе отъ первобытныхъ своихъ народныхъ преданій. Различныя преобразованія начатыя Діоклеціаномъ и еще раньше Адріаномъ, какъ во внутреннемъ и вѣшнемъ управленіи государства, такъ и относительно придворнаго великолѣпія и церемоніала, военнаго устройства и многого другаго, все это теперь, при Константинѣ вел. приводилось въ строгій порядокъ на основаніи прочныхъ началъ. По примѣру предшественниковъ своихъ этотъ императоръ резиденцію свою учредилъ тоже вѣ Рима, и отчасти по стратегическимъ соображеніямъ для этой цѣли избралъ Византію—„Константинополь“,—городъ лежавшій на рубежѣ между Азіею и Европою. Вотъ почему все что исходило изъ этого города пріобрѣтало законную силу также въ отдаленныхъ провинціяхъ, такъ что подъ конецъ какъ въ нихъ, такъ преимущественно въ Римѣ, вполне господствующимъ сталъ византизмъ, распространившійся далеко во всѣхъ формахъ жизненныхъ отношеній „Новаго Рима“, каковымъ прозванъ былъ этотъ главный центръ имперіи.

Одежда.

Всѣ перемѣны совершившіяся въ жизни римскаго народа, начиная съ самаго ранняго и самобытнаго его развитія, вплоть до окончательнаго и полнаго его вырожденія, отразились явственно и соотвѣтственно вызвавшимъ ихъ обстоятельствамъ, какъ во всѣхъ вѣшнихъ отношеніяхъ его жизни, такъ и преимущественно въ его народной одеждѣ. Пока еще римскаго народа не коснулись иноземныя культурныя начала, пока еще онъ сохранялъ первобытную простоту нравовъ, сообразуясь съ природою страны въ которой онъ обиталъ, онъ довольствовался простою одеждою, какую вообще закаленнымъ натурамъ предписываетъ потребность собственной защиты. По этому въ древнія времена одежда римлянъ навѣрное лишь мало отличалась отъ одежды другихъ современныхъ имъ народовъ, и по всей вѣроятности ограничивалась болѣе или менѣе искусно приспособленными къ ихъ потребностямъ сырыми матеріалами, какіе съ одной стороны имъ доставляли стада, т. е. шкурами и шерстью животныхъ, съ другой стороны, но уже въ позднѣйшій періодъ, произведеніями земледѣлія, и вѣроятно сначала издѣліями изъ льна и пеньки. Такимъ образомъ одежда для обоихъ половъ, хотя наврядъ ли раньше употребленія пеньки, главнымъ образомъ состояла только изъ нижняго

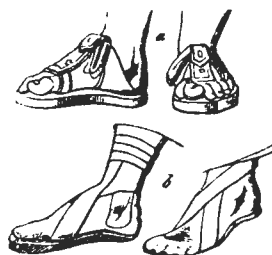
одѣянія, въ родѣ не очень длинной рубахи безъ рукавовъ надѣваемой на тѣло, и изъ плаща довольно просторнаго, отличавшагося вѣроятно еще въ это время особеннымъ національнымъ покроемъ, соответствовавшимъ климатическимъ условіямъ Лаціума. По всей вѣроятности въ продолженіе этого ранняго періода одежду женщинъ составляла главнымъ образомъ рубашка которая надѣвалась на тѣло — „туника“, и сверхъ того плащъ, тогда какъ мужчины исключительно носили плащъ — „тогу“. Этотъ широкій плащъ, составлялъ еще въ позднѣйшія времена единственную одежду строгихъ римлянъ, и закрывая тѣло отъ шеи до ногъ, вполне соответствовалъ римскимъ понятіямъ о приличіи. Впрочемъ, когда вслѣдствіе общей изнѣженности нравовъ туника вошла въ употребленіе также у мужчинъ, многіе изъ нихъ, сообразуясь съ тогдашнею модою, стали придавать тогѣ болѣе щегольской видъ относительно тонкости матерій и особаго расположенія складокъ, не измѣняя притомъ первоначальной ея формы (см. фиг. 1. а. с.).—За исключеніемъ „туники“ и „тоги“,

Фиг. 1.

этихъ въ сущности простыхъ одеждъ, въ упоминаемое нами теперь время у римлянъ была въ употребленіи еще двоякаго рода обувь, (см. фиг. 2. а.) состоявшая отчасти изъ сандалій подвязываемыхъ къ ногѣ завязками, отчасти изъ особеннаго рода невысокихъ босовиковъ („calceus“), (фиг. 2. см. b.) прикрѣпляемыхъ къ ногѣ такимъ же образомъ, и составлявшихъ въ сущности принадлежность тоги, а потому преимущественно носимыхъ мужчинами. Наврядли въ это время уже были въ употребленіи какіе-либо головные уборы, если таковыми не считать простыхъ покрывалъ какія носили женщины, быть можетъ въ знакъ своего замужества.

Фиг. 2.

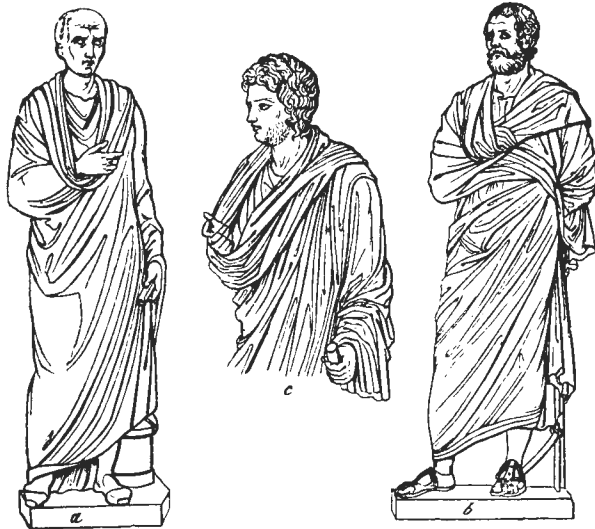

Однако, не далѣе какъ до начала пуническихъ войнъ удержалась эта простота одежды, которой въ особенности благопріятствовало еще и то, что натуральный бѣлый цвѣтъ матерій вообще предпочитался всякому искусственному окрашиванію ихъ въ пестрые цвѣта. Но вскорѣ послѣ этихъ войнъ, расширившихъ значительно кругозоръ римлянъ, у нихъ проявилась страсть къ болѣе богатымъ украшеніямъ и нарядамъ, въ особенности между женщинами. Въ 215 г. до Р. Х. страсть эта усилилась уже до такой степени, что народный трибунъ К. Опцій нашелся вынужденнымъ издать строгій законъ противъ роскоши, за которымъ вскорѣ послѣдовали другія, подобныяже предписанія.

Но, съ начала этихъ войнъ, и по мѣрѣ дальнѣйшаго распространенія на востокѣ владычества римлянъ, вмѣстѣ съ чистотою и строгостью нравовъ стало исчезать въ этомъ народѣ даже всякое серьезное желаніе сохранить древнюю народную одежду, не представлявшую уже въ его глазахъ достаточнаго украшенія. Обычная у римлянъ одежда,—рубашка и накидка, хотя и удержали первоначальную свою форму, но затѣ, какъ уже выше указано было по поводу тоги, измѣнились вообще въ отношеніе матеріи и способа украшенія.

Относительно измѣненій происшедшихъ въ формѣ одежды, замѣтимъ, что послѣ покоренія Эллады, тога съ принадлежавшимъ къ ней древнимъ кальцеусъ, мало-по-малу замѣняема была болѣе удобнымъ греческимъ „химатіонъ“, (см. фиг. 3. а—с) несмотря на то, что какъ тога, такъ и

Фиг. 3.

кальцеусъ, составляли исключительное отличіе свободного римлянина, обязательное для него даже во время путешествія, и что кромѣ того народъ, горясь такимъ преимуществомъ, величалъ себя „togati“, или „gens togata“. Но когда Августъ принялъ въ руки бразды правленія, упомянутая

чисто-национальная римская одежда совсѣмъ уже вышла изъ употребленія, такъ что этимъ императоромъ издано было предписаніе съ цѣлью возстановить ея значеніе, покрайней мѣрѣ какъ официальный костюмъ при „представленіяхъ“ (repraesentatio). Между тѣмъ, въ продолженіе времени среди римской знати вошли въ моду еще другаго рода легкія накидки, бывшія въ общемъ употребленіи у восточныхъ народовъ, такъ жг. пр. „хламида“ и „ласерна“; кромѣ того и мужская туника становится немного просторнѣе, и къ ней прибавляются большею частью рукава по локоть и длиннѣе. Многіе стали даже носить по нѣсколько туникъ одну надъ другою.—Еще замѣтнѣе измѣняется одежда римскихъ женщинъ, причеиъ главную роль играть преимущественно разнообразіе матерій.

При этихъ измѣненіяхъ, на разнообразіе матерій оказали значительное вліяніе главнымъ образомъ побѣдоносные походы римлянъ въ Азію, ознакомившіе ихъ съ богатствомъ многовѣковой, роскошной и художественной промышленности азіатцевъ. Кромѣ того вслѣдъ за Митридатовой войною, и окончательно по покореніи Египта въ 31 до Р. Х., передъ глазами римлянъ раскрылись немнѣе богатые источники торговли восточной Индіи. Такимъ образомъ, получаемыя изъ Египта льняныя, изъ Индіи тонкія бумажныя матеріи, и даже пользовавшіяся дурною славою флеровыя ткани, (см. фиг. 4) выписываемыя за весьма дорогую цѣну съ острововъ Коса и Аморгоса, вытѣснили исконныя шерстяныя матеріи изъ которыхъ приготовлялась одежда, и, какъ мы видѣли, преимущественно женское платье. Страсть къ роскоши находила сверхъ того приманку для себя въ персидско-индійскихъ шаляхъ, распространившихся въ Римѣ благодаря торговымъ сношеніямъ; потомъ и въ шелковыхъ матеріяхъ, хотя пестрота ихъ большею частію контрастовала съ натуральною бѣлизною народной римской одежды; — но въ особенности въ изобиліи индійскихъ драгоценныхъ камней, и главнымъ образомъ драгоценныхъ индійскихъ жемчужинъ. Долѣ всего удержалась туземная грубоватая матерія для мужской одежды, для „тоги“, хотя и эта матерія еще во времена республики должна была уступить мѣсто болѣе мягкимъ шерстянымъ тканямъ получавшимся изъ Милета и Самоса; цвѣтъ тоги впрочемъ за это время по видимому не измѣнился.

Фиг. 4.

Къ немощной расточительности на предметы роскоши, возросшей до крайности вслѣдствіе всего этого, присоединилась потомъ еще страсть щеголять шитыми золотомъ, или золототкаными, такъ называемыми атталійскими роскошными одѣяніями, и также настоящими пурпуровыми платьями, превосходившими по цѣнности своей всѣ прочія матеріи. Къ

концу республиканскаго періода, роскошь, въ особенности въ послѣднеупомянутыхъ матеріяхъ приняла уже такіе опасные размѣры, что Цесарь счелъ необходимымъ ограничить ее подробнымъ законоположеніемъ. Между тѣмъ страсть къ этимъ нарядамъ въ это время такъ усилилась, что ея уже нельзя было остановить никакими запрещеніями, и что съ этихъ поръ оставались даже мертвою буквою всѣ постановленія издаваемыя противъ роскоши почти каждымъ изъ послѣдовавшихъ императоровъ.

До такого пренебреженія своимъ народнымъ костюмомъ въ угоду иноземной одеждѣ, привозимой издалека, римскій народъ дошелъ подъ вліяніемъ развращавшаго нравы его азійствовавшаго эллинизма, когда съ Августа началось единоедержавіе. Хотя этотъ императоръ, судя по приведенному выше постановленію относительно римской тоги, какъ мы видели, старался возстановить по крайней мѣрѣ внѣшнее значеніе древненаціональной одежды, тѣмъ не менѣе попытка его не имѣла продолжительнаго успѣха. Самъ Августъ былъ настолько уже сыномъ своего вѣка, что не довольствовался даже для себя одною только туникою, но часто носилъ по четыре туники одну поверхъ другой. Все что ему еще удалось достигнуть, возбуждая быть можетъ гордость римлянъ, въ сущности ограничилось тѣмъ, что чисто-національный римскій плащъ (притомъ только мужской), при немъ сталъ болѣе приближаться къ греческому, нежели къ азійскому образцу, и сверхъ того остался по крайней мѣрѣ официальной одеждою. Впрочемъ, еще задолго до этого времени тщеславіе и страсть къ щегольству до такой степени овладѣли даже болѣе серьезными людьми, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. ораторъ Гортензіій, ежедневно проводили по нѣскольку часовъ передъ зеркаломъ убирая складки своихъ широкихъ тогъ. Про этого оратора разсказываютъ мж. пр., будто онъ подавалъ жалобу на какого-то чело-вѣка измывшаго по неосторожности въ толпѣ его одежду. Еще во время республики между мужчинами вошло въ моду щеголять множествомъ перстней, изящною завивкою волосъ и борода, и нерѣдко чрезвычайно дорогою обувью.

Съ другой стороны къ этому же времени и между женщинами высшихъ и богатыхъ сословій роскошь относительно рѣдкостныхъ матеріи и драгоценныхъ украшеній, тоже достигла до самыхъ крайнихъ предѣловъ, и если наравнѣ съ мужчинами онѣ пока еще придерживались по преимуществу греческихъ модъ, то главная тому причина та, что именно эти моды по отношенію къ женскимъ нарядамъ уже достигли чрезвычайной пышности. Къ тому же римлянки, утративъ постепенно всякое чувство стыдливости, съ возраставшею эманципаціею все болѣе вдали въ самыя постыдныя и низкія тонкости кокетства и изысканныя туалетныя тайны. Расточая такимъ образомъ часто несмѣтныя суммы на богатоукрашенные драгоценными камнями наряды, на серьги, ожерелья, діадимы, браслеты, пояса и преимущественно на настоящіе индійскіе перлы, онѣ тратили не меньшія суммы на нижнія одѣянія съ длинными хвостами и дорогою оборкою изъ широкихъ и богатыхъ бордюровъ, на накладки (часто съ узорами) изъ самыхъ тонкихъ матеріи, на развѣвующіяся покрывала изъ матеріи

похожей на газъ, на изысканную подвязную обувь и т. п. (см. фиг. 5). Для подживленья увядшихъ прелестей своихъ онѣ употребляли различнаго рода притирания и отчасти даже отвратительныя средства; точно такъ, дабы придавать больше красоты стану, онѣ прибѣгали къ различнымъ подвязкамъ и валикамъ, а недостатокъ волосъ, или даже лысины прикрывали либо косами, либо искусно сработанными париками, для которыхъ, по глупой прихоти тогдашней моды, волосъ получался даже отъ германскихъ народовъ. Главную роль играло здѣсь преимущественно разнообразіе головныхъ причесокъ, такъ что почти изодня-въ день возникали новыя формы уборовъ, и нерѣдко самыя диковинныя, вполне напоминающія рококо.

Фиг. 5.

Между тѣмъ, вся эта непомѣрная роскошь, достигнувшая такихъ крайнихъ предѣловъ къ Августову времени, была лишь блестящею прелюдіею къ поистинѣ чудовищной расточительности обнаружившейся при послѣдовавшихъ императорахъ и одновременно съ возраставшимъ богатствомъ капиталистовъ. Еще къ концу республики, лишь тотъ кто обладалъ вѣрнымъ капиталомъ по крайней мѣрѣ въ два милліона сестерцій (на нынѣшнія деньги 143,000 талеровъ) могъ считаться человѣкомъ съ достаткомъ; и тогда какъ, во времена Гракховъ, состояніе консула Публія Красса простиралось до 100 милліоновъ сестерцій, (около 7 милліоновъ талеровъ),—теперь же наличное состояніе многихъ денежныхъ спекуляторовъ увеличилось уже, въ противоположность массѣ, до такихъ размѣровъ, что нѣкоторые изъ нихъ, при всей непомѣрной расточительности своей не успѣвали даже впухъ разоряться. Такое богатство въ виду совершенно расшатанныхъ уже общественныхъ и нравственныхъ отношеній, неминуемо должно было окончательно уничтожить послѣдніе слѣды древнихъ нравовъ. Общество богатыхъ, утопавшее все болѣе и болѣе въ нѣгѣ, тратившее несмѣтныя суммы на сооруженіе дворцовъ, виллъ и садовъ, и въ особенности на устройство роскошныхъ пиршествъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе усвоивало себѣ чисто-азіятскую одежду, соотвѣтствовавшую вполне его образу жизни. Азіятская одежда впрочемъ была уже въ употребленіи между римскими женщинами, принявшими, какъ мы видѣли, давно уже болѣе роскошный костюмъ отъ гречанокъ которые еще со временъ Александра Македонскаго усвоили себѣ преимущественно костюмъ восточныхъ женщинъ. Такимъ образомъ въ послѣдующее за тѣмъ время римлянкамъ только оставалось удовлетворять страсти своей къ мотовству частою перемѣною драгоценныхъ матерій, или нагроможденіемъ на себя драгоценныхъ украшеній (см. фиг. 6. а—с), и въ этомъ отношеніи онѣ переступили окончательно всякія границы стыда и женской скромности. Если въ числѣ костюмовъ азіятскихъ женщинъ нѣкоторые явно рассчитаны были на возбужденіе низкой чувственности, то это отчасти извинялось положеніемъ этихъ невольницъ проводившихъ жизнь въ гаремахъ своихъ повелителей. Напротивъ того, рим-

скія женщины временъ имперіи, т. е. того времени въ которое „цѣломудріе скорѣе вмѣнялось въ укоръ, нежели прелюбодѣйство въ позоръ“, римскія жен-

Фиг. 6.

щины нисколько не стѣснялись носить подобныя соблазнительныя одежды даже въ обиходныхъ сношеніяхъ (фиг. 4). — Изъ сказаннаго нами видно что возвратъ къ древне-національной одеждѣ въ сущности можно было ожидать теперь уже развѣ только со стороны мужскаго пола.

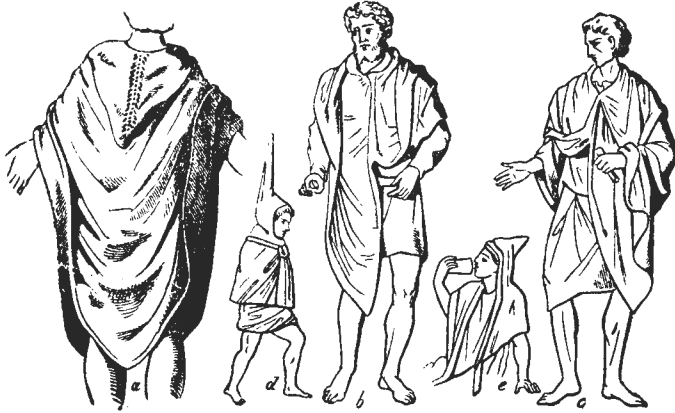
Фиг. 7.

Съ этихъ поръ обычная у мужчинъ туника умеренной длины тоже замѣняется другою, вполне азіятскаго образца, покрывающею все тѣло до ногъ, и снабженною рукавами, „*tunica talaris*“. (см. фиг. 7). Сверхъ того чисто римская тога, считавшаяся вообще еще со временъ Августа только стѣснительною парадною одеждою, утрачиваетъ даже и это официальное значеніе и окончательно уступаетъ мѣсто упомянутымъ уже выше иноземнымъ мантиямъ, — легкому „гиматію“, такъ называемой *toga graecanica*, и еще болѣе легкимъ накидкамъ какъ напр. „хламидъ“, *sagum* и *sagulum*; потомъ изящной „лацернѣ“ (*lascerna*), и наконецъ „пенулѣ“, (*paenula*), служившей хотя первоначально только для защиты тѣла, но въ послѣдствіе получившей болѣе роскошную от-

дѣлку (см. фиг. 8. а—b). Понятно что и въ женскихъ нарядахъ перемѣны эти не ограничивались одною только матеріею, но также простирались и на

Фиг. 8.

двѣтъ ихъ, равно и на обувь, и на рѣдкостные и цѣнные предметы украшенія, въ чемъ нѣкоторые модники даже старались перещеголять самыхъ отъявленныхъ франтихъ ¹.

Самый сильный толчекъ къ дальнѣйшему распространенію въ мужскомъ населеніи восточной одежды, поданъ былъ примѣромъ развратнаго Геліогабала, этого погрязшаго во всѣхъ порокахъ, бывшаго верховнаго жреца города Эмиссы, занявшаго въ 217 по Р. Х. многократно опозоренный римскій престолъ. Онъ самъ на столько сознавалъ женоподобный видъ пышнаго наряда своего, что счелъ умѣстнымъ предварительно ознакомить съ наружностью своею римскій народъ, повидимому достаточно уже развращенный и приглядѣвшійся къ азійщинѣ. Съ этой цѣлью передъ вступленіемъ своимъ въ Римъ императоромъ, въ храмъ богини побѣды, надъ жертвенникомъ, выставлена была по его приказанію картина, на которой онъ изображенъ былъ жрецомъ солнца, въ богатомъ, широкомъ и длинномъ, развѣвающимся и шитомъ золотомъ шелковомъ облаченіи. Голова его была покрыта высокою тіарою, золотымъ, конусообразнымъ колпакомъ, такимъ, какой обыкновенно носили персидскіе цари. Шея и руки были украшены золотыми ожерельями и браслетами богато обложенными перлами и драгоценными камнями; брови насурмлены и щеки раскрашены румянами и бѣлилами (Dio LXXIX. Herodian V).

Хотя въ виду такого поруганія человѣческаго достоинства, строгіе сенаторы, и навѣрно еще многіе другіе изъ высшихъ сословій, проникнуты были чувствомъ собственного глубокаго униженія, но противъ этого они ничего не могли дѣлать. Во время истинно безумнаго правленія этого императора, даже самыя знатныя римляне должны были считать за величайшую для себя честь

¹ Ср. въ особ. относящаяся сюда мѣста у С. Meiners. Geschichte des Verfalls der Sitten и пр. стр. 150 и сл.

когда имъ дозволялось прислуживать главѣ государства при процессіяхъ и празднествахъ, одѣтые съ головы до ногъ въ пышный финикійскій костюмъ. Между тѣмъ, то что теперь исполнялось только по принужденію, мало-по-малу стало дѣломъ обычнымъ и общимъ подъ растлѣвающимъ господствомъ этого развратника. Къ тому же и прежде еще нѣкоторые императоры, какъ имп. пр. сумасбродный Калигула показывались публично римскому народу въ вышитыхъ одѣяніяхъ и разряженными на подобіе женщинъ.

Начиная съ этого времени почти до конца царствованія бережливаго Аврелиана (270—275), роскошь у римлянъ преимущественно обратилась на шелковыя матеріи и издѣліи которыя добывались ими за несмѣтныя суммы изъ далекой восточной страны, изъ „Серикума“ (Sericum). Подобныя матеріи хотя и появлялись въ всемірномъ городѣ еще задолго до этого періода, и вѣроятно еще въ эпоху греко-азійскихъ войнъ, но составляли постоянно исключительную рѣдкость, небывалой, неимовѣрной цѣны. Въ то время только самымъ богатымъ людямъ были доступны полу-шелковыя матеріи subserica, или такъ называемыя „holoserica“, матеріи неуступавшія по цѣнѣ предидущимъ, но въ которыхъ основа состояла изъ какой-либо ткани, и лишь утокъ изъ настоящаго шелка. Шелкъ-сырецъ, или „metaxa“, равно также пряденый шелкъ, „metasericum“, вошли формально въ употребленіе вѣроятно не задолго до начала царствованія Геліогабала. До этого времени высшіе классы вѣроятно довольствовались по большей части еще готовыми шелковыми одѣяніями, въ томъ видѣ какъ онѣ имъ доставлялись, но съ введенія шелка-сырца возникла и самостоятельная обработка этого матеріала. Пышность уномянутаго императора, носившаго постоянно одежды изъ чистаго шелка, способствовала развитію этой роскоши, распространившейся до самой эпохи Аврелиана въ значительныхъ размѣрахъ среди знатныхъ Римлянъ, не смотря даже на то, что въ это время шелкъ еще продавался на вѣсъ золота.

Непомѣрное и безпутное мотовство истощившись, такъ сказать, до пустоты, на дорогіе предметы роскоши востока, почти въ одинаковой мѣрѣ между мужчинами какъ и женщинами, подъ конецъ, у тѣхъ и у другихъ обратилось въ настоящую жажду къ новизнамъ, и внесло въ область моды даже тѣ рѣзкія особенности, коими отличались костюмы инородцевъ, германцевъ, галловъ, испанцевъ и вообще всѣхъ „варварскихъ племенъ“. Нѣкоторые изъ прежнихъ императоровъ неримской крови, изъ врожденной привязанности къ родинѣ своей, ввели между римлянами различныя иноземныя одежды, такъ имп. пр. „Каракалла“, получившій это прозвище по его галльской одеждѣ. Однако, лишь послѣ смерти Аврелиана римляне повидимому стали чаще мѣнять костюмъ, нося то смѣшанную, то „варварскаго покроя“ одежду. Такъ напр. (Florjan. Hist. Aug. с. 3.) рассказываютъ о Тацитѣ, этомъ строгомъ и достойномъ преемникѣ Аврелиана, что онъ велѣлъ изобразить себя на одной картинѣ въ пяти различныхъ костюмахъ, изъ чего можно заключить, что въ то время этому приписывали особенную важность.

Весьма естественно что при такой, такъ сказать, почти маскаральной, страсти къ нарядамъ, римляне мало-по-малу усвоили себѣ также обычное

съ давнихъ поръ между придунайскими народами, равно и галльскими и британскими племенами—мужское нижнее платье или штаны. Въ римскомъ войскѣ эта часть одежды, въ видѣ обтяжныхъ штановъ по колѣно, была почти во всеобщемъ употребленіи еще со временъ сѣверныхъ войнъ, но начиная съ упоминаемой здѣсь эпохи, штаны, почитаемые строгими древними римлянами положительно противными ихъ достоинству, по видимому вошли въ моду даже въ общественной и городской жизни. По крайней мѣрѣ достоверно извѣстно, что во всѣхъ войскахъ въ продолженіе времени до Константина вѣл., эти короткіе штаны замѣняемы были шароварами, и что Гонорій, занявшій въ 395 г. императорскій престолъ въ западной имперіи, запретилъ римскимъ гражданамъ носить штаны внутри городской черты. (см. ф. 9.)—У знатныхъ, между тѣмъ, благодаря возраставшей слабости и изнѣженности, вошли въ употребленіе кромѣ того теплые набрюшники, длинные шейные шарфы и т. п.

Фиг. 9.

Діоклеціану, при вступленіи на престолъ пришлось заняться гораздо болѣе важными дѣлами, чѣмъ реформою одежды. Между тѣмъ, отъ него не укрылось, что при томъ чувственномъ растлѣніи въ какомъ онъ засталъ римскій народъ, именно внѣшняя представительность имѣла громадное значеніе. Въ виду этого, главнымъ образомъ, онъ окружилъ себя всею пышностью восточной придворной обстановки, удовлетворяя этимъ при томъ же и вполне азіятскому вкусу римской знати. Соответственно тому онъ сталъ впредь тщательно избѣгать всякаго сношенія съ своими прежними друзьями, и все болѣе и болѣе удалялся большого свѣта. Всякій кто къ нему приближался, долженъ былъ передъ нимъ падать ницъ; его окружали многочисленные евнухи. Пурпуровая мантия, составлявшая при прежнихъ императорахъ (за исключеніемъ развѣ немногихъ сумасбродныхъ правителей), почти единственное

наружное отличіе ихъ царскаго достоинства, замѣняема была шелковыми, шитыми золотомъ пурпуровыми отдѣніями; къ этому теперь прибавились и богато унизанная жемчугомъ и камнями обувь; бѣлая, украшенная перлами головная повязка; золотые браслеты и пр. Эта чисто азіятская пышность стала теперь официальной для царскаго наряда, и въ этомъ значеніи нарядъ этотъ перешелъ къ Константину вел., который къ нему прибавилъ еще больше дорогихъ украшеній.

Въ непосредственной связи съ преобразованіями введенными Діоклеціаномъ при дворѣ и въ придворномъ церемоніалѣ, предпринято было и преобразование внутренняго управленія и гражданскихъ чиновъ по образцу военнаго, отразившія также на внѣшней формѣ одежды. Императоръ слѣдовалъ и здѣсь одинаковымъ побужденіямъ, въ особенности въ отношеніи къ гражданскому управленію. Дабы по возможности поднять духъ римскаго народа онъ не находилъ средства болѣе дѣйствительнаго, какъ учрежденіе однообразно организованной и крѣпко связанной внутри себя бюрократіи, представлявшей въ глазахъ массы, по внѣшнему устройству своему строго подчиненную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и замкнутую корпорацію. Безъ сомнѣнія еще въ первыя времена римской государственной жизни уже существовали нѣкоторыя форменныя отличія, но съ царствованія Августа, и благодаря въ особенности развившемуся въ послѣдствіе въ низшихъ классахъ стремленію къ равноправности, эти внѣшнія отличія до такой степени обобщились въ народѣ, что императоръ Северъ рѣшился установить опредѣленную форменную одежду. Упоминаемыя форменныя отличія (инсигніи) въ первыя времена составляли: — для сенаторовъ, бѣлая туника украшенная по срединѣ спереди широкою продольною полосою, такъ называемая „*tunica laticlavia*“, эта туника не подвязывалась поясомъ вокругъ поясицы; для всадниковъ, подобная же туника, украшенная двумя пурпуровыми полосами, „*tunica angusticlavia*“, сверхъ того мантия, общая какъ для сенаторовъ, такъ и для всадниковъ, и обшитая кругомъ пурпуровою каймою, „*toga praetexta*. Потомъ, въ позднѣйшее время для должностныхъ лицъ, напр. диктатора, консула, претора, квестора и пр. отчасти таже обшита кругомъ мантия, отчасти накидка совершенно пурпуроваго цвѣта, или (напр. для консуловъ, при вступленіи ихъ въ должность), драгоценная парадная одежда, состоявшая изъ богато вышитой „*tunica palmata*“ и „*toga picta*“, съ украшенною золотомъ обувью, и скипетромъ.—¹ Всѣ эти форменныя отличія теперь либо совершенно были оставлены, либо измѣняемы по отношенію къ украшениямъ. Измѣненіе это однако коснулось по видимому не столько приведенной сейчасъ консульской одежды, которая съ этихъ поръ стала обдѣлываться еще роскошнѣе, (фиг. 10; срав. фиг. 52), но скорѣе бордюръ на упомянутыхъ туникахъ двухъ родовъ, и здѣсь въ особенности именно простой пурпуровой полосы, или такъ называемаго „*latus clavus*“ на служебной сенаторской туникѣ.² Если прослѣдить изображенія на памятникахъ римскихъ государ-

¹ См. Внѣшн. бытъ народовъ и пр. II, стр. 307. — ² Иначе я не могу объяснить себѣ различія между описываемымъ древними писателями „*latus clavus*“, и изображаемымъ на позднѣйшихъ памятникахъ.

ственныхъ мужей и другихъ частныхъ лицъ, или даже на памятникахъ извѣстныхъ знатныхъ римлянокъ, сохранившихся въ значительномъ количествѣ за позднѣйшее время, то не остается почти никакого сомнѣнія, что приблизительно до начала четвертаго вѣка господствующею модною одеждою была туника обшитая двумя полосами (см. фиг. 11. а. б.). Официальный „*latus clavus*“ напротивъ, превратился въ четырехугольный по большей части и темнопурпуроваго цвѣта платъ, болѣе или мене украшенный золотымъ шитьемъ, соответственно положенію облеченнаго имъ лица, и который только прикрѣплялся къ плащу. (см. фиг. 12. фиг. 53). Кромѣ того до временъ Константина вел., при которомъ въ сущности только вполнѣ установилось указанное внѣшнее измѣненіе, вошли также въ употребленіе широкіе

Фиг. 10.

Фиг. 11.

(пурпуровые?) шарфы носимые черезъ плечо, составлявшіе особенный знакъ отличія (фиг. 13. а. с.).

По мѣрѣ уклоненія римскихъ нравовъ отъ первоначальной простоты, затронуты были общимъ ходомъ развитія костюма тоже болѣе тѣсныя и, такъ сказать, чисто общественныя отношенія жизни. Такимъ образомъ мало по малу установился обычай содержать цѣлыя ватаги богато наряженныхъ невольниковъ, и вошло въ моду при круговыхъ пиршествахъ

носить различныя, смотря по времени года, дорогія общественныя одежды. Мода не пощадила даже траурной одежды, которая въ продолженіе имперіи, изъ бывшаго прежде въ употребленіи темнаго траурнаго платья превратилась въ свѣтлое и даже бѣлое.

Фиг. 12.

Точно такъ сталъ исчезать и стародавній почтенный брачный нарядъ подъ кучку произвольно выбранныхъ пышныхъ нарядовъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе общество привыкало смотрѣть на бракъ лишь какъ на необходимое зло.

Въ такой же степени обнаружилось это уклоненіе отъ обычаевъ старины даже въ наиболѣе чувствительной сторонѣ государственной жизни, въ римскомъ войскѣ, въ которомъ мало по малу сталъ исчезать древній, тяжелый и дѣйствительно не очень удобный способъ вооруженія. Обычное вѣроят-

но еще въ доисторическое время, и заимствованное быть можетъ у Этрусковъ, оборонительное вооруженіе, состоявшее изъ цѣльныхъ латъ, стало мало по малу выходить изъ употребленія еще въ первыя времена республики, вслѣдствіе постоянно возрастающей численности войска и сопряжен-

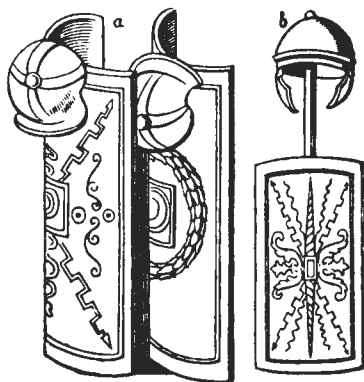
Фиг. 13.

ныхъ съ этимъ расходомъ. Это дорого стоявшее вооруженіе было упрощаемо, по крайней мѣрѣ для нижнихъ чиновъ арміи, еще въ продолженіе вѣнъ Цесаря, и окончательно при установленіи императорской власти. Въ этомъ видѣ оно состояло преимущественно изъ широкихъ металлическихъ полосъ обхватывавшихъ спину и грудь, такихъ же металлическихъ наплечниковъ, отчасти

же изъ кожаныхъ куртокъ, иногда тоже изъ короткаго чешуйчатаго панциря, или изъ заимствованной отъ Галловъ рубахи, составленной вѣроятно изъ мелкихъ металлическихъ колецъ. Въ замѣнъ бывшихъ прежде въ употребленіи, и вѣроятно также заимствованныхъ отъ Этрусковъ, мѣдныхъ шлемовъ, въ этоже время введены были въ войскахъ кожаныя шапки, обложенныя только металлическими полосами; и вмѣсто прежнихъ любимыхъ войскомъ большихъ, круглыхъ щитовъ, отчасти длинныя, полуцилиндрическіе (см. фиг. 14), отчасти же небольшіе круглыя и овальныя щиты, какъ кажется, въ подражаніе греческимъ образцамъ. Такимъ же образомъ, хотя и не въ равной степени, измѣнилось тоже нападательное оружіе. Сюда прежде всего надо отнести совершившееся послѣ Камилла превращеніе древняго метал-

Фиг. 14.

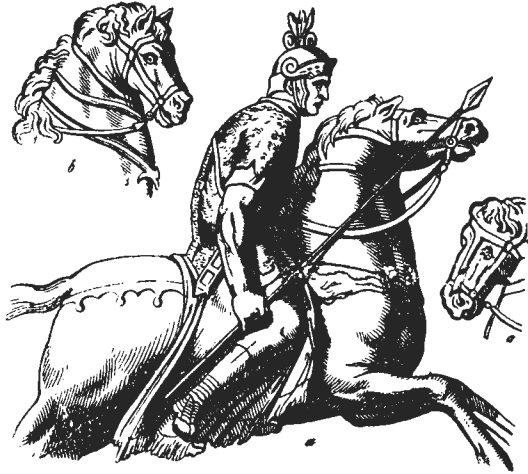
тельного копья, въ извѣстномъ въ послѣдствіи грозный „пилумъ“ (pilum). Послѣ пуническихъ войнъ въ римскомъ войскѣ къ древнему мечу прибавленъ былъ испанскій, такъ называемый „gladius hispanus“, и сверхъ того, но лишь со временъ Веспасіана, вошло въ обычай носить кромѣ меча еще короткій ножъ, вслѣдствіе чего мечъ, носимый дотолѣ на лѣвомъ бедрѣ, и замѣненный упомянутымъ ножомъ, теперь уже прикрѣплялся къ правому бедру. — Въ противоположность измѣненіямъ происшедшимъ въ вооруженіи войска, въ самой воинской одеждѣ не произошло значительной перемѣны, если не считать отдѣльнаго извѣстія о томъ, что римскіе войска въ древнѣйшія времена постоянно сражались въ высокоподобранныхъ тогахъ. Одежда эта до новѣйшихъ временъ состояла, со включеніемъ упомянутыхъ выше (стр. 13) штановъ, изъ обыкновенной короткой туники, (къ которой въ послѣдствіе прибавлены были длинныя рукава), потомъ изъ накидки въ родѣ плаща, по большей части четырехугольной формы, такъ назыв. „sagum“, и подвязной обуви подбитой гвоздями.

Таково было вооруженіе римлянъ когда Траяну, благодаря его таланту полководца, удалось хотя съ величайшими усиліями еще разъ поднять духъ войска на такую высоту, о которой оно почти не мечтало со временъ Августа. Впрочемъ, это было, такъ сказать, послѣднее внешнюю древней побѣдоносной силы этого войска. Послѣ смерти знаменитаго императора, и еще въ царствованіе миролюбиваго Адріана, стало снова обнаруживаться прежнее безсиліе римскаго войска, и тѣмъ болѣе, что этотъ воинственный духъ въ немъ возбужденъ былъ искусственнымъ образомъ.

Съ этихъ поръ мало по малу стали исчезать болѣе тяжелыя части вооруженія, бывшія въ общемъ употребленіи въ войскахъ еще при Траянѣ. Когда потомъ Адріанъ, отчасти изъ тщеславія, разрѣшилъ конницѣ присоединенной имъ къ главному войску, къ „легіону“, носить желѣзные вызолоченныя шлемы съ забраломъ и краснымъ панашемъ, и вмѣсто бывшихъ прежде въ

ходу массивныхъ панцирей, красные „кимерійскіе“ кафтаны съ украшеніями, и тому подобныя излишества (см. фиг. 15; фиг. 16); то вскорѣ и въ нис-

Фиг. 15.

шихъ частяхъ войскъ отягощавшее ихъ оборонительное вооруженіе замѣняемо было отчасти кожаными или войлочными куртками, отчасти легкими „паннонійскими“ шакалами (фиг. 17). Подъ конецъ однако войска, все болѣе и болѣе изнѣживаясь, стали уже ограничиваться почти только малымъ круглымъ щитомъ да многочисленными, присвоенными имъ металлическими почетными значками (фиг. 18. а. б.), и даже предпочитали всякаго рода оборонительному вооруженію одежду хотя и бесомнѣнно удобнѣйшую, но не представлявшей для нихъ защиты отъ непріятеля (см. фиг. 9 стр. 13).

Фиг. 16.

имущественно ограничивались тогою, „*toga praetexta*“. (стр. 14). Такимъ образомъ жреческіе атрибуты, такъ сказать, сами собою перешли изъ тѣснаго круга религіознаго и обрядоваго воззрѣнія въ область чисто государственной жизни, и потому уже не могли надолго сохранить первоначальнаго значенія, что римскій пантеизмъ искони охотно вос-

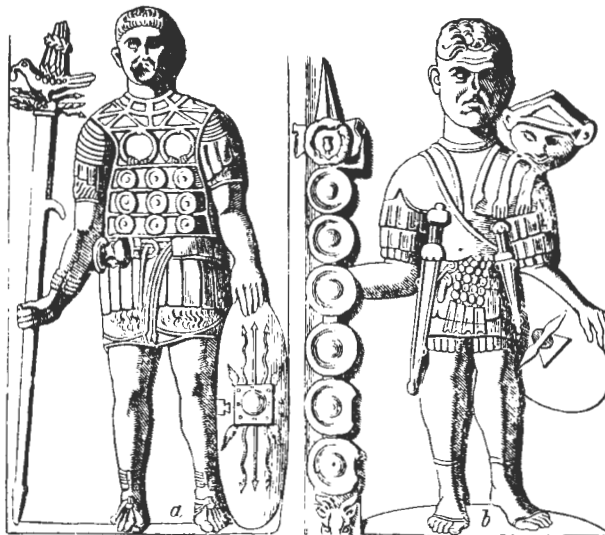
принималъ иноземные культы и ихъ безразлично примѣшивалъ къ собственнымъ системамъ вѣрованія. Съ одной стороны, вѣдствие упомянутого

Фиг. 17.

смѣшеніе божествъ, и потомъ, главнымъ образомъ по причинѣ все болѣе возрастающаго оттого отрицанія всякаго истиннаго вѣрованія вообще въ угоду пышнымъ и чувственнымъ среднеазійскимъ и египетскимъ куль-

Фиг. 18.

тамъ, какъ надо полагать, стали отчасти или даже совершенно исчезать упомянутыя внѣшнія отличія, теряясь въ разнообразіи богатыхъ орнаментовъ переселившихся въ Римъ жрецовъ иноземныхъ культовъ.

Утварь.

Одновременно съ развитіемъ одежды усовершенствовалась тоже обдѣлка утвари, хотя здѣсь именно, быть можетъ еще раньше нежели въ костюмѣ, выказывалось непосредственное вліяніе промышленной дѣятельности древнихъ Этрусковъ, достигнувшей еще въ незапамятныя времена значительной степени процвѣтанія. Предположеніе это оправдывается по крайней мѣрѣ тѣмъ, что римляне никогда самостоятельно не занимались ремеслами, за исключеніемъ немногихъ промысловъ какъ напр. суконщиковъ, составлявшихъ вѣроятно съ давнишнихъ временъ даже особый цехъ, такъ называемое *collegium textorum ranni*⁴, потомъ сукноваловъ „fullonia“, красильщиковъ, кожевниковъ и сапожниковъ, занимавшихся почти сплошь только изготовленіемъ предметовъ одежды. Хотя нѣкоторые римскіе писатели кромѣ того упоминаютъ о гончарномъ и мѣдномъ производствахъ, существовавшихъ тоже уже давно, но повидимому едвали эти ремесла въ такой ранній періодъ уже достигли значительнаго совершенства. Такимъ образомъ, если еще въ доисторическое время у Римлянъ встрѣчалась различнаго рода утварь, носившая дѣйствительно высшій художественный характеръ, то нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что этими предметами они обязаны были промышленности Этрусковъ, о раннемъ развитіи которой по части обдѣлки всякаго рода матеріаловъ свидѣлствуютъ многочисленныя вещи, найденныя при раскопкахъ. Въ послѣдующее за тѣмъ время римляне главнымъ образомъ пользовались произведеніями покоренныхъ ими восточныхъ народовъ, преимущественно греческими и азіатскими роскошными издѣліями. Восточныя войны, увеличивъ значеніе Рима какъ главнаго города, вмѣстѣ съ тѣмъ распространили въ немъ вскорѣ и роскошь, чему въ особенности содѣйствовали искусныя ремесленники, преимущественно восточные греки, переселившіеся послѣ этихъ войнъ въ Римъ. Такимъ образомъ римлянамъ стали доставляться на мѣстѣ предметы, которые дотолѣ они пріобрѣтали единственно путемъ торговыхъ сношеній, что впрочемъ нисколько не помѣшало расточительной и тщеславной знати и впредь выписывать предметы роскоши изъ заморскихъ странъ, хотя и съ несравненно большими расходами.

Относящійся сюда поворотъ въ древнеримскихъ нравахъ выказывается впервые около 290 г. до Р. Х. въ щегольствѣ серебряными и столовыми приборами. Безъ сомнѣнія, такое хвастовство сначала проявлялось лишь въ одиночныхъ случаяхъ и скромныхъ размѣрахъ, но тѣмъ не менѣе оно на столько казалось уже опаснымъ правительству, строго наблюдавшему еще въ то время за нравами, что для противодѣйствія роскоши приняты были серьезныя мѣры еще въ томъ же году и потомъ въ 277-мъ. Но, съ упоминаемой здѣсь эпохи строй римской жизни все болѣе уклонялся отъ первобытной простоты, такъ что всѣ мѣры какія принимало правительство, равно и изданныя имъ позднѣйшія постановленія противъ роскоши не принесли ни малѣйшей пользы. Вопреки строгости съ которою эдилы слѣдили за исполненіемъ предписанія запрещавашаго серебряныя издѣлія, — изъ которыхъ въ силу стариннаго обычая исключены были только солоница и жертвенныя чаши, — во время Суллы, съ 83 по 79 г. до Р. Х., въ одномъ только Римѣ насчитывалось до 150 серебряныхъ блюдовъ, каждое въ 100 фунтовъ вѣсу и съ худо-

жественными украшениями. Цѣнность подобной утвари сверхъ того возрастала смотря по работѣ и степени художественной отдѣлки, и если къ тому еще такое произведеніе сдѣлано было рукою какого либо древняго знаменитаго мастера, то цѣна нерѣдко въ десять и даже восемнадцать разъ превосходила дѣйствительную стоимость металла.

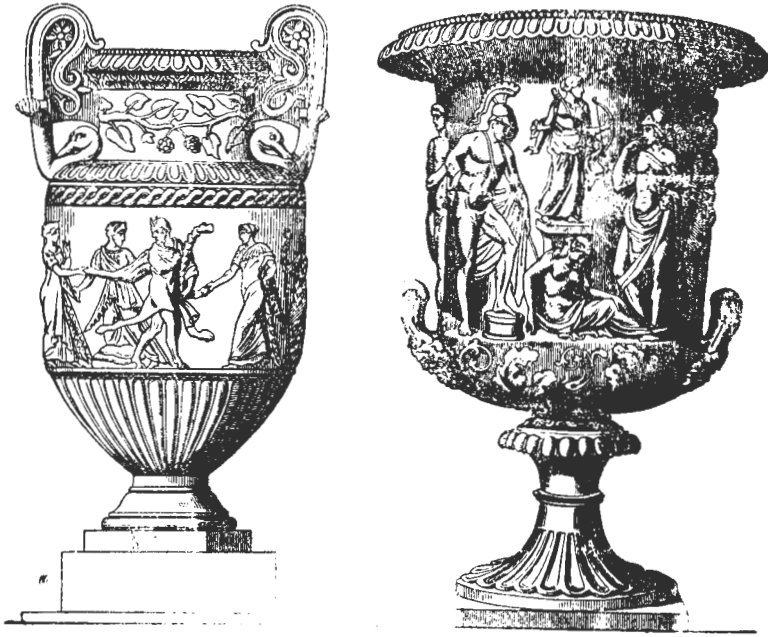
Однакожь, на этомъ не остановилась страсть къ роскоши распространившаяся среди богатыхъ классовъ. Глубоко укоренившееся между ними мнѣніе, что достоинство человѣка опредѣляется преимущественно значительностью внѣшняго обладанія, довело расточительность до того, что вмѣсто бронзовой кухонной утвари, стали употреблять серебряную, а потомъ даже вошла въ употребленіе столовая утварь изъ чистаго золота и золотыя сосуды, богато украшенные рѣзными камнями. Эта непомерная расточительность приняла потомъ такіе опасные размѣры, что для противодѣйствія ей еще Тиверіемъ изданъ былъ особый законъ. Впрочемъ, мѣра эта не помогла, какъ уже выше было сказано, и законъ тѣмъ менѣе могъ считаться обязательнымъ на будущее время, что, за исключеніемъ немногихъ бережливыхъ императоровъ, позднѣйшіе правители многократно подавали примѣръ самаго безумнаго мотовства этого драгоценнаго металла ¹.

О подобной же крайней роскоши относительно другаго разряда утвари свидѣлствуютъ, нестолько многочисленныя извѣстія у древнихъ писателей, сколько въ особенности значительное количество хорошо сохранившихся предметовъ, отличающихся большею или меньшею художественностью отдѣлки, и сработанныхъ, соотвѣтственно ихъ назначенію, либо изъ драгоценныхъ камней и цвѣтнаго стекла, либо, по значительности размѣровъ своихъ, изъ алебастра, мрамора, гранита, и пр. Вся эта утварь, и въ особенности упомянутая сейчасъ, обнимаетъ собою всевозможныя формы; отъ простыхъ плоскихъ и глубокихъ ваннъ, до чашъ съ ножкою или безъ таковыхъ, и отъ этихъ послѣднихъ до „урнъ“, отличающихся разнообразнѣйшими формами и выпуклостью, и до чашеобразныхъ „вазъ“ съ двумя ручками (фиг. 19 а—b). Не имѣя возможности вдаваться въ болѣе обстоятельное изложеніе упомянутой выше утвари, мы ограничимся описаніемъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ драгоценныхъ, (включая сюда же и вещи изъ дорогаго камня и стекла). Сюда принадлежатъ прежде всего, кромѣ различныхъ небольшихъ вырѣзанныхъ изъ оникса „бальзамарій“, на подобіе фіаловъ (украшенныхъ отчасти довольно выпуклыми рельефными фигурами), великолѣпная чаша изъ цѣльнаго куска агата, хранящаяся въ настоящее время въ Вѣнѣ. Ваза эта есть самое большое изъ извѣстныхъ античныхъ сосудовъ въ этомъ родѣ сдѣланныхъ изъ этого матеріала; глубина ея въ четыре съ половиною дюйма, при діаметрѣ въ двадцать восемь дюймовъ съ половиною, включая сюда и обѣ красивыя ручки; несчитая ихъ, поперечникъ равняется двадцати двумъ дюймамъ. Но такъ какъ эта ваза, какъ мы сказали, единственный дошедшій до насъ сосудъ такихъ большихъ размѣровъ изъ подобнаго камня, то весьма трудно опредѣлить, насколько достовѣрны извѣстія

¹ Такъ иж. пр. разсказываютъ завѣрно что тщеславная Поппея, Неронова жена, приказала подковывать золотыми гвоздями жуловъ возившихъ ея дорогаго вѣлесницы.

сообщаемыя нѣкоторыми римскими писателями о сосудахъ изъ оникса, не уступавшихъ объемомъ „хіоскимъ виннымъ бочкамъ“. Между тѣмъ, судя именно по упомянутой нами вазѣ, можно полагать, что при господствовавшей въ позднѣйшее время страсти къ роскоши, дѣйствительно были въ употреб-

Фиг. 19.

леніи сосуды гораздо большіхъ размѣровъ изъ такихъ же дорогихъ породъ камня, и что эти сосуды быть можетъ по временамъ даже служили для необходимыхъ потребностей. Впрочемъ, по многочисленнымъ извѣстіямъ упоминающимъ о роскоши римлянъ въ этотъ періодъ видно, что они преимущественно любили щеголять посудою употреблявшеюся при пиршествахъ, и главнымъ образомъ сосудами въ которыхъ подавались напитки. Въ этомъ отношеніи расточительность римлянъ не знала границъ. По склонности своей ко всему необыкновенному, они мало-по-малу отъ образцовыхъ греческихъ, чистыхъ и красивыхъ формъ перешли къ тяжелымъ и причудливымъ формамъ среднеазійскихъ гончарныхъ издѣлій, и даже платили громадныя суммы за совершенно простыя посудины, лишь бы онѣ носили отпечатокъ рѣдкости, какъ напр. за „мурринеискія вазы“, введенныя въ Римъ Помпеемъ. Какъ примѣръ, до какой степени доходила эта страсть, укажемъ на одно мѣсто у Плинія, гдѣ этотъ писатель говоритъ, что консуль Титъ Петроній и Неронъ, за бокаль изъ такого матеріала заплатили не менѣе трехъ-сотъ талантовъ, т. е. приблизительно 800,000 талеровъ. Само собою разумѣется, что относительно предметовъ изъ менѣе цѣннаго матеріала, какъ напр. сосудовъ изъ бѣлаго или цвѣтнаго стекла, требовалось преимущественно художественная отдѣлка. О высокой степени совершенства до какой доведено было стеклодѣльное мастерство въ эту эпоху вѣроятно александрійскими

художниками, свидѣтельствуя многочисленные обломки плавленнаго цвѣтнаго стекла, и болѣе или менѣе хорошо сохранившіеся великолѣпные сосуды, въ томъ числѣ извѣстная „Портландская ваза“ въ Лондонѣ, не уступающая по роскошной отдѣлкѣ своей драгоценной камей, и нѣсколько экземпляровъ изящныхъ, и какъ-бы сквозныхъ, небольшихъ бокаловъ, такъ называемыхъ „diatreta“⁴. (фиг. 20. а—b),

Фиг. 20.

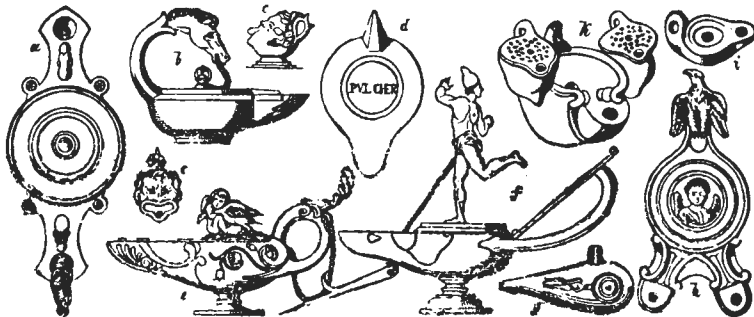

Понятно, что роскошь о которой мы сейчасъ говорили, простиралась также и на прочіе предметы, какъ домашняго, такъ и внѣшняго комфорта¹. Она овладѣла положительно всеми отдѣльными частями утвари, начиная съ самыхъ незначительныхъ, мелчайшихъ укладочекъ, напр. въ родѣ уцѣлѣвшей маленькой коробки четвертаго столѣтія выбивной работы изъ серебра, (фиг. 20 с—d)², до комнатной мебели, и вошедшихъ въ послѣдствіи въ общее употребленіе носилокъ и городскихъ повозокъ. Тогда какъ въ прежнія времена римляне, благодаря незначительному развитію обиходной домашней жизни, довольствовались вообще немногочисленною и довольно простою мебелью, у нихъ послѣ восточныхъ войнъ нѣкоторымъ образомъ стали потребностью кресла и стулья самой различной формы, застольные диваны съ обиліемъ подушекъ, поставцы и столы разнаго рода, двустворчатые шкафы, большіе и малые сундуки, лари и ящики, и во всемъ этомъ, вмѣстѣ со множествомъ принадлежностей для освѣщенія и нагрѣванія дома и пр., требовалась самая богатая орнаментовка. Относительно матеріала изъ котораго при-

¹ См. Внѣшн. бытъ народовъ и пр. II. Фиг. 519 и сл.—² Впервые обнаружено S. D'Agincourt. Denkm. der Sculptur. таб. IX. ср. A. Böttiger. Sabina. Morgenstunden im Putzzimmer einer reichen Römerin. Leipzig. 1806. I. стр. 61 и сл. таб. III. и IV.

готовлялись названные предметы, то кромѣ бронзы выбирались преимущественно благородные металлы и рѣдкія породы дерева. По части орнаментовки требовались въ особенности, либо сильно выпуклыя, литыя или художественно вычеканенныя украшенія, либо плоскія инкрустаціи серебромъ, золотомъ, слоновою костью, черепахою и разноцвѣтнымъ деревомъ. Въ этомъ отношеніи мотовство достигло такихъ же крайнихъ размѣровъ какъ въ упомянутой выше страсти къ рѣдкимъ сосудамъ, и преимущественно ко всей той утвари которая требовалась при пиршествахъ, какъ-то, застольнымъ диванамъ, столамъ и пр. Такъ, нж. пр. по рассказамъ того же Плинія, Цицеронъ, (хотя и не принадлежавшій къ числу самыхъ крупныхъ богачей), заплатилъ миллионъ сестерцій (около 71,000 талеровъ), за не очень большой столъ изъ цѣльнаго ствола такъ называемаго „цитрусъ“ (citrus), дерева изъ породы кипарисовъ, растущаго въ сѣверной части Африки; у Сенеки, обладавшаго еще бѣльшимъ богатствомъ, было не менѣе пятисотъ малыхъ столиковъ. Такъ какъ освѣщеніе составляло необходимую принадлежность при пиршествахъ, то нужные для этого приборы также отдѣльвались по возможности роскошно. Для этого представляли особенное удобство, нестолько вмѣстителища для масла или лампы, сколько самыя стойки, или подставки, на которыхъ онѣ помещались. (фиг. 21. а—к). Изъ такихъ подставокъ выработалась безъ со-

Фиг. 21.

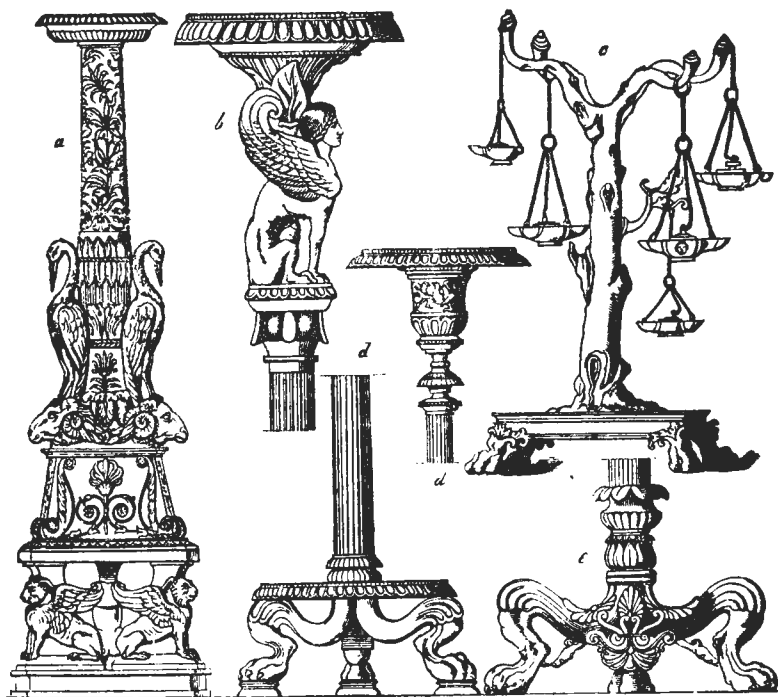

мѣнія уже рано самостоятельная форма канделябровъ, по всей вѣроятности по этрусскимъ образцамъ (фиг. 22 а—с).

Употребленіе носилокъ и повозокъ для перемѣщенія внутри города, хотя, какъ мы уже сказали, вошло въ моду лишь въ позднѣйшую эпоху, но благодаря этому обстоятельству названные предметы съ самаго начала стали весьма удобнымъ средствомъ для вишняго выказа богатства. Прежде всего мода овладѣла носилками, заимствованными отъ азіятцевъ, и составлявшими еще въ самыя древнѣйшія времена предметъ особенной роскоши. За то долго еще, и даже при развратныхъ императорахъ, всеобщему распространенію городскихъ повозокъ препятствовали запрещенія, изданныя въ разное время. Между тѣмъ, хотя въ силу этихъ постановленій, кочи, въ видѣ отличія, отдѣльнымъ, высокопоставленнымъ должностнымъ лицамъ предоставлялось право пользованія городскими колесницами, до нѣкоторой степени стѣснялось употребленіе таковыхъ частными лицами, тѣмъ не менѣе, изъ этого уже видно, что употребленіе колесницъ внутри города

никогда вполне не прекращалось. Впрочем, быть можетъ, что упомянутое запрещеніе относилось вообще только къ особннымъ разрядамъ ко-

Фиг. 22.

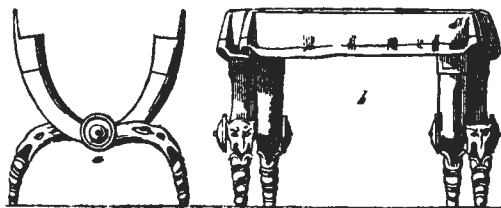
лесницъ, дозволеннымъ должностнымъ лицамъ, но не распространялось и на всѣ прочіе рода повозокъ.

Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ достоверно то, что у знатныхъ и изнѣжившихся римлянъ временъ имперіи, между которыми даже вошло въ моду прикидываться слабыми,¹ были въ употребленіи различнаго рода двуколесныя повозки, заимствованныя ими преимущественно отъ грековъ, отчасти также отъ бриттовъ и галловъ. Впрочемъ, позднѣйшіе римскіе писатели вполне подтверждаютъ сказанное выше о непоумѣрной роскоши богатыхъ относительно городскіхъ колесницъ украшенныхъ золотомъ и слоновою костью, лошадей и упряжи. Такъ мж. пр. рассказываютъ про Нерона, что колесницы его украшены были самыми рѣдкими драгоцѣнными камнями.

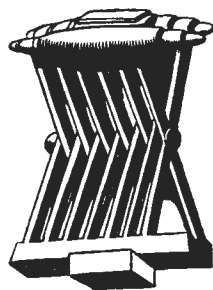
¹ Частенько эти нѣженки не давали себѣ даже труда, самимъ подойти къ столу или носилкамъ, но заставляли нести себя туда на тюфякахъ на которыхъ поклонились. Но когда они рѣшались пользоваться собственными ногами, то всегда опирались на невольниковъ, между тѣмъ какъ впереди ихъ шли другіе, напоминавшіе имъ о незначительныхъ возвышеніяхъ, или углубленіяхъ почвы, ибо этимъ господамъ слишкомъ было тяжело самимъ смотрѣть подѣ ноги. Сенека издѣвается надъ однимъ изъ подобныхъ изнѣженныхъ господъ, который, послѣ того какъ былъ отнесенъ изъ бани въ носилки невольниками, къ нимъ обратился съ вопросомъ: точно-ли онъ уже усѣлся? до такой степени утратилъ онъ сознаніе своего положенія, если самъ на себя не напускалъ такую забывчивость. С. Meiners. Gesch. des Verfalls der Sitten в пр. стр. 157 и сл.

Само собою понятно, что сравнительно съ утварью употребляемую частными людьми, еще роскошнѣе отдѣлывались и украшались такіе предметы, которые ближе относились къ жизни государственной, и составляли такъ сказать, официальную утварь. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ установленные преимущественно Цесаремъ, различные знаки царскаго достоинства. Прежде всего и какъ кажется еще при Діоклеціанѣ, этомъ покровителѣ восточной пышности, обращено было вниманіе на соответствовавшую императорскому сану, и по возможности роскошную, отдѣлку „золотога“ троннаго кресла, „*sella aurea*“. Весьма вѣроятно что при этомъ случаѣ также преобразованы были всѣ вещественные знаки отличія сановниковъ, и въ особенности присвоенныя послѣднимъ съ давнихъ временъ почетныя сѣдалища, въ томъ числѣ такъже роскошно украшенное кресло высшихъ сановниковъ, такъ называемая „*sella curulis*“ (курульное кресло), при чемъ однако нисколько не была измѣняема установленная преданіемъ для этого кресла форма складнаго стула, сдѣланнаго изъ слоновой кости (фиг. 23).

Фиг. 23.

Фиг. 24.

Сѣдалища высшихъ сановниковъ „*subsellia*“, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, сохранили форму простаго „*faldistorium*“, т. е. складнаго стула (фиг. 24).

Во всей этой официальной роскоши въ сущности всетаки соблюдался известный порядокъ, обусловливавшійся различными разрядами государственныхъ должностей. За то роскошь и расточительность достигали крайнихъ своихъ предѣловъ при всѣхъ празднествахъ которыя правительство давало народу, какъ-то при триумфвхъ, игрищахъ, торжественныхъ погребальныхъ шествіяхъ и пр. Несмѣтныя суммы тратились на предметы для декораціи, и не рѣдко на какой либо одинъ изъ нихъ, какъ напр. на богато украшенныя колесницы, какихъ обыкновенно заготовлялось за разъ значительное количество или на дорогія подвижныя машины и т. п. ¹.

Страсть къ роскоши и мотовству, усилившаяся до нельзя особенно при позднѣйшихъ императорахъ, почти вовсе не коснулась цѣлаго разряда утвари, именно той, которая преимущественно служила для пользы общества, какъ

¹ Любопытныя свѣдѣнія относящіяся къ этому предмету см. у G. Semper. Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten и пр. Frankf. a. M. 1860 I. стр. 289 и сл. смотри также Внѣшн. бытъ народовъ и пр. II. стр. 360 и сл.

напр. многочисленныхъ орудій для охраненія безопасности города, (къ коимъ послѣ Траяна присоединенъ былъ и пожарный снарядъ), потомъ многосложныхъ военныхъ снарядовъ и орудій. На все это отпускались повидимому только крайне необходимыя суммы. Извѣстно также, что римляне, этотъ народъ созданный какъ будто для войны, военные снаряды свои заимствовали отъ грековъ, не прибавивъ къ нимъ отъ себя никакихъ важныхъ улучшеній. Такое поразительное явленіе опятьтаки объясняется глубокимъ упадкомъ духа того времени, породившаго въ противоположность расточительности, низкую зависть, алчность и скупость доходившую до скряжничества, въ самыхъ знатныхъ людяхъ и даже императорахъ; такія качества, которыя выступали часто самымъ яркимъ образомъ тамъ, гдѣ менѣе всего ихъ слѣдовало ожидать ¹. Римляне въ эту пору вообще предавались мотовству уже главнымъ образомъ только изъ личныхъ интересовъ, либо для удовлетворенія политическихъ цѣлей, либо изъ прихоти и тщеславія, не заботясь притомъ нисколько о благѣ и нуждахъ государства и народа. Между тѣмъ какъ, такимъ образомъ, правительство съ одной стороны, не затрудняясь приносило въ жертву за разъ доходы цѣлыхъ провинцій на учрежденіе народныхъ игръ и на пышную обстановку празднествъ въ честь какого-либо божества, съ другой, все быстрѣе развивалось подъ наружнымъ лоскомъ всеобщее растлѣніе, коимъ глубоко проникнуты были всѣ слои римскаго общества.

Среди разлагавшагося строя римскаго міра, которому ничего лучшаго въ будущемъ не предвѣщали многочисленные и уже выродившіеся культы, перешедшіе въ Римъ съ востока, Христіанство, съ самаго появленія своего приобрѣло себѣ приверженцевъ, тѣсно соединенныхъ между собою несмотря на различіе состояній ². Но хотя это новое, христіанское ученіе съ его чисто нравственными началами, всею силою стремилось измѣнить къ лучшему все старое, тѣмъ не менѣе по самому характеру своему оно не могло въ то же время оказать рѣшительнаго вліянія также на внѣшнія формы и явленія жизни т. е. на костюмъ. По сущности своей христіанство не желало, и даже не могло тогда еще приобрѣсти такого вліянія при шаткомъ положеніи своемъ въ виду язычества. Притомъ же это новое ученіе отнюдь-не вытекало изъ общаго римскаго духа, но подобно многочисленнымъ другимъ религіямъ было перенесено въ Римъ съ Востока, и послѣдователями его были люди которымъ приходилось не только исподоволь къ нему готовить себя, но и въ самихъ себѣ неустанно поборать элементы древняго народнаго вѣрованія. Прибавимъ къ этому, что въ самомъ Римѣ (какъ и во всѣхъ

¹ Ch. Meiners. *Gesch. des Verfalls der Sitten u. n. p. c. r. p.* 182. — ² G. I. Plank. *Geschichte der christlich kirchlichen Gesellschaftsverfassung.* Hannov. 1803. в с. 5 томовъ. Еромѣ. *Gesch. des Christenthums in der Periode seiner ersten Einführung in die Welt durch Iesum und die Apostel.* Götting. 1818. A. Neander. *Gesch. des Pflanzung und Leitung der christl. Kirche durch die Apostel.* Hamb. 1832. Еромѣ. *Allg. Gesch. der christl. Religion und Kirche.* Hamb. 1826—29. L. Gieseler. *Lehrb. der Kirchengesch.* 1824—1840. Краткія вложенія у К. Haase. *Kirchengesch.* Leipz. 1834. A. Christiani. *Gesch. des Christenthums.* в пр. Quedlingburg. 1835. C. Iudae. *Gesch. der. christl. Kirche.* Berlin 1838.

прочихъ общинахъ), впервые обратились въ христіанство отнюдь не высшія сословія, задававшія между тѣмъ исключительно тонъ, но главнымъ образомъ низшіе, угнетаемые ими слои населенія, и что въ послѣдствіи, когда многіе изъ принадлежавшихъ къ высшимъ сословіямъ тоже присоединились къ христіанской общинѣ, и ей угрожало жестокое гоненіе, члены ея естественно должны были тщательно скрывать всякій отличавшій ихъ внѣшній знакъ. Вотъ почему, въ виду такого бѣдственнаго положенія, христіане въ эту эпоху вынуждены были ограничиваться пока извѣстными, имъ однимъ только понятными, отличительными знаками или символами. ¹ Главными отличительными знаками они избрали для себя, прежде всего крестъ, какъ прямое указаніе на средоточіе исповѣдуемой ими вѣры, т. е. на сущность самого Христа; затѣмъ, монограмму Христова имени въ разныхъ видахъ (фиг. 25).

Фиг. 25.

и потомъ, кромѣ нравственныхъ отвлеченностей въ родѣ изображенія „добраго пастыря“ и пр.; также „рыбу“ (ΙΧΘΥΣ), напоминавшую имя „Христа“ (Χριστός) ². Въ остальномъ, какъ мы сказали, христіане во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ своихъ по возможности оставались вѣрны общепринятымъ обычаямъ. Сверхъ того христіанство навѣрно еще до половины третьяго вѣка пріобрѣло много такихъ послѣдователей, которыхъ скорѣе привлекала новизна христіанскаго культа, или ожиданіе какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ, но отнюдь не добровольное отреченіе отъ свѣтскихъ наслажденій жизни.

Сказанное нами подтверждается наглядно не только многими писателями того времени, въ числѣ коихъ нѣкоторые даже принадлежали къ христіанству, но преимущественно значительнымъ числомъ памятниковъ первыхъ временъ, изображеній и изваяній, открытыхъ въ мѣстахъ погребенія первыхъ христіанъ, въ катакомбахъ Рима и Неаполя. ³ Если только остатки эти

¹ См. объ этомъ въ особ. F. Münter. Sinnbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen. Altona 1825. (Helmsdörfer) Christliche Kunstsymbolik und Ikonographie. Frankf. a. M. 1839. M. Didron. Iconographie chrétienne etc. Paris 1845. Его же: P. Durand. Manuel d'iconogr. chrétienne. etc. Paris 1845. у Guènebauld. Dictionnaire iconogr. Paris. 1845. F. Piper. Mythologie und Symbolik. der christl. Kunst von der ältesten Zeit bis ins 16 Jahrhundert. Bd. I. Weimar 1847. Его же: Über den christl. Bilderkreis. Berlin 1852. Потомъ упоминаемая далѣе сочиненія о катакомбахъ. — ² Скорѣе потому, что въ греч. словѣ ΙΧΘΥΣ заключаются начальныя буквы пяти словъ Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ т. е. Исусъ Христосъ Бога Сынъ Спаситель. S. Aug. De civit. Dei XVIII. 25. — ³ Кромѣ прежнихъ сочиненій A. Bosio. Roma sotterranea etc. Roma. 1650. P. Aringhi. Roma subterranea etc. и извлеченій изъ послѣдняго у Seroux D'Agincourt. Sammlung von Denkmälern der Architectur, Sculptur und Malerei etc. Пересмотр. A. F. v. Guast. Frankf. a. M. 3 Bd. смотри въ особенности C. F. Bellermann. Über die ältesten christl. Begräbnisstätten etc. Katakomben zu Neapel etc. съ 12 табл. Hamb. 1839, и потомъ росское издание L. Perret. Catacombes de Rome. Architecture, peintures, etc. etc. Paris 1853. 5 томовъ въ листъ Сочиненіе G. M. (Marchi) Monumenti delle

относятся къ тому періоду времени о которомъ идетъ рѣчь, то судя по нимъ, слѣдуетъ заключить, что ни мужская ни женская одежда, ничѣмъ не различилась отъ общеупотребительнаго въ эту эпоху въ Римѣ костюма того и другаго пола. ¹ И здѣсь тоже преобладаютъ большею частью длинное и широкое нижнее одѣяніе, съ длинными рукавами и двойною каймою, ² равно также замѣнившая тогу давно уже греческая накидка, отличающаяся несравненно большею легкостью. Единственная перемѣна сравнительно съ прежнимъ временемъ (стр. 5), заключается развѣ въ различномъ способѣ надѣванія этихъ одеждъ, (дѣйствительномъ или только кажущемся, на изображеніяхъ? не беремся рѣшать), такъ что мужчины стали носить обѣ названныя одежды, женщины же напротивъ, (исключая плаща) только одну тунику, или еще чаще, нѣсколько (цвѣтныхъ) нижнихъ одеждъ (фиг. 26. а — с; ср. фиг. 11 а. в). Какъ бы то ни-было, но если

Фиг. 26.

на нѣкоторыхъ стѣнныхъ изображеніяхъ нижнее платье составляетъ одинаково одежду мужчинъ, какъ и женщинъ, то надо полагать, что первые тѣмъ не менѣ преимущественно носили рубашку и плащъ. По это-

arti christiane primitive etc. Roma. 1844 и сл. мнѣ извѣстно только по архитектурному отдѣлу, ср. оцѣнку этого труда въ Stuttgarter Kunstblatt. годъ 1848 стр. 13 и сл.—
¹ Хотя самыя раннія числа встрѣчаемыя на надписяхъ въ катакомбахъ относятся уже къ 150-му, и даже 237-му годамъ, а самое позднее число, къ консульству императора Юстина, т. е. 568-му г., тѣмъ не менѣ не подлежитъ сомнѣнію, что еще во второмъ вѣкѣ катакомбы стали общими мѣстами погребенія и что въ нихъ тогда еще христіане поклонялись гробамъ мучениковъ, хотя и нельзя опредѣлить время, долголи катакомбы служили для этой цѣли; ср. F. Bellermann. Über die ältesten christl. Begräbnisstätten стр. 43. и сл.; потомъ Karl Schnaase. Gesch. der bild. Künste im Mittelalter. I. (Düsseldorf 1844) стр. 57.—
² Если на нѣкоторыхъ изображеніяхъ, какъ мж. пр, на фиг. 26 а, в, поясъ не проходитъ по параллельнымъ полосамъ, и вслѣдствіе этого намъ представляются какъ бы двѣ одежды—нижняя туника, и надѣтый сверху ей, открытый спереди кафтанъ,—то это слѣдуетъ приписать, либо небрежному исполненію первоначальнаго рисунка, либо, съ большею правдоподобностью, непониманію позднѣйшаго рисовальщика характера этихъ изображеній, впрочемъ большею частью уже не узнаваемыхъ теперь. Фиг. 11 с. даетъ объ этомъ полное и наглядное понятіе.

жудо, по всей вѣроятности, названный костюмъ въ изобразительномъ искусствѣ сталъ какъ бы типическою одеждою священныхъ лицъ (ср. фиг. 27 а — с).¹ Прочая одежда употребляемая христіанами была совершенно

Фиг. 27.

сходна съ одеждою язычниковъ въ Римѣ; стало быть: у мужчинъ — отчасти упомянутые иноземные плащи (стр. 10), какъ объ этомъ свидѣл-

Фиг. 28.

ствуютъ еще другія изображенія (фиг. 28), отчасти же заимствованные отъ восточныхъ народовъ штаны, (стр. 13), а у женщинъ, кромѣ общей какъ у мужскаго, такъ и у женскаго пола раepula,² прочія бывшія въ употребленіи между римскими женщинами одѣянія (стр. 8 и 9). Понятно что и здѣсь одежда отдѣлялась болѣе или менѣе роскошно, смотря по состоянію и прихоти отдѣльныхъ лицъ, такъ что, вѣроятно также внутри христіанской общины нисшія сословія являлись сравнительно въ бѣдной одеждѣ (фиг. 29 а—d), а богатые классы въ одеждѣ соответствовавшей ихъ состоянію. Между украшеніями на одеждѣ людей зажиточныхъ, кромѣ упомянутыхъ уже параллельныхъ полосъ, и нерѣдко довольно яркихъ цвѣтовъ, преобладали также неболь-

¹ Ср. иж. пр. L. Perret. Catacombes I. таб. XXIX; III таб. LVIII. — ² L. Perret. Catacombes. I. таб. XXXIV.

шіе разноцвѣтные, кругообразные орнаменты (фиг. 30 а — с; ср. фиг. 11. с.) ¹ по общепринятой молѣ. Впрочемъ и между христіанами, но

Фиг. 29.

въ особенности между христіанскими женщинами, страсть къ роскош-

Фиг. 30.

нымъ нарядамъ была на столько развита, что вызвала самую беспощадную обличенія со стороны строгихъ писателей во второмъ и третьемъ

¹ По предположенію S. Agincourt, (sculpt. въ текстѣ къ таб. IX фиг. 7), кругообразные орнаменты на нижнемъ краѣ туникъ, въ первые вѣка составляли отличіе «Diaconissae» и «Diaconissae».

столѣтія, какъ напр. Климента александрійскаго и Тертулліана. ¹ Такъ иж. пр. первый изъ нихъ, ² обращаясь къ женщинамъ говорить, что—„еслибы имъ пришлось продать свое тѣло, онѣ за него не выручили бы и тысячи аттическихъ драхмъ (1 др. = $\frac{1}{4}$ талера прибол.), и потому, издерживая на одно платье до тысячи талантовъ (1 тал. = 1375 талерамъ прибол.), онѣ этимъ свидѣтельствуютъ, что сами по себѣ онѣ и бесполезныѣ, и менѣе стоятъ, чѣмъ ихъ платье“; а далѣе, по поводу страсти ихъ къ дорогимъ пурпуровымъ ³ нарядамъ, онѣ говорятъ: „стыжусь, видя какія суммы бросаются для прикрытія наготы“.

Точно такъ какъ въ общественной жизни христіане не отличались внѣшностью одежды, такъ въ продолженіе этой эпохи, повидимому у нихъ и не существовало особеннаго служебнаго облаченія ⁴. Хотя еще до исхода втораго столѣтія въ средѣ этой общины, установились особенныя духовныя степени, тѣмъ не менѣе такой іерархическій порядокъ основывался пока только на личномъ достоинствѣ, и не былъ связанъ ни съ какою внѣшнею обрядностію ⁵. Все что изъ вышесказаннаго можно заключить по отношенію къ одеждѣ, развѣ то, что если случайнымъ образомъ эти избранные принадлежали къ знатному или богатому классу людей и потому естественно, одѣвались роскошнѣе, благодаря этому какъ будто освящалась эта одежда, и удерживала такое значеніе тоже при преемникахъ ихъ. Впрочемъ, быть можетъ что еще въ то время, для благолѣпія клира кѣмъ-либо изъ членовъ христіанской общины, приносились въ даръ подобныя одѣянія. Но въ обоихъ приведенныхъ нами случаяхъ, эти духовныя облаченія наврядъ-ли въ чемъ либо разнились отъ общепринятой въ то время модной и парадной одежды. То-же самое надо сказать и о бѣлыхъ одѣяніяхъ, употреблявшихся по преимуществу при извѣстныхъ церемоніяхъ. Хотя есть при-

¹ Ср. относ. сюда извлеченія у D. J. Schotel. *Bydrage tot de Geschiedenis der Kerke-lije en wereldlijke Kleeding*. Sgravenhage. 1856. Hoofdstuk IV. стр. 58. Многое также еще у A. Böttiger. *Sabina*. Leipz. 1806.—² Clemens von Alexand. *Pädag.* II. 10 стр. 205 A.—³ Ср. A. Schmidt. *Die griech. Papyrusurkunden* derk. Bibliot. zu Berlin. Berl. 1842. стр. 175 и сл.—⁴ Въ числѣ новѣйшихъ сочиненій о развитіи священнослужительской одежды христіанъ, слѣдуетъ въ особенности назвать: Victor Gay. *Vêtements sacerdotaux* (со мног. рис.) *Dictionnaire des Annales archéol.* Paris 1844. S. 61 и сл. II. 37. IV. 354. VI. 155. VII. 143. VIII. 64. XVII. 227 и 348. J. Schotel. *Bydrage etc.* Hoofdstuk IV *De liturgische Kleederdragt der grieksche en romeinsche Kerk.* F. Bock. *Gesch. der liturgischen Gewänder des Mittelalters etc. etc.* in Rücksicht auf Stoff, Gewebe, Farbe, Zeichnung, Schnitt und rituelle Bedeutung. Bonn. 1859. I. стр. 413 и сл. Dr. Hefele. *Die Kirchenbekleidungen in den ersten drei Jahrh.* (въ поременномъ изд.: *Kirchenschmuck*. Архивъ для женск. руководъля. XII. 7 стр. декабря 1858) Другія, отчасти роскошно иллюстриров. изд. см. въ слѣдующей главѣ при разборѣ развитія духовныхъ облаченій. Между тѣмъ слѣдуетъ и здѣсь уже привести нѣкоторыя изъ болѣе пространныхъ сочиненій о христіанской археологій. J. C. W. Augusti. *Denkwürd. aus der christl. Archäologie*. Leipzig. 1817—1831. 12 томовъ; его же. *Handb. der christl. Archäol.* (Вновь приведенное въ порядокъ и значительно исправленное извлеченіе изъ достопамятностей христіанск. археологій). Leipzig. 1836. 3 тома. C. Schöne. *Geschichtsforschungen über die kirchl. Gebräuche und Einrichtungen der Christen*. Berlin 1819—1822. 3 тома. съ грав. A. I. Binterim. *Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten der christ-katol. Kirche aus den ersten, mittlern und letzten Zeiten*. Mainz 1821—1825. 5 томовъ. F. H. Rheinwald. *Die Kirchl. Archäologie*. съ 2 литогр. табл. Berlin. 1830. W. Siegel. *Handb. der christl. kirchl. Alterthümer* Leipzig 1835. Другія, отчасти монографич. вспомог. сочиненія см. дальше.—⁵ Ср. J. C. W. Augusti *Handb. der. christl. Archäol.* (Извлеченіе I. стр. 177.

мыя указанія что христіане при крещеніи преимущественно носили бѣлую одежду, и такую же надѣвали на новокрещенныхъ по совершеніи надъ ними обряда, ¹ тѣмъ не менѣе этотъ обычай нельзя считать чисто христіанскимъ учрежденіемъ, такъ какъ и у язычниковъ праздничная одежда была также бѣлаго цвѣта. Впрочемъ, точныя правила на этотъ случай выработались повидимому лишь постепенно, и получили законную силу, по всей вѣроятности только когда христіанство уже приобрѣло вполне обезпеченное и твердое положеніе, т. е. собственно не ранѣе какъ въ царствованіе Θεодосіа великаго, съ 380-го года. Но и послѣ этого, наврядъ-ли священническое облаченіе ранѣе исхода шестаго, или начала седьмаго вѣка достигло той полноты, которая, за нимъ потомъ удержалась у всѣхъ христіанскихъ священнослужителей до самой реформаціи.

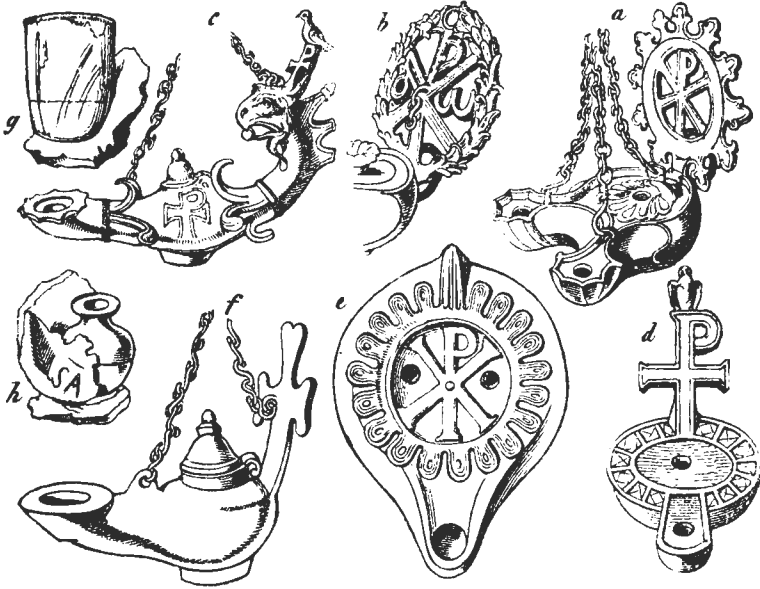
Въ заключеніе замѣтимъ, что христіанство въ продолженіе этой эпохи, не коснувшись нисколько костюма, точно такъ и не оказало никакого вліянія на утварь. Въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ немногихъ аскитовъ отказавшихся отъ богатствъ, христіане, слѣдовали тоже, смотря по состоянію своему, общему стремленію къ роскоши. Подтверженіемъ тому служатъ опятьтаки, какъ и по поводу роскошныхъ одѣяній христіанъ, тѣже обличенія упомянутыхъ выше церковныхъ учителей, ² потомъ и приведенная нами также уже драгоценная туалетная шкатулка изъ серебра (фиг. 20 с — d), принадлежавшая повидимому христіанкѣ, а можетъ быть составлявшая даже свадебный ея подарокъ ³.

Не въ такой уже степени выказывается стремленіе къ роскоши въ многочисленныхъ предметахъ утвари, найденныхъ въ катакомбахъ, и носящихъ несомнѣнный характеръ христіанскаго происхожденія. Причина тому, безъ всякаго сомнѣнія, съ одной стороны, что еще съ древнѣйшихъ временъ подземелья эти подвергались разграбленію изъза спрятанныхъ въ нихъ богатствъ, а потомъ были заброшены; съ другой стороны, что по затруднительному доступу въ эти развѣтвляющіяся по всѣмъ направленіямъ подземныя пространства, христіане ихъ избрали для себя какъ безопасныя мѣста погребенія, и въ нихъ собирались для богослуженія въ такія времена, когда христіанская вѣра подвергалась гоненіямъ. На это указываютъ главнымъ образомъ всѣ найденные въ катакомбахъ предметы, хотя какъ въ общемъ, такъ и въ отдѣльности, вся эта утварь ни въ чемъ не обличаетъ „типически-христіанскаго“ характера отдѣлки, отступающаго отъ общепринятыхъ въ то время формъ. Въ этомъ отношеніи единственное, въ чемъ уже проглядываетъ христіанскій духъ, это въ примѣненіи монограммы Христа (фиг. 25) въ видѣ орнамента, и помѣщаемой на различнаго рода утвари, либо какъ пластическое украшеніе, либо только въ очертаніяхъ. Въ такомъ видѣ мж. пр. представлена монограмма I. Христа преимущественно на многочисленныхъ

¹ Н. Rheinwald. Die kirchl. Archäologie. стр. 306. прим. 2. J. C. W. Augusti. Handbuch der christlichen Archäologie (извлеченіе) II. 415. — ² Ср. относящаяся сюда мѣста изъ Тертуліана и Климентя александрійскаго въ соч. A. Böttiger. Sabina, oder Morgenscenen im Putzzimmer einer reichen Römerin. Leipzig. 1806. — ³ См. впрочемъ F. Pieper Mythologie und Symbolik der christl. Kunst II. стр. 186—194.

найденныхъ лампадахъ ¹ (фиг. 31 а—f) и стеклянныхъ сосудцахъ (фиг. 31 g—h); въ числѣ коихъ бокалы ² служившіе христіанамъ вѣроятно

Фиг. 31.

при „агапахъ“, ³ сверхъ того еще украшены либо плоскими (вплавленными въ самое дно ихъ), золотыми и серебряными фигурами съ черными очерта- ніями, либо отдѣланы въ родѣ упомянутыхъ нами уже прежде „сквозныхъ“ стеклянныхъ сосудовъ (ср. фиг. 20 а—b). — Кромѣ нѣкоторыхъ простыхъ сѣдалищъ ⁴ высѣченныхъ непосредственно въ стѣнахъ катакомбъ, да мно- гихъ каменныхъ саркофаговъ, ⁵ вся утварь открытая въ катаком- бахъ ограничивается сосудами, болѣе или менѣе простой отдѣлки, изъ бронзы или обожженной желтой и красной глины; ⁶ потомъ различнаго рода ремесленными орудіями изъ бронзы, ⁷ въ числѣ коихъ нѣкоторые предметы признаны были за орудія самоистязанія, какъ напр, связки въ ро- дѣ бичей съ маленькими шариками у концевъ, и въ особенности прутья, съ оконечностями на подобіе птичьихъ когтей. Наконецъ, тамъ же найдены нѣ-

¹ Ср. кромѣ прилагаемыхъ здѣсь фигуръ, рисунки у L. Perret. Catacombes etc. Томъ IV. таб. II. V. IX. XV. XVI. XIII. XIX. —² Капитальное соч. по этому предмету: P. Buonarotti. Osservazioni sopra alcuni frammenti di vasi antichi di vetro, ornati di figure, trovati ne'cimeteri di Roma. Firenze 1714; потомъ F. Bellermann. Über die ältesten christl. Begräbnisstätten. стр. 54 и сл. и изобр. у L. Perret, въ прив. м. Томъ IV. табл. XII. XVI. XVIII. XXI. до XXIV, XXX до XXXIII. —³ Объ агапахъ (или вечерахъ любви) см. въ особ. H. Rheinwald. Die Kirchl. Archäologie. стр. 31. и сл. J. C. W. Augusti. Handb. der christl. Archäologie (извлечение) I. стр. 43. и сл. и пр. —⁴ L. Perret. Catacombes. Томъ II. табл. XIV. и сл. —⁵ См. въ особ. P. Aringhi. Roma subterranea, и извлечение изъ этого сочиненія у S. D'Agincourt. Sculptur. таб. IV. и сл. —⁶ L. Perret. Catacombes. Томъ IV. таб. VI, X, XI. —⁷ Тамъ же въ прив. м. таб. XIV.

которые предметы для украшенія, также дѣтскія игрушки довольно грубой отдѣлки, состоящія изъ маленькихъ подвижныхъ куколъ изъ слоновой кости, ¹ и обломки другихъ, трудно объяснимыхъ предметовъ. Однакожъ, изъ всѣхъ этихъ вещей, не смотря на особый формальной ихъ отпечатокъ, быть можетъ значительнѣйшая часть принадлежитъ уже къ позднѣйшей эпохѣ, вѣроятно ко времени отъ конца четвертаго столѣтія, до паденія западно-римской имперіи, въ 476 г., и отчасти даже еще къ позднѣйшему времени. Точныхъ чиселъ по этому предмету мы не можемъ представить, ибо, хотя, какъ уже было замѣчено, съ перенесеніемъ двора въ Византію здѣсь положительно стали возобладать восточные обычаи, которые потомъ распространились и на западъ, но тѣмъ-не-менѣе, что касается формообразованія, то извѣстное позднеримское преданіе, удержалось въ Италіи по крайней мѣрѣ еще до седьмаго столѣтія.

¹ Тамъ же. Catacombes. Т. IV. табл. VIII.

Отдѣлъ первый.

Костюмъ Византійцевъ и народовъ востока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Византійцы.

Историческій обзоръ.¹

Когда Константинъ столицей своею избралъ древнюю Византію, городъ этотъ находился въ бѣдственномъ положеніи вслѣдствіе недавнихъ войнъ между Максимомъ и Лициніемъ, и въ особенности его завоеванія Константиномъ. Большая часть зданій и крѣпостныхъ сооружений была скрыта, и жители, нѣкогда богатые, были изнурены самыми тяжкими контрибуціями. При торжественномъ вступленіи побѣдителя въ Византію, городъ этотъ, какъ нѣкогда при Галліенѣ, представлялъ видъ разореннаго открытаго мѣста, отличавшагося только положеніемъ своимъ, чрезвычайно выгоднымъ для торговли и прикрывавшимъ съ востока границы имперіи. Хотя при выборѣ этого мѣста Константиномъ руководили вѣроятно главнымъ образомъ стратегическія соображенія, но самое опустошеніе этого мѣста, также соотвѣтствовало будущимъ планамъ императора. Порвавъ, такъ сказать, всякую связь съ римскимъ язычествомъ, и признавъ христіанство государственною религіею, Константинъ естественно долженъ былъ съ самаго начала имѣть въ виду придать собственной своей столицѣ характеръ соотвѣтствовавшій новому положенію вещей; но этого нельзя было

¹ Edward Gibbon. Потомъ, кромѣ приведенныхъ уже сочиненій С. F. Manso (Leben Constantins des Grossen) и соч. J. Burckhardt (Die Zeit Constantins des Grossen), въ особ. K. D. Hüllmann. Gesch. des byzantinischen Handels bis zum Ende der Kreuzzüge. Frankf. a. d. O. 1808. F. Ch. Sehlosser. Geschichte der bilderstürmenden Kaiser des oströmischen Reichs mit einer Übersicht der Geschichte der früheren Regenten dessellen. Frankf. a. M. 1812. W. Wachsmuth. Allgemeine Culturgeschichte. Leipzig. 1850. I. стр. 462. особ. стр. 492 и сл. Дѣльное изображеніе византійской жизни у K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste im Mittelalter. I. (Düsseldorf 1844). стр. 93—114 и историческое введеніе у W. Salzenberg. Altchristliche Baudenkmale Constantinopols vom 5 bis 12 Jahrhundert. Berlin 1854.

достигнуть, не перестраивая ея съ самаго основанія. — Вскорѣ по окончаніи войны, царь, въ собственномъ смыслѣ слова, положилъ основаніе новому городу, соблюдая въ точности церемоніалъ установленный для такихъ случаевъ. Опредѣливъ протяженіе будущаго города, царь явно обнаружилъ намѣреніе сдѣлать его величайшимъ во всей имперіи. Дабы въ возможно короткое время осуществить задуманный имъ обширный планъ, клонившійся отчасти и къ тому, чтобы затмить блескъ древняго Рима, онъ неустанно заботился объ украшеніи города великолѣпными строениями и различными мелкими художественными произведениями, которыя по большей части привозились изъ Рима. Потомъ, дабы ускорить заселеніе города, онъ даровалъ отчасти льготы переселенцамъ, отчасти производилъ насильственные переселенія. Хотя такимъ образомъ ему и удалось въ чрезвычайно короткое время сдѣлать Византію богатымъ и оживленнымъ средоточіемъ, куда стекались всѣ интересы которые дотолѣ почти исключительно привлекалъ къ себѣ Римъ, однако же, новому городу (именно влѣдствіе его совершенно ненормальнаго, чисто искусственнаго возростанія), недоставало той внутренней прочности, которая одна только въ состояніи дать истинно духовное основаніе всеобщему развитію. Вѣроятно что именно это отсутствіе внутренней прочности главнымъ образомъ благопріятствовало еще большому распространенію восточныхъ обычаевъ, такъ что Византія подконецъ приняла характеръ чисто азіятскаго государства.

Первые начатки такого измѣненія коренныхъ римски-италійскихъ обычаевъ, какъ уже было замѣчено, стали обнаруживаться въ болѣе широкихъ размѣрахъ влѣдъ за воцареніемъ Константина великаго. Въ общемъ однако, время его правленія, какъ и ближайшихъ его преемниковъ ознаменовано было все еще борьбою языческихъ преданій противъ новаго порядка, а въ лицѣ Константина мы видимъ живаго представителя колеблющагося постепеннаго разложенія. Хотя этотъ императоръ по собственному побужденію возвелъ христіанство на степень государственной религіи и сталъ защитникомъ ея, тѣмъ-не-менѣе онъ оставилъ и языческому культу его права, и на высшія и почетнѣйшія должности въ государствѣ назначалъ безразлично какъ послѣдователей христіанскаго ученія, такъ и язычниковъ изъ римлянъ. Такимъ образомъ и при немъ въ Византіи продолжались обычныя публичныя зрѣлища, коими въ Римѣ правительство потѣшало преимущественно праздный народъ, (за исключеніемъ однако гладіаторскихъ игръ), и конечно въ такой мѣрѣ, какую допускало христіанское воззрѣніе; равно также и обычныя въ Римѣ во время имперіи даровыя раздачи хлѣба. Несмотря на то что Константинъ вел. въ одной только столицѣ построилъ около четырехсотъ тридцати церквей для христіанъ, онъ однако самъ долго не рѣшался принять христіанство, и постоянно откладывалъ обрядъ крещенія, который потому и совершенъ былъ надъ нимъ лишь незадолго до его кончины.

Такимъ образомъ, будучи формально признано императоромъ какъ „словадіе“, духовенство, въ качествѣ представителя христіанскаго ученія имѣло полный просторъ всею духовною властью своею противодѣйствовать

язычеству; между тѣмъ оно не обладало, ни тѣмъ самоотверженіемъ какого требовала такая задача, ни, главнымъ образомъ, тѣмъ смиреніемъ коимъ столь дивно проникнуто все существо I. Христа. Вообще же въ это время духовенству еще не доставало глубокаго пониманія христіанскаго ученія, вмѣсто того чтобы всецѣло отдаться ему, и проникнувшись имъ содѣйствовать возвышенію духа людей, оно часто злоупотребляло своею властью совершенно произвольно. Прикрываясь легкимъ плащомъ притворнаго смиренія, духовные, какъ „избранники Господа“, еще въ то время не забывали ставить себя выше царя. Притомъ, задолго еще до утвержденія Константиномъ великимъ гражданскихъ правъ духовенства, оно столько разъ уклонялось отъ первоначальнаго ученія прибѣгая къ сбивчивымъ толкованіямъ, такъ что теперь, когда положеніе его упрочилось, духовные открыто стали другъ друга съ ненавистью преслѣдовать. Такимъ образомъ они не только не были для язычниковъ примѣромъ достойнымъ подражанія, но напротивъ, еще болѣе поддерживали въ нихъ непріязнь и недовѣріе къ христіанству, какъ замѣчаетъ языческій писатель того времени, Аммианъ, говоря „что вражда другъ къ другу между христіанами несравненно сильнѣе, чѣмъ ярость дикихъ звѣрей къ врагу ихъ, человѣку“.

Вслѣдъ за кончиною Константина великаго начался полный разладъ между прямыми наслѣдниками его. Заботясь о сохраненіи цѣлости имперіи и о собственной династіи, Константинъ вел. всю имперію распредѣлил между сыновьями своими и племянниками ¹, но вскорѣ въ средѣ ихъ возникла жестокая борьба за верховную власть поддерживаемая церковными разногласіями. Пока, такимъ образомъ, въ этой борьбѣ обѣ стороны другъ друга свергали убійствами, забывая совершенно и человѣческое достоинство свое, и любовь къ ближнему, усиливалась все болѣе упорная реакція язычества противъ христіанства, такъ что уже ближайшій преемникъ Константиновыхъ наслѣдниковъ, Юліанъ, сторонникъ язычества, не задумался вновь признать язычество государственною религіею (361). Какъ смотрѣлъ на это христіанскій міръ, трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ надо полагать, что это роковое событіе не осталось безъ вредныхъ послѣдствій для внутренняго скрѣпленія христіанства. При всемъ томъ, христіане должны были считать для себя счастіемъ, что этотъ императоръ, въ самомъ лучшемъ значеніи слова былъ — философомъ, и несмотря на странности своего характера, терпѣлъ всякія вѣроученія съ истинно римскимъ духомъ, а главное, что царствованіе его было непродолжительно. Съ Юліаномъ, этимъ послѣднимъ потомкомъ Константинова рода, похоронено было опять язычество, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ на всегда и послѣдній остатокъ истинно римскаго духа. Вообще, послѣ смерти Юліана только разъ выказалъ себя еще этотъ духъ въ избраніи ближайшихъ наслѣдниковъ этого им-

¹ Согласно опредѣленію утвержденному Константиномъ вел. за два года до его смерти, достались Константину II: Британія, Галлія, Испанія; Констанцію II: Сирія и Египеть; Константу: Италия и Африка; племяннику Далмацію: Фрагія, Македонія, Иллирія и Ахайя, со влюченіемъ Греціи; а брату его Гавирибаліану: римская Арменія, Понтъ и приымавшія къ нему земли.

ператора, Юлиана и Валентиниана, да и то лишь въ томъ отноше-
ніи, что избраніе ихъ совершилось чисто по преторіански, т. е. черезъ
солдатъ. Хотя Валентиніанъ положительно преданъ былъ христіанству, и
вообще заботился объ исправленіи многочисленныхъ злоупотребленій, тѣмъ
не менѣе, серьезныя военныя дѣйствія въ которыхъ онъ участвовалъ вмѣстѣ
въ соправителемъ своимъ и братомъ, не дали ему осуществить никакихъ
важныхъ реформъ даже для пользы христіанства. Задача эта выпала на
долю преемнику его Θεодосію. Вслѣдъ за воцареніемъ своимъ, между 388
и 391 гг. царь этотъ, впервые какъ самодержецъ крещенный въ истинную
вѣру по всѣмъ обрядамъ церкви, издалъ строгія предписанія въ православ-
номъ духѣ, послѣдствіемъ коихъ было паденіе аrianства и утверженіе еди-
ной православной церкви. Сверхъ того, относительно престолонаслѣдія, имъ
установлены были преемственные права на томъ прочномъ основаніи, которое
они постоянно сохранили несмотря на всѣ позднѣйшіе захваты и придворныя
интриги въ продолженіе многовѣковой имперіи. Что касается внѣшняго поло-
женія государства, то Θεодосій вообще придерживался введеннаго еще Ко-
нстантиномъ в. в. строгого порядка чиновъ и сословій, и при дворѣ удер-
жалъ почти безъ измѣненія обычныи пышный церемоніалъ предшественника
своего. Благодаря, главнымъ образомъ этой страсти къ роскоши, поощряемой
дворомъ (и не много сдерживаемой въ короткое царствованіе Юлиана), въ об-
щественныхъ отношеніяхъ господствовали крайняя безхарактерность и вну-
тренняя пустота, такъ что въ общемъ населеніе теперь уже представляло въ
сущности лишь одну разслабленную массу людей, поддававшуюся легко вся-
каго рода партіямъ и лишнюю самостоятельности духа.

Послѣ смерти Θεодосія (около 395), согласно его волѣ, государство
было раздѣлено на двѣ части между обоими сыновьями его, Гоноріемъ и
Аркадіемъ, такимъ образомъ что первому изъ нихъ достались западныя
земли, а послѣднему весь востокъ. Однако, съ какою бы полезною цѣлью ни
былъ задуманъ этотъ раздѣлъ, тѣмъ не менѣе потеря западныхъ земель,
отторгнутыхъ наступавшимъ сѣвернымъ побѣдителемъ, слишкомъ скоро по-
казала какъ мало Θεодосій дѣйствительно предвидѣлъ и счумѣлъ оцѣнить
опасность раздробленія государства въ виду общаго положенія міра. Съ этимъ
раздѣломъ прекратилась мало-по-малу не только общность интересовъ свя-
завшая дотолѣ оба государства, но также благотворное и равномѣрное
внутреннее развитіе. Между тѣмъ какъ прежде Востокъ и Западъ, такъ ска-
зать, другъ друга дополняли во всѣхъ направленіяхъ общественнаго разви-
тія, и какъ бы взаимно поощряли на пути прогресса, — каждое изъ обоихъ
государствъ теперь въ своемъ развитіи должно было ограничиться собствен-
ными силами. Вслѣдствіе этого, въ восточно-римской имперіи, и преимуще-
ственно въ Византіи, восточный элементъ, покровительствуемый здѣсь и
прежде, быстро пріобрѣлъ себѣ исключительное господство ¹. Еще въ цар-

¹ Изъ положенія которое пріобрѣла Византія, объясняется продолжительное вліяніе
ея на Италію особенно въ искусствахъ. Раздѣломъ имперіи затормозилось, какъ мы
сказали, равномѣрное и прогрессивное развитіе обоихъ государствъ; Византія, между
тѣмъ, продолжала развиваться, хотя и въ одностороннемъ направленіи, но тѣмъ не менѣе
самостоятельно; Италія, напротивъ, пріиходя все въ большій упадокъ, естественно должна
была чувствовать превосходство сосѣдственнаго греческаго государства.

ствование Аркадія (394—408) обнаружилась послѣдствія раздѣленія государства, съ одной стороны относительно внѣшности, въ небываломъ до того возрастаніи придворнаго великолѣпія, съ другой, по внутреннему устройству, въ установленіи чисто серальскаго правленія, руководимаго евнухами и женщинами. Послѣ его смерти все управленіе государствомъ перешло въ руки царедворца Артемія и Пульхеріи, и въ продолженіе двадцатичетырехлѣтняго правленія ея, и въ слѣдующую за тѣмъ эпоху, восточные обычаи такъ крѣпко укоренились въ народѣ, что въ немъ не осталось слѣдовъ римскаго характера и духа. Византійцы въ продолженіе этого времени, уже до такой степени заковались въ азіятскихъ понятіяхъ, что почти съ фаталистическимъ равнодушіемъ встрѣтили, какъ опустошительные набѣги Персовъ и Гунновъ, угрожавшіе цѣлости имперіи, такъ и потерю Италіи и всѣхъ западныхъ земель¹.

При такихъ обстоятельствахъ воцарился Юстиніанъ. Ему, какъ человеку своего вѣка, въ сущности оставалось почти только водворить определенный порядокъ въ окоченѣлыхъ и разъединенныхъ еще формахъ въ коихъ вращалась тогдашняя жизнь. Благодаря продолжительному царствованію (съ 527 по 565 г.) онъ чуткимъ и вѣрнымъ взглядомъ успѣлъ совершить это дѣло, такъ что составленныя имъ „институціи“, или руководство къ праву, сохранили всю свою силу въ византійской имперіи вплоть до ея паденія. Различныя постановленія порожденныя произволомъ еще до его воцаренія, и затруднявшія какъ внутреннее, такъ и внѣшнее управленіе, торговля сношенія, промышленность и пр. сведены были имъ въ одно правильное уложеніе, при чемъ однако выше всего поставлялась священная особа царя и его дворъ, какъ средоточіе всякаго могущества. Хотя послѣ того общее положеніе государства значительно улучшилось сравнительно съ прошлымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе стало возрастать благосостояніе гражданъ, за то съ другой стороны, новые порядки предоставляли лишь весьма тѣсное поле самостоятельному развитію. Такъ мж. пр., не говоря о болѣе рѣшительныхъ правительственныхъ мѣрахъ, укажемъ на суровыя монополіи установленныя Юстиніаномъ въ такихъ важныхъ отрасляхъ для внутренняго процвѣтанія страны какъ напр. въ промыслахъ и торговлѣ; монополіи, до такой степени стѣснявшія всякую свободу движенія что ихъ по справедливости можно считать главною причиною финансоваго разстройства тяготѣвшаго надъ Византією вплоть до исхода одиннадцатаго столѣтія². — Общественныя отношенія въ царствованіе Юстиніана представляютъ картину крайняго внутренняго разстройства, хотя и самъ онъ сумѣлъ окружить себя способными и дѣльными людьми. Вскорѣ послѣ смерти Юстиніана, умершаго бездѣтнымъ, при племянникѣ его, обнаружился общественный разладъ самымъ плачевнымъ образомъ.

Правленіе преемника его Юстина II (съ 565 по 574 г.) ознаменовано сплошь извнѣ позоромъ, внутри бѣдствіями. Тиверій, наслѣдовавшій ему,

¹ Послѣ паденія римской имперіи на западѣ, въ продолженіе 50 лѣтъ (476—527) мѣняютъ имена ничѣмъ не ознаменованныхъ императоровъ Зенона, Анастасія и Юстина.—
² Ср. D. Hüllmann. Geschichte des byzantinischen Handels стр. 11 и сл. особ. 14.

хотя и отличался бѣльшимъ благородствомъ характера, но сознавая безсиліе свое управлять страной въ виду крайней распушенности, вскорѣ передалъ скипетръ энергическому и строгому Маврицію, процарствовавшему съ 582 по 602 г. Онъ былъ свергнутъ войскомъ которое на его мѣсто избрало Фоку, запятнившаго правленіе свое (602—610) самыми жестокими мученіями коимъ безъ всякаго стыда подвергалъ невинныхъ подданныхъ своихъ.— Въ продолженіе этой гибельной смѣны правителей завершившейся только насильственною смертью Фоки (въ 610 г.), были снова утрачены одна за другой значительная часть тѣхъ областей которыя завоевалъ Велизарій въ царствованіе Юстиніана, и въ томъ числѣ вся Италія. Кромѣ того на востокѣ уготованъ былъ для имперіи ударъ еще болѣе губительный. Вскорѣ по воцареніи Гераклія (610—641) Персамъ и Аварамъ удалось завоевать всю восточноримскую имперію за исключеніемъ Византіи и немногихъ клочковъ въ Африкѣ и Италіи, да еще нѣкоторыхъ не особенно важныхъ азіатскихъ приморскихъ городовъ.—Прибавимъ къ этому, что вскорѣ послѣ Гераклія, къ концу седьмаго вѣка совершилось раздѣленіе церквей греческой и латинской.

При такихъ обстоятельствахъ византійскій элементъ, стѣсненный главнымъ образомъ упомянутыми внѣшними потерями, и вообще страдавшій уже внутреннимъ застоємъ, утратилъ окончательно, и нѣкоторымъ образомъ на всегда, всякую способность къ дальнѣйшему своему развитію. Начиная съ этого времени ему только оставалось, замыкаясь въ себѣ самомъ удержатъ выработанную имъ уже форму какъ готовый прототипъ. Такъ и было въ продолженіе долгаго періода времени отъ смерти Гераклія (641), съ нѣкоторыми незначительными перерывами вплоть до Исаакія Ангелоса, до 1185 г., и даже до самаго завоеванія Константинополя „Латинянами“ (въ 1204 г.)— Самымъ важнымъ событіемъ въ первые вѣка этого „періода мрака“ былъ горячій споръ, возбужденный Львомъ Исавряниномъ въ продолженіе его правленія (718 — 741), по поводу употребленія иконъ при христіанскомъ богослуженіи, споръ, продолжавшійся 120 лѣтъ, вызвавшій кровавыя волненія и завершившій окончательно упомянутое выше раздѣленіе церквей.— Послѣ этой схизмы римскіе папы стали подъ покровительство франкскихъ королей.

Къ концу борьбы за иконы, съ воцареніемъ Теофила (829 — 842) оживился нѣсколько интересъ къ духовнымъ вопросамъ. Правитель этотъ при всей жестокости своей покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ, и во время своихъ отчасти военныхъ, отчасти мирныхъ сношеній съ арабами, старался окружить себя такимъ же блескомъ, какимъ отличался дворъ династіи Абассидовъ, и съ этой цѣлью приглашалъ къ себѣ ученыхъ и другихъ мужей, свѣдущихъ въ техническихъ наукахъ. Впрочемъ, такъ какъ въ сущности старанія эти вытекали изъ личныхъ побужденій, и ими затрогивался лишь тѣсный кругъ приближенныхъ къ царю лицъ, то дозволительно предполагать, что наврядъ ли старанія Теофила оказали какое либо вліяніе на общее положеніе, и что даже по отношенію къ двору и при господствовавшемъ въ то время направленіи, все это главнымъ образомъ возбудило только къ подражанію и заимствованію внѣшнихъ порядковъ абассидскаго двора.

Преемникъ Теофила, сынъ его Михаилъ III, не обнаруживалъ способностей слѣдовать по пути проложенному его отцемъ. Развращенный до крайности, онъ сумѣлъ только отличиться безумнымъ, чисто нероновскимъ мотовствомъ и наруганіемъ надъ христіанскою вѣрою, и кончилъ жизнь свою отъ руки убійцы въ 867 г. Преемникъ его Василиій I „Македонянинъ“, мужъ болѣе строгаго нрава, отличался отъ прочихъ правителей тѣмъ, что лучше ихъ понималъ положеніе государства, и притомъ обладалъ твердою волею энергически противодѣйствовать упадку имперіи. Еслибы въ его царствованіе народъ вообще еще сохранилъ способность нравственно возвыситься, то навѣрно въ немъ обнаружились бы начатки такого возрожденія. Между тѣмъ, правленіе Василія прошло также безъ существенной пользы для страны, несмотря на то что имъ положено было начало ко многимъ улучшениямъ, и что ему удалось усмирить гордость сарацинъ. Ближайшій преемникъ его Левъ VI „философъ“ (886) возстановилъ опять при дворѣ прежнюю пышность и даже отмѣненные незадолго передъ тѣмъ гнусные серальные порядки. Лучшимъ доказательствомъ тому, какъ глубоко вкоренилось въ понятіяхъ направленіе къ чисто пустымъ внѣшностямъ еще въ первое время послѣ Василія, можетъ служить одно уже то обстоятельство, что высокочтимый за ученость свою Константинъ „порфирородный“ (911), внукъ императора, не устыдился сочинить объемистый трактатъ, излагающій до мельчайшихъ подробностей церемоніаль существовавшій при императорскомъ византійскомъ дворѣ ¹.

При всемъ томъ съ Василіемъ I вступила на тронъ династія отличавшаяся вообще лучшими нравственными качествами, и какой давно уже не было. И хотя, ни послѣ Василія, ни при ближайшихъ преемникахъ его, въ византизмѣ вообще не произошло ничего способнаго пробудить къ новой жизни окоченѣлыя формы его, тѣмъ не менѣе именно при этой династіи и въ лицѣ нѣкоторыхъ ея правителей, византизмъ, преимущественно извнѣ пріобрѣлъ обманчивый видъ духовнаго величія, чему, какъ надо полагать, не мало способствовала также придворная пышность, доведенная теперь до самой крайней утонченности. По воцареніи потомъ Никифора II „Фокя“ (963), заслужившаго себѣ славу даже въ дальнихъ странахъ истинно геройской энергіею своею и чрезвычайнымъ благочестіемъ, византійскій царственный домъ снова пріобрѣлъ такое уваженіе у иностранныхъ державъ, что западный императоръ Оттонъ II выпросилъ себѣ въ жену старшую дочь Романа, а великій князь Владиміръ меньшую дочь его Анну.

Но съ правителями изъ рода Василія, въ числѣ коихъ дѣятельностью и храбростью отличались еще оба преемника Никифора, Іоаннъ Цимисхій (969) и Василій II (976), затмился блескъ византійской имперіи, которымъ впрочемъ она всегда обязана была личности самихъ правителей. Затѣмъ съ Романомъ III „аргиромъ“ около 1028 г. открывается рядъ без-

¹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae byzantinae libri duo, graece et latine, ex recensione J. J. Reiskii. cum ejusdem comentariis integris. Romae 1829—1840.

славныхъ, или совершенно неспособныхъ императоровъ, замыкающійся лишь полвѣка спустя, и по сверженіи одного за другимъ не менѣ двѣнадцати самодержцевъ, Никифоромъ „ботаниатесъ“, или Никифоромъ III, около 1081 г.

Точно какъ будто этимъ исполнилась цѣль византийской имперіи раньше часа предначертаннаго ей судьбою, и какъ будто для дальнѣйшаго ея существованія ей нужно было противовѣсіе, явился теперь, какъ нѣкогда Василій, въ лицѣ Алексѣя I, не только энергическій правитель, но вмѣстѣ съ тѣмъ и основатель новой и болѣе здоровой династіи, династіи Комниновъ. Несмотря на опасность которую угрожали государству арабы, норманны, турки и крестоносцы, — оставляя совершенно въ сторонѣ внутреннее разстройство, — Алексѣй, умомъ своимъ счумѣлъ вездѣ стать противъ врага и охранять шатавшійся тронъ, и сверхъ того онъ оставилъ на такое прочное основаніе внутреннее управленіе, военное дѣло и законы, униженные долотъ произволомъ, что, казалось, Византія торжествовала эпоху своего возрожденія. Однако и это былъ также лишь обманчивый блескъ, подобный тому, какой Василій и преемники его личностью своею распространили на имперію; блескъ, сохранившій опятьтаки обманчивость свою только до тѣхъ поръ, пока Алексѣевы преемники продолжали дѣйствовать въ духѣ родоначальника своего, и въ сущности нисколько не просвѣтившій и не оживившій самый византизмъ. — Этотъ чисто личный блескъ достигъ высочайшей и лучезарнѣйшей вершины своей при Іоаннѣ или „Каллоіоаннѣ“, и меньшомъ его сынѣ Мануилѣ, въ продолженіе времени отъ 1118 до 1179 г. Оба полные физической силы и энергіи, въ постоянно возобновлявшейся борьбѣ противъ турокъ, латинянъ и придунайскихъ народовъ, счумѣли не только упрочить за государствомъ то уваженіе которое ему доставилъ извнѣ Алексѣй, но сверхъ того, подобно Никифору II, завели обширныя политическія связи съ юными западными державами. Мануилу удалось даже отразить смѣлыхъ норманновъ, угрожавшихъ его столицѣ, и возвратить себѣ значительную часть Італіи.

Еслибы вообще чисто личное величіе могло имѣть какое-либо вліяніе на византийскій народъ, то благодаря такому вліянію при тогдашнихъ обстоятельствахъ, преемникамъ ихъ быть можетъ удалось бы еще поддержать одряхлѣвшую до крайности имперію. Но имъ не выпала такая доля; поддержки этой они не нашли, а у нихъ самихъ недоставало энергіи. Все что достигнуто было достойнаго замѣчанія упомянутыми тремя Комнинами пропало безвозвратно въ продолженіе царствованія преемниковъ ихъ, Алексѣя II (1180), Андроника I „Комнина“ (1183) и Исаака II „Ангелосъ“ (1185). Уже въ 1185 г. достались опять норманнамъ земли отнятыя у нихъ незадолго передъ тѣмъ, а спустя двадцать лѣтъ, въ позорное правленіе Исаака II и брата его Алексѣя, даже столица досталась въ руки крестоносцамъ. Последніе хотя и вручили управленіе покаместъ опять Исааку II, а потомъ и сыну его, низкому Алексѣю Ангелосъ, но вслѣдствіе попытки послѣдняго возвратитъ себѣ независимость, они вскорѣ вынуждены были вторично занять Константинополь, послѣдствіемъ чего было окончательное паденіе греческой державы (1204).

Съ покореніемъ древней Византіи франкскимъ князьямъ, которые, раздѣливъ между собою добычу избрали въ императора Балдуина I, прекратилась самостоятельность бывшей греческой имперіи. Византизмъ, напротивъ, продолжалъ нерушимо держаться несмотря на то что до такой степени успѣлъ замертвѣть въ самомъ себѣ за послѣднее полстолѣтіе, что въ эту пору почти уже утратилъ всякую способность воспринимать въ себя какое-либо иноземное вліяніе, или усвоить себѣ способы воззрѣнія и нравы внесенные на востокъ франками. И если вообще иноземное вліяніе гдѣ либо имѣло нѣкоторое значеніе, хотя и медленное и въ довольно ограниченной степени, то развѣ только въ тѣхъ незначительныхъ по пространству областяхъ которыя при раздѣлѣ государства достались венеціанцамъ, и гдѣ благодаря обширнымъ торговымъ сношеніямъ послѣднихъ образовалось прочное правленіе.

Послѣ этого времени Византія подвергалась часто еще политическимъ смутамъ, пока не досталась опять греческой династіи въ лицѣ храбраго и опытнаго въ государственныхъ дѣлахъ Михаила Палеолога. Этому императору государство въ 1259 г. обязано было избавленіемъ отъ иноземныхъ властителей, и завоеваніемъ многихъ отторгнутыхъ отъ него областей на западѣ. Всѣ эти успѣхи однако не были въ состояніи вырвать страну изъ ея умственного оцѣпененія, и въ этомъ положеніи, выступающемъ еще ярче послѣ смерти Палеолога при преемникѣ его Андроникѣ, между 1282 — 1332 гг., государство оставалось безъ переменъ вплоть до окончательнаго его паденія отъ нашествія османовъ въ 1453 году. Но и это событіе не искоренило на востокѣ основныхъ элементовъ оковенности, но такъ сказать, только свело ее въ болѣе тѣсныя предѣлы внутри коихъ она не переставала заявлять о себѣ и до нынѣ, какъ напр. въ занятіяхъ греческимъ искусствомъ для церковныхъ цѣлей среди монаховъ Аѳонской горы.

Одежда. ¹

Мѣры которыя принималъ Константинъ великій для заселенія учреждаемой имъ вновь столицы, были причиною почти непосредственнаго перенесенія туда италійскихъ обычаевъ, италійской одежды и модъ. На сколько послѣднія въ это время отличались отъ чисто греческой одежды, теперь

¹ Костюмъ византійцевъ не былъ доселѣ подвергнутъ самостоятельному изслѣдованію, въ тому же для подобнаго труда не существовало пригтовительныхъ трудовъ. Относящіе къ этому предмету литературный матеріалъ и изображенія разбросаны во множествѣ сочиненій, отчасти очень объемистыхъ. Изъ числа ихъ, въ особенности по изображеніямъ, слѣдуетъ привести, 1. сочиненія съ изображеніями мозаикъ древѣйшихъ христіанскихъ церквей; 2. сочиненія съ изображеніями греческихъ миниатюръ, и 3. сочиненія съ изображеніями предметовъ греческаго меднаго искусства и греческой техники, на сколько они даютъ понятіе о костюмѣ. 1. Сочиненія съ изображеніями мозаикъ: J. Ciampini. Vetera monumenta in quibus praecipua musiva opera illustrantur etc. Roma 1747 (съ вѣрнѣе неудовлетворительными, и почти бесполезными для назначенной цѣли гравюрами); G. Seroux d'Agincourt. Histoire de l'art par les monuments depuis sa décadence au 4-me siècle jusqu'à son renouvellement au 16-me 6 Vols. Paris 1823. (То же: Sammlung der vorzüglichsten Denkmäler der Architektur,

уже нельзя определить по недостатку соответствующих греческих памятников. Но, судя по тому, что у римлян, с самого начала империи одежда развивалась вообще в тѣсной связи съ восточною, мы можемъ почти навѣрное заключить, что, если дѣйствительно существовало еще какое-либо различіе между тою и другою, то весьма незначительное, и уже никакъ не такое, чтобы оно могло имѣть рѣшительное вліяніе на преобразование римской одежды въ тотъ костюмъ который въ послѣдствіе сталъ общеобычнымъ въ Византіи. Главная причина этого измѣненія внѣшности, (соответствовавшего единственно только культурнымъ условіямъ востока), происходила скорѣе изъ перемѣны возрѣнія на преданіе старины, совершившейся въ самомъ византійскомъ романствѣ. Когда со временъ Константина великаго, византійское романство привуждено было непрерывно жертвовать коренными особенностями своего быта въ угоду христіанства, совершенно чуждаго ему, новаго элемента развитія, то въ первое же время оно стало съ самимъ собою въ разладъ помѣшавшій дальнѣйшему и естественному его развитію, и который, отвлекая его взоръ отъ первоначальнаго мѣста классическаго или языческаго преданія, отъ древней Италіи, ему прямо указывало на Востокъ, какъ на источникъ новой, слагающейся жизни. Между тѣмъ, рим-

Sculptur und Malerei vom 4. bis 16 Jahrh. etc. revidirt von A. F. v. Quast) «Malerei» (большую часть воспроизведенія изъ соч. Чиампини). F. v. Quast. Die altchristlichen Bauwerke von Ravenna vom 5. bis zum 9. Jahrh. Съ 10 табл. Berlin 1842 (съ весьма малымъ числомъ фигурныхъ изображеній). F. G. Guttensohn und J. M. Knapp. Denkmale der christl. Religion oder Sammlung der ältesten Kirchen oder Basiliken, съ текстомъ C. Bunsen. Rom 1843 (хорошій обзоръ въ хронологическомъ порядкѣ). Gally Knight. The ecclesiastical architecture of Italy. From the time of Constantine to the XV century. 2 Vol. London 1842 (съ хромотип. изобр.) Johann und Luise Kreutz. Der Dom des heiligen Marcus in Venedig. Venedig 1844. fol. в 4°. (Съ превосходными очерками мозаикъ на которыя обращено особенное вниманіе). W. Salzenberg. Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel vom 5. bis 17 Jahrh. Auf Befehl S. M. des Königs. Въ приложеніи: Des Silentiarius Paulus Beschreibung der heiligen Sophia und des Ambon von C. W. Kortüm. Berlin 1854. (Мозаики изъ Св. Софіи отчасти въ превосходныхъ хромотип. изображеніяхъ). L. Lohde. Der Dom von Parenzo. Ein Beitrag zur Kenntniss und Geschichte altchristlicher Kunst. Berlin 1859. (Изображенія находящихя въ немъ мозаикъ: 1) Относительно Сициліи: Serradi Falco. Del Duomo di Monreale e di altre chiese siculo-normane. Palermo 1838, (относящаяся сюда изобр. мелки и сдѣланы на скорю, за то они лучше у): I. Hittorf und Zanth. Architecture moderne de la Sicile, ou recueil des plus beaux monuments religieux et des édifices publics et particuliers. Paris 1835. а Gally Knight. Saracenic and Norman remains to illustrate the Normans in Sicily. fol. но съ одною только таблицю. — Намѣненіе доктора E. Braun (въ Римѣ) издать точныя и вѣрныя стили изображенія «съ римскихъ мозаикъ», по смерти его не было приведено въ исполненіе. Находящееся въ дюссельдорфской городской библіотекѣ собраніе прорисованныхъ снимковъ съ «византійскихъ мозаикъ» J. A. Ramboux (о которомъ упоминаетъ д-ръ Ф. Бокъ въ своей Geschichte der liturgischen Gewänder etc.), мнѣ не извѣстно, но такое изданіе было бы очень желательно. — Къ приведенному слѣдуетъ прибавить: J. G. Müller. Die bildlichen Darstellungen im Sanctuarium christlicher Kirchen vom 5. his 14 Jahrh. Trier 1835 и Henry Barbet de Jouy. Les mosaïques chrétiennes des basiliques et des églises décrites et expliquées etc.—2) Сочиненія съ отдѣльными воспроизведеніями греческихъ миниатюръ: Главное сочиненіе. Seroux d'Agincourt. Sammlung der vorzüglichsten Denkmäler der Malerei etc. (рядъ хронологически распределенныхъ замѣчательнѣйшихъ греческихъ лицевыхъ рукописей, находящихся въ Римѣ; въ которыхъ вещи отчасти прорисованы на оригиналахъ). T. F. Dibdin. The bibliographical Decameron; or ten days pleasant discourse upon illuminated Manuscripts etc. London 1817. 3 Vol. (только немногіе образчики византійской живописи; за то ихъ больше въ великолѣпномъ изданіи графа) Bastard: Peintures et ornemens des manuscrits classés dans un ordre chrono-

скій міръ по самымъ основнымъ началамъ своимъ не былъ еще подготовленъ къ духовному пониманію такого особеннаго отношенія, и притомъ вообще не умѣлъ отдѣлять существенное отъ вещественнаго, и потому, слѣдуя свойственному ему матеріальному и чувственному способу воззрѣнія, онъ заимствовалъ отъ христіанства преимущественно пока только внѣшнюю сторону. Такому пониманію способствовало вообще также близость Азіи, но въ особенности благоприятное для торговыхъ сношеній положеніе византійской столицы и быстро возрастающее влѣдствіе того богатство.

Съ перестройки города торговыя его сношенія¹ по прежнему простирались частью до самыхъ крайнихъ границъ Азіи, частью, черезъ посредство аваровъ, болгаръ, венгровъ и пр. въ самую глубь западной Европы, и наконецъ черезъ турокъ, печенѣговъ, кумановъ и другихъ племенъ, до самыхъ сѣверныхъ областей преимущественно русскаго государства. Всѣ замѣчательнѣйшія произведенія названныхъ странъ доставлялись съ немногими исключениями прямо и непосредственно на византійскій рынокъ, какъ напр. главнымъ образомъ (по отношенію къ одѣяніямъ): шелковыя ткани, шелкъ сырецъ и холстъ, грубыя и тонкія шерстяныя ткани, крашенные и богатоузорчатые платки, кожи, кожевенныя издѣлія,² пушной товаръ, оружіе, металлы, драгоценныя камни, жемчугъ и мн. др. Хотя эти предметы по большей части извѣстны были еще древнимъ римлянамъ, и съ распространенія роскоши освоились между ними,³ тѣмъ не менѣе добываніе ихъ здѣсь, на главномъ складочномъ

logique pour servir à l'histoire des arts du dessin depuis le 4-me siècle de l'ère chrétienne jusqu'à la fin du 16-me. Кое-что потомъ еще въ (замѣчательномъ по исполненнымъ красками рисункамъ) сочиненіи Hangard-Maugé, C. Ciappori и Ch. Louandre: Les arts somptuaires. Histoire du costume et de l'ameublement et des arts et industries qui s'y rattachent. Paris 1858. (Образчики отъ 9-го, 10-го и 11-го стол.). — 3) Сочиненія съ разбросанными изображеніями греческаго мелкаго искусства и пр. Seroux d'Agincourt. Sculptur etc. C. Becker и T. v. Hefner-Alteneck. Kunstwerke und Geräthschaften des Mittelalters und der Renaissance. Frankf. a. M. 1850 и сл. Du Sommerard. Les arts au moyen-âge. Paris. 1841 и сл. F. W. Fairhold. Miscellanea graphica a collection of ancient Mediaval and Renaissance remains; in the possession of the Lord Londesborough. London 1857. Ernst aus'm Weerth. Kunstdenkmäler des christlichen Mittelalters in den Rheinlanden. 1 Abth. Bildnerci. 1. Bd. и 2 Bd. Leipzig 1857. 1860. fol. и 4°. J. B. Waring, and F. Bedford. Art treasures of the United Kingdom from the arts treasures exhibition Manchester. London 1858 (почвовное изданіе. Скульптура, таб. I. Диптихъ). Didron aîné. Annales archéologiques. 20. Vols. Paris 1844—1860. Ch. Cahier et A. Martin. Mélanges d'Archéologie. Paris 1849 и сл. Revue archéologique, ou recueil de documents et mémoires relatifs à l'étude des monuments etc. Paris 1844 и сл. C. Corblet. Revue de l'art chrétien. Paris. K. v. Czoernig und K. Weiss. Mittheilungen der kaiserl. Königl. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Wien 1856 bis 1860; въ связи съ ними: Jahrbuch der kaiserl. Königl. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Wien 1856 bis 1860. H. Otte и F. v. Quast. Zeitschrift für christliche Archäologie und Kunst. Leipzig 1857 и сл. — Потомъ отдѣльныя свѣдѣнія еще въ J. Malliot et P. Martin. Recherches sur les costumes, les moeurs, les usages religieux etc. des anciens peuples. Paris 1809 (по большей части весьма недостаточно). N. X. Willemin. Monuments français inédits, depuis le 6-me siècle jusqu'au commencement du 17-me. etc. Paris 1839. I. von Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters. По современнымъ памяткамъ искусства. Frankf. a. M. 1858. Bd. I.—Отдѣльныя сочиненія и пр. см. далѣе въ текстѣ.—¹ K. D. Hüllmann. Geschichte des byzant. Handels etc. Frankf. a. d. O. 1808.—² W. J. Gatterer. Abhandlung vom Pelzhandel. Mannheim 1794 особ. стр. 88 и сл. A. Böttiger. Griechische Vasengemälde. III. Heft (Weimar 1799) стр. 187. D. Hüllmann. Handel. стр. 129.—³ E. Gibbon гл. XL.

мѣстѣ, должно было сравнительно обойтись значительно выгоднѣе чѣмъ въ Италиі, такъ какъ этимъ путемъ устранялись расходы на доставку туда и на торговыхъ посредниковъ.

Такое положеніе торговыхъ отношеній въ Византіи само по себѣ уже благоприятствовало распространенію роскоши въ нарядахъ, а въ царствованіе Юстиніана, ¹ благодаря дѣятельному внутреннему управленію и развитію промышленности оно сдѣлало еще новые и важные успѣхи. Наполнивъ государственную казну несмѣтными сокровищами и увеличивъ соответственно тому придворную пышность, Юстиніанъ такимъ образомъ усилилъ всеобщую страсть къ роскоши, для которой одно обстоятельство кстати теперь послужило благоприятнымъ источникомъ. Двумъ греческимъ монахамъ удалось изъ Серпиды на верхнемъ Индѣ перенести въ Константинополь ² шелковичный червь, а два года спустя пересадить тудаже и необходимое для содержанія его бѣлое шелковичное дерево, вслѣдствіе чего подъ непосредственнымъ покровительствомъ императора возникли обширныя шелководильныя фабрики, сперва въ самой столицѣ а потомъ вскорѣ и въ Афинахъ, Фивахъ, Коринѣ и другихъ мѣстахъ. Понятно что послѣ этого, употребленіе шелковыхъ одѣяній, которыя прежде за дорогую цѣну получались изъ Персіи, не только увеличилось вообще, но въ особенности распространилось во всѣхъ классахъ византійскаго населенія. Къ тому же, упомянутыя греческія фабрики въ скоромъ времени достигли такого развитія, что произведенія ихъ еще въ царствованіе ближайшаго преемника этого царя, при Юстинѣ II, по достоинствамъ своимъ нисколько не уступали даже самымъ тонкимъ китайскимъ шелковымъ тканямъ, судя по словамъ посла изъ Согдианы, одного изъ древнѣйшихъ мѣстъ шелкопрядильнаго производства.—Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что византійскіе ткачи при самомъ возникновеніи этого промысла вскорѣ пріобрѣли большой навыкъ сортировать суровье по его добротѣ, и смотря по различнымъ его качествамъ изъ него выдѣлывать разнообразнѣйшія, болѣе или менѣе дорогія ткани. Есть даже основаніе полагать что еще въ раннее время они уже умѣли изъ шелка изготовлять родъ бархата, и придавать шелковымъ тканямъ лоскъ и плотность свойственные атласу³. Къ тому же удостовѣряется самыми достовѣрными свидѣтельствами, что ткачи во время Константина великаго обладали чрезвычайно развитою техническою умѣlostью. ⁴ Такъ мж. пр. въ названное время у нихъ выдѣлывались матеріи съ прозорчатымъ уткомъ, въ которыхъ вотканы были преимущественно изображенія животныхъ, съ такимъ искусствомъ, что при

¹ C. Ritter. Erdkunde VIII стр. 550, 701. K. W. Volz Beiträge zur Kulturgeschichte. Leipzig 1852, стр. 84 и сл., къ нимъ прибавимъ E. Gibbon. гл. XL: и LIII.—

² Cp. Francisque Michel. Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes de soie, d'or et d'argent et autres tissus précieux en Occident et principalement en France pendant le moyen-âge. 2 Vols. Paris 1854. M. Lesson. Histoire de la soie, considérée sous tous ses rapports, depuis sa découverte jusqu'à nos jours. Paris 1857; къ этому болѣе общія свѣдѣнія у: F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder des Mittelalters etc. I. Bonn 1859 стр. 98 и сл. и G. Semper. Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten. — ³ Отдѣльныя свѣдѣнія у F. Münter. Sinnbilder der alten Christen. 1 стр. 21. Emeric David. Histoire de la peinture au moyen-âge. стр. 76. K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste III. стр. 109. J. Burckhardt. Die Zeit Constantins d. Gr. стр. 293.—⁴ Ammian-Marcell. XIV. 6.

движеніи складокъ они болѣе и менѣе явственно выступали.¹ Кромѣ того были также матеріи съ цвѣтами и другими узорами; потомъ еще (въ особен-ности для христіанъ), съ символическими изображеніями духовнаго содер-жанія.

Такъ какъ этого рода одѣянія приняты были римлянами вслѣдствіе зна-комства ихъ съ тканями востока, то едвали есть поводъ сомнѣваться, что произведенія римскихъ мастерскихъ высшаго разряда, покрайней мѣрѣ въ отношеніе орнаментовки (за исключеніемъ развѣ упомянутыхъ выше христіанскихъ символическихъ украшеній), давно уже соответствовали тѣмъ пестрымъ матеріямъ которыя со всѣхъ временъ цѣнились на востокѣ. Если же такимъ образомъ еще за долго до Константина великаго въ римскомъ на-родѣ распространился вкусъ къ подобнымъ узорчатымъ одеждамъ, то весьма понятно, что мода на нихъ стала господствующею также въ Византіи, благо-даря тѣснымъ связямъ этого города съ востокомъ. При такомъ всеоб-щемъ направленіи, поощряемомъ притомъ свѣше пышностью царствовавшею при дворѣ,² всѣ усилія ткачей, и преимущественно византійскихъ, обра-щаемы были на то, чтобы усвоить себѣ необыкновенное искусство азі-ятскихъ ткачей. Такимъ образомъ они стали заимствовать образцы спер-ва у персовъ, а впослѣдствіе, начиная съ осьмого вѣка у арабовъ, кото-рые именно тогда въ этой отрасли промышленности отличались большою дѣя-тельностью и изобрѣтательностью по части орнаментовъ. По этому рисунки на византійскихъ тканяхъ, прозванныхъ въ послѣдствіи „бизантеа“ (byzan-
tea), въ первое время (т. е. пока об-разцами служили новоперсидскіе узоры) вращаются по преимуществу въ изобра-женія геометрически начерченныхъ, планетъ, звѣздъ, круговъ и т. п. (ср. фиг. 10), съ примѣсью фантастиче-скихъ животныхъ жесткаго рисунка; а когда пошли въ ходъ арабскіе образцы, узоры представляютъ растенія въ со-четаніи съ „арабесками“ заимствован-ными изъ царства животныхъ и переп-летающимися на подобіе лентъ.³ Матеріи съ подобными узорами, изъ коихъ сохра-нилось лишь не много остатковъ ранней эпохи⁴ (фиг. 32), смотря по характеру украшеній носили различныя названія. Такъ напр., по отношенію къ геометри-ческимъ фигурамъ размѣщеннымъ по большей части въ видѣ каймы вокругъ изображеній животныхъ, матеріи эти назывались „quadruplum, sexaplum“

Фиг. 32.

украшеній носили различныя названія. Такъ напр., по отношенію къ геометри-ческимъ фигурамъ размѣщеннымъ по большей части въ видѣ каймы вокругъ изображеній животныхъ, матеріи эти назывались „quadruplum, sexaplum“

¹ Такъ иж. пр. самому Константину были поднесены черезъ пословъ богатая, шитыя золотомъ и со цвѣтами, иноземныя (варварскія) парадныя одѣянія. Евсевій. Житіе Конст. IV. 7.—² См. въ особ. F. Bock, Geschichte der liturgischen Gewänder des Mittelalters. 1. стр. 4 и сл.—³ Его же: Ein byzantinisches Purpurgewebe des 11. Jahrh. въ Mittheilungen der kais. königl. Central-Commission IV. стр. 257 и сл.—⁴ Ср. Émeric David, Histoire de la peinture стр. 41 и сл.

и т. д.; или смотря по цвѣту ихъ „rodinum, mizillus, imizinum, leucorhodinum“ и пр., иногда названіе давалось по какимъ-либо другимъ украшеніямъ, какъ напр. „auroclavum, chrysoclavum, fundatum, blatthin“ или „blatta“ (слово, означающее особый пурпуровый цвѣтъ), и наковецъ, по главному изображенному на матеріяхъ животному, онѣ назывались то „львиною“, либо „орлиною“, „павлиною“ и пр. — Кромѣ этихъ „византійскихъ“ рисунковъ заимствованныхъ отъ арабовъ, у ткачей еще съ давнихъ поръ былъ въ ходу узоръ, по всей вѣроятности изобрѣтенный ими самими, — греческій крестъ въ кругу, которымъ главнымъ образомъ украшались только облаченія священнослужителей (см. далѣе). Впрочемъ, Византія получала также изъ чужихъ странъ самыя разнообразныя и великолѣпныя матеріи, какъ мж. пр. изъ Италіи и позднѣе изъ Сициліи, гдѣ мавро-норманскія ткани доведены были до высокой степени совершенства, и даже изъ самыхъ отдаленныхъ западныхъ странъ, напр. изъ Англіи, въ томъ числѣ многія матеріи съ изображеніями отдѣльныхъ святыхъ и мучениковъ и цѣлыхъ сценъ изъ священнаго писанія, ¹ страстей I. Христа и т. п.

Хотя послѣдне-упомянутая отрасль фигурнаго украшенія матерій поощрялась еще первыми римскими христіанами, тѣмъ не менѣе въ Константинополѣ она по видимому не развилась далѣе, или даже заглохла подъ постояннымъ вліяніемъ восточной орнаментики, чему быть можетъ здѣсь именно способствовали, съ одной стороны, продолжавшаяся борьба за иконы, и послѣдовавшее за тѣмъ изгнаніе ихъ, (см. стр. 41); съ другой, технической трудность такой работы, такъ какъ потребныя для того образцы не могли быть доставляемы арабами, которымъ законъ запрещалъ воспроизведеніе человѣческихъ фигуръ. Впрочемъ, упомянутыя композиціи вообще рѣдко вставлялись въ самую ткань, но гораздо чаще нашивались, или просто писались красками по матеріямъ. Техническое производство двухъ послѣднихъ родовъ, какъ надо полагать, составляло у грековъ лишь побочную отрасль ткацкаго мастерства при изготовленіи дорогихъ одѣяній и украшеній ихъ драгоценными камнями, жемчугомъ, золотыми бляшками и пр., но наврядъ ли оно достигло какъ на западѣ значенія и развитія самостоятельнаго художества. Такъ напр. произведеніями западныхъ странъ слѣдуетъ считать значительнѣйшую часть тѣхъ священническихъ облаченій съ богатымъ фигурнымъ украшеніемъ, подаренныхъ папами и другими „доброхотными“ жертвователями, о которыхъ около 9-го вѣка съ мелочною подробностью упоминаетъ Анастасій „библіотекаръ“. По этому можно съ достовѣрностью заключить, что такого же происхожденія были и ткани которыя употреблялись въ Византіи, и даже быть можетъ тѣ, коими императоръ Юстиніанъ украсилъ храмъ „Св. Софіи“. ² Такимъ образомъ бѣольшая часть даже такихъ матерій въ которыхъ характеръ изображеній напоминаетъ греческую художественную форму, или на которыхъ встрѣ-

¹ Коранъ хотя и запрещаетъ всякое изображеніе живыхъ существъ, но предписаніе это обходилось тѣмъ, что напр. животнымъ придавали болѣе или менѣе фантастическій, такъ сказать, чудовищный видъ. см. фиг. 32. — ² См. Описаніе храма Св. Софіи и его авлона Силенціарія Павла. Перев. W. Kogit. Отдѣлъ I. стихъ 341 по 368, и въ этому же сравненіе прожилія мрамора съ узорами на тканяхъ. Отд. II. стихъ 283 по 289—

чаются чисто греческія надписи, какъ напр. императорская далматика въ Римѣ, ¹ какъ надо полагать, изготовлялись большею частью иностранными, не византийскими мастерами, при томъ-же, должно быть по заказу грековъ, но съ употребленіемъ греческихъ узоровъ, какими могли послужить миниатюры на пергаментѣ, чѣмъ ктати и объясняются встрѣчаемыя въ нихъ особенности.

Инымъ путемъ шло производство золотыхъ и серебряныхъ тканей (парчей). Такія ткани были извѣстны знатнымъ римлянамъ еще съ начала времени имперіи какъ издѣлія западной Азіи, какъ „*pallia phrigia*“, подъ названіемъ „аталійскихъ“ одеждъ (стр. 7), и какъ предметъ вполне соответствовавшей страсти византийцевъ къ восточной роскоши, онѣ безъ всякаго сомнѣнія вызвали у нихъ самостоятельное производство. Здѣсь техническіе приемы заключались въ томъ, чтобы посредствомъ тонкихъ, обтянутыхъ золотомъ или серебромъ шерстяныхъ нитей возвысить либо узоръ на фонѣ, либо фонъ не трогая узора; ² способъ, употреблявшійся въ позднѣйшее время также персидскими ткачами, и который арабами доведенъ былъ до высокой степени совершенства. Какъ примѣръ характеризующій тогдашнюю роскошь вообще и утонченность съ какою прискивались средства для ея удовлетворенія, укажемъ мж. пр. на то, что на ткани употребляемы были даже жилки морскаго пера, *pinna marina* (Procop. de aedific. III. 1).

Что касается красильнаго мастерства, то нѣтъ никакого сомнѣнія что и эта отрасль въ Византіи достигла замѣчательнаго развитія, благодаря также непосредственному вліянію красильнаго искусства западной Азіи, пользовавшагося съ давнихъ временъ всеобщою славою. По всей вѣроятности какъ тамъ, такъ и здѣсь окрашивались какъ суровье, (или пряжа), такъ и выдѣланные изъ него куски матерій во все извѣстные донинѣ главные цвѣта. Впрочемъ, судя по сохранившимся остаткамъ матерій, и по изображеніямъ одѣяній на греческихъ миниатюрахъ и разноцвѣтныхъ мозаикахъ, надо полагать, что въ древнѣйшую эпоху узорчатая матерія изготовлялись большею частью въ два цвѣта, (съ узоромъ либо свѣтлѣе, либо темнѣе чѣмъ фонъ), и что приблизительно только съ одиннадцатаго столѣтія вошли въ употребленіе болѣе разнообразные оттѣнки. Собственно въ числѣ красокъ первое

¹ Хотя это сравнительно хорошо сохранившееся, облаченіе вообще считается настоящею византийскою работою, тѣмъ не менѣе я не могу согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Прежде всего, какъ мнѣ кажется, такому объясненію противорѣчитъ именно стиль изображенной на далматикѣ многофигурной композиціи, насколько о ней можно судить по имѣющимся рисункамъ. Если даже допустить, что искусство усовершенствовалось въ концѣ 12-го и въ 13-мъ столѣтіи, въ то время когда, приблизительно, изготовлена была эта далматика, то остается, въ художественномъ отношеніи эта работа превосходить почти все что осталось изъ настоящихъ византийскихъ произведеній. Но если принятое мнѣніе действительно вѣрно, что же станется съ установившимся и постоянно повторяемымъ понятіемъ о «муміиной ооченѣлости византийскихъ художественныхъ формъ? Я считаю что это произведеніе дѣйствительно исполнено было по заказу изъ Греціи въ предѣлахъ Византіи, (быть можетъ въ Италіи), при чемъ однако въ основаніе приняты были соответствовавшіе тому образцы. Впрочемъ, какъ по формѣ далматки, такъ и по украшеніямъ на ней, въ числѣ коихъ важное мѣсто занимаетъ греческій крестъ въ кругѣ, видно безсомнѣнно, что это облаченіе первоначально предназначалось не для латинской церкви, но для греческой; сравни противныя этому мнѣнію: Sulpiz Boisseree. *Über die Kaiserdalmatika in der St. Peterskirche zu Rom* съ 5 рисунками; Didron. *Annales archéologiques* I. стр. 152 и сл.—
² Ср. G. Semper. *Der Stil* I. стр. 162.

мѣсто занималъ, какъ еще въ древнемъ Римѣ, опять таки пурпуръ.¹ Щегольство пурпуровыми одѣянiami, достигшее у римлянъ до крайнихъ предѣловъ во время борьбы Константина съ Максенціемъ благодаря общему пренебреженію законѣмъ, до такой степени охватило собою также населеніе Византіи, что Константинъ великій вынужденъ былъ издать новыя, строжайшія постановленія воспрепятствившія ношеніе подобныхъ одѣждъ. Запрещеніе это впрочемъ, подобно изданнымъ прежде постановленіямъ, по всей вѣроятности касалось пока собственно только двухъ самыхъ дорогихъ сортовъ пурпура (*purpura blatta*), а именно, такъ называемаго „*oxyblatta*“, и извѣстнаго по блестящему цвѣту своему „*hiacinthina*“, т. е. „тирскаго“ или дважды крашеннаго пурпура, и „аметистоваго“ или „іантинскаго“; и кромѣ того можетъ быть еще поддѣльныхъ сортовъ пурпура, до обманчивости сходствовавшихъ съ настоящими. За то всѣ остальные оттѣнки поддѣльнаго пурпура, отличавшіеся за исключеніемъ блеска и прочности настоящаго, почти одинаковыми съ нимъ переходами отъ свѣтлорозоваго до фіолетоваго и даже самаго густаго черносиняго цвѣта, безъ сомнѣнія и впредь предоставляемы были частной прихоти и роскоши. Однакожъ, уже въ 424 г. Феодосій II ограничилъ вообще употребленіе красокъ добываемыхъ изъ раковинъ². Впрочемъ, и это запрещеніе повидимому касалось опять-таки только чисто-шелковыхъ одѣяній окрашиваемыхъ приведеннымъ способомъ. Подобныя, вдвойнѣ цѣнныя, какъ по краскѣ, такъ и по матеріи, одѣянiя, составляли исключительное отличіе императорской власти и неотемлемую монополію государства, и за всякое самовольное употребленіе ихъ, будь это для личнаго украшенія или для торговыхъ оборотовъ, законѣмъ опредѣлялась смертная казнь. Но и послѣ этого закона, ограничивавшаго, какъ надо полагать, употребленіе только чисто-шелковыхъ одѣяній, все таки дозволялось носить полушелковыя и шерстяныя матеріи, окрашенныя пурпуромъ изъ раковинъ, и также такія чисто-шелковыя ткани въ которыхъ лишь нѣкоторыя части были окрашены упомянутою дорогою краскою, какъ напр. узоры, полосы или коймы³.

Предписаніе это въ точности соблюдалось вплоть до кончины Юстиніана, но потомъ мало-по-малу утратило свою силу, такъ что въ началѣ шестаго столѣтія, даже партіи въ црквѣ отваживались носить одѣжды окрашенныя пурпуромъ (*oxyblatta*). Злоупотребленіе это потомъ было ограничено предписаніемъ Тиверіа II (между 578 и 582 гг.), при чемъ однакожъ допускалось украшеніе шириною въ два пальца изъ названной краски. Наконецъ,

¹ Сравни по поводу нижеслѣдующаго: W. A. Schmidt. Die griechischen Papyrusurkunden der königl. Bibliothek zu Berlin. Berlin 1842; особ. стр. 157: «Der Purpurluxus» и стр. 172: «Zur Geschichte des Purpurhandels». — ² Настоящій пурпур добывался изъ двухъ видовъ раковинъ, изъ труборога (*chryz., buccinum*) и багрянки (*порпѣра, purpura*). Красильный соевъ содержащій въ раковинахъ перваго вида отливалъ багрянымъ цвѣтомъ, но самъ по себѣ не отличался прочностью, и поэтому къ нему приишвался соевъ изъ настоящей пурпуровой раковины, багрянки. Красильное вещество изъ послѣдней было четырехъ различныхъ цвѣтовъ: чернаго, изсиня-чернаго, (*lividum*, собственно темносиняго), фіолетоваго и краснаго, и стало-быть представлялъ два основныхъ цвѣта, черныи и красный съ переходными ихъ оттѣнками. См. A. Pauly. Real-Encycl. der. class. Alterthumswissenschaft. 1852. VI. I. S. v. purpura. Пер. — ³ Ср. основательное изслѣдованіе подтверждающее вышесказанное у A. Schmidt въ прив. м. стр. 187 и сл. — Запрещеніе продажи пурпура въ 338 г. во всякомъ случаѣ послужило поводомъ къ добыванію красокъ изъ растительнаго царства. Пер.

(около начала девятого столѣтія), Левъ VI отмѣнилъ запрещеніе наложенное на царскій пурпуръ считавшійся дотогъ „священнымъ“ (sacer tingeh), дозволить всеобщее употребленіе на одеждахъ коймъ окрашенныхъ въ поманутиѣй двѣтъ. Долголи оставалось въ силѣ это предписаніе съ точностью нельзя опредѣлить, но во всякомъ случаѣ достовѣрно повидимому то, что съ этихъ поръ повсюду стало распространяться употребленіе пурпура, за исключеніемъ только предоставленнаго для царскаго наряда, сплошнаго окрашиванія одеждъ самымъ высшимъ и дорогимъ сортомъ этой краски. Впрочемъ, тайна этого особеннаго рода промысла погибла при окончательномъ разрушеніи византийской имперіи.

Прочія художественныя ремесла коими занимались византийцы по отношенію къ нарядамъ и одеждѣ, главнымъ образомъ принадлежатъ къ области живописи и пластики, такъ напр. золотыхъ дѣлъ мастерство, рѣзьба по камню и финифтяное искусство. Ремесла эти доставляли византийцамъ не только самостоятельные предметы роскоши, но вмѣстѣ съ тѣмъ также богатая украшенія для парадныхъ одеждъ (стр. 49). Такъ мж. пр. преимущественно въ позднѣйшую эпоху, послѣ Юстиніана, византийское общество, соперничая въ роскоши съ азійцами, буквально навьючивало на себя украшенія, а относительно упомянутого нами сейчасъ способа убранства одеждъ, не только ни въ чемъ не уступало восточнымъ народамъ, но еще прибавило къ нему финифтяную живопись, т. е. искусство наводить по металлу изображенія посредствомъ стеклянистой, разноцвѣтной поливы. Искусство это, ¹ о происхожденіи и древности котораго можно съ достовѣрностью сказать лишь то, что нигдѣ объ немъ не упоминается ранѣе первой половины шестаго столѣтія, ² и что только къ концу девятаго вѣка ему стали подражать въ Италіи, по всей вѣроятности достигло полнаго развитія только у грековъ. На сколько можно судить по дошедшимъ до насъ остаткамъ, техника финифтянаго искусства до конца 12-аго или 13-аго столѣтія ограничивалась двумя различными способами производства. Первый, и вѣроятно древнѣйшій способъ, состоялъ въ томъ, что на металлической пластинкѣ предназначенной для изображенія, намѣчивались очертанія его посредствомъ прикрѣпляемыхъ къ пластинкѣ тонкихъ металлическихъ битей, остававшіяся между ними такимъ образомъ неглубокія гнѣздышки, заливались потомъ плавленною разноцвѣтной стеклянистой массою. Другой приѣмъ заключался въ томъ, что въ самомъ металлѣ вычеканивались углубленія назначенныя для сплавовъ, а контуры оставялись не тронутыми. Послѣдній способъ примѣнялся главнымъ образомъ только къ утвари и предметамъ большихъ размѣровъ; первый, напротивъ, преимуще-

¹ См. объ этомъ: L. Dussieux. Recherches sur l'histoire de la peinture sur émail dans les temps anciens et modernes et spécialement en France. Paris 1841.—M. De Laborde. Notice des émaux exposés dans les galeries du musée du Louvre. I. Partie. (Histoire et description). Paris. 1853. Jules Labarte. Recherche sur la peinture en émail dans l'antiquité et au moyen-âge. Paris. 1856. съ хромолит. изобр. потомъ къ нему ср. F. Kugler. Zur Geschichte des Emails (въ Deutsches Kunstblatt, годъ IX. Stuttg. 1858. стр. 65 и сл.) G. H. Heider въ Mittelalterliche Kunstdenkmale d. österreich. Kaiserstaats, изданныхъ Г. Гейдеромъ и Р. ф. Эйтельбергеромъ, томъ II. Stuttg. 1860. стр. 58 и сл. F. v. Quast и H. Otte. Zeitschrift für christl. Archäologie und Kunst. годъ II. Leipzig 1860. стр. 253 и сл.—² При Юстинѣ I (518—527) и папѣ Гормислацѣ (514—523).

ственно для мелких работ, и въ томъ числѣ для украшеній. Покрайней мѣрѣ до конца 11-аго или начала 12-аго столѣтія эмалевыя работы производились исключительно по золоту, и лишь послѣ этого времени, хотя рѣже, также по мѣди.—Въ золотыхъ дѣлѣ мастерствѣ и связанныхъ съ нимъ другихъ искусствахъ, какъ-то, рѣзбѣ по слоновой кости, обдѣлкѣ драгоценныхъ камней, янтара и тому подобныхъ предметовъ, какъ и вообще въ металлическихъ работахъ, византийцы, по самому положенію своему непосредственно наслѣдовали отъ грековъ и этрусковъ высокое и художественное совершенство, коимъ во всѣхъ названныхъ производствахъ эти народы отличались еще въ самыя древнѣйшія времена. ¹ Обладая такимъ образомъ уже съ раннихъ поръ возможностью соперничать съ техникою восточныхъ народовъ по всѣмъ упомянутымъ статьямъ, византийцы, какъ надо полагать, въ издѣліяхъ своихъ заимствовали у нихъ главнымъ образомъ только формы.

Если мы окинемъ глазами всю массу изображеній костюмовъ, въ сохранившихся доселѣ произведеніяхъ византийской скульптуры и живописи, (на мозаикахъ, въ миниатюрахъ, финифтяныхъ издѣліяхъ и пр.), и ихъ сравнимъ съ одеждою бывшею въ общемъ употребленіи у римлянъ еще во времена Константина великаго, мы убѣдимся что преобразование ея въ настоящее-византийскій костюмъ съ его чисто-восточнымъ характеромъ, совершилось всетаки медленно, невзирая на постоянное и прямое вліяніе востока. Сказанное сейчасъ въ особенности замѣтно по отношенію къ измѣненію костюма низшихъ сословій, т. е. народа, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и подтверждается хотя не многочисленными, но затѣ вполне достоверными свидѣтельствами.

1. Въ числѣ такихъ памятниковъ должно считать остатки (закрашенной нынѣ) стѣнной росписи въ храмѣ „Св. Софія“ ², принадлежащей несомнѣнно ко времени возстановленія этого храма Юстиніаномъ. Въ этомъ фрескѣ, относящемся стало быть къ первой половинѣ шестаго столѣтія, нѣсколько мужчинъ и женщинъ изображены еще въ старинной одеждѣ (въ туникѣ съ длинными рукавами и легкой накидкѣ соответствующей греческому плащу).—Потомъ, другимъ свидѣтельствомъ о продолжительномъ господствѣ этой одежды, служитъ значительное число соответственныхъ изображеній мелкихъ рѣзныхъ вещей изъ слоновой кости обличающихъ несомнѣнно греческое происхождение. Сюда слѣдуетъ отнести, съ одной стороны, различнаго рода предметы церковной утвари, болѣе или менѣе богато украшенные рѣзбою, ³ съ другой, преимущественно доски и „диптихи“, относящіяся большею частью ко времени отъ четвертаго столѣтія до шестаго. ⁴ По этимъ

¹ О развитіи ремеслъ у названныхъ народовъ см. Вышній бытъ народовъ и пр. II. Стр. 142 и сл. 206 и сл. 278 и сл. 376 и сл.—² W. Salzenberg. Altchristliche Baudenkmale. T. XXXI. особ. фиг. 6 и 7. Сравни таблицу XXX и XXXII. ³ Нѣсколько вещей подобнаго рода и фрагменты отъ нихъ хранятся въ берлинскомъ музеѣ; отчасти оригинальныя, отчасти гипсовые слѣпки.—⁴ Изображенія диптиховъ вообще см. у F. Gori. Thesaurus veterum diptychorum consularium et ecclesiasticorum; acc. F. R. Passeri additamento et praef. cum tab. aen. Florent. 1759. J. Montfaucon. L'antiquité expliquée. Sculpture. Suppl. III. гл. 6. S. D'Agincourt. таб. XII. B. Augustin in E. Förstemann. Neue Mittheilungen aus dem Gebiet histor. antiquar. Forschungen. Halle 1848. T. VII. тетрадь 2. стр. 60 и сл. Jahrbücher des Vereins der Alterthumsfreunde in den Rheinlanden VII (1846) стр. 155 и сл. Trésor numismatique (Recueil général des bas-reliefs I. 12; 17. II. 57. 58. Ch. Cahier et A. Martin. Mélanges d'archéo-

изображеніямъ, къ которымъ слѣдуетъ также прибавить нѣкоторыя миниатюры ¹ тогоже времени, мы видимъ еще нагляднѣе чѣмъ по упомянутому фреску, что въ постоянномъ употребленіи были не только длинная туника (talaris или dalmatica), но также болѣе короткая нижняя одежда, хотя исключительно—только у мужчинъ. Потомъ, кромѣ общеупотребительныхъ въ прежнія времена накидокъ (въ родѣ плащей), мы встрѣчаемъ здѣсь родъ штановъ и башмаки въ видѣ носковъ коими прикрыты и обуты ноги фигуръ. ² Вообще, если прослѣдимъ однѣ только фигурныя изображенія на сохранившихся доселѣ произведеніяхъ чисто-византійскаго искусства, то не останется повидимому никакого сомнѣнія, что названная древнеримская одежда оставалась обиходною одеждою еще долго послѣ этого времени, т. е. по крайней мѣрѣ вплоть до конца одиннадцатаго, а быть можетъ и до тринадцатаго столѣтія. Ме-

Фиг. 33.

жду тѣмъ, принимая во вниманіе жесткость и традиціонную условность формъ, свойственныя византійскому искусству приблизительно съ осьмаго вѣка, и благодаря которымъ оно преимущественно въ фигурныхъ изображеніяхъ часто только воспроизводило типы установившіяся въ немъ задолго до этого періода, мы вправдѣ не вполне до вѣрять названнымъ выше изображеніямъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нашему предмету, и должны смотрѣть на нихъ пока только какъ на свидѣтельства требующія критической повѣрки. Такъ ж. пр. въ греческихъ миниатюрахъ десятаго вѣка нерѣдко встрѣчаются фигуры носящія вполне древнегреческій костюмъ (фиг. 33), не говоря о скульптурныхъ произведеніяхъ, въ коихъ это еще чаще замѣтно. Но и въ дру-

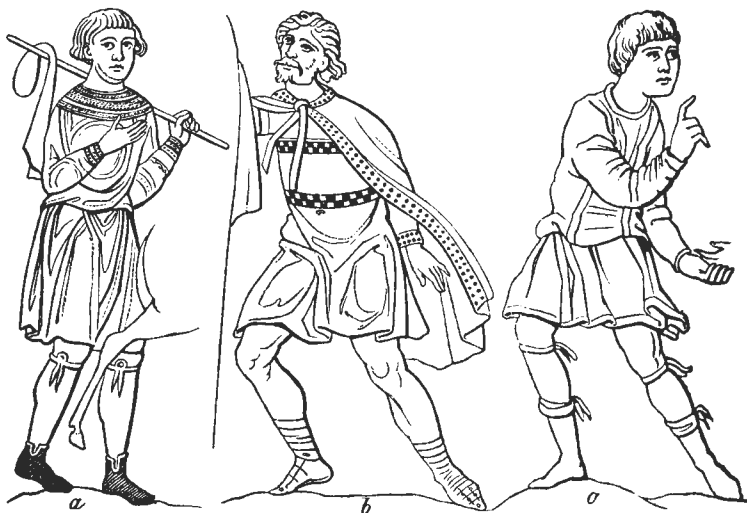
гихъ картинахъ принадлежащихъ къ четырнадцатому вѣку, т. е. къ такому времени, когда византійская одежда уже вполне усвоила себѣ азіатскій ха-

logie I. (Paris 1849); кромѣ того отдѣльныя извѣстія у F. Dibdin. A bibliographical Antiquarian and picturesque tour in France and Germany. London. 1821. в сѣ. II. стр. 146. Hangard-Maugé et Ch. Louandre. Les arts somptuaires etc. 5 и 6. вѣкѣ. Du Sommerard. Les arts au moyen-âge II. Seria V. табл. XI. J. Waring and F. Bedford. Arts treasures. Sculpt. табл. I. Didron. Annales VIII. стр. 33. 197. Ernstaus'm Weerth. Kunstdenkmäler. I. Отдѣлъ I. и II. Томъ. J. v. Hefner-Altenteck. Утварь. и мн. др. Въ «кунстамеръ» берлинскаго музея хранится весьма любопытный консульскій диптихъ съ изображеніемъ людей сражающихся со звѣрами, и зрителями, помѣщенными подъ фигуру консула въ богатомъ украшеніи.—¹ Такъ напр. греческая рукопись 4-го или 5-го вѣка Книги Бытія въ импер. библиотекѣ въ Вѣнѣ; потомъ рукопись Виргилія съ картинками въ ватинанѣ, тогоже времени, и миниатюры греческой рукописи Диоскорида въ Вѣнѣ 6-го вѣка. См. изобр. у Seroux d'Agincourt. Живопись. I. таб. XIX—XXVI.—³ Для настоящей цѣли заслуживаетъ вниманія любопытная доска изъ елоновой кости перешедшая изъ собранія П. Левена въ Кельнѣ въ кунстамеру королевскаго музея въ Берлинѣ. Изображеніе этой доски помѣщено въ «catalogue de la collection

ракетъ, фигуры изображались тѣмъ не менѣ сплошь въ костюмахъ древнеримскаго характера. ¹ Слѣдовательно, если въ этихъ изображеніяхъ мы хотимъ вѣрнѣе отдѣлать то что носить типическій характеръ старины, отъ всего что, въ разные времена, дѣйствительно принято было народомъ, то придется сравнить эти изображенія во первыхъ, съ исторически достовѣрными свѣдѣніями о развитіи византизма вообще, и во вторыхъ, съ тѣми изображеніями византийскихъ памятниковъ, которыя относительно характера костюмовъ соотвѣтствуютъ вышеназваннымъ картинамъ. Изъ подобнаго сличенія однако окажется; во первыхъ, что въ отношеніи внѣшней формы костюма низшихъ сословій, старинная форма одежды этого класса въ Римѣ, въ томъ видѣ какой она имѣла до Константина великаго, едвали удержалась далѣе начала осьмаго или девятаго столѣтія. Но, считая съ этого времени, покрайней мѣрѣ вплоть до начала двѣнадцатаго, въ ней произошли существенныя измѣненія, впрочемъ не столько въ покроѣ сколько во внѣшней отдѣлкѣ.

А. а. Въ костюмѣ мужчинъ, (въ то же время и у западныхъ римлянъ), переменна о которой мы говорили выказывается въ узкости всѣхъ

Фиг. 34.

вообще частей одежды. Такъ напр. прежняя просторная нижняя одежда или туника, послѣ девятаго столѣтія все болѣе и болѣе прини-

des antiquités et d'objets de haute curiosité, qui composent le cabinet de feu Mr. Pierre Leven à Cologne. Cologne 1853 № 816, и у А. v. Eye. Kunst und Leben der Vorzeit vom Beginn des Mittelalters bis zu Anfang des 19 Jahrh. Nürnberg 1855 (№. 8).—¹ Ср. рядъ греческихъ миниатюръ у Seroux d'Agincourt. Живопись I. (съ рукописью ватиканской библиотеки начинающейся съ 7-го или 8-го вѣка) таб. XXVIII и сл. при чемъ слѣдуетъ замѣтить что древнѣйшія византийскія рукописи съ миниатюрами, но большей части суть воспроизведенія еще болѣе древнѣйшихъ, подобно тому какъ составленный въ 9-омъ стол. кодексъ Григорія Назіанзіана есть списокъ съ составленнаго въ 5-омъ и 6-омъ столѣтіи сочиненія. Ср. потомъ и рисунки у Seroux d'Agincourt въ прив. м. таб. XXXI по XXXVI; таб. XLVI; XLVIII; L; LI и пр.

маетъ положительно характеръ узкаго кафтана съ обтяжными рукавами, чему доказательствомъ служатъ мж. пр. миниатюры „Библии Св. Павла“, (писанной, правда на латинскомъ языкѣ) ¹ (фиг. 34 с), и потомъ древнія мозаичныя изображенія въ церкви Св. Марка, ² изобличающія греческое вліяніе и относящіяся по всей вѣроятности къ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія (фиг. 34. а. б). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой одеждѣ произошла и другая перемѣна, въ томъ отношеніи, что мало-по-малу стали исчезать бывшія прежде въ употребленіи продольныя параллельныя полосы (фиг. 26. 27), въ замѣнъ коихъ явились болѣе роскошныя поперечныя бордюры, въ особенности по нижнему краю одежды, вокругъ шеи и рукавовъ (фиг. 34. а. б. с; фиг. 35. с).

б. Кромѣ того, въ этотъ же промежутокъ времени вошелъ почти исключительно во всеобщее употребленіе настоящій накидной плащъ „sagum“, или

Фиг. 35.

(смотря по бѣльшей его полнотѣ) такъ называемый „paludamentum“, составлявшій собственно запасное одѣяніе, и вытѣснилъ собою господствовавшую дотолѣ полугреческую сбористую накидку, „toga graecanica“. Но такъ какъ первая изъ названныхъ одеждъ у римлянъ составляла почетное отличіе присвоенное однимъ только императорамъ и главнымъ полководцамъ, то и здѣсь она преимущественно представлялась властямъ, императору и царедворцамъ, народу же дозволялось носить только послѣднеупомя-

нутую накидку. Та и другая одежда первоначально надѣвались одинаково, т. е. застежкою прикрѣплялись непосредственно на правомъ плечѣ совершенно по древнему обычаю; въ послѣдствіе времени однако, преимущественно нисшія сословія связывали свой плащъ двумя завязками прикрѣпленными къ вороту, и большую часть носили его въ видѣ настоящей открытой спереди накидки спускавшейся по спинѣ (фиг. 34. б; ср. фиг. 28). Въ позднѣйшее время къ этой одеждѣ прибавились украшенія по краямъ въ соответствіе отдѣлкѣ туники.

в. Употребленіе штановъ, испытавшее многочисленные нападки въ древнемъ Римѣ даже въ царствованіе Гонорія, вообще удержалось между византійцами. Впрочемъ и эта принадлежность мужскаго костюма, состоявшая изъ двухъ родовъ, короткихъ штановъ по колѣно, и длинныхъ, прикрывавшихъ всю ногу, въ продолженіе времени, подобно туникѣ, все болѣе и болѣе стала походить на тѣсно облегающую тѣло одежду изъ трико (фиг. 35. а.

¹ См. Seroux d'Agincourt таб. I. LX. «Собраніе жѣсть греческ. отцевъ церкви на книгу Іова, 13-го вѣка»; а именно: фиг. 3 и таб. LXII. «Часть Библии, 14-го стол.» по пзводу вогорой впрочемъ Ф. Куглеръ справедливо замѣчаетъ, что это произведеніе «копія превосходнаго и весьма древнаго труда» I. таб. XLIII и сл.—² Ср. Didron. Annales XVII. стр. 157. J. и L. Kreutz. Der Dom. des heil. Marcus in Venedig. Venedig 1844.

с; ср. фиг. 34. а. в. с; фиг. 9). Кроме того, обь половинки повидимому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ составляли одно цѣлое, но большею частью надѣвались каждая какъ отдѣльная часть въ родѣ чулковъ, и слѣдовательно требовалось при употребленіи ихъ особыхъ шнурковъ или связокъ. При короткихъ штанахъ по колѣно надѣвались преимущественно плотно обтягивавшіе и прикрывавшіе голени чулки, которые пониже колѣнъ подвязывались тесьмою (фиг. 35. а. с; фиг. 34. а. с).

г. Изъ различныхъ родовъ обуви и самой разнообразной отдѣлки, бывшихъ въ употребленіи еще въ глубокой древности, въ теченіе упомянутого времени, сандаліи, какъ менѣе удобная и мало защищавшая ноги обувь, постепенно были вытѣсняемы общеупотребительными со всѣхъ временъ на востокъ башмаками, обхватывавшими всю ступню или только половину ея, и полусапожками затягивавшимися ремешками, и наконецъ, такого же рода высокими сапогами (фиг. 34. а. в. с; фиг. 35. а. в. с.)¹. Обувь постоянно изготовлялась либо изъ кожи, либо изъ крѣпкого войлока; главное украшеніе ея составляли пестрые цвѣта и узорчатая обшивка или вышивка, при чемъ пурпуровый цвѣтъ, а въ позднѣйшее время еще какаятъ извѣстная (?) зеленая краска опятьтаки предоставлены были только царственнымъ особамъ (см. ниже).

д. До самаго конца тринадцатаго столѣтія нисія сословія въ Византіи въ обиходномъ быту вообще все еще держались обычая древнихъ римлянъ покрывать голову только въ исключительныхъ случаяхъ, и скорѣе для защиты себя отъ непогоды и солнца, чѣмъ для красоты. Поэтому они довольствовались изобрѣтенными еще древними, и во всемъ соотвѣтствовавшими назначенію своему, шляпами невысокихъ формъ, съ круглою тульей и широкими полями и низкими шапками и колпаками съ лопалями, не прибавляя къ нимъ отъ себя никакихъ новыхъ формъ. Впрочемъ, повидимому около девятаго столѣтія, они заимствовали отъ народовъ западной Азіи особеннаго рода шапку похожую на „фригійскую“².

е. Возникнувшая вновь при младшихъ императорахъ въ Римѣ, мода носить коротко остриженные волосы и длинныя бороды, хотя въ Византіи поддерживалась примѣромъ азіятцевъ слѣдовавшихъ такому же обычаю, но быть можетъ именно по этой причинѣ, подверглась здѣсь разнымъ стѣсненіямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, даже при бѣгломъ сличеніи относящихся сюда изображеній, мы видимъ наглядно что въ особенности борода отнюдь не во всѣ времена пользовалась одинаковымъ почетомъ, и что даже первые изъ императоровъ восточнаго Рима, отъ Константина до Юстиніана, исключая только Юліана³, предпочитали гладкій

¹ См. Внѣшній бытъ народовъ и пр. II. Стр. 282. — ² Эта шапка какъ и многія другія особенности византийскаго костюма, перешла къ народамъ запада и потому часто встрѣчается на миниатюрахъ 9-го и 10-го столѣтія. Ср. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters. I. таб. 51 и таб. 96. Haggard-Maugé. Les arts somptuaires. (рисунки того же времени и мн. др.) — ³ Юліанъ и въ этомъ случаѣ съ намѣреніемъ шелъ наперекоръ прежде существовавшему обычаю, о чемъ самъ заявляетъ въ особомъ сочиненіи: «Мизогонія» (ненавистникъ бороды), распространяясь въ немъ подчасъ въ довольно грязныхъ выраженіяхъ о папакахъ которымъ онъ подвергался по этому поводу. Такъ иж. пр. въ названномъ сочиненіи онъ съ истиннымъ удовольствіемъ говорить о своей длинной бородѣ—не лишенной обитателей и пр. Гяббонъ гл. XXII.

подбородакъ. ¹ Императоры, а по ихъ примѣру и придворные чины, брили бороду вѣроятно потому только, что въ простомъ народѣ, благодаря азійскому вліянію, все болѣе сталъ распространяться обычай отращивать бороду; въ послѣдствіи, послѣ Юстиніана, ² высшіе классы также стали опять отпускать бороду. ³ Впрочемъ, послѣ этого, издавались по временамъ постановленія относительно уборки волосъ; такъ мж. пр. Теофилъ, у котораго было мало волосъ, приказалъ народу сообразоваться относительно прически своей съ его прическою. Хотя изъ подобнаго рода предписаній повидимому можно заключить, что населеніе Византіи въ эту пору не знало париковъ, ⁴ илиже съ ними уже разсталось, но такое мнѣніе тѣмъ менѣе заслуживаетъ вѣроятія, ⁵ что этотъ странный головной уборъ чисто восточное изобрѣтеніе и былъ во всеобщемъ употребленіи у римлянъ еще со временъ Августа, а въ особенности при младшихъ императорахъ. ⁶ Слѣдовательно, допуская что уборъ этотъ по меньшей мѣрѣ извѣстенъ былъ также въ Византіи, то нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что здѣсь были извѣстны также все прочія козметическія средства, употреблявшіяся издревле народами востока и римлянами для возвышенія своей красоты, какъ-то, румяны, мыла, эссенціи и масла, съ соответственными туалетными принадлежностями и украшеніями различнаго вида (ср. слѣдующія далѣе фигуры).

Б. Въ противоположность мужской одеждѣ, одежда женщинъ, не только въ высшихъ классахъ, но положительно во всѣхъ сословіяхъ, что касается формы удержала почти безъ измѣненія свойственный ей издвна (со временъ Августа) чисто-азійскій отпечатокъ въ продолженіе всѣхъ названныхъ эпохъ (стр. 9). Между женщинами остались по прежнему въ употребленіи, и широкая „стѣла“ съ длинными рукавами, и „туника“, и кромѣ того, употребительныя дотогѣ и почти неизмѣнившія форму свою накидки. Все измѣненія коимъ подвергались эти одежды съ теченіемъ времени, ограничивались главнымъ образомъ перемѣною матерій и орнаментовки. Болѣе всего требовались пестрыя узорчатая ткани доставляемыя азійцами и византійскими ткачами, и бывшія еще прежде въ ходу оборки на одеждахъ (*paruga, praetura, aurifrisia*), отличавшіяся нерѣдко роскошною отлѣлкою своею (фиг. 36).

а. Что касается упомянутыхъ сейчасъ верхнихъ одеждъ, стѣлы и туники, то съ развитіемъ при Юстиніанѣ шелковыхъ фабрикъ, (стр. 47), зажиточныя классы преимущественно стали выбирать для своихъ одеждъ либо чисто-шелковыя ткани, либо полшелковыя съ бѣльшимъ или

¹ Ср. далѣе изображенія названныхъ императоровъ, съ которыми сходятся также изображенія ихъ на монетахъ.—² Впрочемъ и этотъ императоръ представленъ съ бородою, напр. на изображеніи изъ храма Св. Софіи (см. далѣе), но уже въ преклонныхъ лѣтахъ.—³ Ср. въ числѣ приводимыхъ ниже изображеній портретъ Васлія II.—⁴ Theophan cont. III. 17. у K. Sehnaase. Geschichte der bildenden Künste. III. стр. 109. прим.—⁵ См. Вышній бытъ народовъ и пр. I. стр. 31, 152, 198 и пр.— Впрочемъ, какъ нѣкоторые писатели увѣряютъ, Константинъ вел. въ послѣдніе годы носилъ фальшивыя накладки Гиббовъ гл. XVIII.—⁶ Лудурандъ (въ своемъ посольскомъ донесеніи, гл. 40), говоритъ что повелитель грековъ носилъ длинные волосы. Это извѣстіе относится единственно къ Никифору, и не должно быть отнесено безразлично ко всѣмъ императорамъ.

меньшимъ количествомъ настоящаго шелка (фиг. 36), взаменъ употреблявшихся на это прежде преимущественно льняныхъ и шерстяныхъ тканей. Съ этихъ поръ льняныя ткани повидимому шли вообще только

Фиг. 36.

частью на изготовленіе нижнихъ туникъ, соответствовавшихъ вѣроятно нынѣшнимъ сорочкамъ, частью также на нѣкоторыя верхнія одѣянія, головныя покрывала и другого рода накидки (см. далѣе).—По отношенію къ упомянутымъ уже прежде богатымъ украшеніямъ изъ пурпура, коими обшивались и прошивались верхнія одежды (стр. 50), заслуживаетъ вниманія одно постановленіе, изданное къ концу четвертаго столѣтія (въ 393 г.) и запрещавшее строжайшимъ образомъ актрисамъ носить подобныя платья („*alet-hinocrustae*“), безъ сомнѣнія дабы этимъ правомъ могли пользоваться честныя женщины ¹.

6. Въ числѣ накидокъ, отличавшихся тоже сплошь древнимъ покроємъ, византійскія женщины предпочитали въ особенности продолговатыя (на греческій образецъ) плащи, и выкроенныя полукружіемъ (по древне римскому обычаю), но преимущественно „пенулу“ (*paenula*), обхватывавшую все тѣло. Относительно этой накидной одежды, представлявшей собою форму колокола, и имѣвшей одно только отверстіе для головы, всякое внѣшнее измѣненіе

¹ A. Schmidt. Die griechischen Papyrusurkunden и пр. стр. 185 и сл.

само собою должно было ограничиваться только разнообразіемъ матеріала (ср. ф. 36 и фиг. 8). Точно такъ и относительно прочихъ накидокъ, коими кутались женщины, упомянутыя измѣненія главнымъ образомъ заключались въ томъ, что женщины теперь рѣже чѣмъ прежде ими обвертывали тѣло, какъ это дѣлалось съ „греческою тогою“ (*toga graecapica*) (ср. фиг. 3), за то ихъ

Фиг. 37.

чаще стали носить въ видѣ наплечныхъ накидокъ спускавшихся по спинѣ, притянувъ верхніе концы плаща черезъ плечи впередъ и закинувъ потомъ эти концы назадъ, съ лѣваго плеча за правое, и на оборотъ, правый конецъ за лѣвое плечо, если полнота плаща этого допускала, и наконецъ притянувъ верхнюю часть плаща черезъ голову впередъ (фиг. 37). Такое расположеніе верхняго платья, въ связи съ спускавшеюся до земли стѣлою, составляло несомнѣнный отличительный признакъ почтенной женщины, и потому византийское искусство во все времена и даже до пылъ держалось этого типа при изображеніи одежды Богоматери,¹ при чемъ цвѣтъ обѣихъ названныхъ одеждъ почти постоянно либо красный, либо синій. — Кромѣ большихъ платковъ коими обвертывали себя женщины, и которые, какъ понятно, допускали разнообразное примѣненіе, приблизительно съ 11-го столѣтія, между женщинами исключительно высшихъ сословіи вошла въ моду особаго рода накидка. Эта одежда тоже въ древности употреблялась иногда римля-

нами², и, оставляя въ сторонѣ объемъ ея и прочія дорогія украшенія, соответствовала въ сущности мужскому плащу, и подобно ему носилась либо на одномъ только правомъ плечѣ, либо на обѣихъ плечахъ, и застегивалась посредствомъ застѣжки (*fibula*) (фиг. 38. а—с; ср. фиг. 34. b; потомъ и слѣд. за симъ фиг.).

в. Къ числу самыхъ обычныхъ головныхъ уборовъ какіе носили женщины въ связи съ описанными одеждами, судя по изображеніямъ, принадлежали почти неизмѣнно въ продолженіи всехъ временъ, съ одной стороны, опятьтаки бывшіе уже въ общемъ употребленіи у западныхъ римлянокъ еще до начала имперіи, чепцы, сѣтки и головные платки, съ

¹ Сказанное относится, какъ видно, преимущественно къ греческому искусству. На западѣ напротивъ, начиная съ 12-го столѣтія, и отчасти вслѣдствіе усиливавшагося распространенія Богородичнаго культа (ср. F. Klöden. Zur Gesch. der Marienverehrung и пр. Berlin 1840) упомянутый первоначальный типъ и складъ одежды Пресв. Дѣвы постепенно замѣнялся изображеніемъ «Царицы Славы», олицетворяемой по большей части со всѣми соответственными знаками мірскаго величія. Сравни для приѣбра у *Sergoux d'Agincourt*. Живопись; а относительно типическаго изображенія у грековъ въ особенности: I. таб. XVII. 8; таб. XXVIII. 1; XXXIII. 24; LVI. 1; потомъ: таб. LXXXVII и сл.; CIV. 7; CVI. 13, 14; CVII. По западному искусству: I. таб. CIV. 8; CXIII. 3; особенно: II. таб. CXIV. 5; CXXXIX. 3; CXXXVIII. ² См. Вѣщій бытъ народовъ и пр. фиг. 397.

болѣе или менѣе богатымъ украшеніемъ; потомъ, также нѣкоторые заимствованные прямо отъ восточныхъ народовъ виды такихъ же уборовъ ¹.

Впрочемъ, хотя, какъ мы сказали, всѣ эти весьма разнообразныя по формѣ своей головныя уборы были въ ходу въ Византіи, тѣмъ не менѣе въ числѣ ихъ нѣкоторые пользовались особенною благосклонностью женщинъ. Такъ мж. пр. сѣткообразныя наголовники, сплетенныя изъ сереб-

Фиг. 38.

ряныхъ или золотыхъ шнурковъ, и обшитыя дорогими камнями, жемчугомъ золотыми бляшками и пр. (фиг. 39. с. d); потомъ, изъ числа восточныхъ уборовъ, роль древнеперсидской обвязки, свитой спирально изъ двухъ различнаго цвѣта платковъ на подобіе той, какою обматывалась царская тиара ². Этотъ наголовникъ, изображенія котораго встрѣчаются еще на памятникахъ Юстиніанова времени (фиг. 36; ср. фиг. 40), и употребляемый даже въ настоящее время испанскими еврейками въ Константинополѣ ³, повидимому составлялъ отличительную принадлежность замужнихъ женщинъ ⁴. Кромѣ того, плотно прикрывавшіе голову платки и чепцы (фиг. 39. e), украшенные нерѣдко узорчатымъ шитьемъ (фиг. 39. a. b), гораздо чаще носились женщинами почтенныхъ лѣтъ, чѣмъ молодыми дѣ-

¹ См. общее сопоставленіе ихъ (преимущественно по монетамъ) у J. Malliot и P. Martin. *Recherches sur les costumes etc.* (изд. нѣмецкое) I. таб. LVI и сл. —
² Ср. Внѣшній бытъ народовъ и пр. I. стр. 196. —³ W. Sulzenberg. *Altchristliche Vaudenkmalе*. Прим. къ табл. XXXII. фиг. 3. —⁴ Ср. I. Посланіе къ Коринтянамъ. XI. б—14. —⁴ Такъ напр., на одномъ изъ мозаичныхъ изображеній въ церкви Сав'Виталѣ въ Равеннѣ, относящемся ко времени Юстиніана, супруга этого императора, и нѣкоторыя изъ провожающихъ его придворныхъ дамъ представлены съ совершенно покрытыми волосами, а одна изъ нихъ уже съ описанною сейчасъ, взбитою вверхъ прическою; ср. фиг. 36 и послѣдующія изображенія.

вицами. Последнія покрывали себѣ голову преимущественно выше упомянутыми чрезвычайно нарядными и красивыми сѣтками, и для бѣльшого украшенія надѣвали на голову любимыя съ древнѣйшихъ временъ дѣвками какъ

Фиг. 39.

Фиг. 40.

на востокѣ, такъ и на западѣ, золотыя повязки и діадемы, украшенныя часто драгоценными камнями (фиг. 38. a. d).

г. Женскую обувь составляли безъ измѣненія либо цвѣтныя, либо вышитыя полубашмаки, (обыкновенно съ полукруглою выемкою), сходные во всѣхъ отношеніяхъ съ употребляемыми всюду въ настоящее время женскими башмаками.

д. Что касается уборки волосъ, то византійскія женщины несмотря на частыя измѣненія прически, судя опятьтаки по памятникамъ (см. далѣе), слѣдовали преимущественно модѣ связывать волосы взбѣвая ихъ вверхъ къ маковкѣ, такъ сказать, пучкомъ, или заплетать въ косы, или же наконецъ ихъ совсѣмъ закрывали (фиг. 40; фиг. 36). Оставляя въ сторонѣ послѣдній обычай, удержавшійся повидимому приблизительно до конца царствованія Юстиніана, ⁴ остается только замѣтить, что при первыхъ изъ названныхъ способахъ прически, почти безъ исключенія захватывалась вся масса волосъ на темени изъ которой заплетались широкія косы, которыя, загибаясь сзади вполнѣ обрисовывали щеки. Въ эти косы иногда вплетались нити изъ настоящихъ жемчужинъ, драгоценныхъ камней, также цвѣтныя ленты и пр.

Что касается другихъ предметовъ для украшенія, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между высшими сословіями мода на подобныя вещи не только достигла значительныхъ размѣровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и до крайности возвысила цѣну на нихъ. Все что съ давнихъ временъ по этой части производило греко-италійское искусство, всѣ различнѣйшей формы предметы служившіе для украшенія, которые доставлялъ востокъ, все это въ избыткѣ предлагалось прекрасному полу въ Византіи. Такимъ образомъ понятно, что здѣсь можно было встрѣтить всѣ издавна уже употреблявшіеся для украшенія предметы, отличавшіеся большею или меньшею цѣнностью, смотря по положенію и по средствамъ тѣхъ, кто ими обладали, какъ напр. богато украшен-

ныя жемчугомъ серьги, золотыя браслеты и кольца, всякаго рода металлическія подвѣски, бляшки носимыя на груди, застежки и т. п.—Въ позднѣйшее время особенно любимымъ украшеніемъ стали мелкія изображенія прикрѣпленныя къ шейнымъ цѣпочкамъ и нерѣдко спускавшіяся глубоко на грудь. ¹

II. Одновременно съ измѣненіемъ одежды нисшихъ классовъ населенія, измѣнилась также своимъ порядкомъ одежда господствовавшихъ сословій. Между тѣмъ какъ первая главнымъ образомъ усвоила себѣ постепенно формы народной одежды изстари употреблявшейся западно-азійскими народами, лидійцами, фригійцами и персами; одежда знатныхъ также почти исключительно придерживалась, какъ образца, той особенной формы одежды, которая тоже издавна принята была высшими сословіями у упомянутыхъ народовъ. ² Хотя богатыя восточныя моды усвоиваемы были высшими сословіями въ Римѣ еще въ началѣ временъ имперіи, но до эпохи Константина великаго онѣ составляли только одиночныя явленія, и не ранѣе какъ съ воцаренія этого императора вполне освоились въ высшемъ обществѣ. Съ этихъ поръ исключительнымъ мѣриломъ моды стала придворная пышность введенная Константиномъ по азіатскому образцу. Съ нею должны были сообразоваться высшія сословія государства, къ которымъ, кромѣ многочисленныхъ придворныхъ, принадлежала еще масса должностныхъ лицъ. Сверхъ установленныхъ для сановниковъ опредѣленныхъ знаковъ отличія, одежда ихъ мѣнялась соотвѣтственно прихоти и модѣ костюма царствующей четы. По этому поводу путешественникъ Веніаминъ Тудельскій въ своемъ описаніи Константинополя (1160 г.) говоритъ о знатныхъ грекахъ, что „когда они проѣзжаютъ на лошадяхъ по улицамъ Константинополя въ своихъ шелковыхъ, богато украшенныхъ шитьемъ одѣяніяхъ, ихъ можно бы считать за князей царской крови“ ³. Относительно женщинъ знатнаго рода въ Византіи из-

¹ M. Sachs. Beiträge zur Sprach—und Alterthumsforschung aus jüdischen Quellen. Berlin. 1852. стр. 61.—² Указавъ выше (стр. 55. А. я.) какъ на главное послѣдствіе преобразования византійской народной одежды на то обстоятельство, что покрой мужской одежды сталъ уже, мы считаемъ нужнымъ разъяснить по этому поводу кажущееся противорѣчіе въ виду общепринятаго мнѣнія, будто бы восточный костюмъ положительно во все времена отличался полнотою и обиліемъ складокъ. Это мнѣніе справедливо, но только по отношенію къ костюму господствовавшихъ на востокѣ сословій; одежда нисшихъ классовъ населенія, напротивъ, отличалась отъ первой сравнительно узкими размѣрами. Въ подтвержденіе сазаннаго сейчасъ приведемъ памятники, и прежде всего ассирійскія и древнеперсидскія изваянія, потому все изображенія лидійскаго и фригійскаго костюмовъ на греческихъ вазахъ и стѣнописи; далѣе, изображенія персовъ на великогѣпномъ мозаичномъ произведеніи, найденномъ въ Помпей и представляющемъ, какъ полагаютъ, сраженіе Александра противъ Дарія; о другихъ свидѣтельствахъ мы умалчиваемъ. Ср. Внѣшній бытъ народовъ въ пр. I. и помѣщенные тамъ рисунки съ упомянутыхъ сейчасъ памятниковъ.—Обычная на востокѣ въ настоящее время широкая одежда, сложилась отчасти подъ вліяніемъ арабскаго, отчасти (позднѣйшаго) турецкаго костюмовъ. Но хотя арабское вліяніе отразилось на формѣ «новоперсидскаго» костюма, и съ 9-го столѣтія также на складѣ одежды высшихъ сословій въ Византіи, тѣмъ не менѣе собственно народная одежда осталась нетронута имъ, чему служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ относящіяся сюда изображенія.—³ Е. Гиббонъ. Исторія паденія и пр. гл. LIII.—Новѣйшее изданіе Веніамина Туделы, послѣ изданія Asher, съ англійскимъ переводомъ, вышедшаго въ 1840 въ Берлинѣ, изд. S. Keizer. Reize van Benjamin van Tudela in den Jaren 1160—1173 door Europa, Azie en Afrika, Leyden 1846. Ср. тоже Liutprand. Constant. c. 37 (около 968 г.).

давна существовалъ обычай, по которому въ извѣстные торжественные дни греческія императрицы имъ даривали драгоценныя одежды, окрашенныя въ пурпуровый цвѣтъ, для храненія коихъ въ царскомъ дворцѣ находилась особая „пурпуровая комната“, такъ называемая „porphyra“¹.

Не считая цѣнности матеріи и украшеній, костюмъ господствовавшихъ сословіи главнымъ образомъ разнился отъ народнаго тѣмъ, что какъ у мужчинъ такъ и у женщинъ, нижняя одежда постоянно одинаково сохраняла характеръ просторной туники съ длинными рукавами прикрывавшей все тѣло, а верхняя одежда форму накидки спускавшейся до самыхъ ногъ. Одежда должностныхъ лицъ, смотря по чинамъ ихъ, отличалась большею или меньшею длиною, шириною и богатствомъ.—Къ этому слѣдуетъ прибавить что греческіе императоры и вообще знатные византийцы носили такъ называемую теристру (teristra), родъ налоговника закрывавшаго затылокъ и плечи; и только въ теристрѣ, но отнюдь не въ шляпѣ, дозволялось представляться императору по греческому придворному этикету.² Такъ какъ высшія сословія для своихъ одѣяній употребляли самыя цѣнныя матеріи, а послѣ временъ Юстиніана по всей вѣроятности преимущественно самыя крѣпкія и плотныя шелковыя ткани, и ихъ къ тому же въ послѣдствіе стали обыкновенно украшать тяжелымъ золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными кзнями въ золотой оправѣ (какъ въ особенности императоры), то понятно что вслѣдствіе этого византийскій костюмъ получилъ тотъ жесткій и безжизненный характеръ, напоминающій собою формы древнѣйшихъ восточныхъ нарядовъ, и какой мы встрѣчаемъ на изображеніяхъ восточно-римскаго искусства.

А. О формѣ одежды византийскихъ императоровъ и императрицъ можно составить понятіе какъ по описаніямъ, такъ и по довольно значительному ряду изображеній въ числѣ коихъ многія современны имъ, и въ которыхъ они представлены въ ихъ царскихъ костюмахъ.

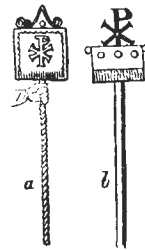
Этотъ рядъ можно бы считать почти полнымъ, еслибы туда же включить и портреты царей на византийскихъ монетахъ, но для насъ важны преимущественно только болѣе крупныя миниатюрныя, мозаичныя и скульптурныя изображенія нѣкоторыхъ изъ этихъ государей, начиная съ Θεодосія. Кромѣ того, только эти изображенія, и въ особенности самыя древнѣйшія изъ нихъ, при сличеніи съ соотвѣтственными имъ типами на монетахъ, несравненно болѣе чѣмъ однѣ монеты способны дать вмѣстѣ съ тѣмъ и наглядное понятіе о перемѣнахъ происшедшихъ въ формѣ царскаго наряда еще до временъ Θεодосія великаго.

1. О дальнѣйшемъ измѣненіи царемъ Константиномъ великимъ той парадной одежды, которую для себя избралъ еще Діоклеціанъ по восточнымъ об-

¹ Ducange. Constantinopolis christiane II. c. 4. E. Gibbon, гл. LIII. K. Schnaase. Geschichte III. стр. 154.—² Liudprand (Gesandtschaftsb. c. 37. 40. 54). J. Falke. Zur Costümgeschichte des Mittelalters, въ Mittheilungen der k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Wien. v. Jahrg. (1860) № 7. pag. 190, полагаетъ что греческіе императоры теристру носили тоже подъ короною, что дѣйствительно весьма вѣроятно, хотя намъ не удалось найти тому примѣра въ числѣ извѣстныхъ намъ изображеній византийскихъ императоровъ.

разцамъ, мы имѣемъ лишь скудныя свѣдѣнія. ¹ Нарядъ этотъ состоялъ изъ еще болѣе цѣнныхъ, узорчатыхъ шелковыхъ тканей, съ несравненно роскошнѣйшимъ шитьемъ изъ жемчуга и дорогихъ камней и гораздо болѣе числомъ украшеній, ожерелій и браслетовъ. Кромѣ того императоръ носилъ діадему, состоящую, судя по изображеніямъ на монетахъ ², либо изъ полосы, либо изъ цѣпи драгоцѣнныхъ камней четырехугольной формы, связанныхъ между собою жемчужинами расположенными подвѣ одна надъ другою. Къ этому надо прибавить установленныя впервые этимъ императоромъ знаки христіански-императорской власти, такъ называемое „*labarum*“ (заимъемое теперь вѣроятно скипетромъ), и большой золотой шаръ съ утвержденнымъ на немъ крестомъ ³. Этотъ шаръ, представлявшій собою удобный предметъ для богатаго украшенія драгоцѣнными камнями, ознаменовывалъ конечную побѣду Христіанства надъ міромъ; такое же значеніе имѣло вѣроятно также *labarum* ⁴. Это была хоругвь, или искусно украшенный шестъ съ поперечнымъ прикрѣпленнымъ къ нему древкомъ, съ котораго спускался четырехугольный пурпуровый платъ съ изображеніемъ на немъ монограммы I. Христа, которая иногда также помѣщалась непосредственно на самомъ шестѣ (фиг. 41, ср. фиг. 25). Хоругвь эта служила главнымъ знаменемъ въ греческомъ войскѣ и считалась охранительницею его.

Фиг. 41.

2. Въ такомъ видѣ этотъ роскошный царскій нарядъ, напоминавшій складомъ своимъ женское одѣяніе, перешелъ къ ближайшимъ преемникамъ Константина, къ его изжитѣннымъ сыновьямъ; благодаря господствовавшей при дворѣ пышности, онъ удержался при нихъ вплоть до воцаренія Юліана. При этомъ императорѣ, преданномъ язычеству, царскій костюмъ впалъ въ совершенное пренебреженіе. Юліанъ, по природѣ своей не любившій никакой пышности, не только считалъ роскошныя одежды ненужнымъ хламомъ, но даже не стѣсняясь осмѣивалъ ихъ какъ порожденіе тщеславія. Ставъ лично въ оппозицію съ новымъ порядкомъ вещей, онъ и въ этомъ отношеніи бросался въ противоположную крайность, такъ что, пренебрегая для своей особы всѣми приличіями, онъ съ истинно циническимъ наслажденіемъ публично хвастался неряшливостію своимъ ⁵.

Естественнымъ послѣдствіемъ всего этого было, что на знаки царскаго сана, считавшіяся дотодѣ священными и неприкосновенными, въ Византіи

¹ Ср. E. Gibbon. гл. XVIII. F. Manso. Leben Constantins стр. 211. ² См. особ. J. Eckhel. Num. veter. III, стр. 72; въ этому: Friedländer въ E. Gerhard's Denkmäler und Forschungen. Archäologische Zeitung Jahrg. XVIII. (1860) № 136. стр. 34. и F. Völkel. Beschreibung einer seltenen Silbermünze von Constantin dem Grossen. Göttingen 1801, впрочемъ подлинность описываемой здѣсь монеты еще не доказана. ³ На большой части статуй изображающихъ, какъ полагаютъ, императора Константина великаго встрѣчается этотъ шаръ, но не всегда легко опредѣлить, небылъ ли онъ прибавленъ въ позднѣйшее время. Впрочемъ, это царское отличіе носилъ тоже Феодосій на современномъ этому императору барельефѣ. Кромѣ того шаръ не рѣдко встрѣчается на весьма древнихъ произведеніяхъ изъ рѣзной кости; такъ у Didron, Annales XVIII. стр. 33. ⁴ Ср. E. Gibbon. гл. XX; F. Manso. Leben Constantins стр. 81. особ. стр. 319 и сл., J. Burckhardt. Die Zeit Constantins des Grossen. стр. 392 и сл. — ⁵ Ср. выше стр. 57, прим. 3.

вскорѣ народъ сталъ смотрѣть какъ на лишенный значенія нарядъ, который всякому дозволялось носить. Впрочемъ, императоръ никому въ этомъ и не препятствовалъ. Разъ, какойто богатый гражданинъ изъ Анкиры привлеченъ былъ къ суду за то, что для собственнаго употребленія заказалъ себѣ пурпуровое одѣяніе ¹ (какое носили императоры), за что по закону полагалась смерть; Юліанъ, приказавъ виновника (какъ мнимаго соперника своего), привести во дворецъ, его отпустилъ подаривъ ему въ насмѣшку, и для дополненія его наряда, пару императорскихъ пурпуровыхъ башмаковъ, предметъ, составлявшій также исключительно принадлежность одежды греческихъ властителей ².

3. Такое неуваженіе къ освященнымъ древностью регаліямъ продолжалось впрочемъ вѣроятно не далѣе конца царствованія Юліана (стр. 38), и быть можетъ послѣдствіемъ его было, что ближайшіе преемники этого императора, уступая общему направленію умовъ, не рѣшались вдругъ опять ввести при дворѣ этотъ нарядъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ установленъ былъ Константиномъ великимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы не безъ основанія вправѣ предположить по отношенію къ Іовіану, по свойственной ему нерѣшительности характера и тому рвенію съ какимъ онъ принялся возстановить церковь; точно такъ и относительно строгаго Валентиніана, съ самаго дѣтства привыкшаго болѣе къ солдатской жизни, и въ особенности Граціана. Послѣдній, живя вдали отъ Византіи въ своей резиденціи въ Галліи, и къ тому же не любившій подчиняться стѣснительному придворному этикету, предпочитая охоту заботѣ о государствѣ, по всей вѣроятности менѣе другихъ содѣйствовалъ возстановленію при дворѣ пышнаго царскаго наряда. Даже въ частной жизни своей онъ обыкновенно предпочиталъ носить полушубокъ, какой носили „Аланы, искусные въ метаніи стрѣлъ, чѣмъ надѣвать обычную въ его время парадную одежду не соответствовавшую по широкимъ размѣрамъ своимъ его страсти къ охотѣ, хотя войско громко на это рождало ³.

4. По всей вѣроятности только преемникомъ его, Θεодосіемъ великимъ, завладѣвшимъ всей имперіею около 388 г. и любившимъ придворную пышность, царскій нарядъ, бывшій дотолѣ въ пренебреженіи, возстановленъ былъ опять въ его преемствѣ значенія.—Съ этого императора начинается рядъ достовѣрныхъ изображеній правителей имперіи, которыя наиболѣе даютъ понятіе о деталяхъ упомянутаго царскаго наряда.

¹ См. выше стр. 51. — ² Какое значеніе имѣли упоминаемые здѣсь пурпуровые башмаки, и какъ долго оно продолжалось, объ этомъ мн. пр. наглядно свидѣтельствуютъ изображенія на бронзовыхъ вратахъ въ главномъ входѣ храма С. Марка въ Венеціи, относящіяся къ 10-ому или 11-ому столѣтію. Хотя изображенія эти всѣ безъ исключенія состоятъ изъ однихъ только очерковъ проложенныхъ серебряною нитью, тѣмъ не менѣе художникъ не забылъ отмѣчать стародавнія отличія господствовавшихъ сословій,—напр. красные обнизанные жемчужомъ башмаки царственныхъ особъ; простой красный башмакъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ и кое-гдѣ даже красныя полосы (*latus clavus*) на тогахъ. Ср. въ *Jahrbuch der k. k. österreichischen Central-Commission* IV. (1860) стр. 227 и сл. изданныя Albert'омъ Camesina изображенія вышеупомянутыхъ вратъ, въ особенности же таб. I. фиг. 1. (Царь Давидъ) и таб. II. фиг. 3 и фиг. 4. (Гавріилъ и Михаилъ), въ которыхъ съ точностью переданъ характеръ оригиналовъ.—
³ E. Gibbon, гл. XXVII.

Одно изъ такихъ произведеній, посвященное памяти самого Θεодосія великаго, это довольно массивный круглый щитъ изъ серебра,—такъ называемый „серебряный бадахосскій щитъ“ чеканной работы ¹. По срединѣ на немъ представленъ Θεодосій, по правую его руку Аркадій, по лѣвую Гонорій, всѣ трое возсѣдающими на высокихъ креслахъ. По сторонамъ послѣднихъ стоятъ воины со щитами, а нѣсколько ниже ихъ (противъ Θεодосія) чиновникъ. Императоръ представленъ въ полномъ облаченіи, а сыновья его въ одѣянїяхъ почти одинакого убранства. И такъ, въ особенности судя по весьма отчетливому изображенію Аркадія (фиг. 42), облаченіе состояло (почти какъ при царѣ Константинѣ), изъ шелковой (вѣроятно бѣлаго цвѣта), „стѣлы“, съ богатыми украшениями на верхней ея части, и изъ оплечья пурпуроваго цвѣта, сдерживаемаго вверху драгоцѣнною застежкою, а внизу вышитымъ золотомъ, широкимъ, четырехугольнымъ „clavus“; потомъ изъ богато украшенныхъ золотомъ и жемчугомъ пурпуровыхъ башмаковъ (стр. 66) и довершалось драгоцѣнною діадымою. Діадыма однако здѣсь не такая какую носилъ Константинъ (стр. 65), но просто обручъ обнизанный густо по обоимъ краямъ жемчугомъ и украшенный по срединѣ спереди на лбу крупнымъ драгоцѣннымъ камнемъ въ золотой оправѣ. Украшеніе это современно Θεодосію, какъ видно вообще по другимъ относящимся сюда памятникамъ ².—Кромѣ того Аркадій здѣсь держитъ въ правой рукѣ простой, изогнутый вверху жезлъ (посохъ), въ родѣ римскаго „lituus“, быть можетъ вмѣсто такъ называемаго *labarum* (хоругви), (стр. 65), составлявшаго исключительно принадлежность императорскаго сана, и которое иногда замѣнялось длиннымъ позолоченымъ жезломъ въ видѣ скипетра. Въ лѣвой рукѣ Аркадій держитъ большой земной шаръ (державу, царское яблоко, (стр. 65), съ двумя крестообразно проведенными по немъ полосами. Съ такимъ же шаромъ въ рукѣ, но безъ жезла, представленъ и Гонорій, а сидящій между обоими императоръ даже безъ державы и скипетра.

5. Съ этимъ истинно царскимъ великолѣніемъ согласуются вполне свѣдѣнія сообщаемыя о пышности, которую лично для себя Аркадій ввелъ при своемъ воцареніи, и вдобавокъ, ими же и подтверждается мнѣніе, что главнымъ виновникомъ возобновленія придворной пышности слѣдуетъ считать

Фиг. 42.

¹ Cp. Delgado въ Sitzungsberichten der Wiener Akademie, historisch — philosophische Klasse III. стр. 220. съ изображ., потомъ E. Gerhard. Archäolog. Zeitung. Jahrg. XVIII. таб. CXXXVI. фиг. 5. На этихъ изображеніяхъ мало подробностей. Я держусь, при предлагаемомъ описаніи, оригинальнаго слѣпка находящагося въ берлинскомъ королевск. музѣ. — ² J. Friedländer въ E. Gerhard: archäologische Zeitung Jahrg. XVIII. № 136. стр. 35 и сл.

Θεοδοσία. „Императоръ“—говорить Св. Златоустъ—„носитъ на головѣ либо діадиму, либо золотую корону украшенную драгоценными камнями. Обѣ эти регалии, какъ и пурпуровыя облаченія, предоставлены единственно только его священной особѣ. На шелковыхъ одѣянїяхъ вытканы золотомъ изображенія драконовъ. Его тронъ изъ массивнаго золота. Всякій разъ когда онъ является народу, его сопровождаютъ придворные чины, тѣлохранители и слуги. Копья, латы и щиты ихъ, равно и узды и покрывала на лошадяхъ, или сплошь золотыя, или кажутся таковыми, и широкія блестящія выпуклины посреди щитовъ окружены меньшими выпуклостями, каждая въ видѣ человеческого глаза. Пара отборныхъ лошаковъ, запряженныхъ въ императорскую колесницу, бѣлаго цвѣта безъ отмѣтинъ и покрыты золотомъ (парчею?) Колесница сдѣланная вся изъ чистаго золота возбуждаетъ удивленіе толпы, созерцающей съ изумленіемъ пурпурныя завѣски, бѣлый коверъ, драгоценные камни и золотыя бляхи сверкающія яркимъ блескомъ отъ сотрашенія во время ѣзды“¹.

6. Такая роскошная обстановка продолжалась также при непосредственныхъ преемникахъ Θεοδοσία, Анѳиміѣ и „благочестивой“ Пульхеріи, временно управлявшихъ государствомъ въ несовершеннолѣтіе законнаго наследника престола Θεοδοσία II. Пульхерія (главнымъ образомъ для несовершеннолѣтняго брата своего), удержала во всемъ придворную пышность которой придавала особенную важность. Занимаясь сама, какъ настоятельница духовной общины, сооруженіемъ великолѣпныхъ церквей, молитвою, пѣніемъ и вышиваніемъ драгоценныхъ облаченій, она въ то же время приучала брата къ придворному этикету и къ обращенію, соответствовавшему его высокому сану². Съ заботливостью наставляя брата, какъ—„съ важностью восходить на тронъ, какъ возсѣдать на немъ, какъ съ достоинствомъ подбирать одежду, воздерживаться отъ смѣха“ и пр., и соблюдая сама въ точности подобныя внѣшніе приемы, она навѣрно также собственнымъ своимъ костюмомъ старалась ему подавать примѣръ. Какого рода былъ этотъ костюмъ, и также костюмъ супруги императора, аѳинянки Евдокіи, объ этомъ безъ сомнѣнія можетъ дать самое наглядное понятіе нижеслѣдующій памятникъ временъ Юстиніана.

7. а. Этотъ часто описанный и воспроизведенный изобразительнымъ искусствомъ памятникъ³, состоитъ изъ двухъ большихъ мозаичныхъ картинъ

¹ Ср. E. Gibbon, гл. XXXII, по описанію нравовъ Θεοδοсіеваго вѣка, извлеченному изъ твореній Св. Златоуста патеромъ Montfaucon. IT. XIII. стр. 192 и сл. и «Mémoires de l'Académie des inscriptions». T. XIII. стр. 474 по 490.—² E. Gibbon, гл. XXXII. — ³ Ciampini. Monumenta vetera II. таб. XXII. стр. 58., потомъ у Ségouix d'Agincourt Peint. I. таб. XVI. 8 (то и другое не вполне удовлетворительно. Несравненно лучше (въ праскахъ) Rev. archéologique etc. 7 годъ 16 выпуска. (Paris 1850) стр. 351. Galli Knight. Ecclesiastical architecture I. таб. 92. J. v. Hefner. Trachten des christlichen Mittelalters. I таб. 91. 92. F. v. Quast. Ravenna стр. 28 упоминаетъ объ этихъ изображеніяхъ только мимоходомъ, подробнѣе описаніе у Ф. Куглера. Рук. къ ист. искусства русск. пер. I. стр. 249. Однако, какъ на тщательно повиданному исполнены упомянутые рисунки въ приведенныхъ сейчасъ сочиненіяхъ (Revue, Galli Knight, J. v. Hefner), тѣмъ не менѣе между ними встрѣчаются нѣкоторыя разности. Я придерживаюсь копій сдѣланной Э. Ферстеромъ по порученію короля Фридриха Вильгельма IV на самомъ мѣстѣ и которою пользовался I. ф. Гефнеръ въ своемъ сочиненіи.

находящихся другъ противъ друга въ алтарѣ богатой церкви св. Виталія въ Равеннѣ, и относятся объ къ освященію ея въ 547-мъ г. Максиміаномъ. На одной изъ этихъ картинъ представленъ Юстиніанъ и упомянутый сейчасъ святитель, въ сопровожденіи священниковъ, государственныхъ чиновъ и воиновъ (фиг. 43); на другой въ такомъ же порядкѣ супруга Юстиніана Теодора сопровождаемая прислужницами. Какъ на императорѣ, такъ

Фиг. 43.

и на Теодорѣ богатое царское облаченіе, почти одинаково у обоихъ и въ сущности соотвѣтствуетъ еще довольно близко костюму Аркадія. Однако, при всемъ сходствѣ императорскаго наряда съ костюмомъ Аркадія, — (оставляя совершенно въ сторонѣ одѣяніе Теодоры), въ первомъ изъ нихъ замѣтно не мало своеобразныхъ отступленій, которыхъ нельзя не считать нововведеніями прибавленными самимъ Юстиніаномъ. Облаченіе его хотя и состоитъ какъ у Аркадія, изъ украшенной золотомъ нижней одежды, потомъ, широкой, вышитой золотомъ пурпуровой мантии, обнизанныхъ жемчугомъ башмаковъ и жемчужной діадимы, но оно рознится отъ Аркадіева костюма тѣмъ, что блестящая бѣлая нижняя одежда укорочена почти до колѣнъ, а „clavus“ на мантии подвинутъ вверхъ къ груди, какъ у сенаторовъ (фиг. 12; фиг. 51)¹, и притомъ украшенъ изображеніями птицъ. Кромѣ того діадимъ даны высокіе размѣры настоящей короны. — Впрочемъ, надо замѣтить, что византийскіе императоры, совершенно по образцу азіатскихъ властителей, держали у себя наготовѣ перемѣны облаченій, весьма различной обдѣлки и предназначенныя для особенныхъ случаевъ, чѣмъ, быть можетъ и объясняются приведенныя выше разности. Такъ иж. пр.² въ среднемъ пространствѣ купола храма св. Софій въ Константинополѣ находится (правда, закрашенное теперь) полукруглое мозаичное изображеніе относящееся по всей вѣроятности ко времени отъ 558-го по 563-й г., на которомъ этотъ императоръ представленъ въ совершенно другомъ костюмѣ (фиг.

¹ Этотъ же императоръ представленъ на диптихѣ изъ слоновой кости, изображенномъ у Seroux d'Agincourt. Sculpt. таб. XII. 5. Онъ держитъ шаръ съ крестомъ наверху.

² Сравни не вполнѣ подлинное грудное изображеніе императора у Ser. d'Agincourt Peint I. таб. XVI. 18.

45; ср. фиг. 46). Онъ изображенъ на этой картинѣ поклоняющимся I. Христу, точно въ такомъ положеніи, въ какомъ подданнымъ предписано было приближаться къ особѣ государя. Здѣсь нижняя одежда синяго цвѣта, и обшита по рукавамъ, у плеча и на сгибѣ руки узкими черными полосами украшенными золотыми кружечками. Мантия императора зеленая, цвѣта морской воды и, какъ надо полагать, съ серебрянымъ протокомъ; подбой темнокраснаго цвѣта, застежка на мантии красная съ золотомъ. Башмаки красные и унизаны жемчугомъ. Диадима изъ золотого обруча украшеннаго золотыми шариками, а спереди (посерединѣ на лбу) маленькимъ крестомъ. — Костюмъ императора при коронованіи, опять-таки былъ повидимому другого рода ¹. Потомъ, существовалъ также обычай, что императоры

Фиг. 44.

только въ извѣстные особенные праздничные дни, въ Рождество, Срѣтеніе и пр. при богослуженіи являлись въ коронѣ ².

7. 6. Костюмъ императрицы Теодоры на упомянутой выше мозаичной картинѣ, соответствуетъ въ общемъ, какъ мы сказали, изображенію современнаго ему наряда Юстиніана. Подобно императору, Теодора представлена (фиг. 47 а; ср. фиг. 44) въ широкой бѣлой нижней одеждѣ съ узкими рукавами, украшенной золотымъ шитьемъ и бордюромъ изъ разноцвѣтныхъ камней. Мантия пурпуроваго цвѣта и тоже украшена золотымъ шитьемъ; башмаки красные и обшиты золотомъ; богатый головной уборъ довершаетъ ея костюмъ. Костюмъ этотъ разнится однако отъ костюма Юстиніана тѣмъ, что нижняя одежда Теодоры похожа на стѣлу, и что верхняя вмѣсто „clavus“, украшена по нижнему краю широкою золотую обшивкою съ фигурами, и на плечѣ сдерживается значительной величины застежкой, кромѣ того здѣсь диадима несравненно роскошнѣе унизана камнями и жемчугомъ, и похожа на высокій обручъ изъ пурпуровой матеріи, обложенный кругомъ вѣнцомъ изъ драгоценныхъ камней, и съ длинными жемчужными подвѣсками по сторонамъ.

Этотъ нарядъ византийскихъ царицъ, который, какъ мы замѣтили выше, въ сущности можетъ дать тоже наглядное понятіе объ общемъ характерѣ костюма царицъ еще до временъ Юстиніана, встрѣчается также на другихъ памятникахъ позднѣйшихъ эпохъ, въ особенности на нѣкоторыхъ стѣнописныхъ изображеніяхъ открытыхъ въ катакомбахъ ³. Судя по этому,

¹ Относительно обряда коронованія византийскихъ императоровъ по исторіи Канталауина I. 41. W. Salzenberg, въ прив. м. подробное примѣчаніе 56.—² W. Salzenberg, въ прив. м. прим. 32 перевода „Силвенціарія Павла описанія“ и пр. Кортюма.—³ Ср. изображеніе св. Цециліи у Seroux D'Agincourt. Peint. I. таб. XI. 3; лучше у L. Perret. Catacombes de Rome III. таб. XXXIX; сюда же идутъ таб. XL и XIII.

надо полагать, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ орнаментовкѣ и формѣ головного убора, костюмъ этотъ удержался въ сущности также при послѣдовавшихъ императрицахъ по крайней мѣрѣ вплоть до половины

Фиг. 45.

седьмого или начала осьмого столѣтія. По всей вѣроятности около этого времени произошли еще другія измѣненія въ описываемомъ здѣсь нарядѣ, но вслѣдствіе ли вліянія Персіи, — рѣшить трудно¹. Такъ напр. судя по нѣкоторымъ художественнымъ произведеніямъ самой ранней поры, мж. пр. по мозаичному образу святой Агнесы (фиг. 47. в.), въ посвященной ей имени въ Римѣ базилікѣ, и носящему несомнѣнный отпечатокъ византийскаго происхожденія 625 — 642 годовъ, мы видимъ что въ числѣ предметовъ составлявшихъ нарядъ царицъ, встрѣчается также довольно широкой и роскошно украшенный камнями шарфъ, охватывающій плечи и спускающійся концами спереди и по спинѣ (фиг. 47 в. ср. а). Такой шарфъ употреблялся одновременно при древней столѣ въ какой представлена царица Теодора, но цвѣтъ столы здѣсь другой². Формою своею онъ напоминаетъ „омофоръ“

Фиг. 46.

¹ Въ этомъ случаѣ начало такого вліянія слѣдуетъ отнести преимущественно къ времени правленія Ираклія (610 до 640), т. е. къ эпохѣ непрерывныхъ его битвъ съ Персами.—² На упомянутомъ образѣ св. Агнесы (фиг. 47. в.), вѣнецъ золотой съ цвѣтными камнями; воротникъ изъ золотой ткани и унизанъ бѣлымъ жемчугомъ и синими камнями; шарфъ тоже золото съ синими камнями и бѣлымъ жемчугомъ, и обшитъ бѣлой каймою украшенною цвѣточными почвами съ зелеными чашечками. Верхняя одежда пурпурнаго цвѣта съ золотою каймою украшенною синими камнями. Нижняя одежда, отъ которой видна только часть рукавовъ, золотая; серги золотыя съ синими обводомъ.

греческаго священническаго облаченія (см. далѣ), и очевидно сложился изъ древней перевязи которую носили консулы (ср. фиг. 10, фиг. 51).— По всей вѣроятности этотъ, уже самъ по себѣ очень богатый, нарядъ сталъ

Фиг. 47.

еще великолѣпнѣе въ правленіе Ирины (792 до 802), благодаря особенно-му пристрастію этой императрицы къ вѣншей пышности. Именно она болѣе всѣхъ старалась окружить величіе свое наивозможнымъ блескомъ ¹. Такъ жж, пр. когда она проѣзжала по улицамъ Константинополя четверо вельможъ обязаны были, слѣдуя пѣшкомъ возлѣ парадной колесницы, держать за повода четверню запряженныхъ въ нее бѣлыхъ лошадей.—Что касается дальнѣйшихъ измѣненій царскаго наряда въ промежутокъ времени отъ удаленія Ирины, до воцаренія Василія I (около 867 г.), и въ особенности въ началѣ этого періода, то объ этомъ могутъ дать хотя и не вполне точное, но приблизительно вѣрное, понятіе мозаичныя изображенія (820-го года) святыхъ угодницъ въ церкви св. Цециліи въ Римѣ ².—О позднѣйшихъ видоизмѣненіяхъ одежды царицъ будетъ говорено далѣе.

8. Костюмъ царей напротивъ, не только въ продолженіи всего это времени, но даже до конца двѣнадцатаго столѣтія удержался въ томъ видѣ, въ какомъ изображенъ на равеннской мозаикѣ Юстиніановъ нарядъ, за исключе-

¹ E. Gibbon. гл. XLVIII. — ² На этой фигурѣ діадима краснаго цвѣта съ бѣлыми жемчугомъ; воротникъ и всѣ орнаменты на одеждѣ золотыя и синяго цвѣта; верхняя и нижняя одежда жолтая (шарчевыи?); выдающаяся исподъ верхней одежды полоса въ видѣ передника, бѣлаго цвѣта; корона золотая съ синими, покрывало подъ нею бѣлое съ красною каймою.

ніемъ только незначительныхъ измѣненій по отношенію къ длинѣ и обдѣлкѣ нижней одежды. Сказанное подтверждается самымъ нагляднымъ образомъ вверху, нѣсколькими изображеніями императоровъ десятаго вѣка ¹, потомъ изображеніемъ царя Константина въ одной греческой рукописи съ миниатюрами, такъ называемомъ „менологія“ (минѣ), того же вѣка ²; далѣе, по отношенію къ концу одиннадцатаго или начала двѣнадцатаго столѣтія, нѣсколькими изображеніями греческихъ императоровъ на мозаикахъ возникшихъ подъ византійскимъ вліяніемъ и находящихся въ храмѣ св. Марка въ Венеціи (фиг. 48 а. б. ср. фиг. 44) ³. Прибавимъ что относительно вопроса,—

Фиг. 48.

дѣйствительно ли вѣрно воспроизведенъ царскій нарядъ на упомянутыхъ выше изображеніяхъ, (которыхъ всетаки нельзя считать портрѣтами), не можетъ быть никакого сомнѣнія въ виду существующаго ряда современныхъ имъ, портретныхъ изображеній извѣстныхъ императоровъ вырѣзанныхъ изъ слоновой кости на разныхъ мелкихъ произведеніяхъ.

9. (а. б.) Къ главнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ складни десятаго вѣка изъ слоновой кости, (находящіяся въ музеѣ „Клюни“ въ Парижѣ); на нихъ изо-

¹ Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires etc. рисунки изъ рукописи № 649 въ парижской библіотекѣ. — ² Seroux d'Agincourt. Peint. I таб. XXXII. I. — ³ Ср. относительно хронологическаго порядка древнѣйшихъ мозаикъ церкви св. Марка Didron. Annales XVII. стр. 157.

бражены императоръ германскій Оттонъ II и супруга его Теофанія, оба въ греческихъ одѣянїяхъ по сторонамъ I. Христа ¹. Костюмъ императора Оттона довольно сходенъ еще съ Юстиніановымъ; на немъ стола и походный плащъ (*paludamentum*), но, какъ мы замѣтили выше, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ орнаментовкѣ, такъ напр. по всему плащу здѣсь разбросаны украшенія въ видѣ розетокъ ². Теофанія напротивъ, представлена въ нарядѣ подобномъ тому, въ какомъ изображена святая Агнеса (фиг. 47. б). Діадема у Оттона впрочемъ уже украшена съ боковъ жемчужными сборными подвѣсками, точь въ точь какъ изображенія императоровъ на мозаикахъ

Фиг. 49.

въ ц. с. Марка (фиг. 48 а. б.), и соответственно также головному убору на царицѣ Теодорѣ (фиг. 47 а.). Широкій и богатоукрашенный шарфъ, составляющій совершенно отдѣльную часть одежды святой Агнесы, у Теофанїи напротивъ представленъ въ видѣ придѣланной непосредственно къ столу узорчатой полосы незначительной ширины. Впрочемъ, сравнивая это изображеніе съ подлинными изображеніями царствовавшихъ императрицъ, и на которыхъ шарфъ этотъ опятьтаки является совершенно отдѣльной частью полнаго костюма (фиг. 49 с.), можнобы полагать, что упоминаемое выше уклоненіе допускалось собственно только для того, дабы одѣянїя царевенъ отличать отъ наряда императрицы.

¹ Ch. Louandre et Hangard-Maugé, въ пр. мѣст. (таб. 40).—² Ср. впрочемъ не очень привлекательное и нѣсколько преувеличенное описаніе неряшливой наружности императора Никифора Фоки (10-го вѣка) у Liutprand, гл. 3 и 9.

10. (a. b.). На другомъ экземплярѣ, тоже изъ слоновой кости (въ париж. библ.), представлены въ такомъ же порядкѣ какъ на описанныхъ сейчасъ, Романъ IV (Диогенъ) и супруга его Евдокія ¹. Складни эти принадлежатъ къ второй половинѣ (или къ концу?) одиннадцатаго столѣтія ². И здѣсь также въ царскомъ костюмѣ той и другой фигуры въ сущности удержана упомянутая выше форма, съ тою однакоже особенностью, что на этихъ складняхъ, (совершенно на оборотъ), Романъ (фиг. 49. а) представленъ въ женскомъ нарядѣ (ср. фиг. 47 b., фиг. 49. с.), а Евдокія напротивъ, въ мужскомъ (ср. фиг. 44; фиг. 48 а. b.). Впрочемъ, какъ бы страннымъ ни казался такой обмѣнъ костюмовъ, но, перебирая другія изображенія подобнаго рода относящіяся къ этойже эпохѣ, и въ которыхъ представленъ прежній костюмъ, какъ мж. пр. приведенныя уже выше изображенія царицы въ ихъ полномъ нарядѣ, (фиг. 49. с.), или портретъ Никифора Ботоніата (1078 — 1081), мы увидимъ, что хотя обычай подобнаго обмѣна костюмовъ и существовалъ въ извѣстныя времена, но отнюдь не составлялъ постоянного и неизмѣннаго правила. И такъ, оставляя въ сторонѣ приведенный обмѣнъ костюмомъ какъ исключительное явленіе, оказывается, что въ долгій періодъ отъ Юстиніана вплоть до двѣнадцатаго столѣтія, относительно царскаго костюма въ сущности только діадима подвергалась значительнымъ измѣненіямъ. Въ продолженіе всего этого времени къ ней сперва были прибавлены съ боковъ длинныя жемчужныя подвѣски (стр. 73; фиг. 48. а. b.), притомъ, безразлично какъ у мужчинъ, такъ у женщинъ; потомъ она приняла видъ довольно высокой шапки, плотно прилегавшей къ верхней части головы (фиг. 49. с), то, широкаго золотого обруча обложеннаго въ три ряда и болѣе жемчугомъ и дорогими камнями (фиг. 49. а. b), то опять, чрезвычайно богатоукрашенной камнями, финифтью и пр. золотой зубчатой короны. Для примѣра укажемъ на нижнюю часть „короны Карла великаго“, хранящейся теперь въ Вѣнѣ ³ и также на нижнюю часть „короны с. Стефана“ находящейся въ Прагѣ (фиг. 50). Обѣ короны ⁴, за исключеніемъ лучковъ на нихъ, составляющихъ прибавле-

Фиг. 50.

¹ Ср. объ этомъ въ особ. Didron. Annales XVIII. стр. 197, и также, хотя и менѣе точныя, изображенія у X. Willemin. Monuments français ineditis etc. I. таб. 40.—
² Романъ IV вступилъ на царство въ 1067 г.—³ Подробности смотри во второмъ отдѣлѣ.—
⁴ Ср. мж. пр. F. Bock. Die Kleinodien des heiligen römisch-deutschen Reichs. потомъ его же: Die ungarischen Reichsinsignien (въ Mittheilungen der K. K. Central-Com-

нѣе позднѣйшаго времени, носятъ главнымъ образомъ отпечатокъ византийскаго искусства разсматриваемой нами здѣсь эпохи.

11. Для точнаго опредѣленія характера и формы царскаго наряда отъ начала двѣнадцатаго столѣтія до паденія имперіи, мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, соответствующихъ и хронологически достоверныхъ, изображеній греческихъ императоровъ¹. Впрочемъ, въ одномъ греческомъ, рукописномъ Евангелии, украшенномъ миниатюрами и принадлежащемъ по всей вѣроятности къ двѣнадцатому вѣку², находятся портретныя изображенія императора Іоанна II (Комнина) и сына его Алексѣя. Оба представлены въ одинаковой одеждѣ, въ гладкой туникѣ безъ складокъ и съ узкими рукавами, съ накинутымъ поверхъ ея шарфомъ. Туника вѣроятно изъ темнопурпуровой матеріи съ вставленными въ ткань золотыми звѣздчатыми узорами, и украшена по всему нижнему краю широкою золотою каймою (ср. фиг. 48. b), шарфъ, напротивъ, вполнѣ одинаковой формы съ выше описанною широкою перевязью (стр. 71 и сл.; фиг. 47. b; фиг. 49. а. с), состоитъ изъ двухъ длинныхъ узористыхъ полосъ, прикрѣпленныхъ непосредственно къ вороту, и спущенныхъ спереди и сзади. Башмаки вышиты жемчугомъ; на верхней части рукъ тройныя, широкія запястья. Корона на Іоаннѣ формы полукруглой шапки, на Алексѣѣ она скорѣе походитъ на болѣе употребительную форму діадимы съ жемчужными подвѣсками (ср. фиг. 48. а). Первый, съ бородою, второй безъ бороды; каждый держитъ въ рукахъ „labagum“ (Константиново знамя, или хоругвь) (фиг. 41).

12. а. Сравнительно съ описаннымъ сейчасъ изображеніемъ, и оставляя въ сторонѣ стильный характеръ этихъ произведеній, мы увидимъ изъ нѣкоторыхъ другихъ миниатуръ, приблизительно тринадцатаго вѣка, что измѣненія происшедшія въ этотъ промежутокъ времени въ костюмѣ весьма незначительны. Судя по костюмамъ изображеннымъ въ этихъ миниатюрахъ³, измѣненія главнымъ образомъ ограничиваются тѣмъ, что вмѣсто шарфа, прикрѣпляемаго прежде обыкновенно къ вороту, постепенно стала входить въ употребленіе отдѣльная перевязь, которая по старинному, свободно обхватывала тѣло въ родѣ древней консульской перевязи (ср. фиг. 10; фиг. 51). На всѣхъ названныхъ миниатюрахъ нѣтъ слѣдовъ какого либо плаща или мантии, и повидимому эта послѣдняя форма одѣяній, по крайней мѣрѣ въ изобразительномъ искусствѣ, осталась типическою для царскаго наряда. (См. далѣе)⁴.

mission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Wien. II. (1857) стр. 86 и сл. стр. 201 и сл.).—¹ По крайней мѣрѣ я, не знаю такого сочиненія, которое содержало бы воспроизведенія подобныхъ произведеній, если вообще чтолибо въ этомъ родѣ существуетъ. Зато есть не мало изображеній позднѣйшихъ императоровъ во всемъ ихъ вооруженіи; но объ этомъ рѣчь впереди.—² *Sergoux d'Agincourt. Peint. I. Tab. LIX 1.* ³ Ср. снимокъ съ одной миниатюры изъ французской рукописи, которая по мнѣнію Дидрона непремѣнно (?) сдѣлана рукою греческаго художника, и упоминаемой этимъ ученымъ въ его трактатѣ о царской «далматикѣ» въ Римѣ. *Didron. Annales I. стр. 160*; къ этому же раскрашенное изображеніе у *Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires «Salomon»,* которое авторъ едва ли справедливо относитъ къ одиннадцатому столѣтію.—⁴ Ср. относящіяся сюда изображенія на одномъ греческомъ триптихѣ у *Sergoux d'Agincourt. Peint. I. T. XCI. 7.*

12. б. О перемѣнахъ коимъ въ это время подвергся нарядъ византийскихъ императриць, можно, кажется, составить понятіе по нѣкоторымъ мозаичнымъ изображеніямъ того времени ¹, и въ особенности по мозаикамъ на фасадѣ „затѣвской церкви Пр. Дѣвы“; отчасти приведеннымъ уже прежде (фиг. 38. а—d).

13. Пышность и внѣшній блескъ господствовавшіе при византийскомъ дворѣ съ самаго начала, продержались до паденія имперіи. Хотя нѣкоторые управители изъ рода „Комини“², и преимущественно Іоаннъ (Калоіоаннъ) (1118—1143), отличались мудрою бережливостью, за то другіе, какъ мж. пр. преемникъ его Мануилъ, еще болѣе предавались самой необузданной расточительности. Такъ, напр, при посѣщеніи герцогомъ Генрихомъ Львомъ императора въ Константинополь, послѣдній гостя своего не только угощалъ самымъ роскошнымъ образомъ, но и надарилъ ему кучу драгоценностей ³. „Императоръ принималъ герцога въ звѣринцѣ окруженномъ со всѣхъ сторонъ стѣнами, и въ которомъ раскинуты были полотняныя и пурпуровыя палатки, обтянутыя сверху дорогими шелковыми, золототкаными коврами, а по бокамъ роскошно уставлены были золотыми канделябрами и лампадами. Отъ императрицы герцогъ получилъ на одежду для каждаго изъ сопровождавшихъ его рыцарей, по собольей шубѣ и много кусковъ превосходнаго аксамита.“—При Исакѣ Ангелѣ (1158—1195) численность императорскихъ внуховъ и прочихъ служителей составляла не менѣе 200000 ⁴.

При всемъ томъ, упомянутая нами выше форма царскаго наряда сохраняла безъ сомнѣнія постоянно свое значеніе (стр. 72 и сл.), хотя быть можетъ въ послѣдствіе времени, по сверженіи Михаиломъ Палеологомъ „латинявъ“ въ 1259 г. и утвержденіи имъ династіи своей ⁵, костюмъ этотъ подвергался новымъ измѣненіямъ, о чемъ однако мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣтельствъ.

14. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что императоромъ Алексѣемъ Комниномъ, по особенному поводу ⁶ и въ честь благочестиваго брата своего учреждено было несуществовавшее до тѣхъ достоинство, превышавшее всѣ прочія государственныя чины, съ присвоеніемъ этому новому чину соответственныхъ ему внѣшнихъ отличій. Надо сказать, что до самаго водаренія Алексѣя титулъ „кесаря“ постоянно означалъ вторую послѣ императора степень; соединивъ вмѣстѣ въ одно греческое значеніе имени „Августа“ себастось, съ греческимъ же словомъ—автократоръ, означающимъ „самодержца“, онъ изъ обоихъ этихъ словъ создалъ высшій титулъ—себастократора, присвоивъ ему значительныя почести, и съ нѣкоторыми исключеніями даже царскую одежду. Исключенія эти заключались въ томъ, что украшеніе на діадимѣ себастократора было менѣе роскошно, и что вмѣсто пурпуровыхъ башмаковъ какіе носилъ императоръ ⁶, ему присвоены были окрашенные въ зеленый цвѣтъ полусапожки.

¹ Въ особ. G. Guttonsohn и M. Knapp. Denkmale и пр. Тетрадь III; сравни изображеніе изъ катакомбъ (нынѣ въ церкви с. Прасседы (Евпраксія) въ Римѣ) у Serron d'Agincourt. Peint. I. таб. XI. 5.—² Arnold von Lübeck. Chronik. I. 5.—³ E. Gibbon. гл. LX.—⁴ См. выше стр. 44.—⁵ E. Gibbon. гл. LIII.—⁶ Объ этихъ башмакахъ сказано подробнѣе выше стр. 66.

Б. Что касается внѣшняго характера одежды чиновниковъ и многочисленныхъ придворныхъ чиновъ, ихъ отличій равно также и форменныхъ измѣненій какимъ она подвергалась въ продолженіе всего періода времени отъ воцаренія Константина великаго вплоть до паденія имперіи, то всё дошедшія до насъ изображенія и письменныя свидѣтельства представляютъ слишкомъ скудный матеріалъ, чтобы объ этой одеждѣ составить приблизительно такую наглядную картину, какую мы имѣемъ о характерѣ царскаго наряда. Вообще, достовѣрныя извѣстія объ отдѣльныхъ должностяхъ впервые сообщаются въ одномъ сочиненіи носящемъ названіе „*Notitia dignitatum*“ (т. е. перечень должностей, табель о рангахъ), составленномъ однакожь уже въ позднѣйшее время, уже въ началѣ пятаго вѣка¹. Хотя въ этомъ сочиненіи не объяснено, какія именно изъ поименованныхъ въ немъ должностей были таковыми дѣйствительно, какія лишь почетными илиже только давали титулы и повышенія; мы изъ него узнаемъ покрайней мѣрѣ то, что порядокъ служебныхъ должностей дробился на множество степеней, носившихъ каждая особый отличительный эпитетъ „*illustris, spectabilis, honoratus, clarissimus, perfectissimus*“ и „*egregius*“.

Вообще около этого времени, (да и послѣ еще), лица состоявшія на службѣ при особѣ императора, т. е. собственно придворныя чины, раздѣлялись на семь главныхъ разрядовъ, изъ коихъ въ каждомъ считалось по нѣсколько специальныхъ должностей подчиненныхъ одна другой. Такъ напр. тамъ были, совершенно по азіатскому придворному чину: состоявшій по первому разряду, сановникъ смотрѣвшій за почивальнею августѣйшихъ особъ (*praepositus sacri cubiculi*), подъ вѣденіемъ котораго состояли постельщики (*cubicularii*); потомъ, начальникъ надъ многочисленной толпою пажей (*comes castrensis sacri palatii*); затѣмъ, смотритель надъ императорскимъ гардеробомъ; далѣе, силенціаріи; (*silentiarii*), обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы охранять тишину и порядокъ, кромѣ многихъ другихъ чисто внѣшнихъ занятій. Почти такой-же порядокъ существовалъ и въ остальныхъ служебныхъ разрядахъ. Такъ напр. должности подлежавшія второму разряду, носившія по преимуществу военный характеръ², вѣрены были строгому надзору начальника придворныхъ служителей (*magister officiorum*). Во главѣ третьяго разряда стоялъ такъ называемый квесторъ (*quaestor*), исправлявшій впрочемъ въ ту пору скорѣе должность кабинетнаго совѣтника³. за нимъ слѣдовалъ во главѣ четвертаго разряда сановникъ соответствовавшій по всей вѣроятности (азіатскому) министру финансовъ (*comes sacrarum largitionum*), онъ завѣдывалъ государственною казною; начальникомъ пятаго разряда былъ казначей частнаго имущества августѣйшаго дома, (*comes rerum privatarum divinae domus*). Наконецъ къ нему примыкали въ качествѣ начальниковъ шестаго и седьмаго разрядовъ оба начальника дворцовой рати, конницы и пѣхоты

¹ E. Gibbon. гл. XVII. F. Manso. Leben Constantins стр. 153. особ. стр. 166 и сл. J. Burckhardt. Die Zeit Constantins стр. 452 и сл.—² Въ числѣ ихъ одну изъ главнѣйшихъ составляла внутренняя дворцовая стража.—³ О его должности въ древнемъ Римѣ во времена республики см. Внѣшн. бытъ народовъ II. стр. 311, 313, 334, 368.

(*comites domesticorum equitum et peditum*). Каждому изъ государственныхъ чиновниковъ присвоенъ былъ особый знакъ соотвѣтствовавшій занимаемому этимъ лицомъ положенію. Исключая отличій въ одеждѣ и украшеніяхъ, характеръ которыхъ впрочемъ едва ли теперь можно съ точностью опредѣлить, къ такого рода знакамъ принадлежали символы весьма разнообразнаго содержанія, употребляемые для скрѣпленія актовъ (*symbola codicillorum*), и которые вѣроятно потому въ видѣ печатей давались каждому служащему при вступленіи его въ должность. На нихъ изображались, отчасти вещественныя принадлежности той должности которой они присвоивались, отчасти же другой какой-либо знакъ, (*signum*)¹. Такъ напр. символъ „главнаго воинскаго начальника и военнаго судьи“ изображалъ четырехугольный столъ покрытый бѣлымъ покрываломъ, на столѣ книга, связанная лентами такого же цвѣта и при ней скалка², и золотая досочка съ изображеніями двухъ царственныхъ особъ. Символъ „казначей августѣйшихъ особъ“ изображалъ столъ покрытый краснымъ покрываломъ съ книгою обвитою зеленою лентою, на книгѣ золотая голова императора. Вокругъ стола золотые и серебряные слитки, золотые сосуды наполненные монетами и четыре связанные мѣшка съ деньгами. Символъ „префекта иллирійской области“, тоже столъ подъ бѣлымъ покрываломъ украшеннымъ золотомъ каймою, на столѣ книга законовъ, и между двумя свѣчами изображеніе императора. Далекое не такъ реально изображеніе символа „князя востока“, въ качествѣ „верховнаго начальника надъ пятнадцатью провинціями“: золотая стоячая колонна съ двумя изображеніями царскихъ особъ вверху, внизу у колонны завѣшенный столъ, на немъ связанная пурпуромъ книга и кругомъ пятнадцать разряженныхъ женщинъ, предлагающихъ дары. Прочіе бывшіе въ употребленіи знаки (*signa*) не столь опредѣленнаго значенія, и по большей части представляли простыя формы концентрическихъ круговъ различной величины, или звѣзды съ нѣсколькими, либо многими зубцами, крестовъ, звѣриныхъ головъ и пр. вставленныхъ каждый въ особый кругъ.

Кромѣ ношенія упомянутыхъ символовъ, которые къ тому же очень удобно могли быть пришиваемы къ одеждѣ, всѣхъ вышивъ сановниковъ сопровождала, смотря по ихъ сану и положенію, болѣе или менѣе многочисленная почетная свита. Сверхъ того впереди ихъ носилось изображеніе императора, а если сановники эти принадлежали къ военному сословію, то имъ предшествовали знамена и досочки съ именами вѣрннхъ имъ отрядовъ. Къ этому надо прибавить что состоявшіе на дѣйствительной службѣ начальствующие лица еще сверхъ того носили особаго рода дорогую перевязь въ родѣ древняго „*singulum*“; а въ числѣ ихъ другіе, какъ напр. „Силенціаріи“³, пользовались особеннымъ правомъ даже въ присутствіи императора носить оружіе.

¹ Въ древнѣйшихъ изданіяхъ «*Notitia dignitatum*» встрѣчаются попытки изобразить упомянутые знаки. Такъ ж. пр. въ изданіи Фробена, которымъ мы пользуемся, вышедшемъ въ Базелѣ въ 1552 г.—² Книги въ эту пору состояли еще изъ широкой пергаментной полосы, прикрѣпленной къ круглой палочкѣ на которую она наматывалась. См. Вѣвш. быт. народовъ II. фиг. 535.—³ О должностяхъ ихъ и положеніи при дворѣ Юстиніана см. W. Kortüm въ W. Salzenberg: *Altchristl. Baudenkmale etc.* прил. 1.

1. Въ числѣ сохранившихся памятниковъ, позволяющихъ съ большею наглядностью судить о характерѣ одежды нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ, какъ по времени, такъ и по точности изображенія, опять таки упомянутымъ нами уже прежде, небольшимъ „консульскимъ диптихамъ“ изъ слоновой кости ¹. Эти диптихи, какъ мы уже сказали, принадлежать къ времени отъ четвертаго до шестаго вѣка; на нихъ весьма отчетливо представленъ богатый нарядъ въ какомъ консулы въ январѣ, — „мѣсяцъ златыхъ одѣяній, въ день священнаго праздника“ — вступали въ отправленіе своей должности ². Точно какъ въ древнемъ Римѣ одежда эта постоянно сохраняла сходство съ пурпуровымъ, вышитымъ золотомъ нарядомъ триумфаторовъ (стр. 14 и сл.), такъ и въ Византіи, форма ея удержалась безъ значительныхъ переменъ, исключая только измѣненій въ характерѣ орнаментовъ, и способа ношенія плечной перевязи. Впрочемъ, и эта разность ограничивалась тѣмъ, что во всѣ времена перевязь надѣваема была одинаковымъ образомъ, но что быть можетъ въ силу извѣстнаго предписанія, или для бѣльшаго удобства, — она безразлично надѣвалась, то на лѣвое плечо (слѣва на право), то на правое (справа на лѣво), причемъ концами она спускалась то спереди, то сзади, то только спереди (фиг. 51. а.

Фиг. 51.

в. *)); что касается орнаментовъ, то въ нихъ постоянно держались современнаго вкуса. Такъ мж. пр. Граціанъ подарилъ консулу Авзонію богатую парадную одежду съ вышитымъ на ней изображеніемъ Константина ³,

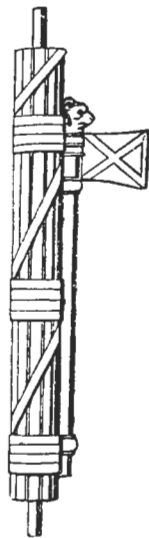
¹ Относящуюся сюда литературу и пр. см. выше стр. 53 прим. 4. — ² W. Kortüm. Силенціарія Павла описаніе храма Св. Софіи, стихъ 183; прим. къ этому 34. — ³ E. Gibbon. гл. XVII.

а св. Астерій (конца четверт. стол.) повѣствуетъ что иногда на одной только верхней одеждѣ христіанскаго сенатора насчитывалось до шестисотъ фигуръ ¹.

Несмотря на то что консульское званіе еще со временъ Августа все болѣе и болѣе стало терять первоначальное высокое значеніе свое, а при Константиѣ даже почти совсѣмъ его утратило, тѣмъ не менѣе консуламъ оставлены были кромѣ костюма даже присвоенные званію ихъ „fasces“. Понятно, что связки эти съ сѣкирою теперь стали лишь пустымъ отличіемъ и обрядностью.— Только при Юліанѣ, старавшемся воскресить языческія формы ², должность консуловъ была снова возстановлена на короткое время. Ближайшій преемникъ Юліана низвелъ эту должность опять на степень почетнаго званія, и даже пожаловалъ въ этотъ санъ малолѣтнаго своего сына. Въ 541 г. въ послѣдній разъ въ эту должность было возведено частное лице, и съ 567-го г. она слилась съ императорскимъ достоинствомъ, пока наконецъ не была совершенно упразднена, какъ утратившая всякое значеніе, при Львѣ VI, (886—911) ³.

2. Что касается встрѣчающихся еще кромѣ того изображеній другихъ должностныхъ лицъ и сановниковъ, то, не имѣя о нихъ болѣе точныхъ свѣдѣній, мы и костюмъ ихъ можемъ обрисовать лишь въ общихъ чертахъ. Судя по этому, надо полагать что одежда высшихъ должностныхъ лицъ, сходствуя по формѣ своей съ одеждою консуловъ и съ царскимъ нарядомъ ⁴, почти одинаково во всѣ времена состояла изъ туники съ узкими рукавами, и просторнаго плаща, настоящаго походнаго плаща (paludamentum). Какъ на той, такъ и на другой изъ названныхъ одеждъ, внѣшніе знаки которыми отличались служащіе, состояли изъ разнаго рода украшеній и изображеній. Одна только туника отличалась сверхъ того еще, смотря по степенямъ, большею или меньшею длиною и объемомъ (стр. 64). Въ виду этого послѣдняго пункта, есть поводъ заключить, что вообще только духовныя лица, ближайшіе родственники императора, да еще, въ видѣ исключенія, нѣкоторые высокопоставленные сановники, пользовались правомъ носить длинную стѣлу, (достигавшую до пятокъ), равно также вѣроятно и древнеконсульскую перевязь. Съ другой стороны, со временъ Юстиніана, всѣ служащіе, безъ исключенія, по закону обязаны были носить обувь чернаго цвѣта, (для отличія отъ пурпуровой обуви императора); обстоятельство, бывшее вѣроятно причиною, что для обуви себастократора, и опять таки для отличія, установленъ былъ зеленый цвѣтъ (стр. 77).

Фиг. 52.

¹ F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder 1. стр. 132 и сл. — ² Стр. 38.—
³ J. Marquardt въ A. Becker. Handbuch der römischen Alterthümer II.—⁴ Ср. выше стр. 64. А. и сл.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялись также по всей вѣроятности, смотря по положенію и сану служащихъ, не только покрой, но и цвѣта ихъ форменныхъ отличій.

а. Такъ, напр. по отношенію лишь къ внѣшней формѣ одежды, приведемъ одно изображеніе высшаго сановника на „Теодосіевомъ щитѣ“ о которомъ уже не разъ упомянуто было прежде. Фигура эта представлена въ короткой ту-

Фиг. 53.

никѣ и длинномъ плащѣ, съ боковъ на туникѣ (около бедра), помѣщены по одному орнаменту кругообразной формы; плащъ украшенъ широкимъ „clavus“ обшитымъ узорчатыми коимъ. Штаны узкіе, на ногахъ полусапоги тоже въ обтяжку и украшенные просто; — затѣмъ, по отношенію къ цвѣту одежды, приведемъ для примѣра мозаичное изображеніе въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ (фиг. 43), на которомъ конечно представлены самыя высокопоставленные придворные чины. На всѣхъ короткія (бѣлыя) туники, почти съ одинаковыми украшениями, но плащи различнаго цвѣта (фиг. 53. a,b). Въ числѣ ихъ три плаща бѣлаго цвѣта какъ и туники, одинъ плащъ зеленого, и сверхъ того

четыреугольный пурпуровый „clavus“ коимъ украшены плащи тоже различной величины. Туника на сановникѣ въ зеленомъ плащѣ безъ особенныхъ украшеній, и это обстоятельство, какъ и мѣсто отведенное этой фигурѣ на изображеніи, какъ будто указываетъ на то, что это лице по званію своему нѣсколько ниже прочихъ.

б. Приблизительно до десятаго столѣтія костюмъ высшихъ государственныхъ сановниковъ сохранилъ прежній и въ сущности простой характеръ, въ которомъ какъ видно по упомянутому выше рельефному произведенію, одна лишь орнаментовка отличается бѣльшимъ богатствомъ (соотвѣтственнымъ пышности Теодосіева двора). Съ 10-го же вѣка въ названномъ костюмѣ произошли нѣкоторыя измѣненія. Во первыхъ, верхняя одежда стала опять украшаться на подобіе древняго консульскаго плаща не только нашивкою „latus clavus“, но ее стали силою покрывать кругообразными орнаментами; потомъ, вмѣсто короткой, доходившей ниже колѣнъ туники стала входить въ употребленіе гораздо болѣе чѣмъ прежде длинная и пышная стѣла¹ (фиг. 53. c; ср. фиг. 51; фиг. 48). Къ тому же теперь установи-

¹ Ср. тоже Seroux d'Agincourt. Peint. I. таб. CVI. 3. 4.

лась мода, подъ эту просторную одеждою, (и съ сохраненіемъ штановъ), носить узкорукавчатую тунику съ простою нарукавною обшивкою. Для большаго удобства подолъ стóлы съ боковъ (справа и слѣва) подбирался подъ поясъ такимъ образомъ, что, спускаясь отъ него спереди и сзади внизъ полукружіемъ она прикрывала тѣло приблизительно до половины бедръ¹. Съ этогоже времени вошло въ употребленіе еще другое служебное отличіе, предназначаемое вѣроятно тоже для высшихъ должностныхъ лицъ, то была не очень широкая шейная повязка, украшенная по обоимъ концамъ шитьемъ, и которая завязывалась на груди (фиг. 53, с). Хотя повязка эта встрѣчается не часто, но тѣмъ не менѣе ее можно считать какъ бы послѣднимъ остаткомъ напоминающимъ плечную перевязь какую въ древности носили консулы (ср. фиг. 51; фиг. 13).

3. Одежда низшихъ чиновниковъ насколько о формѣ ея позволяютъ судить памятники, состояла по всей вѣроятности съ самаго начала только изъ коротковатой туники, и обычныхъ вообще узкихъ штановъ, и потому, отличительные знаки присвоенные названнымъ лицамъ смотря по степени чиновъ ограничивались единственно только различіемъ въ украшеніяхъ этихъ частей одежды. Съ измѣненіемъ форменнаго костюма высшихъ придворныхъ чиновъ около начала десятаго вѣка, одежда низшихъ чиновъ также стала улучшаться и обдѣлываться роскошнѣе. Впрочемъ, ска-

Фиг. 54.

занное усовершенствованіе ограничилось повидимому (на все послѣдовавшее время) опятьтаки только удлиненіемъ туники, и болѣе богатымъ ея украшеніемъ, да развѣ еще тѣмъ, что высшимъ чиномъ дозволено было носить короткій плащъ, но отнюдь не большой, украшенный *clavus*’омъ плащъ „*paludamentum*,“ (ср. фиг. 54. а. в. с; фиг. 34. в.)

¹ См. въ особенности фигуру пророка Данила въ древнихъ мозаикахъ и. с. Марка въ Венеціи у J. и L. Kreutz. Der Dom des heiligen Markus. таб. V; къ этому таб. XLVII.

В. Изображенія на памятникахъ, олицетворяя костюмъ и вѣшніе знаки отличія придворныхъ чиновъ въ Византіи, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ приблизительно такоеже понятіе о формѣ тамошнихъ воинскихъ чиновъ. Хотя существуетъ значительное количество изображеній воиновъ различныхъ эпохъ, однако мы не можемъ по нимъ судить, ни чѣмъ другъ отъ друга отличались отдѣльные разряды войскъ, ни, какія особыя перемѣны происходили въ теченіи времени въ способѣ вооруженія, и наконецъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести замѣчаемыя измѣненія въ отдѣльныхъ его частяхъ. Относящіеся сюда письменныя свидѣтельства вообще также крайне мало способствуютъ къ разъясненію этихъ вопросовъ. Даже въ двухъ довольно обширныхъ сочиненіяхъ о военномъ дѣлѣ, и въ которыхъ слѣдовало бы ожидать разъясненія этихъ вопросовъ, какъ напр. въ составленномъ Флавіемъ Вегеціемъ Ренатомъ (Flv. Veg. Renatus) при Валентиніанѣ II около 375 г. трактатѣ о военномъ искусствѣ¹, и написанной Львомъ VI, „философомъ“ между 886—911 гг. военной тактикѣ², мы находимъ по этому предмету въ сущности почти только однѣ скудныя указанія. Не говоря о томъ что оба сочиненія раздѣляетъ значительный промежутокъ времени, въ нихъ главнымъ образомъ излагаются только правила веденія войны безъ указанія на подробности вооруженія.

Такимъ образомъ, слѣдуя пока только сообщаемымъ въ письменныхъ памятникахъ свѣдѣніямъ о преобразованіи войска въ царствованіе Константина³, повидимому надо придти къ тому заключенію, что преобразованія эти, вытекавшія вполне изъ духа абсолютизма, направлены были преимущественно къ уничтоженію преторіанства, и что косвенно только ими вызваны были нѣкоторыя чисто вѣшнія и неважныя измѣненія въ порядкѣ распределенія по степенямъ различныхъ разрядовъ войскъ. Не касаясь общаго состава боевой силы, т. е. легионовъ, вспомогательнаго войска и конницы, и не измѣняя даже древнихъ названій отдѣльныхъ частей ихъ, Константинъ ограничился главнымъ образомъ тѣмъ, что всю военную силу раздѣлилъ на полевыя и гарнизонныя войска, а первыхъ сверхъ того еще отличилъ почетными наименованіями „палатинскаго, комитатскаго и псевдокомитатскаго“ отрядовъ. Затѣмъ главное начальство ввѣрено было двумъ главнымъ полководцамъ, что въ сущности тоже не составляло нововведенія; изъ нихъ одинъ командовалъ пѣхотою, сохраняя титулъ, „magister peditum“, другою, „magister equitum“, конницею. Подъ начальствомъ ихъ служило много другихъ чиновъ, и сверхъ того оба начальника завѣдывали и военно-судной частью.

1. Изъ сказаннаго видно, что Константинъ нисколько не имѣлъ въ виду кореннаго преобразованія войска на новый ладъ, притомъ и принадлежашія къ этому времени изображенія вооруженныхъ воиновъ явно показываютъ, что

¹ Epitome institutorum rei militaris ad Valentinianum Augustum libri V. Arg. 1806. (Пѣм. переводъ R. Meinicke. Halle 1799. Извлеченія у G. Klemm. Culturgeschichte der Menschheit VIII. стр. 435 и сл.—² Τακτικὰ. Изданіе Meursius. Leyden 1602.—³ F. Manso. Leben Constantins. стр. 144; стр. 149 и сл. J. Burckhardt. Die Zeit Constantins. стр. 458 и сл.

относительно вооружения тоже не было сделано важных изменений. Во всех относящихся сюда изображениях, а в том числе даже в самых древнейших, как напр. на барельефе триумфальной арки этого императора ¹, войны представлены в вооружении бывшем в общем употреблении еще при первых императорах; частью не в полном вооружении, частью даже, (вследствие усилившейся после Адриана изысканности нравов) ², без тяжелых доспехов, только в шлем и с круглым щитом (ср. фиг. 9). В таком же наряде представлены и многие статуи, в числе коих, как надо полагать, есть и несколько портретных статуй самого Константина (фиг. 55. а.) ³. В них воспроизведен до мельчайших подробностей

Фиг. 55.

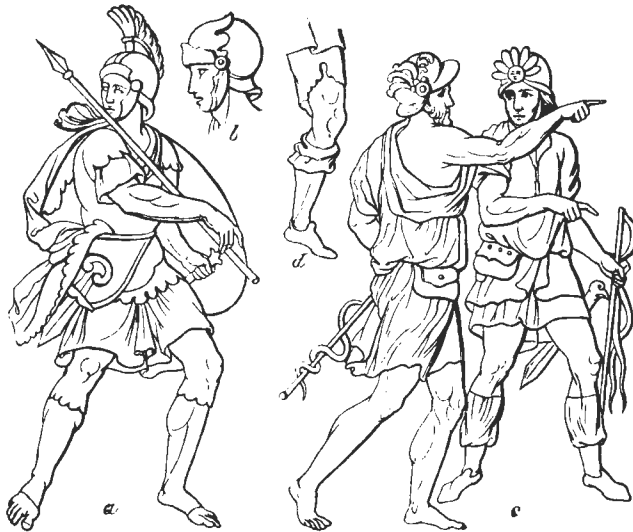
костюм главных полководцев, в том виде в каком он издавна был в употреблении (ср. фиг. 55. а.). На одной из таких статуй однако, на испанском „Барлеттском бронзовом колоссе“ (фиг. 55. б.), в costume этом заметны некоторые различия. Так напр. вместо обязательного вѣнка, голова фигуры украшена двойною жемчужною диадимою ⁴, и вместо обычных вообще, металлических украшенных поножей, на ногах широкие сапоги в родѣ чулковъ. Особенность эту слѣдует по всей вѣроятности отнести къ позднейшей реставраціи ногъ этой фигуры, и потому мы на ней не остановимся; по формѣ диадимы и лица однако можно по всей спра-

¹ J. P. Bellori, Veteres arcus Augustorum triumphis insignes, ex reliquis, quae Romae adhuc supersunt. Roma, 1690. табл. 23 и сл.—² См. выше стр. 17 и сл.—³ Seroux d'Agincourt, Sculpt. таб. III. 2. 3. 4. O. Müller, Denkmäler der alten Kunst. A. таб. LXXX. 414. 415.—⁴ Ср. выше стр. 67.

ведливости заключить, что колоссъ этотъ изображаетъ, не Константина и не Гераклія (какъ прежде думали), но императора Оеодосіа. ¹

2. Къ вышеназваннымъ памятникамъ примыкаютъ, съ одной стороны, небольшія произведенія изъ слоновой кости, съ другой, сохранившіеся рисунки съ барельефовъ на цоколѣ обелиска воздвигнутаго этимъ императоромъ въ Константинополѣ ²; потомъ, тоже отчасти уцѣлѣвшіе снимки съ скульптурныхъ работъ на колоннѣ поставленной тамъже въ честь тогоже императора ³;—всѣ приведенныя сейчасъ произведенія служатъ подтвержденіемъ тому, что позднеиталійскій способъ вооруженія удержался вплоть до Оеодосіева времени. Въ числѣ произведеній изъ слоновой кости, слѣдуетъ привести двѣхъ изящной работы, съ изображеніемъ вооруженнаго всадника, вѣроятно портретомъ Константина ⁴, замѣчательный именно по выдержанности и вообще точному воспроизведенію частностей. Съ другой стороны

Фиг. 56.

упомянутые выше снимки съ барельефовъ, (при хронологической достовѣрности ихъ), указываютъ явно, что даже вплоть до разсматриваемой нами эпохи, почти безъ перемѣны удержался древній италійскій порядокъ распределенія оружія соотвѣтственно различнымъ родамъ войска. Экипировка особенно нижнихъ военныхъ чиновъ, судя по приведеннымъ изображеніямъ, вполне оправдываетъ сѣтованія Вергенія ⁵ о томъ, что въ войскахъ постепенно выходило изъ употребленія оборонительное оружіе (фиг. 56. а—d);

¹ Cp. J. Friedländer къ E. Gerhard. *Archäologische Zeitung*. олъ XVIII (Berlin 1860) № 136.—² G. Zoega. *De origine et usu obeliscorum*. Romae. 1797. cp. Seroux d'Agincourt. *Sculpt.* T. X.—³ Colon. Theodos. quam vulgo *historiatam* vocant. Bellino. del. Roma 1702; cp. J. Mailliot et P. Martin. *Recherches sur les costumes etc.* (нѣмец. изд.) I. таб. LVIII и сл. Seroux d'Agincourt. *Sculpt.* таб. X. и сл.—⁴ Seroux d'Agincourt. *Sculpt.* таб. III. 15.—⁵ *Epitome institutorum rei militaris etc.* I. c. 20.

нарядъ начальниковъ между тѣмъ, такой же какъ на древнихъ памятникахъ, т. е. тотъ же костюмъ древнеримскихъ полководцевъ (фиг. 57). Какъ на

Фиг. 57.

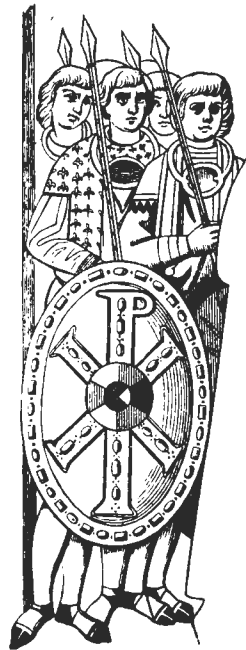

нововведеніе укажемъ на особаго рода кольчатую броню, введенную безъ сомнѣнія съ востока еще при Констанціи въ 356 г., и судя по описанію Амміана Марцеллина (XVI. 10) соответствующую употребляемымъ и теперь восточными народами кольчугамъ.

3. а. Значительную разницу сравнительно съ стародавнимъ вооруженіемъ мы встрѣчаемъ только въ изображеніяхъ на „Теодосіевомъ серебряномъ щитѣ“ (стр. 86); но, не надо забывать, что на этомъ щитѣ представлены исключительно блестящіе „палатинцы“, или воины составлявшіе внутреннюю стражу въ дворцѣ, но не солдаты регулярнаго войска. На нихъ узкая, узорчатая на персидскій ладъ, верхняя одежда, щитъ овальный, значительной величины и украшенъ съ наружной стороны; копье приблизительно семи футовъ въ длину; мечъ длинный; на ногахъ сандалии; голова между тѣмъ, ничѣмъ не покрыта.

6. Къ этому описанію примыкаетъ непосредственно изображеніе почетной стражи императора Юстиніана на мозаикѣ въ ц. с. Виталія въ Равеннѣ (фиг. 58. ср. фиг. 43.), соответствующее до такой степени предъидущему даже въ подробностяхъ, что его легко можно принять за подражаніе.

Фиг. 58.

Вся особенность здѣсь только въ орнаментовкѣ щитовъ, на которыхъ, вмѣсто произвольныхъ украшеній, красуется монограмма Христа въ богатой оправѣ изъ драгоценныхъ камней. Впрочемъ, обычай украшать доспѣхи монограммоу Христова имени, повидимому введенъ былъ не въ царствованіе Юстиніана, но еще раньше при Константинѣ великомъ,¹ и по всей вѣроятности находился въ связи съ вѣрованіемъ въ охраняющую отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей силу этого символа. Изъ такового побужденія еще Константинъ великій изъ гвоздей настоящаго креста Христова велѣлъ изготовить для себя шлемъ и конскую уздечку.² Вообще, изображеніе Юстиніановой почетной стражи согласуется съ описаніемъ выхода ея при освященіи храма с. Софіи въ сочиненіи Силенціарія Павла (стр. 121—130), гдѣ разсказывается объ императорѣ:

«Такъ говорилъ онъ, и поспѣшно направился къ зданію, и быстро за словомъ закипѣло дѣло, ибо онъ не ждалъ, какъ того требовалъ обычай, пока поспѣетъ за нимъ сопровождавшій его всюду отрядъ стражниковъ шитоносцевъ, пока гордую выю свою они украсятъ золотой цѣпью; не ждалъ, пока впереди его понесутъ золотой жезлъ, предносимый всегда предъ царемъ, пока бодро, боевымъ шагомъ выступить въ красѣ молодости и мужественности войско въ черныхъ сандаліяхъ. Вдругъ отовсюду спѣшатъ за царемъ эти мужи. Бренчатъ щиты напирających отрядовъ, и далеко отдается гулъ.»

Кстати упомянемъ еще, что прежде чѣмъ входить въ храмъ Божій воины снимали съ себя оружіе³.

4. Еслиже, оставляя въ сторонѣ богатый нарядъ императорской почетной гвардіи, какъ костюмъ непригодный для военныхъ дѣйствій, мы обратимся теперь къ изображеніямъ воиновъ въ настоящемъ боевомъ вооруженіи временъ Юстиніана, то и здѣсь опятьтаки мы встрѣтимъ все тѣже прежнія формы римскаго вооруженія. Этотъ стародавній характеръ замѣчается даже въ миниатюрахъ рукописи седьмаго и осьмаго вѣка. Обстоятельство это хотя и слѣдуетъ объяснить главнымъ образомъ тѣмъ, что названныя рукописи, какъ мж. пр. также знаменитая „миниатюрная рукопись Іисуса Навина“⁴ не оригинальныя произведенія, но копии съ древнѣйшихъ рукописей, приблизительно четвертаго и пятаго столѣтія, то тѣмъ не менѣе судя по другимъ достоверно оригинальнымъ памятникамъ олицетворяющимъ костюмъ своего времени, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что древнеримское вооруженіе удержалось дѣйствительно очень долго, и что въ немъ измѣняемы были только нѣкоторыя частности. Въ числѣ подобныхъ оригинальныхъ произведеній, слѣдуетъ указать на двѣ небольшія доски изъ слоновой кости въ ризницѣ Ахенскаго собора⁵, принадлежащія по всей вѣроятности къ седьмому или осьмому вѣку, и на одной изъ коихъ представленъ всадникъ, а на другой пѣшій воинъ почти въ одинаковыхъ вооруженіяхъ. Единственная разница между обоими въ томъ, что на всадникѣ туника съ длинными рукавами, узкіе полусапоги безо всякихъ украшеній; фигура пѣшаго воина напротивъ, предста-

¹ E. Gibbon. гл. XX. J. Burckhardt. Die Zeit Constantins. стр. 394.—² J. Burckhardt. въ прѣв. соч. стр. 502.—³ W. Salzenberg. Altchristl. Baudenkmale стр. 57. пр. 94.—⁴ Seroux d'Agincourt. Peint. I. таб. XXVIII до XXX.—⁵ Ernst aus'm Werth. Kunstdenkmäler и пр. Т. I. Отдѣлъ II. таб. XXXIII фиг. 6. 7.

влена въ туникѣ съ короткими рукавами, и въ такихъже невысокихъ сапогахъ но обтянутыхъ шнурками (фиг. 59). Въ цѣломъ, вооруженіе и здѣсь довольно близко еще къ древнеримскому типу, и вообще представляетъ незначительную разницу только въ формѣ нагрудныхъ латъ. Такъ напр. римскія латы, будь онѣ кожаныя или изъ металла, выдающагося полукружіемъ нижнею частью своею прикрывали животъ (фиг. 55, а. б; фиг. 56 а; ср. фиг. 17. а), тогда какъ изображенныя здѣсь, подобно древнегреческой бронѣ, доходятъ только до бедеръ. Всѣ прочія кажущіяся разности, какъ въ этомъ, такъ и въ прежнемъ вооруженіи, слѣдуетъ отнести по всей вѣроятности единственно къ способу изображенія упомянутыхъ фигуръ.

Фиг. 59.

5. Незначительное отступленіе отъ древняго способа вооруженія мы встрѣчаемъ впервые въ нѣсколькихъ миниатюрахъ исполненныхъ въ промежутокъ времени отъ девятого до одиннадцатаго столѣтія. Однакожъ, уклоненіе это, совершившееся очевидно подлѣ восточнымъ вліяніемъ, ограничивается только замѣною нѣкоторыхъ прежнихъ формъ азіатскими. Такъ напр. въ одномъ „менологіи“ (миней), ватиканской бібліотеки девятого или десятого вѣка ¹, изображены войны въ броняхъ состоящихъ по древнеазійскому обычаю ², изъ продолговатыхъ мѣдныхъ пластинокъ обложенныхъ мелкими пуговками или шишками (фиг. 60. b. d). Азіатское вліяніе еще болѣе замѣтно на портретѣ Василія II, въ одномъ псалтырѣ десятого вѣка въ Парижѣ (фиг. 60. а) ³. Панцырь на этомъ портретѣ составленъ тоже изъ мелкихъ бляхъ, но остальные части костюма (исключая діадимы и общеупотребительнаго плаща), совершенно въ восточномъ вкусѣ. На императорѣ богатовышитая туника съ длинными рукавами и длинныя штаны въ роскошно обшитыхъ жемчугомъ сапогахъ съ отворотами. Панцырь притомъ и здѣсь тоже, (какъ и на предыдущихъ изображеніяхъ), не имѣетъ того чисторимскаго удлиненія въ родѣ лопасти для защиты нижней части живота; кромѣ того и оплечья, которыя по римскому обычаю всегда соединены бывають съ панцыремъ, здѣсь отъ него отдѣлены и образуютъ какъ бы самостоятельное украшеніе въ родѣ застежки. Наконецъ, и другія изображенія принадлежащія къ этойже эпохѣ, какъ въ особенности одно эмалевое произведеніе въ ризницѣ дворцовой капеллы въ Мюнхенѣ ⁴ (фиг. 61 а—f), повидимому еще

¹ Seroux d'Agincourt. Peint. I. таб. XXXII. 3. сл. — ² См. Внѣшн. Бытъ нар. Т. I. Ч. 1. стр. 157. (фиг. 125. e. f.) — ³ Seroux d'Agincourt. Peint. I. таб. XLVII. 5.—⁴ С. Becker и J. v. Hefner-Alteneck. Kunstwerke und Geräthschaften в пр. II, фиг. 40 стр. 26.

положительнѣе чѣмъ приводимыя выше указываютъ на совершившіяся именно въ это время измѣненія. Такимъ образомъ, измѣненія произведенныя въ продолженіи всего времени приблизительно до конца десяятаго вѣка по нѣкоторымъ частямъ вооруженія заключаются въ томъ, что теперь (въ противоположность существовавшему прежде обычаю), панцири бывшіе въ употре-

Фиг. 60.

бленіи въ старину, всюду замѣняемы были болѣе легкою броней изъ мелкихъ, иногда крашенныхъ бляхъ, и что къ болѣе или менѣе богато украшенной туникѣ съ длинными рукавами, прибавились, безъ исключенія, обыкновенно роскошно отдѣланные исподнее платье, т. е. короткіе по колено штаны въ обтяжку, длинные чулки и подвязные башмаки темнаго цвѣта. Какъ дальнѣйшее отступленіе отъ древнеримскаго вооруженія приведемъ сверхъ того вошедшіе въ употребленіе низкіе металлическіе шишаки (фиг. 61. b), легкія крашенныя шапки изъ ткани (фиг. 61. a), и отчасти малые круглыя щиты (фиг. 61. a), отчасти большіе сердцеобразныя съ гербовными (?) украшеніями (фиг. 61. c. d). Такъ какъ ни въ римской, ни въ азійской древности, не встрѣчается примѣра послѣднеупомянутой формы щитовъ, то можно полагать, что она была изобрѣтена самими византійцами, или, вѣроятнѣе, что она была заимствована отъ какихъ-либо племенъ западной Европы. Последнее предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ числѣ множества различнаго рода предметовъ коими западъ снабжалъ Византію, цѣнились въ особенности даже въ позднѣйшее еще время, именно оружіе доставляемое изъ сѣверной Германіи, и нидерландскія кожаныя издѣлія ¹. Быть

¹ К. Hüllmann. Gesch. d. byzantinischen Handels. стр. 107.

можетъ этому обстоятельству слѣдуетъ приписать появленіе съ этой поры особой формы мечей, встрѣчаемой на византійскихъ изображеніяхъ (фиг. 61. e. f).

Фиг. 61:

6. Ко всему сказанному прибавимъ, что судя по свѣдѣніямъ сообщаемымъ императоромъ Львомъ ¹ въ его „Тактикѣ“, достоверно, что въ ту пору когда было составлено это сочиненіе, (т. е. около начала десятого столѣтія), главнымъ и нападетельнымъ оружіемъ были попрежнему отчасти, мечъ и сѣкира, различнаго рода метательныя копьа и „македонское“ копье, отчасти же и въ противоположность древнеримскому вооруженію,—небольшой арабскій или скиоскій лукъ ². Притомъ теперь, (благодаря опятьтаки азіатскому вліянію), однимъ изъ главнѣйшихъ военныхъ упражненій полагалось умѣнье владѣть лукомъ; зато прежняя длина въ 16 футовъ копьа македонскихъ всадниковъ, укоротилась теперь до 12-ти футовъ. Весьма вѣроятно тоже, что въ позднѣйшее время римскія войска кромѣ обыкновеннаго лука снабжены были еще особаго рода самострѣлами ³. Судя по свѣдѣніямъ сообщаемымъ въ приводимомъ выше сочиненіи и подтверждаемымъ также другими источниками, войско послѣ Константина вообще не только не крѣпло духомъ, но напротивъ все болѣе предавалось нѣгѣ. Во всѣхъ войскахъ, именно въ это

¹ См. стр. 84. — ² Ср. E. Gibbon, гл. LIII.—³ О подробностяхъ см. ниже, при разборѣ арабскаго вооруженія.

время, болѣе тяжелое оружіе на столько считалось излишнимъ бременемъ, что во время похода, нагруженные имъ воза должны были тянуться за арміею, что при внезапныхъ нападѣніяхъ причиняло самыя гибельныя замѣшательства. Только отъ времени до времени нѣкоторымъ изъ лучшихъ правителей удавалось поднять духъ войска, но всегда не надолго, такъ напр. въ промежутокъ времени между царствованіемъ Никифора II Фоки, приблизительно до Романа III, (отъ 963 по 1028 г.), и наконецъ, послѣ новаго періода упадка, при Алексѣе I Комнинѣ и преемникѣ его Кало-Іоаннѣ (между 1081 и 1143); впрочемъ и эти одиночныя попытки повидимому не имѣли вліянія на вооруженіе войска.

7. а. Тотъ же характеръ какой имѣло это вооруженіе въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ, оно удержало почти неизмѣнно и въ послѣдующее затѣмъ время, покрайней мѣрѣ насколько объ этомъ позволяютъ судить позднѣйшія современныя изображенія¹, и даже до самого паденія имперіи. И хотя на нѣкоторыхъ произведеніяхъ изобразительнаго искусства, какъ напр. въ миниатюрахъ одной рукописи конца двѣнадцатаго столѣтія, мы встрѣчаемъ изображенія чешуйчатой брони и тому подобныхъ предметовъ (фиг. 60. с), то все таки этого нельзя считать нововведеніемъ, потому уже, что всѣ названные предметы носятъ положительный отпечатокъ стародавнихъ восточныхъ формъ.

7. б. Вооруженіе императорской почетной гвардіи, или такъ называемыхъ „палатинцевъ“, подверглось между тѣмъ преобразованію болѣе соответствовавшему военнымъ требованіямъ чѣмъ прежнее его устройство (стр. 87). Но когда именно совершилось это преобразованіе, достоверно опредѣлить нельзя, всего вѣроятнѣе однако предполагать, что оно началось еще въ осьмомъ вѣкѣ и вызвано было необходимостью обороны въ случаяхъ крайней опасности; между тѣмъ, наиболее относящихся сюда свидѣтельства принадлежать только одиннадцатому и двѣнадцатому вѣку, какъ напр. преимущественно, исполненныя въ это же время мозаичныя изображенія въ ц. с. Марка въ Венеціи (фиг. 62. а. б. с). Почетная гвардія, (которая всегда изображается стоящею вокругъ трона императора), представлена здѣсь отчасти еще безъ оборонительнаго оружія (фиг. 62. а), но зато въ воишскомъ костюмѣ закрывающемъ совершенно все тѣло кромѣ только ногъ (фиг. 62. б. с.), которыя безъ исключенія прикрыты у всѣхъ узкими штанами какъ бы изъ трико, украшенными разноцвѣтными поперечными полосами, и полушапожками съ подобнаго же рода украшеніями (фиг. 62. а. б. с; фиг. 58).

8. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что византійскіе цари точно такъ какъ еще въ старое время западноримскіе императоры, постоянно укомплектовывали регулярную армію вербовкою наемниковъ изъ чужестранцевъ, (въ томъ числѣ преимущественно франками)², и кромѣ того цѣлыми полчи-

¹ Ср. мж. пр. греческую икону 13-го вѣка у Seroux d'Agincourt. Peint. т. I. XC. Правда что, за неизмѣнимъ достоверныхъ опоръ для сравненія касательно позднѣйшихъ византійскихъ художественныхъ изображеній, наврядъ ли возможно опредѣлить, что именно, по отношенію къ костюму, взято изъ дѣйствительности, и напротивъ, что должно быть отнесено къ преданію.—² J. Burckhardt. Die Zeit Constantins стр. 460.

щами вспомогательных войск изъ азіятцевъ, а такъ какъ послѣдніе сохраняли свойственное каждому изъ этихъ племенъ народное оружіе, то все войско представляло чрезвычайно разнообразный видъ костюмовъ и воору-

Фиг. 62.

женія. Изображенія нѣкоторыхъ изъ этихъ войскъ встрѣчаются повидимому на многихъ мелкихъ произведеніяхъ искусства, относящихся впрочемъ къ весьма различнымъ годамъ (фиг. 63, a. b. c) ¹.

Г. Хотя сохранилось немало письменныхъ памятниковъ и также изображеній, могущихъ служить источникомъ для подробнаго описанія развитія особаго типа богослужебнаго одѣянія, или собственно говоря,—священнослужительскаго облаченія, тѣмъ не менѣ матеріалъ заключающійся въ этихъ свидѣтельствахъ, въ сущности слишкомъ шатокъ, въ особенности по отношенію къ болѣе отдаленнымъ временамъ, чтобы на основаніи его, произносить окончательный приговоръ ². Какъ на одинъ изъ выводовъ наи-

¹ Изъ представленныхъ здѣсь (фиг. 63) фигуръ, костюмъ b. менѣ другихъ носить на себѣ азіятскій отпечатокъ, а скорѣе (напр. броня) довольно живо напоминаетъ отчасти древнеримское вооруженіе, отчасти же (относительно шлема и ногъ), представляетъ смѣсь азіятскаго съ западноевропейскими элементами. Быть можетъ это изображеніе одного изъ упомянутыхъ выше франкскихъ наемниковъ. — ² J. M. Heinescius *Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche*. Leipzig. 1711. 3 Тома особ. т. II. Eusebius Renaudot. *Collectio liturgiarum orientalium*. Paris. 1716. 2 Т. особ. т. II стр. 54 и сл. J. Bingham. *Origines, or Christian antiquities*. Lond. 1708—1722 (извлеченіе изъ этого сочиненія Ant. Blackmore. Summary

менѣ подлежащій сомнѣнію, и къ которому насъ приводятъ названные источники, укажемъ на то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ до шестаго столѣтія внѣшняя форма одежды духовныхъ лицъ не подвергалась ника-

Фиг. 63.

кому дѣйствительно важному или строгому установленію (см. стр. 33). Правда, нѣтъ недостатка въ извѣстіяхъ указывающихъ повидимому на то, что даже еще во второмъ вѣкѣ нѣкоторыми настоятелями христіанскихъ общинъ, напр. Пиемъ I въ Аквиле въ 158 г. и преемникомъ его Аники-тою въ 167 г., сдѣланы были попытки установить особую одежду для отличія духовныхъ лицъ отъ мірянъ. Однако, не только показанія названныхъ свидѣтелей, но даже вся масса другихъ, относящихся сюда отдѣльныхъ из-

of Christian Antiquities. Lond. 1722. Нѣмецкій перев. F. C. Rambach. Ant. Black-
mor's christl. Alterthümer. Breslau 1768). Jacob Elssner. Neueste Beschreibung der
griechischen Christen in der Türkei. Aus glaubwürdiger Erzählung des Herrn Athana-
sius Dorostamus, Archimandriten des Patriarchen zu Constantinopel. Nebst von ihm
selbst gezeichneten Kupfern. Berlin 1737; къ нему «Fortsetzung der neuesten Beschrei-
bung» и пр. Berlin 1747. E. v. Muralt. Lexidion der morgenländischen Kirche. Leip-
zig 1838.—Предлагаемое мною здѣсь описаніе есть собственно опытъ изложенія разви-
тія богослужебнаго одѣянія въ византийской или греко-католической церкви, какъ
источника христіански-богослужебной одежды вообще, опираясь при этомъ на древнѣйшіе
остатки изобразительнаго искусства, изслѣдованные, правда, только въ позднѣйшее время.
Новѣйшія сочиненія относящіяся сюда, ограничиваются главнымъ образомъ описаніемъ
формы христіанскаго священнослужительскаго облаченія съ точки его развитія, совершив-
шагося уже исключительно подъ вліяніемъ римско-католической или западной церкви,
стало-быть собственно описаніемъ римскаго богослужебнаго облаченія; при чемъ лишь

вѣстій за весь періодъ времени вплоть до шестаго вѣка, служатъ явнымъ доказательствомъ, что именно въ продолженіи этой эпохи, не существовало дѣйствительно никакого различія между одеждою духовныхъ и мірянъ. Все относящаяся сюда свѣдѣнія, мѣтнія и распоряженія въ сущности касаются только употребленія одѣяній носимыхъ также мірянами ¹, какъ напр. туники (*tunica*), съ поясомъ (*singulum*); пенулы (*paenula*), накидки дорожной съ кашпономъ или безъ онаго, (ср. стр. 10, 11. фиг. 8); стóлы (*stola*, верхней одежды), и далматики (*dalmatica*, одежды съ короткими рукавами); такъ называемаго колобія (*colobium*, нижняго платья безъ рукавовъ); загѣмъ, ворсистыхъ одѣяній (*vestes birrae* изъ болѣе грубой шерстяной ткани и окрашенныхъ по большей части въ красный цвѣтъ) ²; потомъ длиннополой туники (*tunica talaris*); паллія (*pallium*, верхней одежды); и трибонія (*tribonium*, древнегреческаго накиднаго плаща) ³: наконецъ, относительно обуви, употребленія сандалій (*calceamenta cum idombus*). Даже если къ этому присоединимъ, не вполне впрочемъ достовѣрныя, извѣстія о пожалованныхъ царемъ Константиномъ духовнымъ лицамъ, мж. пр. патриарху Макарію, богато украшенной стóлы ⁴, и епископу Селиверсту I, великолѣпной митры ⁵, то и это едва ли слѣдуетъ объяснить чѣмъ-либо другимъ, какъ случайнымъ (но понятнымъ въ ту пору) желаніемъ Константина, особою милостью, соответствовавшей роскоши того времени, почтить представителей новой вѣры. Впрочемъ, можно также допустить и то, что въ названный промежутокъ времени, между одеждою духовныхъ и одеждою мірянъ, само собою вышло различіе вслѣдствіе того, что послѣдніе все болѣе и болѣе приравнивались къ требованіямъ возникавшихъ новыхъ модъ, тогда какъ духовенство придерживалось (всеобщей нѣкогда) римской одежды ⁶. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ достовѣрно только то, что болѣе опредѣленные указанія объ особой формѣ одежды для духовенства мы встрѣчаемъ не ранѣе какъ около половины шестаго вѣка въ царствованіе Юстиніана, не только у нѣкоторыхъ древнихъ писателей (подъ названіями „*ecclesiasticus habitus*,

мимоходомъ намекается на различія съ облаченіемъ употребляемымъ донинѣ еще въ греческой церкви. Такъ напр. приведенныя выше (стр. 41) сочиненія Victor Gay, I. Schotel, F. Bock и даже W. Augusti, между тѣмъ какъ F. H. Rheinwald въ соч. своемъ *Die Kirchliche Archäologie* и пр. вообще доходятъ только до 7-го вѣка. Сюда же слѣдуетъ отнести, отчасти роскошно изданныя творенія: W. Pugin. *Glossary of ecclesiastical Ornament and Costume compiled from ancient Authorities and Examples. A second edition enlarged and revised by B. Smith. London 1846. Storia della liturgia ecclesiastica dimostrata coi monumenti di ogni tempo. Roma 1845. Abbé Migne. Encyclopädisches Handbuch der Katholischen Liturgie* и пр. франц. изданія обработанное для нѣмецкихъ читателей E. Schinke и J. Kühn. Breslau 1850 и др. соч. въ которыхъ, ради относящихся сюда же монографій и пр. слѣдуетъ прибавить преимущественно поврежденные изданія Ch. Cahier и A. Martin. *Melanges. C. Corblat: Revue de l'art chrétien. K. v. Czörnig. Mittheilungen der k. k. Central-Commission. H. Parker (и др.) The Ecclesiologist. A. Gaussen. Portefeuille archéologique* и мн. др.—¹ См. чрезвычайно любопытное хронологическое сопоставленіе этихъ одѣяній у Victor Gay у Didron. *Annales I* стр. 61 и сл., II стр. 38.—² См. объ этомъ въ особ. M. Sachs. *Beiträge zur Sprach. und Alterthumsforschung aus jüdischen Quellen. Berlin 1862. стр. 138.*—³ См. Внѣшн. бытъ народовъ II.—⁴ Didron. *Annales VIII* стр. 65 и сл.—⁵ Barbier de Montault въ Didron *Annales XVI* стр. 227 и сл.—⁶ Ср. J. Binterim. *Denkwürdigkeiten* и пр. III.

religionis habitus, senatus habitus, vestes attributae cleris, т. е. церковное, богослужбное, священное одѣяніе, одежда присвоенная священнослужителямъ и пр.), но также въ изображеніяхъ на памятникахъ ¹.

1. Въ подтвержденіе сказаннаго уже выше, что форма священнослужительской одежды и тогда еще носила характеръ стародавняго римскаго костюма, мы опятьтаки приведемъ мозаичное изображеніе въ ц. с. Виталія въ Равеннѣ въ которомъ представленъ патриархъ Максиміанъ и нѣсколько другихъ лицъ духовнаго званія нисшихъ разрядовъ (фиг. 64. а. в. с; ср. фиг. 43). Облаченіе архіерея (фиг. 64. а.) здѣсь вполнѣ

Фиг. 64.

соотвѣтствуетъ сохранившимся описаніямъ ², приблизительно тогоже времени; оно состоитъ изъ бѣлой длинной стѣлы, т. е. стихаря (*stola*, также *tunica alba* или *talaris*, или *dalmatica*), потомъ, изъ накинутой сверху зеленого цвѣта пенулы, фелони (*paenula*, то же *casula* или *planeta*); на ногахъ бѣлые чулки и черныя сандалии; на грудь и плечи возложена лента бѣлаго цвѣта съ чернымъ крестомъ. Стало быть единственный предметъ могущій казаться новизною въ этой одеждѣ, это развѣ только упомянутая нарамennая лента. Между тѣмъ, такъ какъ все облаченіе, какъ мы видѣли, состояло въ сущности изъ такихъ частей одежды кои издавна

¹ Между прочими писателями W. Augusti (*Handbuch der christlichen Archäologie* I. стр. 314) и Victor Gay (*Didron. Annales* II. стр. 150 и др.) полагаютъ что еще въ четвертомъ вѣкѣ существовала особаго рода священнослужительская одежда. —

² См. въ особ. W. Rheinwald. *Archäologie* стр. 41 и сл. стр. 44; стр. 50. W. Augusti. *Handbuch* I. стр. 196. III. стр. 236 и сл. Victor Gay въ *Didron Annales* IV. стр. 354 и сл.

были въ употребленіи у римлянъ, то безъ всякаго сомнѣнія и эта лента не составляла особаго знака достоинства, нарочно установленнаго только для духовныхъ лицъ, какъ думали прежде ¹, но скорѣе и она ведетъ также начало свое отъ какой либо части древнеримскаго костюма. Не вдаваясь въ оцѣнку разнообразныхъ предположеній встрѣчающихся какъ у древнихъ, такъ даже у новѣйшихъ писателей, гораздо проще и естественнѣе считать эту ленту видоизмѣненіемъ перевязи, какую носили консулы еще при Константинѣ великомъ (см. фиг. 10; 13; 51. а. b.). Весьма возможно даже что право носить эту ленту перешло къ высшему духовенству лишь въ послѣдствіе, послѣ Юліана, когда консульское достоинство уже утратило свое значеніе, и быть можетъ даже около половины шестаго столѣтія, послѣ того какъ въ послѣдній разъ должность эту занимало частное лицо (стр. 81). Представленный здѣсь шарфъ до крайности упрощенъ, такъ что съ виду онъ похожъ на простую узкую ленту (вѣроятно изъ бѣлаго холста) ², причину тому, какъ надо полагать, слѣдуетъ искать въ распространившемся среди лучшей части духовенства, и удержавшемся до осьмаго вѣка, стремленіи отрѣшиться отъ всякой внѣшней пышности по примѣру Спасителя и его учениковъ ³. Такъ покрайней мѣрѣ въ продолженіе времени отъ 560 до 590 г. духовенство носило только простыя бѣлыя одѣянія, и именно слово только *tunica talaris*, т. е. стихарь ⁴, а на Нарбонскомъ соборѣ 589-го г. ему даже формально воспрещено было носить роскошныя пурпуровыя одѣянія. Наконецъ, если на упомянутомъ шарфѣ, изъ котораго въ послѣдствіи образовался омофоръ ⁵, мы встрѣчаемъ постоянно, въ противоположность консульской перевязи, изображеніе креста, то это даже не должно насъ удивить, такъ какъ люди коимъ присвоено было право ношенія этого шарфа, были представителями ученія и лица Христова.

Изображеніе архіерейскаго облаченія точно также какъ и одежды и высшаго клира на упомянутой выше мозаикѣ, одинаково сходно съ описаніемъ подобнаго рода одѣяній въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ ⁶. Фигуры на названной мозаикѣ по всей вѣроятности изображаютъ пресвитера (фиг. 64 b) и діакона (фиг. 64. c), на нихъ стародавняя бѣлая стѣла (стихарь) безъ пояса, но уже съ очень широкими рукавами (*tunica alba*, или *talaris*, *dalmatica* или просто *alba*), бѣлые чулки въ об-

¹ Сравни по этому поводу прежнія мнѣнія, и подходящее къ нашему Беллоріево, у Jacob Elssner. Fortsetzung der neuesten Beschreibung и пр. стр. 122. и сл. — ² Судя по Joanis Diaconi vit. Gregor. M. lib. IV. c. 8 это былъ цѣльный платъ (*nullis acubus perforata*) изъ бѣлаго холста (*bisso candente*), лишь въ послѣдствіи онъ дѣлался изъ шерстяной ткани для символическаго значенія. J. Elssner I. стр. 62. примѣч. — ³ Свидѣтельства тому за года 395, 428, 506 и пр. смотри у Victor Gau въ Didron Annales I. стр. 639. — ⁴ Въ силу предписанія изданнаго въ 580 г. — ⁵ Ср. мж. пр. также Ch. Schlosser. Geschichte der bilderstürmenden Kaiser стр. 176. — ⁶ Ср. V. Gau у Didron. Annales II. стр. 159. у котораго однако позднѣйшія измѣненія, особенно стѣлы, скорѣе переиутаны, нежели разъяснены. Впрочемъ и въ различныхъ современныхъ извѣстіяхъ встрѣчается не мало противорѣчій. Между тѣмъ и здѣсь то же единственныя вѣрныя и вѣдомыя служатъ изображенія, тѣмъ болѣе что въ нихъ, какъ уже было сказано, незамѣтны подобныя несообразности. Такъ напр изображенія о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, почти во всемъ согласны съ древнѣйшими показаніями см. W. Rheinwald Archäologie. стр. 44 и сл.

тяжку и черная подвязная обувь. Кроме того епископъ и клиръ отличаются и тѣмъ еще, что головы у нихъ ничѣмъ не покрыты, а короткіе вообще волосы на темени выбриты въ кружокъ. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что ношеніе особыхъ наглавниковъ у греческаго духовенства вообще вошло въ употребленіе лишь въ позднѣйшее время, и навѣрно не раньше чѣмъ въ западной церкви, гдѣ они были введены въ десятомъ вѣкѣ¹; потомъ, что вышеупомянутый обычай стричь темя, такъ называемая тонсура, повидному сталъ обязательнымъ еще въ пятомъ столѣтіи².

2. Если теперь отъ изображеній на равенскихъ мозаикахъ 547-го года, мы перейдемъ къ памятникамъ послѣдующимъ за ними по времени происхожденія,

Фиг. 65.

т. е. къ мозаичнымъ изображеніямъ въ храмѣ Св. Софіи въ Константинополѣ, и сравнимъ представленное на послѣднихъ архіерейское облаченіе³ (фиг. 65) съ облаченіемъ Максимиціана (фиг. 64. а), то мы сейчасъ убѣдимся, что въ духовной одеждѣ совершилось не малое измѣненіе въ короткій промежутокъ времени въ десять и двѣнадцать лѣтъ, протекшіи послѣ того какъ была исполнена равенская мозаика. Измѣненіе это коснулось съ одной стороны нижней одежды, т. е. стóлы (стихаря; *dalmatica*; *tunica alba* или *talaris*); съ другой параміцы или омофора, и наконецъ цвѣта и обдѣлки всѣхъ частей облаченія въ совокупности. На первомъ изображеніи, повторяемъ, пенула (*paenula*, *plancta* или *casula*) т. е. фелонь на архіереѣ зеленого цвѣта; бѣлая стóла (стихарь) обшита узкими черными полосами; омофоръ въ видѣ простой ленты. На второй мозаикѣ пенула (фелонь) совершенно бѣлаго цвѣта; стóла

(стихарь) хотя тоже бѣлаго цвѣта, но украшена двумя продольными широкими и параллельными полосами синяго и краснаго цвѣта, т. е. собственно ораріемъ; и наконецъ омофоръ, представленъ здѣсь въ видѣ ленты проведенной по плечамъ, (сталобыть сшивной), окаймленной пурпуромъ и украшенной греческими крестами, соответствующими по цвѣту упомянутымъ полосамъ на стихарѣ⁴.

¹ Таково наиболѣе удостовѣряемое свидѣтельствомъ мнѣніе по крайней мѣрѣ относительно митры (или инфулы). Еслиже на подобнаго рода наглавникъ встрѣчаются намеки еще раньше, какъ объ этомъ говоритъ J. Vinterimъ въ сочиненіи своемъ: *Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten* 1. 2-ая ч. стр. 349. и сл., то такое явленіе нельзя считать за правило, и оно составляетъ случайное исключеніе.—² Судя по одному недостоверному впрочемъ извѣстію, еще въ 165 г. тонсура была установлена Анжвитою I. V. Gau въ *Didron Annales* I. стр. 63 за 165 и 173 г. По мнѣнію W. Augusti (*Archäologie* I. стр. 325) тонсура была введена между 6-мъ и 8-мъ столѣтіемъ, чему и соответствуетъ приложенный здѣсь рисунокъ.—³ W. Salzenberg. *Altchristliche Baudenkmale* etc. таб. XXVIII; таб. XIX; стр. 103 и сл.—⁴ У W. Augusti (*Handbuch der christlichen Archäologie* I. стр. 198), сказано довольно неопредѣленно, что пурпуроваго цвѣта кресты были въ употребленіи еще въ осьмомъ вѣкѣ, однако, судя по этимъ изображеніямъ можнобы точнѣе опредѣлить время.

Что было настоящею причиною такого замѣчательнаго измѣненія, теперь навряд ли возможно опредѣлить, и изо всего видно лишь то, что до изготовленія упоминаемыхъ здѣсь мозаикъ, покрайней мѣрѣ по отношенію къ цвѣту церковнослужительскихъ одѣяній, соблюдаемо было изданное въ 560-мъ г. постановленіе (стр. 97), и что особенное значеніе стало придаваться теперь общеупотребительному дотолѣ украшенію стѣлы параллельными полосами какъ отличію богослужебной одежды, (ср. фиг. 26; фиг. 27; фиг. 30). Относительно измѣненія которому подвергся нарамникъ или омофоръ мы положительно не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ указаній, и можемъ допустить развѣ только то, что оно вызвано было потребностью большаго удобства ¹. Вообще, судя по описаннымъ нами двумъ памятникамъ (въ Равеннѣ и Константинополѣ), церковнослужительская одежда собственно еще въ концѣ шестаго вѣка состояла уже почти изъ всѣхъ тѣхъ частей, изъ коихъ въ послѣдствіе времени развилось благолѣпіе духовнаго облаченія. Поэтому надо полагать, что изображенная здѣсь одежда по всей вѣроятности та самая которую константинопольскій соборъ 692 г. призналъ единственно-приличествующею для духовныхъ сановниковъ, запретивъ при этомъ духовнымъ лицамъ носить свѣтскую модную одежду (Concil. Constantinop. in trullo can. 27).

3. Изъ сказаннаго можнобы заключить что упомянутая уже выше болѣе простая, форма церковнослужительскихъ одѣяній удержалась вплоть до осьмаго столѣтія, между тѣмъ, собственно съ этого самого времени въ облаченіяхъ повидимому начинаетъ проявляться болѣе великолѣпіе. Кроме изданнаго въ 743-мъ г. постановленія, опредѣлившаго вновь въ числѣ духовныхъ одѣяній употребленіе кѣзулы, (*casula*, *planeta* или *paenula*), почти два года спустя, около 745 г., епископъ римскій Захарій, родомъ грекъ, по просьбѣ Пиница, установилъ для епископовъ въ отдѣльности одѣяніе соотвѣтствовавшее ихъ святительскому сану, а для іереевъ вообще, какъ проповѣдниковъ слова Божія, подобную же одежду для пошенія при исполненіи ими священнодѣйствій, и тоже приличествовавшую ихъ высокому призванію. Повело ли распоряженіе это къ какимъ либо существеннымъ измѣненіямъ въ формѣ духовныхъ облаченій, и въ чемъ они заключались, — объ этомъ ничего опредѣленнаго сказать мы не можемъ, тѣмъ болѣе что въ подобныхъ же распоряженіяхъ исходившихъ отъ другихъ епископовъ встрѣчается много разногласій. Такъ напр. около 754 г. архіепископъ Майнцскій Бонифатій (вѣроятно только въ предѣлахъ собственной своей епархіи), запрещалъ духовенству носить не только дорогія одѣянія, но и древній римскій военный плащъ *sagum* ², и также оружіе; при чемъ, какъ главныя части духовной одежды онъ приводитъ: тунику изъ шерстяной ткани или полотна, башма-

¹ Всѣ другія, часто символическія объясненія этой части облаченія и ея формы относятся къ гораздо позднѣйшей эпохѣ чѣмъ та, когда произведены были приводимыя нами изображения. Ближе всего ее можно сравнить съ *pallium* позднѣйшихъ временъ, который первоначально, какъ полагаютъ, имѣлъ форму плаща, какъ дѣйствительно указываетъ и само названіе, и только въ продолженіи времени принялъ форму помянутой ленты. Ср. различныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, собранныя аббатомъ Migne *Encyclop. s. v. Pallium*; потомъ W. Pugin, *Glossary of ecclesiastical Ornament s. v. Pallium*; V. Gay; F. Bock и др.—2. См. выше фиг. 17. а.

ки, поясъ, стóлу или орарь, срачицу и для зимняго времени небольшой плащъ¹. Судя по другому извѣстiю, подобное же стремленiе къ болѣе достойному, чѣмъ великолѣпному по внѣшности своей одѣянiю, господствовало тоже въ греческомъ духовенствѣ и даже между патриархами. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ что с. Тарасiй, при его вступленiи въ 784 г. на епископскую кафедру въ Византии, еще до принятiя тонзуры, (постриженiя), сложилъ съ себя украшенную пурпуромъ одежду которую въ мирѣ носилъ, и въ замѣнъ ея возложилъ на себя патриаршеское одѣянiе, отличавшееся безсомнѣнно меньшею роскошью.

4. Изъ немногихъ приведенныхъ нами показанiй, не говоря о другихъ извѣстiяхъ носящихъ на себѣ такойже отпечатокъ шаткости и противорѣчiя, мы видѣли, что одно только письменное преданiе представляетъ слишкомъ недостаточныя точки опоры для вѣрнаго историческаго опредѣленiя хода развитiя священнослужительскаго одѣянiя, и потому, дабы получить хотя сколько нибудь точное понятiе, о названномъ костюмѣ за послѣдующее время, намъ остается только обратить вниманiе главнымъ образомъ на относящiяся сюда изображенiя. Такое сравнительное изслѣдованiе насъ приводитъ прежде всего къ тому заключенiю, что греческое священнослужительское облаченiе, преимущественно относительно покроя одеждъ, удержало

Фиг. 66.

первоначальную свою простоту даже еще до двѣнадцатаго вѣка, и что лишь съ конца этого столѣтiя, или быть можетъ еще позже, оно приняло тотъ великолѣпный внѣшнiй видъ какимъ отличается нынѣ. Сравнивая вышеописанное изображенiе шестаго вѣка съ довольно значительными по числу своему, изображенiями духовныхъ лицъ въ миниатюрахъ греческихъ рукописей и на другихъ сохранившихся памятникахъ, отъ девятаго до двѣнадцатаго столѣтiя, мы ясно увидимъ, что совершившееся за все это время измѣненiе въ сущности ограничивается собственно только тѣмъ, что форма нарамника или о м о ф о р а удвоилась, и что, впрочемъ отчасти только, стали входить въ употребленiе цвѣтныя фелони, иногда украшаемыя пурпуровыми крестами (ср. фиг. 66; фиг. 67 и фиг. 64; фиг. 65). Такое измѣненiе нарамника можно объяснить тѣмъ, что въ позднѣйшiя времена обѣ существовавшiя дотоле формы древняго о м о ф о р а, (быть можетъ для большаго еще отличенiя различныхъ духовныхъ степеней), соединяемы были въ одинъ опредѣлен-

ный знакъ отличiя духовнаго сана. Согласно съ этимъ всего вѣроятнѣе предполагать, что о м о ф о р ъ новѣйшей формы, перегнутый вокругъ шеи въ видѣ оплечья (фиг. 65), первоначально надѣвался непосредственно по-

¹ См. V. Gay въ Didron Annales I. стр. 68, и примѣч. относящiяся сюда.—² Ignatus monachus in vita St. Tarasii ap. Surium.

верхъ стихаря (или стóлы), стало быть подъ фелонь (или казулу, планету) (фиг. 66; фиг. 67), какъ впрочемъ и видно по изображеніямъ (фиг. 66; ср. фиг. 64; фиг. 65). Напротивъ, омофоръ древнѣйшей и простой формы (фиг. 64), надѣвался сверху фелони (или казулы), согласно древнему обычаю (фиг. 66; фиг. 67). Изъ этихъ двухъ родовъ нарамленных лентъ, первая, надѣваемая на стихарь, соответствуетъ употребляемому въ облаченіи западной церкви длинному двойному нарамнику, т. е. такъ называемой у католиковъ стóль (ср. фиг. 68), считающейся по происхожденію своему обыкновенно тождественною съ настоящею стóлою. Такое мнѣніе однако ошибочно, и повидимому каждая изъ обѣихъ названныхъ формъ возникла совершенно самостоятельно. Покрайней мѣрѣ на это указываетъ, не-

Фиг. 67.

только общепринятое прежде мнѣніе относительно происхожденія лентообразной стóлы, но также различіе въ формѣ и названіи съ такою же частью облаченія въ греко-католической церкви. Происхожденіе перваго изъ этихъ двухъ нарамниковъ объясняется тѣмъ, что отъ оставшейся въ употребленіи среди христіанскаго духовенства древне-римской стóлы (фиг. 64), отдѣлена была украшавшая ее обшивка изъ параллельныхъ полосъ,—т. е. орарь (стр. 125), изъ которой такимъ образомъ образовалась нарамная лента получившая потомъ названіе присвоиваемое цѣлой одеждѣ¹. Съ другой стороны, судя по изображеніямъ греческихъ духовныхъ лицъ, оказывается, что

¹ W. Augusti. Handbuch der christlichen Archäologie III. стр. 504. F. Bock. Geschichte der liturgisch. Gewänder I. стр. 361, 435 и сл.

и въ двѣнадцатомъ еще вѣкѣ на ряду съ этими лентами двухъ родовъ, иногда употреблялось по прежнему и упомянутое выше одѣяніе, украшенное двойною полосою ¹ (фиг. 67). Между тѣмъ, у грековъ для нарамешной ленты о которой здѣсь идетъ рѣчь, никогда не заимствовалось названіе отъ какого либо церковнослужительскаго одѣянія, но ее постоянно называли эпитрахилью, по присвоенному ей назначенію ². Притомъ эпитрахиль весьма рѣдко спускалась по обѣ стороны, какъ это дѣлалось постоянно съ стѣлою (фиг. 68), но обыкновенно возлагалась на плечи такимъ образомъ, что обѣ половины ея, равныя по ширинѣ, другъ къ другу прикасались краями или даже одна другую прикрывали. Потомъ, въ первое время этотъ двойной нашейникъ украшался обыкновенно пурпуровыми крестами, подобно древнему, и только въ послѣдствіи отчасти богатою обшивкою, отчасти же, (вмѣсто пурпуровыхъ крестовъ), произвольными орнаментами и разноцвѣтными кисточками (ср. фиг. 67; фиг. 69; фиг. 70).—Распространившееся въ продолженіе этого времени, употребленіе цвѣтныхъ матерій вмѣсто господствовавшихъ дотошъ бѣлыхъ одеждъ, по всей вѣроятности слѣдуетъ объяснить страстью къ великолѣпію возраставшею все болѣе и болѣе начиная съ девятаго вѣка.

5. Другое дополненіе къ чисто греческому священнослужительскому облаченію, встрѣчающееся однако уже въ изображеніяхъ одиннадцатаго вѣка и еще съ большею опредѣленностью въ позднѣйшихъ, составляла родъ короткой туники, доходившей только до колѣнъ. Эта одежда отличалась иногда весьма богатымъ узоромъ, и надѣвалась поверхъ длинной стѣлы и эпитрахили (фиг. 67; ср. фиг. 66).—Если теперь мы сведемъ все что сказано было доселѣ о богослужебной одеждѣ въ отдѣльности, окажется что въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія полное облаченіе высшихъ духовныхъ сановниковъ, епископовъ и патріарховъ, (не считая невидимыхъ для глазъ одеждъ) ³, составляли слѣдующія одежды (по порядку ихъ возложенія): — 1. Стѣла (*stola, dalmatica, tunica alba* или *talaris*, или же просто *alba*), 2. затѣмъ надѣваемая поверхъ предъидущей одежды, узкая эпитрахиль, 3. потомъ въ томъ же порядкѣ короткая туника (*tunica, tunicella*), 4. поверхъ этой туники пенула (*paenula, casula* или *planeta*), 5. омофоръ, 6. чулки, и 7. чернаго цвѣта обуви въ родѣ башмаковъ или сандалій.

Къ этимъ основнымъ частямъ облаченія слѣдуетъ прибавить— жезлъ, болѣе или менѣе богато украшенный, и золотой перстень, хотя и неизвѣстно, служили-ли эти предметы еще въ первые времена знаками отличія духовнаго сана. Перстень ⁴, (*annulus*) составлявшій еще въ глубокой древности весьма обычное украшеніе, какъ полагаютъ, вошелъ въ употребленіе у духовенства вообще при богослуженіи, а у епископовъ въ особенности сталъ отличитель-

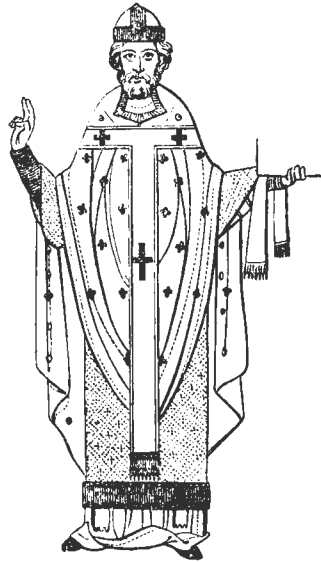
¹ Seroux d'Agincourt. Peint. I. таб. LVIII. I.—² Эпитрахиль происходитъ отъ греческаго слова *ἐπιτραχίλη*, шея, и значитъ нашейникъ. Новая ссръжаль.—³ Т. е. быть можетъ какія либо исподнія туники, о существованіи коихъ впрочемъ ничего неизвѣстно.—

⁴ См. кромѣ приведенныхъ уже сочиненій въ особ. W. Rheinwald. Archäologie. стр. 41. W. Augusti. Handbuch III. стр. 235. Abbé Migne. Encyclopädisches Handbuch. стр. 766: статью «перстень». Abbé Texier Dictionn. d'orfèvrerie, de gravures et de ciselure chrétiennes и пр. Paris 1857, стр. 133. статью: «Anneau».

ным знакомъ архіерейской власти, по крайней мѣрѣ еще въ четвертомъ столѣтіи; употребленіе жезла, ¹, напротивъ, повидимому установлено было не ранѣе начала сельмаго. Въ изображеніяхъ духовныхъ лицъ греко-каатолической церкви относящихся ко времени до тринадцатаго столѣтія, мы нигдѣ не встрѣчаемъ никакихъ особыхъ священнослужительскихъ наглавниковъ или головныхъ покрывтіи ². Еслиже таковые встрѣчаются на изображеніяхъ болѣе ранняго періода, какъ напр. на нѣкоторыхъ мозаикахъ принадлежащихъ приблизительно къ началу этой эпохи, въ церкви с. Марка въ Венеціи (фиг. 68), то изъ общаго характера всего костюма явственно видно, что въ нихъ представлено не греко-каатолическое обычное священнослужительское облаченіе, но или смѣсь этого облаченія съ выработаннымъ уже свои особая формы, облаченіемъ западной церкви ³, или же исключительно это послѣднее.

6. Для болѣе точнаго опредѣленія хода развитія поименованныхъ сейчасъ частей грекокаатолическаго облаченія нѣтъ положительно никакихъ вѣрныхъ указашій, тѣмъ болѣе что позднѣйшія византийскія произведенія почти невозможно распредѣлить въ хронологическій порядокъ. Въ виду этого, и даже если принять нѣсколько отдѣльныхъ изображеній писанныхъ на доскахъ ⁴, и также стѣнописныхъ изображеній, представляю-

Фиг. 68.

¹ Ср. кромѣ подробнаго и богатоукрашеннаго рисунками тратката аббата Ваггаулт и Arthur Martin: *Le bâton pastoral. Etude archéologique*, Paris 1856. приведенныя выше сочиненія аббата Migne: *Encyclop.* и пр. стр. 404, статью: «crosse», и у аббата Texier: *Dictionn.* и пр. стр. 560, статью: «crosse pastorale». — ² Самымъ раннимъ указаніемъ особыхъ наглавниковъ могутъ служить изображенія духовныхъ лицъ на такъ называемой императорской даматикѣ въ Римѣ, гдѣ однако представлено грекокаатолическое облаченіе. Выше было уже замѣчено, что упомянутая работа производилась по греческимъ образцамъ, и именно, либо въ концѣ 12-го, либо (что еще вѣроятнѣе) въ началѣ 13-го вѣка. см. стр. 50 прим. 1. Наглавникъ здѣсь имѣетъ форму высокой, овальной шапки. Ср. изобр. у J. Boissereé. въ пр. м. и J. v. Neffner *Trachten* I. таб. 62. —

³ На подобную смѣсь указываетъ изображенное здѣсь (фиг. 68) облаченіе. Такъ, напр. форма омофора въ противоположность латинскому pallium, носить здѣсь греческой характеръ (ср. G. Heider. *Jahrbuch der k. k. österreich. Central-Commission* II. стр. 22; 23. потомъ и фиг. 69, 70). Съ другой стороны стола, въ противоположность византийской зинтрахли чисто латинская; точно такъ и висящая на лѣвой рукѣ лента, такъ называемый «manipulus», вмѣсто котораго въ греческой церкви позднѣйшаго времени употребляемы были нарукавницы или цоручи; ср. еще изображеніе св. Николая у J. v. Neffner и Wesker. *Geräthschaften* и пр. I. таб. 1. — ⁴ Сюда относятся мж. пр. нѣсколько небольшихъ изображеній писанныхъ клееными красками, хранящихся въ такъ называемомъ кабинетѣ «инкунабелей» (первопечатныхъ книгъ) въ берл. королевск. картинной галерей. Въ нихъ воспроизведено изображенное подъ фиг. 69. а. облаченіе. Ср. потомъ изображеніе триптиха у, A. Du Sommerard. *Les arts au moyen-âge*. 2. Серия таб. XI и многое другое относящееся сюда въ приводимыхъ далѣе сочиненіяхъ о русскихъ и византийско-русскихъ древностяхъ.

щихъ какъ полагають, священнослужительское облаченіе въ томъ видѣ, какой оно имѣло въ тринадцатомъ вѣкѣ (фиг. 69. а), мы придемъ въ сущности

Фиг. 69.

въ тому заключенію, что употребляемая нынѣ въ греческой церкви богослужебная одежда, сложилась по всей вѣроятности не ранѣе какъ въ тринадцатомъ или четырнадцатомъ вѣкѣ (стр. 100). Притомъ, сравнивая употребляемое нынѣ облаченіе, съ богослужебной одеждою въ двѣнадцатомъ столѣтіи, мы убѣждаемся что характеръ послѣдней измѣнился не только по отношенію къ цвѣту и орнаментовкѣ, но что въ ней также прибавлены были постепенно разнаго рода мелкія принадлежности.

7. а. Облаченіе употребляемое въ настоящее время главою греческой церкви, патриархомъ константинопольскимъ, состоитъ изъ девяти главныхъ частей ¹ (фиг. 69. б). Изъ нихъ только шесть принадлежали къ прежнему облаченію, остальные же три введены были въ послѣдствіи. Къ первымъ относятся: 1) длинная нижняя одежда въ видѣ стѣлы, носящая теперь названіе стихаря; 2) эпитрахиль; 3) надѣваемая поверхъ эпитрахили туника, называемая саккосомъ; 4) омофоръ; 5) чулки, и 6) башмаки. Къ числу допоздней введенныхъ въ облаченіе въ новѣйшія времена принадлежатъ: 7) украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями

¹ Я держусь здѣсь главнымъ образомъ описанія Jacob Elssner. Neueste Beschreibung der griechischen Christen in der Türkei стр. 62 и сл. съ прибавленными къ нему въ послѣдствіи прирѣченіями въ Fortsetzung der neuesten Beschreibung и пр. стр. 110 и сл. тогоже автора.

митра ¹; 8) эпиманикия, т. е. нарукавницы или поручи, концы обвязываются концы рукавовъ нижней одежды, и соответствующіе, будтобы, употребляемой въ латинской церкви двойной нарукавной перевязи (*manipula*) ²; и 9) эпигонатій, небольшой четырехугольный жесткій платъ, украшенный кисточками и привѣшиваемый съ правой стороны къ чресламъ. Кромѣ того къ полному облаченію патріарха, (въ которое теперь однако уже не входила болѣе „пенула“ или „казула“), принадлежали еще весьма богато украшенный наперсный крестъ (эпиколпій, т. е. наивдреникъ), и жезлъ или диканикій, символъ отеческаго и законнаго управленія, какъ и духовной верховной власти надъ христіанами. Богато украшенный жезлъ этотъ оканчивается сверху либо главицею, либо рукояткою въ видѣ двухъ завитковъ (рожковъ) или, по древнѣйшему обычаю ³, костьюемъ формы греческой буквы Г съ украшениями.

б. Богослужбная одежда прочихъ высшихъ духовныхъ лицъ лишь мало отличается отъ описанной сейчасъ, и только менѣе богато укра-

Фиг. 70.

шена и не столь разнообразна. Такъ напр. облаченіе архіепископа (фиг. 70. б) какъ и митро ополита отличаются отъ патріаршей собственно только

¹ Относительно прочихъ головныхъ покрытій употребляемыхъ патріархомъ см. J. Elssner. *Neueste Beschreibung* и пр. стр. 110. §. 31. — ² Ср. пока фиг. 68; подробнѣе въ слѣдующемъ отдѣлѣ.—³ Ср. рисунки у аббата Barrault и A. Martin: *Le bâton pastoral* фиг. 4, 5, 6, 7 и сл., особенно фиг. 27, 33, 34, 35, 36, 37 и сл.

формой присвоеннаго каждому изъ этихъ чиновъ наглавнаго покрѣтїя ¹ и омофоромъ меньшаго размѣра. Одѣяніе архимандритовъ затѣ (фиг. 70. а) представляетъ уже болѣе различїй; кромѣ особой формы наглавника, и присвоеннаго только этому чину особеннаго парамника, архимандриты носятъ кáзулу или пенулу (амфибалонъ или фелонь), но не надѣвають саккоса. Облеченіе высшаго духовенства состоитъ только изъ длинной одежды называемой стихаремъ, потомъ эпитрахили и пенулы или фелони; наконецъ діаконское облеченіе составляютъ одинъ лишь стихарь и длинная лента съ кисточками, такъ называемый орарь, обыкновенно съ вышитымъ на немъ трижды словомъ „агіосъ“. Смотря по ходу священнослуженія орарь возлагается то на лѣвое, то на правое плечо (но никогда крестообразно).—Обыкновенное, неслужебное одѣяніе духовныхъ лицъ, почти одинаковое для всѣхъ, состоитъ изъ длинной, чернаго цвѣта нижней одежды, (подрясника), съ длинными рукавами, опоясываемой на чреслахъ; потомъ длинной же и раскрытой спереди мантии (рясы) ², „мандуасъ“ или „мандіа“, изъ темнаго цвѣта наглавника, „катокамелайхїонъ“, (камилавки), съ надѣтымъ сверху его покрываломъ „апокамелайхїонъ“ (клобукомъ), спускающимся по бокамъ и затылку широкими клиньями, и наконецъ простой трости или костыля. — Въ лѣтнее время патріархъ для большаго удобства вмѣсто камилавки надѣваетъ на голову круглую шляпу съ широкими полями, называемую „капнасіонъ“.

По отношенію къ цвѣту облеченій грекокаатолическая церковь не признаетъ никакихъ символически установленныхъ правилъ. Она исключаетъ одинъ лишь черный цвѣтъ ³, предпочитая вмѣсто его какъ траурный цвѣтъ, красный или пурпуровый, который по этому употребляется преимущественно во время постовъ. Въ числѣ орнаментовъ коими украшались облеченія, самое главное мѣсто занимаетъ по прежнему „греческій“ крестъ въ кругѣ; украшеніе вполне соответствующее тому, о которомъ часто упоминаетъ еще въ девятомъ столѣтїи с. Аоонасіи по поводу „*vela serica rotata cum cruce*“ ⁴. Отъ этого украшенія омофоръ получилъ также названіе „полїставрія“ т. е. со многими крестами (ср. фиг. 65 до фиг. 70).

с. Въ заключеніе слѣдуетъ здѣсьже указать на происхожденіе одежды духовныхъ орденавъ, получившей въ послѣдствїи столь широкое развитіе ⁵. Начало ея связано съ возникновеніемъ христіанскаго отшельничества,

¹ Митра патріарха (фиг. 69. в), отличается отъ архїепископской въ сущности только болѣе богатымъ драгоцѣннымъ камнями и пр. Митрополичїй наглавникъ представляетъ форму прямой, съ плоской тульею и украшенной крестомъ шапки. (клобукъ?)—² Патріаршая мантия фиолетоваго цвѣта.—³ Ср. мж. пр. W. Augusti Handbuch I. стр. 324, по мнѣнію котораго разноцвѣтныя одѣянія вмѣсто первоначальныхъ бѣлыхъ и черныхъ (?) введены были лишь съ десятаго вѣка. Не говоря о томъ, что Максимианъ на равеннскомъ изображенїи представленъ уже въ фелони зеленаго цвѣта, упомянутыя выше древнїя изображенія духовныхъ лицъ показываютъ, что черныя одѣянія не были въ употребленїи, такъ какъ почти на всѣхъ этихъ лицахъ бѣлая одежда. Ср. еще въ особенности относительно ранняго употребленія пурпура въ греческой церкви A. Schmidt. Griechische Papyrusurkunden и пр. стр. 208 и сл., стр. 210.—⁴ F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder I. стр. 8 и сл.—⁵ Для предполагаемой нами иблї достаточно указать на относящїя сюда мѣста у E. Gibbon. гл. XXXVII. W. Augusti. Handbuch der christlichen Archäologie I. стр. 156 по 160; стр. 419. J. Burckhardt. Die Zeit Constantins стр. 228; особенно стр. 431 и сл. Потомъ Ph. Loos. Geschichte der

для котораго, опять, безъ всякаго сомнѣнія, образцами служили аскеты древне-азійскихъ культовъ.— Вскорѣ послѣ того какъ стало распространяться христіанское ученіе, у нѣкоторыхъ изъ послѣдователей его до такой степени усилилось убѣжденіе, что болѣе глубокое пониманіе этого ученія дѣйствительно достижимо лишь по отрѣшеніи себя отъ всѣхъ чувственныхъ, мірскихъ отношеній, что породило потребность полного отчужденія отъ міра. Бросая имущество свое, люди эти удалялись въ пустынные и часто почти недоступныя, уединенныя мѣста. Соотвѣтственно этому они отказывались отъ всякаго излишества въ одеждѣ, и вмѣсто носимой ими дотолѣ обычной одежды, надѣвали на себя рубища бѣлѣйшихъ классовъ и нищихъ, и подобно имъ довольствовались либо одною туникою изъ грубой матеріи и темнаго цвѣта, либо кромѣ того еще пенулою съ капишономъ тоже изъ очень грубой ткани (фиг. 8). Но именно этотъ костюмъ, составлявшій впрочемъ еще въ древнемъ Римѣ, къ концу республики, обычное одѣяніе „философовъ“ и „циниковъ“¹, сталъ исходной точкою развитія въ послѣдствіи настоящихъ монашескихъ орденскихъ одеждъ. Закрытая со всѣхъ сторонъ пенула, называлась, какъ уже сказано было выше, кàзулою (casula); раскрытая же спереди во всю длину, вѣроятно носила названіе беррусъ (berrus или birrus)². Обыкновенная туника къ которой въ послѣдствіе впрочемъ иногда придѣлывался капишонъ³, но не имѣвшая длинныхъ рукавовъ получила названіе колобія (colobium).—Вообще, если судить по описаніямъ наружнаго вида христіанскихъ отшельниковъ у древнихъ писателей, и мж.

Фиг. 71.

älteren christlichen Einsiedler и пр. Leipzig. 1787. (Crome). Pragmatische Geschichte der vornehmsten Mönchsorden aus ihren eigenen Geschichtschreibern Leipzig. 1774—1783. Здѣсь же и въѣсто указать на сочиненіе заслуживающее вниманія, несмотря на рѣзкій и ѣдосатирическій ея тонъ, сочиненіе автора смяющагося философа С. J. Weber: Die Möncherei, oder geschichtl. Darstellung der Klosterwelt und ihres Geistes. 3 Тома. 2-ое изд. Stuttgart. 1836. Изъ множества другихъ сочиненій съ рисунками, назовемъ пока только: P. H. Heliot. Histoire des ordres monastiques et militaires. Paris 1714. 8 Тома. 2-ое изд. съ 812 рисунками 1792; тоже на нѣмецк. языкѣ: Leipzig. 1753 и С. F. Schwan. Изображенія главнѣйшихъ духовныхъ орденовъ въ ихъ обычной орденской одеждѣ; съ приложеніемъ историческихъ свѣдѣній о происхожденіи, уставѣ и цѣли каждаго изъ нихъ. Mannheim 1791. Остальную литературу см. въ слѣдующемъ отдѣлѣ. —¹ Ср. въ особ. A. Böttiger. Sabina (1806) II, стр. 36. пр. 1.—² По отношенію къ одеждѣ пустынниковъ замѣчательны въ особенности постановленія Гангрійскаго (въ Пафлагоніи) собора четвертаго столѣтія (375 г?). Въ одномъ правилѣ этого собора сказано мж. пр.—если ктолибо, носящій плащъ полагаетъ, что этимъ достигаетъ святого житія и оправданія, и безжалостно порицаетъ того, кто со страхомъ Божиимъ носитъ одежду называемую беромъ (berus, birrus), да будетъ анафема; далѣе: «если женщина, воображая достигнуть высшей святости, мѣняетъ свое платье, и вмѣсто жепскаго платья, надѣваетъ на себя мужское, да будетъ анафема»; и пр. G. D. Fuchs. Bibliothek der Kirchenversammlungen des 4 und 5 Jahrhunderts in Übersetzungen und Auszügen aus ihren Acten и пр. 4 Тома. Leipzig. 1780 по 1784. II, стр. 303 и сл.—³ Капишоны стали придѣлываться къ одеждѣ не при папѣ Гелоріи II, т. е. не съ 1130 г. какъ вообще думаютъ, но гораздо раньше. Ср. V. Gay у Didron. Annales II, стр. 163.

пр. по сообщаемому послѣдними описанію внѣшности святаго Антонія, въ то время когда онъ явился въ Александрію въ 251 году ¹, то надо полагать, что въ сущности упомянутому описанію почти вполне соответствуетъ костюмъ какой и донинѣ носятъ нѣкоторыя изъ бедуинскихъ племенъ пустынной Аравіи (ср. фиг. 71).

Въ заключеніе упомянемъ кстати что грекокаатолическая церковь осталась вѣрна себѣ еще въ томъ, что донинѣ признаетъ одинъ только монашескій орденъ святаго Василія великаго. Принадлежащіе къ этому ордену иноки носятъ вышеописанную, обыкновенную черную одежду, общую всѣмъ прочимъ духовнымъ, и вмѣсто обычной круглой крестообразную тонзуру ².

Утварь.

Подобно тому какъ позднѣйшій римскій костюмъ въ Византіи въ первое время все еще оставался модною одеждою, такъ и техническія производства здѣсь являются пока еще только продолженіемъ греко-римскихъ, или скорѣе азійски-римскихъ ремесловыхъ промысловъ. Все что, относительно техники и формы какъ въ общемъ, такъ и въ частности пріобрѣтено было римскими ремеслами благодаря ихъ обширному распространенію, все это послужило въ пользу византійцамъ, и потому не подлежитъ сомнѣнію, что вся утварь ихъ въ это время ничѣмъ еще не отличалась отъ подобныхъ же предметовъ обиходной жизни и комфорта бывшихъ въ общемъ употребленіи у римлянъ въ позднѣйшую эпоху. Впрочемъ, нѣтъ вѣрныхъ указаній ни о томъ, до котораго времени въ Новомъ Римѣ удержались эти отношенія промышленности, ни вообще относительно прежнихъ уклоненій византизма отъ общаго римскаго порядка. Безспорно лишь то, что и здѣсь всякая внѣшняя дѣятельность подчинялась вліянію востока въ ущербъ римскимъ преданіямъ почти въ такой же мѣрѣ какъ и внутреннее воззрѣніе византійскаго міра. Такимъ образомъ и въ этой области византійской жизни, точно такъ какъ и въ костюмѣ, вѣроятно преобладали римскія формы позднѣйшей поры, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и лишь постепенно и послѣ различныхъ колебаній онѣ вполне подчинились чисто-византійскимъ формамъ. Весьма вѣроятно даже что такія колебанія продолжались по крайней мѣрѣ еще до шестаго вѣка, т. е. до временъ Юстиніана, пока наконецъ не выработался изъ нихъ тотъ особый отпечатокъ который въ сущности составляетъ „византійскій“ характеръ. Но и послѣ еще, память о позднеримскихъ формахъ хранилась повидимому довольно живо особенно въ ремесловомъ производствѣ, несмотря даже на то, что (въ виду возрастающаго богатства) восточный вкусъ во всѣхъ сферахъ все сильнѣе заявлялъ свои права. Такъ по крайней мѣрѣ было въ изобразительномъ искусствѣ ³, для ближайшаго знакомства

¹ Ср. иж. пр. Karl Haase. Kirchengeschichte. стр. 72. §. 97.—² J. Elssner. Neueste Beschreibung der griechischen Christen. стр. 104 и сл.—³ Относительно исторіи искусства, въ особенности зодчества въ восточно-римской имперіи, сравни: С. F. v. Rumohr. Ital. Forsch. 1827 до 1831. I. стр. 316 и сл.; 287 и сл.; особенно III. стр. 184

съ которымъ общимъ мѣриломъ для насъ служатъ остатки зданій, и мелкія произведенія сохранившіяся до нашего времени, и позволяющія до известной степени судить объ общемъ характерѣ формъ тогдашнихъ издѣлій промышленности, либо уже совершенно погибшихъ, либо уцѣлѣвшихъ лишь въ крайне скудныхъ образчикахъ. Такимъ образомъ, надо полагать что упоминаемая произведенія приблизительно еще въ шестомъ столѣтіи носили характеръ скорѣе позднеримскій, нежели восточный, и что въ позднѣйшее время въ нихъ все болѣе примѣшались формы восточной орнаментовки. Слѣдовательно шестое столѣтіе должно считать тою эпохою, съ которой начинается болѣе рѣшительный поворотъ къ азіатскимъ формамъ. То была эпоха Юстиніана, ознаменовавшаяся главнымъ образомъ небывалымъ дотоле церковнымъ великолѣпьемъ. Возобновленіе этимъ императоромъ храма „Св. Софія“¹, содѣйствовало въ особенности направленію къ азіатскому вкусу. Устроивъ внутреннія части храма въ самомъ роскошномъ видѣ изъ дорогаго мрамора, и обложивъ стѣны почти до излишества золотыми и серебряными орнаментами, мозаикою, коврами и другими цѣнными украшеніями, Юстиніанъ, съ одинаковою заботливостью также снабдилъ храмъ драгоценною церковною утварью, соответствовавшей богатству цѣлаго. Понятно что такая роскошь не ограничилась только убранствомъ церковныхъ зданій, но распространилась также на отдѣлку царскихъ дворцовъ², а оттуда до известной степени перешла и на домашнюю обстановку знатныхъ людей. Наконецъ, соображая все вышесказанное, и сравнивая главнымъ образомъ стиль зданій этой эпохи съ архитектурнымъ стилемъ позднеримскаго періода, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ составить картину о тогдашнемъ внѣшнемъ характерѣ произведеній византійской промышленности, мы въ сущности придемъ къ тому заключенію, что въ это время болѣе или менѣе соблюдались все еще древнія основныя формы, хотя въ отдѣльности къ нимъ уже стали примѣшиваться элементы чисто-азіатской пышной декоративности безъ всякой внутренней художественной связи. При обдѣлкѣ нѣкоторыхъ предметовъ обиходнаго употребленія, въ особенностиже въ украшеніяхъ комнатной мебели и пр. въ это время вѣроятно уже играла важную роль форма полукружія, получившая болѣе широкое примѣненіе въ полусферическомъ сводѣ купола и въ арочныхъ перемычкахъ колоннъ при построеніи храма Св. Софія.

Промышленность, направляемая такимъ образомъ къ цѣлямъ чисто внѣшней роскоши, вдалась въ такія формы, которыя, несмотря на подражаніе восточнымъ образцамъ, потому именно не могли отличаться художественностью, что въ нихъ недоставало самобытнаго характера. Впрочемъ упалокъ зтотъ, достигъ крайнихъ предѣловъ лишь постепенно, и наврядли ранѣе исхода 12-го столѣтія.

и сл.—Ф. Куглеръ. Рук. къ ист. искусства (переводъ Е. Корша) I. стр. 240 и сл.; 259 и сл.—К. Schnaase. Gesch. der bild. Künste im Mitt. 1844. I. стр. 91. и сл.—¹ Ср. W. Salzenberg. Altchr. Baudenkm. von Constantinopel. etc. и въ особенности прибавленный къ этому сочиненію переводъ «Описанія Св. Софіи и явона, Павла Сяленціарія» W. Kortüm.—² См. чрезвычайно любопытный трактатъ объ этомъ предметѣ у К. Schnaase. Gesch. der bild. Künste im Mittelalter. I. стр. 151 и сл.

Съ указанными нами отношеніями формы находилось въ связи соответствовавшее имъ измѣненіе въ выборѣ матеріаловъ. И здѣсь также техническое производство слѣдовало вообще древнимъ римскимъ образцамъ лишь пока оно держалось ихъ формъ. Роскошное время имперіи доставило ремесламъ обиліе богатыхъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣ самые цѣнные изъ нихъ были употребляемы въ дѣло вообще только въ отдѣльныхъ случаяхъ, лишь по заказу знатныхъ. Если по этому и трудно предположить чтобы греческая промышленность къ унаслѣдованнымъ ею издавна матеріаламъ прибавила какіе-либо новые, неизвѣстные дотолѣ и въ особенности цѣнные, зато съ другой стороны несомнѣнно, что съ половины шестаго стол. она все чаще стала употреблять преимущественно самые дорогіе матеріалы. Само собою понятно что всѣ менѣ цѣнные матеріалы, напр. мраморъ, бронза, дерево и пр. ¹ по прежнему употребляемы были въ дѣло на обиходную утварь преимущественно людьми необладавшими большимъ достаткомъ. Начиная съ этого времени роскошь стала господствующею страстью, для удовлетворенія которой требовались главнымъ образомъ самые дорогіе матеріалы, золото и серебро, слоновая кость, драгоценныя камни и жемчугъ, дорогіе ковры и пр. Направленіе это, при увеличивавшемся упадкѣ искусства неминуемо должно было вести къ тому, что подъ конецъ мѣриломъ достоинства какаголибо произведенія стала считаться цѣнность матеріала изъ котораго оно было слѣлано, такъ что роскошь возрастая все болѣе съ этихъ поръ превратилась въ мотовство громадныхъ размѣровъ. Положеніе это съ различными колебаніями смотря по состоянію финансовъ имперіи, достигло по видимому вершины своей приблизительно около 12-го столѣтія.

Наконецъ, относительно самой техники ², надо сказать что византійцы наврядъ-ли въ чемъ-либо превзошли высокое художественное совершенство, какое задолго до нихъ достигли предшественники ихъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Скорѣе можно бы заключить что византійская техника, сравнительно съ прежними приѣмами постепенно ухудшилась и даже огрубѣла. Съ другой стороны весьма вѣроятно что многія особенныя техническія отрасли, хотя и не изобрѣтенныя самими византійцами, но во всякомъ случаѣ какъ въ прежнія времена ими примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ тоже въ обдѣлкѣ и орнаментовкѣ утвари. Сюда слѣдуетъ отнести финифтяное искусство, о которомъ было говорено выше (стр. 52); потомъ, особый родъ искусства инкрустаціи по металлу металлическими пластинками. Этотъ родъ искусства, о способѣ производства котораго, въ числѣ прочихъ подобныхъ произведеній ³, до нынѣ служатъ прекраснымъ образчикомъ бронзовыя двери главнаго входа церкви С. Марка

¹ Достойно вниманія, что Византійцы въ 12-мъ и 13-мъ стол. между пръзъ западныхъ странъ получили тоже издѣлія изъ дерева. D. Hüllman. *Gesch. d. byz. Handels.* стр. 111.—² Объ искусствѣ византійцевъ мы находимъ многостороннія свѣдѣнія въ сочиненіи греческаго инокъ Теофила, жувлара по мѣтнью Э. Лессяга въ 10-мъ или 11-мъ вѣкѣ; а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ не далѣе какъ въ 12-мъ, или началѣ 13-го. Сравни: M. de L'Escalopier: *Théophile prêtre et moine. Essai sur divers arts. Traduction du traité de Théop. accomp. du texte latin.* Paris 1843. — Didron: *Manuel d'iconogr. chrétienne.* Paris. 1845.—L'abbé Texier: *Dict. d'orfèvrerie etc.*—³ См. изобр. и пр. у Seroux D' Agincourt. *Sculpt.* таб. XIII и сл.

въ Венеціи ¹, состояла главнымъ образомъ въ томъ ², что въ какой-либо темный металлъ, какъ напр. желѣзо или бронзу, прокладывались либо проволокою, либо очень узкими пластинками изъ свѣтлаго металла, напр. золота или серебра, или на оборотъ, какіе-либо извѣстные рисунки (разумѣется только въ очеркахъ). Приемы такой работы были двоякаго рода, смотря по плотности металла долженствовавшаго служить фономъ для изображенія. При работѣ по твердому металлу, поверхности его, предназначаемой подъ изображеніе придавали предварительно шероховатый видъ подобный терпугъ, потомъ посредствомъ вдавливанія, или ударами молоткомъ скрѣплялись отдѣльныя проволоки и пластинки по проведеннымъ напередъ очертаніямъ, послѣ чего уже заглаживалась вся работа. На мягкомъ металлѣ напротивъ, вырѣзывались углубленія для прокладки проволоки вгладь и такимъ образомъ получалась въ полномъ смыслѣ инкрустація.

Кромѣ финифтяной живописи, и описаннаго нами сейчасъ техническаго производства, которому художники на западѣ по всей вѣроятности никогда не подражали въ значительныхъ размѣрахъ, приведемъ рѣзьбу по слоновой кости, и въ особенности мозаичную живопись, достигнувшую небывалаго дотогѣ развитія не только въ примѣненіи къ архитектурнымъ украшеніямъ, но также въ облѣлкѣ утвари. О рѣзьбѣ по слоновой кости въ ея примѣненіи къ утвари свидѣтельствуютъ нѣсколько, отчасти хорошо сохранившихся, рѣзныхъ произведеній на кости, довольно значительныхъ размѣровъ ³; относительно мозаики можно заключить тоже самое хотя намъ нельзя указать на образчики подобнаго рода произведеній. Самый-же способъ мозаичной работы, надо полагать, сходствовалъ съ употреблявшейся искоши на востокѣ разноцвѣтной инкрустаціею. — Въ общемъ, изъ дошедшихъ до насъ произведеній византійскаго искусства оказывается относительно техники, что по мѣрѣ того какъ утрачивалось собственно художественное чувство, тѣмъ большее вниманіе было обращено на выдѣлку мелочей и деталь-ныхъ формъ.

Если теперь мы обратимся къ остаткамъ произведеній византійской промышленности, мы должны будемъ довольствоваться весьма ничтожнымъ числомъ отчасти дѣйствительно уцѣлѣвшихъ, отчасти извѣстныхъ только по изображеніямъ предметовъ. Притомъ же, къ числу первыхъ принадлежатъ почти исключительно предметы посвященные культу, и въ сущности лишь немногіе образчики утвари. Таковы, кромѣ упомянутыхъ уже

¹ A. Camesina. Изобр. на бронзовыхъ дверяхъ ц. С. Марка въ Венеціи въ Jahrbuch der K. K. Ost. Central-Commission и пр. IV (1860) стр. 227 и сл. гдѣ помѣщено замѣтованное нами описаніе способа производства этой работы. — ² Подробности объ этомъ у J. Labartes: Hist. de l'art par les meubles etc. потомъ у L'abbé Texier: Dictionn. стр. 628 статья «Damasquinerie», гдѣ кстати приводится что упомянутый выше Теофиль ничего не говоритъ объ этомъ производствѣ. — ³ Сюдаже слѣдуетъ отнести извѣстіе, что около 803 г. Карлу Великому изъ Византіи присланы были въ даръ богатая рѣзные двери изъ слоновой кости. Annales Mettenses ad an. 803.

рѣзныхъ досечекъ изъ слоновой кости ¹, извѣстныхъ „диптиховъ“ и „триптиховъ“, различные ковчежцы для мощей, большею частью четырехугольной формы, богатоукрашенные эмалью, и потомъ много крестиковъ и крестовъ, тоже съ эмалью, не рѣдко украшенныхъ филиграновою работою, драгоценными камнями и жемчугомъ. Сюдаже слѣдуетъ прежде всего отнести какъ образцовое произведеиe византийскаго золотыхъ дѣлъ мастерства, такъ называемую пала д'оро ² (pala d'oro), драгоценная одежда главнаго престола въ церкви С. Марка въ Венеціи, сработанная въ 10-мъ столѣтіи и представляющая по продолговатой золотой доскѣ рядъ тонкихъ эмальированныхъ изображеній изъ Новаго Завѣта; потомъ, какъ образцовое произведеиe рѣзбы по слоновой кости, кафедру патріарха Максиминіана, о которой впрочемъ будетъ говорено далѣе.—Относительно подлинно греческаго происхожденія другихъ предметовъ, мж. пр. нѣкоторыхъ металлическихъ чашъ, и металлическихъ ножекъ отъ подсвѣчниковъ съ финифтяной инкрустаціею ³, нельзя ничего сказать утвердительнаго по недостатку вѣрныхъ точекъ сравненія ⁴. Извѣстные намъ по изображеніямъ предметы, ограничиваются весьма скуднымъ собраніемъ домашней мебели.

А. 1. Изъ приведеннаго нами перечня видно, что не можетъ быть рѣчи ни о болѣе наглядномъ и подробномъ изслѣдованіи утвари въ отдѣльности, ни, того менѣе, о происшедшихъ въ ней измѣненіяхъ. Сказанное должно въ особенности отнести къ сосудамъ. Хотя само собою понятно что какъ вездѣ и во все времена, такъ и въ Византіи основныя формы сосудовъ, обусловливаемыя чисто спеціальною цѣлью, не могли подвергаться измѣненіямъ, и хотябы притомъ же упоминалось о различныхъ родахъ сосудовъ, тѣмъ не менѣе изъ всего этого мы не въ состояніи составить себѣ яснаго понятія о стилѣ и характерѣ орнаментовки этихъ вещей. Такимъ образомъ для насъ остается единственнымъ мѣриломъ то что въ общихъ словахъ сказано было выше объ измѣненіяхъ стиля въ греческомъ искусствѣ; дальнѣйшія же извѣстія служатъ лишь подтвержденіемъ господствовавшей въ этой области роскоши. Въ этомъ отношеніи въ особенности превосходятъ всякое вѣроятіе рассказы различныхъ писателей о несметныхъ сокровищахъ золотой и серебряной утвари, какими обладали христіанскія церкви, и многочисленныя извѣстія о богатствахъ такого же рода, захваченныхъ Аларикомъ (410) ⁵ при завоеваніи Рима, и крестоносцами при взятіи Византіи ⁶. Богатство гре-

¹ Литературу см. выше, стр. 53. — ² Ф. Куглеръ руковод. къ ист. иск. переводъ Е. Корша II, стр. 166 — ³ Лишь для примѣра уважемъ въ изображеніи и пр. у Du Sommerard; Des arts au moyen-âge III. Ser. 7. Pl. XIII; Ser. 9. Pl. XVI; Ser. 10. Pl. XXXII. Сюда же относится трактатъ F. Вокк. frühkarolingische Kirchengeräthe im Stifte Kremsmünster. I. Der Tassilokelch; II. Der Tassiloleuchter, въ Mitth. d. h. k. öster. Central-Com. IV. стр. 6 и сл.; 44 и сл. — ⁴ При такихъ обстоятельствахъ часто довольно трудно отличить новогреческія произведеиія отъ древневизантийскихъ; ср. мж. пр. F. Вокк. Reliquienschatz des Liebfrauenmünsters zu Aachen. 1860. стр. 21. Reliquienschein d. h. Anastasius, съ рис.—⁵ См. E. Gibbon, Gesch. des Verfalls и пр. Сл. VII. стр. 424 (гл. XXXI).—⁶ Такъ напр. рассказываетъ Geoffroy de Villehardoin (Hist. de la conquête de Constantinople. Paris 1657. стр. 81.). гдѣ онъ упоминаетъ о первомъ пожарѣ Константинополя: «et les grandes rues marchandes avec des richesses inestimables toutes au feu»; см. также E. Gibbon XVII. стр. 1. и сл. (гл. LX), и о роскоши въ Византіи вообще: F. Hurter, Gesch. d. Papstes Innocenz III und seiner Zeitgenossen. Hamburg. 1834—1842. Томъ I. «Ein Gang durch Constantinopel».

ческих церквей и въ особенности роскошное убранство храма Св. Софiи, сооруженнаго Юстинiаномъ, значительно превосходило даже изумительное множество подобнаго рода богатствъ римскихъ церквей, хотя напр. къ концу 8-го вѣка ¹⁾ храмъ Св. Петра, несчитая множества золотыхъ и серебряныхъ орнаментовъ и богатѣйшей золотой и серебряной утвари, обладалъ паникадилами и подсвѣчниками изъ серебра въ 700 фунтовъ вѣсу, и сѣнью съ дарохранильницею (siborium), изъ такожего металла, вѣсившею неменѣе 2015 фунтовъ. Въ храмѣ Св. Софiи хранилось множество большихъ серебряныхъ сосудовъ и массивныхъ золотыхъ потировъ, дискововъ, блюдь, дарохранильницъ и пр. невѣроятной цѣны, украшенныхъ всею что только могло доставить искусство. Дарохранильницамъ, какъ ковчегамъ въ коихъ хранились Св. Дары, придавали преимущественно видъ голубя; ихъ привѣшивали на золотыхъ шуркахъ надъ престоломъ. Кромѣ того въ Св. Софiи находились кадила высокой цѣны, изображавшiя по большой части, какъ надо полагать, архитектурную форму самого храма ²⁾; потомъ, серебряныя лампы и подсвѣчники весьма разнообразныхъ формъ, отчасти спускавшiеся съ потолка, отчасти помѣщавшiеся въ промежуткахъ колоннъ. Подсвѣчники, по самому названiю своему „φάρος“ (маякъ), состояли обыкновенно изъ высокаго, пустаго стержня съ украшениями, съ поставленнымъ вверху его помѣщенiемъ для огня; лампы, напротивъ, были различныхъ формъ и изображали то дельфиновъ, то рога, короны и тому подобные предметы ³⁾.—Въ украшенияхъ на церковныхъ сосудахъ и богослужбной утвари одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ занимала непремѣнно монограмма I. Христа (см. фиг. 25; фиг. 31). Далѣе, какъ свидѣтельство о богатствѣ греческихъ церквей, можно привести сѣтованiя вѣкоторыхъ благочестивыхъ писателей, по поводу ужасовъ совершенныхъ при разграбленiи Константинополя и оскверненiи латынцами церковной утвари, употреблявшими „золотые“ престолы ⁴⁾ вмѣсто столовъ для игры, и священные сосуды для питья. Если достовѣрно преданiе, будто хранящаяся въ Вѣнѣ чаша изъ цѣльнаго куска агата (стр. 21), привезена была крестоносцами по завоеванiи Константинополя ⁵⁾, то это служитъ лишь подтвержденiемъ, весьма впрочемъ правдоподобнаго факта, что для изготовленiя подобныхъ предметовъ употребляемы были тоже дорогiя породы камня почти въ одинаковой степени какъ и благородные металлы.

2. Приблизительно такоже непомѣрное стремленiе къ роскоши, какое возбуждено было старанiемъ придать больше внѣшняго великолѣпiя богослуженiю, обнаружилось вслѣдъ за этимъ при дворѣ императоровъ и среди знатнаго сословiя въ щегольствѣ дорогою и роскошною посудою. Какъ замѣчательный образчикъ тому приведемъ правдивый разсказъ сообщаемый Лiудпрандомъ ⁶⁾, Беренгаровымъ посломъ, въ описанiи пребыванiя его въ 919 г.

¹⁾ E. Platner, C. Bunsen (и др.). Beschreibung der Stadt Rom. Stuttgart und Tübingen 1830. II стр. 75 и сл.—²⁾ Такова была обычная форма кадилья покрайней мѣрѣ на западѣ, о чемъ говорено будетъ подробнѣе въ послѣдствiи.—³⁾ См. у Павла молчальника описанiе храма Св. Софiи II отд. стихъ 391 по 503.—⁴⁾ H. Krause. Angeologie. (Трактатъ о сосудахъ). Die Gefäße der alten Völker. Halle. 1854. стр. 14.—⁵⁾ Buch der Vergeltung. VI. гл. 8.—⁶⁾ M. de Caumont. Abécédaire ou rudiment d'archéologie etc. (3 édition) стр. 57 и сл.

въ Византіи, объ утвари во время пира который ежегодно въ „день Рождества Христова“ греческіе цари давали сановникамъ имперіи. „Въ этотъ „день“—пишетъ Лидпрандъ — „на столъ ставятся, не такъ какъ въ прочіе „дни, серебряныя, но золотыя блюда. Послѣ объѣда, на трехъ золотыхъ „блюдахъ подаются фрукты; блюда эти однако, по значительному вѣсу ихъ „не приносятся людьми, но прикатываются на тележкахъ увѣшанныхъ пурпуровыми покрывами. Съ этихъ тележекъ блюда подаются на столъ слѣдующимъ образомъ. Черезъ отверстія въ потолокъ спускаются три крѣпкіе „каната, обтянутые позолоченою кожею и снабженные золотыми кольцами; „въ эти кольца вѣваются крюки выходящіеся изъ блюдъ и потомъ, посредствомъ вѣрота, помѣщенного сверху потолка, блюда поднимаются на столъ, „при чемъ однако четверо людей и даже болѣе, ихъ поддерживаютъ снизу „и придвигаютъ. Точно такимъ же образомъ блюда снимаются со стола“.

3. По рѣдкости уцѣлѣвшихъ сосудовъ, которые съ достовѣрностью могутъ быть отнесены ко времени отъ Константина до Юстиніана, заслуживаютъ особеннаго вниманія небольшой потиръ и дискось (*patena*), найденные вмѣстѣ съ монетами Юстина и Аванасія (508—527) близъ Гурдона въ округѣ Шалона при Сонѣ ¹. Этотъ потиръ представляетъ уже менѣе строгія формы позднѣйшихъ временъ имперіи; онъ снабженъ двумя ручками, и по верхнему краю унизанъ мелкими драгоценными камнями,

Фиг. 72.

(рубинами и изумрудами), ограниченными напоподобіе сердецъ и оправленными сканью, (см. фиг. 72). Достоинно замѣчанія что упомянутый потиръ по формѣ своей соотвѣтствуетъ тѣмъ чашамъ, которыя при совершеніи Св. Таинъ употреблялись въ греческихъ церквахъ еще въ позднѣйшія времена ². Такимъ образомъ и здѣсь тоже, какъ вообще относительно всей прочей богослужебной утвари, греческая церковь гораздо болѣе чѣмъ римская оставалась вѣрна древнимъ формамъ ³. Такъ какъ „*patena*“ или „*patina*“, у грековъ „*δίσκος*“, въ качествѣ блюда предназначаемаго для приуготовленія Св. Даровъ, тѣсно связано съ потиромъ, то поэтому оба эти сосуда никогда не были отдѣляемы греческою церковью одинъ отъ другаго. Сверхъ того, (въ противность римской церкви), въ греческой установился обычай, для предохраненія расположенныхъ на дискось частицъ отъ прикосновенія покрыва, ихъ прикрывать такъ-называемою звѣздицею“ (*ἀστὴρ*),

¹ Сравни изображеніе подобнаго потира на такъ-называемой «царской дамактикѣ» въ Римѣ у S. Boissereé. Über die Kaiserdalmatika etc. таб. III. стр. 568; потомъ, наставленіе для производства подобныхъ сосудовъ у Теофила I. гл. XXIII до гл. XXXVII.—

² Объ употребленіи потира, въ особенности въ римской церкви, см. W. Augusti: Handb. der christl. Archäologie III. стр. 514 и сл. L'abbé Migne: Enc. ego же: Dict. d'orfèverie etc. стр. 298 статью: «Calice». J. Bourassé: Dict. d'archéol. I. стр. 578. K. Weiss: Jahrb. der k.k. österr. Central-Commission IV. (1860).—³ См. вышеприведенныя сочиненія, потомъ и E. Godard: cours d'archéol. sacrée II. стр. 238.

т. е. двумя крестообразно другъ съ другомъ соединенными и кверху изогнутыми по срединѣ золотыми или серебряными луками ¹.

Б. Относительно прочихъ разрядовъ утвари, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о тѣхъ предметахъ которые въ общежитіи мы привыкли называть „мебелью“. Однакожъ и здѣсь, свѣдѣнія которыя мы имѣемъ о церковной мебели ², служатъ опятьтаки главнымъ образомъ самымъ вѣрнымъ мѣриломъ для оцѣнки характера подобныхъже предметовъ употреблявшихся въ обиходномъ быту. Такъ напр. престоль съ принадлежащею къ нему сѣнью (tabernaculum), потомъ различной формы раки и ковчежцы для мощей, епископскія кафедры, и наконецъ нѣкоторыя мелкія вещи; всѣ эти предметы, хотя въ сущности и не могутъ быть причисляемы къ мебели, но тѣмъ не менѣе настолько важны для оцѣнки орнаментовки, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ.

1. Прежде всего обратимъ вниманіе на престоль ³, который въ греческихъ церквахъ сохранилъ первоначальный свой видъ въ продолженіе всѣхъ вѣковъ ⁴; онъ даетъ намъ вѣрное понятіе о формѣ и украшеніи столовъ вообще, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ Византийцевъ. Греческій престоль, въ противоположность престоламъ позднѣйшихъ временъ въ западной церкви ⁵, въ полномъ значеніи слова представлялъ собою столъ, т. е. четверугольную доску, поддерживаемую четырьмя прямыми ножками.—Такіе столы, посвященные богослуженію, прозваны были „трапезами“ и „эпископтеріями“, какъ надо полагать дабы изгладить всякое напоминаніе о языческихъ жертвенникахъ ⁶, и вѣроятно по этой же причинѣ они изготовлялись просто изъ дерева вплоть до временъ Константина великаго. Но одновременно съ признаніемъ христіанства и возведеніемъ его въ государственную вѣру, упомянутые деревянные престола, благодаря увеличивавшагося великолѣпія церквей, стали мало-по-малу замѣняться болѣе цѣнными, мраморными, и наконецъ даже золотыми большими престолами, украшенными иногда дорогими камнями. Таковъ именно былъ уже престоль изготовленный по волѣ Юстиніана для сооруженнаго имъ храма Св. Софіи. Современный царскій Силенціарій Павелъ ⁷, въ своемъ описаніи этого великолѣпнаго храма говорить о престолѣ:

„Поддерживаемая золотыми столбами стоитъ священная трапеза, вся золотая, на золотомъ основаніи, сверкая блескомъ оправленныхъ въ ней драгоцѣнныхъ камней“.

¹ Для подробностей см. приведенныя уже сочиненія W. Augusti; L'abbé Migne; L'abbé Texier; J. Bourassé; E. Godard; Pugin, Glossary of the ecclesiastical Ornaments and Custom и проч. — ² Fr. Laib и Fr. Jos Schwarz: Studien über die Geschichte des christl. Altars. Со многими рисунками. Stuttg. 1857. Капитальное сочиненіе по этой части.—³ Ср. въ особ. J. Elssner: Neueste Beschr. der griech. Christen и пр. стр. 300 и сл. —⁴ Подробности объ этомъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ. —⁵ Ср. иж. пр. W. Augusti: Handb. I стр. 412; II. стр. 610 и сл. —⁶ Нѣкоторые подобнаго рода престола изъ камня или бронзы, сохранились даже въ западныхъ церквахъ, напр. въ Регенсбургскомъ и Брауншвейгскомъ соборахъ; ср. F. Görres. Beschr. vom. S. Blasiusdom in Braunschweig. Braunschw. 1834. стр. 31, и H. Otte. Handb. der Kirchl. Kunstarch. 3 изд. Leipzig. 1854. стр. 26 съ рис. — ⁷ Beschr. der. heil. Sophia и пр. перев. W. Kortüm, II отдѣл. Ствхъ 335—338.

2. На отдѣлку этой принадлежности храма повидимому истощено было, въ образецъ всѣмъ вѣкамъ, все великолѣпіе какое только допускало священное мѣсто; зато гораздо большій просторъ предоставлялся страсти къ роскоши въ обдѣлкѣ столовъ посвященныхъ обиходному употребленію. Покрайней мѣрѣ эти предметы, ни въ отношеніе къ размѣрамъ и формамъ, ни по орнаментовкѣ ихъ, не подлежали никакому освященному преданіемъ уставу. Въ нихъ допускалось величайшее разнообразіе, не только въ отношеніе формъ какъ замѣтно вообще еще въ самую раннюю эпоху по различнѣйшимъ круглымъ столикамъ съ одною и тремя ножками, большимъ и малымъ поставкамъ и пр., но въ особенности въ роскошной обдѣлкѣ и орнаментовкѣ подножій этихъ столовъ ¹.—Подобно тому какъ престолы постоянно покрываемы были покровомъ, такъ въ обиходномъ быту столы обыкновенно покрывались скатертью.

3. Существовавшая преимущественно въ древнѣйшія времена надъ престолами сѣнь,—(„tabernaculum“, то же „rugos“ и „sibogium“, такъ какъ еяже покрывалось и вмѣстилище для Св. Даровъ),—соотвѣтствовала азійскимъ балдахинамъ, и по основной формѣ своей походила на потолокъ поддерживаемый четырьмя колоннами съ завѣсами между ними. Сѣни иногда отличались значительнымъ объемомъ, и въ послѣдствіе почти исчезли изъ греческихъ церквей ². Великолѣпная сѣнь воздвигнутая Юстинианомъ въ храмѣ Св. Софіи, описывается слѣдующими словами упомянутымъ уже Силенціаріемъ Павломъ ³.

„Вверху надъ золотымъ святымъ престоломъ стремится въ высь величавая башня, покоящаяся на двойномъ ряду арокъ, и залитая сверкающимъ серебромъ, ее поддерживаютъ серебряные столбы, на верхушки коихъ опираются серебряныя подножія двойнаго ряда арокъ. Надъ арками, возвышается башня въ видѣ конуса, но не вполне походящая на конусъ, ибо край у основанія ея не представляетъ правильной окружности круга, а напротивъ, осмистороннее основаніе, отъ котораго уже идетъ вверхъ конусъ постепенно утончаясь. Обложенъ онъ осмью серебряными плитами, представляющими въ соединеніи своемъ длинно вытянутую броню. Каждая плита тянется вверхъ треугольникомъ слѣдуя собственному направленію, пока всѣ треугольнички вмѣстѣ не сойдутся въ крайнюю вершину конуса, гдѣ рукою художника поставлено изображеніе потира. Украшеніемъ изъ листьевъ окружены загнутые внизъ края потира. Въ серединѣ надъ нимъ стоитъ небесный шаръ, сверкая въ серебряномъ сіяніи, а надъ шаромъ высится сияя святыи крестъ. Да будетъ онъ намъ спасеніемъ!

Надъ арками кругомъ, подъ нижнимъ краемъ конуса тянется вѣнокъ колючаго тернія, испуская вверхъ прямые лучи подобно струямъ душистыхъ плодовъ дикой лѣсной груши, и торчащіе надъ краемъ. Внизу, тамъ гдѣ соединенныя другъ съ другомъ стороны конуса примыкаютъ къ краю, видны искусной работы чаши изъ листаго серебра, въ каждой изъ нихъ стоятъ

¹ Ср. В. ѿ ш.н. бытъ и народовъ. II. стр. 467. — ² J. Elssner. Besch. etc. стр. 302. — ³ Описаніе храма Св. Софіи и пр. II отдѣлъ, стихъ 304 по 335.

по подвѣщнику съ поддѣльными свѣчами служащими лишь для украшения, но не для освѣщенія храма, ибо блестящій металлъ закругленныхъ формъ всюду разливаешь свѣтъ; красивыя свѣчи свѣтятъ не горящимъ пламенемъ огня, но лучами отражаемыми металломъ“.

4. Точно такой же общій образецъ, какимъ по своей почти архитектурной конструкции служила сѣнь (*tabernaculum*) для нѣкоторыхъ предметовъ принадлежавшихъ къ обиходной жизни, представляютъ намъ съ другой стороны древнія раки для мощей по отношенію къ общеупотребительнымъ въ домашнемъ быту и различной величины сундукамъ и ларямъ. Понятно что изъ числа такихъ вмѣстителей мы должны исключить всё слишкомъ плоскіе или не глубокие ковчезцы, представляющіе собою по большей части четырехольныя плитки украшенныя эмалью¹. Мы имѣемъ въ виду лишь такія раки, которыя по формѣ своей дѣйствительно соответствуютъ „бауламъ“. Однако надо замѣтить, сколько ни было перевезено подобныхъ вещей на западъ, въ особенности крестоносцами послѣ завоеванія Константинополя, тѣмъ не менѣе уцѣлѣло слишкомъ мало такихъ именно ракъ, которыхъ греческое происхожденіе не подвержено никакому сомнѣнію². Между тѣмъ, судя по весьма рано распространившемуся поклоненію мощамъ, преимущественно въ Византіи³, надо полагать что тамъ же впервые и выработалась окончательно та особая форма ковчеговъ для мощей, которая потомъ принята была на западѣ, такъ что сохранившіяся здѣсь древнѣйшія хранилища такого рода до нѣкоторой степени возмѣщаютъ недостатокъ чисто-греческихъ ковчеговъ.

а. Ковчезцы первыхъ временъ, и въ особенности такіе въ которыхъ хранились только части угодниковъ, приблизительно до 12-го вѣка имѣли пре-

¹ Образчики у Didron. Ann. V. стр. 326; XVIII. стр. 125. A. Becker и J. V. Hefner. Geräthsch. des christl. Mittelalt. II. таб. 40. P. Lacroix et F. Seré. Le livre d'or des métiers. Hist. de l'orfèvrerie-joailliers etc. Paris. 1850. стр. 22. F. Kugler. Kleine Schriften und Studien zur Kunstgesch. I. стр. 634. и пр. Jahrb. der k. k. österr. Central-Commission и пр. III.—² Много подобныхъ вещей вѣроятно еще сокрыто въ различныхъ церквяхъ. Изъ знакомыхъ мнѣ и общезвѣстныхъ ракъ для мощей, я ни одной не рѣшусь назвать дѣйствительно византийскою. Весьма вѣроятно однако, что самые ранніе ковчезцы, принадлежащіе къ романской эпохѣ, лишь мало отличаются отъ византийскихъ, и что въ числѣ ихъ мы нѣкоторыя вещи считаемъ за романскія, которыя въ сущности греческаго происхожденія, и на оборотъ. По этому мы уважемъ какъ на образцы въ отношеніе формы вообще на рисунки у Du Somerard. Les arts au moyen-âge IV. гл. XIV и V. A. Becker и J. v. Hefner: Geräthsch. I. таб. 12 (вѣроятно Ciborium), таб. 52 (можетъ быть изъ Индіи); II. таб. 26. J. A. Worsaae. Nordiske Oldsager i det Kong. Mus. i Kjøbenhavn. 1858. стр. 138. фиг. 523; 139. фиг. 524, 525; стр. 140. фиг. 526. Viollet-le-Duc. Diction. raisonné du mobilier français etc. Paris 1858. стр. 215 и сл.; стр. 231; потомъ у G. Schmidt. Kirchenmöbel. Ernst aus'm Werth: Denkmäler etc. des Rheinlandes. F. Bock: Das heilige Köln и проч. Разсматриваемый и изображенный послѣднимъ въ его «Reliquienschatz des L. F. Münsters zu Aachen» ковчегъ, стр. 21. № 8, святого Анастасія, носитъ положительно отпечатокъ новогреческой работы.—³ Этотъ культъ, исходя отъ уваженія къ могиламъ св. мучениковъ, весьма распространился уже въ 4-мъ стол. и вызвалъ запрещеніе Theodosia «переносить мощи святыхъ». О распространеніи этого поклоненія и пр. см. мж. пр. W. Augusti: Handb. III. стр. 682—692. L'abbé Texier. Dict. de l'orfèvr. стр. 1316 и сл. W. Pugin: Glossary of ecclesiast ornament. s. v. Reliquary Didron: Annales VIII. стр. 146. M. de Caumont: Abécédaire etc. (3 édit) стр. 235. Viollet-le-Duc: Dict. du mobilier français стр. 63 и сл.; 210 и сл. K. Weiss. Über Reliquienschreine in «Mittheilungen der k. k. österr. Central-Com. I. (1856) стр. 77 и сл.

вмущественно форму небольшихъ сундучковъ, на подобіе античныхъ саркофаговъ, отчасти также круглыхъ или многогранныхъ ларцевъ съ конусообразною крышкою, или же довольно плоскихъ, продолговатыхъ коробокъ. При всѣхъ упомянутыхъ формахъ, къ которымъ можно прибавить еще нѣкоторыя исключительныя формы, эти ковчеги готовились то изъ мѣди, то изъ дерева, или слоновой кости. Притомъ мѣдные ковчеги, представлявшіе преимущественно форму древнихъ четырехугольныхъ саркофаговъ съ откосною крышкою, почти сплошь покрыты густою позолотою, и кругомъ украшены рѣзбой и фигурами эмалью. Деревянные и костяные ковчеги обыкновенно отличаются роскошною рѣзбою, и первые сверхъ того иногда даже расписаны по рѣзи или мѣстами позолочены. Всякое дальнѣйшее усовершенствованіе въ отдѣлкѣ ковчеговъ (начиная съ 13-го стол.) принадлежитъ несомнѣнно и исключительно западнымъ странамъ ¹.

б. Наконецъ, въ числѣ упомянутыхъ нами уже выше (стр. 111) мелкихъ предметовъ способныхъ дать наглядное понятіе объ общемъ характерѣ орнаментовки утвари, укажемъ вкратцѣ на нѣкоторые драгоценныя кресты хранящіеся въ разныхъ мѣстахъ ². Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что изображенія распятаго Христа не были въ употребленіи до пятого столѣтія, и наврядъ ли стали распространяться ранѣе седьмаго вѣка ³. Кромѣ крестовъ и „распятій“ выставляемыхъ для поклоненія внутри церквей, были въ употребленіи еще другіе, носимые на древкѣ передъ архіереями и, (*crucis gestatoriae*). Въ первые времена такіе кресты составляли знакъ отличія высшаго духовенства, но съ 11-го стол. они были присвоены митрополитамъ, а потомъ, съ папы Григорія IX всѣмъ архіепископамъ. Греческіе патріархи лишь изрѣдка пользовались этимъ почетомъ, и мѣсто креста у нихъ заступала возженная свѣча, такъ наз. „лампадухонъ“ ⁴.

в. Сюдаже слѣдуетъ отнести другой предметъ церковной утвари: особаго устройства и богатой отдѣлки опахала, (*flabellum* и *ripidion*), рипиды, коими діаконы во время обѣдни отгоняютъ мухъ отъ Св. Даровъ, и употребляемая до сего времени въ греко-каволической церкви. Рипидамъ по большей части придавалась форма шестикрылатыхъ Серафимовъ ⁵.

б. Для точнѣйшаго изученія характера византійской мебели важны въ особенности епископскія каѳедры, отчасти уцѣлѣвшія, отчасти сохранившіяся въ рисункахъ. По основной формѣ своей онѣ непосредственно примыкаютъ къ любимѣйшей у римлянъ позднѣйшей поры, формѣ большихъ

¹ Подробности и рисунки см. въ слѣдующемъ отдѣлѣ.—² Изображенія у Didron: *Annales V.* стр. 318; особенно A. Schaepkens. *De la croix byzantine de l'emp. grec Romanus*, etc. и Didron: *Annales III.* стр. 558 и сл. —³ Сравни объ этомъ въ особ. F. Piper: *Über den christl. Bilderkreis.* etc. Berlin 1852. стр. 24 и сл.; M. de Caumont. *Bulletin monumental X.* стр. 130—135. Судя по G. Fiorillo (*Gesch. der zeichn. Künste.* 1798. I. стр. 54) на пято-шестомъ Трульскомъ соборѣ (*Concil. quini-seximum*) 692 г. было определено, впродъ на крестахъ не изображать боже Агнца, но Христа въ человѣческомъ образѣ. Эти изображенія были всегда укрываемы и съ четырьмя гвоздями. По J. Elssner (*Neueste Beschr.* и пр. стр. 303) греки не допускали вообще выпуклыхъ изображеній Распятія.—⁴ W. Augusti: *Handb. d. christl. Archäol.* I. стр. 199.—⁵ W. Augusti; въ прав. м. III. стр. 236; ср. стр. 536 (5).

мраморныхъ сѣдалищъ, видоизмѣняемой соответственно перемѣнамъ какимъ подвергалась архитектура ¹.

а. Одно изъ древнѣйшихъ сѣдалищъ въ этомъ родѣ, если не считать высѣченныхъ мѣсть для сидѣнія въ стѣнахъ катакомбъ (стр. 34), это упомянутая нами уже прежде епископская каѳедра Максиминіана въ ц. С. Виталія въ Равеннѣ, освященной торжественно этимъ епископомъ въ 547 г. ². Каѳедра эта въ главныхъ ея чертахъ напоминающая еще римскія сѣдалища, сдѣлана не изъ мрамора (какъ послѣднія по большей части), но

Фиг. 73.

X. A. K. A. A.

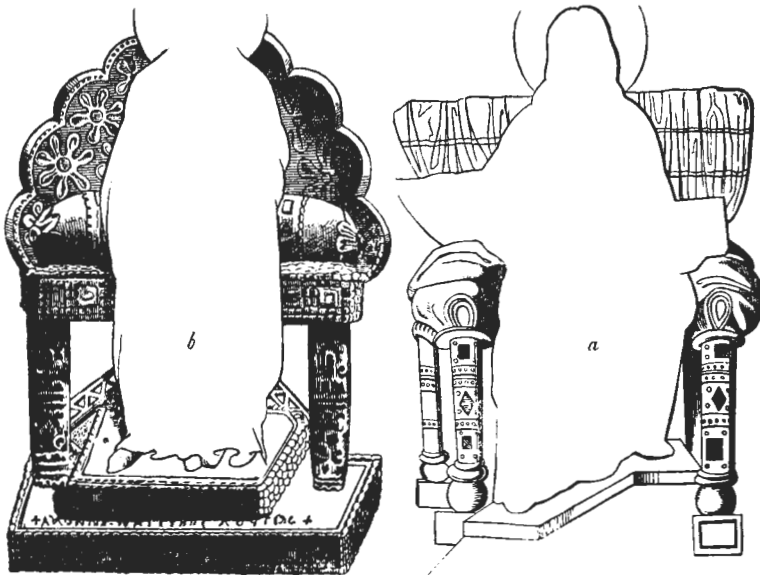
изъ многихъ небольшихъ плитокъ изъ слоновой кости, и украшенныхъ рѣзьбой (фиг. 73 съ деталями), обличающею въ техническомъ исполненіи руку

¹ Въ западныхъ церквахъ повидимому гораздо долѣе удержалась древняя римская форма епископскихъ каѳедръ, даже до 12-го стол. ср. вѣк. пр. сохранившіяся каѳедры въ St. Vigor въ Bayeux у M. de Caumont; Abécédaire стр. 248; въ соборѣ въ Паренцо въ Истрія у F. Heider; Mittelalt. Kunstdenkm. des österr. Kaiserstaats. I. стр. 500; патриаршую каѳедру въ Аввилѣ у F. Heider и пр. стр. 44. таб. XVII по XVIII; Didron Annales II. стр. 176; въ Баносѣ у X. Willemin; Monum. franc. inéd. I. T. 5. — ² Ср. Du Sommerard; Les arts au moyen-âge. T. I. Сер. I. (гл. V и XII) таб. XI. F. v. Quast. Die altchristl. Bauwerke zu Ravenna стр. 37. Ф. Куглера. Рук. къ истор. искусств. и пр. Переводъ Е. Корша. I. 243.

трехъ различныхъ художниковъ. Тогда какъ отдѣлка нѣкоторыхъ изъ этихъ плитокъ еще напоминаетъ лучшіе приемы позднѣйшей римской поры, другія, на спинкѣ каедръ, уже значительно ниже по достоинству, а тѣ концы обложена передняя часть безжизненны и въ условной манерѣ, хотя и исполнены съ немалымъ стараніемъ.

б. Другой любопытный образчикъ богатоукрашенной каедръ можно видѣть на большомъ мозаичномъ изображеніи въ ц. Св. Пуденціаны въ Римѣ, о которомъ однако трудно сказать къ какому вѣку оно принадлежитъ ¹ (фиг. 74. а). Хотя формы и характеръ этой каедръ, при всемъ несходствѣ

Фиг. 74.

ея съ предыдущею, до нѣкоторой степени напоминаютъ римское кресло, тѣмъ не менѣ вся орнаментовка здѣсь уже положительно соответствуетъ тому направленію къ чисто внѣшней роскоши на азіятскій ладъ, которое выказывалось при возобновленіи храма Св. Софіи. Судя напр. по цвѣтамъ этой каедръ ², въ томъ видѣ какъ ихъ воспроизводитъ мозаичное изображеніе, надо полагать что она была сплошь обложена золотомъ и разноцвѣтными дорогими камнями, точно такъ какъ окладъ престола въ упомянутомъ

¹ Сомнѣваюсь чтобы это изображеніе могло принадлежать еще четвертому вѣку. По всей вѣроятности оно было исполнено не ранѣе эпохи Юстиніана, а быть можетъ въ одно время съ возобновленіемъ храма Св. Софіи, или освященіемъ ц. Св. Виталія въ Равеннѣ; ср. иж. ир. Ф. Куглера, Рувов. въ Ист. Живописи. Перев. П. Васильева. стр. 32. — ² Gally Knight. The ecclesiastical architecture etc. I. Ср. помѣщенные въ названныхъ выше (стр. 44) сочиненіяхъ изображенія древнехристианскихъ мозаикъ, въ особенности изображенія, хотя и не очень подробныя, у G. Guttonsohn и M. Knapp: Denkmale christl. Religion etc.

храмъ (стр. 115); каедрa эта была обложена пестрыми, узорчатыми подушками, а спинка обтянута богатою драпировкою.—Такъ сказать середину между обоими названными типами занимает, по формѣ и орнаментовкѣ, рядъ другихъ еще церковныхъ каедръ, тоже воспроизведенныхъ мозаикою, но обнимающихъ весь періодъ времени вплоть до 12-го стол. ¹—Наконецъ, на нѣкоторыхъ рѣзныхъ произведеніяхъ позднѣйшаго времени изъ слоновой кости, изображены богатыя церковныя каедры, въ коихъ уже замѣтно полнѣйшее вырожденіе первоначальной римской формы, доходящее до барочности. Сюда относится въ особенности одна доска отъ диптиха, съ изображеніемъ Пресв. Дѣвы, и принадлежащая по работѣ по всей вѣроятности ко времени отъ осьмаго до одинадцатаго вѣка (фиг. 74. b.).

в. Къ названнымъ изображеніямъ примыкаетъ нѣсколько миниатюръ византийской работы одинадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій ², дающія наглядное понятіе объ измѣненіяхъ совершившихся за это время также въ формѣ другихъ предметовъ утвари. Исполнители этихъ картинъ повидимому заимствовали свои образцы скорѣе изъ области обиходнаго быта, нежели изъ церковной жизни, но тѣмъ не менѣе произведенія ихъ тоже служатъ подтвержденіемъ указанной нами уже прежде, общей связи между развитіемъ формъ въ архитектурѣ и мебельной утварю въ собственномъ смыслѣ, или точнѣе—столярнымъ мастерствомъ вообще. И въ самомъ дѣлѣ, если изъ всѣхъ встрѣчающихся формъ домашней мебели, мы оставимъ въ сторонѣ нѣкоторыя формы стульевъ (фиг. 75. b.), письменныхъ налоекъ (фиг.

Фиг. 75.

75. c.), и пр. возникшія по какимъ-либо исключительнымъ потребностямъ, или изъ прихоти, мы убѣдимся что и въ этой области обычай главнымъ образомъ остался вѣренъ системѣ полукружныхъ арокъ, соединенныхъ съ

¹ Seroux d'Agincourt. Peint. I. таб. LIX и сл.—² Такъ жж. пр. Лидпрандъ, въ описаніи обѣда при дворѣ греческихъ императоровъ, (стр. 114) приводитъ какъ исключеніе, «что за столомъ не сидятъ какъ обыкновенно, но лежатъ». Это дѣлалось безъ сомнѣнія въ воспоминаніе древнихъ аганій или вечеръ братства, и въ то же время въ подражаніе Тайной Вечери.

одною или нѣсколькими колоннами, системѣ, получившей еще большее развитіе именно въ эту эпоху (фиг. 75. с.; фиг. 76).—Относительно древнихъ ложъ скажемъ лишь мимоходомъ, что въ эту пору ими уже не пользовались какъ встарину вмѣсто сѣдалищъ или для возлежанія ¹ во время обѣда; ложе вообще употреблялось какъ постель, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова (фиг. 76).—

Фиг. 76.

Б. О существованіи настоящихъ шкаповъ, и о богатой отдѣлкѣ ихъ, упоминается въ одномъ извѣстіи о подобной мебели находившейся въ императорскомъ дворцѣ ². Этотъ шкафъ служилъ для храненія разныхъ драгоценныхъ вещей, назывался „rentarygium“, и (какъ указываетъ само названіе), представлялъ собою по всей вѣроятности высокое, продолговатое сооруженіе, выходившее башнею завершавшееся по четыремъ угламъ вверху башенками.

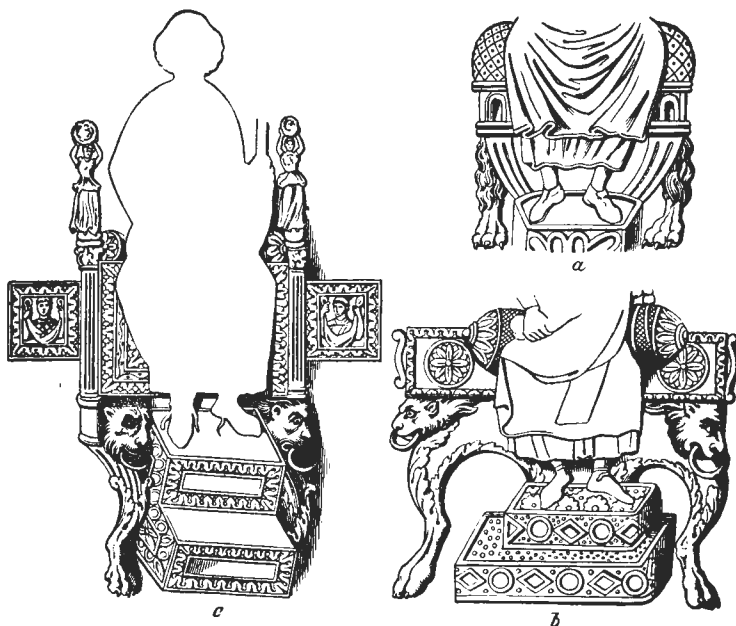
В. Сравнительно съ измѣненіемъ и усовершенствованіемъ епископскихъ кафедръ и обыкновенной комнатной мебели, совершенно инымъ образомъ развивалась постепенно форма какъ почетныхъ кресель, составлявшихъ служебные атрибуты должностныхъ лицъ, такъ и император-

¹ Georg. Monach. de Theophilo с. 5. у К. Schnaase: Gesch. der bild. Künste im Mittelalter III стр. 155 Прим. — ² О литературѣ см. выше стр. 53 прим.

скаго кресла. Непосредственными образцами для нихъ служили съ одной стороны „курульское кресло“ (*sella curulis*), искони бывшее въ употребленіи у римлянъ, съ другой стороны, пышное „золотое кресло“, (*sella aurea*), введенное вѣроятно Цесаремъ, и отдѣльваемое все болѣе роскошно при позднѣйшихъ императорахъ. Для этихъ двухъ родовъ кресель основная форма и матеріалъ такъ строго указаны были преданіемъ, что измѣненія въ нихъ, по крайней мѣрѣ на первое время, возможны были развѣ только въ орнаментовкѣ. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ ниже-слѣдующія формы курульскаго кресла.

1. Если напр. мы сравнимъ изображенія на консульскомъ диптихѣ¹ (фиг. 77), съ дошедшими отчасти до насъ бронзовыми креслами подобнаго рода (фиг. 23), мы ясно увидимъ, что пока вообще существовало консульство, положительно удержалась старинная форма, лишь съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ орнаментовъ. Чѣмъ древнѣе такіа изображенія, тѣмъ ближе они подходятъ къ старозаконной формѣ (фиг. 77. а). И даже въ самыхъ

Фиг. 77.

позднѣйшихъ изъ этихъ кресель (приблизительно пятого и шестаго вѣка), несмотря на различіе отдѣлки въ частностяхъ, проглядываетъ всетаки свойственный курульскому креслу первоначальный типъ складнаго стула, (фиг. 77. в. с.; сравни фиг. 23 и 24).

¹ См. выше стр. 14.

2. Тронное кресло императоровъ, напротивъ, въ теченіи времени доведенъ былъ до чрезвычайно блестящей отдѣлки, отчасти дабы его отличить отъ бывшихъ въ большомъ ходу среди римской знати парадныхъ кресель, носившихъ искони извѣстный обихолный характеръ, и къ которымъ тронъ примыкалъ по формѣ своей; отчасти-же и потому, что уже прежніе римскіе цари любили придавать особѣ своей важность чисто внѣшнею обстановкою. Такимъ образомъ тронное кресло давно уже стало отличаться необыкновенно роскошною отдѣлкою, вполне характеризовавшею его назначеніе, и при этомъ вѣроятно пускались въ дѣло различныя пластическія украшенія олицетворявшія верховную власть, какъ напр. львиныя головы и т. п. Въ послѣдствіи, когда Діоклеціанъ и Константинъ при дворахъ своихъ ввели восточный церемоніаль ¹, римское „золотое кресло“ замѣнилось восточнымъ царскимъ престоломъ со всею его пышною обстановкою, — высокимъ помостомъ, золотымъ диваномъ обложеннымъ коврами и съ балдахинномъ. Что такова дѣйствительно была тронная обстановка въ послѣдствіи, покрайней мѣрѣ въ Византіи, и что Римъ тогда всячески старался не отставать отъ Востока, тому доказательствомъ служить одно уже то обстоятельство, что императоръ Θεофилъ поручилъ математику Льву, соорудить тронъ совершенно по образцу трона находившагося при дворѣ Абассида Моктабера въ Багдадѣ, и сдѣланнаго съ необыкновеннымъ искусствомъ ². Приблизительно лѣтъ 30 спустя, въ 949 г., упомянутому нами уже не разъ Ліудпранду, послу императора Беренгара, довелось видѣть этотъ тронъ у царя Константина Порфиророднаго, и вотъ что онъ объ немъ говоритъ: ³ „Передъ царскимъ трономъ возвышалось мѣдное, „вызолоченное дерево, на вѣтвяхъ котораго сидѣли разнаго рода птицы, „сдѣланныя изъ позолоченой бронзы, и издававшія каждая свойственное ей „пѣніе. Самый тронъ былъ сдѣланъ съ такимъ искусствомъ, что казался то „низкимъ, то опять высокимъ. Передъ трономъ стояли, какъ бы стражею, „большіе позлащенные львы, но не могу сказать, были ли это деревянные, „или металлическіе львы; они били хвостами по-полу и издавали громкій „ревъ, широко раздѣвая пасть, и шевеля языкомъ. Въ этотъ залъ, и при „такой обстановкѣ, я былъ приведенъ передъ царское лицо, поддерживаемый двумя евнухами. Когда я вошелъ львы заревѣли и птицы чиркали. „Однако, мною не овладѣли ни ужасъ, ни удивленіе, ибо я напередъ обо „всемъ въ подробности разспросилъ людей свѣдущихъ. Послѣ того какъ я „въ третій разъ поклонился до-земли царю, и потомъ поднялъ голову, я „увидѣлъ его вознесеннымъ почти до потолка, тогда какъ передъ тѣмъ онъ „возсѣдалъ на незначительномъ возвышеніи, и облаченіе на немъ теперь „было другое (ср. стр. 69). Но какимъ образомъ это случилось, не постигаю, развѣ полагать, что его поднимали посредствомъ подъемнаго сна-

¹ Cp. D. Fiorillo: *Gesch. d. zeichnenden Künste* I, стр. 63; потомъ K. Schnaase. *Gesch. der bild. Künste im Mittelalter*. I. стр. 155. — ² Liudprand. *Buch der Vergeltung*. VI. гл. 5. — ³ Стало быть, какъ полагаетъ Ліудпрандъ, — и какъ дѣйствительно надо думать, — посредствомъ винтообразнаго ворота, какъ въ точкахъ.—

„ряда какой употребляется при выжиманіи винограда ⁴. Царь въ это время „ни слова не говорилъ, да еслибы онъ и хотѣлъ, то ему было бы неудобно „говорить съ такого разстоянія. Затѣмъ черезъ своего логовета или канцлера „онъ освѣдомлялся о здравіи и благоденствіи Беренгара. Отвѣтивъ на вопросы, я отошелъ по знаку толмача и меня препроводили въ гостиницу“.

3. Къ приведенной нами выше утвари можнобы прибавить еще другіе предметы, имѣвшіе болѣе тѣсное отношеніе къ государственной жизни, какъ напр. различныя орудія наказанія, и военный снарядъ. Между тѣмъ о постепенномъ развитіи ихъ въ отдѣльности мы имѣемъ столь мало достовѣрныхъ свѣдѣній, что повидимому можно полагать, что еще за долго до Константина вел. эти статьи съ избыткомъ удовлетворяли потребностямъ.

а. Сказанное относится въ особенности къ орудіямъ наказанія. Одно уже гоненіе на христіанъ подало печальный поводъ къ ухищреніямъ на самыя разнообразныя и уточненныя орудія пытки ¹. Но сверхъ того Востокъ самъ по себѣ, по искони свойственнымъ ему и крайне варварскимъ способамъ наказанія, представлялъ такой выборъ подобныхъ орудій, что несмотря на жестокость съ какою обыкновенно совершались наказанія, едва ли могъ представить поводъ къ измышленію новыхъ родовъ пытки ².—Изъ бывшихъ въ то время въ общемъ употребленіи способовъ наказанія, одинъ только родъ казни, былъ отмѣненъ, и притомъ самымъ уже Константиномъ вел. именно—пригвожденіе къ кресту, напоминавшее о смерти Иисуса Христа ³.

б. Главнѣйшими военными орудіями безъ сомнѣнія остались какъ въ предыдущее время, заимствованныя римлянами у грековъ ⁴ „подвижныя башни“, нерѣдко огромной величины, потомъ такъ называемыя „черепахи“, „тараны“ и пр.; изъ метательныхъ орудій „баллисты“ и „катапульти“. Къ нимъ прибавлены были при Константинѣ вел. еще одинъ могучій снарядъ для метанія стрѣлъ и камней „онагеръ“, ⁵ и въ послѣдствіи, уже въ осьмомъ вѣкѣ, такъ называемый „греческій огонь“. Послѣднее, какъ полагаютъ, изобрѣтено было однимъ сиріянцемъ по имени Каллиникомъ, который, оставивъ службу у калифа перешелъ въ Византію и тамъ продалъ свою тайну ⁶.

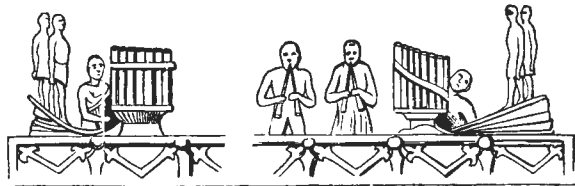
4. Какъ другой еще разрядъ государственной утвари, можно кстати привести царскіе колесницы и носилки, употреблявшіяся по примѣру Во-

¹ Желаящіе имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о различныхъ родахъ смерти святыхъ мучениковъ и пр. найдутъ богатый матеріалъ въ житіяхъ этихъ угодниковъ, хотя и составленныхъ въ позднѣйшее время, (между 7-мъ и 10-мъ стол.); напр. въ *Martyrologium*, составленномъ Аудо, архіеп. Візантійскимъ, изд. J. Mosander. Köln. 1589; другія еще Житія св. муч. собр. и изд. Canisius. (1652 и 1697); потомъ Lucas Dachezy; M. F. Векъ и др.—² О безчеловѣчныхъ наказаніяхъ и истязаніяхъ у Византійцевъ, см. E. Gibbon, во мн. м. особенно XLIV; F. Manso. *Leben Constantins*, стр. 217 и сл. Потомъ, о наказаніяхъ и пр. вообще, ср. объемистое соч. Jacob Döppler: *Theatrum poenarum, suppliciorum et executionum criminalium etc.* 1793. 2 тома.—³ Въ отношеніи сюда мѣста собраны у J. Döppler въ прив. соч. II. стр. 526.—⁴ Для подробностей и литературы, см. Вѣнскій бытъ народовъ и пр. перев. В. Чаева. II. стр. 239, 485 и 486.—⁵ Впрочемъ и этотъ «онагеръ», судя по Амміану Марцеллину (XXIII. 4.) не былъ новозобрѣтенное орудіе, но древній «скорпионъ», переименованный въ «онагеръ».—⁶ E. Gibbon, гл. LII.

стока одинаково какъ императорами, такъ и вообще знатными людьми. О великолѣпномъ убранствѣ этихъ предметовъ достаточно свидѣтельствуеъ упомянутая выше (стр. 68) роскошная колесница Аркадія. Впрочемъ, еще Константиномъ вел. было разрѣшено высшимъ должностнымъ лицамъ, (такъ наз. „illustres“) какъ особенное отличіе, имѣть собственную колесницу, „carpentum“¹. То была двуколесная, закрытая кругомъ повозка, обложенная коврами².—Хотя о прочихъ родахъ повозокъ нѣтъ подробныхъ извѣстій, тѣмъ не менѣе, судя по другимъ свѣдѣніямъ видно, что въ ту пору повозки не составляли единственнаго способа передвиженія, но что кромѣ ихъ, и даже для болѣе продолжительныхъ путешествій, были также въ употребленіи носилки. Такъ мж. пр. мы встрѣчаемъ у Гиббона³ извѣстіе, что богатая греческая дама, собравшись навѣстить приемыша своего, бывшаго въ послѣдствіи царя Василія, совершила путь отъ Патраса, гдѣ она проживала, до Византіи (приблиз. 500 миль) въ носилкахъ, которыя несли десять здоровыхъ служителей, и что для смѣны ихъ ее сопровождали не менѣе 300 невольниковъ.

Г. Относительно измѣненій или усовершенствованій коимъ можетъ быть подверглись форма и устройство римскихъ музыкальныхъ инструментовъ у византийцевъ, мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній. Занятіе музыкою повидимому не пользовалось большимъ уваженіемъ въ Византіи, въ особенности въ позднѣйшее время, когда искусство вообще стало клониться къ упадку, и потому тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что именно этотъ народъ усвоилъ себѣ, и даже значительно усовершенствовалъ органы⁴, изобрѣтенные еще у Этрусковъ (быть можетъ греческими художниками). Такъ, судя по рельефнымъ изображеніямъ на нижней части обелиска Θεодосія, мы по-

Фиг. 78.

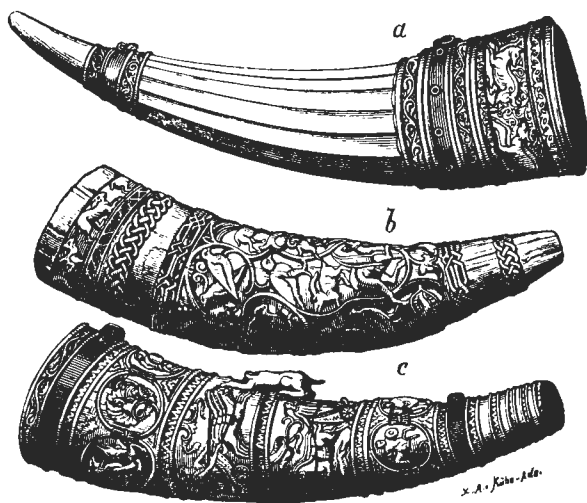
крайней мѣрѣ въ правѣ заключить, что впервые византийцами примѣняема была человѣческая сила для нагнетанія органныхъ мѣховъ вмѣсто бывшаго дотолѣ въ употребленіи гидравлическаго пресса⁵ (фиг. 78). Особенное

¹ См. часть II стр. 476. — ² Ср. Anthoni Rich. Diction. des antiquités romaines et grecques etc. trad. de M. Chéruel. Paris 1859. стр. 116; потомъ J. C. Ginzrot. Die Wagen und Fuhrwerke der Griechen und Römer etc. München. 1817. Съ рис.—³ E. Gibbon. гл. LIII. — ⁴ Ср. Ph. Buttman. Beitrag zur Erläut. der Wasserorgel etc. Потомъ часть II этого труда, стр. 470 и сл. и въ особенности J. Antony: Geschichtl. Darst. etc. der Orgel. Münster 1832. Anthes. Die Tonkunst etc. Berlin 1846. стр. 42 и сл. W. Augusti; Handb. I. стр. 405.—⁵ S. E. Coussemaker. Les instruments de musique въ Didron Annales III. стр. 277 и сл. Помѣщенные здѣсь трактаты тогоже автора отпечатаны также отдѣльно подъ заглавіемъ: «Histoire des instr. de musique au moyen-âge» (съ 200 рис.) Paris.

искусство византійцевъ по части устройства органовъ подтверждается также извѣстіями, что около 757 г. византійскимъ императоромъ Константиномъ Копронимомъ посланъ былъ органъ въ даръ франкскому императору Пипину малому, и другой подобный же Карлу великому императоромъ Константиномъ. Этотъ органъ поставленъ былъ въ Ахенскомъ соборѣ,—первый примѣръ появленія органа въ западной церкви ¹.—Если же такой полновзвучный инструментъ у византійцевъ употреблялся всегда только при свѣтскихъ празднествахъ, несмотря на то что онъ ими былъ усовершенствованъ, и никогда (даже до настоящаго дня), ² не допускался при церковныхъ торжествахъ, то это опятьтаки свидѣтельствуется только о крайне ничтожной воспріймчивости къ музыкѣ въ этомъ народѣ.

Со сказаннымъ выше довольно тѣсно связанъ установившійся въ греческихъ церквахъ способъ призыванія вѣрующихъ на молитву. Для этой цѣли до настоящаго времени употребляются большею частью била, отчасти состоящія изъ металлическихъ обручей, отчасти изъ висячихъ деревянныхъ досокъ, несмотря на то, что уже съ 9-го стол. въ западныхъ церквахъ были

Фиг. 79.

въ употребленіи металлическіе колокола ³. Но кромѣ того существовали и другія, крайне простыя орудія, посредствомъ коихъ производился звукъ, настоящія колотушки, (*symanteria*), ⁴ вертящіяся трещотки, потомъ большіе рога и трубы. И теперь еще на западѣ въ нѣкоторыхъ церк-

¹ W. Augusti. Handbuch der christl. Archäol. I. стр. 407 и сл. — ² J. Elssner. Neueste Beschreibung etc. стр. 277. Прим.—³ Подробности объ исторіи колоколовъ см. у W. Augusti. Handb. I. стр. 399; 400 и сл.; III. стр. 302; 350. Н. Otte. Handb. der kirchl. Kunstarch. 3-е изд. стр. 44 и сл.—⁴ Didron. Annales. XVII стр. 57; 104 и сл. съ рис.

вахъ и собраніяхъ рѣдкостей хранятся рога, по большей части вырѣзанные изъ слоновьихъ клыковъ, и не рѣдко богато украшенныя изображеніями¹; очень вѣроятно что они нѣкогда служили для вышеупомянутой цѣли. Однако, именно объ этихъ уцѣлѣвшихъ инструментахъ подчасъ трудно сказать, точноли они византийскаго происхожденія, а не арабскаго, или даже произведенія западныхъ народовъ; къ тому же болѣе вѣроятности что ихъ употребляли преимущественно на войнѣ и охотѣ (р. фиг. 79. а. в. с.; фиг. 80). Ко всему этому можно прибавить, что наврядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что всѣ извѣстные въ западномъ Римѣ до временъ Константина вел. разнообразныя музыкальныя инструменты удержались почти безъ перемѣны.

Д. Наконецъ, повидимому и погребальная утварь, и самый способъ погребенія мертвыхъ, едвали значительно уклонились отъ порядковъ издавна установившихся по этой части въ языческомъ Римѣ.

Фиг. 80.

Сохраненію стародавнихъ обычаевъ, вытекавшихъ изъ народныхъ нравовъ и не касавшихся культа, благопріятствовало впрочемъ само христіанское ученіе, предписывающее уваженіе къ усопшимъ. Когда въ 959 г. умеръ Константинъ IV, погребеніе его совершенно было „по старинному обряду“ съ величайшей пышностью². Тѣло было выставлено въ дворцѣ на роскошно убранномъ катафалкѣ, потомъ оно было торжественно перенесено въ склепъ, въ сопровожденіи длинной процессіи гражданскихъ и военныхъ властей, патриціевъ, сенаторовъ, духовенства и пр. Передъ опусканіемъ тѣла въ могилу, герольдъ возгласилъ къ умершему слова: „Возстань, о царь міра, и иди на зовъ Царя Царей!“

1. Къ числу главнѣйшихъ предметовъ употреблявшихся при погребеніи, и въ коихъ преимущественно могла проявляться страсть къ внѣшней роскоши принадлежали и теперь еще, какъ и въ самомъ Римѣ,—носійла и саркофаги. Первые по прежнему состояли изъ невысокой, и нѣрѣдко богато позолоченой, деревянной настилки, походившей по формѣ своей на плоскую кровать (lectus), и которая при надобности убиралась дорогами покровами. —Носійла знатныхъ людей стояли въ особенномъ мѣстѣ въ храмѣ св. Софіи, въ такъ называемомъ „сценофилаціумъ“ (scenophylacium). Въ числѣ ихъ находились носійла Студіоса и Стефаноса, и еще другой одръ, сплошь обложенный золотомъ и значительно превосходившій всѣ прочіе богатствомъ³.

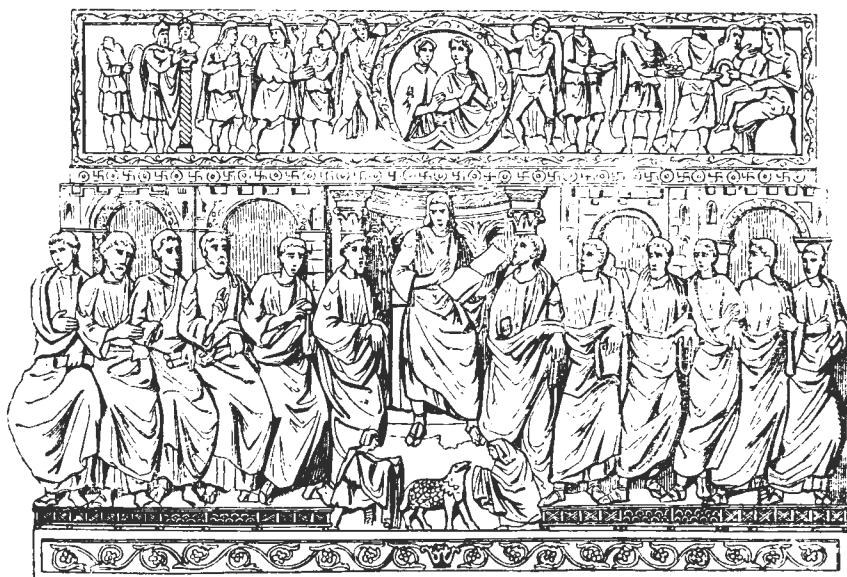
¹ Ср. F. Bock. Über den Gebrauch der Hörner im Alterthum in G. Heider и пр. Mittelalterl. Kunstdenkmale des österr. Kaiserstaats II. стр. 27 и сл. съ рисунками, къ которымъ однако мы могли бы прибавить еще значительное количество подобныхъ, такъ напр. у J. B. Waring and F. Bedford. Art treasures of the United Kingdom etc. Sculpt. у A. Worsaae. Nordiske Oldsager etc. стр. 158. № 557. а. в. B. Scott. Antiquarian Gleanings in the North of England. таб. XV в мн. др. —

² Подробности у. W. Augusti. Handb. der christl. Archäol. III. стр. 296. и сл. —

³ E. Gibbon. XLVIII.

2. Саркофаги ¹ богатыхъ большею частью дѣлались изъ мрамора или даже изъ порфира, а для людей не зажиточныхъ обыкновенно изъ дерева или обожженной глины. Самые простые гроба имѣли форму четырехугольнаго, не очень глубокаго вмѣстителя, расширеннаго у изголовья, съ выдолбленнымъ внутри круглымъ углубленіемъ для головы и съ плоскою крышкою. Саркофаги знатныхъ людей, напротивъ, почти безъ исключенія состояли изъ высокаго, отчасти равнопродолговатаго, отчасти суживавшагося книзу, каменнаго ящика съ наклонною по бокамъ, или полукруглою, или же плоскою крышкою, но также съ отлогими боками. Кромѣ того у этихъ гробовъ всѣ стороны большею частью украшались красивою рѣзбою. На крышкахъ обыкновенно изображались простые орнаменты изъ разнообразной листвы, геометрическихъ фигуръ, или круглыхъ чешуекъ, расположенныхъ сплошными рядами и прикрывавшихъ одна другую, (какъ напр. на такъ называемой „гробницѣ Гоноріа“ въ Равеннѣ), при этомъ иногда помѣщались по оконеч-

Фиг. 81.

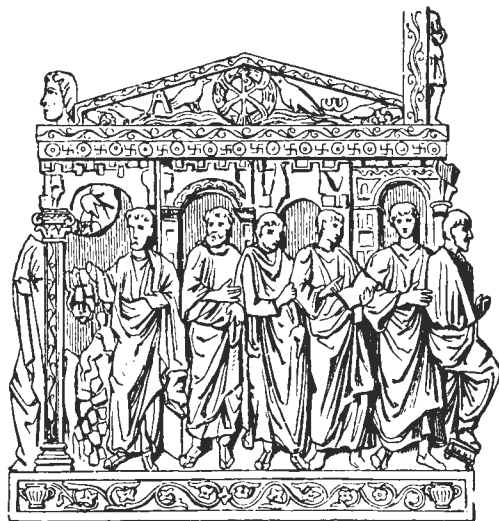

ностямъ крышъ выступы на подобіе акротеръ, также украшенные рѣзбою. Боковыя плоскости нижней части саркофаговъ обыкновенно обдѣлывалась архитектурноически, или же посредствомъ украшенныхъ рѣзбою брусьевъ раздѣлялась на четырехугольныя площади, наполняемая арабесками. Въ первомъ случаѣ по всѣмъ четыремъ угламъ саркофага помѣщались по пи-

¹ Кромѣ упомянутыхъ уже выше стр. 28 прим. 3. сочиненій Аринги, Бозіо и др. см. превосходные рисунки у Seroux d'Agincourt. *Sculpt.* таб. IV до VI. M. de Caumont. *Cours d'Antiq. monumentales.* VI. стр. 202. Его же. *Abécédaire etc.* стр. 42 и сл. F. v. Quast. *Altchr. Bauwerke zu Ravenna.* стр. 13. W. Salzenberg. *Altchristl. Baudenkmale etc.* таб. 36. (Саркофагъ царицы Ирины) и пр.

лястрѣ, а площадь ограничиваемая ими разбивалась на полукруглыя ниши, отдѣленные одна отъ другой колонками. При болѣе простой отдѣлкѣ, ниши либо оставлялись гладкими, либо въ среднюю только вставлялось какое либо символическое изображеніе, напр. Агнецъ, несущій крестъ, или два голубя съ масличною вѣткою, или просто монограмма Христа (фиг. 25) и т. п. На саркофагахъ отличающихся роскошною отдѣлкою, не рѣдко во всѣхъ нишахъ помѣщались сильновыпуклыя рельефныя изображенія, либо изъ библейской исторіи, либо Христосъ на престолѣ среди мучениковъ и апостоловъ; последнее изображеніе встрѣчалось чаще. Подобный саркофагъ отличающійся особенно богатой отдѣлкою хранится до сихъ поръ въ д. с. Амвросія въ Миланѣ. Онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора и по всей вѣроятности принадлежитъ четвертому или пятому столѣтію ¹ (фиг. 81; фиг. 82).—Тѣла знатныхъ людей,

Фиг. 82.

и въ особенности царей, до опусканія въ саркофагъ нерѣдко полагались для лучшаго сохраненія ихъ предварительно въ деревянные или свинцовые простыя гроба.

¹ Ср. F. Heider. *Mittelalt. Kunstdenkmale des österr. Kaiserstaats*. II. стр. 27.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ново-Персы

до установленія владычества Арабовъ.

Историческій обзоръ ¹.

Образовавшееся на востокъ послѣ смести Александра Македонскаго, сирийское царство Селевкидовъ просуществовало не долго. Вскорѣ туземные князьки, хотя еще въ зависимости отъ сиремакедонскихъ властителей, возстали опять во главѣ своихъ племенъ, пока натискомъ своимъ не свергли съ себя окончательно иноземное владычество. Такимъ образомъ уже при третьемъ изъ рода Селевкидовъ, Антиохъ Θεοσς (богъ), основалось самостоятельное государство въ персидскихъ владѣнiяхъ. Здѣсь, могущество грековъ сломили паряне, народъ самъ по себѣ незначительный и вѣроятно скиѣскаго происхожденiя ², и возвели на упраздненный тронъ предводителя своего Ашка (Aschk) или Арсака (Arsaces), ставшаго родоначальникомъ династiи Арсакидовъ. Послѣ многихъ битвъ съ сосѣдними народами, и въ особенности съ многочисленными кочевыми племенами средней Азiи, наконецъ девятому въ родѣ Арсакидовъ, Митридату великому (127—87 до Р. X.) удалось покорить державѣ своей Арменiю, Бактрию и степи на югѣ Россiи, и даже раздвинуть предѣлы владѣнiй своихъ вплоть до Индiи и до границъ римскихъ провинцiй въ западной Азiи. Эти успѣхи скорѣ возбудили римлянъ къ войнѣ противъ паряней. Началомъ тому послужило посольство, отправленное къ Суллѣ въ 60 г. до Р. X. Арсакидомъ Пакоромъ, затѣмъ, по прошествiи семи лѣтъ, приблизительно съ 53 г. до Р. X. последовалъ рядъ тѣхъ губительныхъ для римлянъ походовъ, въ которыхъ послѣднiе почти всегда побѣждаемы были тактикою парянскихъ полководцевъ ³. Около двухъ сотъ лѣтъ длилась эта война, пока наконецъ 13-ый Арсакидъ, царь Артабанъ IV, принудивъ слабаго Макрина къ постыдному миру, самъ не погибъ при возмущенiи возбужденномъ въ его государствѣ Ардаширомъ Бабеганомъ. Артабанъ былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ. Ардаширь, поддерживаемый персами, овладѣлъ царствомъ, принялъ блестящее имя Артаксеркса I, и такимъ образомъ положилъ основанiе новой персидской династiи, династiи Сассанидовъ, получившей названiе свое по имени одного изъ предковъ узурпатора, Сассана, (226 по Р. X.).

При вторженiи своемъ въ сирийское царство паряне были здоровое, кочующее племя, занимавшееся грабежомъ и охотою, и незнакомое ни съ высшей

¹ Кромѣ относящихся сюда мѣстъ у E. Gibbon, *Gesch. des Verfalls etc.* Ср. J. Burckhardt, *Die Zeit Konstantins des Grossen* стр. 112 и сл. K. Schnaase, *Gesch. der bild. Künste* III, стр. 236 и сл. въ особенности John Malkolm, *History of Persia*. London. 1815. 2 Тома въ лѣтъ. (2-е изд. 1828. Нѣмецк. перев. Becker. Leipzig 1830). W. Vaux, *Nineveh und Persepolis. Eine Gesch. des alten Assyriens und Persiens*, Übers. v. Th. Zenker. Leipzig. 1852 стр. 92 и сл. потомъ приводимыя ниже Путешествiя.—
² Ср. *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Herausg. von Ch. Lassen Bonn 1837 в сл. V. стр. 538. G. Droysen, *Gesch. des Hellenismus*. II. стр. 326.—³ Ср. Th. Mommsen, *Römische Gesch.* 2 изд. III. стр. 326.

цивилизациею, ни со внѣшними удобствами городского быта. Но, по врожденной всѣмъ азіятскимъ племенамъ способности къ образованію и воспримчивости, они вскорѣ освоились съ давнишнею утонченностью обычаевъ побѣжденных ими народовъ. Такимъ образомъ, ознакомившись съ элементами эллинской образованности, занесенными къ персамъ Александромъ во время его походовъ и потомъ преемниками этого царя, персы теперь болѣе стали примыкать собственно къ греческимъ, нежели къ персидскимъ обычаямъ ¹. Даже въ отношеніе религіи они повидимому обнаруживали терпимость, достойную греческаго воззрѣнія, и вообще остались вѣрны лишь немногимъ народнымъ особенностямъ, такъ имъ. пр. нѣкоторымъ разностямъ въ одеждѣ и способѣ веденія войны.

Другой оборотъ приняли дѣла когда воцарился Артаксерксъ. Царь этотъ, сознавая себя потомкомъ древняго рода „Ахеменидовъ“, съ перваго шага сталъ не только во враждебное положеніе къ грекамъ, но въ то же время приступилъ къ осуществленію плана, возстановить персидское царство въ первобытномъ его видѣ, и придать новый блескъ древнеперсидскому культу и священному ученію Зороастра. Съ этой цѣлью онъ создалъ маговъ, возстановилъ опять поклоненіе огню, и самъ былъ назначенъ верховнымъ магомъ. Потомъ, принявъ лично пышный титулъ „царя царей, брата солнца и луны“, и благопріятствуемый счастьемъ, онъ снова сплотилъ распавшійся государственный колоссъ, и съ постояннымъ успѣхомъ защищалъ его противъ римлянъ при Северѣ; государству своему онъ оставилъ узаконенія, сохранившія еще свои силы еще долго послѣ него.

Сыну и преемнику Артаксеркса, Шапуру I, выпала доля довести до конца дѣло возрожденія древнихъ персидскихъ обычаевъ. Однако, хотя ему и удалось наружно скрѣпить насильственно вызванную старину, но дѣйствительно оживленію ея препятствовала теперь совершившаяся передъ тѣмъ эленизація Востока. Греческій элементъ здѣсь, и въ особенности въ Персіи, встрѣтилъ такую благопріятную для себя почву, что нельзя было вдругъ и такъ скоро его вытѣснить. Въ виду этого не много пользы принесла дѣлу вражда къ грекамъ Артаксеркса и его преемниковъ, ни кровавыя гоненія воздвигнутыя ими изъ ревности къ отечественному культу противъ иновѣрцевъ поселившихся въ имперіи; эленизація на столько уже охватила и ихъ, что они невольно все болѣе и болѣе ей поддавались.

При такихъ обстоятельствахъ, когда свойственное возраждающемуся народу проявленіе грубой силы, такъ сказать, сливалось съ чуждыми ему дотогѣ, но освоенными имъ, высшими и свободными воззрѣніями, выступилъ герой на сцену Шапуръ. Опираясь на такую силу, и поддерживаемый ею, ему удалось покорить себѣ римскія провинціи въ западной Азіи, и захвативъ въ плѣнъ императора Валеріана, навязать римской имперіи призрачнаго царя въ лицѣ жалкаго Киріада.—Почти такимъ же успѣхомъ увѣнчался его походъ въ восточной Азіи, гдѣ только отчаянное сопротивленіе

¹ S. de Sacy. Mémoires sur diverses antiquités de la Perse. Paris. 1793. стр. 44 и сл.

пальмира Одената ему представляло сильный отпоръ. При всемъ томъ онъ не забывалъ о гражданскихъ интересахъ своего народа и хотя бѣльшую часть бурной жизни своей онъ провелъ подъ оружіемъ, тѣмъ не менѣе благодаря ему возникли многочисленныя мирныя предпріятія и много художественныхъ зданій. Послѣднія однако, по всей вѣроятности были сооружены греческими художниками, потому что положительно извѣстно, что Шапуръ давалъ работу греческимъ художникамъ и ремесленникамъ ¹.

Ближайшимъ преемникамъ своимъ онъ оставилъ лишь заботу о поддержаніи внутренняго и внѣшняго мира имперіи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ битвъ съ сосѣдними народами, въ которыя порою они были вовлечены, ничто имъ не препятствовало предаваться упоенію могуществомъ, упроченнымъ за государствомъ энергіею ихъ великаго предшественника, а тѣмъ болѣе дѣятельно заботиться о благополучіи народа. Однако положеніе это было не только нарушено, но и глубоко потрясено въ царствованіе Сассанида Нарзеса нашествіемъ римскихъ полчищъ Галерія. Послѣ нѣкоторыхъ удачныхъ дѣлъ въ началѣ войны, Нарзесъ лишился армянской области, которая опять присоединилась къ римской имперіи. Неосторожный римлянами, онъ былъ принужденъ имъ уступить еще пять провинцій, т. е. всю курдскую страну и верхнюю область Тигра вплоть до озера Ванъ ².

Хотя такимъ образомъ вполне воздано было за грубое обращеніе претерпѣнное нѣкогда Валеріаномъ отъ Шапура I ³, и хотя кромѣ того римляне приобрѣли снова прежнюю армянскую область, тѣмъ не менѣе однако могущество персовъ отъ этого нисколько не ослабло. Напротивъ, вскорѣ послѣ смерти Шапура, и послѣдовавшаго за тѣмъ кратковременнаго царствованія Гормизда VI, сынъ его Шапуръ II, „зулактафъ“, заявилъ себя героемъ, передъ которымъ трепетали цари. Онъ родился въ 310-мъ г., получивъ еще до рожденія тѣару, которою торжественно увѣнчанъ былъ животъ беременной матери его ⁴. Ставъ уже рано самостоятельнымъ и тяготясь опекою надъ собою, онъ вступилъ на поприще воинской славы. Прежде всего онъ устремилъ все свое вниманіе на упроченіе внутренняго порядка. Смуты возникшія въ имперіи во время его несовершеннолѣтія и принявшія угрожающіе размѣры, были подавлены имъ съ такимъ же благоразуміемъ какъ и мужествомъ. Грековъ, татаръ и арабовъ, тревожившихъ страну, онъ опять оттѣснилъ въ ихъ владѣнія. Упрочивъ такимъ образомъ свою державу, онъ сталъ приготовляться къ завоеванію областей отошедшихъ къ римлянамъ при Нарзесѣ. Послѣдствіемъ этого были девять кровопролитныхъ битвъ, окончившихся почти всею неудачею для византійскихъ войскъ,

¹ Cp. K. Schnaase. Gesch. d. bild. Künste III. стр. 245—2 J. Burckhardt. Die Zeit Constantins. стр. 121. и слѣд.—³ Въ цѣняхъ, но облаченнаго въ царскую порфиру, выводили Валеріана на показъ народу при всякомъ случаѣ; каждый разъ когда властелинъ Персіи садился на лошадь, онъ становилъ ногу на плечи римскому императору. Когда наконецъ послѣдній умеръ удрученный горемъ и позоромъ, его ложа была набита соломомъ, и это подобіе человѣческой фигуры потомъ въ продолженіе вѣковъ стояло въ главнѣйшемъ капищѣ Персіи. Такъ рассказываетъ E. Gibbon гл. X. хотя справедливо изъясняетъ сомнѣніе въ истинѣ этого преданія—⁴ E. Gibbon, гл. XVIII. J. Burckhardt. Die Zeit Constantins. стр. 117.

предводительствуемыхъ Констанціемъ. И такъ какъ кромѣ того исходъ переговоровъ о границахъ имперіи, начатыхъ имъ съ Констанціемъ, не соответствовалъ его требованіямъ, то въ 359-мъ г. онъ опять вторгся въ Мезопотамію гдѣ сталъ безпощадно свирѣцствовать.

Послѣ смерти Констанція, и по воцареніи Юліана, Сапоръ, несмотря на одержанныя имъ надъ Юліаномъ побѣды стѣдившія не мало потерь, сдѣлалъ ему мирныя предложенія, которыя однако послѣднимъ были отвергнуты. Собравъ грозную военную силу, Юліанъ выступилъ противъ гордаго врага своего, и весною слѣдующаго года завязалась война. Постоянно благопріятствуемый счастіемъ, онъ проникнулъ въ самую глубь Персіи, — но здѣсь тактическое превосходство персидскихъ войскъ одержало побѣду надъ греческимъ полководцемъ. Войско его проблуждавъ въ продолженіе 70 дней принуждено было отступить и сдѣлалось жертвою хитрой тактики персовъ; самъ же Юліанъ былъ смертельно раненъ, и побѣдителемъ остался Сапоръ. — Преемникъ его Іовіанъ, не былъ одержимъ подобно ему жаждою славы. Не желая продолжать столь опасную борьбу, онъ предпочелъ купить себѣ постыдный миръ, цѣною уступки побѣдителю римскихъ провинцій къ востоку отъ Тигра. Заключеніемъ подобнаго договора сама собою отдавалась на жертву персамъ въ тоже время и армянская область, этотъ древній оплотъ римской имперіи. Оправившись опять Сапоръ немедленно явился на границѣ Арменіи, заявляя права свои на эту область, и поддерживая ихъ успѣшно хитростью и силою. Спротивленіе Валенса, наслѣдовавшаго царство послѣ смерти Іовіана ни къ чему не привело, и дѣло затянулось благодаря вѣдшимъ обстоятельствомъ, такъ что послѣ кончины Сапора, процарствовавшаго 70 лѣтъ, персидская имперія дѣйствительно была опять возстановлена въ ея старыхъ границахъ. (380 по Р. Х.)

Со смертію этого царя померкла на долго воинская слава Сассанидовъ. Уже ближайшій преемникъ Сапора возвратилъ армянской и иберійской областямъ ихъ прежнее положеніе. Такое ослабленіе власти, которому вѣроятно способствовали и внутреннія смуты, продолжалось по крайней мѣрѣ еще въ царствованіе четырехъ преемниковъ Сапора, вплоть до воцаренія въ 531 г. Хозроя — Нуширвана „правосуднаго“, забравшаго тверже въ руки бразды правленія.

Если до смерти Сапора II властелины Персіи отличались преимущественно благоразуміемъ и воинскою отвагою, то въ лицѣ Хозроя явился царь, который кромѣ того въ широкой мѣрѣ покровительствовалъ мирнымъ искусствамъ. Утвердившись во власти, онъ прежде всего энергически принялся искоренять злоупотребленія размножившіяся благодаря слабости его предшественниковъ. Съ достоинствомъ и строгостью противодѣйствовалъ онъ ученію, распространяемому лжепророкомъ Маздакомъ, и поставилъ опять народный культъ на прочное основаніе. Сверхъ того онъ постоянно и дѣятельно заботился о возстановленіи городовъ и селъ разрушенныхъ въ прежнія времена, строилъ дороги и мосты, водопроводы, основалъ учебныя заведенія, для чего приглашалъ ученыхъ изъ далекихъ странъ. Если же послѣ всего этого, греческіе философы, изгнанные изъ Аѳинъ Юстиніаномъ, и нашедшіе госте-

принимство при персидскомъ дворѣ, объ Хозроѣ отзывались какъ о варварѣ,¹ то причину тому слѣдуетъ по всей вѣроятности искать скорѣе въ естественномъ противоречіи между ихъ личнымъ направленіемъ духа, и особенностями восточнаго быта, нежели въ характерѣ самого Нуширвана, обладавшаго высокими нравственными качествами, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и многими недостатками свойственными азіатскимъ деспотамъ. Какъ-бы-то ни было, подъ его правленіемъ водворился въ имперіи порядокъ, какого она давно не имѣла; мало того, каждое отдѣльное лицо пользовалось полнымъ правомъ и обезпеченностью имущества. Между тѣмъ какъ съ одной стороны, онъ съ замѣчательной щедростью заботился о благѣ гражданъ, а съ другой, увеличивалъ благосостояніе поощряя дѣятельно скотоводство и земледѣліе, онъ въ тѣ же время старался примѣромъ своимъ возбудить въ народѣ любовь къ искусству и наукамъ. Такимъ образомъ, благодаря ему были переведены на персидскій языкъ сочиненія многихъ греческихъ философовъ и разныя индійскія сочиненія. Въ его же царствованіе въ Персіи введена была шахматная игра².

Одинаковую энергію и благоразуміе обнаружилъ онъ и въ политикѣ, и на военномъ поприщѣ. Хотя при самомъ воцареніи своемъ онъ засталъ имперію въ продолжительной войнѣ съ греками, тѣмъ не менѣе уже по прошествіи немногихъ лѣтъ (между 533 и 539 гг.), ему удалось принудить царя Юстиніана купить себѣ миръ на вѣчное время цѣною одиннадцати тысячъ фунтовъ золота. Когда несмотря на это, въ послѣдствіи между обоими властителями вспыхнула война, то Юстиніанъ исключительно таланту полководца своего Велизарія обязанъ былъ тѣмъ, что Хозрой не вступилъ въ Константинополь, но согласился заключить дипломатическимъ путемъ договоръ. Тѣмъ не менѣе Сассанидъ сумѣлъ и тутъ извлечь для себя пользу, принудивъ противника своего къ уплатѣ ежегодной дани въ 30000 золотыхъ монетъ. Къ концу его многодѣятельной жизни (около 579 г.), и когда, достигнувъ уже 80-ый годъ, онъ еще предводительствовалъ войскомъ въ войнѣ противъ грековъ, его обширное государство простиралось отъ береговъ Фазиса до средиземнаго моря, и отъ краснаго моря до Яксарта. „Въ полной славѣ, и чествуемый царями Азіи, онъ принималъ пословъ со всего міра въ дворецъ своемъ въ Мадайнѣ. Съ покорностью повергали они къ подножію его трона дары свои, или дань, оружіе, дорогія одѣянія, драгоценные камни, невольниковъ, ароматы и пр., и даже отъ царя Индіи онъ получилъ въ даръ десять квинталовъ алойнаго дерева, молодую дѣвцу семи футовъ роста, и коверъ мягче шелка, какъ говорятъ, изъ кожи какой то необыкновенной породы змѣи“³. Между тѣмъ какъ персидская имперія достигала до вершины своей славы, подрасталъ Мухаммедъ, виновникъ будущаго, и неожиданнаго ея распаденія.⁴

Добродѣтели Нуширвана, въ его сынѣ и наслѣдникѣ Гормузѣ замѣнились пороками. При немъ возобновилась мало по малу во всей ея гнусности прежняя серальская жизнь, вопреки представленіямъ мудрыхъ совѣтниковъ отца его. Неминуемымъ послѣдствіемъ такого правленія было возстаніе, ру-

¹ E. Gibbon Гл. XL. — ² F. Spiegel. Avesta, die heiligen Schriften der Persen. стр. 29. — ³ E. Gibbon. Гл. XLII. — ⁴ Если числа вѣрны, то Мухаммеду было десять лѣтъ, когда умеръ Хозрой.

ководимое Барамомъ, героемъ изъ Нуширванова войска, окончившееся низложениемъ Гормуза, и избраніемъ на царство Хозроя II, первороднаго сына Гормуза.

Хозрой, по прозванію „Парвизъ“, соединялъ въ себѣ качества дѣда своего Нуширвана съ чувствами сыновней любви и преданности къ отцу своему, который насильственно лишенъ былъ зрѣнія. Вслѣдствіе этого обстоятельства, и для огражденія личности своей, онъ поставилъ главною себѣ задачею сокрушить бунтовщиковъ, составлявшихъ подъ предводительствомъ Барамы самое ядро войска. Послѣ неудачной съ ними борьбы, онъ обратился за помощью къ греческому императору Маврикію. Послѣдній, принявъ сторону Хозроя, чрезъ полководца своего Нарзеса побѣдилъ узурпатора, послѣ чего предоставилъ государство опять Хозрою. Послѣ этого между обоими властителями установился продолжительный дружественный союзъ, и Хозрой, хотя и по наружному только, сталъ благосклоннѣе къ христіанству, и, какъ говорятъ, даже женился на дочери своего благодѣтеля,—на прославляемой до нынѣ въ персидскихъ былинахъ за красоту и прелести свои царевнѣ Сирѣ или Схиринѣ ¹.

Узнавъ о коварномъ умерщвленіи тестя своего онъ рѣшился отомстить его убійцѣ. Виножникъ преступленія, Фока, не успѣлъ еще утвердиться во власти, какъ уже Хозрой ворвался въ Сирію. Но и послѣ паденія Фоки и воцаренія Ираклія, Хозрой все еще продолжалъ начатый имъ изъ мести походъ. Между тѣмъ какъ Ираклій предавался сладости правленія, Хозрой, съ возрастающимъ могуществомъ захватывалъ одинъ за другимъ почти всѣ греческіе города на востокѣ, бросился потомъ на югъ, покорилъ Пелузій и Александрію и вступилъ даже въ Эіоію, откуда, упоенный славою, черезъ песчаныя пустыни Либіи вернулся въ свои владѣнія. Одновременно другой отрядъ его громаднаго войска прошелъ побѣдоносно черезъ малую Азію, прорывъ до самого Константинополя, гдѣ простоялъ лѣтъ десять.

Доведенный до крайности страшными потерями, Ираклій наконецъ рѣшился дать отчаянный отпоръ непріятелю, и съ этою цѣлью, бросивъ роскошную жизнь сталъ собирать войско не уступавшее непріятельскому. Въ 621 г. начались приготовленія, а послѣ шести замѣчательныхъ походовъ, продолжавшихся не болѣе трехъ лѣтъ, энергіи его удалось сломить могущество Хозроя и замкнуть въ прежніе его предѣлы колоссъ персидской имперіи. Попытавъ еще разъ помѣряться силою съ врагомъ, Хозрой былъ свергнутъ сыномъ своимъ и скорѣ погібъ насильственной смертью (около 628 г.)

Убийство это, совершенное Сироемъ, прозваннымъ такъ по имени матери его Сиры, стало сигналомъ всеобщаго разложенія сассанидской державы, вообще уже сильно ослабѣвшей внутри. Самъ Сирой не былъ въ силахъ держаться долѣе осьми мѣсяцевъ, а послѣ него, въ продолженіи четырехъ лѣтъ одинъ другого смѣняли четыре претендента, пока наконецъ бразды правленія не перешли въ слабыя руки Іосдегерта II.

¹ См. персидскую сказку о Ширинѣ. Перев. J. von Hammer. Leipzig. 1809.

Между тѣмъ какъ государство внутри раздраемо было этой сумятицею, на него сызвнѣ надвигалось неудержимою волною полчище арабовъ, фанатическихъ поборниковъ корана; и хотя персамъ удалось выдержать первый ихъ натискъ, но вскорѣ силы ихъ истощились. Въ битвѣ при Каде сі и, въ которой у персовъ непріателемъ отнято было древнее, охранявшее государство ихъ, священное знамя „диресъ’ — и — кавани“, исполнились надъ ними слова коими Хозрою Парвизу грозилъ Мухаммедъ: „что Богъ сокрушитъ царство Хозроя и отринетъ мольбы его“. Завоеваніемъ Кт ези сфо на, и кровопролитнымъ побоищемъ у Нехавенда рѣшилась наконецъ судьба Персіи; владычество сассанидовъ пало, туземный культъ былъ подавленъ, и на развалинахъ ихъ водрузился „Халифатъ“ и Мухаммедово ученіе (641).

Изъ династіи сассанидовъ, болѣе всѣхъ другихъ правителей заслужилъ себѣ славу военною доблестью, Шапуръ I, возстановивъ силою оружія величіе унаслѣдованной имъ державы; затѣмъ Хозрой Нуширванъ, поощреніемъ духовнымъ нуждамъ народа; Хозрой Парвизъ наконецъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что средоточилъ при своемъ дворѣ всю роскошь азійскихъ владычицъ. Несмѣтная сокровища захваченныя имъ во время походовъ были сложены имъ въ любимомъ дворцѣ въ Артемитѣ или Дастангердѣ. ¹ Тудаже поступала громадная сумма податей насильственно собираемая съ провинцій и служившая для удовлетворенія его роскоши. „Здѣсь, на обширнѣйшихъ лугахъ паслись многочисленныя стада барановъ и рогатаго скота; звѣринецъ, или такъ называемый „рай“, въ которомъ охотился царь, изобиловалъ, рѣдкими пернатыми, фазанами, павлинами и страусами, ручными и дикими четвероногими, сернами, медвѣдами, львами и тиграми. Для нуждъ одной лишь царской его особы держалось не менѣе девятисотъ шестидесяти слоновъ; а когда, по древнему обычаю ахеменидскихъ царей, онъ со многочисленною свитою мѣнялъ свое мѣстопробываніе, то для отправки палатокъ только и клади требовалось, какъ говорятъ до двѣнадцати тысячъ большихъ верблюдовъ и осьми тысячъ малыхъ. Кромѣ того въ конюшняхъ его стояло около шести тысячъ лошаковъ и лошадей, послѣднія въ особенности принадлежали къ самымъ красивѣйшимъ породамъ. Службу при его особѣ исполняла, внѣ дворца, отборная рота тѣлохранителей, состоявшая постоянно изъ шести тысячъ человекъ, смѣняемыхъ по нѣсколько разъ въ сутки; внутри дворца ему прислуживали двѣнадцать тысячъ невольниковъ и около трехъ тысячъ красивѣйшихъ дѣвицъ. Всему этому соответствовало великолѣпное убранство царскихъ покоевъ. Судя по преувеличеннымъ, и прикрашеннымъ, по азіатскому обычаю, показаніямъ, стѣны въ нѣкоторыхъ комнатахъ были обтянуты самыми дорогими коврами, числомъ не менѣе тридцати тысячъ; потолки поддерживались серебряными столбами, въ числѣ около сорока тысячъ, а къ куполамъ было привѣшено на шнуркахъ безчисленное множество золотыхъ шаровъ.“ Если притомъ принять въ соображеніе, что Хозрой Парвизъ, изъ покоренныхъ имъ областей вывозилъ не одни только мертвыя со-

¹ E. Gibbon. Гл. XLVI и сл.

кровища, но также обитавшихъ въ этихъ странахъ художниковъ и искусныхъ ремесленниковъ, дабы умѣнемъ ихъ пользоваться для увеличенія придворной пышности, и наконецъ, что въ числѣ этихъ людей находилось безъ сомнѣнія не мало искусныхъ греческихъ и римскихъ художниковъ¹, то надо будетъ во всякомъ случаѣ допустить, что описываемая нами пышность не отличалась слишкомъ варварскимъ характеромъ.—Вотъ какое обиліе раскрылось передъ „сынами пустыни“ когда они овладѣли этой страной.

Одежда².

Сношенія, установившіяся между персами и другими народами начиная съ эпохи Александра великаго, отнюдь не остались безъ вліянія и на форму персидскаго костюма, какъ полагали многіе, на основаніи показаній нѣкоторыхъ писателей того времени³. Писатели эти могли дѣйствительно не замѣчать такого вліянія, потому что оно высказывалось лишь постепенно, затѣ въ настоящее время, оно не можетъ ускользнуть отъ наблюдателя, даже при бѣгломъ только сравненіи многочисленныхъ остатковъ памятниковъ времени археменидовъ съ сассанидскими. Такъ напр. укажемъ прежде всего на то обстоятельство, что на позднѣйшихъ памятникахъ форма костюма, въ особенности въ верхнихъ частяхъ, совершенно другая, чѣмъ изображенная на памятникахъ древнѣйшаго времени. Здѣсь, высшее сословіе представлено безъ исключенія въ длиннополой нижней одеждѣ со многими складками или въ такъ называемой мидійской столѣ, и головы покрыты высокою тѣлою (фиг. 83, а. б. с.); тогда какъ тамъ, лишь изрѣдка знатные представлены въ кафтанѣ, напоминающемъ упомянутое сейчасъ парадное одѣяніе, и положительно сплошь носятъ длинные, широкіе шаровары,

¹ Сравни. J. Burckhardt, Die Zeit Konstantins стр. 114. 115. K. Schnaase, Geschichte der bildenden Künste III. стр. 244 съ указаніемъ на относящіяся сюда мѣста въ K. Ritter, Erdkunde im Verhältniss zur Natur und Geschichte des Menschen, и пр. VIII стр. 763. 827. IX стр. 352. 380. 386. 473. 959. — ² Какъ полезное пособіе, коимъ впрочемъ надо пользоваться съ осторожностью приведемъ: Second mémoire sur les costumes des Perses par le citoyen Mongez. Lu le 13 ventose an 8, въ mémoires de la classe de littérature et beaux arts. Paris. Въ немъ специально трактуется о костюмѣ персовъ при Арсанидахъ и Сассанидахъ. Относительно изобразительнаго матеріала авторъ могъ воспользоваться только крайне неудовлетворительными изображеніями въ старинныхъ описаніяхъ монетъ и путешествій и пр. слѣд. авторовъ: Vaillant (Arsacid. imperat. numism.). Chardin, Le Bruyn, Niebuhr (Voyages) и пр.; S. de Sacy (Mém. sur diverses antiq. de la Perse) и пр. Сюдаже принимаютъ слѣд. сочиненія отличающіяся по большей части отличными рисунками: J. Morier, A. Journey through Persia, Armenia and Asia minor to Constantinople in the year 1809. Lond. 1812; егоже: A second Journey и пр. 1810. London 1818. Rob. Ker Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia и пр. 1817—1820. Lond. 1821. F. Price, Journal of the British Embassy to Persia through Armenia and Asia minor и пр. London. 1832. E. Flaminio et Coste, Voyage en Perse, pendant les années 1840 et 1841; publ. sous la direction d'une commission de l'Institut de France и пр. Paris. 5 vols. Ch. Texier, Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie; pub. sous les auspices du Ministère de l'intérieur. Paris. 1852. X. Hommaire de Hal, Voyage en Turquie et en Perse, exécuté par ordre du gouvernement Franç. pendant les années 1846, 1847, 1848 avec 100 planches dess. d'après nat. par J. Laurens. Paris. 1853. Такъ же, пр. въ особ. Mongez, въ приведенномъ выше сочиненіи.

да поверхъ ихъ кафтанчикъ (иногда въ родѣ короткой куртки), обвязанный поясомъ. Не говоря о другихъ различіяхъ относящихся къ украшеніямъ, въ

Фиг. 83.

добавокъ и головной уборъ на этихъ лицахъ тоже совершенно не похожъ на помянутую высокую тиару. Точно такъ при сравненіи одежды низшихъ сословій на древнихъ памятникахъ (фиг. 84. а. б), съ соответствующими имъ изображеніями на памятникахъ позднѣйшихъ временъ, мы опятьтаки между ними найдемъ одно только общее сходство.

Когда, и при какихъ обстоятельствахъ произошла такая перемѣна въ костюмѣ, это вопросъ на который можно отвѣчать только догадками. Впрочемъ, судя по общему характеру сассанидскаго костюма, въ томъ видѣ въ какомъ онъ представленъ на памятникахъ новѣйшей эпохи, мы въ правѣ заключить, что на него не имѣли вліянія, ни греко-македонская одежда, бывшая въ общемъ употребленіи въ царствованіе „Селевкидовъ“, ни вообще одежда западныхъ народовъ. Если, въ подтвержденіе сказанному сейчасъ принять въ соображеніе, что, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, даже Александръ великій по временамъ, обычной своей простой греческой одеждѣ предпочиталъ пышный нарядъ персидскихъ царей ¹, и что ближайшіе преемники его отча-

Фиг. 84.

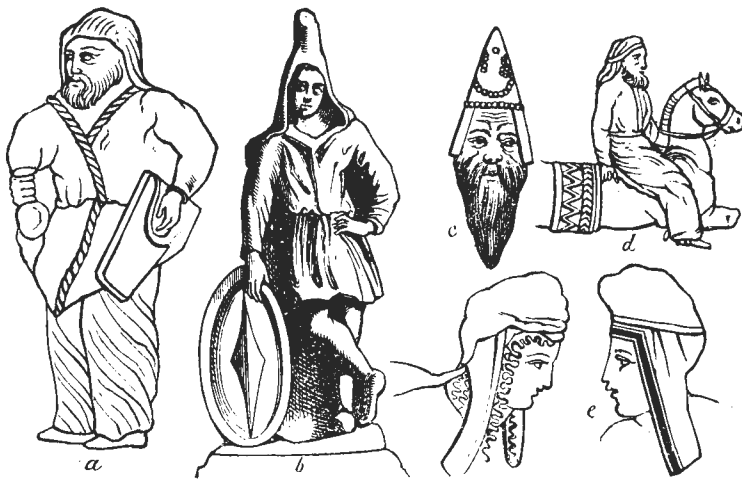

¹ Ср. мн. пр. Diodor XVII. 77. Athenäus XII. стр. 535. Herodian V. 5. —

сти тоже усвоили себѣ азіятскій костюмъ, то окажется дѣйствительно, что по отношенію къ вышнему у развитію персидскаго костюма, вліяніе Греціи едвали не ограничивалось только болѣе художественною обдѣлкою орнаментовъ, украшеній и т. п.

Но послѣ этого остается одно только предположеніе, а именно, что виновниками упомянутого выше измѣненія въ костюмѣ были паряне. Правда, у Юліана въ Константиновой элогѣ ¹ говорится: „что паряне всячески подчинялись нравамъ и обычаямъ персовъ“, и также въ исторіи Юстина ²: „что у нихъ прежде была своя особая, національная одежда, но когда они стали богатѣть, одежда у нихъ завелась тонкая и длинная“;—однако оба приведенные писателя принадлежатъ къ такой эпохѣ, въ которой едвали люди уже въ состояніи были вѣрно судить о положеніи дѣлъ. Съ другой стороны,—а это для разбираемаго нами вопроса важнѣе,—въ гораздо древнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о національной одеждѣ паряней и сродственныхъ имъ племенъ ³, какъ и въ относящихся сюда изображеніяхъ на памятникахъ (фиг. 85 а—f), замѣчается такое сходство съ новоперсидскимъ костюмомъ, что

Фиг. 85.

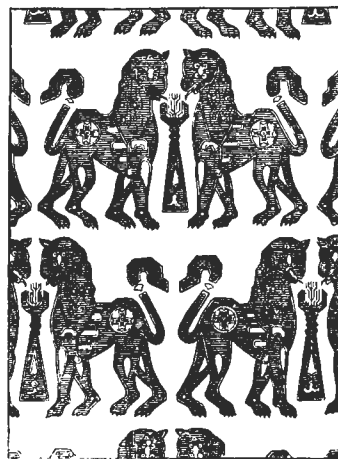
скорѣе можнобы думать, что этотъ костюмъ, если и не вполне вытѣснилъ древнеперсидскій костюмъ, и преимущественно стародавній ахеменидскій царскій нарядъ, то всетаки съ нимъ постепенно слился. Въ виду значительнѣйшаго развитія азіятски-персидской промышленности, такое сліяніе конечно не могло простирается далѣе какъ на одинъ только покрой одеждъ, и общую основную форму ихъ, но отнюдь не на матерію одеждъ, ни на остальное богатое убранство ихъ. Относительно всѣхъ этихъ вышностей парянамъ положительно служили образцами побѣжденные ими народы, и

¹ Ср. это мѣсто у Mongez въ прив. соч. стр. 147. — ² XII. гл. 2. — ³ См. Вышн. бытъ народовъ и пр. II. стр. 7 и сл.

потому не удивительно что ихъ пестрые наряды и украшенные золотомъ и драгоценными камнями одежды возбуждали вниманіе римскихъ воиновъ¹.— Въ послѣдствіи, когда персидскій народъ опять сталъ господствующимъ, слянiе это уже успѣло усвоиться народнымъ обычаемъ.

Что касается различныхъ матерій, изъ которыхъ персы съ древнѣйшихъ временъ изготовляли себѣ одежду, то въ сущности объ этомъ можно сказать то-же самое, что уже было сказано при разборѣ торговыхъ сношеній и промышленности византійцевъ (стр. 46 и сл.). Шелкъ, получаемый прямо отъ „Стренцовъ“, или воздѣлываемый въ собственной странѣ, потомъ шерсть и растительный пухъ (отчасти собственнаго производства, отчасти привозимый изъ Индіи), вотъ что, кромѣ холста, доставляемаго преимущественно изъ Египта, составляло главный матеріалъ для выдѣлки тканей. Въ числѣ разнаго рода узоровъ, коими украшались одѣянія, кромѣ упомянутыхъ уже прежде лиственныхъ, звѣздчатыхъ и прочихъ украшеній, были въ особенности въ большомъ употребленіи фантастическія изображенія животныхъ. Какъ образчикъ такого рода, укажемъ на отчасти хорошо сохранившуюся, шелковую ткань, изготовленную, какъ полагаютъ не безъ основанія², въ Персіи при Сассанидахъ, приблизительно въ четвертомъ или пятомъ столѣтіи (фиг. 86). Вообще любимы были матеріи самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ. — Металлы, въ числѣ коихъ золото занимало первое мѣсто, употреблялись не столько для украшенія одѣяній и пр., сколько для выдѣлки предметовъ для украшенія и облѣлки оружія, и доставлялись изъ сѣверозападныхъ странъ, равно также и драгоценные камни³, которые впрочемъ кромѣ того въ значительномъ количествѣ привозились изъ Индіи, откуда вмѣстѣ съ тѣмъ получался и жемчугъ⁴.

Фиг. 86.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать и на то, что многіе изъ новѣйшихъ писателей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ отдѣляютъ костюмъ пароянъ отъ костюма (ново-)персовъ, и потому, сообщаемыя ими свѣдѣнія должно отнести одинаково къ обоимъ этимъ народамъ.

I. Судя по показаніямъ Страбона (XV. 3), составившаго свое землеописаніе во время царствованія Тиверія, и лично совершившаго путешествіе

¹ Ср. Strabo XV. 3. Herodian IV. 11. 15. — ² G. Semper. Der Stil. и пр. I стр. 155; ср. M. de Caumont Abécédaire и пр. II. стр. 21. — ³ Ср. для подробностей С. Ritter. Die Völkergeschichten vor Herodotus и пр. Berlin. 1820. стр. 124 и сл. — ⁴ Procop. Persic. I. 17 Vandal. гл. 4.

по Востоку, обыкновенная одежда мужчинъ, и преимущественно знати, состояла: изъ нѣсколькихъ паръ штановъ, надѣваемыхъ одну на другую, двойного кафтана съ рукавами доходившими до колѣнъ, разноцвѣтнаго снаружи, внутри на бѣлой подкладкѣ; потомъ лѣтняго плаща, большею частью пурпуроваго цвѣта, и замѣняемаго въ зимнюю пору другимъ, съ болѣе роскошными узорами; наконецъ высокихъ, двойныхъ башмаковъ и высокой головной покрывки, схожей съ тиарою Маговъ. Одежда низшаго класса, напротивъ, ограничивалась двойнымъ кафтаномъ, доходившимъ до половины бедра, и кромѣ общепотребляемыхъ всѣми штановъ, пестрымъ платкомъ изъ шерстяной ткани, коимъ вѣроятно обвязывалась голова въ родѣ чалмы. Всѣ носили притомъ присвоенное каждому по званію оружіе (см. далѣе).

1. Описаніе это хотя и относится къ эпохѣ владычества пареванъ, но тѣмъ не менѣе почти вполне соответствуетъ костюму позднѣйшихъ временъ, изображенному на сасанидскихъ памятникахъ. Изъ названныхъ памятниковъ, состоящихъ лишь съ немногими исключеніями изъ колоссальныхъ рельефовъ высѣченныхъ въ скалѣ, преимущественно два, находящиеся недалеко отъ Казеруна, близъ деревушки Дерзесы ¹, могутъ служить под-

Фиг. 87.

тверженіемъ сказаннаго выше въ особенности по отношенію къ одеждѣ низшихъ сословій. (фиг. 87 а—d; ср. фиг. 85. а. b. d).

2. Почти такое же соответствіе существовало тоже по отношенію къ костюму высшаго сословія, чему доказательствомъ служатъ два другіе рельефа ², „Накшъ и Редшибъ“ и „Накшъ-и-Рустамъ“, изображающіе по всей вѣроятности Шапура I и Ардашира съ ихъ дворомъ (фиг. 88. а. b). И если здѣсь принять во вниманіе одну только форму костюма, мы убѣдимся, что нарядъ царедворцевъ, и стало быть знатныхъ, отличался отъ парадной одежды вообще только большею длиною и шириною верхней одежды, да еще особыми отличительными знаками достоинства. Сюда относятся, съ одной стороны звѣзда, носимая на груди (фиг. 88. b), съ другой, головной уборъ различныхъ видовъ, соответствовавшій вѣроятно служебнымъ

¹ Ch. Texier. Description в пр. таб. 146, 147.—² Ch. Texier. въ прив. соч. табл. 134; 139; ср. таб. 141.

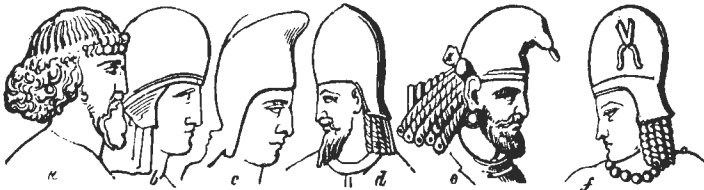
степенямъ (фиг. 89. b — f). Уборъ этотъ сходенъ то съ „фригійской“ шапкою (фиг. 89. c. e), бывшей уже отчасти въ употребленіи между нѣкоторыми изъ служащихъ при Ахеменидахъ ¹ (фиг. 84. a. b); то имѣлъ видъ

Фиг. 88.

высокой яйцеобразной шапки съ лопастью по бокамъ. Шапка по всей вѣроятности таже самая, которую Страбонъ сравниваетъ съ „тіарою“ маговъ (фиг. 89. b. d. f). Кромѣ того есть прямыя указанія, что знатные

Фиг. 89.

имѣли обыкновеніе головной уборъ свой украшать преимущественно богатой жемчужной обшивкою и драгоценными камнями, и что прочіе знаки отличія этого класса составляли золотые вѣнчики, дорогіе пояса, застежки золотыя и украшенныя цвѣтными камнями и т. п. Кромѣ этихъ предметовъ, которые дозволялось носить только тѣмъ коимъ они были пожалованы са-

¹ См. Виѣш. бытъ нар. I. стр. 192 и сл.

мимъ государемъ ¹, знатные употребляли произвольно еще множество другихъ золотыхъ украшеній, кольца, серьги, запястья, ожерелья и пр. Сверхъ того у нихъ сохранился обычай прежнихъ временъ румянить и бѣлить лицо, и тщательно завивать натуральные роскошные волосы (фиг. 89. a. d. e. f); обычай, которому подражало парянское племя только въ мирное время, тогда какъ обыкновенно оно отпускало свои длинные волосы по древнему обычаю не завивая ихъ. — Къ этому должно прибавить, что знатные безразлично, у парянъ, какъ и у персовъ, въ особенности дорого цѣнили пурпуроваго цвѣта полубашмаки, такъ называемыя *zapcae* или *tzapcae*. Эти башмаки пользовались большою славою также за предметами государства, и по всей вѣроятности это была та самая обувь, какую римскіе и греческіе императоры носили какъ отличіе своего сана ² (см. стр. 66). И вообще, кожа, окрашенная въ пурпуровый цвѣтъ, и выдѣлываемая парянами, до самыхъ позднѣйшихъ временъ принадлежала къ числу важнѣйшихъ товаровъ, коими херсонесскіе племена снабжали Константинополь ³.

II. Царскій нарядъ настолько разнится отъ одежды знатныхъ сословій и простаго народа, и притомъ же въ изображеніяхъ на памятникахъ представляетъ такъ много измѣненій, что есть поводъ заключить, что этотъ костюмъ сложился и развился совершенно особымъ, самостоятельнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, отсутствіе всякихъ точныхъ хронологическихъ данныхъ относительно времени происхожденія помянутыхъ памятниковъ, намъ не позволяетъ исторически прослѣдить весь ходъ этого развитія. Такимъ образомъ, впадаясь поневолѣ въ предположенія, мы тѣмъ-не-менѣе едвали удалимся отъ истины, если въ числѣ сохранившихся изображеній будемъ считать древнѣйшими такія, въ которыхъ костюмъ наиболѣе соответствуетъ (древнему) наряду Ахеменидовъ.

а. Такое соответствіе выказывается вообще уже въ вышеприведенныхъ рельефахъ „Накшъ-и-Редшибъ“ (фиг. 88), и другомъ Накшъ-и-Рустамъ“, близъ развалинъ Персеполиса (фиг. 90). Несмотря на то что, на каждомъ изъ этихъ скульптурныхъ памятниковъ представлены по два царя, и что поэтому всего вѣрнѣе было бы предположить, что въ лицѣ одного изъ нихъ изображенъ повелитель персіи, тѣмъ не менѣе мы должны всѣхъ четверыхъ признать за Сассанидовъ. Какъ по общему внѣшнему виду этихъ фигуръ, такъ и по другимъ характеристическимъ особенностямъ, многіе не безъ основанія полагали, что въ этихъ двухъ рельефахъ увѣковѣченъ актъ врученія Ардаширомъ верховнаго владычества Шапуру I, и что обручъ, который держатъ оба царя означаетъ древній знакъ царскаго достоинства, діадиму или „кидаръ“ ⁴. На одномъ изъ четырехъ царей кафтанъ утѣренной длины и съ узкими рукавами, и широкіе шаровары, на остальныхъ троихъ длинная нижняя одежда, напоминающая еще древнюю „мидійскую столу“

¹ Procop. Bell. Persar. I. гл. 17; потомъ относительно слѣдующаго Trebell. Poll in Claud. 17. Agathias Histor. Justin. III. Amian Marcel. XXIII 6. Appian Bell. Parthic. — ² Ср. относящіяся сюда мѣста у Mongez. Second mémoire etc. стр. 151. — ³ Constant. Porphyrogen. De administrando imperio гл. 6. — ⁴ Ср. относительно видара Внѣшн. бытъ народ. и пр. I. стр. 196.

Ахеменидовъ (фиг. 88 с; фиг. 90; ср. фиг. 83 а—с), поверхъ этой одежды надѣтъ кафтанъ раздѣленный на полы, въ совершенную противоположность

Фиг. 90.

древнему царскому наряду, и кромѣ того на одномъ накинуть еще короткій плащ¹. — О формѣ головнаго убора будетъ говорено далѣе.

6. Совершенно въ другомъ видѣ представляется костюмъ на большей части сассанидскихъ изваяній. Такъ въ особенности на „Накшъ-и-Рустамскихъ“ рельефахъ, изсѣченныхъ подъ гробницами Дарія и Ксеркса², и также на болѣе обширныхъ скульптурахъ находящихся близъ Казеруна³. Въ нихъ олицетворено торжество сидящаго на конѣ персидскаго царя надъ римскимъ императоромъ, опустившимся передъ нимъ на колѣни въ положеніи умоляющаго и окруженнымъ другими римлянами (фиг. 91). По всей вѣроятности здѣсь представлена блестящая побѣда короля Шапура I надъ императоромъ Валеріемъ и взятіе въ плѣнъ послѣдняго. На всѣхъ относящихся сюда рельефахъ костюмъ Сассанида, (за исключеніемъ свойственнаго ему характеристическаго головнаго убора), не состоитъ уже болѣе изъ „мидійской столы“, но изъ узкорукавной, хотя

Фиг. 91.

¹ Въ этомъ же родѣ представлень еще другой сассанидскій царь изваянный въ слани близъ Дильмена; см. Ch. Texier, Description и пр. таб. 40. — ² Ch. Texier, Description и пр. таб. 29 у сл.; ср. Ker Porter, Travels и пр. I таб. 21 в сл. — ³ Ch. Texier, Въ прав. соч. таб. 146 и 147.

и просторной, верхней одежды, широкихъ штановъ, и короткаго, сдерживаемаго на груди плаща (фиг. 92). Съ этимъ нарядомъ схожъ въ главныхъ

Фиг. 92.

чертахъ также костюмъ на одной статуѣ изображающей безсомнѣнно этогоже

Фиг. 93.

царя, но только здѣсь верхняя одежда его короче и недостаетъ короткаго плаща (фиг. 93).

Одежда эта, отличающаяся гораздо бѣльшимъ удобствомъ, въ существенныхъ формахъ своихъ представляетъ очевидно смѣсь элементовъ древнепарянскаго и древнеперсидскаго костюмовъ (ср. фиг. 85, фиг. 87), и почти одинаково была употребляема послѣдовавшими властителями, по крайней мѣрѣ до Хозроя I „Нуширвана“ (ср. фиг. 103. b). Этотъ царь, но еще болѣе наследникъ его Хозрой „Парвизъ“, потомъ уже придали этому костюму ту великолѣпную виѣшность какую мы видимъ олицетворенною на многофигурныхъ рельефахъ въ скалахъ „Такхтъ-и-Бостанъ“ близъ Кирманшаха въ сѣверной Персїи ¹. Въ этихъ скульптурахъ, исполненіе коихъ преданіе и поэзія приписываютъ ваятелю Фергарду, будтобы изваявшему ихъ изъ любви

Фиг. 94.

къ Схирани, супругѣ Хозроя, царь изображенъ нѣсколько разъ и въ полномъ нарядѣ, частью пѣшимъ, частью верхомъ на конѣ. На одномъ изъ приведенныхъ изображеній царскій нарядъ состоитъ изъ короткаго вышитаго кафтанчика съ надѣтою поверхъ его чешуйчатою бронєю, узкихъ вышитыхъ штановъ, башмаковъ съ лещами и головного убора въ видѣ зубчатаго стѣннаго вѣнца съ двумя стоячими крылами поддерживающими полумѣсяцъ охватывающій небольшой шаръ. Лѣвая рука царя опирается на мечъ, перевязь

¹ Ср. хорошія изображенія у Ker Porter. Travels in Georgia, Persia и пр. II.; E. Flandin et Coste. Voyage en Perse и пр. таб. 28 и сл.; потомъ W. Vaux. Nineveh und Persepolis. стр. 273.

котораго украшена жемчугомъ.—На другомъ рельефѣ онъ представленъ верхомъ и въ полномъ вооруженіи. На немъ кольчатая броня доходящая до колѣнъ и прикрывающая кафтанъ украшенный драконами, крестообразными фигурами и цвѣтами. Вооруженіе его состоитъ изъ круглаго щита закрывающаго на половину грудь; при бедрѣ колчанъ со стрѣлами а въ рукѣ длинное копье, опущенное на правое плечо. Соответственно этому и конь его покрытъ дорогою сбруею съ нагрудникомъ, составленнымъ изъ мелкихъ металлическихъ бляхъ.—На скалѣ противоположной упомянутымъ сейчасъ изображеніямъ, представлено нѣсколько всадниковъ въ подобномъ же одѣяннн и въ сопровожденн людей несущихъ опахала.—Еще нагляднѣе представленъ этотъ костюмъ (за исключеніемъ кольчатой брони и нѣкоторыхъ особенностей), на одномъ изображенн царя Фируза ¹, чеканной работы изъ серебра, которое однако принадлежитъ вѣроятно уже разсматриваемой здѣсь эпохѣ ², (фиг. 94); потомъ еще на одномъ вырѣзанномъ на горномъ хрусталѣ портретномъ изображенн хранившемся нѣкогда въ аббатствѣ Сэнъ Дѣни ³. Къ этому позднѣйшему роскошному способу обдѣлки царскаго наряда слѣдуетъ по всей вѣроятности отнести описаніе наряда всѣхъ почти сассанидскихъ царей, составленное Хамзою Испанганскимъ въ его „Книгѣ лицъ“ ⁴. Въ этомъ описанн напр. значится что на Нарзесѣ I, и также на Хормузѣ II были красное вышитое одѣянн и вышитые-же синіе штаны, что рукою цари опирались на мечъ; Шапуръ II, изображается въ вышитомъ, розоваго цвѣта одѣянн, вышитыхъ красныхъ штанахъ, въ синей тнарѣ украшенной золотомъ и съ двумя остreeями вверху, поддерживающими маленькое золотое изображение луны.

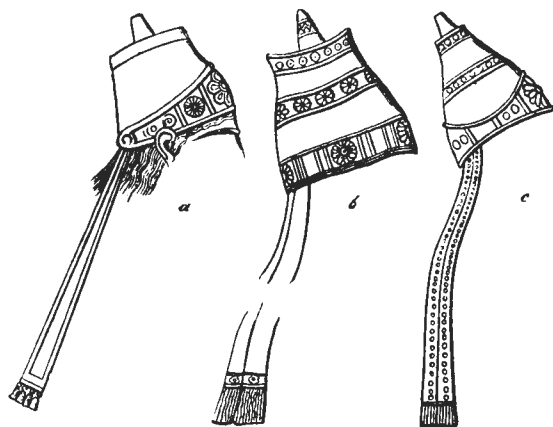
Изъ названныхъ нами памятниковъ легко убѣдиться, что наряду съ измѣненіемъ одежды царей, мѣнялась также и форма присвоенныхъ имъ знаковъ царскаго величн. Въ числѣ послѣднихъ, по разрушенн громадной персидской имперн, и даже послѣ паденн династн Сассанидовъ, все еще считались по прежнему, пурпуровый плащъ, пурпуровые башмаки или полусапожки ⁵, украшенные жемчугомъ и шитьемъ, и хотя всѣ эти предметы измѣнялись наравнѣ съ царскимъ костюмомъ, но ни одна часть царскаго наряда не подвергалась такому коренному преобразованн, какъ головной уборъ, самый главный изъ атрибутовъ царей.

а. Насколько показанн древнѣйшихъ писателей позволяютъ судить о развитн формы и убранства освященнаго преданнемъ головнаго убора ахеменидскихъ царей, уборъ этотъ состоялъ изъ жесткой „тнары“, суживавшейся къ верху и повязанной обвязкою, т. е. настоящимъ кидаромъ. Обвязка эта составлялась изъ спирально скрученныхъ бѣлой и пурпуровой, либо синней полосъ матерн. Этотъ изящный головной уборъ, типъ котораго олицетворяетъ

¹ Онъ былъ преемникомъ царя Хормиздаса III, и царствовалъ приблизительно отъ 457-го по 488 г.—² Ср. впрочемъ A. Longpérier. Coppa sassanidica d'argento rappresentante il re Firouz a cavallo in mezzo alle occupazioni della caccia, posseduta e pubblicata dal Duca di Luynes (въ Monumenti inedit. dall'Institutо III таб. LI. и Annali XV. стр. 98; тоже подъ особымъ заглавіемъ: Explication d'une coupe Sassanide inédite съ одною табличкою. Paris 1844).—³ Описанн и изображенн см. въ Mongez. Second mémoire и пр. стр. 197. таб. 9. фиг. 21.—⁴ J. Burckhardt. Die Zeit Constantins des Grossen стр. 118. прим.—⁵ См. Вишн. бытъ народ. Т. 1. ч. 1. стр. 195 и сл.

еще на древнеассирійскихъ рельефныхъ изваяніяхъ (фиг. 95. а. б. с), не встрѣчается уже болѣе ни на одномъ изъ изображеній которыми намъ теперь

Фиг. 95.

придется заняться. Подобнаго рода головной уборъ, какъ знакъ царскаго достоинства, встрѣчается повидимому единственно только еще на серебряныхъ монетахъ армянскихъ царей (фиг.

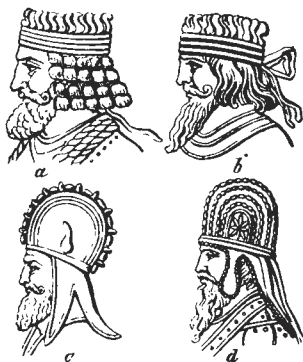
96. а. б. с), у которыхъ вообще во всемъ царскомъ облаченіи удержался характеръ ахеменидскаго царскаго костюма¹. Вмѣсто того на монетахъ Арзакидовъ какъ и Селевкидовъ головы царей украшены отчасти простою повязочною діадимою (фиг. 97.

Фиг. 96.

б), отчастиже болѣе или менѣе богато украшенною драгоценными камнями и жемчугомъ полуovalною шапкою съ лопастями (фиг. 97. с. d). Последнія однако составляютъ часть не этой шапки, но другой шапочки, плотнѣе облегающей голову и скрытой подъ первую. Изображенія на нѣкоторыхъ монетахъ даже прямо указываютъ на то, что верхняя шапка иногда повязывалась вышеупомянутой ленточною діадимою, причемъ концы лентъ спускались по спинѣ (фиг. 97. d), а къ діадиmѣ сверхъ того прибавлялось иногда съ боку по одному украшенію въ видѣ маленькаго рога (фиг. 97. с.)

Фиг. 97.

б. Совершенно другія формы представляютъ головной уборъ Сассанидовъ. На са-

¹ Этотъ костюмъ, судя по описанію у древнихъ писателей, состоялъ изъ плаща, отчасти пурпуроваго цвѣта и съ золотымъ шитьемъ, сдерживаемаго золотою застѣжкой, укра-

мыхъ древнѣйшихъ, повидимому, изображеніяхъ царей этой династіи (стр. 144), мы встрѣчаемъ уже двѣ главныя формы такого убора, изъ коихъ одна довольно близко подходитъ къ римскому „стѣнному вѣнцу“ (фиг. 90; фиг. 93); другая же, напротивъ, представляетъ плотно прилегающую къ головѣ шапку, надъ которою возвышается объемистая масса въ родѣ чалмы (фиг. 88.с; фиг. 90). Потомъ, отъ обоихъ уборовъ или коронъ спускаются ленты сложенныя въ весьма изящныя складки; украшеніе, повторяющееся безъ исключенія на всѣхъ изображеніяхъ сассанидскихъ царей, и составляющее безспорно знакъ царскаго достоинства. Изъ этихъ двухъ главныхъ и въ сущности простыхъ формъ, введенныхъ впервые какъ надо полагать Ардаширомъ, т. е. изъ сліянія „стѣннаго вѣнца“ съ упомянутою большою круглою массою въ родѣ чалмы, а быть можетъ и самостоятельно наряду съ этими формами, образовалась уже третья главная форма царскаго головного убора, изображаемая не только въ изваяніяхъ на скалахъ, но также на персидскихъ монетахъ (фиг. 92; фиг. 98. а). Преимущественно на монетахъ можно встрѣ-

Фиг. 98.

тить множество видоизмѣненій этой формы ¹, изъ которыхъ вполне ясно видно, что упомянутое шарообразное возвышеніе было дѣйствительно чалма, искусно свитая изъ длинныхъ полосъ матеріи, и по большей части богато украшенная жемчугомъ и драгоценными камнями (фиг. 98. а. б. с), и что чалма эта именно и принадлежала къ числу главныхъ атрибутовъ названныхъ царей. — Впрочемъ, прихоть этимъ еще не удовлетворялась, но напротивъ, старалась царскій головной уборъ превратить въ символическое олицетвореніе титула „царя царей, брата солнца и луны“ и т. п. прибавивъ къ убору разныя эмблемы. Такимъ образомъ былъ придуманъ тотъ уборъ о которомъ мы говорили по поводу изображеній Хозроя Парвиза, и состоявшій изъ двойной діалмы, (полукруглой шапки со стѣннымъ вѣнцомъ), съ стоячими крыльями и утвержденнымъ на нихъ полумѣсяцемъ съ шаромъ (фиг. 94; ср. фиг. 98. d). Двойная корона по этому означала титулъ „царя царей“, а символическіе знаки помѣщенные на крыльяхъ „брата солнца и луны“. Въ числѣ этихъ эмблемъ, которыя всѣ были сдѣланы изъ золота, и богато украшены камнями и жемчугомъ, золотой полумѣсяцъ, а можетъ быть и ма-

шенною по срединѣ драгоценнымъ камнемъ и отъ которой спускались на золотыхъ цѣпочкахъ три дорогіе діалмы; потомъ шелковой туннью отороченной золотомъ; красныхъ подусапожекъ и древняго кидара: Prosp. de aedif. III. гл. 1; Philon de vit. Mos. III; ср. Th. Mommsen. Röm. Gesch. (2) III. стр. 45.—¹ Ср. Относительно головныхъ уборовъ встрѣчаемыхъ на сассанидскихъ монетахъ: Zeitschrift der deutschen morgenl. Gesellschaft. IV. стр. 83 и сл.

ленькіе золотые рога употребляемыя Арсакидами, введены были еще Шапуромъ II ¹.

в. Наконецъ, къ царскому наряду принадлежали сверхъ того,—(въ качествѣ царскихъ атрибутовъ, или только какъ украшенія?)—чрезвычайно роскошное и дорогое ожерелье (бармы) (фиг. 92; фиг. 93), и, для прикрѣпленія пурпуроваго плаща, не менѣе цѣнная застежка значительной величины, отъ которой на трехъ золотыхъ цѣпочкахъ спускались три гіанцина ² (ср. фиг. 42; фиг. 44).

II. Когда Страбонъ, говоря о парянахъ замѣчаетъ (XV. 3), что этотъ народъ постоянно носить оружіе, то сказанное имъ слѣдуетъ отнести также къ эпохѣ владычества сассанидовъ. Между тѣмъ, относительно вооруженія и отдѣльных родовъ оружія, вліяніе парянь на персовъ было повидимому ничтожно, и первые вскорѣ даже замѣнили свое грубое оружіе болѣе роскошнымъ вооруженіемъ персовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя вполнѣ отрицать такого вліянія, какъ это часто дѣлалось, и хотя положительно вѣрно, что вліяніе парянь не могло касаться внѣшней отдѣлки или украшеній и т. п., то съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію и то, что это племя не только удержало нѣкоторыя, свойственныя ему, особыя формы вооруженія, но что формы эти, отъ него даже перешли къ персамъ.

Въ числѣ матеріаловъ которые употребляемы были для изготовленія и отдѣлки оружія, не считая благородныхъ металловъ, слоновой кости, драгоценныхъ камней, жемчуга, цвѣтной кожи и пр. ³, главное мѣсто занимали желѣзо и бронза. Бронза выдѣлывалась внутри страны; желѣзо, во время владычества Арсакидовъ, получалось изъ сѣверныхъ областей и преимущественно изъ Маргіаны. Въ послѣдствіи, когда паряне вытѣснены были опять въ первоначальныя свои мѣста, вывозъ оттуда желѣза повидимому на долго пріостановился, такъ что Шапуръ II какъ рассказываютъ, вынужденъ былъ выпрашивать желѣзо у греческаго императора ⁴.

Судя по описанію Страбона вооруженіе парянь (и персовъ) состояло вообще изъ косоугольнаго щита, чешуйчатыхъ латъ, шапки наподобіе тіары, лука и колчана со стрѣлами, сабли, сѣкиры и простой пращи.

А. Остановясь на этомъ описаніи, мы тотчасъ увидимъ что вооруженіе персовъ, а въ особенности оборонительное оружіе, что касается именно формы, значительно измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было при ахеменідахъ.

1. Сказанное сейчасъ относится преимущественно къ самой главной части оборонительнаго оружія, къ щиту. Страбонъ, описывая общеупотребительный щитъ говоритъ положительно что онъ былъ косоугольной формы, тогда какъ древній персидскій щитъ исключительно былъ двоякой формы,

¹ Ср. Ammian Marcell. XIX. 1. — ² Mongez. Second mémoire. стр. 179. — ³ Ср. ил. up. Justin XLI. 1. Tacitus. Annales. VI. 34. — ⁴ Подробности объ этомъ см. Mongez. Second mémoire и пр. стр. 168.

т. е. имѣлъ форму либо овала, съ полукруглыми выемками по обѣимъ продолговатымъ его сторонамъ (подобно доскамъ скрипки)¹, либо полного круга. Первую изъ обѣихъ названныхъ формъ вытѣснили отчасти косоугольный щитъ, отчасти и другія еще формы щита вѣроятно бывшія тоже въ употребленіи между парянами. Ко второй формѣ принадлежали длинные щиты столь значительнаго объема, что замѣняли всякое другое оборонительное оружіе прикрывая собою вполнѣ человѣка. Такими щитами снабжены были однако только плохо вооруженныя части пѣхоты, но знатныя, изъ коихъ состояла конница, ихъ никогда не носили, употребляя въ замѣнъ исключительно либо круглый, либо косоугольный щитъ (фиг. 101).—По мнѣнію Прокопія (bell. parth. I. 22), упомянутые большіе, длинные щиты имѣли сходство съ такъ-называемою „герра“ (gerga), которую носили готы когда они осаждали крѣпость „святаго ангела“.

2. Точно такъ какъ древнеперсидскій щитъ, измѣнились тоже другія части персидскаго оборонительнаго оружія. Здѣсь же въ особенности слѣдуетъ указать на всеобщее распространеніе въ Персіи чешуйчатой брони, начиная съ самаго владычества парянь, и доведенную до высокаго совершенства еще въ глубокой древности. Мы хотимъ говорить о бронѣ, описываемой

Фиг. 99.

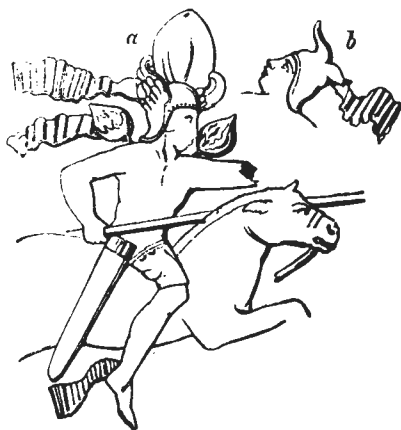
неоднократно въ подробности древними писателями², и извѣстной подъ названіемъ „катафрактэсъ“ (cataphractes), которая съ головы до ногъ закрывала не только всадника, но и коня его. Броня эта состояла изъ плотно облегающей тѣло кожаной одежды, обшитой сплошь, за исключеніемъ развѣ только внутреннихъ поверхностей бедеръ, мелкими желѣзными пластинками въ видѣ чешуекъ (фиг. 99), какъ это видно отчасти на памятни-

¹ См. рисунокъ 151. а. Виѣшн. бытъ народовъ и пр. I. стр. 199.—² Ср. Виѣш. бытъ народовъ и пр. II. стр. 13.

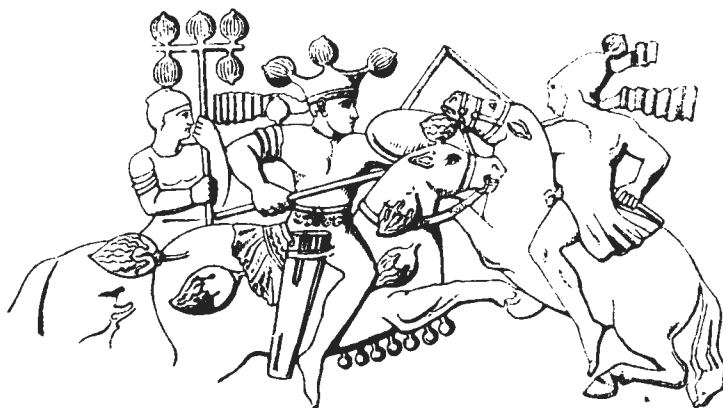
какъ эпохи сасанидовъ (фиг. 100; фиг. 101. а). Кромѣ такого рода брони, ново-персы носили, отчасти настоящія кольчуги (стр. 148), отчасти, совершенно по древнему обычаю, куртки изъ плотной ткани съ рукавами, и нашитыи на нихъ для защиты металлическими бляхами (фиг. 101. в.; ср. фиг. 94). Между тѣмъ, въ числѣ изваяній на скалахъ близъ Казеруна встрѣчается изображеніе стройнаго отряда сасанидскихъ конниковъ на которыхъ, кромѣ полукруглой, яйцеобразной шапки не видно никакого особеннаго вооруженія, и всѣ фигуры вообще одѣты въ общеупотребительную широкую одежду (фиг. 102) ¹.

3. Для защиты головы, кромѣ упомянутыхъ уже простыхъ шапокъ, были въ употребленіи безъ сомнѣнія попрежнему, отчасти, колпаки ² изъ ткани или кожи, отчастиже такъ называемыя „кирбасія“ (kirbasia), т. е. не очень жесткія шапки, походившія на фригійскую ³, и наконецъ желѣзные и мѣдные шлемы. Металлическіе шлемы, какіе носило по-

Фиг. 100.

Фиг. 101.

видимому главнымъ образомъ только высшее сословіе или знать, по всей вѣроятности имѣли форму употребляемыхъ и теперь еще нѣкоторыми персидскими племенами остроконечныхъ шлемовъ, отличающихся по большей части богатою инкрустаціею изъ золотыхъ и серебряныхъ орнаментовъ, привѣсками изъ

¹ Здѣсь вѣроятно изображена почетная стража въ парадномъ костюмѣ, но не воины въ походной одеждѣ. — ² Вѣшна. бытъ нар. в пр. I стр. 200. — ³ Ammian Marcell, XXX, гл. 8.

цѣпочекъ, и коротко подрѣзаннымъ волоснымъ перомъ или султаномъ ¹ (фиг. 103; ср. фиг. 101). Цари изъ династїи сассанидовъ имѣли сверхъ того обык-

Фиг. 102.

новеніе шлемы свои украшать знаками своего достоинства, а иногда даже, подобно рыцарямъ позднѣйшихъ временъ на западѣ, различнаго рода произ-

Фиг. 103.

вольными прикрасами, золотыми шарами, звѣринными головами, крыльями и т. п. предметами (фиг. 94; фиг. 98; фиг. 100; фиг. 101).

¹ Многочисленное собраніе рисунковъ подобныхъ шлемовъ см. въ особ. у Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes et orientales de S. M. l'Empereur de toutes les Russies; lithograph. par Asselinou et autres. St. Petersburg et Carlsruhe 1841; Llewelyn Mey-

4. Въ священнѣхъ писаніяхъ персовъ, при исчисленіи предметовъ требуемыхъ для вооруженія воина ¹, упоминаются какъ необходимое оборонительное оружіе поясъ и поножи. Между тѣмъ, обѣ эти вещи, употребляемыя нынѣ всюду на востокѣ ², встрѣчаются только на памятникахъ позднѣйшаго времени, наравнѣ съ металлическими наручами и впервые въ живописныхъ произведеніяхъ пятнадцатаго или шестнадцатаго столѣтій ³ (фиг. 103).

5. Наконецъ, относительно обычнаго при сассанидахъ вооруженія копей и устройства его, намъ даетъ довольно вѣрное понятіе упомянутое уже прежде изображеніе Фируза изъ чеканнаго серебра (фиг. 94; ср. фиг. 92; фиг. 99; фиг. 101).

Б. Обыкновенное нападательное оружіе, по описанію Страбона, состояло изъ меча и сѣкиры, лука съ колчаномъ для стрѣлъ и пращи. Въ священнѣхъ писаніяхъ персовъ прибавляются къ этому еще ножъ (вѣроятно въ родѣ кинжала), палица и копье. Обѣ этихъ частяхъ вооруженія свидѣтельствуютъ также другіе памятники, такъ ж. пр. нѣкоторыя произведенія изобразительнаго искусства, судя по которымъ у ново-персовъ былъ въ употребленіи арканъ, или захлестнутая петлею веревка, въ родѣ извѣстнаго „лассо“ ⁴. — Въ сущности, это то самое оружіе, которое было извѣстно еще въ глубокой древности ⁵, такъ что дѣйствительно трудно съ достовѣрностью определить какимъ измѣненіямъ оно подвергалось.

1. Изъ всѣхъ поименованныхъ сейчасъ родовъ оружія, лукъ всегда считался самымъ главнымъ оружіемъ вообще у всѣхъ народовъ востока. Лукъ изготовлялся или изъ дерева, или скручивался изъ крѣпкихъ жилъ животныхъ; и отчасти украшался позолотою, росписью и кисточками на обоихъ концахъ (фиг. 94). Длина его доходила отъ полутора до трехъ футовъ. Для предохраненія лука на него надѣвался иногда кожаный чохолъ, налучникъ, украшенный болѣе или менѣе богатымъ шитьемъ, росписью или (у знатныхъ), драгоценными камнями, и обыкновенно привѣшивался къ поясу. — Длина стрѣлъ соответствовала величинѣ лука, и украшенія на колчанѣ обдѣлкъ налучника (ср. фиг. 94; фиг. 100; фиг. 101; фиг. 103). Иногда оба влагалица изящно соединяемы были вмѣстѣ.

2. Послѣ лука самымъ употребительнымъ оружіемъ было ударное копье. На одномъ концѣ его насаженъ былъ длинный желѣзный или мѣдный, двулезвый наконечникъ ланцетообразной формы, на другомъ, металлическое остріе. Длина древка въ первое время доходила отъ шести до семи футовъ ⁶, но по

rick. Abbildung und Beschreibung der alten Waffen und Rüstungen и пр. изд. G. Finke. Berlin 1836. Потомъ также приводимое ниже сочленіе на русскомъ языкѣ: Древности и пр. Т. III. — ¹ Vendidad. Fargard XIV. 32 до 40 у F. Spiegel. Avesta, die heiligen Schriften der Persen. I. стр. 205. — ² Рисуяки сн. въ прив. выше соч. Rosksthil. — ³ Ср. сообщаемыя Ch. Texier въ его Description de l'Arménie и пр. таб. 80, изображенія изъ Испагани, побойщъ героя Рустана. — ⁴ Такъ ж. пр. приведенныя уже прежде позднесредневѣковыя изображенія у Texier таб. 80. — ⁵ Вѣдшн. бытъ народовъ и пр. I. стр. 200. — ⁶ Такова длина ихъ въ изображеніяхъ на памятникахъ Персеполя; ср. Вѣдшн. бытъ нар. и пр. I. стр. 203. фиг. 152. Такъ какъ съ возстановленіемъ Сассанидовъ возстановлены были и 10,000 безсмертныхъ, то весьма вѣроятно что имъ пожалованы были оныя новые знаки, какъ то случилось уже прежде. ср. P. Gosse. Bel. Persanum II. гл. 10.

воцареніи сассанидской династїи она достигала иногда длины вдвое большей (фиг. 100; фиг. 101). Нѣкоторыя копья, судя по изображеніямъ на новоперсидскихъ монетахъ ¹, снабжены были непосредственно подъ наконечникомъ, короткимъ и загнутымъ вверху металлическимъ крючкомъ, значеніе котораго объяснить трудно.

3. Персидскій мечъ ², имѣвшій первоначально видъ кривой полосы, по приказанію послѣдняго Дарія получилъ форму прямого клинка по образцу греко-македонскаго меча; такимъ его изображали на памятникахъ эпохи сассанидовъ ³ (фиг. 87; фиг. 88; фиг. 92; фиг. 93). Въ то же время по названнымъ памятникамъ видно, что оружіе это уже не носилось болѣе, какъ бывало, исключительно на правомъ боку, но постоянно на лѣвомъ. Лишь послѣ паденія персидскаго владычества, наряду съ прямыми мечами появились опять кривыя сабли, по всей вѣроятности, благодаря вліянію арабовъ (см. далѣе) ⁴. Тѣ же самое слѣдуетъ сказать и о ножахъ въ родѣ кинжаловъ. Обыкновенно привѣшивалось по нѣсколько такихъ ножей къ поясу на особыхъ короткихъ перевязяхъ, или они всовывались непосредственно за поясъ (фиг. 94).

4. Боевыя сѣкиры, топоры, булавы и палицы остались въ томъ же видѣ, въ какомъ были въ старину. Боевыя сѣкиры были по прежнему, или объ одномъ лезвѣ, или о двухъ на обѣ стороны, въ родѣ древнеассирійской двулезвейной сѣкиры или двузубаго молота ⁴. Палицы въ сущности были повидимому простыя дубины окованныя мѣдью или желѣзомъ (фиг. 90), или, какъ и теперь еще, длинныя дубины съ утолщеннымъ концемъ усаженнымъ металлическими остріями (см. далѣе).

5. Пращи, какъ и упомянутыя уже выше арканы съ петлями, скручивались изъ крѣпкихъ ремней.

В. Наконецъ, что касается строевыхъ порядковъ, то условныя для этого сигналы отдавались всегда помощью трубъ и барабановъ, отчасти и посредствомъ полевыхъ значковъ въ родѣ знаменъ, или особенныхъ штандартовъ. Барабанъ, въ первобытной его формѣ, въ видѣ выдолбленнаго чурбана обтянутаго шкурою и съ мѣднымъ къ нему биломъ, изстари слылъ орудіемъ пароня, металлическая труба, напротивъ, главнымъ инструментомъ персидскаго племени. — Полевые значки во время владычества пароня состояли изъ маленькихъ флаговъ украшенныхъ золотымъ шитьемъ ⁵; у новыхъ персовъ значками служили отчасти подобныяже флаги, отчасти также древнее государственное знамя съ изображеніемъ золотаго орла ⁶, потомъ и „священное знамя кузнецъ“, такъ называемое Дифефшъ-и-Кавани ⁷. Это богатоукрашенное жемчугомъ и драгоценными камнями знамя, судя по преданію (вѣроятно позднѣйшаго происхожденія), было нѣкогда кожаный передникъ какогого

¹ Нѣсколько, правда, недостаточныхъ, но тѣмъ не менѣе довольно точныхъ изображеній этихъ монетъ см. у Mongez. Second mémoire в пр. таб. 7. № 6 и 7. — ² Что у Пароня также были въ употребленіи особой формы меча, объ этомъ свидѣтельствуетъ мн. пр. Joseph Antiq. XVIII. 3. Ср. Ammian XXIII. 6. — ³ См. также привед. уже прежде рис. у Ch. Texier, таб. 80. — ⁴ Ch. Texier, таб. 146. — ⁵ Florus. III. 1. — ⁶ Vendidad. Fragard. II. 139. — ⁷ E. Gibbon, гл. LI. ср. W. Vaux. Nineveh, und Perserpolis, стр. 68.

кузнеца Кава, одержавшаго побѣду надъ тиранномъ Зохакомъ, угнетателемъ персовъ, и въ воспоминаніе этого событія удостоено было значенія палладиума Персін.

III. Древній культъ Огню, хотя и гонимый по временамъ въ продолженіи владычества Селевкидовъ и Арзакидовъ, никогда не былъ однако вполне ими угнетаемъ. Маги, представители этого культа, утративъ прежнее вліяніе свое съ паденіемъ древней имперіи, тѣмъ не менѣе собирались безпрепятственно у многочисленныхъ капищъ гдѣ совершали жертвоприношенія Огню, и передавали потомству завѣщанное имъ учрежденіе ¹. Такимъ образомъ, для возстановленія древней корпораціи маговъ достаточно было возвратитъ жрецамъ этого культа ихъ прежнее значеніе и могущество. Понятно что по возвращеніи имъ прежней ихъ силы, долженъ былъ обновиться вскорѣ и весь внутренній и внѣшній порядокъ этого культа, равно также и прежній костюмъ представителей его. Костюмъ маговъ составляли (по древнему обычаю), длинныя бѣлыя одѣянія, безъ всякихъ золотыхъ украшеній, на головѣ „тіара“ и въ правой рукѣ трость ². Точно такъ при процессіяхъ въ честь священному Огню и пр. прислуживавшіе имъ носили какъ въ прежнія времена пурпуровыя одѣянія. При исполненіи священныхъ обрядовъ передъ вѣчно горящимъ жертвенникомъ, жрецы надѣвали колпакъ съ лопастями закрывавшими ротъ дабы дыханіе ихъ не касалось огня ³. Относительно остальнаго, служебное одѣяніе маговъ повидимому довольно близко подходило къ наряду сирійскихъ жрецовъ какимъ его описываетъ Лукіанъ ⁴.

IV. Что касается наконецъ женской одежды, для точнаго описанія которой осталось слишкомъ мало изображеній на памятникахъ, то почти съ достовѣрностью можно заключить, что въ главныхъ частяхъ она нисколько не измѣнялась съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Какъ въ эпоху ахеменидовъ, такъ и въ послѣдующее время, костюмъ этотъ вообще состоялъ изъ длинной верхней одежды вѣроятно съ длиннымиже рукавами и опоясываемой вокругъ стана, изъ накидки въ родѣ плаща, башмаковъ и головнаго убора, вмѣсто котораго бѣдный классъ носилъ простой платокъ. Всякое другое различіе по всей вѣроятности обуславливалось единственно положеніемъ и состояніемъ, т. е. большею или меньшею роскошью въ матеріяхъ и украшеніяхъ и увеличеніемъ числа отдѣльныхъ частей, въ особенности верхнихъ одѣждъ. Такимъ образомъ, общій видъ одежды знатныхъ отличался безъ сомнѣнія крайней пестротой и богатствомъ, не говоря даже о множествѣ предметовъ украшенія коими они обременяли свой костюмъ.

Вообще, относящіяся сюда изображенія съ памятниковъ даютъ лишь слабую идею о внѣшней формѣ. Судя по этимъ памятникамъ, и въ особенности по высѣченному въ скалѣ изображенію въ „Накшъ-и-Рустамъ“, въ коемъ,

¹ Strabo. XV. 3.—² Curtius. III. 3. 8.—³ Strabo. XV. 3. — ⁴ Lucian. De dea syr. 42.

какъ полагають олицетворены, царь Хозрой и его супруга Ирина (фиг. 104), главную часть костюма знатныхъ сословій составляла длинная одежда съ довольно узкими рукавами закрывавшими руки, одежда эта (съ разрѣзомъ или нѣтъ, трудно рѣшить), облегала тѣло безъ складокъ и спереди связывалась бантами (фиг. 104. а). Кромѣ того, въ одномъ рельефѣ на

Фиг. 104.

скамѣ близъ Шираса, и въ особенности въ большихъ скульптурныхъ изображеніяхъ „Такхтъ-и-Бостанъ“ около Кирманшаха ¹, представлено по нѣскольку фигуръ царскихъ женъ въ одѣяніяхъ состоящихъ повидимому изъ весьма тонкихъ матерій, и отчасти въ покрывалахъ изъ такойже ткани и съ различными предметами украшенія. Судя по приведеннымъ памятникамъ обычай носить покрывало, господствующій нынѣ на востокѣ, въ ту пору еще не былъ извѣстенъ въ Персіи.

Утварь.

Въ характерѣ утвари у новыхъ персовъ видимо выказывается господствовавшее еще въ древней имперіи стремленіе къ роскошной и богатой обдѣлкѣ. По примѣру Ахеменидовъ позднѣйшіе цари, изъ рода Арзакидовъ и Сассанидовъ, преимущественно подобной роскошью старались придавать большій вѣсъ своему царскому достоинству. Согласно съ этимъ Страбонъ, упоминая о роскоши персовъ (XV. 3), говоритъ, что „они большую часть золота и серебра употребляютъ на выдѣлку сосудовъ, и только малую часть на чеканку монетъ, и что въ особенности столовая посуда у нихъ отличается богатствомъ“, такуюже роскошь слѣдуетъ безспорно допустить также относительно прочихъ предметовъ утвари. Впрочемъ, сказанное сейчасъ подтверждается не только показаніями другихъ писателей, но сверхъ

¹ E. Flandin et Coste. Voyage en Perse. таб. 28. и сл.

того еще и сокровищами, которыя достались арабамъ при завоеваніи ими персидскаго государства ¹. Не вдаваясь въ подробное описаніе этихъ богатствъ, укажемъ лишь для примѣра, что въ одномъ изъ покоевъ Хозроева дворца въ столицѣ Мадаинъ арабы нашли шелковый коверъ несмѣтной цѣны, величины въ шестьдесятъ квадратныхъ локтей, и на которомъ, отчасти золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями вышитъ былъ садъ съ роскошными деревьями, цвѣтами и плодами, украшенный кругомъ такоюже дорогою коймою. Когда это драгоценное произведеніе поднесено было побѣдителю Омару, онъ раздѣлялъ его между приближенными своими, и несмотря на то что число ихъ по всей вѣроятности было довольно значительно, за одинъ изъ кусковъ этого ковра, доставшійся въ подарокъ Али, выручено было, какъ говорятъ, не менѣе двадцати тысячъ серебрянныхъ монетъ ².

Между тѣмъ, отъ всѣхъ подобнаго рода драгоценностей, и вообще предметовъ новоперсидской промышленности, уцѣлѣло лишь весьма не многое. Сюда мж. пр. относится приведенное уже выше серебряное блюдо съ изображеніемъ царя Фирюза, весьма простой формы ³. Впрочемъ, вся прочая изображенная на памятникахъ утварь ограничивается не многими предметами и притомъ весьма неопредѣленныхъ формъ. Сюда относятся съ одной стороны встрѣчаемая на многихъ бронзовыхъ монетахъ арзакидовъ ⁴, изображенія довольно простыхъ креселъ съ высокими спинками или безъ нихъ; съ другой, изображеніе сассанидскаго трона на упомянутомъ уже прежде кристаллѣ ⁵. Первые, формою своею соотвѣтствуютъ вообще кресламъ изображеннымъ на рельефахъ эпохи эхеменидовъ ⁶, тогда какъ послѣднее въ сущности походитъ на нѣкоторыя изъ числа болѣе нарядныхъ, консульскихъ сѣдалищъ, изображаемыхъ на позднеперсидскихъ диптихахъ изъ слоновой кости ⁷. Нѣсколько предметовъ утвари встрѣчается кромѣ того еще только на большомъ рельефѣ близъ Казеруна и на скульптурахъ въ „Такхъ-и-Бостанъ“ ⁸. На первомъ изъ названныхъ памятниковъ т. е. казерунскомъ, изображены нѣсколько плетеныхъ корзинъ, плоскія блюда и большія бочки, изъ коихъ каждую несутъ (на шеѣ) по два человѣка ⁹; на другомъ рельефѣ представлены разнообразныя охотничьи принадлежности и музыкальные инструменты, арфы, дудки и пр. на которыхъ играютъ мужчины и женщины.

Конечно, всего этого слишкомъ недостаточно, чтобы дать кстати наглядное понятіе и о стилѣ названныхъ вещей, такъ что въ этомъ отношеніи всего вѣроятнѣе принять, что утварь вообще носила на себѣ отпечатокъ новоперсидскаго архитектурнаго стиля. Хотя сравнительно уцѣлѣло лишь мало остатковъ тогдашняго зодчества ⁸, тѣмъ не менѣе въ нихъ неоспоримо замѣтно постепенное сліяніе древнеперсидскаго стиля, въ томъ видѣ

¹ Ср. E. Gibbon гл. II. по разсказу Абульфеды; сравни потомъ и слѣдующую главу.—

² E. Gibbon. въ прив. мѣст.; J. D. Fiorillo. Geschichte der zeichnenden Künste. I. стр. 39; K. Ritter. Erdkunde и пр. X. стр. 173. — ³ См. выше стр. 148 прим. 2.—

⁴ J. Vaillant. Arsacid. imperat. numism. стр. 83. и сл. — ⁵ См. Внѣшн. бытъ народовъ и пр. I. стр. 227. фиг. 161. с.—⁶ Ср. рисунки у Mongez Second mémoire и пр. фиг. 21, и помѣщенное выше изобр. фиг. 77. b.—⁷ Ch. Texier. Description. таб. 147. таб. 9.—⁸ Ср. K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste. III. стр. 242 и сл.; Ф. Куглеръ. Ручов. къ исторіи искусства. (Перев. Е. Корша) I. стр. 273 и сл. F. Kugler. Gesch. der. Baukunst I. стр. 437.

въ какомъ его изображаютъ обширныя развалины Персеполя, съ элементами греческими, или вѣрнѣе позднеримскими, слияніе выказывающееся также въ упомянутомъ нами уже выше рѣзномъ изображеніи на кристаллѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Арабы.

Историческій обзоръ ¹.

Въ виду пустаго поклоненія идоламъ которому преданы были арабы, Мухамедъ, частью могучестью своего слова, частью мечомъ, въ три года успѣлъ почти все племена Аравіи воспламенить къ принятію „ислама“, или ученія проповѣдываемого имъ о „единомъ Богѣ и преданности Ему“, и въ качествѣ ниспосланнаго Богомъ пророка эти племена соединить въ единую силу подъ свое верховное водительство.

Но Мухамедъ умеръ не установивъ закона преемственности, и вскорѣ по его кончинѣ въ 632 г. возникли самыя гибельныя раздоры между родственными ему полководцами. Первымъ преемникомъ ему избранъ былъ Абубекръ, который однако умеръ уже спустя два года. Ему наследовалъ Омаръ, правившій народомъ твердою рукою въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, и лишь послѣ правленія Омарова преемника Отманна, продолжавшагося до 655 г. верховное водительство перешло къ Али, къ тому изъ Мухамедовыхъ „наслѣдниковъ“ или калифовъ, который съ самаго начала имѣлъ наибольшіе права на верховную власть.

¹ Ср. кромя приведенныхъ уже выше къ второй главѣ сочиненій: E. Gibbon, (гл. LLI. LII. LVII. LXIV), J. Malkoim. History и пр. въ особ. J. v. Hammer—Purgstall. Gesch. des osmanischen Reichs. 2 изд. Pesth 1834—36. 4 Тома. Ероме. Gemäldesaal der Lebensbeschreibungen grosser moslemitischer Herrscher. Darmstadt. 1837 и сл. 6 томовъ. J. W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa. Hamburg 1840—56 (Томъ I. до Мухаммеда II. 1840). F. Weill. Geschichte der Khalifen. Mannheim. 1846—1851. Относительно исторіи отдѣльныхъ династій: B. v. Jenisch. Die Taheriden und Soffariden. Wien. 1782. F. Wilken. Gesch. der Samaniden und Buiden. Göttingen 1818 (1835). F. v. Diez. Das Buch des Kabus. Berlin. 1811. (О Делемдахъ). J. v. Hammer. Geschichte der Assasinen. Stuttg. 1818. Silv. de Sacy. Mémoires etc. Notes et extraits II. стр. 325 (о Газнавидахъ). Mirchondi. Geschichte der Seldschuken, перев. на нѣм. языкъ F. Vullers. Giessen. 1838. По отношенію къ Исламу: J. Joaquin de Mora. Cuadro de la historia de los Arabes desde Mahoma hasta la conquista de Grenada. Lond. 1826. J. A. Conde. Historia de la dominacion de los Arabes in Espana. 1820. (Нѣм. перев. Ruschmann. Karlsruhe 1824). J. Aschbach. Geschichte der Ommijaden in Spanien. Frankf. 1829. Ероме. Geschichte Spaniens und Portugals unter der Herrschaft der Almoraviden und Almohaden. Frankf. 1838. О Франціи: W. Reinaud. Invasions des Sarrazins en France. Paris. 1836.—Изъ богатой литературы о Мухамедѣ ср. J. Gagnier. La vie de Muhamed. Paris 1723. K. E. Oelsner. Muhamed. Frankf. 1810. J. Taylor. History of Muhamedanism. London 1834. F. Weill. Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. Stuttg. 1843., къ нему E. G. Wahl. Der Koran oder das Gesetz der Moslemen durch Muhammed den Sohn Abdallah's и пр. Halle 1828. (Введеніе).

Еще первый изъ названныхъ калифовъ поставилъ себѣ въ священный долгъ, согласно предписанію пророка ¹, силою меча обращать „невѣрныхъ“ въ „истинную вѣру“. Съ этой цѣлью при самомъ воцареніи своемъ (около 632 г.), онъ отправилъ полководца своего Халеда противъ Персіи, и еще въ продолженіе войны въ этой странѣ отрядилъ его и полководца Обейдаха противъ Сирійцевъ. Съ неслышанной быстротою привыкшіе ко всякимъ лишеніямъ и сносливые сыны пустыни побѣдили утопавшихъ въ вѣгѣ противниковъ, и завоевывая Персію, въ то же время благодаря энергическому содѣйствію храбраго Амру, безъ малаго въ два года покорили себѣ почти всю Сирію (636). Выступившій противъ нихъ съ несметнымъ войскомъ Ираклій потерпѣлъ совершенное пораженіе, такъ что не отважился болѣе дать имъ отпоръ. Въ побѣдоносномъ шествіи своемъ они годъ спустя овладѣли Іерусалимомъ, а въ слѣдующемъ затѣмъ году и знаменитыми изстари по богатствамъ своимъ укрѣпленными городами Алеппомъ, Антиохіею и Кесареею.

Упоенный успѣхами, Амру, занимая Палестину, добился разрѣшенія вторгнуться въ Египетъ. Съ ничтожнымъ отрядомъ въ 4000 человекъ арабовъ онъ выступилъ изъ Газы, въ одинъ мѣсяцъ овладѣлъ ключемъ имперіи Фармою и Пелузіемъ, а черезъ годъ, получивъ значительное подкрѣпленіе—Александріею. Всѣ усилія византійцевъ возвратить себѣ этотъ городъ составлявшій главное складочное мѣсто торговли ихъ, рушились передъ стойкостью побѣдителя. Извѣстіе о паденіи Александріи поразило на смерть византійскаго царя; побѣдители между тѣмъ, послѣ этого обратили оружіе свое противъ сѣверозападныхъ народовъ Африки. Спустя нѣсколько лѣтъ по воцареніи Отмана, около 647, Абдаллахъ выступилъ противъ Триполиса, послѣ упорнаго сопротивленія побѣдилъ греческое войско предводительствуемое префектомъ Григоріемъ и занялъ укрѣпленный городъ Суфетулу. Еслибы въ это время возникнушіе внутри калифата раздоры о правахъ наслѣдія не остановили наступательнаго движенія арабовъ, то безъ сомнѣнія завоеваніе всей сѣверной части Африки совершилосьбы двадцатью годами ранѣе. Отманъ проникнувшій въ самую глубь Африки съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ, занявшій островъ Родосъ и обратившій Кипръ въ данника, палъ отъ руки убійцы. Наслѣдовавшій ему Али сталъ такимъ образомъ повелителемъ государства обнимавашаго (несчитая Аравіи) Персію, Сирію, всю египетскую страну и значительную часть сѣверной части Африки.

Хотя избраніе въ калифы Али, какъ зятя „пророка“, должно было считаться вполне законнымъ, тѣмъ не менѣе, оно не было одинаково признано всѣми намѣстниками. Сознвая опасность своего положенія, онъ главныя должности ввѣрилъ преданнымъ ему лицамъ, что однако еще болѣе усилило ропотъ противъ его власти. Двоихъ изъ самыхъ вліятельныхъ соперниковъ своихъ, Тельху и Зобеира, намѣстниковъ Ирака и Ассиріи, ему удалось

¹ Всѣ относящіяся сюда мѣста изъ Корана собраны у J. V. Hammer—Purgstall въ его сочиненіи: Die Posaune des heiligen Kriegs. Wien 1806; ср. F. G. Wahl. Der Koran и пр. С. LXV.

сокрушить подъ Бассорою, но затѣ въ Сиріи въ лицѣ Моавіи, и потомъ въ Египтѣ въ Амру, покорителѣ этой страны онъ встрѣтилъ двухъ смѣлыхъ противниковъ съ которыми не въ силахъ былъ справиться. Въ виду этого разлада, препятствовавшего правильному развитію государства, три араба рѣшились убить всѣхъ троихъ соперниковъ. Однако, имъ удалось убить одного лишь Али (655), послѣ чего Моавія, опираясь на происхождение свое отъ рода Оммейядовъ, овладѣлъ упраздненнымъ калифатомъ (661). Для упроченія своей власти онъ провозгласилъ наследникомъ своимъ старшаго сына своего Іезида. Возставшій противъ этого Госсейнъ, младшій сынъ и наследникъ Али, послѣ геройскаго сопротивленія былъ убитъ врагомъ. — Съ признаніемъ Іезида, изъ прежняго выборнаго государства образовалась наследственная монархія, и самъ Моавія I сталъ родоначальникомъ династіи Оммейядовъ, царствовавшей безъ перерыва съ 661-го до 750-го года. Въ то же время онъ возвелъ первоначальную столицу сирійскаго наместничества своего, Дамаскъ, въ главную резиденцію калифата которую дотолѣ была Медина.

Съ упроченіемъ власти Моавіи водворился мало по малу порядокъ въ государствѣ и стали вновь возникать прежніе завоевательные планы. Прежде всего, подъ предводительствомъ Софіана, отправлено было (около 668 г.) войско въ самое сердце восточноримскаго государства противъ Константинополя. Но здѣсь могуществу арабовъ, почитаемому дотолѣ несокрушимымъ, суждено было впервые испытать поражение. Угрожавъ этому городу всѣми сухопутными и морскими силами, арабы, послѣ упорной осады, длившейся цѣлыхъ семь лѣтъ, (въ 675 г.) принуждены были удалиться, уступая если не мечу, то огню грековъ уничтожавшему ихъ корабли, а по заключеніи мира (около 677) должны были уплатить дань грекамъ. Вскорѣ послѣ этого похода нанесшаго ущербъ ихъ военной славы, (около 680 г.) умеръ Моавія, и преемники его прежде всего приступили къ завоеванію сѣверозападной Африки. Въ 689 г. собранное для этой цѣли войско пустилось въ смѣлый походъ подъ предводительствомъ Акбара. Военныя дѣйствія постоянно сопровождалось успѣхомъ, невзирая на самое энергическое сопротивленіе непріятеля, и въ 692 г., при воцареніи Абдалмалека, войско арабовъ уже стояло подъ стѣнами Кароагена. Послѣ осады продолжавшейся шесть лѣтъ, этотъ сильно укрѣпленный городъ взять былъ полководцемъ Хассаномъ. Затѣмъ, въ короткій періодъ времени отъ 698 года по 709-й, оно побѣдною прошла всю берберійскую страну вплоть до атлантическаго океана.

Съ этой краѣней точки африканскаго материка, полководецъ Муза, съ чувствомъ всемірнаго завоевателя взиралъ на Испанію, но не рѣшался напасть на нее. Тутъ, въ лицѣ Юліана, знатнаго испанца и начальника крѣпости Сеута, явился передъ нимъ пзмѣнникъ своему отечеству. По предложенію его, предать мечу калифа утопавшее въ ибѣгъ правительство, арабскій полководецъ, въ видѣ опыта на первыхъ порахъ отрядилъ въ Испанію пятьсотъ человѣкъ войска. Удовольрившись въ правдивости Юліана, Муза весною слѣдующаго года переправилъ въ Гибралтаръ другой отрядъ въ пять тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ Тарика. Отрядъ этотъ

получилъ вскорѣ новое подкрѣпленіе увеличившее численность его до двѣнадцати тысячъ человѣкъ, и съ этой силою Тарикъ, готовый къ бою, немедля выступилъ противъ войска Родерига состоявшаго изъ девяноста до ста тысячъ человѣкъ. Недалеко отъ Кадикса произошло сраженіе; четверодневное, кровопролитное побоище рѣшило судьбу Испаніи, Родеригово войско было разсѣяно, - причѣмъ онъ самъ, спасаясь бѣгствомъ, погибъ въ Гуадалквивирѣ. Послѣ такого блестящаго исхода побѣдоносное войско арабовъ стремительнымъ натискомъ овладѣло укрѣпленными городами Кордовою, Толедомъ, и пр. и всюю вообще землею вплоть до Бискайскаго залива, такъ что самому Музѣ по прибытіи его въ завоеванную страну около 713 г., дѣйствительно оставалось только помышлять о завоеваніяхъ внѣ предѣловъ Испаніи, но онъ былъ отозванъ, послѣ чего вскорѣ умеръ въ Меккѣ.

Обладавъ Испаніею не болѣе восьми лѣтъ, арабы въ 721 съ многочисленнымъ войскомъ перешли черезъ пиренейскія горы, и несмотря на первое пораженіе нанесенное имъ близъ Тулузы Эйломъ Аквитанскимъ, удержали за собою Септиманскую провинцію. Отсюда, поддерживаемый счастьемъ, спустя приблизительно десять лѣтъ, Абдальрахманъ проникъ вверхъ до береговъ Луары. Здѣсь однако смѣлый Карлъ „Мартелль“, побочный сынъ Пипина старшаго, остановилъ арабовъ, и послѣ страшно убійственнаго побоища, длившагося безостановочно семь дней сряду, они были принуждены бросить все и въ добавокъ лишились на всегда пріобрѣтенныхъ ими прежде областей во Франціи.

Преемственная власть „пророка“ между тѣмъ въ короткій періодъ времени переходила поочередно къ тремъ калифамъ: къ сыну Изида, Моавіи, царствовавшему всего только 45 дней, затѣмъ къ Мервану I, а спустя годъ досталась сыну его Абдальмалеку, сумѣвшему отстоять ее противъ покушеній Солимана и другихъ до 705 года. Отказъ Абдальмалека уплатить дань греческому императору согласно договору заключенному съ Моавіею I, вызвалъ новыя войны съ Византіею. Калифъ умеръ не дождавшись конца ихъ, и вскорѣ умеръ и противникъ его Юстиніанъ II. Раздоры эти продолжались между тѣмъ съ крайнимъ ожесточеніемъ и при наслѣдникахъ обоихъ этихъ властителей, Валидѣ I и Артеміи. Несмотря на то что именно теперь арабы довершали завоеваніе Бухары (Бохары, Туркестана и пр.), и также Испаніи, и что сверхъ того еще третье сильное войско побѣдоносно сражалось въ Малой Азіи, Валидъ тѣмъ не менѣе дѣлалъ громадныя приготовленія къ походу противъ Византіи. Однако и онъ тоже умеръ до окончанія борьбы; и даже еще во время приготовленій къ ней, около 715 г., предоставивъ наслѣднику своему Солиману I довести до конца начатое дѣло. Еще въ томъ же году предназначенныя для этого войска, поддерживаемыя многочисленнымъ флотомъ, выступили въ походъ подъ главнымъ начальствомъ Мослемы; въ слѣдующемъ за тѣмъ году оно овладѣло Пергамомъ и Арморійскою страной, а въ 717 г. уже обложило Константинополь. Но и въ этотъ разъ опять громадная сила все-свѣтныхъ арабскихъ завоевателей не въ состояніи была устоять противъ дѣйствія „греческаго огня“. Къ тому же Солиманъ умеръ въ это время, а Левъ Исаврянинъ, въ наступившихъ зимнихъ холодахъ пріобрѣлъ себѣ сильнаго

союзника. Когда, несмотря на неудачу военныхъ дѣйствій слѣдующій за тѣмъ калифъ, Омаръ II возобновилъ нападеніе, войска его и флотъ потерпѣли такое пораженіе, что онъ принужденъ былъ въ 718 г. приказать общее отступленіе.

Со смерти калифа Омара, послѣдовавшей вскорѣ послѣ этого отступленія, внутреннія партіи постоянно усиливавшіяся дотолѣ, все болѣе стали угрожать государству. Омаръ не былъ человѣкомъ способнымъ сдерживать ихъ силою въ должныхъ границахъ, а наслѣдникъ его Іезидъ II еще менѣе, къ тому же оба, и еще Іезидовъ братъ Хашамъ (724), различными дѣйствіями своими возбудили противъ себя народъ. Въ продолженіи верховнаго владычества Хашама, умершаго въ 743 г., и наслѣдника его Валида II, возмущеніе въ Сиріи, и вскорѣ потомъ въ Персіи, уже достигло громадныхъ размѣровъ. Усиливаемое битвами узурпаторовъ Мервана I и Мервана II противъ наслѣдника Ибрагима, оно охватило все партіи, пока съ появленіемъ Аббасидовъ оно не было направлено къ положительной цѣли. Еще прежде Абуль Аббасъ „эль Саффэ“, или „проливающей кровью“, провозгласилъ себя калифомъ. Съ двадцатитысячнымъ войскомъ выступилъ онъ теперь противъ Мервана II, у котораго было сто двадцать тысячъ готоваго къ бою войска. Несмотря на превосходство силъ своихъ Мерванъ II былъ окончательно разбитъ, и будучи преслѣдуемъ до Египта, около Бузириса лишился послѣдняго остатка своего войска и самъ палъ отъ руки убійцы. Такая же участь постигла и родственниковъ его, которые по приказанію побѣдителя были убиты въ Дамаскѣ во время пира. Изъ нихъ только одинъ Абдъ-эль-Раманъ бѣжалъ въ Испанію, и пока на востокѣ Аббасиды упрочивали свое владычество, основалъ здѣсь въ 756 г. независимый калифатъ просуществовавшій 250 лѣтъ, и столицею котораго была Кордова. — Примѣру этому послѣдовали затѣмъ въ 786 г. Мавританія, а не долго спустя, въ 812 г. Египетъ. Въ первой изъ названныхъ странъ одинъ изъ потомковъ Али, Эдрузи провозгласилъ себя верховнымъ властителемъ, а въ Египтѣ захватилъ въ руки свои власть тамошній намѣстникъ Эбнъ Аглабъ изъ рода Фатимитовъ.

Съ утвержденія династіи Аббасидовъ вплоть до раздѣла государства, тронъ калифовъ, при постоянной борьбѣ партій, занимали еще три калифа послѣ Абдуль Аббаса. Первый изъ нихъ Аль Мансуръ, въ 762 г. основалъ новую резиденцію близъ Ктесифонта, прозванную имъ „городомъ мира“ (медина-эль-салемъ), или Багдадомъ, и достигнувшую въ очень короткое время до необыкновеннаго процвѣтанія. За нимъ слѣдовали, сынъ его Мухаммедъ I, а послѣ него, около 786 г. Абу Джафуръ Гарунъ „аль Рашидъ“, то есть „Правосудный“.

Въ лицѣ Гаруна-аль-Рашида государство приобрѣло одного изъ даровитѣйшихъ правителей, не только вполне преданнаго мирнымъ искусствамъ, но умѣвшаго также при случаѣ энергически дѣйствовать мечомъ. Свидѣтельствомъ тому служитъ война которую еще въ царствованіе отца своего Мухаммеда I „Магади“ онъ велъ противъ византійцевъ, причемъ императрицу Ирину (783) принудилъ уплатить дань. Достигнувъ власти Гарунъ слѣлался самымъ ревностнымъ защитникомъ и покровителемъ наукъ и искусствъ,

такъ что Багдадъ, или точнѣе, дворъ этого государя, вскорѣ сталъ средоточіемъ мухаммеданской образованности и восточной пышности.—По отказѣ Никифора I уплатить условленную дань Гарунъ немедленно объявилъ войну греческому царю, давая ему чувствовать всю силу своего меча. Послѣ этого, пріобрѣвъ себѣ славу и добычу, Гарунъ удалился въ свой любимый дворецъ въ Ракка, чтобы жить единственно для науки и искусства.

Однако, съ этой поры арабы стали уже склоняться къ упадку къ которому ихъ быстро влекла возрастающая роскошь и проистекавшее оттого нравственное разслабленіе. Къ тому же Гарунъ „аль Рашидъ“, раздѣливъ калифатъ между своими сыновьями Аббасъ-аль-Мамономъ и Аминомъ, посѣялъ между ними семена раздора относительно престолонаслѣдія, угрожавшія самыми пагубными послѣдствіями. Хотя изъ этой борьбы побѣдителемъ вышелъ Аббасъ, и въ 813 г. провозгласилъ себя полновластнымъ калифомъ, тѣмъ не менѣе государство было расшатано до самаго основанія. Къ этому надо прибавить, что Аль Мамунъ, предаваясь крайней роскоши, въ тѣ же время любилъ болѣе заниматься рѣшеніемъ ученыхъ задачъ, чѣмъ государственными дѣлами которыя, въ бѣльшей еще мѣрѣ чѣмъ предшественники его, онъ охотно предоставлялъ министрамъ. Все это, и въ добавокъ, терзавшее его тайное сомнѣніе въ правотѣ притязаній собственнаго его рода на калифатъ, усиливало еще болѣе общее броженіе и предоставляло широкій просторъ произволу его намѣстниковъ. Въ битвѣ противъ византійцевъ, коими теперь начальствовалъ Теофиль, онъ лишился всѣхъ выгодъ пріобрѣтенныхъ надъ ними мечомъ Гаруна-аль-Рашида. Уже ближайшій преемникъ его и братъ, Мухаммедъ III Абу Ишакъ, прозванный „Мотасемъ Билла“, едва въ состояніи былъ дать энергическій отпоръ наступавшимъ теперь грекамъ. Онъ нашелся вынужденнымъ для собственной безопасности учредить особую стражу, состоявшую исключительно изъ иноземцевъ, изъ захваченныхъ въ плѣнъ, или купленныхъ имъ рабовъ, преимущественно изъ Туркомановъ. Такъ какъ между этими тѣлохранителями и населеніемъ Багдада непрерывно происходили ссоры, то онъ для нихъ построилъ городъ „Серменрай“, а посреди его, лично для себя дворецъ, превосходившій роскошью и блескомъ всѣ прежнія его сооруженія (835).

Учредивъ для себя особую стражу изъ тѣлохранителей калифъ этимъ самымъ обнаружилъ всю свою слабость. Начальники стражи не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ и вліяніе ихъ вскорѣ стало неограниченнымъ. Мотасемъ довелъ число тѣлохранителей до 5000; преемникъ его Гарунъ II Ватикъ значительно увеличилъ это число, такъ что подъ конецъ оно возрасло до 50,000 человекъ, и такимъ образомъ стало настоящею боевою силою. Уже ближайшему калифу Абу Фади Мотаваккилу суждено было пасть жертвою меча ихъ, и съ этой поры, подобно древнеримскимъ преторіанцамъ, они стали владычествовать назначая и свергая калифовъ смотря по прихоти, личному пристрастію или произволу. Такимъ образомъ возводимы были ими на тронъ Абнъ Джафаръ Мостансиръ, слывшій убійцею Абула, и вскорѣ за нимъ Ахтедъ I, одинъ изъ внуковъ Мотассема, который не долго спустя (866) имже и былъ низложенъ.—Арабы между тѣмъ въ 846 г. изъ Африки подошли подъ самый Римъ, откуда однако черезъ три года и съ

потерю всего флота прогнаны были Львомъ IV. Въ замѣнъ имъ удалось мало по малу (до 878 г.) утвердиться въ Сициліи.

Съ усиливашемъ владычества тѣлохранителей калифы стали въ нѣкоторомъ отношеніи какъбы плѣнниками ихъ, и, удаляемые отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ должны были довольствоваться тѣсными предѣлами гарема, ограничиваясь одними лишь чувственными наслажденіями среди богатствъ востока коими по своему усмотрѣнію ихъ надѣляли тѣлохранители. Весьма естественно при такихъ порядкахъ что, съ одной стороны, сухопутное войско возстало противъ своихъ притѣснителей, съ другой, что въ числѣ намѣстниковъ нѣкоторые совсѣмъ отложились. Тому и другому если и не содѣйствовало, то тѣмъ не менѣе сильно благопріятствовало, наступленіе греческаго войска двигавшагося къ Месопотаміи подъ начальствомъ Михаила III.

При такой всеобщей сумятицѣ и послѣ многихъ битвъ, удалось утвердиться во власти и основать самостоятельныя династіи, намѣстнику Джорджана Гассану, изъ рода Тагеревъ, а въ Седжестанѣ смѣлому Соффариду по имени Якова-эбнъ-Лейтъ. Сверхъ того въ 884 г. отложился назначенный калифомъ Мотазомъ въ 868 намѣстникомъ въ Египтѣ Ахмедъ-эбнъ-Талунъ, родомъ турокъ, и покорилъ себѣ нѣсколько городовъ въ Сиріи. Вообще же въ послѣдующее за тѣмъ время, благодаря частымъ перемѣнамъ правителей стали отпадать еще другіе роды, изъ которыхъ образовались особыя династіи, такъ что подъ конецъ сами Абасиды по временамъ принуждены бывали искать у нихъ помощи ¹.

Эръ-Ради, двадцатый изъ Абасидовъ, обязанный переходомъ своимъ изъ темницы на тронъ мятежникамъ, видя что власть его ограничивается Багдадомъ и его окрестностями, что казна его совершенно разстроена и государство растерзано, въ сознаніи безсилія своего, передалъ остатокъ власти своей въ руки Абу Бекра возведеннаго въ „Эмиръ-аль-Омра“ или въ санъ „верховнаго министра“. Такимъ образомъ послѣдній остатокъ свѣтской власти калифовъ утвердился за этими должностными лицами, обстоятельство вызвавшее само по себѣ новую борьбу изъза обладанія этой должностью.

Греки, пользуясь такими благопріятными для нихъ обстоятельствами, около 960 г. снова стянули значительное войско, преимущественно для завоеванія провинцій отнятыхъ у нихъ арабами. Сперва войско это, подъ начальствомъ Фоки, бывшаго въ то время еще полководцемъ, направилось къ острову Криту, которымъ оно вскорѣ овладѣло. Потомъ, подъ тѣмъ же начальникомъ, но возведеннымъ уже въ императора, и съ Цими схіемъ, войско двинулось въ Сирію, при чемъ по пути успѣло возратить себѣ утраченные города Антиохію и столицы Киликіи и Кипра. Вообще же, послѣ упомянутаго паденія калифата дѣйствительная верховная власть въ Азіи почти въ продолженіи цѣлаго столѣтія попеременно находилась въ рукахъ то Сама-

¹ Такимъ образомъ напр. между 874 и 990 годами, Саманидами было истреблено значительное войско Соффаридовъ.

нидовъ, то Буидовъ¹. Первые владѣли обширными провинціями Мазандераномъ, Седжестаномъ, Хорасаномъ, Реи и Испаганомъ; послѣдніе въ качествѣ визирей управляли на югѣ въ Иранѣ, Кирманѣ, Куренганѣ и Ларистанѣ. Наконецъ и надъ ними, но преимущественно надъ Саманидами взялъ верхъ въ 1023 г. турокъ и Газнавидъ Махмудъ, достигшій преобладающаго вліянія въ восточной Персіи и Индіи.

Вслѣдствіе этого движенія, и одновременно съ завоеваніемъ Апуліи и Сициліи Норманнами, стало распространяться на югъ изъ сѣверныхъ степеней широкораскинувшееся племя Сельджуковскихъ туркоманновъ. Уже въ 1027 г. Махмуду пришлось вступить въ войну съ этими дикими ордами, при чемъ однако ему только удалось выгнать ихъ изъ государства, отнюдь не устранивъ опасности какою они ему угрожали. Вскорѣ по его кончинѣ, послѣдовавшей въ 1030 г. орды снова нахлынули массами. Мазудъ попытавшись вытѣснить ихъ, самъ подвергся нападению, и предводительствуемые Тогруломъ Бегомъ, „Альшъ Арсланомъ“ (т. е. храбрымъ львомъ) и его братомъ, они почти въ каждомъ сраженіи одержали блестящія побѣды. Наконецъ, въ битвѣ при Зендеканѣ въ 1038 г. Мазудъ былъ покинутъ своими и этимъ рѣшилось господство Турокъ надъ Иракомъ. Послѣ этой побѣды Тогрулъ Бегъ, выгнавъ Газнавидовъ изъ восточной Персіи, преслѣдовалъ ихъ до береговъ Инда, потомъ свергнулъ на западъ царствовавшую династію Буидовъ, и принявъ исламъ вмѣстѣ съ войскомъ своимъ, былъ возведенъ калифомъ въ намѣстника.

Достоинство это послѣ его смерти въ 1063 г. перешло къ его племяннику Маликъ Шаху, превосходившаго еще быть можетъ, своего дядю истинно высокими качествами. Гдѣ бы онъ ни являлся съ мечомъ, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ; съ безпримѣрною воинскою храбростію онъ соединялъ въ себѣ болѣе тихія добродѣтели правителя неустанно заботившагося о благоденствіи государства. Хотя при вступленіи своемъ въ должность ему было только восемнадцать лѣтъ и управленіе его продолжалось не болѣе двадцати, тѣмъ не менѣе ему удалось въ это время поднять Персію на такую высоту благосостоянія, какою она наслаждалась только при лучшихъ изъ прежнихъ калифовъ. При томъ онъ вообще расширилъ предѣлы государства, такъ что оно занимало протяженіе почти равное тому, какое оно имѣло при Кирѣ.

Съ его царствованія однако могущество Сельджукидовъ стало склоняться къ упадку. Изъ ближайшихъ преемниковъ его, трехъ его сыновей и брата, ни одинъ на него не походилъ. Оспаривая другъ у друга упразднившееся достоинство, въ такое время когда турецкія орды снова стали тревожить сѣверныя области, они раздорами своими сами подали поводъ къ образованію нѣсколькихъ сельджуковскихъ династій, такъ называемыхъ „Атабековъ“, которыя потомъ въ продолженіи слишкомъ ста лѣтъ вели постоянную войну между собою. — Въ этоже время, въ продолженіи похода крестоносцевъ противъ Востока, и съ послѣдовавшимъ затѣмъ завоеваніемъ Египта

¹ Еще въ 945 г. Бундъ Музъ, устранивъ калифа, сдѣлалъ наследственною въ родѣ своемъ должность Эмира-аль-Омра.

въ 1171 г., пресѣкъся окончателъно калифатъ Фатимитской династїи давно уже клонившійся тоже къ упадку.

Послѣ того какъ мусульманское государство въ лицѣ Саладина между 1171 и 1192 годами еще разъ приобрѣло себѣ стольже храбраго, какъ и счастливаго на войну правителя, уже около 1208 г. на него надвинулось всеокрушающее нашествіе Монголовъ. Изъ негостепримныхъ степей, простирающихся отъ китайской и сибирской границъ до каспійскаго моря, полчища Монголовъ, предводительствуемая дикимъ Дженгисъ-Ханомъ, подобно потоку лавы разлились по цвѣтушему Хуарезму (Ховаремскому царству), опустошили Хоразанъ, и въ нѣсколько лѣтъ, до 1224 г. покрыли собою почти всю Персію отъ Каспійскаго моря до персидскаго залива и отъ Теджина до Тигра.

Все что до смерти Дженгисъ-Хана въ 1227 году избѣгло грознаго его меча, подверглось потомъ жестокому гоненію при четверыхъ ближайшихъ преемникахъ его, Туши — Джагатай — Октай — и Тули-ханахъ. Быстрымъ набѣгомъ Октай овладѣлъ сѣверными частями Китая, и помощью племянника своего опустошилъ почти все области отъ Урала внизъ къ балтійскому морю и до Одера, и отъ ледовитаго моря до адриатическаго. Потомъ съ 1236 по 1242 г. предводитель монголовъ Шейбани — Ханъ проникнувъ въ самую глубь сѣверной Россїи, утвердился въ Тобольскѣ. Немного спустя Гулагу-ханъ докончилъ завоеваніе персидскаго государства, и овладѣвъ Багдадомъ, въ лицѣ Эль-Мостассема въ 1258, положилъ на всегда конецъ азіатскому калифату. Въ продолженіи 68 лѣтъ протекшихъ послѣ смерти Дженгисъ-Хана монголы наводнили не только почти всю Азію, но также и большую часть Европы. Позднѣе, около 1279 г. Курблай-Ханъ завладѣлъ великимъ Сонгскимъ царствомъ, южнымъ Китаемъ и даже Тибетомъ.

Хотя значительное число завоевателей съ готовностью приняло вѣру и усвоило себѣ болѣе мягкіе обычаи побѣжденных, и даже нѣкоторые съ особенною ревностью принялись за возстановленіе погубленной отчасти грубыми предками ихъ, богатой народной культуры, однако, попытки эти вообще не имѣли успѣха, за исключеніемъ немногихъ отрадныхъ явленій въ этомъ родѣ, замѣчаемыхъ мж. пр. въ Персіи¹. Впрочемъ, и этому государству предстояло скорѣе дожить до распаденія своего на множество мелкихъ царствъ взаимно враждовавшихъ между собою. Почти сто лѣтъ продолжалось владычество монголовъ въ Персіи, послѣже смерти Казанъ-Хана въ 1304 г., ему наступилъ конецъ. Потрясаемое въ основаніяхъ своихъ Татарами и Отманнами, государство персидское наконецъ досталось въ добычу послѣднимъ.

¹ J. v. Hammer-Purgstall. Geschichte der Ilchane oder der Mongolen in Persien. Darmstadt. 1842 до 1844. 2 Тома.

Врожденная арабамъ необычайная воздержность, обусловливаемая самой природою страны ихъ, и свойственная имъ патриархальная простота нравовъ ¹, сохранились въ этомъ народѣ вообще безъ перемѣны еще при первыхъ калифахъ ². Какъ Абубекръ, Омаръ и Отманъ, такъ и Али возставали противъ излишней роскоши, и съ безщадною строгостью преслѣдовали всякое проявленіе ея въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Покоритель Персіи пренебрегая богатствами захваченными имъ въ этой странѣ, раздавалъ ихъ другимъ лицамъ (стр. 159), и вообще названные выше калифы никакихъ сокровищъ не откладывали для себя лично. Омаръ, отправляясь на простомъ верблюдѣ въ дальній путь изъ Медины въ Іерусалимъ, чтобы въ этомъ городѣ подписать договоръ, везъ съ собою одинъ только мѣхъ съ водою, и по мѣшку муки и финиковъ ³. Точно такъ держался строго древней простоты нравовъ также Отманъ, онъ носилъ постоянно обычную народную одежду ⁴, и чинилъ судъ по старинному обычаю подъ открытымъ небомъ, тогда какъ во власти его находились уже сокровища Азіи, и войска его завоевывали Египетъ.

Такой примѣръ долженъ былъ естественно содѣйствовать сохраненію древнихъ обычаевъ въ массѣ народа. Однако, вліяніе это теряло свою силу по мѣрѣ удаленія арабовъ отъ родины, и стало быть отъ мѣста гдѣ пребывали калифы, такъ что войска, разсыянные по разнымъ провинціямъ Азіи, и поселившіеся уже тамъ арабы, по крайней мѣрѣ отчасти, давно уже стали склоняться къ извѣженному быту побѣжденныхъ ими народовъ. Прежде всего это случилось въ Сиріи, гдѣ еще Омаръ нашелся вынужденнымъ наказать за распущенность войска давно уже стоявша въ этой странѣ. Какъ гласитъ преданіе, онъ отнялъ у нихъ дорогую шелковую одежду, на которую они промѣнили свой простой народной костюмъ, и приказалъ влачить ее передъ ними въ пыли.

Тамъ гдѣ калифамъ представлялась возможность прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, такіа мѣры несомнѣнно должны были дѣйствовать на умы. Но какого успѣха можно было ожидать отъ нихъ въ будущемъ, при той быстротѣ съ какою калифы совершали свои завоеванія, и притомъ хотя бы въ одной только Азіи? Арабы вообще были народъ слишкомъ даровитый и воспріимчивый именно къ цивилизаціи, чтобы они могли дѣйствительно уклоняться отъ прелестей высшей культуры какія имъ предлагались народами востока. Вообще же, нельзя не признать, что Омаръ, но въ большей еще степени оба его преемника, при всей ихъ строгости къ себѣ самимъ, тоже

¹ Относительно образа жизни и пр. нынѣшнихъ арабовъ, преимущественно же бедуиновъ, ср. въ особ. Arvieux. Die Sitten der Beduinen-Araber; перев. съ франц. K. Rosenmüller, Leipzig 1789. C. Niebuhr. Beschreibung von Arabien; съ англійскаго Copenhagen 1772, съ гравюрами. Его же Reiseschr. nach Arabien и пр. 1774 по 1778. И съ грав. L. Burckhardt. Reisen in Arabien; съ англ. Weimar 1830. Его же. Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby. Weimar 1831. R. Wellsted. Reisen in Arabien. Нѣмецкая передѣлка E. Rödiger. Halle 1842. G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit. IV. Томъ. Leipzig 1845. стр. 114 и сл. Вышн. бытъ народовъ и пр. I. стр. 111 и сл.—² Ср. E. Gibbon. гл. LI.—³ Ср. Ocklei. History of the Saracens I. стр. 250, и Murtadi. Merveilles de l'Egypte стр. 200 и сл. — ⁴ У него же въ прав. мѣстѣ стр. 195.

отчасти затронуты были общимъ направленіемъ умовъ. Такъ по крайней мѣрѣ, въ высшихъ, духовныхъ стремленіяхъ своихъ они постоянно искали себѣ поддержки у Персовъ и Грековъ — ¹. Быстрое процвѣтаніе городовъ востока, въ особенности Бассорской и Куфійской колоній, какъ и стекавшіяся сюда богатства, способны были отучить отъ первобытной простоты своей поселившихся въ Азіи арабовъ, тѣмъ скорѣе что, именно вслѣдствіе осѣдлости своей они уже отвыкли отъ прежней кочевой и пастушеской жизни. Безъ сомнѣнія число такихъ хотя и не вполне отставшихъ отъ праѣдовскихъ преданій арабовъ, но уже склонявшихся къ быту туземцевъ, ограничивалось въ первое время лишь не многими арабами — горжанами.

Иначе сложились обстоятельства послѣ смерти Али при воцареніи Омйадовъ въ лицѣ Моавіи въ 661 г. Пока преемники Мухаммеда пребывали въ Мединѣ, само уже мѣсто это, и связанная съ нимъ непосредственно преданія о „пророкѣ, могли возбудить въ нихъ мысль, что продолжая держаться „его“ образа жизни они какъ бы по отношенію къ нему исполняли священный долгъ. Но съ перенесеніемъ Моавіею резиденціи въ Дамаскъ преданіе это не только стало утрачивать силу свою, но и калифатъ самъ очутился прямо среди чистовосточной роскоши. Къ тому же Моавія выросъ подъ вліяніемъ азіатской жизни, и въ немъ выработалось о правахъ и достоинствѣ народнаго правителя представленіе особое, чисто-азіатское, не такое какимъ были проникнуты преемники его. Онъ сознавалъ въ лицѣ своемъ деспота; и вмѣсто того чтобы стекавшіяся въ государственную казну сокровища по примѣру прежнихъ калифовъ употребить на распространеніе ислама и на завоеванія, онъ смотрѣлъ на нихъ съ высоты своей власти какъ на исключительную свою собственность, и пользовался ими для устройства блестящаго придворнаго штата. Его примѣру послѣдовали конечно отдѣльные намѣстники и пр. такъ что вскорѣ по всему государству распространилось одинакое стремленіе за исключеніемъ развѣ только Аравіи, въ которой природа сама неустанно отстаивала завѣтныя свои права.

Калифатъ, отторгнутый такимъ образомъ силою отъ первоначальной простоты своей и ставъ теперь на новыя начала, долженъ былъ естественно стремиться къ увеличенію внѣшняго великолѣпія своего, тѣмъ болѣе что къ нему все еще продолжали стекаться несмѣтныя богатства. Такому положенію благопріятствовало въ значительной мѣрѣ то обстоятельство, что съ возведеніемъ Дамаска на степенъ резиденціи всего государства, городъ этотъ сталъ главнымъ мѣстомъ торговыхъ оборотовъ и промышленности. Рядомъ съ завоеваніями распространились торговыя сношенія вскорѣ по всемъ частямъ свѣта, — отъ Индіи до атлантическаго океана, и отъ крайнихъ границъ Китая до самаго сердца Африки, между тѣмъ какъ съ другой стороны — промышленность въ тѣ же время находила для себя сильное поощреніе благодаря возрастающему постоянно требованію на предметы роскоши. Притомъ

¹ K. Sehnaase. Geschichte der bildenden Künste. III. стр. 336. W. Wachsmuth. Allgemeine Culturgeschichte I. стр. 592; потомъ E. Gibbon въ ирвѣд. выше мѣстахъ гл. LII.

же въ коранѣ Мухаммедомъ предписываются одинаково какъ занятіе торговлею, такъ и ремеслами ¹. Ко всему этому наконецъ слѣдуетъ прибавить, какъ элементы благопріятствующіе даже самой распущенной роскоши, легко возбуждаемую чувственность присущую темпераменту арабовъ, и воображеніе, настроенное къ самымъ несбыточнымъ и восторженнымъ представленіямъ описаніями „пророка“ опредѣляхъ обѣщанныхъ правовѣрнымъ въ рай ².— При слѣдующихъ Омейядахъ Дамаскъ сталъ уже общимъ средоточіемъ всей роскоши востока ³, и наконецъ даже образцомъ въ этомъ отношеніи для калифата въ Кордовѣ (стр. 164).

Еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ обнаружилось потомъ стремленіе къ роскоши при Абассидахъ и прежде всего въ Багдадѣ. Громадныя богатства собранныя здѣсь бережливостью, или скупостью Аль-Мансура, оставленныя имъ въ наслѣдство преемникамъ своимъ, были ими въ полномъ смыслѣ растрчены въ нѣсколько лѣтъ. Однако, изъ наслѣдниковъ его преимущественно двое, Гарунъ-аль-Рашидъ и Аль-Мамунъ, придали совершенно особенный отпечатокъ той расточительности, которая долѣе господствовала при дворѣ калифовъ, тѣмъ, что истинно высокою заботливостью своею о распространеніи наукъ и искусствъ они, такъ сказать, сумѣли осмыслить пустую азіятскую пышность, согласивъ ее со свойственнымъ народу ихъ направленіемъ къ фантастическому ⁴. Благодаря имъ Багдадъ сдѣлался не только средоточіемъ самой роскошнѣйшей жизни соединившей въ себѣ въ то же время всѣ прелести радушной общительности, но также и главнымъ поприщемъ вполнѣ свободной и пылливой ученой дѣятельности. Правда, и теперь еще калифы по временамъ распоряжались государственною казною совершенно по собственному произволу, такъ напр. Магари за одну поѣздку въ Мекку истратилъ шесть милліоновъ золотыхъ динаріевъ и громадныя суммы за сѣтъ который издалека ему доставлялся на верблюдахъ ⁵, при всемъ томъ однако пышность не составляла уже болѣе какъ въ прежнія времена единственную цѣль, но скорѣе лишь вышнее средство. Такимъ образомъ, когда Аль-Мамунъ при обрученіи своемъ осыпалъ невѣсту свою цѣлою тысячею драгоценнѣйшей формы жемчужинъ, то, въ поступкѣ этомъ, при всей расточительности, всетаки проглядываетъ милый и замысловатый шаякъ.

Однакожь, только при упомянутыхъ калифахъ придворная пышность удержала вышеописанный характеръ. То была эпоха съ которою можно сравнить

¹ Ср. G. Wahl. Der Koran и пр. Сура II. (стр. 42) и Сура XIV (стр. 212), и введенеіе, стр. XI.—² Ср. G. Wahl. Der Koran и пр. въ особ. Сура LXXVI (стр. 652 и и сл.).—³ По разсказу Абуль-Фараги (Hist. Dynast. стр. 140) послѣднему калифу въ Дамаскѣ, для отправки одной только кухонной посуды понадобились 1200 муловъ или верблюдовъ, а для провоза придворнаго штата въ сутки по 3000 пироговъ по 100 овецъ и по соответствующему числу быковъ, птицъ и пр. E. Gibbon гл. LII.—⁴ Сказки „Тысячи и одной ночи“, можно считать самой лучшей картиною жизни при дворѣ калифовъ въ продолженіи этого періода, хотя онѣ написаны вѣроятно не ранѣ половины тридцатаго столѣтія. Ср. превосходный переводъ этихъ сказокъ съ прилѣжаніями W. Lane (2-ое изд. 1809), и относительно обширной литературы объ нихъ Th. Grässe. Lehrbuch einer allgemeinen Litterärgeschichte alter Völker. Dresden u. Leipzig 1837 до 1842. II. стр. 459 и сл.—⁵ Ср. вообще подробности у Elmacin (Hist. Saracen стр. 126); Abulfeda (Annal. Moslem. стр. 145) и E. Gibbon. (гл. LII).

развѣ только калифатъ въ Испаніи при младшихъ Оммеядахъ, да еще Делійскій дворъ позднѣйшаго періода¹, но отнюдь не египетскій. Хотя какъ въ азійскомъ такъ и въ прочихъ калифатахъ все еще продолжали господствовать расточительность и роскошь, и по временамъ даже усиливались, но все это стало опять по прежнему пустою пышностью на показъ. Къ концу царствованія Аббасидовъ этотъ порядокъ вещей едвали разнился отъ пустой пышности царствовавшей при византійскомъ дворѣ, не говоря уже о роскоши прежнихъ временъ при дворѣ Сассанидовъ (стр. 137). Насколько такая выказная пышность успѣла уже распространиться еще при первыхъ калифахъ, объ этомъ достаточно свидѣтельствуеетъ описаніе одного арабскаго писателя, торжественнаго приѣма Моктаберомъ какогого греческаго посла². При этомъ приѣмѣ все войско въ числѣ стаместидесяти тысячъ выстроено было по обѣимъ сторонамъ дворца калифа. Тамъ же были разставлены государственные чины и любимые невольники въ великолѣпномъ нарядѣ съ перевязями покрытыми золотомъ и драгоценными камнями. За ними слѣдовали четыре тысячи бѣлыхъ евнуховъ и три тысячи черныхъ. Число сторожей или привратниковъ простиралось до семисотъ. Великолѣпно убранныя лодки оживляли Тигръ. Покои внутри дворца были украшены не менѣе чѣмъ тридцатью восемью тысячами большихъ стѣнныхъ ковровъ, въ томъ числѣ двѣнадцать тысячъ пятисотъ шелковыхъ съ богатымъ золотымъ шитьемъ, и двадцать двѣ тысячи половыхъ ковровъ. Тамъ же было до ста львовъ которыхъ на золотыхъ цѣпяхъ водили столькоже вожаковъ, и наконецъ, въ приемной залѣ, калифъ, во всемъ царскомъ великолѣпнѣи возсѣдавшій на извѣстномъ намъ тронѣ, о которомъ упомянуто было уже прежде (стр. 124), и послужившемъ образцомъ для трона Теофила. Въ послѣдствіи страсть къ роскоши у нѣкоторыхъ калифовъ подчасъ даже принимала характеръ почти ребяческаго дурачества, такъ имъ пр. Мостансеръ забавлялся пуская навоздухъ изъ самострѣла золотыя пули³.

Съ началомъ вырожденія, т. е. съ эпохою владычества Мотассема совпадаютъ упомянутое выше (стр. 165) учрежденіе туркменскихъ тѣлохранителей, и послѣдовавшее потомъ возстаніе начальниковъ ихъ. Племя это не вынесшее изъ степей своихъ никакихъ культурныхъ началъ, поэтому и не могло имѣть нислѣйшаго вліянія на арабовъ. Напротивъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они мало-по-малу усвоили себѣ обычаи арабовъ, и слѣдовательно, какъ въ общемъ, такъ и въ отдѣльности, также подражали роскоши ихъ. Въ этомъ отношеніи дворы эмировъ позднѣйшихъ временъ можно считать какъбы продолженіемъ прежнихъ.

¹ Онъ былъ основанъ въ 13-омъ вѣкѣ однимъ татарскимъ начальникомъ, ср. объ этомъ К. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste. III. стр. 346. и приводящую имъ литературу.—² Ср. J. v. Hammer-Purgstall. Geschichte der Assassinen (стр. 290); и о томъ E. Gibbon. (гл. LII) uo Abulfeda (Annal. Moslem. стр. 237); d'Herbelot (Biblioth. orient.) стр. 590.—³ W. Wachsmuth. Allgemeine Culturgeschichte 1. стр. 592.

Одежда.

Костюмъ арабовъ, и преимущественно бедуиновъ, судя по описанію нѣкоторыхъ писателей предшествующихъ Мухаммеду, до такой степени схожъ съ одеждою употребляемою нынѣ этимъ народомъ¹, что вообще можетъ служить самымъ вѣрнымъ указаніемъ формы національнаго костюма арабовъ въ глубокой древности. Бѣднѣйшіе изъ этихъ кочевниковъ вмѣсто всякой одежды закрываютъ тѣло нѣвыделанными шкурами, либо кожей съ убитыхъ ими звѣрей², отчастиже просто обвертываютъ ими поясицу³, и (въ рѣдкихъ только случаяхъ) прибавляютъ къ этому накидку въ родѣ плаща. Костюмъ этотъ довершаютъ грубыя сандалии, и несложное вооруженіе состоящее изъ пращи, лука и кося (ср. фиг. 105. а; фиг. 71).—Одежда бо-

Фиг. 89.

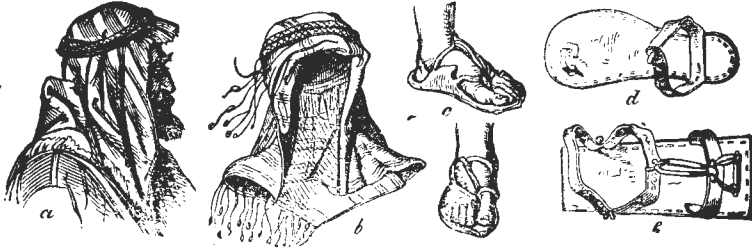

лѣ защитныхъ арабовъ носить на себѣ впрочемъ тотъже отпечатокъ первобытной простоты, и на изготовленіе ея употребляются исключительно матеріалы доставляемые стадами—овечья, козья и верблюжья шерсть, и развѣ только еще бумажныя ткани. Мужскую одежду составляютъ главнымъ образомъ, — рубаха, обыкновенно съ короткими рукавами, кожаный поясъ, грубый плащъ въ видѣ мѣшка (абасъ, абайе или кемли), четырехугольный головной платокъ съ кисточками и грубыя кожаныя сандалии (ср. фиг. 105. в. с. фиг. 106. а. в. с. d. e). Вооруженіе ихъ составляютъ копье изъ бамбуковаго тростника или крѣпкаго дерева съ довольно

¹ Ср. Виѣшній бытъ народовъ и пр. Т. 1. ч. 1. стр. 112 и сл. и для относящейся сюда литературы см. выше стр. 169 прил. 1.—² Такъж. пр. охотническое племя Аль-эль-Схемаль, бедуины пустыни Эль-Гаммадъ, и нѣкоторыя племена въ Йеменѣ.—³ Ср. Страво. XVI. 1. 3 4; Аммианъ Марсели. XIV. 4. XXXI. 16; XXII. 15. XXIII. 6. XXIV. 2.

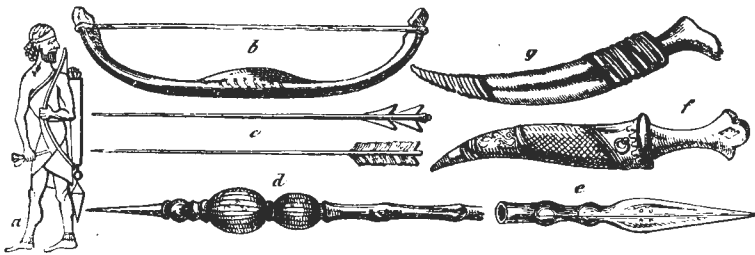
длиннымъ, металлическимъ остриемъ; ножъ, въ родѣ кинжала съ изогнутымъ клинкомъ; лукъ, (который нынѣ замѣнило почти сплошь плохое ружье);

Фиг. 106.

потомъ, но въ рѣдкихъ только случаяхъ, изогнутая сабля, и наконецъ круглый щитъ въ два фута въ диаметръ изъ твердой кожи (фиг. 107. а—g)¹. Одни только „шейхи“ и „эмиры“ изъ самыхъ знатныхъ родовъ составляютъ

Фиг. 107.

иногда исключеніе изъ общаго правила употребляя болѣе роскошныя одѣянія, шелковые кафтаны и пр., и преимущественно лучшаго качества оружіе осѣдлыхъ сосѣдовъ своихъ².

Тѣже самое можно сказать и объ женской одѣждѣ. Оставляя въ сторонѣ нарядъ встрѣчаемый на нѣкоторыхъ женахъ начальниковъ племенъ, женская одежда сплошь носить еще самый простой характеръ за исключеніемъ нѣкоторыхъ украшеній, не имѣющихъ по большей части никакой цѣнности (фиг. 108 d—i), вся одежда ара비아нокъ состоитъ обыкновенно изъ грубой рубахи, или довольно широкаго куска матеріи, прикрѣпляемаго на плечахъ подобно древнегреческому хитону³, потомъ изъ четырехугольной накидки въ родѣ плаща (фиг. 108. c) и сандалій. У Кабилонъ сѣверо-западной части Африки женская одежда по большей части ограничивается двумя продолго-

¹ Ср. относительно этого щита мн. пр. G. Klemm. *Werkzeuge und Waffen*. Leipzig. 1854. стр.—371 и сл.—² См. въ особ. Arvieux. *Die Sitten der Beduinen—Araber*, перев. K. Rosenmüller. стр. 195 и сл.—³ Ср. Высшій бытъ народовъ и пр. ч. I. стр. 117. и относительно Хитона у грековъ, тамже ч. II. стр. 116 и сл.

ватыми кусками матеріи которыя на плечахъ сдерживаются застѣжками, а у поясицы широкимъ поясомъ съ кисточками (фиг. 108. а).

Фиг. 108.

Таковъ, приблизительно, былъ общій костюмъ арабовъ во времена Мухаммеда, и самъ „пророкъ“, по крайней мѣрѣ въ обиходномъ быту держался такойже простоты, несмотря на то что по происхожденію своему онъ принадлежалъ къ знатному и зажиточному дому ¹. Какъ гласитъ преданіе, самъ Мухаммедъ въ костюмѣ своемъ отъ прочихъ соплеменниковъ своихъ отличался единственно тѣмъ, что спускалъ одинъ конецъ чалмы на лобъ, а другой на плечи ². Только когда онъ являлся на народныя собранія или празднества онъ имѣлъ обыкновеніе (подобно нынѣшнимъ шейхамъ), надѣвать для отличія какія либо особыя одѣянія или вооруженія, изъ тѣхъ кои получены были имъ въ даръ отъ иноземныхъ властителей. Къ числу такихъ вещей принадлежали: шерстяной, роскошно обшитый шелкомъ кафтанъ, подарокъ греческаго императора Ираклія; пара сапогъ расписанныхъ въ различные цвѣта, отъ Абиссинскаго императора; головная повязка, которой онъ умѣлъ придавать форму высокаго острокопечнаго головного убора, и поясъ или перевязь съ мѣднымъ наборомъ, серебряными пряжками, застѣжками и богатымъ украшеніемъ. Относительно цвѣта одежды, онъ предпочиталъ бѣлый, черный, зеленый и красный.

Такоюже простотою отличалось и вооруженіе его. И если вѣрить преданію ³, весь запасъ оружія съ которымъ онъ предпринялъ первый походъ

¹ См. мж. пр. G. Wahl. Der Koran и пр. Введеніе стр. LXXII и сл. — ² Ср. изображеніе Мухаммеда по одной рукописи съ миниатюрами начала лѣтнадцатаго столѣтія, и приложенное въ первой тетради сочиненія Prisse D'Avannes: Miroir de l'Orient ou tableau historique и пр. de l'Orient Musulman et chrétien и пр. Paris 1852. — ³ J. Gagnier. La vie de Mahomed III. стр. 322, 328, 334, 335.

свой состоялъ только изъ десяти копьевъ и пикъ, трехъ луковъ съ однимъ колчаномъ, девяти сабель, трехъ щитовъ, двухъ знаменъ, двухъ шлемовъ и семи броней. Лошадей у него было числомъ около двадцати.

Мы уже замѣтили выше (стр. 169), что эта первобытная простота впервые у сирійскихъ арабовъ замѣнилась азіатскою роскошью въ одѣяніяхъ. Вообще арабскій народъ давно уже обнаруживалъ наклонность къ пышнымъ нарядамъ, какъ видно изъ того, что постоянно обращалось особенное вниманіе на то, чтобы данники уплачивали дань дорогими матеріями, оружіемъ и пр. Такъ мж. пр. одна Халкида принуждена была уплатить сверхъ значительной суммы денегъ еще двѣсти шелковыхъ одѣяній. Точно такъ еще Халедъ, несмотря на его суровую воздержность, не забылъ отмѣтить какъ славную добычу, три тысячи кипъ шелковыхъ матерій захваченныхъ имъ въ лагерѣ непріятели со многими другими сокровищами при взятіи Дамаска ¹.

Въ самомъ отечествѣ калифа древняя простота нравовъ, по причинамъ указаннымъ выше (стр. 170) вѣроятно еще долго сохранилась въ первобытной своей чистотѣ. Напротивъ, между покорителями Азіи роскошь безъ сомнѣнія возрастала въ той мѣрѣ въ какой они подвигались впередъ и умножалось число ихъ поселеній, хотя впрочемъ и здѣсь она уже успѣла сильно распространиться еще задолго до перенесенія калифата въ богатый Дамаскъ (стр. 162) Послѣже этого роскошь еще болѣе усиливалась, такъ что поселенцы, не довольствуясь уже готовыми произведеніями азіатской промышленности, сами стали усваивать себѣ ремесла побѣжденныхъ ими народовъ и ревностно принялись ихъ усовершенствовать. Отъ нихъ направленіе это потомъ перешло и къ другимъ арабскимъ племенамъ, такъ что, благодаря ожившимся торговымъ сношеніямъ съ остальнымъ міромъ и наплыву капиталовъ, мало-по-малу стали возникать многолюдныя мастерскія доставлявшія каждая въ своемъ родѣ превосходныя произведенія, почти во всѣхъ значительныхъ городахъ неизмѣримой имперіи, въ Азіи, Африкѣ, Испаніи и позднѣе также въ Сициліи ².

Послѣ всего что сказано было о торговыхъ сношеніяхъ Востока вообще, нѣтъ почти надобности упоминать, что оттуда получались постоянно попрежнему одни и тѣже продукты, кромѣ развѣ только нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, прибавившихся вслѣдствіе позднѣйшаго расширенія восточнаго государства или пріобрѣтшихъ большее значеніе ³. Къ первому разряду предметовъ принадлежали главнымъ образомъ, покрайней мѣрѣ съ осьмаго столѣтія, т. е. съ той поры когда съ арабами стали имѣть сношенія Китай и

¹ E. Gibbon. гл. LI. гдѣ вообще собрано много примѣровъ въ этомъ же родѣ.—² Ср. для нижеслѣдующаго кромѣ относящихся сюда мѣсть въ приведенныхъ уже выше (стр. 169 прим. 1), въ особенности G. Langstedt. *Gesch. des asiat. Handels.* Nürnberg 1803 E. Depping. *Histoire du commerce entre le Levant et L'Europe.* Brux. 1830 (2). F. Stüve. *Handelszüge des Araber unter den Abbassiden, сь картою.* Berl. 1836. Къ этому F. H. Ungewitter. *Gesch. des Handels, der Industrie und Schiffahrt von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart,* 2 изд. Leipzig и Meissen 1851. стр. 106 и сл.; относительно же нынѣшняго доложенія промышленности G. Klemm. *Allg. Culturgesch.* VII. стр. 100 и сл.—³ Ср. выше стр. 7; стр. 46.

даже сѣверная часть Руси, съ одной стороны рѣдкія китайскія матеріи, особенно тонкія шелковыя ткани, съ другой, дорогой пушной товаръ, черныя лисья шѣха, горностаи, соболь, бобръ и пр. Моремъ получались съ Цейлона жемчугъ и драгоценные камни ¹ (алмазы и гіацинты), и даже съ Маледивскихъ острововъ болѣе грубыя ткани, изготовленныя изъ волоконъ кокосовой скорлупы, и чрезвычайно тонкія тканья матеріи изъ лущины другихъ породъ деревъ. — Изъ Африки караванами доходившими до далекаго Томбукту привозились львиныя и леопардовыя шкуры, павлиныя перья, черепашіе черепа, слоновая кость и золото. — Испанія, промышленность которой достигла въ послѣдствіи высокаго развитія, доставляла преимущественно золото, серебро и драгоценные камни. При всемъ томъ арабы подѣ всѣми полосами продолжали выдѣлывать употребляемые ими изстари сырыя произведенія своей родины, — т. е. матеріалъ который имъ доставляли ихъ стада.

На ряду съ значительнѣйшими рабочими центрами, резиденціями и намѣстничествами какъ Дамаскъ, Багдадъ, Каиръ, Кордова, въ скоромъ времени и благодаря благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, стало возникать не малое число мелкихъ городовъ, пріобрѣтавшихъ самостоятельное значеніе тѣмъ, что каждый изъ нихъ посвящалъ себя исключительно какой либо одной отрасли промышленности которую развивалъ до возможнаго совершенства.

Такъ напр. начиная съ Африки, послѣ главнаго города „Фостата“, древняго Каира, въ коемъ естественно сосредоточивалась всякая роскошь, наибольшую славою пользовался городъ Суза производствомъ самыхъ тонкихъ тканей. По необыкновенной тонкости своей онѣ не уступали извѣстнымъ древнимъ флеровымъ тканямъ острова Коса ², ни подобнымъ же индійскимъ матеріямъ, о которыхъ арабы въ девятомъ столѣтіи положительно утверждали, что полное одѣяніе изъ названной ткани можно протянуть сквозь перстень ³. — Послѣ Сузы города Магадія и Софакасъ славились превосходными валеными матеріями, а Египетъ вообще отличными полотнами ⁴, а Тэнисъ и Даміэтта кромѣ того ткацкими издѣліями вообще. По преданію одинъ только городъ Тэнисъ ежегодно выручалъ за нихъ отъ двадцати до тридцати тысячъ динаріевъ. Ежегодное приношеніе, доставляемое этимъ городомъ калифату въ Каирѣ состояло изъ ста богатоосѣдланныхъ лошадей, пяти взнузданныхъ верблюдицъ, трехъ палатокъ изъ дабиковой матеріи съ диванами, многихъ знаменъ, и серебра равнаго количеству матерій. Потомъ еще славились въ особенности упомянутый сейчасъ Дабикъ превосходными разноцвѣтными тканями съ роскошными узорами изъ цвѣтовъ, и Калесъ, на югѣ Туниса, разведеніемъ шелковичныхъ червей привезенныхъ сюда арабами, и шелковыми тканями.

¹ Относительно извѣстныхъ арабамъ отчасти еще въ 13-мъ стол. драгоценныхъ камней, ср. J. von Hammer-Purgstall. «Das Buch der Edelsteine von Mohammed Ben Mansur» въ «Fundgruben des Orients» VI. стр. 126 и сл. — ² Ср. Внѣшн. бытъ народовъ и пр. ч. I. стр. 282; 288 и ч. II. стр. 258; 272. — ³ W. Volz. Beiträge zur Culturgeschichte стр. 364. — ⁴ Такъ какъ Египетъ изстари славился производствомъ полотна, то надо полагать что именно по этой части дѣятельность арабовъ была сравнительно незначительна.

Въ Иракѣ, средней Персіи, въ которомъ со временъ владычества Аббасидовъ Багдадъ, а при Гарунъ-аль-Рашидъ любимое мѣстопребываніе этого калифа Ракка, сосредоточивали въ себѣ всю роскошь, города Малатія, Низибисъ и Самосатъ славились особеннымъ достоинствомъ произведеній своихъ многочисленныхъ ткацкихъ мастерскихъ. Наряду съ ними главными мѣстами производства льняныхъ тканей, самыхъ тонкихъ кисейныхъ матерій (мусселина) и пр. и также бумажныхъ и сафьяна считались города Моссуль и Амидъ (Діарбекиръ). Точно такіяже произведенія и такоготоже высокаго достоинства доставляли въ древней части Мидіи, въ Иракѣ Адшеми, города Реи и въ особенности Испаганъ; въ послѣднемъ, благодаря положенію его какъ средоточіе азійской торговли, процвѣтали кромѣ того всѣ прочія отрасли промышленности. Реи въ добавокъ отличался производствомъ одѣяній и матерій изъ верблюжьей и козьей шерсти, Испаганъ сверхъ того еще самыми тонкими полотняными и шелковыми издѣліями и хорошо устроеннымъ овцеводствомъ. Дебиль доставлялъ пурпуровыя одѣяла, какія умѣли изготовлять единственно въ этомъ городѣ. И даже „свободная Татарія“, Ховарезмъ, (это главное мѣсто торговли мѣхами съ сѣверомъ), и Хорасанъ, приобрѣли извѣстность производствомъ отчасти богатыхъ парчевыхъ тканей, отчасти и шелковыхъ въ числѣ коихъ мж. пр. Мервійскіе шелки постоянно считались самыми превосходными. — Въ Сиріи городъ Дамаскъ, упрочивъ за собою въ древности громкую извѣстность производствомъ превосходнаго качества стальныхъ издѣлій (оружія и пр.), славился сверхъ того отличными шелковыми матеріями (въ томъ числѣ бархатами и плотными шелковыми тканями съ разводами, камкою), хотя процвѣтаніе Багдада ему вообще нанесло ущербъ.

Аравія главнымъ образомъ оставалась посредницею въ торговыхъ сношеніяхъ Индіи съ южной Африкою, и главнымъ рынкомъ для размѣна товаровъ обѣихъ названныхъ странъ, при чемъ самую важную роль игралъ городъ Мекка. Промышленная дѣятельность въ этой странѣ не развивалась въ той мѣрѣ какъ напр. въ Азіи, однакожъ и здѣсь, и преимущественно среди осѣдлага населенія Іемена, туземныя ремесла мало-по-малу достигли такого высокаго развитія, что въ числѣ ихъ напр. приобрѣли всеобщую извѣстность производство вышитыхъ одѣяній, и въ особенности кожаныхъ издѣлій.

Затѣ главнымъ мѣстомъ арабской промышленности стала Испанія. Вскорѣ послѣ совершеннаго отдѣленія государства отъ верховнаго владычества калифа, при Абдъ-эль-Раманъ бэнъ Моавія (стр. 164), приблизительно съ 780 г., арабы со многими другими произведеніями своей родины въ Испанію перенесли и приурочили шелковичныхъ червей, овецъ и быть можетъ также хлопчатникъ ¹. Въ скоромъ времени въ этой странѣ возникли всѣ упомянутыя нами выше промыслы, и нашедъ тамъ для себя благопріятную почву,

¹ W. Voltz. Beiträge zur Kulturgeschichte стр. 163; 172; ср. въ этомъ относительно шелка кромѣ приведенныхъ выше (стр. 47 прим. 2) сочиненій; D. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters. Bonn. 1826. I. стр. 63; а о хлопчатой бумагѣ тоже W. Voltz. стр. 70 и F. Vogel. Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen и пр. Leipzig 1843. III. стр. 260 и сл.

въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ развились почти въ бѣльшихъ еще размѣрахъ чѣмъ на востокѣ. Еще около половины девятого столѣтія испанскія ткани, или „*vela spanica*“, какъ ихъ называетъ Аѳанасій, пользовались большою извѣстностью. Изъ многочисленныхъ мѣстностей занимавшихся производствомъ шелковыхъ матерій, приобрѣли громадную славу преимущественно Кордова, Севилья, Лисбона и Альмерія. Въ одной Альмеріи еще въ десятомъ столѣтіи насчитывалось неменѣе восьмисотъ мастерскихъ занимавшихся изготовленіемъ исключительно только шелковыхъ кафтановъ и поясковъ. Приблизительно съ двѣнадцатаго столѣтія, кромѣ многочисленныхъ другихъ промысловъ отличавшихся каждый въ своемъ родѣ, въ этомъ городѣ не менѣе тысячи рабочихъ занимались только производствомъ богато-вышитыхъ парчей и „Холодскихъ“ одѣяній¹. — Наряду съ названными городами, Гранада по преимуществу славилась высокими штофными матеріями и бархатомъ, Кордова превосходными тонкими кожаными издѣліями. Такъ напр. прозванная по этому городу „кордуанская“ кожа, цѣнилась стольже высоко какъ „сафьянъ“ или „марокинъ“, получившій названіе свое отъ „Саффи“, мѣста въ Мароккской области гдѣ выдѣлывались эти кожи².

Наконецъ, быть можетъ еще съ 810 г., арабская промышленность и въ Сициліи стала на болѣе твердомъ основаніи. Впрочемъ, по вилімому самостоятельное развитіе ея шло здѣсь не такъ быстро какъ въ Испаніи и въ Азіи, и вообще началось только съ водворенія въ этой странѣ владычества норманновъ. Вывезенные изъ Греціи въ большомъ количествѣ плѣнные византійскіе ремесленники при храбромъ королѣ Рожерѣ около 1146 г., послѣ вторженія его въ эту страну, значительно подвинули впередъ промышленность въ Сициліи. То были по большей части ткачи шелковыхъ матерій. Вѣроятно помощью этихъ византійцевъ и другихъ водворившихся уже въ странѣ и не менѣе ихъ искусныхъ арабскихъ ткачей Рожеръ въ Палермѣ основалъ особую мастерскую, такъ называемый „Отель де Тиразъ“, изъ которой уже спустя нѣсколько лѣтъ выходили превосходныя матеріи³. — Тогда какъ до этого времени въ Сициліи шелковыя одѣянія доступны были только людемъ богатымъ, онѣ теперь вскорѣ стали такъ обыкновенны, что по разсказу Эбнъ-Джіобэра, въ 1185 г. въ праздникъ Рождества Христова, женское населеніе Палерма сплошь одѣлось въ золотистаго цвѣта шелковыя платья и небольшія изящныя накидочки. Въ дополненіе къ этому Гугонъ Фалькандъ, по поводу упомянутой мастерской сообщаетъ, что произведенія ея отличаются сколько большимъ разнообразіемъ относительно плотности и самой ткани, столькоже и относительно цвѣтовъ и узоровъ. „Мы видимъ тутъ“ (говоритъ онъ далѣе) переливающее яркимъ краснымъ цвѣтомъ „діародонъ“, и успокоивающій глазъ зеленоватымъ отливомъ своимъ „діаписто съ“, и усѣянное кругообразными орнаментами „экарента смя съ“, потомъ дорогія шелковыя матеріи съ затканными въ нихъ золотыми украсе-

¹ E. Quatremère. Histoire des Sultans Mamelouks de l'Egypte: III. стр. 103. пр. 23 у F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder des Mittelalters I. стр. 37; стр. 40 и сл.—² F. Vogel. Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen в пр. I. стр. 37.—³ Ср. объ этомъ см. пр. F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder в пр. I. стр. 33 и сл.

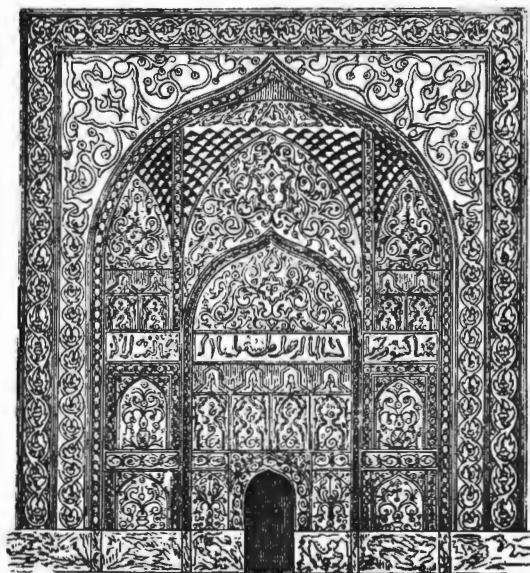
ніями сливающимися съ блескомъ вставленныхъ въ нихъ драгоценныхъ камней и жемчуга. Изъ послѣднихъ составляются всегда самые изящные узоры, и ихъ либо оправляютъ золотомъ, либо просверливъ, нанизанными нашиваютъ⁴. — Изъ этой именно мастерской вышла драгоценнѣйшая часть донынѣ сохранившихся коронаціонныхъ облаченій вѣмецкихъ императоровъ. По этимъ облаченіямъ, изготовленнымъ въ 1183 г. (и о которыхъ будетъ еще говорено далѣе въ подробности), мы узнаемъ, что у арабскихъ и византійскихъ, или арабонорманнскихъ ткачей существовалъ обычай, въ изготавливаемые ими матеріи и парадныя облаченія вткать имена свои, названія мѣста гдѣ были сработаны помянутыя ткани, и иногда даже имя заказавшаго работу лица.

О формѣ орнамента было уже говорено выше (стр. 48; стр. 141). Только относительно формъ „арабеска“, изобрѣтеннаго по всей вѣроятности самими арабами, остается еще въ общихъ чертахъ замѣтить, что этотъ родъ орнаментовъ въ сущности состоитъ изъ трудно объяснимаго сочетанія правильно проведенныхъ и переплетающихся линій, ограничивающихъ собою геометрическія плоскости, илиже изъ расположеннаго въ подобномъ же порядкѣ строгосимметрическаго сплетенія вьющихся тонкихъ вѣтвей и листы¹. Благодаря свойственной арабамъ страсти всюду олицетворять изрѣченія и нравоучительныя поученія, самое письмо ихъ еще съ раннихъ временъ приняло орнаментальный характеръ, и примѣняемо было ими въ видѣ коимъ окружавшихъ арабески, или для пополненія ихъ. Къ этимъ безспорно древнѣйшимъ формамъ арабеска, арабы въ послѣдствіе прибавили множество фантастическихъ изображеній животныхъ, когда, со многими другими запрещеніями корана все болѣе и болѣе стало забываться запрещеніе всякаго олицетворенія живыхъ существъ (стр. 49 прим. 1)². Съ этого времени древняя форма арабеска стала употребляться преимущественно только въ видѣ декоративнаго убранства въ строеніяхъ, или, въ нѣкоторомъ отношеніи какъ изображавшее коверъ стѣнное украшеніе (фиг. 109; фиг. 110), причемъ въ послѣдствіи времени она значительно была усовершенствована³. Новѣйшая же форма арабеска напротивъ, стала главнымъ образомъ типическимъ орнаментомъ для одѣяній, и до нынѣ сохранилось нѣсколько образчиковъ подобнаго рода дорогихъ тканей позднѣйшей эпохи⁴. Такъ жж. пр. два остатка

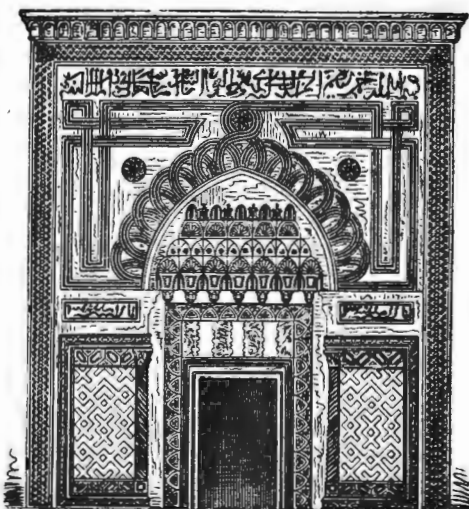
¹ О значеніи арабскаго орнамента въ искусствѣ см. въ особенности К. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste III. стр. 410 и сл. стр. 426 и сл.—² Запрещеніе это находится преимущественно въ V. VII. и XX Сурѣ; ср. G. Wahl. Der Koran и пр. стр. 85 и сл. 117 и сл. 266 и сл.—³ Ср. Роскошныя, и по большей части съ раскрашенными рисунками изданія сочиненія Owen Jones и M. J. Guri. Alhambra. Plans, elevations, sections and details of the Alhambra и пр. 3 vol. Lond. 1842—45. Owen Jones. The Grammar of Ornament. Lond. 1856 (относящіяся сюда таблицы); потомъ: Girault de Prangey. Monuments arabes et moresques de Cordova, Sevilla et Grenade; еромъ же: Choix d'ornemens moresques de l'Alhambra. Paris 1836 по 1839. G. Murphi. Arabian antiquities of Spain со 100 грав. Lond. 1815. F. M. Hessemer. Arabische und altitalianische Bauverzierungen и пр. Berlin. 1842. Разбросанныя извѣстія у Ch. Texier. Description de l'Arménie, la Perse и пр. H. Galli Knight. Saracenic and Norman remains и пр.—⁴ Ср. въ особенности изображенія у F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder I. таб. VIII до таб. X. Весьма богатое собраніе отчасти настоящихъ остатковъ такихъ матерій, отчасти же снимковъ съ нихъ, въ числѣ коихъ встрѣчаются тоже образчики арабскаго и арабо-норманнскаго ткацкаго искусства, хранятся въ берлинскомъ кабинетѣ гравюръ.

тканей изъ конхъ на одномъ, принадлежащемъ по всей вѣроятности къ двѣнадцатому столѣттю, среди орнамента состоящаго изъ листвы, сплошь повто-

Фиг. 109.

Фиг. 110.

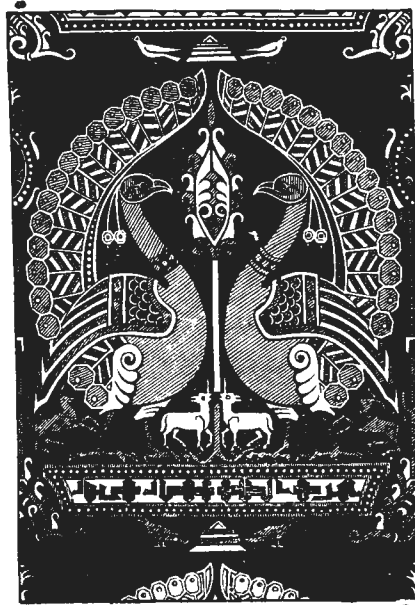
ряются слова: „слава повелителю нашему, султану“, и „султанъ эль Малекъ“ (фиг. 111); а на другомъ, воспроизведенномъ вѣроятно съ настоящаго араб-

скаго узора, чрезвычайно тонкимъ рисункомъ и преимущественно краснымъ и желтымъ цвѣтами по черной землѣ, изображены два павлина съ однѣми лишь вытянутыми въ арабескъ арабскими буквами (фиг. 112).

Фиг. 111.

Фиг. 112.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что хотя коранъ и запрещалъ мужчинамъ носить шелковыя одѣянія, но въ послѣдствіи стольже мало обращалось вниманія на это запрещеніе, какъ и на другое, касательно изображенія живыхъ существъ.

I. Несмотря на то что въ теченіе времени арабскій костюмъ значительно измѣнился по отношенію къ матеріалу, форма его однако, повидимому не подвергалась никакимъ кореннымъ преобразованіямъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ изображеніямъ на памятникахъ, относящимся притомъ даже къ эпохѣ гораздо позднѣйшей, чѣмъ та о которой мы теперь говоримъ. Какъ на одну изъ основныхъ причинъ такого явленія, можно указать на тотъ фактъ, что еще задолго до начала завоевательныхъ походовъ арабовъ, и почти безо всякаго иноземнаго вліянія, у этого народа успѣлъ выработаться народный костюмъ, вполне соответствовавшій именно по формѣ своей, бытовымъ условіямъ арабовъ; потомъ, что тотъ же народъ всегда неизмѣнно сохранялъ основныя черты своего характера, — свойственныя ему искони спокойствіе и чувство достоинства. Притомъ же арабы явились на поприще исторіи уже какъ нація, которую въра въ „Пророка“ воодушевляла къ одной общей цѣли, и потому они могли не только побѣждать народы силою меча, но и управлять ими духовно превосходствомъ своего ума. Для удовлетворенія же страсти своей къ внѣшней пышности, разнообразіе матерій само по себѣ уже открывало имъ обильный источникъ.

При всемъ томъ арабы переняли много частности отъ костюма покоренныхъ ими народовъ. Такъ имъ пр. въ особенности персидскій кафтанъ съ всякими рукавами закрывающими самую кисть рукъ и доходящій почти до колѣнъ (фиг. 87. в. с. d; фиг. 88. а), и азіятскіе штаны, какіе впрочемъ еще съ древнѣйшихъ временъ были въ употребленіи между южными испанцами ¹. Между тѣмъ они до такой степени умѣли приспособлять всѣ эти особенности, какъ относительно матеріи, такъ и по формѣ, къ собственному своему костюму, что въ нѣкоторомъ отношеніи изъ этого создали своеобразный новый костюмъ, который потомъ, преимущественно на востокъ, былъ всѣми усвоенъ. Этотъ смѣшанный, въ сущности, костюмъ сохранился доселѣ на востокъ, и по видимому безъ значительныхъ измѣненій.

Относительно приводимыхъ нами здѣсь изображеній, мы должны прежде всего замѣтить, что всѣ, за исключеніемъ одного, принадлежать къ мавританской Испаніи, и притомъ ни въ какомъ случаѣ не восходятъ далѣе четырнадцатаго столѣтія ². Изображеніе составляющее указанное нами исключеніе находится въ числѣ древнѣйшихъ мозаикъ церкви С. Марка въ Венеціи. Слѣдовательно его можно отнести приблизительно еще къ концу двѣнадцатаго вѣка. Форма костюма на всѣхъ упомянутыхъ изображеніяхъ вообще сходна съ одеждою арабовъ нынѣшняго времени, такъ что позволительно вывести обратное заключеніе, что еще въ раннюю эпоху, т. е. крайней мѣрѣ съ распространенія ислама, костюмъ арабовъ безъ различія страны, былъ почти одинаковъ съ нынѣшнимъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало точныхъ указаній о томъ, какъ у арабовъ образовались плащеобразныя верхнія одежды, между тѣмъ, замѣтно что онѣ составляли особенныя форменныя отличія чиновъ и сословій.

А. Въ виду этого, и чтобы судить о характерѣ мужской одежды, мы прежде всего должны обратить вниманіе на нѣкоторыя мелкія изваянія въ главной церкви (или соборѣ) въ Гренадѣ, дающія наглядное понятіе объ одеждѣ низшихъ сословій. Фигуры эти принадлежать къ одному рѣзному произведенію въ которомъ увѣковѣчено изгнаніе Саррациновъ изъ предѣловъ Испаніи, довершенное въ 1492г. королемъ Фердинандомъ, и кромѣ того (въ числѣ другихъ намековъ), включено крещеніе совершаемое надъ

Фиг. 113.

¹ Ср. Виѣши. бытъ народовъ. ч. II. стр. 95—96.—² При весьма недостаточномъ еще вообще знаніи хронологическаго развитія древнеиспанскаго костюма, даже нѣсколько изображеній христіанъ представленныя въ сообществахъ мавровъ, не позволяютъ опредѣлять съ точностью время, несмотря на то что всѣ изображены въ своихъ национальныхъ модныхъ костюмахъ. По художественному характеру этихъ картинъ К. Шнаазае ихъ относятъ къ XIV вѣку (K. Schnaase. Gesch. der bild Künste III. стр. 414); Ф. Куглеръ напротивъ къ началу XV-го. (Kleine Schriften und Studien zur Kunstgeschichte. II. стр. 692). Во всякомъ случаѣ судя по характеру вооруженія христіанскихъ рыцарей, слѣдуетъ принять скорѣе позднѣйшее чѣмъ раннее время. Относительно другихъ предположеній по этому же поводу, см. приведенныя сочиненія.

магометанами. Судя по этому произведенію весь костюмъ этихъ арабовъ состоялъ изъ рубахи стариннаго покроя съ принадлежавшимъ къ ней поясомъ, изъ длинной пары штановъ, шапки или чалмы и пары башмаковъ или (хотя рѣже), широкихъ кожаныхъ полусапоговъ (фиг. 113).

а. У нынѣшнихъ арабовъ¹ матерія и цвѣтъ этой одежды вообще достаточно установились; такъ напр. штаны постоянно изъ бѣлаго холста, рубаха либо изъ синяго полотна, либо изъ такого же цвѣта шерстяной матеріи. Иногда накладка изъ бумажной матеріи замѣняетъ рубаху. Названіе последней „эри“, а накладки „заабуть“. Поясъ тоже большею частью бываетъ изъ бѣлой шерстяной матеріи или окрашенной въ красный цвѣтъ. Головной уборъ ихъ, „эмамэ“, состоитъ изъ плотноприлегающей войлочной шапки бѣлаго или коричневаго цвѣта, называемой „либдэ“. Поверхъ ея надѣвается красный суконный колпакъ съ синею кисточкою, такъ-называемый „тарбуш“, въ заключеніе, вокругъ этого колпака обвертывается, смотря по состоянію, либо цвѣтная шаль, либо кусокъ кисеи или бумажной матеріи. Обувь, если на комъ-либо встрѣчается, — чего не всегда бываетъ, — изъ красной либо желтой кожи. Сверхъ того въ холодное время арабы носятъ древненаціональную плащеобразную полосатую накидку изъ валяной козьеи или верблюжьей шерсти, называемую „абайэ“ (фиг. 105 б. с.), или вмѣсто ея болѣе просторный, грубый шерстяной плащъ чернаго, или темносивяго цвѣта, такъ называемый „диффійэ“.

Если, съ одной стороны, нельзя безусловно допустить, чтобы древніе арабы, при свойственной даже низшимъ классамъ любви къ пышности, довольствовались одинаковаго качества матеріями, то, съ другой стороны, можно съ достовѣрностью предположить, что въ числѣ названныхъ одѣяній у нихъ были извѣстны и въ употребленіи также такія одежды, какихъ (случайно) мы не встрѣчаемъ на выше указанномъ рѣзномъ произведеніи. Такихъ одѣждъ, если не считать тройнаго головнаго убора, въ сущности только двѣ, диффійэ и грубая абайэ.

Б. Съ тоже точки слѣдуетъ смотрѣть также на древній костюмъ въ высшихъ сословіяхъ. Къ числу главныхъ памятниковъ въ которыхъ наглядно представленъ этотъ костюмъ принадлежатъ нѣсколько потолочныхъ изображеній съ многочисленными фигурами на пергаментѣ, въ „судейскомъ залѣ“ Алягамбры, написанныхъ по всей вѣроятности христіанскими художниками въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія². Два изъ нихъ изображаютъ

¹ Кромѣ указанныхъ выше (стр. 169) сочиненій, см. J. Dozi. Dictionnaire des noms des vêtements chez les Arabes. Amsterdam. 1845 и въ особ. H. v. Mayr и S. Fischer. Genrebilder aus dem Orient, gesammelt auf der Reise des Herzogs Max in Bayern и пр. Stuttg. 1846 — 50 (таблицы подробностей), и W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Aegypten и пр. Съ третьяго англійскаго оригинальнаго изданія переведено Th. Zenker. Leipzig 1852. Я преимущественно держался послѣдняго сочиненія. Ср. также изъ числа многихъ изображеній относящихся сюда эскизы съ натуры разныхъ художниковъ въ роскошномъ изданіи Alorph. Gallerie royale de costumes, peints d'après nature и пр. Paris (безъ обознач. года) и Prisse and St John. Oriental Album. Characters, Costumes and Modes of life in the Valley of the Nil. London 1848. — ² Снимки съ этихъ изображеній см. иж. пр. у G. Murphi. Arabian antiquities of Spain; A. de Laborde. Voyage pittoresque et historique de l'Espagne и пр. Paris.

въ оживленной композиціи сцены общественнаго быта и жизни рыцарей, (любовь, охоту и турниры) между христіанами и арабами, основаніемъ коихъ навѣрно служилъ какой-либо извѣстный романическій мотивъ. Третье изображеніе, напротивъ, представляетъ многочисленное собраніе спокойно и важно совѣщающихся мавританскихъ старшинъ или шейховъ ¹.

Судя по этимъ изображеніямъ, вполне вѣрно передающимъ всѣ подробности, главное различіе отъ народной одежды состояло въ сущности въ томъ, что (какъ и донынѣ), высшія сословія носили по нѣскольку одеждъ за разъ, потому, что каждая въ отдѣльности отличалась несравненно большею полнотою, оставляя даже въ сторонѣ качество матерій. Первое изъ указанныхъ сейчасъ различій въ особенности замѣтно на третьемъ изображеніи; о другомъ же свидѣлствуютъ затѣ всѣ три, да кромѣ того еще и мозаика въ храмѣ Св. Марка въ Венеціи ² (фиг. 114). Только на одномъ изъ рельефныхъ произведеній въ Гранадскомъ соборѣ 1492-го г. о которыхъ мы говорили, одинъ изъ мавританскихъ князей изображенъ въ одной лишь короткой рубахѣ, безъ сомнѣнія потому, что на немъ походная одежда (фиг. 117). Навсѣхъ прочихъ изображеніяхъ, одѣянія лишь съ незначительными уклоненіями сплошь одинаковой формы. Такимъ образомъ, насколько вообще возможно судить по однѣмъ только картинамъ, костюмъ знатныхъ арабовъ, за исключеніемъ одной только фигуры изображенной въ остроконечномъ колпакѣ (фиг. 115), состоялъ изъ слѣдующихъ частей (фиг. 116). Одна нижняя и одна верхняя одежда почти равной длины и ширины составляли главныя части всего костюма. Та и другая, по большей части различнаго цвѣта ³, закрывали все тѣло до самыхъ пятокъ. Притомъ у нижней одежды всегда очень длинныя висячіе рукава, у верхней же рукава были короче, и закрывая собою

Фиг. 114.

1806—20. (Воспроизведенія съ нихъ отчасти у Н. Wagner. Trachtenbuch des Mittelalters, въ листѣ. München; J. Ferrario. Histoire de Costumes и пр. въ листѣ); но всего лучше у О. Jones и М. J. Guri. Alhambra. Plans, elevations и пр. I таб. XLVI до L. Я однако слѣдовалъ отличными копіямъ, снятымъ на мѣстѣ живописцемъ E. Gerhard и находящимся въ кабинетѣ гравюръ въ Берлинѣ. Подробный разборъ этихъ копій см. у F. Kugler. Kleine Schriften und Studien zur Kunstgeschichte II, стр. 687 и сл. О хронологическомъ порядкѣ этихъ изображеній (см. стр. 183. примѣч. 2). —

¹ Такъ какъ съ точностью нельзя опредѣлять, дѣйствительно ли Мавры здѣсь изображены въ качествѣ князей или королей, то я нарочно употребилъ названіе шейховъ (тоже шейхъ или шехъ), какъ означающее вообще «старшинъ, начальниковъ» и пр. —

² Такъ какъ въ фигурѣ этой, судя по прибавленной къ ней подписи, представленъ ИВОВЕИ, то его и нельзя было изобразить иначе какъ въ восточно-арабской одеждѣ. —

³ На оригинальныхъ изображеніяхъ въ Альгамбрѣ верхняя одежда мѣстами кажется какъ бы двухцвѣтною, такъ что напр. правая ея половина сверху до низу краснаго цвѣта, лѣвая же зеленаго. Обстоятельство это не слѣдуетъ считать какою-либо особенностью арабскаго костюма, это просто переносъ существовавшей еще въ 15-мъ вѣкѣ и даже позднѣе еще (до 16-го) на западно-арабскій костюмъ, и общей всему западу, Моды «triparti» или разнополосной одежды.

отчасти длинные рукава нижней одежды, казались какъ бы висячимъ воротникомъ (фиг. 116. а. б). Принадлежность къ этимъ одеждамъ составлялъ поясъ, обыкновенно изъ длиннаго кускa шелковой матеріи, или цвѣтная шаль. Поясомъ

Фиг. 115.

этимъ обвязывалась смотря по удобству, то нижняя только одежда, то верхняя (чѣмъ кетати подбиралась и другая (фиг. 114; фиг. 115. а). На головѣ

Фиг. 116.

арабы носили чалму на устройство коей требовалось немалое количество матеріи въ видѣ широкой и очень длинной повязки. Ею обвертывалась искусно либо только верхняя часть головы, либо вся голова до затылка (и щеки)

и также шея. Въ этомъ случаѣ свободные, и всегда достаточно длинные концы матеріи спускались по плечамъ (ср. фиг. 115. b; фиг. 116. а. b. и фиг. 114; фиг. 117). Башмаки дѣлались изъ цвѣтной кожи съ тупыми либо острыми носками (фиг. 116 а. b; фиг. 114). — Кромѣ исчисленныхъ нами одеждъ были еще въ употребленіи для защиты тѣла (и въ видѣ накидки), особаго рода воротникъ съ капюшономъ (фиг. 115. а. b), и плащъ со множествѣмъ сборъ. Последний по формѣ своей вполне походилъ на древнеримскую „*pallium*“, и потому дѣйствительно слѣдуетъ предположить что испанскіе арабы эту одежду заимствовали отъ кореннаго римскаго населенія Испаніи (фиг. 117; ср. фиг. 8 а—d). — Наконецъ, можно принять что кромѣ приведен-

Фиг. 117.

ныхъ нами одеждъ, существованіе коихъ засвидѣтельствовано изображеніями, были въ употребленіи у арабовъ также штаны, и длинные кафтаны съ рукавами.

Остается еще добавить, что у каждаго изъ царственныхъ родовъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ былъ свой особый, родовой цвѣтъ. Когда какому либо изъ такихъ родовъ приходилось отстаивать права свои мечомъ, онъ наряжалъ въ свой цвѣтъ сподобниковъ своихъ и украшалъ имъ знамя¹. Такъ напр. Фатимиды отличались по зеленому цвѣту, Омейяды по бѣлому, а Аббасиды по черному. — Доселѣ зеленый цвѣтъ составляетъ исключительно родовой цвѣтъ дѣйствительныхъ потомковъ „*пророка*“.

б. Одежда употребляемая нынѣ арабской знатью слѣдующая (ср. фиг. 118; фиг. 119)²: Во первыхъ, пара широкихъ портковъ „*либасъ*“, изъ полотна или бумажной матеріи, доходящихъ либо до колѣнъ, либо спускающихся до лодыжекъ, и завязываемыхъ посредствомъ гашника или тесмы,

¹ Ср. E. Gibbon. гл. III. — ² См. W. Lane. Sitten und Gebräuche и пр. I. стр. 25 и сл. потомъ см. стр. 169 прил. I.

концы которой украшены шитьемъ. Сверхъ ихъ надѣвается бѣлая рубашка „камисъ“, изъ тонкой матеріи¹, съ длинными и по большой части очень широкими рукавами. На эту рубашку надѣвается подобнагоже рода одежда изъ полосатой, или узорчатой шелковой либо бумажной матеріи, „кафтанъ“ или „куфтанъ“. Эта одежда съ широкими рукавами и доходитъ до ладыжекъ. Рукава обыкновенно закрываютъ кисть рукъ, и потому съ боку имѣютъ продольный разрѣзъ отъ сгиба руки или повыше (фиг. 119. b; сл. фиг. 118). Кафтанъ у поясицы обвертывается широкимъ поясомъ „хезамъ“, состоящимъ изъ пестрой шали. Наконецъ, сверхъ всего этого надѣвается „гибъзъ“, кафтанъ значительной длины съ рукавами по самую кисть руки (фиг. 118; фиг. 119. a). Иногда этотъ кафтанъ замѣняетъ, либо суконный, такъ называемый „бэнишъ“², съ рукавами похожими на рукава „куфтана“, либо подобныйже съ длинными по неразрѣзнымъ рукавамъ, какъ называемый „фарагіеъ“. — Головной уборъ знатнаго сословія дѣлится тоже на три извѣстныя части: на шапочку или „аракійъ“, на тарбушъ и эмамэ, съ тою только разницею, что у богатыхъ этотъ послѣдній уборъ всегда дѣлается изъ дорогихъ матерій; лѣтомъ большею частью изъ тонкой кисеи, зимою обыкновенно изъ шали. — Башмаки „маркубъ“, дѣлаются почти исключительно только изъ плотнаго краснаго сафьяна, носки притомъ остры и загнуты вверхъ. Иногда встрѣчается обувь, изъ чрезвычайно мягкаго желтаго сафьяна, и съ такимиже подошвами, такъ называемая „мецъ“ или „мэздъ“ (фиг. 119. b).

Фиг. 118.

Къ этой одеждѣ зимою или въ холодную погоду прибавляются обыкновенно черныя шерстяной „абайъ“, и короткая куртка безъ рукавовъ изъ цвѣтнаго сукна, или изъ шелковой либо бумажной матеріи съ разноцвѣтными полосами. Первый накидывается на плечи въ видѣ плаща, послѣдняя, такъ называемый „судейри“, носится поверхъ бѣлой нижней рубашки или „камисъ“, и повидимому перешла къ арабамъ отъ туркомановъ. Сверхъ того голова обыкновенно для большей защиты окутывалась кисейною шалью или какоюлибо болѣе плотной матеріею (фиг. I. a).

¹ Обыкновенно изъ подотна, но также изъ бумажной матеріи или кисеи, или же изъ шелковой. Иногда она дѣлается изъ матеріи съ шелковыми полосами пополамъ съ бумажными. — ² „Бэнишъ“ собственно парадная одежда, и въ этомъ качествѣ надѣвается даже поверхъ скогого съ нимъ суконнаго кафтана.

В. Понятно, что во всё времена наибольшимъ великолѣпиемъ отличалась одежда правителей или калифовъ, ихъ намѣстниковъ и любимцевъ. Однако, какихъ бы размѣровъ ни достигала роскошь въ этомъ отношеніи, все же она проявлялась только въ щегольствѣ дорогими матеріями, не касаясь притомъ вообще установившейся обычной формы одежды. Къ числу самыхъ роскошныхъ одѣяній подобнаго рода принадлежала почетная одежда или „келадъ“, (въ послѣдствіе тоже подъ названіемъ „тиразъ“). Пожалованіе такимъ „халатомъ“, послѣ почетныхъ титуловъ „іеминъ-аль-даулатъ“ и

Фиг. 119.

„омиръ-аль-миллатъ“¹, считалось высшимъ отличіемъ какимъ калифъ только могъ почтить кого либо изъ подданныхъ своихъ. Весьма возможно что высокимъ значеніемъ своимъ одежда эта обязана обѣщанію „пророка“², что „праведники и боящіеся Бога въ небесномъ райскомъ саду отдыхать будутъ на мягкихъ подушкахъ, какъ братіи, и облечены будутъ въ отдѣянія зеленаго цвѣта изъ самаго тонкаго шелка и шитыя серебромъ и золотомъ, и носить будутъ на рукахъ золотыя и серебряныя запястья.“³ — Въ послѣдствіе времени эта одежда, весьма впрочемъ походившая по формѣ своей на кѹфтанъ или бѣнишъ, стала обшиваться дорогимъ мѣхомъ³;

¹ „Правая рука правителя и «звѣздица» религій». — ² Ср. у G. Wahl, Der Koran Sure XV (стр. 208) Sure XLIV (стр. 508) и въ особенности Sure LXXVI (стр. 652). — ³ Не слѣдуетъ смѣшивать названную одежду съ «хиркай Шерифе» или «Бурдей», «благородною носшею или бременемъ», составляющею нынѣ одну изъ регалій османскаго государства. Это черная власыная одежда изъ верблюжьей шерсти, которую по преданію Мухаммедъ подарилъ поэту Каабъ бенъ Сохейру въ девятый годъ послѣ бѣгства, и

такъ по крайней мѣрѣ со временъ Сельджуковъ, большихъ охотниковъ до подобнаго рода украшеній. При ограбленіи ими въ 1187 г. послѣ Тиверіадскаго сраженія лагера крестовыхъ рыцарей, они прежде всего забрали сложенный въ немъ мѣховой товаръ. Впрочемъ дорогія мѣховыя одежды, крытыя шелковою или какою либо другою цѣнною матеріею, составляютъ и теперь еще одинъ изъ самыхъ распространенныхъ и любимыхъ въ особенности турками предметъ роскоши ¹.

Наконецъ, частая перемѣна дорогихъ одеждъ при торжественныхъ случаяхъ составляла тоже своего рода щегольство, преимущественно въ позднѣйшую эпоху, когда калифатъ уже утратилъ прежнее значеніе. Какъ образчикъ приведемъ вкратцѣ описаніе церемоніала при возведеніи Тогруль-Бега въ двойной санъ правителя области и намѣтника „пророка“ ². При этомъ торжествѣ на Тогруль-Бегѣ перемѣняема была одежда до семи разъ; кромѣ того на него было надѣто покрывало надушенное мускусомъ, и были

ежегодно въ 15-е рамазана съ большимъ церемоніаломъ выставляется высшимъ государственнымъ чинамъ для цѣлованія. Она хранится, какъ и государственное знамя, подъ сорока покрывалами изъ дорогихъ тканей въ сокровищницѣ. Ср. объ этомъ въ особ. J. v. Hammer-Purgstall. Des osmanischen Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung. Wien 1815. II. стр. 10 и сл.—¹ Преимущественно въ интересахъ художниковъ мы приведемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ главнѣйшія изъ многочисленныхъ сочиненій содержащихъ свѣдѣнія и изображенія турецкой одежды. I. Для 16-го столѣтія: «Die Türkische Chronica von irem ursprung anfang und regiment, biss uff diese Zeit sampt Yrn kriegem und streyten mit den christen erbärmlich zu lesen. Strasburg bei M. Flach 1508». F. A. Thevet cosmographie de Levant. Lyon. par J. Tournes et G. Gazeau 1554. N. Nicolai. Von der Schifffart und Raiss in die Turkey und gegen Orient. Mit schönen Figurn, wie beede Man und Weib ihrer Landart nach bekleidet seyen. fol. Nurnberg 1572 (другое изд. in 4. zu Antorff bei W. Silvium 1577). L. Rauwolfen der Artzney Doctor, Beschreibung der Raiss so er gegen Aufgang in die Morgenländer, fürnemlich Syriam, Judäam, Arabiam, Assyriam u. s. w. vollbracht. 3 Theile. Lauging. 1582. I. стр. 49; 133. E. G. Hapnelio. Thesaurus Exoticorum oder eine mit ausländischen Raritäten und Geschichten wohlversehene Schatzkammer, u. s. w. u. s. w. Hamburg 1688. (превосходные политипажныя содержащейся въ этомъ сочиненіи книги о туркахъ исполнены въ 1576).—II. Для 17-аго столѣтія: O. Dapper. Beschreibung von Asia. Перев. Beer. 3 Т. съ грав. Nürnberg. 1681. Ricaut. Eröffnete ottomanische Pforte oder Beschreibung des türkischen Staats- und Gottesdienstes. 2 Т. 1694. Еромже. Beschreibung von dem jetzigen Zustand des ottomannischen Reichs, со мног. грав. 1671, въ немъ же воспроизведено сочиненіе E. G. Hapnelio, Thesaurus и пр. въ мѣстахъ относящихся къ этому времени.—III. Для 18-аго столѣтія: (Le Hay. Recueil de cents estampes représentant les différentes modes des nations du Levant, dessin. par ordre de Mr. de Feriol. grav. sur les tableaux peints d'après nature en 1707 et 1708 par les soins de M. le Hay. Paris. 1714. gr. fol. (Воспроизведеніе въ уменьшенныхъ размѣрахъ и дополненное: Wahreste und neueste Abbildung des Türkischen Hofes и пр. 2 Т. Nürnberg 1721 in 4). Comte de Marsigli. L'Etat militaire de l'Empire ottoman. II. T. La Haye. 1732. gr. fol. V. Muradgea d'Ohsson. Tableau général de l'Empire othoman, divisé en deux parties и пр. Paris. 1787. 2 Т. gr. fol. (Allgemeine Schilderung des ottomanischen Reichs. Съ франц. Beck. 2 Т. Leipzig. 1788—1793). G. A. Olivier. Voyage dans l'empire othoman, l'Égypte et la Perse (1793—98) Paris. 1800 и сл. съ атласомъ.—IV. Для 19-аго столѣтія. J. v. Hammer. Neue türkische Staatskleider — Ordnung im Jahre 1829 (въ архивѣ Normayr. 1829. № 51.) F. Dupré. Voyage à Athène et Constantinople, ou collection de portraits, de vues et de costumes grecs et ottomans, peints d'après nature en 1819. Paris. 1825. Recueil des différens costumes des principaux officiers et magistrats de la Porte, et des peuples sujets de l'empire othoman и пр. 95 таблицъ. Paris (безъ означенія года). A. Loph. Galerie royale de costumes и пр. Costumes de l'Empire othoman. Paris (безъ года). Jean Brindesi. Elbicei attica. Musée d'anciens costumes turcs de Constantinople. 21. листъ. Constantin. 1856, мнѣ извѣстно только по названію.—² E. Gibbon. гл. LVII.

возложены двѣ короны, въ знакъ двойственной его власти, и поясъ съ двумя мечами ¹.

Исключая упомянутого выше (стр. 187), и до нынѣ еще сохранившагося на востокѣ, обычая отличать родовое происхожденіе цвѣтомъ одежды, сословія другъ отъ друга отличались тогда (какъ и нынѣ) также преимущественно различными формами головного убора ². Хотя по отношенію къ разбираемому нами времени объ этой части восточнаго костюма мы тоже съ достовѣрностью ничего не можемъ сообщить, тѣмъ не менѣе есть общія указанія, что во всѣ времена чалма у арабовъ была предметомъ особой заботливости ³, и что на украшеніе ея нерѣдко издерживались значительныя суммы. Въ десятомъ столѣтіи шегольство дорогими чалмами доходило уже до такого мотовства, что въ Египтѣ ж. пр. изобрѣтена была головная повязка изъ полотна, шитая золотомъ, длиною въ сто локтей, и на которой одно золото стоило около пятисотъ динаріевъ ⁴. Достоинно также замѣчанія, что почти двѣсти лѣтъ послѣ смерти Мухаммеда арабы всѣхъ поселившихся въ ихъ государствѣ иновѣрцевъ и въ томъ числѣ въ особенности христіанъ, для отличія отъ „правовѣрныхъ“ принуждали носить чалмы и пояса опредѣленнаго цвѣта ⁵.

II. Оставляя въ сторонѣ пышность калифовъ и немногихъ высшихъ чиновниковъ (стр. 189), все что, выключая дорогихъ одѣяній, относилось до украшенія мужчинъ, ограничивалось главнымъ образомъ повидимому только заботою о волосахъ, ношеніемъ перстня съ печатью, и по возможности дорогимъ оружіемъ. Всѣ прочіе предметы для украшенія арабы предоставляли какъ и теперь ⁶, любимымъ женамъ и дочерямъ.

¹ Ср. съ этихъ описаніемъ: J. Chardin. Le couronnement de Soleiman, troisième roi de Perse. Paris 1671; и J. v. Hammer. Des osmannischen Reiches Staatsverfassung и пр. I. 476 и сл.—² См. объ этомъ W. Lane: Sitten und Gebräuche der heutigen Aegypten и пр. I стр. 29 сл.—³ Такъ напр. В. К. Niebuhr (Reisebeschreibung nach Arabien, 1774, таб. XIX до таб. XXIII), приводитъ до 46 различныхъ головныхъ уборовъ служившихъ въ его время для отличенія званія, сословія, рода и пр; ср. кромѣ того Vivant Denon. Voyage en Egypte и пр. Paris. 1802 (Перев. иѣм. Tiedemann. Berlin 1803) таб. 12 и W. Lane въ прив. мѣстахъ I. стр. 31 и сл.—⁴ См. образчики этого нелѣпаго пристрастія въ чалмахъ W. Lane въ прив. т. I. стр. 30.—⁵ Подобная чалма конечно не могла состоять изъ какой-либо другой матеріи, кромѣ самой тонкой висеи, тѣмъ не менѣе, если принять въ расчетъ массу употребленнаго на нее золота, то очевидно что разиѣръ ея долженъ былъ быть очень значителенъ, приблизительно въ родѣ громадной величины головныхъ уборовъ нынѣшнихъ «улама» или духовныхъ, (см. W. Lane. таб. 12. А); весьма возможно впрочемъ что часть этого золота пошла на внѣшнія украшенія въ видѣ застезевъ, бахромы и т. п. —⁶ E. Gibbon. гл. II. Христіанамъ сверхъ того запрещалось ѣздить верхомъ на лошадяхъ не дозволялось ѣздить на мулахъ, не иначе однако какъ сиди на нихъ по-женски. Въ годъ Мухаммедова бѣгства 235 (849 до 850 послѣ Р. X), халифъ Эль-Мотаввильялъ установилъ для одежды коптовъ рядъ унизительныхъ отиѣтъ: мужчинамъ предписывалось носить «медоваго цвѣта каютаны (т. е. темнокоричнаго), съ колпаками, и другія тому подобныя одѣянія выходившія изъ ряда обыкновенныхъ; женщинамъ такоможе цвѣта платья. Ихъ принуждали ставить деревянныя «игуры (или изображенія) діаволовъ у дверей своихъ домовъ или надъ дверью.» «Одно изъ самыхъ жестокихъ гоненій, какое только когда либо имъ приходилось испытать, обрушилось на нихъ въ царствованіе нечестиваго халифа Эль-Галяма, вступившаго на тронъ въ 386 г. (996—997), и убитаго въ 411 г. (Хеджиръ). Однимъ изъ наименьшихъ истязаній можно считать то, что христіанъ заставляли носить на шеѣ деревянный крестъ патифунтовъ вѣсу, и чернаго цвѣта одежду и чалму. Таково было, повидимому, происхожденіе черной чалмы, какову и нынѣ носятъ многіе христіане на востокѣ. Такъ какъ бѣлый цвѣтъ былъ отличительный цвѣтъ одежды и чалмы

Что касается убранства волосъ и бороды, то на этотъ случай еще самымъ „пророкомъ“ изданы были точныя предписанія вполне соответствовавшія условіямъ климата ¹, причемъ отнюдь не было оставлено имъ безъ вниманія совершенно особенное уваженіе ², какое народы востока искони питали преимущественно къ бородѣ ³. Сообразно съ этими предписаніями, и въ силу другихъ также причинъ, мухаммедане, за немногими исключеніями стали брить (и теперь еще брѣютъ) ⁴ голову оставляя только на темени пучъ волосъ; но въ замѣнъ отпускаютъ всю бороду подстригая ее только слегка. Всякое поруганіе бороды во всѣ времена считалось самымъ позорнѣйшимъ оскорбленіемъ.—Потомъ, въ низшихъ классахъ преимущественно довольно распространенъ въ настоящее время обычай, унаслѣдованный безъ всякаго сомнѣнія отъ глубокой старины, накалывать на рукахъ и груди особыя знаки, натирая ихъ синюю краскою ⁵. Перстень, которымъ древніе арабы очень любили щеголять ⁶, у нынѣшнихъ потомковъ ихъ почти вездѣ дѣлается просто изъ серебра и украшенъ однимъ лишь сердоликомъ ⁷. Арабы его носятъ на правой рукѣ, иногда впрочемъ также на шнуркѣ на груди, и тщательно прячутъ за пазуху ⁸.—Наконецъ, страсть щеголять оружіемъ, которою нѣкогда отличались арабы по древневосточному обычаю, вмѣстѣ съ прежнею воинскою способностію нынѣ стали неотъемлемымъ наслѣдіемъ однихъ только свободныхъ сыновъ пустыни ⁹, тогда какъ осѣдлыя племена, отвыкнувъ отъ преданій старины теперь довольствуются лишь болѣе или менѣе богато украшеннымъ ножомъ который они носятъ за поясомъ.

III. Какъ ни просто было вооруженіе арабовъ до начатія ими всемірной борьбы, (стр. 202; стр. 218), столько же въ послѣдствіе оно отличалось богатою отдѣлкою своею когда ими покоренъ былъ востокъ ¹⁰. Здѣсь имъ досталось въ добычу разнообразнѣйшихъ видовъ оружіе, усовершенствован-

египетскихъ калифовъ, то въ ихъ глазахъ черный цвѣтъ, цвѣтъ враговъ ихъ, Абассіевъ, долженъ былъ казаться самымъ ненавистнымъ и позорнѣйшимъ, какой только они могли избрать для одежды презираемыхъ ими христіанъ. Ранѣе этого времени я нигдѣ не встрѣчалъ черной чалмы у египетскихъ христіанъ. Въ то самое время когда для коптовъ установлены были особенныя отмѣты, іудеямъ было предписано на шеѣ носить круглый кусокъ дерева такогаже вѣса какъ (деревянный) крестъ христіанъ. Въ мѣсяцъ Регебъ 700-го г. (1301 послѣ Р. X.) случилось событіе, какъ мнѣ кажется, бывшее причиною тому, что воины стали носить для отличія синія чалмы какія болѣею частью они носятъ еще теперь (и пр.) Издано было повеленіе, чтобы христіане носили синія чалмы и синіе пояса, а іудеи желтыя чалмы; и чтобы никто изъ принадлежащихъ къ той или другой изъ этихъ сектъ, не осмѣливался ѣздить верхомъ ни на лошади, ни на мулѣ. W. Lane. Sitten и пр. der heutigen Aegypten. III. стр. 191 в сд. по Et. Quatre-mère. Mémoires и пр. sur l'Égypte II стр. 220 и сл. — ¹ О бедуніахъ см. Вѣшн. бытъ народовъ в пр. ч. I. стр. 117.—² G. Wahl. Der Koran. Sure II (стр. 30); Sure XXII (стр. 291).—³ Ср. Статью «Bart» (борода) у G. Wiener. Biblisches Realwörterbuch zum Handgebrauch für Studierende и пр. 3 изд. Leipzig 1847. I. стр. 139; не мѣшаетъ также справ. съ: «Geschichte des männlichen Bartes unter allen Völkern der Erde bis auf die neueste Zeit и пр. Leipzig 1797. стр. 173. — ⁴ G. Wahl. Der Koran. Sure VII (стр. 130); Sure XXII (стр. 272).—⁵ W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Aegypten I, стр. 24 и сл. — ⁶ W. Lane. въ прив. мѣстахъ. — ⁷ K. Rosenmüller. Das alte und neue Morgenland oder Erläuterungen и пр. Leipzig 1820. VI. стр. 189 и сл.—⁸ W. Lane. въ прив. мѣстахъ стр. 24 и сл.—⁹ См. иж. пр. K. Rosenmüller. Das alte und neue Morgenland. VI. стр. 251 и сл.—¹⁰ См. Вѣшнѣй бытъ народовъ в пр. ч. I. стр. 120.

ное въ продолженіе многихъ вѣковъ ¹, и которое послужило имъ образцомъ въ послѣдствіе при выдѣлкѣ собственнаго оружія. Еслиже арабы мало-по-малу успѣли превзойти предшественниковъ своихъ въ оружейномъ мастерствѣ, то по всей вѣроятности усовершенствованія ихъ касались главнымъ образомъ только способа украшенія, но едвали основной формы оружія, ни въ особенности матеріала. Въ отношеніе окончательной отдѣлки подобныхъ предметовъ, не только западные азіяты, но и нѣкоторые народы Европы уже давно достигли высокаго совершенства. Такъ напр. въ числѣ первыхъ жители Дамаска ², а въ Европѣ, народы средней Испаніи и при Дунаѣ, въ древней Норикѣ, были знакомы съ выдѣлкою стали еще въ глубокой древности ³. Первые сверхъ того славились искусствомъ наводить узоры мягкимъ металломъ по твердому, такъ называемымъ по мѣсту изобрѣтенія—дамаскированіемъ, металловъ ⁴. Такъ какъ арабы все эти техническія искусства застали уже въ такомъ высокомъ совершенствѣ, то имъ и можно было прилагать больше старанія прямо на внѣшнюю обдѣлку, тѣмъ болѣе что они сами одарены были на то особымъ талантомъ (стр. 186 и сл.). Въ скоромъ времени изготовливаемые ими оружіе и доспѣхи, и не только азіатскія произведенія ихъ, но также испанскія всюду пріобрѣли громкую извѣстность. Послѣднія въ особенности, отличаясь великолѣпными арабесковыми украшеніями продавались по высокимъ цѣнамъ даже въ Египтѣи Мавританіи (ср. фиг. 123). Замѣчательно, что между мухаммеданами, несмотря на ихъ фаталистическое вѣрованіе, существовало повѣрье въ неуязвимость отъ ношенія „завороженнаго“ оружія, повѣрье, котораго не были чужды мж. пр. даже Кон-

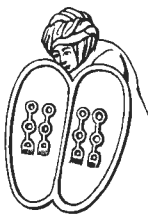
¹ Весьма немного сохранилось арабскаго (восточнаго) оружія изъ средневѣковой эпохи до 15-го столѣтія, и то, за малыми исключеніями, остатки крайне сомнительнаго свойства. Сюда относятся, такъ называемая «сабля Гаруна-аль-Рашида» которую будтобы калифъ этотъ подарилъ Карлу великому, находящуюся въ числѣ регалій нѣмецкихъ императоровъ въ Вѣнѣ, потомъ, нѣсколько мечей и пр., въ сокровищницѣ влаетителя Турціи, и по преданію относящіяся къ времени Мухаммеда. Даже въ Мадридской оружейной очень мало мавританскаго оружія, притомъ же оно не древнѣе конца 15-аго вѣка. Что касается оружія позднѣйшихъ эпохъ, то въ нихъ нѣтъ недостатка, см. въ особ. Achille Jubinal и Gaspard Sensi. La armeria Real de Madrid или collection des principales pieces du musée d'artillerie de Madrid, fol. Paris (безъ года), таб. 25. таб. 32. таб. 39. ср. таб. 21. G. Finke. Abbildung und Beschreibung der alten Waffen und Rüstungen, welche in der Sammlung von Llewelyn Meyrick in Goodrich-Court in Herfordshire aufgestellt sind. Съ англ. Berlin 1836 (только нѣкоторые предметы); но въ особенности Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes et orientales de S. M. l'Empereur de toutes les Russies etc. St. Petersburg et Carlsruhe 1841 и приводимое далѣе роскошное изданіе «Древности Россійскаго государства» Т. III, къ нему отдѣльныя описанія у Fr. v. Leber. Wiens kaiserliches zeughaus и пр. 2 Тома. Leipzig 1846. Quandt. Andeutungen für Beschauer des historischen Museum zu Dresden 1834. стр. 166 и сл. A. Frenzel. Der Führer durch das historische Museum zu Dresden mit Bezug auf Turnier und Ritterwesen. Leipzig. 1850. стр. 110. G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte VII. стр. 328 и сл. Егоче. Werkzeuge und Waffen. Leipzig 1854. Отличныя изображенія употребляемаго нынѣ на востокѣ оружія у H. v. Mayr и S. Fischer. Genre-Bilder aus dem Orient, gesammelt auf der Reise и пр. nach Aegypten, Nubien, Palästina, Syrien und Malta. Stuttgart. 1846 по 1850.—² Ср. къ сказанному выше (стр. 151): Внѣшн. бытъ народовъ и пр. I. стр. 153 и сл. 199 и сл. 243 и сл. 290 и сл. —³ Не ранѣе какъ со времени Тимуръ-бея, и именно имъ, шпашники изъ Дамаска переведены были въ Хорасанъ. G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte. VII стр. 96. Addison II стр. 376—⁴ См. Внѣшнй бытъ народовъ и пр. I. стр. 155 и сл. 338 и сл. II. стр. 94. и сл. 142 и сл.

стантинъ ¹ и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ императоровъ. Такъ напр. говорятъ будто бы Халедъ считалъ себя неуязвимымъ, когда на немъ была шапка освященная „пророкомъ“ ².

Что касается формы оружія, то сравненіе дошедшихъ до насъ скудныхъ остатковъ и частей древняго оружія, съ обычнымъ нынѣ на востокѣ вооруженіемъ, приводитъ насъ къ тому заключенію, что, какъ форма одежды, такъ и формы оружія до нынѣ почти такія же, какія были въ старину. Кромѣ изстари употребляемаго нападательнаго оружія, т. е. длиннаго копья, меча или сабли, различной формы ножей, сѣкирь, лука съ принадлежностями, главнымъ оборонительнымъ оружіемъ были (и до селѣ остались), щитъ, шлемъ, кольчуга и разные наручи и поножи.

А. 1. Въ числѣ оборонительнаго оружія, какъ на древнѣйшее слѣдуетъ указать на щитъ. У древнихъ арабовъ, какъ и теперь у свободныхъ бедуиновъ ³, это было самое употребительное изъ всѣхъ родовъ оружія. Главная форма щита на востокѣ была круглая въ родѣ болѣе или менѣе глубокаго таза съ рукоятью. Въ Испаніи напротивъ, преобладала форма щитовъ, бывшая въ употребленіи у персидскихъ воиновъ еще въ семнадцатомъ вѣкѣ ⁴, это форма большаго двойнаго овала (вѣроятно изъ кожи), съ широ-

Фиг. 120.

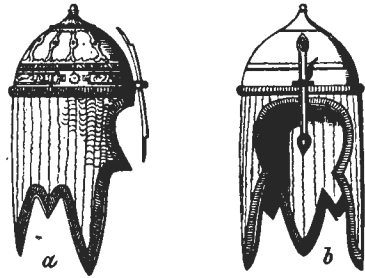
кими металлическими ободами кругомъ, съ лицевой стороны украшеннаго толстыми цвѣтными кистями, а по внутренней снабженнаго непрѣменно двумя рукоятями (ср. фиг. 120; фиг. 117).—Нынѣшній восточный щитъ, какъ мы сказали, почти исключительно правильно-круглой формы, большею частью очень выпуклъ, сдѣланъ изъ крѣпкаго дерева и обтянутъ въ нѣсколько рядовъ плотною и хорошо продубленою кожей. Кожа эта обыкновенно вылащивается чрезвычайно гладко, или по ней вытискиваются красивые арабески, или же она расписывается въ различные цвѣта и покрывается позолотою. Иногда, для большей устойчивости въ серединѣ щита прикрѣпляется большая металлическая доска, а по остальному пространству поверхности щита насаживаются концентрическими кругами небольшія металлическія выпуклыя бляшки, края же кругомъ обводятся листовымъ металломъ (ср. фиг. 134). Эти небольшіе щиты часто не болѣе осьми или десяти дюймовъ въ поперечникѣ, и потому достаточно одной рукоятки чтобы ихъ держать. Последняя обыкновенно подбивалась чѣмъ-либо мягкимъ, и къ ней иногда прикрѣплялись веревка либо ремень, на которыхъ щитъ закидывался за плеча когда въ немъ не предстояло надобности. — Кромѣ этихъ малыхъ

¹ Тамъ жж. пр. при раскопкахъ въ Ниневіи найдены были желѣзныя чешуя (части чешуйчатыхъ панцырей) и другія вещи, съ подобнаго рода украшеніями выложенными иждью. См. Виѣши. бытъ нар. и пр. I. стр. 157. по Layard. Niniveh und seine Ueberreste. стр. 361. Reinaud. Monuments arabes, persans et turcs, du Cabinet de M. le Duc de Blacas и пр. съ табл. Paris 1828. II. стр. 298.—² См. выше стр. 87 и сл.— E. Gibbon. гл. LI. — ³ См. выше стр. 174.—⁴ Ср. изображеніе у J. Chardin. Voyage en Perse et autres lieux de l'Orient dans les années 1664 и пр. Amsterdam 1711 (III. in 4 и X in 13 1735) таб. 63.

щитовъ были и другіе побольше, до двухъ съ половиною футовъ въ діаметрѣ, отличавшіеся верѣдко чрезвычайно пестрою и дорогою обшивкою, состоявшею изъ концевъ трически расположенныхъ близко одна къ другой круглыхъ, тростниковыхъ палочекъ, обвитыхъ шелкомъ, золотою или серебряною нитью и пр. съ такимъ искусствомъ, что все это въ совокуности составляло правильный и большею частью весьма изящный узоръ ¹. Впрочемъ, и къ этимъ щитамъ для большей крѣпости прибавлялись по срединѣ доска, а по краямъ ободъ изъ металла; и въ такомъ случаѣ, для соответствія цѣлому эти металлическія принадлежности дѣлались верѣдко изъ золота и серебра, и украшались драгоценными камнями ²; ко всему этому вокругъ щита прилѣплялась еще богатая бахрама съ шерстяными или шелковыми кистями. Внутренняя обдѣлка сходна съ описанною выше, съ тою только особенностью, что послѣднеупомянутые щиты обыкновенно снабжены двумя рукоятками и что мягкая подкладка подъ ними и шнуры или ремни болѣе роскошно отдѣланы чѣмъ у малыхъ щитовъ.

2. Шлемъ, какъ и прочее оборонительное оружіе заимствованъ былъ отъ персовъ, и долго сохранилъ изстари отличавшую его форму полукруглой и остроконечной шапки съ кольчатую къ ней привѣскою ³ (фиг. 121. а. б; ср. фиг. 103). Въ послѣдствіе, (но ранѣе ли 14-го вѣка?), къ нему былъ прибавленъ подвижной наносникъ ⁴, и кольчатая привѣска тоже отчасти замѣнялась подвижными нащечниками и неподвижнымъ затыльникомъ. Дальнѣйшія усовершенствованія составляли (и составляютъ донынѣ), султанъ, украшающій верхушку шлема, и потомъ различные орнаменты (фиг. 103). Послѣдніе вставлены въ самый металл, и на нынѣшнихъ стальныхъ шлемахъ на которыхъ украшенія эти по вкусу арабовъ сливаются съ надписями (фиг. 121. а), они дѣлаются либо изъ серебра, либо изъ золота ⁵. Къ этому надо прибавить, что, по крайней мѣрѣ на востокѣ, доселѣ сохранился обычай, вѣроятно для защиты отъ солнца, обвертывать шлемъ шалью въ родѣ чалмы (ср. фиг. 117).

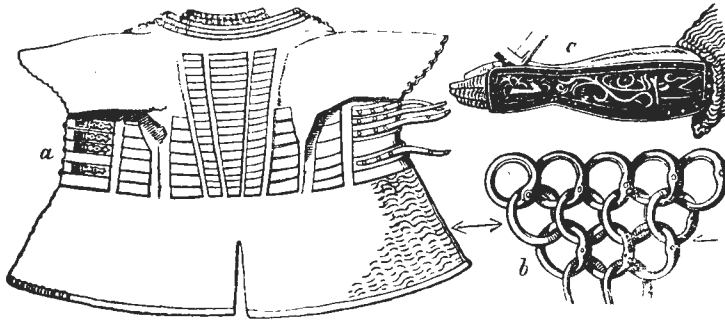
Фиг. 121.

¹ Образчикъ такого упрощеннаго щита, сдѣланнаго изъ камыша и раскрашеннаго по томъ видѣлъ S. Buxkingham (Reisen in Mesopotamien и пр. (перев. съ англ.). Berlin. 1828. стр. 214) у Курдовъ. Щитъ этотъ состоялъ изъ круглой металлической доски съ выпуклыми знаками по срединѣ. Онъ былъ обшитъ кругомъ широкою черною, шелковою бахромою, развѣиваемою вѣтромъ. Лицевая сторона щита состояла изъ раскрашенной плетеной камышевой работы, и цѣлое представляло собою красивое украшеніе — ² Отличныя рисунки отпечатанные красками и изображающіе особенно замѣчательные щиты подобнаго рода см. въ роскошномъ изданіи «Древности россійскаго государства III. № 60 по 71; въ особенности слѣдуетъ уважать на № 66. — ³ Шлемы описываемой здѣсь формы и обдѣлки встрѣчаются еще на древнеассирійскихъ изваяніяхъ, см. Вѣстникъ бытъ народовъ и пр. Ч. I. стр. 156. Фиг. 125 g. — ⁴ Наносникъ этотъ не иное что какъ усовершенствованная надносная часть древнегреческихъ бронзовыхъ шлемовъ, ср. Вѣстникъ бытъ народ. ч. II фиг. 278. с. d. f — ⁵ См. превосходные рисунки въ «Древности россійскаго государства» III. въ особенности № 14, 15, 23.

3. До распространения огнестрѣльнаго оружія и отчасти даже и теперь, главнѣйшую часть вооруженія, служившую для защиты тѣла составляла кольчуга. Это родъ кафтанчика съ короткими рукавами, доходящій почти до колѣнъ и составленный изъ мелкихъ стальныхъ колецъ изъ коихъ каждое захватываетъ четыре другихъ кольца (фиг. 122. а. б). Смотра

Фиг. 122.

по объему такой воинской одежды и величинѣ колець, число послѣднихъ иногда доходить до сорокадвухтысячъ статрицатишести, иногда до пятидесятидвухтысячъ двухсотъвосми ¹; при этомъ каждое отдѣльное кольцо склепано самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ такихъ сплошныхъ кольчатыхъ рубахъ, были въ ходу также съ древнѣйшихъ временъ ² доспѣхи состоявшіе частью изъ колець, частью же изъ извѣстнаго числа металлическихъ пластинокъ (фиг. 122. а). Пластины эти были круглой либо продолговатой формы, и закрывали грудь и спину и большею частью украшались въ томъ же родѣ какъ и шлемы ³.

4. Руки, и (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) также наружная часть бедеръ, защищаемы были отъ ударовъ какъ и прежде, довольно плоскими металлическими листами (фиг. 103) болѣе или менѣе плотно обхватывавшими прикрываемую ими часть тѣла. Наручи, отъ начала палецъ доходили до локтя гдѣ заканчивались полукружіемъ (фиг. 122. с). Украшенія на нихъ, состоятъ по обыкновенію изъ вставленныхъ въ металлъ золотыхъ либо серебряныхъ арабесковъ ⁴.

¹ G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte. VII. стр. 331 къ нему см. Древности россійскаго государства» III и Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes и пр —

² Сравни нѣсколько изображеній на древнеассирійскихъ памятникахъ: Виѣши. бытъ народовъ и пр. ч. I. фиг. 125. е. f; фиг. 128. d. — ³ Кольчуга подобнаго доспѣховъ продавалась въ Брюсселѣ съ аукціоннаго торга въ 1854 г. Въ каталогѣ изданномъ по этому поводу съ рисунками, вещи эти безо всякаго критическаго разбора отнесены ко временамъ престоныхъ походовъ; между тѣмъ многія изъ нихъ принадлежатъ уже къ 15 или 16 стол. и никакъ не древнѣе. Заглавіе названнаго каталога слѣдующее: Catalogue illustré d'armes anciennes européennes et orientales du temps des croisades, d'objets de haute antiquité и пр. et qui seront vendus publiquement и пр. sous la direction de M. Henri Le Roi. Bruxelles 1854. — ⁴ Изображенія подобнаго, весьма богато украшеннаго наручій, см. въ приведен. выше сочиненіяхъ.

Б. 1. Изъ многочисленныхъ родовъ нападательнаго оружія, до новѣйшихъ временъ ¹ лукъ занималъ первое мѣсто. Еще въ семнадцатомъ столѣтіи это было главное оружіе османовъ ², и при султанѣ Мурадѣ IV производство луковъ, стрѣлъ, самострѣловъ, какъ и лучники и стрѣльцы, составляли каждый особые цехи. И доселѣ еще на востокѣ вообще лукъ считается однимъ изъ главнѣйшихъ охотничихъ оружіевъ, а упражненіе въ стрѣльбѣ лукомъ, составляетъ любимѣйшее занятіе восточныхъ народовъ. Упражненіе это породило даже довольно значительную литературу въ которой оно разсматривается съ научной точки, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается особенное вниманіе на каждую отдѣльную часть лука и принадлежности его. Судя по этому существовало не менѣе десяти различныхъ родовъ луковъ, и столькоже разрядовъ различнаго рода стрѣлъ, имѣвшихъ какъ въ общемъ, такъ и въ отдѣльности свои особенныя названія, неговорядаже о разнообразныхъ относящихся сюда названіяхъ техническихъ приѣмовъ. О высокомъ значеніи какимъ пользовался лукъ у арабовъ еще съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, свидѣтельствуетъ наконецъ еще несмѣтное число изреченій и фигуральныхъ оборотовъ рѣчи сложившихся по поводу этого оружія, и дошедшихъ до насъ безъ измѣненія отчасти даже со временъ самого Мухаммеда. — Луки, употребляемые теперь на востокѣ, различной величины, приблизительно отъ двухъ до четырехъ футовъ длины. Небольшіе, въ особенностиже турецкіе, дѣлаются изъ роговъ козерога или буйвола (фиг. 107. b); большіе, напротивъ, почти исключительно изъ крѣпкаго дерева, но преимущественно изъ весьма искусно скрѣпленныхъ вмѣстѣ четырехъ различныхъ сортовъ дерева. Сперва дерево отъ середины по направленію къ оконечностямъ равномерно утонивается, тщательно округливается и сглаживается, потомъ (смотря по цѣнности его), расписывается съ бѣльшимъ или меньшимъ искусствомъ въ различные цвѣта, большую частью красный, или позолачивается, или же мѣстами обвивается разноцвѣтнымъ тонкимъ шелкомъ и золотою нитью и пр. а въ заключеніе изукрашивается кисточками. — Стрѣлы соответствуютъ длинѣ луковъ. Онѣ тоже дѣлаются изъ крѣпкаго дерева и раскрашиваются или раззолачиваются сообразно съ украшеніями лука къ которому онѣ принадлежатъ. Оконечники стрѣлъ маталлическіе, но, смотря по тому для какой цѣли они предназначаются, форма ихъ бываетъ весьма разнообразна; то совершенно острая въ родѣ иглы, то въ видѣ сердца или листка, то похожая на ножъ, или косоугольная, или трехгранная; наконечники стрѣлъ употребляемыхъ просто для упражненія въ стрѣльбѣ, либо совершенно тупы, либо нѣсколько закруглены. Противоположныя оконечности стрѣлы или пятаки, обыкновенно усаживались перьями. Иногда вмѣсто ихъ пятаки обматыва-

¹ Т. е. до конца 17-го стол. когда уже распространилось огнестрѣльное оружіе. Робертъ Ширли, англичанинъ, въ царствованіе Сафавида Аббаса (1585), ознакомилъ персіянъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которые вслѣдъ за тѣмъ воспользовались имъ съ успѣхомъ въ рѣшительной битвѣ при Эрваніи въ 1605 противъ турокъ. W. Vauх. Niveh und Persepolis стр. 116. — ² Относительно лука и стрѣлы у Османовъ, ср. J. v. Hammer-Purgstall въ Abhandlungen der k. k. Akademie der Wissenschaften zu Wien, philosophisch-historische Klasse 1851 въ мартовской книгѣ; къ этому см. сообщаемое G. Klemm по сему поводу описаніе Werkzeuge und Waffen стр. 293 и сл. Его же. Allgemeine Culturgeschichte VII. стр. 333. Рисунки см. въ приведенныхъ выше сочиненіяхъ.

лись тонкою кожею краснаго цвѣта, но по большей части оперялись въ двѣ, три или четыре параллельныя строки вдоль, разноцвѣтными перьями длиною отъ пяти до девяти дюймовъ. На особенно дорогихъ стрѣлахъ пятки дѣлались изъ слоновой кости. — Налучники или влагалища для лука и колчаны и теперь дѣлаются изъ такогже матеріала, изъ какого они дѣлались еще въ самыя древнѣйшія времена, т. е. изъ крѣпкой кожи, и по тойже изстари обычной формѣ (фиг. 103), съ весьма разнообразной обдѣлкою ¹. На простѣйшихъ изъ подобнаго рода влагалищъ матеріалъ, т. е. кожа, остается въ ея натуральномъ видѣ, и развѣ-только коегдѣ обшивается кожею другаго цвѣта или украшается простыми тиснеными орнаментами, причемъ края разъ или болѣе прострачиваются цвѣтнымъ шелкомъ. Богатыя налучники и колчаны, напротивъ, обтягиваются бархатомъ или какою-либо другою матеріею, по ней оковываются золотыми и серебряными украшениями и даже обнизываются множествомъ драгоценныхъ камней. Въ такомъже родѣ украшается тоже большею частью и поясъ которымъ они прикрѣпляются къ бедру.

2. Наряду съ лукомъ въ позднѣйшее время вошли въ употребленіе особаго рода самострѣлы ², но когда именно, и каково было первоначальное устройство ихъ, это вопросы доселѣ пока нерѣшенные. По видимому несомнѣнно лишь то, что непосредственнымъ первообразомъ этихъ самострѣловъ служило метательное оружіе римлянъ, и въ особенности такъ называемая „гастрарфетай“, родъ оружія которое римляне заняли отъ грековъ и ввели въ своемъ войскѣ еще въ началѣ времени имперіи. Самострѣлы эти, при взведеніи коихъ стрѣлки налегали животомъ на прикладъ, составляли, такъ сказать, пѣчто среднее между большими метательными снарядами или баллистами и катапультами, и обыкновеннымъ лукомъ для бросанія стрѣлъ. Судя по описаніямъ римскихъ писателей ³ форма этого оружія еще въ то время почти вполнѣ совпадаетъ съ формою самострѣла позднѣйшихъ временъ и потому весьма вѣроятно, что послѣдній есть собственно только уменьшенная форма перваго. Настоящую форму свою самострѣлъ получилъ на востокѣ, но отъ грековъли, или отъ арабовъ, неизвѣстно;—въ такомъ видѣ во время крестовыхъ походовъ онъ былъ перенесенъ въ западную Европу. Здѣсьже ранѣе двѣнадцатаго столѣтія онъ положительно не встрѣчается ⁴, и потому слѣдуетъ принять какъ исключительный случай извѣстіе, довольно шаткое впро-

¹ Ср. изображеніе древеснелесныхъ налучника и колчана: Внѣшн. бытъ народовъ и пр. ч. II. фиг. 215, и роскошно украшенные колчаны въ: «Древности русскаго государства» III. стр. 127 и сл.—² G. Klemm Allgemeine Culturgeschichte. VII. стр. 461. Егоже: Waffen und Werkzeuge стр. 326. A. Frenzel. Der Führer durch das histor. Museum zu Dresden. стр. 46. Прилѣч. М. v. Reibisch и F. Kottenkamp. Der Rittersaal. Stuttgart. 1842. стр. 73.—³ Относительно этого оружія, какъ и вообще устройства греческаго и римскаго оружія см. превосходное сочиненіе W. Rüstow и H. Köchly. Gesch. des griechischen Kriegswesens. Aarau 1852. стр. 378 и сл. особенно стр. 403, со многими пояснительными рисунками.—⁴ Такъ иж. пр. въ изображеніяхъ рукописи Herrard von Landsperg, относящейся въ серединѣ двѣнадцатаго столѣтія нѣтъ никакого намека на подобнаго рода самострѣлы, но вездѣ упоминается только о простомъ лукѣ четырехъ футовъ приблизительно длины. Ch. Engelhardt. Herrard von Landsperg, Aebtissin zu Hohenburg oder St. Odilien im zwölften Jahrhundert und ihr Werk; Hortus deliciarum. Stuttg. 1818 съ 12 таб. въ большой листъ.

чемъ, будтобы оружіе это употреблялось Генуэзцами еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ¹. Тогда какъ на западѣ самострѣлы вскорѣ стали всюду распространяться и даже постепенно совершенствовались, на востокѣ оружіе это считалось второстепеннымъ, и никогда не имѣло здѣсь того значенія какимъ пользовался простой древній лукъ. Едвали даже сохранились самострѣлы чисто азіатской конструкціи. Одно видовзмѣненіе ихъ быть можетъ представляютъ употребляемые для забавы до нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Германіи и Швейцаріи такъ-называемые „Kugelschnäpper“ (стр. 217)

3. Затѣмъ, въ числѣ главнаго оружія съ древнѣйшихъ временъ считались копья²; они употреблялись или для удара изъ руки, или для метанья, и вообще донныѣ еще длинное ударное копьё у истыхъ бедуиновъ считается главнымъ нападательнымъ оружіемъ (фиг. 115, а. в. ср. фиг. 107. d. e). Копьё это, неговоря о наконечникѣ, отличается значительною длиною и разнаго рода своеобразными украшеніями. Древко всегда или изъ бамбукова тростника, или изъ крѣпкаго дерева. Длина его отъ осьми до четырнадцати футовъ. Мѣстами древко обвертывается пестрою матеріею либо кожей, и къ нижней его части прикрѣпляется пучъ конскаго волоса въ видѣ лошадиного хвоста (фиг. 124. h); не рѣдко тоже оно обматывается то узкими, то широкими рядами мѣдной проволокою, а подъ самый наконечникъ подвѣшивается цвѣтная кисть изъ шнурковъ (фиг. 124. i); подобное украшеніе копій наиболѣе любимое у арабовъ. Наконечникъ копья и пятка оканчивающаяся остриемъ, дѣлаются нынѣ изъ желѣза. Первый, со включеніемъ трубки на другомъ его концѣ въ которую вставляется древко, бываетъ отъ осьми до шестнадцати дюймовъ длины, самоеже желѣзко имѣетъ форму или ланцетовидную, листовидную или трехгранную, илиже заостренно-ромбоидальную, и иногда усажено немного выдающимися крючьями (фиг. 124 h. i. фиг. 107. e).

4. Относительно другаго рода нападательнаго оружія, меча, трудно рѣшить какая изъ двухъ его формъ, прямой или кривой, арабами преимущественно употреблялась въ первые времена. Несомнѣнно лишь то, что имъ извѣстны были обѣ эти формы еще въ глубокой древности³, и что первую изъ нихъ, т. е. прямую, они нашли господствующею у Персовъ (стр. 157). Судя по этому, и главнымъ образомъ на основаніи приведеннаго сейчасъ обстоятельства, всего вѣроятнѣе предполагать, что арабы послѣ завоеванія

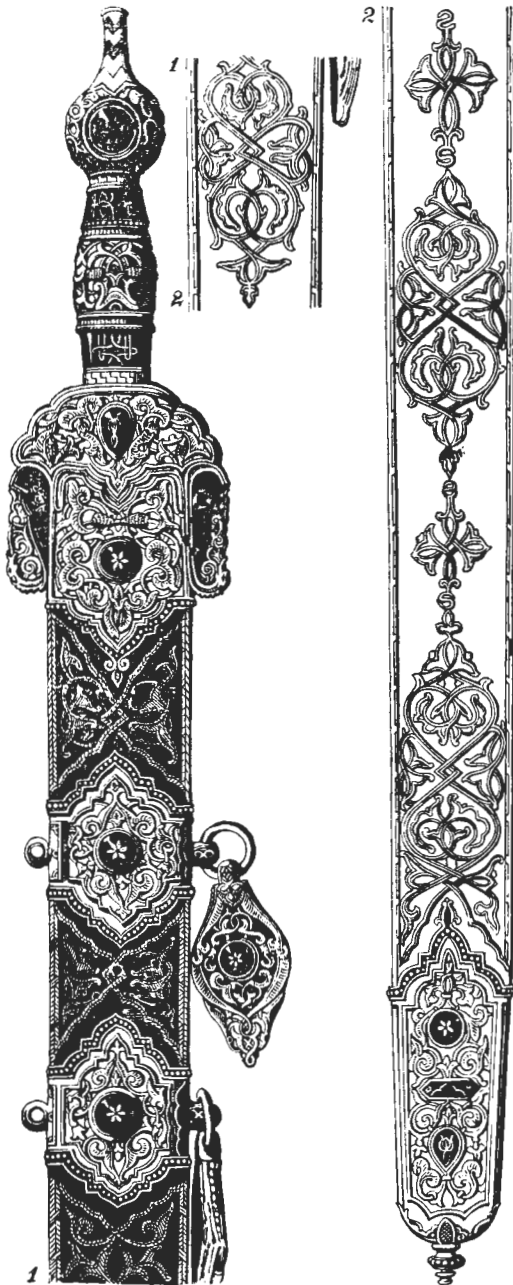
¹ A. Frenzel. Der Führer durch das histor. Museum zu Dresden, стр. 461, прии.—

² Какъ весьма замѣчательное, но единственное исключеніе слѣдуетъ привести одно арабское копьё хранящееся въ оружейной въ Мадридѣ и помѣщенное у Achille Jubinal. La arméria real ou collection etc. на таблицѣ 32 подъ названіемъ «Adarga». Это довольно длинное копьё съ ланцетовиднымъ и длиннымъ наконечникомъ и острою пяткою. Въ серединѣ, дабы крѣпче держать копьё, древно нѣсколько утолщено и снабжено четырехугольнымъ выпуклымъ щитомъ защищающимъ руку. Изъ середины щита и подъ прямымъ угломъ съ древкомъ, выставляется широкій и обоюдоострый мечъ.—Копьё это вѣроятно принадлежить къ исходу пятнадцатаго, а быть можетъ только къ шестнадцатому столѣтію. —

³ Обѣ формы встрѣчаются еще на древнеассирійскихъ памятникахъ, и вообще онѣ были извѣстны Персамъ во время владычества Ахеменидовъ, и даже Греки, у которыхъ были въ употребленіи только прямой мечъ, тѣмъ не менѣе отзывались съ похвалою о кривыхъ сабляхъ индійцевъ; и наконецъ римляне при позднѣйшихъ императорахъ ввели даже въ своемъ войскѣ особое короткое кривое оружіе которыми поражали врага ударомъ и кололи остриемъ (corpis). См. о подробностяхъ Вышній бытъ народовъ и пр. ч. I. стр. 158. фиг. 127. в. стр. 201.

Персія, ввели у себя прямые мечи, если съ ними не были знакомы еще прежде,

Фиг. 123.

де, и что объ формы меча одинаково были въ употребленіи у нихъ до тѣхъ поръ, пока (быть можетъ при Сельджукахъ) господствующею формою стала кривая. — Иное дѣло у мавровъ въ Испаніи, гдѣ, даже въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія, и наряду съ саблею, преимущественно остался въ употребленіи прямой мечъ. Последнее обстоятельство подтверждается изображеніями относящимися къ той эпохѣ, и на которыхъ значительнѣйшая часть воиновъ представлена вооруженною прямыми мечами (фиг. 116. а. в; ср. фиг. 117). Впрочемъ, экземпляръ подобнаго меча сохранился до нынѣ ¹, и по немъ весьма удобно можно судить также объ упомянутомъ выше способѣ украшенія оружія (фиг. 123. стр. 193). Всѣ прочіе сохранившіеся древніе арабскіе мечи принадлежатъ исключительно востоку, и сплошь съ кривыми клинками. Сюда слѣдуетъ отнести прежде всего два меча находящіеся въ числѣ царскихъ регалій нѣмецкихъ императоровъ въ Вѣнѣ ². Одинъ изъ нихъ средней величины, приблизительно трехъ съ половиною футовъ длины, и какъ полагають, подаренъ былъ калифомъ Гарунъ-аль Ра-

¹ Сравни кстати у А. Jubinal: La armeria real и пр. таб. 21. изображеніе меча «Дона Хуана Австрійскаго», вся внѣшняя обдѣлка котораго носитъ отпечатокъ арабскаго происхожденія, или по крайней мѣрѣ арабской работы. — ² Существуютъ много изображеній и описаній этихъ регалій, и сталобыть тоже упоминаемыхъ здѣсь двухъ мечей. Самыя

шидомъ императору Карлу великому. Ножны этого меча роговыя и обложены по лицевой сторонѣ толстымъ листовымъ золотомъ самаго высокаго достоинства, а по внутренней, частью золотыми пластинками съ рѣзбою, частью толстою проволокою; рукоятъ украшена драгоценными камнями.— Другой мечъ, (несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, притомъ подправленный и въ добавокъ, украшенный нѣмецкимъ имперскимъ орломъ), обложенъ сканью и финифтяными плитками. — Оставляя въ сторонѣ другіе подобнаго рода мечи происхожденіе коихъ трудно опредѣлить ¹, замѣтимъ только вообще, что съ древнѣйшихъ временъ у арабовъ существовалъ обычай, подобный тому который встрѣчается и на западѣ въ первыя времена, давать особыя наименованія саблямъ и мечамъ. Такъ ж. пр. лѣбимѣйшая сабля Гаруна-аль-Рашида называлась „самсама“ ²; и если вѣрить преданію, то еще Мухаммедъ обладалъ девятью саблями носившими каждая особое названіе ³.

Нынѣшнія восточныя сабли почти исключительно сильно изогнуты, въ особенности турецкія у которыхъ погибъ клинка иногда почти равняется полукружію. Клинки притомъ рѣдко длиннѣе трехъ футовъ и обыкновенно верхняя половина ихъ уже, а нижняя шире, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ клинокъ вытачивается желобомъ ⁴ (фиг. 124. а). Рукояти постоянно коротковатой и массивной но очень удобной формы, и дѣлаются изъ весьма различнаго матеріала (дерева, рога, слоновой кости, или металла, рѣдкихъ породъ камней и т. п.), и слегка вырѣзаны и обмотаны золотою или серебряною проволокою, или искусно украшены разноцвѣтными дорогими камнями и другими орнаментами. Точно такимъ же образомъ украшался и поперечникъ для защиты руки у корня рукояти, имѣющій по большей части шесть дюймовъ длины. Дужки у восточныхъ сабель не бываетъ, но зато къ головкѣ рукояти часто придѣлывается шнуръ или металлическая цѣпь, которая, если не сообщается съ поперечникомъ, служитъ петлею для надѣванія на

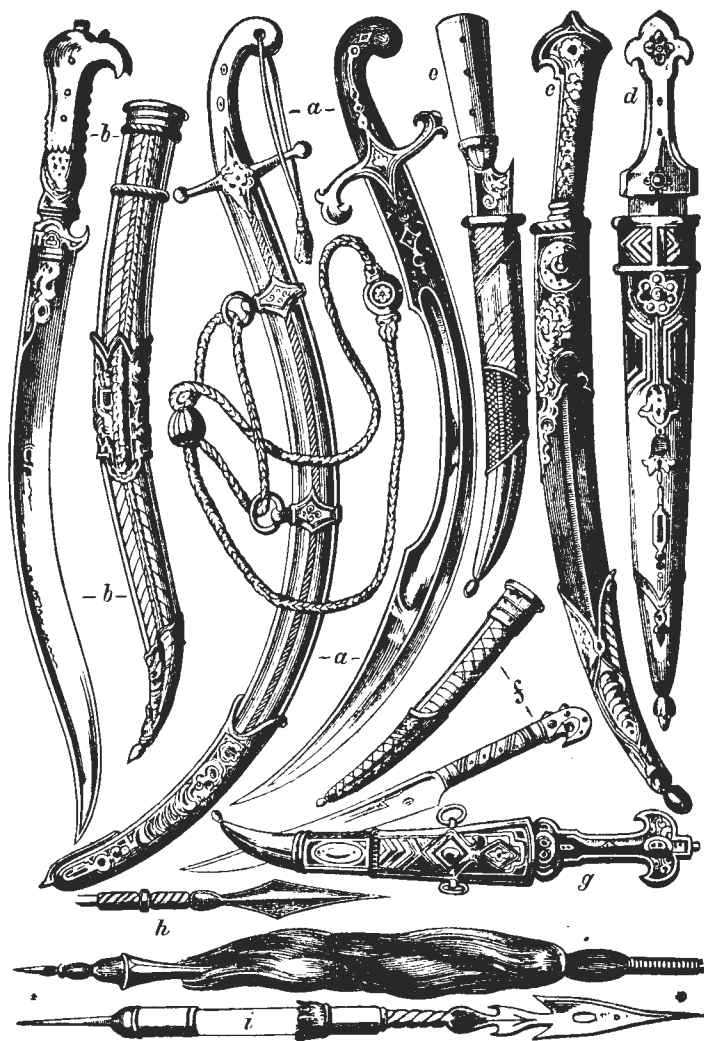
лучшія обнаружены впервые у Ebner von Eschenbach въ Нюрнбергѣ, но сочиненіе это поступило въ продажу лишь въ позднѣйшее время подъ заглавіемъ. «Wahre Abbildung der sämtlichen Reichs kleinodien, welche in der heiligen römischen Reichs freyen Stadt Nürnberg aufbewahrt werden, in ihrer wirklichen Grösse. Nürnberg 1790. 9 гравированныхъ таблицъ; потомъ G. Mügg и др. Это сочиненіе выходитъ въ настоящее время большими листами, превосходно хромотипографированными Fr. Vock. Die Kleinodien des ehemaligen römisch deutschen Reichs, in der Staatsdruckerei in Wien; сравни кстати увѣдомленіе помѣщенное объ немъ въ Mittheilungen der K. K. Central-Comission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Wien. 1857 (II) стр. 52 и сл.; стр. 86 и сл.; стр. 124 и сл.; стр. 126 и сл. стр. 146 и сл.; стр. 171. Изъ прежнихъ описаній назовемъ: Ch. Qui x. Historische Beschreibung der Münsterkirche und der Heiligthumsfahrt in Aachen и пр. Aachen 1825.—

¹ Богатое собраніе рисунковъ въ приведенныхъ выше сочиненіяхъ Rockstuhl. Musée d'armes rares et пр. и въ особ. въ «Древн. россійск. государства» III. № 86 и сл. — потомъ подробное описаніе такихъ вещей ж. пр. у G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte VII. стр. 343; Его же: Werkzeuge und Waffen. стр. 242 и сл. — ² E. Gibbon. т. LII.

³ Ср. J. Gagnier. La vie de Mahommed стр. 153., названія этихъ сабель характеристичны, по отношенію къ этому роду оружія вообще, вотъ онѣ: «Марбуръ», остріеяглы; «Аль-Адхбъ», остроконечная; «Дзульфаркаръ», доставшаяся послѣ въ наслѣдіе Али; «Аль Кола», прозванная такъ по городу Кола; «Аль Батаръ» острорѣжущая; «Аль-Хатфъ», смерть; «Аль-Медхамъ», хорошо рѣжущая; и «Аль-Радхибъ», локорѣжущая. — ⁴ Относительно надписей на восточномъ оружіи, и преимущественно на мечяхъ, см. Quandt. Andeutungen für Besucher des historischen Museums стр. 167, гдѣ нѣкоторыя изъ надписей переведены на нѣмецкій языкъ.

руку (фиг. 124. а). Ножны большею частью деревянные внутри; а снаружи тщательно обтянуты цвѣтною кожею, рыбьею кожею, шелковою тканью, бархатомъ или какою либо другою матеріею. У верхняго и нижняго концовъ, и по серединѣ, для прикрѣпленія перевязи, ножны оковываются металлически-ми (плоскими) трубочками въ которыя вдѣланы колечки. На украшеніе ноженъ

Фиг. 124.

обращается въ особенности большое вниманіе. Не только самый чехоль отдѣляется съ величайшей тщательностью, но и преимущественно металлическій на немъ наборъ, смотря по цѣнности оружія, изукрашивается болѣе или менѣе искусно рѣзбою, дорогими камнями и пр. Точно такъ и перевязь, когда она сдѣлана изъ кожи и тоже окована металломъ, въ противномъ слу-

чаѣ ее обыкновенно замѣняетъ крѣпкій крученый шнуръ изъ цвѣтнаго шелка (фиг. 124. а).

5. Къ такойже глубокой древности принадлежитъ, одинаково съ мечомъ, цѣлый и довольно значительный рядъ ножей разнообразныхъ формъ ¹. Въ числѣ ихъ нѣкоторые съ изогнутыми клинками, другіе съ прямыми; и при весьма различной величинѣ украшенія на нихъ одинаковы какъ на мечахъ (фиг. 124. b. c. d. e. f. g; ср. фиг. 107. f. g). Кромѣ нѣсколькихъ видовъ небольшихъ прямыхъ кинжаловъ наиболѣе распространенныхъ въ западной части Азіи и преимущественно между арабами, (фиг. 124. d), тамъ же встрѣчается и болѣе или менѣе кривой „дшенби“ (фиг. 124. c. e. g), и изогнутый „ятаганъ“ (фиг. 124. b). У послѣдняго, одного изъ главныхъ оружій также у турокъ, длина клинка доходитъ иногда до двухъ футовъ, и кругловатыя ножны, часто изъ чистаго серебра съ чеканною отдѣлкою. — Всѣ названные ножи, какой бы они ни были величины и длины, носятя безъ исключенія за поясомъ, и обыкновенно по нѣскольку за разъ.

6. Наконецъ, какъ части древневосточнаго вооруженія вообще, слѣдуетъ еще привести боевыя сѣкиры и булавы ², составлявшія вплоть до конца семнадцатаго столѣтія главное конное оружіе османовъ. Въ настоящее время оно употребляется развѣ только еще немногими воинственными горцами въ сѣверной Азіи, какъ нар. черкесами, грузинами и пр. но и тамъ довольно рѣдко. — Боевыя сѣкиры большею частью имѣли форму, или обыкновеннаго топора съ округленнымъ лезвіемъ, или двойнаго топора въ видѣ четырехугольнаго молота; но кромѣ того были также остроконечныя сѣкиры, иногда съ двойнымъ остриемъ, причемъ одно острее выдавалось болѣе чѣмъ другое. Клинки какъ и рукояти обыкновенно отличались болѣе или менѣе богатою отдѣлкою; первые, либо рѣзными, либо выложенными орнаментами, и лишь изрѣдка выпуклыми украшеніями, а рукояти отчасти металлическою оковкою, отчасти обшивкою изъ кожи, шелка или бархата. — Форма булавы вообще осталась почти такою, какою она была у древнихъ египтянъ, асприѣцевъ и пр., т. е. металлическій шаръ съ прикрѣпленною къ нему рукоятію ³. Въ позднѣйшее время, быть можетъ уже къ концу средневѣковой поры, форма эта измѣнилась и обычный цѣльный шаръ иногда замѣнялся какъ бы разрѣзаннымъ вертикально на нѣсколько кружковъ металлическимъ шаромъ. Это измѣненіе потомъ послужило поводомъ тому, что упомянутыми кружками стали воспользоваться какъ ор-

¹ Превосходныя изображенія ножей съ описаніемъ см. въ томъ же соч. «Древн. росс. государства», у Rockstuhl. Mayr Fischer. Genrebilder des Orients и пр. у G. Klemm. Culturgeschichte въ прив. жѣстахъ и Ергоже: Werkzeuge und Waffen выпр. и.—

² Что приводимыя здѣсь предметы въ глубокой древности составляли главное оружіе народовъ срединаго Азіи, объ этомъ безспорно свидѣлствуютъ не только памятники Ниневіи и Персеполиса, но также извѣстія сообщаемыя древнѣйшими писателями. Ср. Внѣшн. бытъ народовъ и пр. фиг. 127. а. b. c. d. e. f. Относительно же палачи бывшей въ общемъ употребленіи между турками въ пятнадцатомъ столѣтіи, см. D. Kaptemir. Gesch. des osman. Reichs. и пр. Hamb. 1745 стр. 134 и сл. Изъ значительнаго числа сѣкиръ и палачи помѣщенныхъ въ «Древн. росс. госуд. и отчасти замѣчательныхъ по дорогимъ украшеніямъ», III. № 45, 77, 78, 113, 114 и др. не многія принадлежатъ къ 15-ому столѣтію, по болѣею частью уже къ 16-ому.—³ Ср. Внѣшн. бытъ народовъ I. ч. фиг. 44. c; фиг. 46; фиг. 127. а. b. c.

наментами. Сообразно сему кружки эти по краямъ обдѣлывались различнымъ образомъ, или украшались рѣзбою и изящными прорѣзными орнаментами ¹, а рукоять, нерѣдко сплошь металлическая, обтягивалась либо цвѣтною матеріею, либо оковывалась металлическими украшениями.—Особый видъ боевой палицы сохранился до нынѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ персидскихъ войскъ, это довольно длинная дубина съ овальнымъ утолщеніемъ на концѣ, усаженнымъ металлическими иглами (фиг. 134).

7. При всѣхъ вышеописанныхъ различныхъ родахъ оружія, персидскій арканъ (стр. 155), какъ и кожаная праща, изстари существовавшая на востокъ, оставались въ употребленіи въ качествѣ оружія нисшаго разряда.

В. До особеннаго совершенства доведено было арабами все что касалось взнуздыванія и осѣдланія лошадей. Все что по этой части сдѣлано было еще персами съ давнѣйшихъ временъ по отношенію къ удобству и роскоши въ цѣломъ и въ отдѣльности (стр. 155), все это въ позднѣйшія времена было доведено до крайней утонченности ². Сбруевыя принадлежности стали не только все болѣе и болѣе приспособляться и подбираться сообразно съ правилами верховой ѣзды, и роскошнѣе обдѣлываться, но и къ существовавшимъ уже украшениямъ прибавилось много новыхъ, и много тако-го также что должно было служить для большей защиты коня. Таковы напр. полная металлическая арматура, прикрывавшая всю верхнюю часть тѣла по крайней мѣрѣ до сгиба ногъ, потомъ роскошно украшенная сѣдла съ высокими спереди и сзади луками (фиг. 117), и цвѣтными чепраками изъ дорогихъ матерій, либо одиночныхъ, либо двойныхъ, закрывавшихъ вѣтѣтъ сѣдла и арматуру коня.—Послѣдняя состояла изъ отдѣльныхъ частей связанныхъ между собою пряжками и закрывавшихъ голову, шею, грудь, задъ и бока лошади, и по обыкновенію одна лишь верхняя половина той части брони, которая закрывала голову, т. е. собственно-налобникъ, состояла изъ цѣльной кованной металлической доски, прилаженной къ формѣ лобной кости животнаго. Всѣ остальные части конской брони состояли изъ мелкихъ четырехугольныхъ, продолговатыхъ бляшекъ и колець, совершенно въ родѣ описанныхъ выше (фиг. 122) кольчугъ ³. Стремена были широки и велики, по обѣимъ сторонамъ съ высокими стѣнками, и не рѣдко имѣли у задняго конца длинное остріе, замѣнявшее шпоры (фиг. 115. а. б).

Г. Въ числѣ полевыхъ знаковъ и орудій конми передавались сигналы при построеніи войска, знамена играли самую главную роль еще въ Мохаммедовомъ войскѣ. Первое знамя для этого войска самъ полководецъ „пророкъ“, Боре йда составилъ изъ своей чалмы, распустивъ ее и прикрѣ-

¹ См. «Древности рос. госуд.» III № 80 по № 85. — ² Нѣсколько болѣе подробное описаніе всѣхъ подробностей конской сбруи употребляемой нынѣ на востокъ повѣдлобы насъ слишкомъ далеко, и потому мы ограничимся указаніемъ на сочиненіе Н. V. Maug и S. Fischer. Genrebilder aus dem Orient. таб. VI и таб. XII; потомъ на изображенія подобныхъже предметовъ прежнихъ эпохъ у Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes и пр.—³ Одна изъ подобныхъ броней, какія впрочемъ бывають во всякомъ хорошемъ собраніи оружія, помѣщена ж. пр. въ упомянутомъ уже выше каталогѣ (стр. 196 прим. 3) табл. VI.

пивъ къ шести ¹. Прочія знамена Мухаммеда были исключительно чернаго или бѣлаго цвѣта ². Большое, или священное знамя, главное знамя Мухаммеда, было совершенно бѣлое; собственный же его полевой значекъ чернѣй. Это былъ кусокъ ткани изъ верблюжьяго волоса отъ завѣсы находившейся у покоя жены его Айэши. Значекъ этотъ названъ былъ имъ „окабъ“, т. е. орломъ. Прочіе знамена въ его войскахъ по большей части состояли изъ покрывалъ его женъ, и на нихъ была надпись „Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Мухаммедъ посоль Божій“.—Турки увѣрены что обладаютъ еще въ настоящее время однимъ изъ этихъ знаменъ, и чтутъ его какъ государственную святыню ³. Оно хранится въ числѣ регалій Порты, подъ названіемъ „Сандшаки Шерифъ“, и лишь въ случаяхъ крайней важности выставляется для возбужденія войска. Оно покрыто сорока тафтными покрывалами, подъ коими кромѣ того хранятся писанный Омаровою рукою коранъ, и священные ключи отъ Каабы въ Меккѣ. Древко знамени приблизительно двѣнадцати футовъ длины, на концѣ его серебряный шаръ, въ которомъ, какъ говорятъ, хранится другой Омаровой списокъ корана.—Множество трофеевъ хранящихся донынѣ въ оружейныхъ Европы могутъ служить доказательствомъ тому, съ какою роскошью, въ особенности османы, украшали свои знамена въ концѣ шестнадцатаго и въ семнадцатомъ столѣтіи ⁴.

Д. Въ заключеніе приведемъ стольже сжатое какъ и живое описаніе одного изъ талантливѣйшихъ историковъ о способѣ веденія войны у арабовъ въ древнѣйшіе времена ⁵. „Нападательное и оборонительное оружіе ихъ, (т. е. сарациновъ), не уступало римскому, ни въ крѣпости, ни въ качествѣ, но въ искусствѣ управлять конемъ и метать стрѣлы они значительно превосходили ихъ (римлянъ). Серебряный наборъ на перевязяхъ, сабляхъ и даже на конской сбруѣ свидѣтельствовали о великолѣпіи народа богатаго; и за исключеніемъ не многихъ чернокожихъ лучниковъ изъ южныхъ странъ, арабы невысоко ставили нищенскую и безоружную храбрость предковъ своихъ. Въмѣсто повозокъ за войскамъ тянулася длинная веревница верблюдовъ, ословъ и муловъ, украшенныхъ значками и тесмами, увеличивавшая на видъ численность войскъ и придававшая имъ болѣе великолѣпія. Неуклюжіи видъ верблюдовъ и противный запахъ ихъ, приводили часто въ замѣшательство непріятельскихъ лошадей. Переноса терпѣливо зной и жажду они становились непобѣдимы, затѣ въ зимнія стужи духъ ихъ ослабѣвалъ. Всѣмъ извѣстная склонность ихъ предаваться сну, вынуждала (начальниковъ) принимать самыя строгія мѣры предосторожности, дабы быть готовыми на нечаянныя нападенія въ темную ночь. Расположеніе войска въ строю составляло долгіи четверугольвики изъ двухъ сомкнутыхъ и глубокихъ рядовъ, одного, состоявшаго изъ стрѣльцевъ, и другаго изъ конницы. Въ битвахъ своихъ на морѣ и на сушѣ они выдерживали самый яростный натискъ съ неустрашимою стойкостью, и вообще переходили въ наступленіе лишь тогда уже, когда замѣча-

¹ G. Wahl, Der Koran и пр. Введеніе стр. ХLI.—² Тамъ же, стр. LXXIII.—³ J. V. Hammer-Purgstall. Des osmanischen Reiches Staatsverwaltung и пр. II, стр. 12. и сл.—⁴ См. въ особ. Fr. V. Leber. Wien's kaiserliches Zeughaus и пр. подъ № 648 до 651, 669, 684, 687 и преимущественно № 703, гдѣ иж. пр. сообщается превосходныя историческія свѣдѣнія о разрядахъ новѣйшихъ турецкихъ знаменъ и пр.—⁵ E. Gibbon гл. LIII.

ли что нападавшіе утомлены; но, будучи сами отброшены или смяты, они небыли болѣе въ состояніи сомкнуть снова ряды и возобновить сраженія, и въ подобныхъ случаяхъ ужасъ въ нихъ еще болѣе возрасталъ отъ убѣжденія, что Богъ отъ нихъ отступился и помогаетъ врагамъ ихъ. Такое ужасное опасеніе оправдывалось упадкомъ и окончательнымъ паденіемъ могущества калифовъ, притомъ же, между мусульманами ходили темныя предсказанія о пораженіяхъ либо той, либо другой арміи.—Настоящее военное устройство по правиламъ тактики, водворилось на востокѣ собственно только при османяхъ, на основаніи стратегической теоріи составленной Тимуромъ¹.

IV. Что касается женской одежды, то изъ приведенныхъ уже выше памятниковъ (15-аго столѣтія), только одно довольно точное, изображеніе позволяетъ съ нѣкоторою достовѣрностью судить о формѣ этой одежды въ періодъ отъ Мухаммеда до четырнадцатаго столѣтія. Это одно изъ упомянутыхъ уже прежде рельефныхъ изображеній относящихся къ изгнанію мавровъ изъ Испаніи королемъ Фердинандомъ, и въ коихъ для соответствія

Фиг. 125.

представлено крещеніе совершаемое надъ арабскими женщинами (Фиг. 113). Всѣ, безъ исключенія одѣты въ длинную и широкую нижнюю одежду со многими складками и не доходящую вполнѣ до ступиць. Верхняя одежда въ томъ же родѣ, но нѣсколько короче. Сверху надѣта накидка обхватывающая тѣло въ видѣ широкаго покрывала, на ногахъ штаны и полусапожки (фиг. 125).

Если съ этимъ костюмомъ сравнимъ предписанія „пророка“ по отношенію къ женской одеждѣ², то увидимъ что они всегда въ точности исполнялись. Прежде всего требовалось, „чтобы всѣ женщины повозможности закрывались покрываломъ за исключеніемъ лишь пожилыхъ, которымъ нельзя было вступать въ бракъ. Имъ предписывалось спускать покрывало ниже ворота рубахи и ни передъ кѣмъ исключая самыхъ близкихъ родныхъ, не обнажать своихъ предестей; также не поднимать ногу, дабы нагота ихъ не выставлялась наружу“³.

Изъ этого послѣдняго предписанія слѣдуетъ заключить, что во время Мухам-

¹ См. въ особенности J. V. Hammer Purgstall. Des osmanischen Reichs Staatsverfassung. I. стр. 163 и сл., а относительно востока вообще, извлеченія у G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte. VII. стр. 283 до 328.—W. Langlès. Instit. politiques et militaires de Tamerlan proprement appelé Timour, écrits par lui-même et trad. Paris 1787; ср. Comte de Marsigli. L'état militaire de l'empire ottoman. 2 Тома. La Haye. 1732.—² G. Wahl. Der Koran. Sure XXIV. (стр. 313. 318).—³ По переводу W. Lane. Sitten und Gebräuche I. стр. 188 это мѣсто въ коранѣ слѣдуетъ читать такъ: «онъ не долженъ ударять ногою объ ногу такъ, чтобы (черезъ это) не обнажались закрываемыя ими предести.» авторъ по этому поводу замѣчаетъ что въ словахъ этихъ заключается намекъ на

меда женщины еще не носили штановъ, между тѣмъ весьма вѣроятно что именно на основаніи его, онѣ вообще еще въ очень раннюю пору усвоили себѣ названную сейчасъ одежду.—Впрочемъ, на упомянутомъ рельефномъ произведеніи изображена только обычная въ то время одежда среднихъ сословій, отгдѣ какъ, безъ сомнѣнія костюмъ женщинъ высшихъ классовъ отличался самою изысканною роскошью. Достаточно привести одинъ примѣръ. Ада, дочь калифа Моэза, обладала не только безчисленнымъ количествомъ драгоценныхъ камней, но кромѣ того у ней было до тридцатитысячъ штукъ египетскихъ тканей, а у сестры ея Рашиды до двѣнадцати тысячъ одеждъ¹.

А. Болѣе наглядное представленіе обо всемъ прочемъ касающемся женской одежды, и въ особенности измѣненій коимъ подвергались нѣкоторыя ея части, можетъ опятьтаки дать одно только точное изученіе существующихъ теперь еще на востокѣ костюмовъ.

1. Наряду съ одеждою употребляемою нынѣ средними сословіями въ Аравіи, и обличающею явное сходство съ испано-мавританскою, изображенною на упомянутомъ рельефѣ, въ Египтѣ и Азіи, одежда среднихъ и высшихъ классовъ въ настоящее время почти одинаково состоитъ въ слѣдующемъ²: — самую главную исподнюю одежду, надѣваемую непосредственно на тѣло составляютъ, весьма просторные шаровары („шинтіанъ“), изъ цвѣтной или разноцвѣтной полосатой, шелковой или бумажной матеріи, но также изъ бѣлой или узорчатой кисеи. Вокругъ талии они сдерживаются гашникомъ, а ниже колѣнъ тесемками. Шаровары на столько длинны, что, будучи подвязаны подобнымъ образомъ, они спускаются широкими круглыми складками до самыхъ ступицъ (фиг. 127. а. б). Поверхъ ихъ надѣвается рубашка, либо полотняная, либо изъ пестраго (иногда и чернаго) крепа, впрочемъ совершенно сходная по покрою съ мужскою, но не доходящая до самыхъ колѣнъ. На эту рубашку надѣвается длинный кафтанъ („елекъ“), или вмѣсто его иногда куртка („антэри“) доходящая только до талии, но сходственная съ верхней частью елека во всѣхъ отношеніяхъ, даже по матеріи, обыкновенно одинаковой съ тою, изъ которой сдѣланы шаровары. Елекъ, соответ-

Фиг. 126.

одно обьясненіе у женщинъ во время Мухаммеда, шелгать обручами которыя онѣ носили на ногахъ.—Такое обьясненіе мнѣ кажется нѣсколько натянутымъ, но какъ бы то ни было, оно не противорѣчитъ тому, что вслѣдъ за этимъ говорится объ отсутствіи штановъ у арабскихъ женщинъ во времена Мухаммеда.—¹ Et. Quatremère. Mémoire sur l'Égypte и пр. 2 стр. 311. и сл.—² Я здѣсь слѣдовалъ преимущественно основательному изложенію W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Aegypten I. стр. 36, причѣмъ обращалъ также вниманіе на изображенія въ помѣнованныхъ выше (стр. 160. пр.) сочиненіяхъ. Кромѣ того укажу кстати на интересныя замѣтки о женской одеждѣ на востокѣ въ письмахъ Lady Marie Worthley Montagne и пр. Leipzig 1763.

ствующій мужскому кюфтану, вообще гораздо уже его, рукава тоже много длиннѣе, да притомъ спереди, отъ ворота до половины груди онъ наставленъ петличками и пуговками, и сверхъ того съ разрѣзами по обѣимъ сторонамъ ниже талии. Одежду эту женщины носятъ обыкновенно такимъ образомъ, что, соответственно самому покрою ея, груди (прикрываемыя слегка рубашкою), приблизительно на половину остаются непокрытыми елекомъ (фиг. 127. а. б). Эта одежда (илиже вышеупомянутая куртка), обяза-

Фиг. 127.

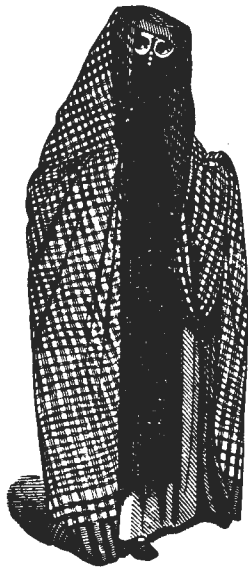
вается свободно на талии кушакомъ, состоящимъ изъ четырехугольной шали (или платка), сложенной предварительно треугольникомъ, и оба конца которой, по обмотаніи уже вокругъ стана, завязываются спереди либо свѣшиваются сзади. На голову женщины надѣваютъ такъ называемые „такіѣ“ и „тарбушъ“, которые крѣпко повязываются потомъ „фарудіѣ“, или большимъ четырехугольнымъ платкомъ изъ пестрой узорчатой кисеи или крепа, „рабта“. Къ этому головному убору, (кромѣ различныхъ украшеній, въ родѣ короны и т. п.)¹, прикрѣпляется иногда на затылкѣ въ видѣ головного покрывала, длинный кусокъ бѣлой кисеи, или полоса цвѣтнаго крепа, конецъ которой украшается разноцвѣтнымъ шелкомъ, мишурою и золотымъ шитьемъ. Такое покрывало называется „тарха“. Только весьма немногія женщины носятъ чулки или особаго рода короткіе носки, но зато большая часть изъ нихъ на босу ногу надѣваетъ родъ подбашмачковъ (босовиковъ, босиковъ), называемые „мецъ“ (мечти, мешти), изъ желтаго или краснаго сафьяна, и нерѣдко украшенные золотымъ шитьемъ. Сверхъ эту обувь онѣ надѣваютъ

¹ Подробное описаніе впереди.

обыкновенно когда вступают на ковры, такъ называемыя „бабугъ“ (бабуши), туфли (безъ задниковъ), илиже высокіе деревянные приступки или башмаки, „кубкабъ“. Первые дѣлаются всегда изъ жолтаго сафьяна и съ круто загнутыми вверхъ носками; послѣдніе (отъ четырехъ до девяти дюймовъ вышины), украшаются нерѣдко богатою перломутровою и серебряною наръзкою и пр. иногда также обтягиваются бархатомъ ¹.—Весь вышеописанный нарядъ пополняется тѣмъ еще, что сверхъ названнаго „елека“ (или куртки „антэри“), женщины иногда надѣваютъ такъ называемую „гиббе“, или вмѣсто ея курточку „салта“. „Гиббе“, это кафтанъ халатнаго покроя какъ и „елекъ“, и одинаковой съ нимъ длины, но отличается отъ мужской гиббе (стр. 188) тѣмъ, что не такъ полонъ особенно въ верхней части. Эти одежды, равно и салта, дѣлаются преимущественно изъ сукна, бархата или шелка, и по швамъ широко простегиваются шелкомъ и золотомъ.

2. Описанная нами одежда употребляется въ домашнемъ, обиходномъ быту. Но каждый разъ когда женщины выходятъ изъ дома эта домашняя одежда закрывается такъ называемую „тецхире“, состоящую главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ вещей ²: плаща „тобъ“ или „себле“, покрывала для лица „бурко“, очень широкой накидки называемой „хабара“ и короткихъ сапожковъ или башмаковъ „кугфъ“ да деревянныхъ башмаковъ. Сперва надѣвается плащъ. Онъ весь изъ шелковой матеріи, большею частью свѣтлоокраснаго или фіолетоваго цвѣта, весьма широко и съ висячими рукавами почти такойже ширины какъ плащъ. Затѣмъ надѣвается покрывало. Это широкая полоса бѣлой кисеи такой длины, что, считая отъ глазъ внизъ, она почти достигаетъ до ступицъ; она держится вверху помощью крестообразно сложенной тесмы (фиг. 128; фиг. 108. с). „Хабара“, наконецъ, назначеніе которой, закрывать все тѣло съ головы до ногъ, дѣлается различнымъ образомъ, смотря потому для кого она назначается, для замужнейли женщины, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ одежда дѣлается изъ двухъ кусковъ гляцивитой черной шелковой тафты, каждый въ полтора локтя длины, и безъ четверти въ два ширины. Куски эти сшиваются кромками въ длину, но когда одежда надѣта направленіе шва горизонтальное. Съ внутренней стороны, на шесть дюймовъ отступающа отъ верхняго края одежды, къ ней придѣлывается узкая тесма, помощью которой хабара прикрѣпляется на головѣ, для того, чтобы та часть которая закрываетъ лицо (до глазъ) не спалывала съ головы внизъ по спинѣ. Хабара для незамужнихъ женщинъ дѣ-

Фиг. 128.

¹ Ср. объ этой обуви въ особ. K. Niebuhr. Beschreibung von Arabien (1772) стр. 63 и сл. таб. II. а. b. с. С. A. Böttiger. Kleine Schriften archäologischen und antiquar. Inhalts. изд. I. Sillig. Leipzig 1850. III. стр. 68 и сл. таб. III. 3. 4.—² См. W. Lane. Sitten und Gebräuche в пр. I. таб. 16.

лается либо изъ бѣлой шелковой матеріи, либо состоитъ изъ просторной шали (ср. фиг. 128); а у менѣе зажиточныхъ ее замѣняетъ „паръ“, т. е. кусокъ бѣлой бумажной матеріи.—Короткіе сапожки или башмаки дѣлаются изъ желтаго сафьяна.

Употребленіе зонтиковъ и опахалъ требуется самымъ климатомъ. Первые походятъ на наши зонтики, но вообще размѣромъ нѣсколько больше нашихъ, и отчасти роскошно отдѣланы. Опахала дѣлаются изъ перьевъ, изъ пергамента или пальмовыхъ листьевъ и также изъ тафты. Опахала изъ перьевъ, на изготовленіе коихъ часто употребляются павлиныя перья, имѣютъ обыкновенно форму большаго овальнаго листа, или длинной махалки (фиг. 127. а); прочія напротивъ, большею частью формы четырехугольнаго флюгерка. Первые, употребляются преимущественно турчанками внутри дома, послѣдніяже въ ходу скорѣе между аравитянками, и даже женщинами низшихъ классовъ въ Джиддѣ и Меккѣ¹.

3. За исключеніемъ женщинъ самаго бѣднаго класса, какъ между осѣдлыми арабами, такъ и у бедуиновъ (о которыхъ уже было говорено выше стр. 174), всѣ вообще носятъ широкіе шаровары изъ бѣлой бумажной матеріи или холщевые на подобіе „шинтіанъ“; потомъ сверху рубашку изъ синяго холста или бумажнойже матеріи; покрывало изъ чернаго крепа; красносаяфьянные башмаки съ загнутою вверхъ, но закругленною, подошвою, и темносинюю „тарха“ изъ кисеи или холста. Нѣкоторыя женщины свержу рубашки, или вмѣсто ея носятъ „тобъ“ изъ холста. Послѣдняя одежда сходна съ предъидущею, и для большаго удобства, или въ замѣнъ „тархи“, женщины закидываютъ рукава „тоба“ на голову. Сверхъ того иногда онѣ надѣваютъ на себя плащъ въ родѣ „хабара“, и покрываютъ голову либо извѣстными намъ „тарбушъ“ съ „фарудье“, либо четырехугольнымъ платкомъ изъ черной шелковой матеріи, подъ названіемъ „асбе“, съ красной или желтою каймою. Платокъ этотъ складывается въ три угла и завязывается просто на головѣ. Плащъ, о которомъ мы сейчасъ говорили называется „милайе“. Онъ дѣлается обыкновенно изъ двухъ равныхъ по величинѣ кусковъ клѣтчатой, синей съ бѣлой, или съ темными полосами бумажной матеріи, опушенной на концахъ красною шерстью (фиг. 128).

Б. Что касается косметиковъ и предметовъ украшенія въ собственномъ смыслѣ, то при одномъ бѣгломъ сравненіи дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этихъ предметахъ, и изображеній на древнѣйшихъ памятникахъ, мы ясно увидимъ, что эта именно часть наименѣе подвергалась измѣненіямъ. Во всѣхъ болѣе зажиточныхъ классахъ и до нынѣ въ употребленіи такіяже туалетныя принадлежности какъ и въ старину, и всю разницу составляютъ не столько форма, сколько цѣнность матеріала и степень отдѣлки ихъ. Тогда какъ у богатыхъ предметы украшенія изъ золота, съ драгоценными камнями и отдѣланы съ особеннымъ стараніемъ, этиже самыя вещи для среднихъ и низшихъ классовъ изготавливаются кое-какъ и преимущественно изъ латуни, низкаго достоинства серебра, цвѣтнаго стекла или финифти и пр.

¹ Ср. изображеніе торговки хлѣбами изъ Джидды у С. Niebuhr. Reisebeschreibung von Arabien (1774) I. таб. LVII.

Въ особенности древніе любили съ незапамятныхъ временъ филиграновыя работы, такого рода предметы, явно аравійскаго происхожденія, были найдены въ весьма древнихъ могилахъ ¹.

1. Въ числѣ самыхъ употребительныхъ косметическихъ средствъ ², (послѣ ваннъ, до которыхъ восточные народы большіе охотники, потомъ ароматическихъ мазей и эссенцій), первое мѣсто принадлежитъ разнаго рода втираніямъ, румянамъ и пр. Сюда относятся въ особенности черныя порошкы который приготавливался изъ копоти, называемый „коль“, и оранжеваго цвѣта краска добываемая изъ листьевъ „хенны“. Порошкомъ „коль“ женщины чернятъ себѣ брови и вѣки, дабы придать блестящимъ глазамъ своимъ еще больше огня. „Хенна“ употребляется главнымъ образомъ для окрашиванія нѣкоторыхъ частей тѣла. Въ этомъ отношеніи женщины слѣдуютъ вполне собственной прихоти, окрашивая то руки и ноги (фиг. 136. а.), то одни лишь ногти на рукахъ и ногахъ, но преимущественно кончики пальцевъ на обѣихъ оконечностяхъ до перваго сустава, а также ладони и ступню, причѣмъ иногда проводятъ еще полосу поперекъ по среднимъ суставамъ пальцевъ. Окрашеннымъ такимъ образомъ въ оранжевый цвѣтъ частямъ тѣла, женщины придаютъ иногда темнооливковый или черный цвѣтъ, обкладывая ихъ особаго состава тѣстомъ изъ негашеной извести, сосновой сажи и льнянаго масла. Та и другая краска употребляются иногда вмѣстѣ, вообще чаще чѣмъ обычныя красныя румяны и бѣлила.—Кромѣ того въ низшихъ классахъ существуетъ обычай татуировать кожу, преимущественно зеленеватою или синею красками. Татуированіе производится обыкновенно въ дѣтскомъ возрастѣ, на пятомъ или шестомъ году, на щекахъ, на лбу, на подбородкѣ, на наружныхъ частяхъ рукъ и ногъ, и большею частью въ видѣ звѣздочекъ, кружковъ, крестиковъ и т. п.; также и на рукахъ и на груди параллельными горизонтальными линиями или зигзагами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ верхняго Египта и отчасти Сиріи многіе татуируютъ даже губы темносинею краскою.

2. Затѣмъ болѣе всего обращается вниманія на волосы. Еще въ глубокой древности натуральная густота и черный цвѣтъ волосъ пбчитались высшею краскою, и потому женщины во все времена прибѣгали къ искусственнымъ средствамъ, чтобы придать имъ еще болѣе блеска. Замѣчательно притомъ, что у знатныхъ средства эти почти вездѣ одинаковы, вѣроятно потому, что они именно наиболѣе соответствовали требуемой цѣли. Спереди волосы подстригались довольно коротко, съ боковъ же, смотря по густотѣ волосъ, они либо завивались въ два длинные локона или въ нѣсколько маленькихъ, либо заплетались въ косы, и въ заключеніе, вся масса волосъ у заворота лба къ ушамъ взбивалась на множество косичекъ или плетушекъ. Число ихъ всегда нечетное и смотря по густотѣ волосъ или прихоти, мѣняется отъ одиннадцати до двадцати пяти. Все эти косички спускаются по спи-

¹ F. Lisch. Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde VIII, стр. 77; A. Worsaae. Nordiske Oldsager i det Kongelige Museum i Kjöbenhavn. (изд. 2-ое) стр. 97. № 409.

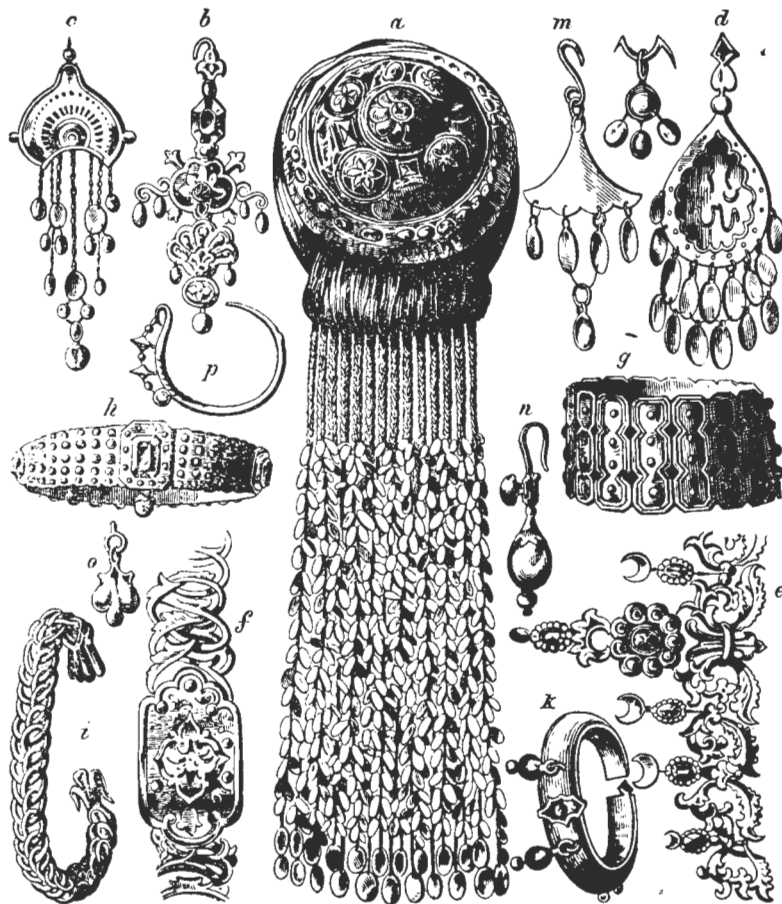
нѣ, и въ каждую изъ нихъ заплетаются обыкновенно, на четверть всей длины, по три черныхъ шелковыхъ крученыхъ шурка, которые связываются концами. Иногда шурки эти спущены только между косъ, съ ленты, которою повязана голова; но въ обоихъ случаяхъ они на четверть, или треть длины своей снизу, по обѣимъ сторонамъ обнизаны одинаковыми мелкими украшениями изъ листового золота, въ видѣ листиковъ, бусъ, кружковъ или звѣздочекъ. Сверхъ того къ каждому шурку въ отдѣльности, у нижняго конца привѣшиваются, либо по золотой трубочкѣ, либо пуговкѣ съ колечкомъ въ которое вѣваются на крючкѣ въ видѣ привѣски или золотая монета, или какаялибо изящная вещица изъ жемчуга, дорогихъ камней, коралла и пр. (ср. фиг. 129. а. в. с. d). Подобный уборъ называется „сафа“, и смотря по богатству отдѣлки дѣлится на нѣсколько разрядовъ въ числѣ коихъ уборъ украшенный драгоценными камнями и жемчугомъ носить названіе „сафа люли“.— Впрочемъ, молодыя дѣвушки, даже изъ высшихъ и болѣе зажиточныхъ классовъ, часто распускаютъ совѣмъ волосы, расчесывая ихъ гладко на обѣ стороны, или закрываютъ ихъ совершенно чалмою, хотя послѣднее дѣлается преимущественно только замужними женщинами (фиг. 127 а. в).

3. Къ описанному нами убору подходятъ ближе всего по своему назначенію такъ называемые „мизаги“ и „курсъ“. „Мизаги“, полоса кисеи алаго или чернаго цвѣта въ пять футовъ длины, сложенная въ нѣсколько разъ въ ширину пальца, украшенная по срединѣ мишурою, по концамъ тоже, и сверхъ того бантикомъ и кисточками изъ разноцвѣтнаго шелка. Этимъ уборомъ обвязывается „рабта“ такимъ образомъ, чтобы мишурныя украшенія находящіяся по срединѣ „мизаги“ приходились прямо противъ лба, потомъ, протянувъ украшенные концы черезъ плечи, ихъ спускаютъ прямо на грудь. Это весьма обыкновенный головной уборъ. — „Курсъ“, совершенно круглая, слегка выпуклая бляха, приблизительно отъ пяти до шести дюймовъ въ поперечникѣ, которая прикрѣпляется сверху къ „тарбушу“ (фиг. 129. а). Самый замѣчательный по отдѣлкѣ родъ подобныхъ уборовъ, подъ названіемъ „курсъ алмась“, состоитъ обыкновенно изъ прорѣзной золотой работы съ дорогимъ украшеніемъ изъ брилліантовъ; второй, менѣе цѣнный родъ, „курсъ дахабъ“, изъ тонкаго золотого листа съ выбивкою, рѣже изъ серебряннаго, по срединѣ котораго вставленъ необдѣланный, неграненый драгоценный камень (изумрудъ либо яхонтъ), или подобный имъ ненастоящій (или поддѣльный) камень. О другихъ какихълибо разностяхъ въ этихъ уборахъ мы умалчиваемъ и замѣтимъ только, что нѣкоторыя женщины знатнаго рода, при выкнувъ къ вѣсу такого убора, его даже на ночь не снимаютъ.

4. Какъ принадлежности того головнаго убора и украшенія къ нему, сюда примыкаетъ рядъ разнообразныхъ предметовъ, застежекъ, золотыхъ цѣпочекъ съ повѣсками, жемчужныхъ нитокъ, золотыхъ розетокъ съ камнями, жемчужины и пр. (фиг. 129. в. с. d. e. f). Этимъ вещамъ даны названія отчасти по матеріалу изъ какого они сдѣланы, отчасти по формѣ ихъ. Сюда принадлежатъ мж. пр: „кусса“, повѣска изъ брилліантовъ, изумрудовъ, яхонтовъ и пр., прицѣпляемая спереди къ „рабта“; въ такомъже родѣ такъ называемая „эбэнэ“, и состоящая изъ многихъ жемчужныхъ нитокъ „шавате“, употребляемая въ видѣ фестоновъ; потомъ „рише“ или „перо“, (вѣ-

точка оправленныхъ въ золото бриллантовъ); „камара“ или „луна“, круглая медаль съ надписью и мелкими привѣсочками; „хилалъ“, полумѣсяцъ изъ бриллантовъ; „сакйе“ или „водяное колесо“; „уд-эс-салибъ“ или

Фиг. 129.

„древо креста“, заимствованное отъ христіанъ украшеніе, состоящее изъ золотой коробочки со вложеннымъ въ нее кусочкомъ дерева, висящей на двухъ золотыхъ цѣпочкахъ въ горизонтальномъ положеніи; и въ заключеніе, „миштъ“ или „гребень“ изъ золота, привѣшиваемый тоже на двухъ цѣпочкахъ подобно предъидущему украшенію, и много другихъ различнаго рода вещицъ въ видѣ бабочекъ, листиковъ, цвѣтовъ и т. п.

5. а. И такъ, какъ мы видѣли, голова, шея и грудь преимущественно украшаются различнаго рода драгоценными вещами, въ числѣ коихъ наиболѣе отличаются богатствомъ „эклъ“, или ожерелья, и „калакъ“, серги. Первая бываютъ нѣсколькихъ родовъ, хотя всѣ почти въ главныхъ частяхъ носятъ одинакій характеръ. Самой обыкновенной формы ожерелья состоятъ изъ длинной

(въ десять дюймовъ) жемчужной нитки, по срединѣ коей придѣланы по одной, или по нѣскольку крупныхъ жемчужинъ, или какоелибо другое украшеніе изъ золота и дорогихъ цвѣтныхъ камней или брилліантовъ. Иногда встрѣчаются и двойныя нитки, и вмѣсто жемчуговъ и пр. нанизаны золотыя дутыя пуговицы, или привѣсочки въ видѣ ячменныхъ зеренъ. Въ послѣднемъ случаѣ прибавляется обыкновенно посрединѣ нитки еще одно украшеніе изъ камня оправленнаго въ золото, или изъ краснаго коралла. Первое ожерелье прозвано „либдэ“, по пуговкамъ; второе „шайиръ“, т. е. „ячменемъ“, по формѣ зеренъ. Защиточныя женщины кромѣ того носятъ еще другаго рода ожерелье, изъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней и даже брилліантовъ, доходящее почти до пояса, такъ называемое „киладэ“.—Прочія ожерелья употребляемыя на востокѣ состоятъ изъ нанизанныхъ на шуркахъ монетъ, а у бѣднаго и низшаго класса, частью изъ множества малоцѣнныхъ подвѣсочекъ, частью только изъ простаго серебрянаго, мѣднаго или оловяннаго кольца, называемаго „токъ“.

6. Серьги большею частью имѣютъ форму листьевъ или продолговатыхъ капелекъ, съ придѣланнымъ къ нимъ крючкомъ (фиг. 129. m. n. o); иногда однако онѣ состоятъ изъ щитковъ, и въ такомъ случаѣ кругомъ, или у нижняго конца украшены мелкими орнаментами (ср. фиг. 129. b. c. d), притомъ обыкновенно дѣлаются изъ золота и обнизываются драгоценными камнями.—Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ изъ древнѣйшихъ предметовъ служившемъ для украшенія, о кольцѣ, которое вѣдвалось въ носовую перегородку и называемомъ „кхизамъ“. Кольцо это распирается, въ поперечникѣ отъ одного дюйма до полутора, и смотря по состоянію владѣльца либо изъ золота, либо мѣдное и увѣшано камнями или бусами. Въ настоящее время украшеніе это встрѣчается только изрѣдка, и вообще большею частью среди низшаго класса преимущественно у сельчанъ (фиг. 129. p; ср. фиг. 108. d. e.)

6. Все прочее украшеніе употребляемое женщинами на востокѣ ограничивается разнаго рода кольцами, перстнями, запястьями и обручами.—Кольца, „кхатимъ“, почти во всемъ похожи на наши, но вообще не такъ красивы и сплошь оправлены низкаго сорта камнями. Женщины носятъ ихъ безразлично на всѣхъ пальцахъ обѣихъ рукъ не исключая большаго, и притомъ большею частью по нѣскольку заразъ. — Запястья, „асавиръ“, относительно главной своей формы, бываютъ двухъ родовъ, либо цѣльныя, либо на Smyчки. Въ послѣднемъ случаѣ оба конца надѣтаго уже на руку запястья смыкаются, и оно представляетъ собою полный кругъ, еслиже запястье безъ Smyчки, тогда оно загибается только у кисти руки, не обхватывая ее вполне (ср. фиг. 129. k; фиг. 108. a. h. i; потомъ и фиг. 129. g. h. i). Запястья въ особенности въ родѣ упомянутаго сейчасъ, дѣлаются большею частью изъ золота и украшаются драгоценными камнями; и только настоящее золотымъ придается обыкновенно форма либо плоскаго, либо слегка выпуклаго или закругленнаго по краямъ обруча, иногда также они дѣлаются въ видѣ широкой плетеной тесмы (фиг. 129. i; g. h).—Кольца для ногъ, „кулкхалъ“ вообще такихъже формъ, какъ браслеты. Женщины знатнаго и богатаго класса изрѣдка только надѣваютъ кольца на ноги,

вѣроятно потому, что изъ-подъ шароваровъ не было бы видно этого украшенія; но зато оно все еще въ употребленіи среди женщинъ низшаго класса (фиг. 108. а). Этотъ классъ носить также серебряныя кольца, или вмѣсто ихъ шнурки съ придѣланными къ нимъ бубенчиками звенящими при ходьбѣ. Последний родъ украшеній, равно также и носовыя кольца были извѣстны еврейскимъ женщинамъ еще въ глубокой древности ¹.

А. 1. Мы не хотимъ заключить этотъ отдѣлъ не окинувъ взоромъ нѣкоторые костюмы многочисленныхъ сродственныхъ народностей не принадлежащихъ къ арабійскому племени, разбросанныхъ по востоку. Къ сожалѣнію, при этомъ почти нельзя будетъ рассчитывать на какія либо изображенія могущія способствовать точному уясненію постепеннаго хода развитія костюма упомянутыхъ народовъ въ отдѣльности. Только между древ-

Фиг. 130.

нѣйшими мозаичными картинами въ ц. с. Марка въ Венеціи встрѣчается одно изображеніе заслуживающее особеннаго вниманія, оно относится по всей вѣроятности еще къ концу двѣнадцатаго, или покрайней мѣрѣ къ началу, т. е. къ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія. Оно представляетъ нѣсколько человекъ въ пестромъ и богатомъ царяѣ, вооруженныхъ луками, и которыхъ, судя по приложенной надписи „INDIA SUPIOR“ слѣдуетъ считать за индійцевъ (фиг. 130). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, на сколько вѣр-

¹ Исвіа III. ст. 16 и сл. въ особенности же 20; потомъ см. Виѣшній бытъ народовъ и пр. ч. 1. стр. 237 и сл.

но передана въ этомъ изображеніи типическая сторона, такъ какъ безъ сравненія съ чѣмълибо соотвѣствующимъ нельзя объ этомъ судить, мы однако должны допустить нѣкоторую долю правды въ этомъ изображеніи. Принимая во вниманіе обширныя торговля сношенія венеціянцевъ, и знакомство ихъ даже съ отдаленнѣйшими народами востока, можно до извѣстной степени это изображеніе считать даже довольно вѣрнымъ образчикомъ вооруженія сѣверныхъ индо-скивовъ или индо-татаръ того времени. Въ пользу та-

Фиг. 131.

кого предположенія говоритъ кромѣ того и то обстоятельство, что этому изображенію, по отношенію къ костюмамъ, въ главномъ соотвѣствуетъ другое мозаичное произведеніе въ тойже церкви, и въ которомъ, какъ полагають, изображены „скиовы“ (ср. фиг. 131).

2. Чтобы составить себѣ идею о костюмѣ другихъ еще народовъ, обитавшихъ преимущественно въ западноазійскихъ странахъ, у насъ положительно не осталось никакихъ монументальныхъ свидѣтельствъ; такъ что, если даже сравнимъ нынѣшніе костюмы, съ извѣстіями и изображеніями костюмовъ азійскихъ народовъ въ глубокую древность¹, мы придемъ лишь къ одному общему заключенію, что костюмъ упомянутыхъ народовъ развивался главнымъ образомъ подъ вліяніемъ арабовъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ неотрицаемое вліяніе этого народа вообще на развитіе промышленности, въ подтвержденіе нашего заключенія мы можемъ по крайней мѣрѣ указать на тотъ фактъ, что и нынѣ между народами на востокѣ, и преимущественно въ

¹ Ср. Первый отдѣлъ Внѣшн. быта нар. и пр.

мужскомъ населеніи весьма распространены чисто древнеарабская рубаха, арабскій головной уборъ, плащъ „абаѣ“¹, и наконецъ арабскій „куфтанъ“, считая послѣдній въ сущности лишь усовершенствованнымъ видоизмѣненіемъ абаѣ¹, (стр. 173). Такъ, безъ сомнѣнія именно лишь со временъ владычества арабовъ, почти всѣ высшія сословія у персовъ², высшія долж-

Фиг. 132.

ностныя лица при шахѣ (фиг. 132. б), потомъ духовныя лица или „муллы“ (фиг. 132. а) наконецъ даже и знатнѣйшіе изъ курдовъ³ (фиг. 131. с),

¹ При одномъ взглядѣ на форму арабскаго куфтана, легко убѣдиться, что она не одинакова ни съ формою длинноюлой одежды бывшей въ употребленіи во времена Ахеменидовъ, ни съ кафтаномъ съ рукавами обычнымъ при Сассанидахъ (ср. фиг. 84: фиг. 88, 90, 92), тѣмъ не менѣе надо полагать, что образцомъ формы его послужили именно сассанидскій куфтанъ и абаѣ.—² Относительно костюма персовъ съ шестнадцатаго столѣтія до настоящаго времени, ср. изображенія и замѣтки у Ch. Texier. Description de l'Arménie de la Perse и пр. и приводимую изъ въ Т. I. таб. 73 по 76, и таб. 80. Иснаганскую стѣнную роспись и пр.; потомъ J. V. Tavernier. Описаніе шести путешествій, совершенныхъ имъ по Турціи, Персіи и Индіи (франц. изд. Paris 1676; нѣмецк. переводъ) Genf. 1681. J. Chardin. Voyage en Perse et autres lieux de l'Orient. Amsterdam 1711, и новое изданіе дополненное замѣткою о Персіи, примѣчаніями и пр. L. Langlès. Paris. 1811. (малое изд. съ изображеніями костюмовъ на заглавномъ листѣ. Leipzig. 1787). J. Morier. A Journey through Persia, Armenia and Asia minor to Constantinople in the years 1808. Lond. 1812; егоже: A second Journey и пр. 1810. London. 1818; въ нему сочиненія Fraser. Travels in Khorasan. Waring. Reise nach Schiraz; Addison. Damask and Palmyra и пр. сравня тоже приводимыя въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ сочиненія.—³ См. въ особ. J. S. Buckingham. Reisen in Mesopotamien и пр. Перев. съ англійскаго. Berlin 1828. стр. 213 и сл. и въ другихъ мѣстахъ; потомъ G. Olivier. Voyage dans l'empire othoman, l'Égypte et la Perse (1793—98) Paris 1800. Атласъ. таб. 34.

являются въ одѣянiяхъ чисто арабскаго покроя. Вообще, какъ у арабовъ, такъ и у персовъ, первобытныя особенности сохранились дѣйствительно толь-

Фиг. 133.

ко въ церемонiальной, парадной одеждѣ ¹ (фиг. 133) и въ вооруженiи, такъ

Фиг. 134.

въ особенноти въ вооруженiи нѣкоторыхъ сѣверныхъ племенъ Персiи и преимущественно у воиновъ въ области Иракъ Адшеми (фиг. 134; ср. фиг. 88; 90). — Сказанное нами сейчасъ относится равнымъ образомъ тоже къ одеждѣ прочихъ народовъ держащихся ученiя ислама ². Но и грузины (фиг. 135. а), и армяне (фиг. 135. б.), въ сущности не составляютъ въ этомъ отношенiи особеннаго исключенiя, хотя они исповѣдываютъ Христіанство еще съ первыхъ вѣковъ ³.

Б. Почти тоже самое можно сказать о костюмѣ женщинъ принадлежащихъ къ названнымъ народностямъ. Однако, здѣсь весьма рано еще, стала примѣшиваться, какъ надо полагать, свойственная женскому полу страсть къ разнообразiю въ нарядахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, несмотря на общее сходство костюма ихъ съ древнеарабскимъ, въ немъ, особенно у нѣко-

¹ Сюда относятся мж. пр. длинный кафтанъ съ висячими рукавами гораздо длиннѣе рукъ, и опушенный мѣхомъ; потомъ шапка («мирза») изъ цвѣтнаго сукна, широкая, и обшитая чернымъ барашкомъ; тоже вмѣсто шапки чалма изъ шали, плижо жесткая шляпа на подобіе тiары съ плюмажемъ изъ перьевъ цапли; и въ довершеніе всего, какоелибо цѣнное украшеніе и пр. — ² Относительно костюмовъ этихъ народовъ см. приведенное уже прежде сочиненіе A. Loph. Galerie royale de costumes, peints d'après nature par divers artistes et lithographiés. Paris (безъ обозначенiя года) и у J. Ferrario. Le costume ancien et moderne, ou histoïre du gouvernement, de la milice, de la religion, des arts et пр. de tous les peuples anciens et modernes, déduite des monuments. Milan. 1816 до 1827, (17 томовъ in fol.); L'Asie. 3 тома; однако только въ изданiи in fol. изображенiя вполнѣ пригодны. — ³ См. объ этомъ кромѣ приведенныхъ уже сочиненiй Ch. Texier, J. Mogier и другихъ, въ особенноти еще F. Dubois de Montrépeux. Voyage au

торыхъ древнеперсидскихъ племень (фиг. 136. а. б) ¹, мы встрѣчаемъ не-

Фиг. 135.

Фиг. 136.

Caucase chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Съ атласомъ. Neuchatel en Suisse. Paris 1840 до 1843. О значеніи этихъ народовъ въ отношеніи къ искусству см. K. Schnaase. Gesch. der bildenden Künste. III. стр. 248.—¹ Ср. O. Drouville. Voyage en Perse и пр. таб. 5—12. Судя по описанію G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit VII. (стр. 31. прим.), имѣвшаго

мало особенностей, такихъ, которыя если и не могутъ считаться само-бытно-національными, тѣмъ не менѣе однако обличаютъ отчасти туркоманское, отчасти иллотатарское или монгольское происхожденіе.

Утварь.

Какъ при усовершенствованіи костюма, такъ и въ производствѣ утвари, въ первое время по завоеваніи арабами востока, народъ этотъ придерживался еще азіятскихъ образцовъ. Но при тѣхъже самыхъ условіяхъ, благодаря которымъ развился у нихъ костюмъ, они достигли также въ изготовленіи утвари мало-по-малу такой самостоятельности, что изъ простыхъ подражателей стали изобрѣтателями типическихъ формъ, соотвѣтствовавшихъ ихъ народному быту, и сдѣлавшихся въ свою очередь потомъ образцами вездѣ, куда проникалъ исламъ.

Наврядли доселѣ сохранилось много образчиковъ утвари несомнѣнно арабскаго производства и принадлежащихъ къ глубокой древности¹. Однако какъ бы нибыло незначительно число такихъ вещей, и несмотря на то что между ними по всей вѣроятности не найдется ни одной заслуживающей вниманія и относящейся ко времени до тринадцатаго или четырнадцатаго вѣка, тѣмъ не менѣе достаточно и немногихъ такихъ образчиковъ, чтобы, (какъ сдѣлано было по отношенію къ костюму), изъ сравненія съ употребляемою нынѣ утварью, вывести довольно вѣроятное заключеніе, что послѣ выработки арабами типической формы, послѣдняя не подвергалась никакимъ важнымъ измѣненіямъ; матеріалъ, между тѣмъ, изстари оставался одинъ, и тотъже.

Выработка выше сказанной формы однако, обуславливалась главнымъ образомъ тѣми предписаніями, которыя налагаетъ на вѣрующихся коранъ по от-

случай видѣтъ такой полный костюмъ персидской женщины, послѣдній состоялъ изъ «рубашки бѣлой бумажной матеріи съ цвѣточками, съ длинными, въ локоть или полтора, разрѣзными спереди рукавами; изъ очень широкихъ члбковъ изъ свѣтлокоричневой жериносовой ткани; носковъ изъ шерстяной шалевои матеріи; весьма широкихъ шароваровъ изъ выбойки темнаго цвѣта, обшитыхъ краснымъ и на гачинѣ; исподняго камзола изъ темной, стеганной выбойки съ рукавами разрѣзанными по локти; верхняго камзола изъ шерстяной матеріи съ рукавами, тоже разрѣзными по плечи; небольшихъ туфель; покрывала; шапочки и шали съ поясомъ».

¹ Много неизвѣстныхъ предметовъ въ этомъ родѣ хранится вѣроятно въ публичныхъ и частныхъ галереяхъ. Нѣсколько такихъ вещей находится въ этнографическихъ кабинетахъ музеевъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ и пр. о чемъ см. относящіяся сюда ваталоги. Отдѣльные изображенія новѣйшихъ предметовъ мж. пр. у: P. Lorenzo. *Antiquedades arabes de Granada y Cordoba*. Madrid. 1804. Aubin-Louis-Millin. *Atlas pour servir au voyage dans les départements du midi de la France à Paris 1807* таб. 1. 4. коробка изъ слоновой кости съ арабской надписью изъ ризницы церкви въ Санъ (Sens). Real Museo Borbonico Томъ XII, таб. 15 (металлическіе сосуды). G. de Prangey. *Monuments arabes et moresques de Cordoue, Séville et Grenade*. Paris 1834 до 1837 (богатоукрашенный, но отчасти произвольно реставрированный сосудъ). Owen Jones and J. Gurg. *Alhambra*. Lond. 1848. (таб. XLV, сосудъ). J. B. Warring and F. Bedford. *Art treasures of the United Kingdom*. London 1858 (сосуды) и «Древности рос. госуд.» и потомъ другое роскошное изданіе Prisse d'Avennes: *Miroir de l'Orient*, о которомъ было говорено уже стр. 175. пр. 2.

ношенію къ искусству ¹. Не говоря о томъ, что арабское племя въ первыя времена небыло знакомо съ искусствомъ, но самъ „прорскъ“, ни однимъ словомъ даже, не только не предписываетъ ничего походящаго на подобное занятіе, но напротивъ, запрещая арабамъ всякое изображеніе живыхъ существъ, онъ этимъ прямо отнимаетъ у нихъ всякую почву для развитія живописи и скульптуры ². Хотя въ послѣдующія времена запрещеніе это не особенно строго соблюдалось, то всетаки подобные случаи, какъ исключенія, не могли имѣть большаго вліянія на развитіе искусства ³, притомъ же большею частью художественныя работы поручались художникамъ изъ христіанъ ⁴. Къ такого рода работамъ принадлежатъ кромѣ упомянутыхъ нами уже (стр. 184) стѣнныхъ изображеній также всѣ прочія художественныя произведенія, какія нѣкоторые изъ новѣйшихъ калифовъ заказывали для себя изъ личныхъ видовъ. Потомъ также и статуя, которую Коварнія разставилъ въ своемъ дворцѣ, съ себя, съ женъ своихъ и съ рабынь играющихъ на музыкальныхъ инструментахъ ⁵; да еще статуя прекрасной Азарры, воздвигнутая въ честь ея Абдэрраманомъ II у входа въ „Медина Азарра—в.“ Тамъ, однако, гдѣ арабы на почвѣ изобразительнаго искусства пытались выступить самостоятельными дѣятелями, произведенія ихъ (исключая въ архитектурѣ), положительно носятъ слѣды отпечатокъ робкой неумѣлости, или почти дѣтскаго игранія отборно цѣннымъ матеріаломъ, игранія единственно только изъ-за этого матеріала. Примѣромъ тому служатъ, съ одной стороны крайне аляповатый характеръ каменныхъ львовъ у такъ называемаго „фонтана львовъ“ въ Альгамбрѣ ⁶; съ другой, точныя свѣдѣнія какія мы имѣемъ о нѣкоторыхъ роскошныхъ произведеніяхъ чисто арабскаго искусства. Относительно послѣднеупомянутыхъ предметовъ, довольно указать на нѣкоторыя изъ драгоценностей которыя накопилъ въ своемъ дворцѣ фатимидъ Мо-стансеръ, и проданныя вскорѣ послѣ умерщвленія его съ публичнаго торга ⁸. Въ числѣ ихъ небыло ни одного произведенія искусства, въ настоящемъ смыслѣ слова, но въ замѣнъ до тысячи большихъ ковровъ для половъ и для стѣнъ изъ шелковой ткани и вышитыхъ золотомъ, частью съ географическими, частью съ историческими изображеніями. Одинъ изъ этихъ ковровъ былъ купленъ за двадцатьдвѣтысячи динаріевъ. Въ числѣ тѣхъ же вещей былъ также павлинъ украшенный драгоценными камнями подобными подь цвѣтъ натуральныхъ павлиньихъ перьевъ до самыхъ мелочныхъ подроб-

¹ При этомъ слѣдуетъ конечно имѣть въ виду также постепенный упадокъ восточныхъ ремеселъ, покрайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ сказанное здѣсь относится только къ вѣншей обдѣлкѣ но не собственно формѣ. См. по этому поводу относительно Египта W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Aegypter. II. стр. 137 и сл. и о востокѣ вообще G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte и пр. VII. стр. 93. особ. стр. 96 и сл.—² W. Wachsmuth. Allgemeine Culturgeschichte I. стр. 590 и сл., ср. выше стр. 180. пр. 2.—³ Исключенія о которыхъ идетъ рѣчь составляла обширная секта шиитовъ, допускавшихъ безъ ограниченія изобразительное искусство. Впрочемъ къ ней принадлежали по преимуществу Персы, и вообще секта эта заявляетъ о себѣ въ искусствѣ только въ позднѣйшее время.—⁴ Такъ ж. пр. еще Османъ Мухаммедъ II, пригласилъ къ своему двору извѣстнаго живописца Беллино. Только въ позднѣйшее время стали украшать рукописи портретами султановъ; ср. M. d'Ohsson. Tableau general de l'Empire и пр. II. стр. 415.—⁵ Et. Quatremère. Mémoire sur l'Égypte и пр. стр. 456.—⁶ J. C. Murphi. The arabian antiquities. Введеніе. стр. 292.—⁷ Самыя лучшія изображенія у O. Jones and Guri. Alhambra I. таб. XVII.—⁸ Et. Quatremère. Mémoire sur l'Égypte. (2) стр. 366; 377.

ностей; потомъ, въ этомъ же родѣ сдѣланная изъ драгоценныхъ камней и жемчуга газель, и наконецъ, кромѣ множества сосудовъ, (както, золотыхъ и хрустальныхъ вазъ, стеклянныхъ и фарфоровыхъ издѣлій украшенныхъ росписью или арабесками); цѣлые садики, въ которыхъ земля и трава сдѣланы были изъ серебра или золота, а цвѣты и плоды изъ разноцвѣтныхъ камней. Какъ далеко мухаммедане уклонились отъ истинной цѣли искусства, объ этомъ свидѣтельствуетъ склонность ихъ къ устройству чисто механическихъ затѣй, самодвижущихся фигуръ и пр. въ родѣ упомянутого уже прежде (стр. 172) трона калифа Моктабера и другихъ тому подобныхъ вещей ¹.

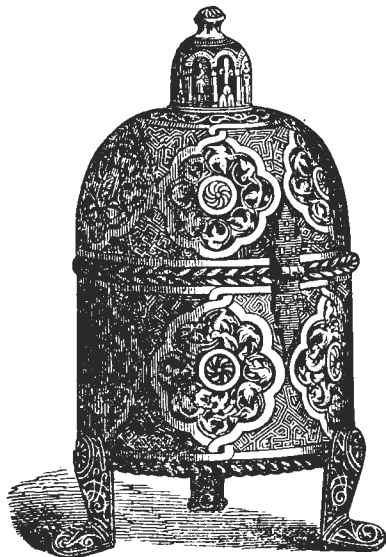
Послѣ всего сказаннаго нами неудивительно, если у арабовъ, въ ремеслахъ посвященныхъ исключительно только производству необходимѣйшей утвари, также замѣтно полное отсутствіе болѣе глубокаго пониманія формы и обдѣлки ея. Не обладая способностью вдохнуть жизнь въ свои произведенія, какою одарены были преимущественно древніе греки, и послѣ нихъ, хотя только какъ подражатели, также римляне, арабы на форму смотрѣли исключительно только какъ на мертвую цѣль житейской потребности. Между тѣмъ, чѣмъ явственнѣе сталъ обнаруживаться этотъ недостатокъ, тѣмъ рѣшительнѣе одерживалъ верхъ арабскъ, и невзирая на стѣснительные предписанія корана, или скорѣе благодаря имъ, онъ развился до высокой степени совершенства (стр. 180). Арабскъ, по ходу развитія своего, основывающійся скорѣе на чисто внѣшнемъ впечатлѣніи и чувствѣ правильности и соответствія, нежели на свободной творческой силѣ, сдѣлался почти единственнымъ способомъ украшенія придававшимъ обиходнымъ предметамъ отпечатокъ изящества. Понятно, что упомянутый нами выше недостатокъ долженъ былъ выказываться тоже на практикѣ, и такъ какъ арабы вообще не были надѣлены чувствомъ мѣры въ искусствѣ, то вскорѣ и въ отношеніи арабеска они вдалились въ совершенно произвольную вычурность.

I. Прямымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами можетъ служить сосудо-вая индустрія, одна изъ отраслей издѣльной промышленности наиболѣе процвѣтавшая у арабовъ и въ которой они достигли замѣчательнаго совершенства. Исключительно употребляемый ими для этого матеріалъ составляла глина разныхъ сортовъ, бѣлаго, сѣраго и краснаго цвѣта, которая добывалась на востокѣ и также въ южной Испаніи; потомъ, кромѣ благородныхъ металловъ, преимущественно мѣдь и олово, и особый родъ ковкой бронзы, замѣнившейся въ послѣдствіе латуною. Гораздо менѣе правилось арабамъ стеклодѣльное мастерство, и если вообще когдалибо они имъ занимались самостоятельно, то во всякомъ случаѣ лишь въ позднѣйшее время. По всей вѣроятности они предоставляли стеклодѣліе, какъ въ старину, такъ и теперь тѣмъ заводамъ, которые изстари славились этимъ производствомъ ². Вся необходимую сте-

¹ Изъ подобнаго рода вещей были въ особенности замѣчательны двѣ: дерево съ падающею двигавшимися всадниками изъ золота и жемчуга, и часы, которые были въ 807 г. отправлены къ Карлу великому Гаруномъ-аль Рашидомъ. Относительно перваго произведенія см. J. v. Hammer-Purgstall. Geschichte der Assassinen стр. 289, а о часахъ см. ниже гдѣ говорится о древнеарабскомъ «времемѣрѣ» — ² Объ исторіи стекла см. въ особенности: C. Schülin. Geschichte des Glases. Nördlingen 1782; G. Klemm. Die Königl. sächsische Porzellansammlung. Dresden 1834. стр. 24 и сл. F. Vogel, Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen. I. стр. 182 и сл.

клянную посуду имъ доставляли эти заводы, а въ познѣйшее время главными поставщиками ихъ стали италіянцы, занимавшіеся также стеклодѣліемъ, и въ особенности венеціянцы. Исключая этого мастерства, обработка всѣхъ прочихъ употребляемыхъ арабами матеріаловъ имъ была вполне сподручна. Своими глинянымъ издѣліямъ они мастерски умѣли посредствомъ обжиганія придавать болѣе или менѣе крѣпости, и не только наводили на нихъ самую тонкую лазурь, но также разноцвѣтные и золотые орнаменты. Повидимому они также умѣли составлять особую массу, или замѣску, въ родѣ фарфора¹. О замѣчательномъ искусствѣ арабовъ въ обдѣлкѣ металловъ было уже говорено выше (стр. 193). Всѣ приведенные тамъ способы орнаментовки примѣнялись ими съ одинаковымъ совершенствомъ тоже въ этой области (фиг. 137; ср. фиг. 123). Они обладали въ превосходствѣ умѣніемъ выбивать металлы на наковальнѣ въ любую толщину и форму. Употребленіе мѣдной посуды по всей вѣроятности навело ихъ еще въ раннее время на технику луженія, въ которой и доселѣ отличаются вообще народы востока².

Фиг. 137.

1. Но, съ художественной точки зрѣнія такому совершенству въ обдѣлкѣ матеріала не вполне соответствуетъ основная форма сосудовъ арабовъ; и замѣчательно притомъ, что это противорѣчіе наиболее рѣзко бросается въ глаза во всѣхъ предметахъ утвари неимѣющихъ прямого отношенія къ необходимымъ потребностямъ, но существующихъ, такъ сказать, сами по себѣ. Сюда слѣдовательно относятся такіе сосуды какіе выставляются восточными народами на показъ или для убранства жилищъ, и на виѣшнее украшеніе коихъ они и донынѣ еще тратятъ значительныя суммы. Во всѣхъ этихъ вещахъ, почти безъ исключенія, замѣтно отсутствіе пропорціональности, сталобыть именно того, что бездушной матеріа главнымъ образомъ при-

¹ Само собою понятно, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о настоящемъ фарфорѣ, изобрѣтеніи приписываемомъ издревле, какъ извѣстно, китайцамъ, и открытій вторично лишь въ 1704 г. въ Саксоніи Бѣтхеромъ. Ср. для подробностей G. Klemm въ прив. мѣстахъ стр. 31. и сл. и F. Vogel стр. 193. но въ особенности A. Jacquemart и Edmont le Blant. Histoire de la porcelaine en Orient et en Occident, depuis son origine jusqu'aux temps actuels. с. 200 фиг. на деревѣ и 16 литохромій и пр. и сл. F. Seré. 18 выпусковъ. Paris 1852 и J. Marryat. History of pottery and porcelain in the 15 th. 16 th. 17 th. and 18 th. centuries. With a description of the manufactory, a glossary and List of Monograms, with coloured plates and woodcuts. London. —

² Въ этнографическомъ собраніи берлинскаго музея хранится мж. пр. большой бронзовый сосудъ въ видѣ глубокаго котла съ плоскимъ выгнутымъ краемъ, украшеннымъ, какъ и самое дно котла надписью выложенною серебромъ, и весьма изящными орнаментами изъ втогоже металла. Сосуды въ этомъ же родѣ находятся и въ лондонскомъ, парижскомъ, вѣнскомъ и другихъ музеяхъ; см. изображеніе въ Real Museo borbonico. T. XII. таб. 15.

даетъ видъ самостоятельной жизненности (фиг. 138. а. в; фиг. 140. в. с). Въ этомъ отношеніи сосуды арабовъ и теперь еще стоятъ на одномъ уровнѣ

Фиг. 138.

съ такового рода издѣліями древнихъ египтянъ, изображенными во множествѣ въ египетскихъ фрескахъ¹. И какъ въ послѣднихъ, такъ и въ нихъ замѣтно одинаковое неумѣіе скопировать въ точности тѣ произведенія природы которыя принимались въ образцы при изготовленіи нѣкоторыхъ вещей, какъ то простую форму яйца, тыквы и пр.; въ добавокъ эти формы почти всегда искажаются разными тяжеловатыми аксессуарами. Но при всемъ томъ такія сосуды слѣдуетъ отнести вообще къ числу самыхъ изящныхъ (фиг. 139)².

2. Сказанное выше относится главнымъ образомъ къ хозяйственной посудѣ со всѣми подраздѣленіями ея, и все разнообразіе которой въ сущности сводится или на формы заимствованныя съ предметовъ природы, или

¹ См. Внѣш. бытъ народовъ и пр. I. 81 и сл. фиг. 74 и сл.—² Изображенный здѣсь сосудъ и еще другой въ этомъ же родѣ, были найдены, какъ говорятъ, въ одномъ подвалѣ Альгамбры. Онъ сдѣланъ изъ обожженной глины; фонъ на немъ изъ голубой глазури и сплошь покрытъ золотыми и бѣлыми орнаментами. На прилагаемомъ рисункѣ голубая краска обозначена шрафировкою, а золото черною краскою, но невозможно было кстатѣ, даже приблизительно, передать крайне тонкія линіи орнаментовъ кои всюду проведены по самому фону. Высота сосуда 4 фута 11 дюймовъ, діаметръ 1 футъ 11 д. См. точное изображеніе его у O. Jones and J. Gury. Alhambra I. таб. XLV, и менѣе удовлетворительныя изображенія этого сосуда и другаго у P. Lorenzo. Antiquedades arabes de Granada y Cordoba и пр. G. de Prangei. Monuments arabes et moresques de Cordova и пр. (хотя съ произвольными реставраціями частностей).

на форму болѣе или менѣе углубленной доски. Къ первымъ формамъ привлекали сосуды назначенные для храненія жидкостей; ко второй, вся посуда на которой подавались сухія яства, или ставились другіе мелкіе сосудцы.

а. Сосуды для жидкостей, какъ во всё времена, такъ и теперь, ограничиваются небольшимъ количествомъ бутылей и чашъ. Въ числѣ первыхъ отличаются такъ называемую „доракъ“ (фиг. 140. a. d. e), сосудъ съ длиннымъ и узкимъ горломъ, и „куллэ“, съ широкимъ устьемъ (фиг. 140. f). Обѣ формы дѣлаются обыкновенно изъ обожженной глины, иногда также (хотя рѣже) изъ металла, фарфора и даже изъ стекла. Особый видъ ихъ составляютъ общеупотребительные преимущественно въ Египтѣ, сосуды для охлажденія жидкостей. Они сдѣланы изъ ноздреватой, сильно обожженной глины, но не муравлены, отчего они сохраняютъ свойство дать просачиваться жидкости содержаемой въ нихъ, которая испаряясь на поверхности этихъ сосудовъ способствуетъ такимъ образомъ процессу охлажденія. Для бѣльшого приспособленія ихъ къ этой цѣли, ихъ предварительно прокуриваютъ посредствомъ особенной глиняной жаровни, называемой „мибкар'а“ (фиг. 140. i). Всѣ вообще бутылки обыкновенно закрываются затычками изъ мѣди, серебра или олова, и ставятся на подлоны изъ луженой мѣди.—Наиболѣе употребительные сосуды для питья, небольшія круглыя чашки, похожія, смотря по глубинѣ ихъ, на употребляемая нами теперь чашки и блюдечка, но только безъ ручекъ и съ крышкою. Эти чашки также болѣею частью ставятся на металлической подлонецъ, причемъ ихъ обыкновенно покрываютъ вышитымъ шелковымъ платкомъ съ бахромою.

Фиг. 139.

б. Главнѣйшій предметъ столовой посуды составляетъ „синійе“ или „санійе“, т. е. большой подносъ, который ставится посреди сидящихъ на полу обѣдающихъ, либо непосредственно на полъ, покрытый обыкновенно ковромъ, либо на особую подставку, называемую „курси“ (фиг. 143. а); оба эти предмета вмѣстѣ носятъ названіе „суфрали“. На этотъ подносъ ставятся яства по определенному порядку уже совершенно приготовленныя въ небольшихъ блюдахъ изъ металла или фарфора, изъ коихъ попросту пальцами подносятся ко рту. Арабы не употребляютъ при ѣдѣ ни тарелокъ, ни ножей, ни вилокъ, и только похлебку ѣдятъ особою небольшою ложкою

Вейсъ. III.

15

изъ буковаго или чернаго дерева, иногда и просто хлѣбною коркою обрѣзаною на подобіе ложки. Упомянутыя сейчасъ блюда имѣютъ сплошь форму неглубокихъ, илиже полукруглыхъ мисокъ (фиг. 140. g. h). — Сюдаже

Фиг. 140.

слѣдуетъ отнести также умывальникъ, подъ названіемъ „тиштъ“, составляющій нѣкоторымъ образомъ принадлежность столовой посуды, такъ какъ изстари существуетъ обычай умывать руки передъ ѣдлою и послѣ. Этотъ умывальникъ состоитъ изъ таза изъ желтой либо красной луженой мѣди, съ устроеннымъ внутри его выпуклымъ ситомъ, и принадлежащимъ къ нему кувшиномъ „ибрикъ“.

в. Къ названнымъ сосудамъ, существующимъ безъ сомнѣнія съ самыхъ давнихъ временъ, прибавились послѣ введенія кофе еще нѣсколько другихъ предметовъ требуемыхъ для приготовленія этого напитка, но въ сущности носящихъ по формѣ своей тотъ же стародавній основной отпечатокъ. Въ какое время введено было употребленіе кофе нельзя въ точности опредѣлить. Повидимому не подлежитъ сомнѣнію, что въ десятомъ вѣкѣ въ Аравіи напитокъ этотъ уже былъ извѣстенъ, а на востокъ вообще сталъ общеупотребительнымъ не ранѣе какъ въ четырнадцатомъ ¹. Употребляемая для приготовленія кофе утварь, состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ, — мѣдной посудыны въ родѣ кружки, особаго нагрѣвальника къ ней, чашекъ и подноса, вмѣсто котораго обыкновенно употреблялась простая круглая металлическая доска. Чашки почти безъ исключенія походятъ на упомянутыя выше сосуды для питья. Онѣ дѣлаются изъ фаянса или фарфора, и вставляются

¹ W. Volz. Beiträge zur Kulturgeschichte стр. 324, особ. 326 и сл. въ немъ F. Vogel. Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen I. стр. 323; у обоихъ читатель найдетъ указанія на исторію кофе.

каждая порознь въ особое неглубокое блюдечко называемое „дарфъ“. Кофейникъ, т. е. посуда въ которой варится кофе, „бекрегъ“ или „бакрагъ“, имѣетъ обыкновенно форму употребляемыхъ у насъ чайниковъ (фиг. 144. а). Смотря по состоянію владѣльца кофейники бываютъ или мѣдные или серебряные. Точно такъ и нагрѣвательникъ, „ацки“, состоящій изъ жаровни въ видѣ урны на низкой подножкѣ, и носимой на трехъ цѣпочкахъ (фиг. 141. а; ср. фиг. 138. а).

г. Наконецъ, къ сосудамъ слѣдуетъ отнести также употребляемые съ древнѣйшихъ временъ, снарядъ для нагрѣванія жилищъ, и курильницы, изготовляемые положительно только изъ металла. Первый, такъ называемый „манкаль“ или „манкадъ“, имѣетъ форму широкой урны, или глубокаго таза на подножкѣ (фиг. 141. б; фиг. 144. б); курильницы,

Фиг. 141.

„мибхар'а“ напротивъ, большею частью похожи на высокую покрытую чашу (или кубокъ), съ значительно расширяющеюся книзу подножкой, верхняя часть курильницъ изящно прорѣзана для удобнаго прохода дыма (фиг. 141. с.). Сосуды эти, въ которыхъ въ честь гостей при разставаніи сожигаются душистыя вещества, съ этой цѣлью тщательно отдѣлываются и не рѣдко состоятъ изъ серебра, или покрайней мѣрѣ изъ золоченой мѣди. Въ связи съ обычаемъ курить благовоніями, который въ послѣднее время впрочемъ рѣже сталъ соблюдаться въ обиходномъ быту, существовалъ другой, опрыскивать уходящаго гостя духами, для чего постоянно употреблялся изящный флаконъ изъ металла формы упомянутаго выше сосуда доракъ, такъ называемый „кумкумъ“ (фиг. 141. d).

д. Всѣ прочіе разряды сосудовъ, какъ напр. кухонная посуда и различнаго рода посуда употребляемая при ремесленныхъ производствахъ сами по себѣ до такой степени просты, что излишне объ нихъ говорить, а съ распространеніемъ на востокъ табака, приблизительно въ 1605 г., по-

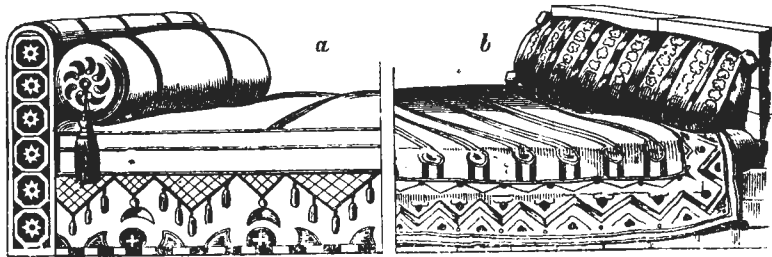
явились новые виды хозяйственной утвари неизвѣстные, конечно, до этого времени ¹.

II. Комнатная утварь, или точнѣе, мебель, для арабовъ далеко не составляетъ такой потребности какъ посуда, и не смотря на то что персы, въ царствованіе сасанидовъ любили наполнять жилища свои разнообразною комнатною утварью, и также въ послѣдствіе времени христіане въ Испаніи даже значительно развили производство мебели, арабы между тѣмъ, именно въ этомъ отношеніи, какъ будто никогда не уклонялись отъ обычной своей простоты. Такое явленіе весьма естественно объясняется необычайною твердостью съ какою этотъ народъ въ обычномъ или обиходномъ образѣ жизни своемъ держался патриархальнаго обычая своихъ праотцевъ. Вращаясь постоянно почти только въ этомъ кругу и проводя жизнь въ шатрѣ, онъ собственными средствами совершенствовалъ нѣкоторые немногочисленные предметы первой потребности.

1. И донинѣ вся мебель у арабовъ, почти какъ у кочевыхъ племенъ, ограничивается въ сущности только ковромъ покрывающимъ полъ, и диваномъ. Покрайней мѣрѣ всѣ остальные предметы комнатной утвари, за исключеніемъ ложа и прибора для освѣщенія причисляются уже къ разряду предметовъ роскоши.

а. „Диванъ“ употребляется исключительно для сидѣнія и потому замѣняетъ собою всѣ прочіе виды сѣдалищ ². Обыкновенной формы диваны состоятъ, изъ выложеннаго кирпичемъ вдоль комнатныхъ стѣнъ возвышенія, или изъ ложа, сложеннаго изъ тюфяковъ тоже вдоль стѣнъ, отъ шести до

Фиг. 142.

восьми дюймовъ вышины, и трехъ до четырехъ футовъ ширины, и обложенныхъ коврами и подушками (фиг. 142. а. в., ср. фиг. 116). Кромѣ того встрѣчается родъ дивановъ, походящихъ на наши европейскія софы, но только

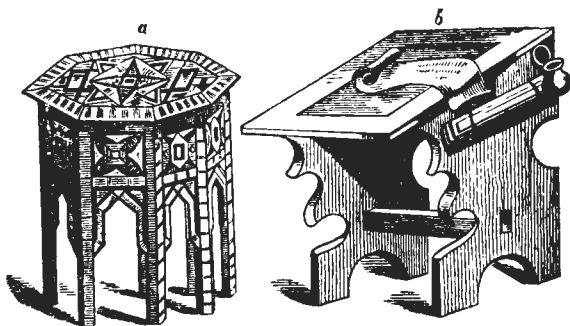
¹ Ср. въ исторіи о табакѣ W. Volz. Beiträge zur Kulturgesch. стр. 271 и сл. F. Vogel. Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen. I. стр. 141. и сл. въ этому описаніе относящихся сюда и употребляемыхъ нынѣ на постояхъ принадлежностей для куренія табаку у W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter. I. стр. 144 и сл.; G. Klemm. Allgemeine Kulturgeschichte VII. стр. 27 и превосходныя изображенія этихъ предметовъ у Н. v. Maug и S. Fischer. Genrebilder aus dem Orient. таблица подробностей XXX.—² Въ этомъ же качествѣ упоминается о диванѣ въ коранѣ, Сура LXXVI, гдѣ онъ названъ «Сѣдалищемъ блаженныхъ» ср. G. Wahl. Der Koran. стр. 652.

съ прямыми прислонами сзади и съ боковъ, обыкновенно изъ тонкихъ планочекъ, образующихъ собою какъ бы сквозной узоръ. Такого рода диваны большею частью также обкладываются пестрыми коврами и съ боковъ подушками, и употребляются только знатными, притомъ же довольно рѣдко, для убранства приемныхъ комнатъ и прихожихъ. — Стулья не въ ходу на востокѣ, хотя въ Египтѣ вмѣсто ихъ иногда встрѣчаются сидѣнья въ видѣ кубической формы станковъ, изъ деревянныхъ или тростниковыхъ брусковъ, похожія на кѣтки.

б. „Диванъ“, или какоелибо ложе въ этомъ-же родѣ, служить у арабовъ мѣстомъ для сна. Ложа состоятъ иногда изъ деревянной рамки шести футовъ длины и отъ трехъ до четырехъ ширины, на нихъ кладется тюфякъ такихъ-же размѣровъ, а на тюфякъ подушка, все это вмѣстѣ покрывается простынею. Лѣтомъ арабы накрываютъ себя тонкою простынею, зимою одѣяломъ подбитымъ ватой. Сверхъ того вокругъ всего ложа устраивается занавѣска изъ тонкой, сѣткообразной ткани, которая прикрѣпляется шнуркомъ къ четыремъ гвоздямъ въ стѣнѣ, для защиты спящаго отъ укушенія насекомыхъ, какъ это дѣлалось еще во времена Геродота (II. 95). — Утромъ, послѣ сна, тюфякъ свертывается, и вмѣстѣ съ рамкою ставится въ уголъ комнаты, или убирается въ небольшой смежный съ нею чуланъ.

в. Столы составляющіе на западѣ необходимѣйшую мебель, не въ употребленіи на востокѣ, за исключеніемъ упомянутой уже выше подставки „курси“, и небольшого письменнаго столика. Курси, большею частью не выше пятнадцати дюймовъ, дѣлается изъ дерева, и украшается нерѣдко болѣе или менѣе богато перломутомъ, слоновой костью, черепахою и т. п. (фиг. 143. а); письменный столикъ, употребляемый только учеными, безъ вся-

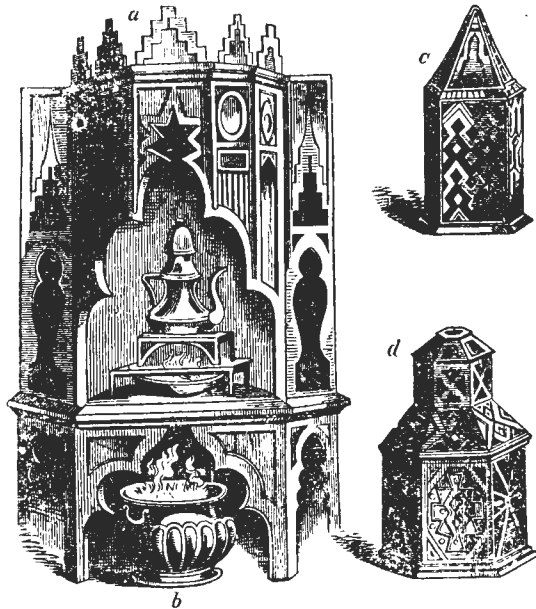
Фиг. 143.

кихъ украшеній, и снабженъ съ лѣвой стороны металлическимъ крючкомъ, къ которому прицѣпляется письменный приборъ (фиг. 143. б), состоящій изъ длиннаго, многограннаго или круглаго влагалища для перьевъ съ чернильницею. — Кромѣ „курси“ у арабовъ въ употребленіи различныя другія еще подставки въ видѣ многостороннихъ маленькихъ башенъ съ красивыми украшениями, служащія для такойже цѣли (фиг. 144. d) и на которыя ставятся мелкія блюда съ яствами, фруктами и пр.

г. Въмѣсто употребляемыхъ всюду шкаповъ и комодовъ, арабы изстари довольствуются простыми сундуками и стѣнными нишами. Сундуки и ларри доселѣ сохранили прежнюю форму продолговатаго вѣстилища съ плоскою, запирающеюся крышкою, равно также искони свойственную имъ внѣшнюю обдѣлку изъ орнаментовъ выложенныхъ слоною костью, черепахою, перломутомъ, или изъ позолоты и разноцвѣтной росписи. Въ этихъ сундукахъ сохраняются преимущественно одежды и драгоценности; мелкіяже вещи, какъ напр. предметы украшенія и пр. собираются въ маленькихъ ящикахъ и ларчикахъ. Последніе, смотря по средствамъ владѣльцевъ ихъ, дѣлаются либо изъ дерева, либо изъ металла, и бываютъ различнѣйшихъ формъ и нерѣдко весьма тщательно украшены (фиг. 137; фиг. 144. с).—Въ стѣн-

Фиг. 144.

ныхъ нишахъ обыкновенно устраиваются полки и разгородки, а снаружи, ихъ облицовываютъ деревянною обшивкою весьма разнообразной архитектурической отдѣлки. Иногда она дѣлается выступомъ, представляющимъ одну лишь гладкую поверхность, иногдаже раздѣляется на многія (четыре и пятиугольныя) филантаты коробки, или даже на полукружія, которыя обыкновенно украшаются сообразно съ орнаментами комнатныхъ балокъ, или прорѣзываются красивыми узорами, илиже наконецъ расписываются разноцвѣтными красками (фиг. 144. а). Только изрѣдка къ такой узористой облицовкѣ при дѣлываются запирающіеся створы, и чаще всего нишу закрываютъ занавѣсками; но въ тѣхъ случаяхъ когда бываютъ какіелибо затворы, то ихъ всегда украшаютъ соотвѣтственно цѣлому изящною деревянною решетчатою обшивкою. Иногда въ самихъ нишахъ, служащихъ собственно для храненія сосудовъ и т. п. устраиваются фонтаны, какъ напр. въ Египтѣ, гдѣ вообще

въ домахъ зажиточныхъ людей почти всегда посреди перваго двора устроенъ небольшой фонтанъ ¹.

д. Употребленіе зеркалъ изъ стекла, и въ особенности стѣнныхъ, составляетъ рѣдкое исключеніе. Приготовленіе стекляныхъ зеркалъ, ² заключающееся въ томъ, что на стеклянную доску, пока она еще горяча, съ исподу наводится сортука изъ ртути и свинца, было изобрѣтено никакъ не позже чѣмъ въ первую половину тринадцатаго столѣтія, и несмотря на то что подобнаго рода зеркала на западѣ, покрайней мѣрѣ съ начала пятнадцатаго столѣтія, стали быстро распространяться, тѣмъ не менѣе на востокѣ въ употребленіи почти исключительно только металлическія зеркала ³. Они состоятъ и теперь, какъ еще въ глубокой древности ⁴, изъ четырехугольной, овальной, либо круглой, доски изъ бронзы, серебра или стали, отполированной съ одной стороны, отчасти съ ручкою для держанія, отчасти вращающейся на поперечной оси между двумя стойками. Первоначально зеркала дѣлались преимущественно изъ бронзы, но въ послѣдствіи времени, приблизительно съ одиннадцатаго столѣтія повидимому большею частью изъ серебра и стали ⁵. Они бываютъ различной величины, но сравнительно съ нашими обыкновенными стѣнными зеркалами арабскія очень невелики.

2. Приборъ для освѣщенія распадается на шандалы, фонари и лампы. Восточные народы вообще довольствуются умѣреннымъ комнатнымъ освѣщеніемъ, такъ что даже просторные залы они освѣщаютъ только одною свѣчою.—Подсвѣчники большею частью дѣлаются изъ металла (олова, желтой или красной мѣди); въ домахъ богатыхъ изъ накладнаго, или даже изъ чистаго серебра. Подсвѣчники, смотря по вышинѣ ихъ, бываютъ или простые, или съ ручками (канделабры), и всегда съ разными украшеніями чеканной работою, либо позолотою, въ особенности канделабры, или такъ называемые „шамаданъ“ ⁶, (фиг. 145. а).—Изъ лампъ, самыя употребительныя висячія, онѣ предпочитаютъ обыкновеннымъ стоячимъ лампамъ. Послѣднія, называемыя „канадиль“, употребляются преимущественно бѣднымъ классомъ, а въ богатыхъ домахъ прислугою. Форма ихъ осталась такою же, какою была еще въ глубокой древности, т. е. нѣсколько заостренной спереди круглой чашечки, или, закрытаго кругомъ вѣстилища изъ обожженной глины, съ одною или нѣсколькими свѣтильнями ⁷. Но зато, арабы любятъ щеголять висячими лампами служащими для убранства комнатъ. Кро-

¹ Н. v. Mayer и S. Fischer Genrebilder aus dem Orient. таб. XLIII. 17. 23. 33. 34. 35. W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter. I. стр. 9. таб. 6. —

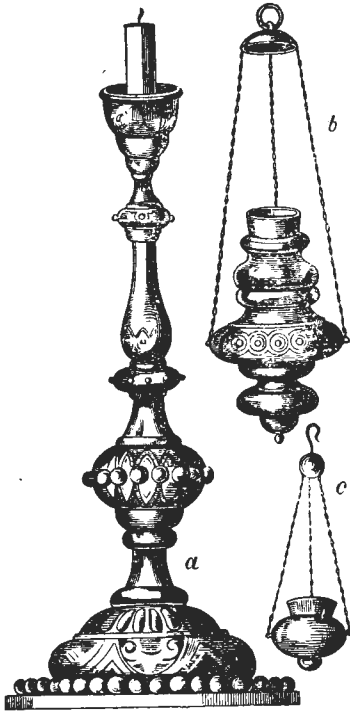
² См. подробности объ этомъ у F. Beckmann. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. III. стр. 467 и сл. и F. Vogel. Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen I. стр. 460 и сл. — ³ Ср. мж. пр. С. Chardin Voyage en Perse (1723) IV. стр. 252. —

⁴ См. Вѣстникъ бытъ народовъ и пр. I. стр. 86; 366. II. стр. 130; 281; 286 и пр. —

⁵ Ср. J. v. Hammer-Purgstall. Fundgruben des Orients. II. стр. 100. — Въ трактатѣ объ оптикѣ составленномъ около 1100 г. арабомъ Аль-Хаземомъ, упоминается только о серебряныхъ и желѣзныхъ (стальныхъ) зеркалахъ. См. F. Beckmann. Beiträge и пр. III. стр. 518. — ⁶ Два такихъ шандала «необычайной величины» находились въ числѣ подарковъ которые калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ послалъ Карлу великому. Einhard. Ann. a. ann. 807. — ⁷ См. изображенія у Н. v. Mayer и S. Fischer. Genrebilder aus dem Orient. таб. XXX. фиг. 52, 54, 63, 66, сходныя во всемъ съ античными (римскими) глиняными лампами.

мѣ лампъ самой простѣйшей формы, состоящихъ изъ небольшихъ круглыхъ пузатыхъ сосудцевъ изъ стекла (фиг. 145. а), лампы дѣлаются также изъ фарфора, (въ особенности та часть ихъ, въ которую вставляется хранилище для масла), но еще чаще изъ разныхъ металловъ, подобно канделябрамъ. Этотъ подлампный приборъ иногда подѣленъ безъ вкуса на нѣсколько частей, и смотря потому изъ какого матеріала онъ сдѣланъ, изъ фарфора, или изъ металла, либо расписанъ, либо украшенъ чеканью и рѣзбою (фиг. 145. б; ср. фиг. 138. а). Кромѣ висячихъ лампъ устроенныхъ только на одну свѣтильню, встрѣчаются и большія подвѣсныя лампы, называемыя „нагафа“, соотвѣтствующія приблизительно нашимъ люстрамъ. На нихъ ламповыя чашечки, т. е. стеклянные сосудцы съ масломъ (фиг. 145. с), расположены въ нѣсколько рядовъ одинъ надъ другимъ вокругъ стержня отличающагося иногда богатою обдѣлкою, и въ добавокъ украшены различными мелкими металлическими или стеклянными подвѣсками¹. Впрочемъ, такія люстры можно встрѣтить развѣ только въ дворцахъ знати и въ мечетяхъ, да и тамъ онѣ принадлежатъ къ числу предметовъ роскоши. Обычныя въ богатыхъ домахъ люстры, такъ называемая „турейя“, состоитъ изъ обруча съ придѣланными къ нему

Фиг. 145.

кругомъ маленькими лампами, и съ висящимъ посреди его красивымъ сосудомъ или фонаремъ. — Что касается наконецъ фонарей, „фанасъ“, то ихъ можно раздѣлить на два рода, на карманные или складные фонари, и на большіе стоячіе, либо висячіе фонари. Самые обыкновенные фонари перваго разряда. Это цилиндры изъ бумаги или полотна, натянутые съ обоихъ концовъ на проволочныя кольца изъ коихъ въ нижнее вставлена въ видѣ дна деревянная дощечка, а въ верхнее тоже дощечка но съ круглымъ отверстіемъ надъ которымъ возвышается ручка. Верхняя дощечка металлическая и иногда закрывается крышкою изъ луженой мѣди. Стоячіе и висячіе фонари дѣлаются обыкновенно всецѣло либо изъ дерева, либо изъ металла, и такъ какъ наравнѣ съ лампами фонари эти употребляются для освѣщенія комнатъ, то имъ всегда придается соотвѣтственная тому виѣшняя отдѣлка, иногда въ видѣ красивой башенки съ прорѣзными боковыми стѣнками (ср. фиг. 144. с. d). Лампы къ подобнаго рода фонарямъ состо-

¹ Н. v. Мауег и S. Fischer, въ прив. уже мѣстахъ фиг. 23.

ять изъ глинянаго или стеклянаго сосуда описанной выше формы (фиг. 145. с).

3. Приборы для измѣренія времени ¹, въ родѣ часовъ съ колесами, какіе въ западныхъ странахъ встрѣчаются почти въ каждомъ хозяйствѣ, составляютъ до нынѣ на востокѣ рѣдкій предметъ роскоши. Въмѣсто ихъ доселѣ въ употребленіи, какъ въ глубокой еще древности, преимущественно солнечныя и даже простые песочныя часы. Этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что именно еще древніе арабы, въ сравненіе съ древними египтянами и греками, значительно усовершенствовали устройство не только этого рода часовъ, но также и водяныхъ, примѣнивъ къ нимъ колесный приборъ и пр., и въ такомъ видѣ ими пользовались даже для различнаго рода механическихъ забавъ. Такой недостатокъ можно объяснить только тѣмъ, что восточные народы вообще несравненно менѣе чѣмъ народы на западѣ привыкли цѣнить время, и правильно распредѣлять часы свои соотвѣтственно обыденнымъ занятіямъ. Какъ примѣръ до какого механическаго совершенства доведено было арабами устройство водяныхъ часовъ, укажемъ на описаніе часовъ, которые въ числѣ другихъ великолѣпныхъ вещей въ 807 г. Гарунъ-аль-Рашидъ послалъ Карлу великому ². „То было“—говоритъ лѣтописецъ того времени—„весьма искусно исполненное произведеніе изъ желтой мѣди, въ которомъ теченіе времени отмѣчалось посредствомъ водяныхъ часовъ соотвѣтственнымъ числомъ маленькихъ металлическихъ шариковъ, падавшихъ послѣ каждаго часа въ металлическій тазъ и производившихъ такимъ образомъ звукъ. Потомъ тутъ было двѣнадцать всадниковъ, которые послѣ каждаго часа выступали изъ двѣнадцати отверстій и при уходѣ коихъ раскрывалось такоеже число маленькихъ ставень, оставшихся до толѣ закрытыми, и позади которыхъ всадники опять исчезали изъ виду“. Вообще изобрѣтеніе часовъ съ гириями или колесами относится уже къ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, а первое усовершенствованіе ихъ только къ шестнадцатому. Такъ напр. между 1344 и 1497 годами появились кажется впервые боевые часы во многихъ итальянскихъ городахъ, какъто въ Падуѣ, Болоннѣ, Флоренціи и Венеціи, а затѣмъ уже въ нѣмецкихъ городахъ, въ Страсбургѣ, Шнейерѣ и Нюрнбергѣ, и не ранѣе какъ въ 1500 году Петръ Геле (Hele) въ Нюрнбергѣ изобрѣлъ маленькіе стѣнные и карманные часы.

III. Изготовленіе особыхъ приборовъ для общественныхъ забавъ, т. е. вообще игральныхъ приборовъ въ обширнѣйшемъ значеніи, было слишкомъ стѣснено запретительными постановленіями „пророка“, чтобы оно могло самостоятельно процвѣтать у арабовъ. Мухаммедъ не только строго за-

¹ Ср. о приборахъ для измѣренія времени: Виѣшній бытъ народовъ и пр. II. стр. 228, и приводимую тамъже литературу: J. Alexander. Abhandlung von den Uhren. нѣмецк. перев. Lemgo. 1738. F. Beckmann. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen I. стр. 149; особенно о часахъ съ колесами стр. 159 и сл. G. Barfuss. Geschichte der Uhrmacherkunst. Weimar 1837. F. Vogel. Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen I. стр. 484. въ особ. стр. 493. Pierre Dubois. Histoire et traité de l'horlogerie ancienne et moderne, précédée de recherches sur la mesure du temps dans l'antiquité и пр. Paris. 1850.—² Einhard. Annal. ad. ann. 807. ср. выше стр. 222. ир. 1.

прешалъ всѣ азартныя игры ¹, но осуждалъ даже музыку какъ занятіе разслабляющее человѣчество и положительно недостойное мужчины. Такимъ образомъ, что касается общественныхъ увеселеній, то арабамъ оставалась почти только игра въ шахматы, перенесенная въ Персію изъ Индіи еще при сассанидахъ (стр. 135); и хотя они не пренебрегали тоже музыкою, но исполненіе предоставлялось у нихъ преимущественно невольницамъ и чужестранцамъ. Послѣдствіемъ всего этого было, что вся дѣятельность арабовъ по части производства игральныхъ приборовъ, ограничивалась почти единственно только вырѣзываніемъ мелкихъ шахматныхъ фигуръ, и что форма и устройство музыкальныхъ инструментовъ остались безъ измѣненія такимиже какими были издревле на востокѣ. Положеніе это не измѣнилось и послѣ того какъ благодаря вліянію персовъ, арабы стали болѣе любить музыку и даже изучать теорію этого искусства ². И хотя калифъ Эль-Мансуръ, въ виду строгаго запрещенія „пророка“ велѣлъ разбить лютию объ голову какого то музыканта ³, тѣмъ не менѣе въ это время въ Кордовѣ существовала уже особая школа музыки основанная Абдерраманомъ II, и покровитель искусства Гарунъ-аль-Рашидъ держалъ у себя особеннаго придворнаго музыканта Аль Маусели, родомъ изъ Персіи, но получившаго образованіе въ Кордовѣ ⁴. При всемъ томъ однако оставались въ употребленіи старинныя музыкальныя инструменты, и по всей вѣроятности форма ихъ почти безъ измѣненій сохранилась и доселѣ на востокѣ. Предположеніе это, хотя и можетъ казаться нѣсколько смѣлымъ, но по крайней мѣрѣ оправдывается тѣмъ, что изображенія многихъ употребляемыхъ до нынѣ на востокѣ музыкальныхъ инструментовъ, встрѣчаются еще на самыхъ древнѣйшихъ египетскихъ и ассирійскихъ памятникахъ ⁵, и что сверхъ того названія этихъ инструментовъ и относящіяся сюда техническія объясненія по большей части заимствованы изъ языковъ персидскаго, греческаго и индійскаго.

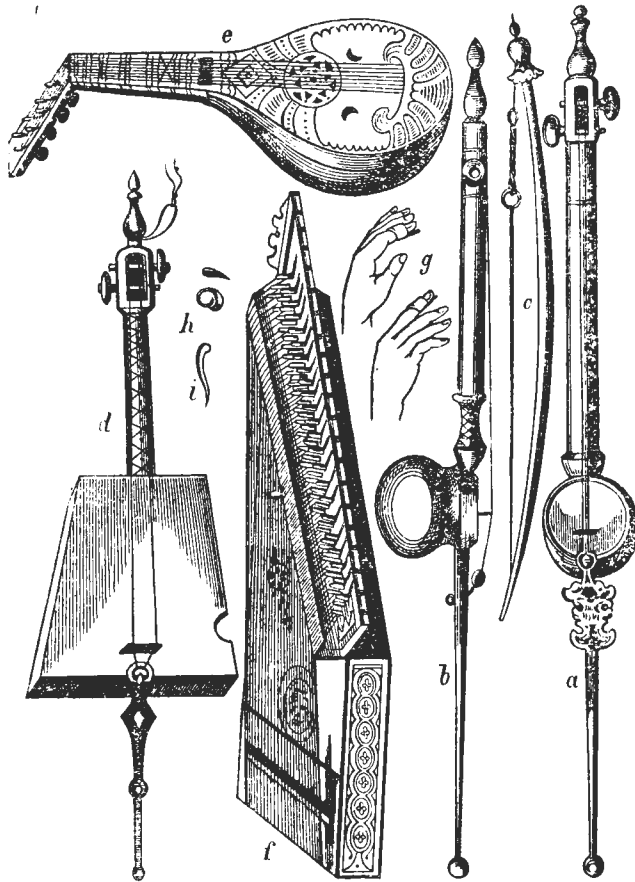
Изъ многочисленныхъ родовъ музыкальныхъ инструментовъ ⁶ въ настоящее время у арабовъ, при частныхъ музыкальныхъ забавахъ, наиболѣе въ употребленіи „кеменге“, „канунъ“, „удъ“ и „най“. На нихъ играютъ или въ одиночку, или вмѣстѣ съ другими инструментами (какъ въ концертѣ). За исключеніемъ „най“, особаго рода флейты, остальные три принадлежатъ къ разряду струнныхъ инструментовъ. Лишь изрѣдка для усиленія этого квартета къ нему прибавляются ударные инструменты, играющіе зато главную роль въ шумной военной музыкѣ, и употребляемые обыкновенно либо отдѣльно, либо при разнаго рода духовыхъ инструментахъ.

¹ G. Wahl. Der Koran. Сура II. (стр. 33) и Сура V (стр. 96).—² Cp. R. G. Kiesewetter. Die Musik der Araber. Leipzig. 1842.—³ F. Oelsner. Mohammed. стр. 206.—⁴ W. Wachsmuth. Allgem. Culturgeschichte стр. 591.—⁵ См. Внѣшн. бытъ нар. и пр. I. фиг. 80 до 83; фиг. 140 и сл.—⁶ О музыкальныхъ инструментахъ употребляемыхъ нынѣ на востокѣ, и въ особенности у арабовъ см. C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien (1774) I. стр. 177 таб. XXVI. C. Villoteau. Description historique et littéraire des instruments de musique des Orientaux (въ Description de l'Égypte XXIII стр. 221. и сл., потомъ и въ египте: Etat moderne de l'Égypte. II. таб. AA. BB. CC). W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter. II. стр. 192 съ рис. H. v. Meyer и S. Fischer. Genrebilder aus dem Orient. таб. XLII; относительно Персіи см. пр. Postans Cutch. и пр. стр. 178. ср. тоже названія нѣкоторыхъ струнъ арабской лютия въ «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft». IV. стр. 248 и сл.

1. Изъ струнныхъ инструментовъ наиболее употребительные вышеупомянутые „кеменге“ и „канунъ“; „удъ“ напротивъ, менѣе въ ходу, несмотря на то, что въ предыдущіе вѣка это былъ единственный инструментъ арабскихъ музыкантовъ, и что въ этомъ качествѣ онъ часто воспѣваемъ былъ древними поэтами.

а. „Кеменге“, названіе персидское, есть родъ скрипки, около тридцати-восьми дюймовъ длины (фиг. 146. а). Корпусъ ея большею частью состоитъ

Фиг. 146.

изъ трехъ четвертей скорлупы кокосоваго орѣха, и просверлена мелкими дырочками, сверху же она обтянута рыбьей кожей надъ которою помѣщается деревянная подставка. Шейка дѣлается обыкновенно изъ чернаго дерева и иногда выкладывается слоновою костью; конецъ ея изъ слоновой кости, а колки изъ буксоваго дерева. Ножка инструмента состоитъ изъ желѣзнаго прута который проходитъ черезъ корпусъ; струны сдѣланы изъ конскаго волоса и прикрѣплены къ помѣщенному на этой ножкѣ желѣзному кольцу. Смычекъ къ „кеменге“ деревянный и тоже обтянутъ конскимъ волосомъ,

длина его приблизительно въ тридцать пять дюймовъ (фиг. 146. с). Во время игры инструментъ уставляется ножкою въ полъ и вообще имъ управляютъ какъ виолончелью.

б. „Канунъ“, съ греческаго *κάνον*, походить на цымбалы или цитру (фиг. 146. f). Длина его обыкновенно въ тридцать девять дюймовъ, при шестнадцати ширины и трехъ съ половиною глубины. Корпусъ большею частью дѣлается всецѣло изъ орѣховаго дерева. На верхней доскѣ, по которой проложена подставка для струнъ находятся пять круглыхъ отверстій оклеенныхъ рыбьей кожею и соотвѣтствующихъ пяти ножкамъ инструмента. На „канунъ“ обыкновенно натягиваются двадцать четыре тройныхъ струны, преимущественно изъ овечьихъ кишекъ. Играющій на этомъ инструментѣ держитъ его на колѣняхъ, какъ цитру, и перебираетъ струны помощью такъ называемаго „рише“, дровянаго „плектрона“, состоящаго изъ кольца надѣваемаго на палець и за которое продѣвается часть ствола отъ пера, или кусочекъ буйволова рога (фиг. 146. g. h).

в. „Удъ“ совершенно сходенъ съ лютнею (фиг. 146. е), и тоже весь изъ дерева; корпусъ дѣлается обыкновенно изъ еловаго дерева, шейка изъ чернаго и пр. и обкладывается часто слоновою костью, перламутромъ, и пр. Длина его доходитъ иногда до двадцати пяти дюймовъ; на немъ большею частью до семи двойныхъ струнъ изъ овечьихъ кишекъ. На немъ играютъ тоже какъ на предъидущемъ инструментѣ помощью „рише“ для чего выбирается преимущественно коршунье перо.

г. Кроме вышеприведенныхъ инструментовъ прочіе рода струнныхъ инструментовъ либо въ меньшемъ употребленіи, либо на нихъ играютъ преимущественно только бѣднѣйшіе классы или инородцы; таковы напр. „тамбура“ инструментъ похожій на лютню съ очень длинною шейкою и одною, или же тремя струнами; „рабабъ“, въ родѣ четырехугольной скрипки, и „куссиръ“, употребляемый бедуинами и сходный во всемъ съ древнегреческою лирою¹. — „Куссиръ“ состоитъ изъ полукруглаго обтянутаго кожею корпуса, изъ котораго выдаются двѣ круглыя палочки соединенныя сверху третьею горизонтальною поперечною служащею для утвержденія струнъ, числомъ всегда до пяти и протянутыхъ по деревянной подставкѣ въ одно мѣсто на нижнемъ концѣ инструмента, такъ что онѣ образуютъ форму треугольника. — „Рабабъ“ бываетъ двухъ родовъ: „рабабъ-эль-мугхани“ или „скрипка пѣвцовъ; и „рабабъ эшшаэръ“ или „скрипка поэтовъ“. Вся разница между ними та, что на первой двѣ струны, на второй же только одна (фиг. 146. d). Корпусъ состоитъ изъ четырехугольной суживающейся кверху рамки, обтянутой съ одной только стороны кожею или пергаментомъ. Черезъ рамку проходитъ желѣзный стержень въ самую шейку состоящую изъ крѣпкаго дерева и украшенную иногда изящною инкрустаціею; на ней расположены колки. Струны изъ конскаго волоса. На нихъ играютъ смычкомъ, какъ на кеменге (стр. 235). Вся вышина этого инструмента около тридцати двухъ дюймовъ.

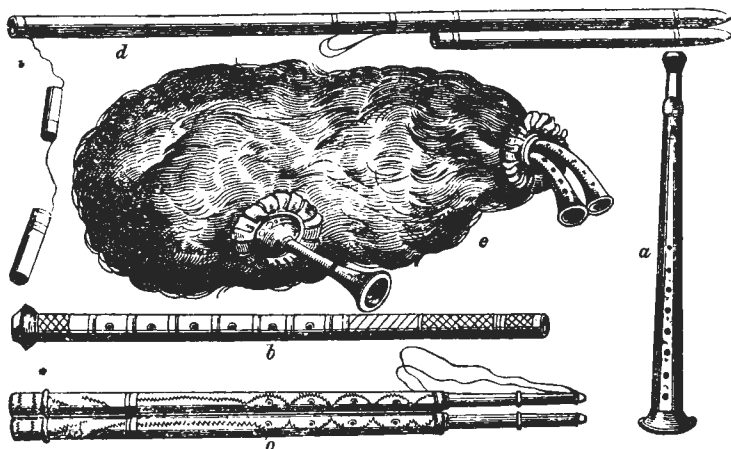
¹ Ср. кроме приведенныхъ уже прежде сочиненій въ особенности *Prisse d'Avannes. Miroir de l'Orient*, стр. 8. съ рис.

2. а. Между духовыми инструментами разница не такъ значительна, и ограничивается главнымъ образомъ ничтожнымъ измѣненіемъ формы упомянутой выше флейты „пай“. Эта флейта дѣлается изъ тростниковаго ствола, длина ея восемнадцать дюймовъ, толщина у верхняго конца семь осьмихъ дюйма, у нижняго три четверти дюйма; на одной сторонѣ находятся обыкновенно по шести дырочекъ, на противоположной одно только отверстіе для большаго пальца (фиг. 147. b).

б. Въ такомъже родѣ и „саламие“, тростниковая флейта тоже съ шестью звуковыми отверстіями и однимъ для большаго пальца;—потомъ и „сауме“ или „цеembre“, родъ простаго гобоя съ осью одинаковой величины звуковыми отверстіями (фиг. 147. а).

в. Кромѣ того въ употребленіи у простаго народа два рода двойныхъ флейтъ изъ тростника, „аргуль“ и „цуммара“. Каждая изъ нихъ состо-

Фиг. 147.

ить изъ двухъ соединенныхъ одна съ другою, дудокъ либо одинаковой, либо разной длины, изъ коихъ одна составлена изъ трехъ отдѣльныхъ подвижныхъ частей, такъ что помощью ихъ флейта можетъ быть удлиняема по произволу играющаго (фиг. 147 с. d).

г. Въ этихъже классахъ населенія въ ходу также родъ волынки довольно грубой формы „цуммара би-соанъ“, состоящая изъ козьей шкуры (фиг. 147. е).

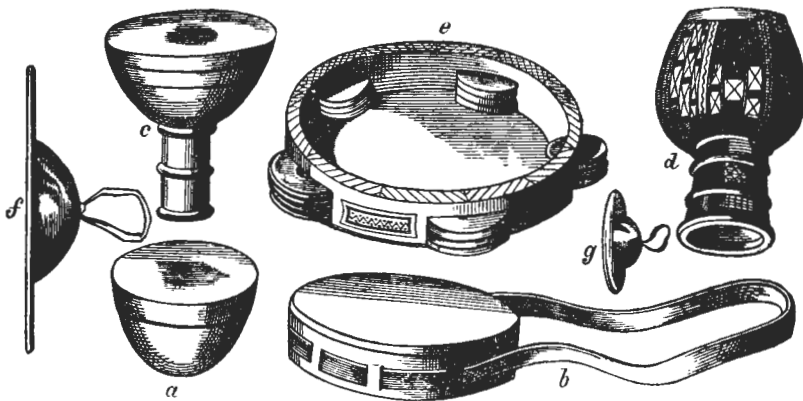
д. Къ названнымъ инструментамъ можно еще прибавить длинный духовой инструментъ въ родѣ трубы изъ листовой мѣди въ два крутые оборота, подъ названіемъ „сурме“ онъ принадлежитъ вообще къ числу самыхъ громкихъ инструментовъ и употреблялся преимущественно въ военной музыкѣ.

3. а. Что касается ударныхъ инструментовъ, то надо прежде всего замѣтить, что значительнѣйшую часть ихъ составляютъ обтянутые кожей барабаны и литавры. Изъ первыхъ самые обыкновенные рода „таблъ белиди“, или египетскій, и настоящій сирійскій барабанъ „таблъ шами“.

Первый по основной формѣ своей похожъ на наши обыкновенные военные барабаны но гораздо ниже ихъ (фиг. 148. b); второй, похожъ скорѣе на полукруглую литавру изъ листовой мѣди, иногда даже изъ дерева или глины, обыкновенно шестнадцати дюймовъ въ поперечникѣ и четырехъ дюймовъ наибольшей глубины въ серединѣ (фиг. 148. a). Его бьютъ въ двѣ деревянные палочки.

б. Кромѣ того употребляются и большія литавры и маленькіе барабаны нѣсколькихъ видовъ, въ особенности при религиозныхъ обрядахъ. Последніе, называемые „бацъ“ или „таблъ“, ширины въ поперечникѣ отъ шести до семи дюймовъ. На задней сторонѣ къ нимъ приделана пуговка за которую ихъ держатъ лѣвою рукою, между тѣмъ какъ правую въ нихъ бьютъ палоч-

Фиг. 148.

кою или ремнемъ. Вышеупомянутыя большія литавры носятъ одно общее названіе „наккара“. Ихъ употребляютъ почти только попарно, привязавъ спереди къ сѣдлу верблюда такимъ образомъ чтобы съ правой стороны висѣла большая по размѣрамъ имѣющая въ діаметрѣ до двухъ футовъ.

в. Совершенно особаго устройства барабанъ весьма распространенный преимущественно въ Египтѣ, такъ называемый „дарабукке“. Начертаніе его встрѣчается еще на древнѣйшихъ египетскихъ стѣнныхъ изображеніяхъ, гдѣ держашіе такого рода барабаны отчасти люди изъ народа, отчасти же знатныя женщины. Форма „дарабукке“ воронкообразная, длина его отъ пятнадцати до восемнадцати дюймовъ, верхнее отверстіе затянуто кожей. И теперь еще, какъ въ древнѣйшія времена, эти барабаны дѣлаются или изъ глины и простаго дерева, или же изъ дорогаго дерева и съ богатыми выложенными орнаментами (фиг. 148. с. д.). На нихъ играютъ обѣими руками, держа барабанъ за цилиндрической конецъ подъ лѣвой мышкою, причѣмъ, дабы свободнѣе держать на вѣсу инструментъ, отъ него не рѣдко протягиваютъ шнурокъ или ремень черезъ правое плечо.

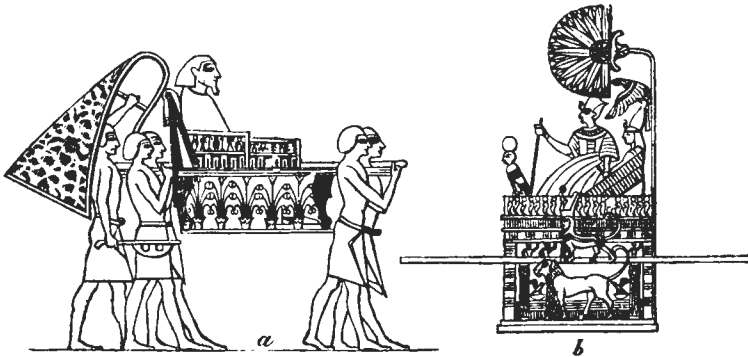
г. Сверхъ того среди ниснихъ какъ и знатныхъ слоевъ женскаго населенія въ ходу тоже „таръ“ или тамбурины съ разными побрякушками. Это деревянный ободъ, одиннадцати дюймовъ въ поперечникѣ, обтянутый кожей,

и въ который вдѣланы обыкновенно по пяти двойныхъ пластинокъ изъ крѣпкой листовой мѣди (фиг. 148. е). Смотря по цѣнности этого инструмента, отдѣлка его бываетъ болѣе или менѣе роскошна.

д. Публичныя танцовщицы для сопровожденія своихъ танцевъ употребляютъ кромѣ того еще особыя металлическія тарелки или кимвалы различной величины. Самыя маленькія изъ нихъ, „сагаты“ (фиг. 148. г), употребляются въ томъ же родѣ какъ кастаньеты, всегда попарно; онѣ надѣваются петлями на указательный и большой пальцы обѣихъ рукъ. — Большіе кимвалы или „касы“, играющій бьетъ другъ о дружку обѣими руками (фиг. 148. ф). Они принадлежатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ числу военныхъ музыкальныхъ инструментовъ, какъ и другой еще инструментъ, состоящій изъ металлическаго прута съ привѣшенными къ верхнему концу его побрякушками и колокольчиками, и который принятъ также въ нѣкоторыхъ европейскихъ арміяхъ подъ названіемъ „янычарской музыки“.

IV. Такъ какъ ни въ какія времена на востокѣ не существовало нашего европейскаго обычая путешествовать для удовольствія, да и вообще обитатель востока, собираясь въ дорогу только по крайне необходимымъ торговымъ или инымъ важнымъ дѣламъ, въ подобныхъ случаяхъ выбиралъ средствомъ передвиженія для себя лошадей, верблюдовъ или муловъ, то весьма поватно

Фиг. 149.

что промыселъ и способъ перевозки на колеслахъ ¹ (людей и товаровъ) остался въ этихъ странахъ на низкой степенѣ развитія. Отсутствіе подобнаго рода перевозочныхъ средствъ доходитъ даже до того, что, по замѣчанію Нибура ², въ Аравіи, и въ верхнемъ Египтѣ едва ли путешественникъ встрѣтитъ какой либо повозки или телеги. Впрочемъ, и въ передней части Азіи до самыхъ границъ Китая и Индіи подобныя предметы составля-

¹ Ср. G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte VII. стр. 55 и сл., потомъ о способѣ осѣдланія и навьючванія лошадей и пр. рисунки у H. v. Mayr u S. Fischer. Genrebilder aus dem Orient. таб. VI и таб. XII. — ² C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien (1774) I. стр. 152.

ють явленіе исключительное и притомъ сами по себѣ, какъ и всѣ прочія средства передвиженія, они остались неизмѣнно такими, какими были съ незапамятныхъ временъ. Вообще, все относящееся сюда ограничивается нѣсколькими разрядами носилокъ¹, общее названіе которыхъ „паланкинъ“ и (по явански) „паланганъ“, прямо обличаетъ ихъ индійское происхожденіе, и немногими родами телегъ самаго грубаго устройства.

1. Носилки и нынѣ точно такого устройства какъ въ изображеніяхъ на ассирійскихъ и египетскихъ памятникахъ (фиг. 149. а. в.). Онѣ состоятъ изъ станка въ видѣ малой софы подвѣшеннаго къ двумъ жердямъ и носимаго людьми на плечахъ, или на ремняхъ парю мудовъ впряженныхъ въ жерди спереди и сзади². Надъ этими носилками возвышается обыкновенно „балдахинъ“ съ придѣланными къ нему кругомъ занавѣсками закрываемыми всегда при перевозкѣ женщинъ.

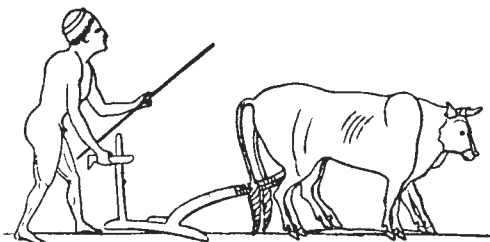
2. Кромѣ названныхъ „паланкиновъ“, отличающихся иногда весьма роскошною обдѣлкою, встрѣчаются также особаго рода повозки для перевозки людей, но главнымъ образомъ только у турокъ; таковы „араба“ и „котчи“, послѣдняя венгерскаго происхожденія³. Въ обоихъ кузовахъ утверждены непосредственно на осяхъ, и разница между ними большею частью только въ отдѣлкѣ. „Котчи“ просторнѣе, и въ качествѣ настоящей парадной повозки отдѣливается часто очень роскошно⁴, „араба“, напротивъ, состоитъ обыкновенно изъ рѣшетчатаго, обтянутаго холстомъ кузова, утвержденаго на двухъ простыхъ колесахъ⁵. Потомъ „котчи“ имѣетъ всегда сзади подножку въ видѣ лѣсенки по которой влѣзаютъ въ эту повозку, и въ нее впрягаютъ лошадей, тогда какъ у „араба“ не бываетъ подножки и въ ней ѣздятъ почти безъ исключенія на воловьей упряжи или буйволахъ.

V. Все что сказано было о повозкахъ примѣнимо одинаково также къ земледѣльческимъ орудіямъ, устройство которыхъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ такъ мало измѣнилось что напр. общеупотребляемый нынѣ на востокѣ плугъ во всѣхъ отношеніяхъ схожъ съ изображеніями этого орудія на самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ⁶. Это тотъ же самыхъ древнѣйшихъ временъ и самаго несложнаго устройства плугъ изъ дерева, съ крѣпкимъ правиломъ, дышлою и ярмомъ, влекомый буйволами или быками, а за недостаткомъ таковыхъ даже людьми.— Впрочемъ, и въ настоящее время какъ еще въ древнѣйшія времена, для вскапыванія болѣе твердой почвы вмѣсто лопаты употребляется мотыга, а для провѣванія зерна деревянный развилистый шестъ, плетеный почвы и т. п. — Кромѣ того еще въ употребленіи

¹ Общее, но малоудовлетворительное описаніе носилокъ составлено G. Schramm. *Abhandlung der Tragesänften*. Nürnberg 1737. съ рисунками. — ² Послѣднеупомянутый способъ перенесенія самый употребительный въ Персіи ср. J. Morier. *Journey through Persia* и пр. 2. I. стр. 245. F. Drouville. *Voyages* и пр. № 328. — ³ Объ изобрѣтеніи «аретъ» см. F. Vogel. *Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen* IV. стр. 254, и повозокъ вообще см. D. Ramée. *La locomotion. Histoire des chars, carosses, omnibus et voitures de tous genres*. съ 20 рис. Paris 1856. — ⁴ См. рис у H. d'Ohsson. *Tableau général de l'empire ottoman* и пр. II. стр. 284. — ⁵ У негоже въ привед. выше мѣстѣхъ. стр. 285. — ⁶ Ср. Вѣшній бытъ народовъ и пр. I. стр. 78. фиг. 72; II. стр. 236. фиг. 356; и фиг. 533. Потомъ C. Niebuhr. *Reisebeschreibung* (1774) I. таб. XV и таб. XVII.

грубой формы борона, и въ особенности въ Египтѣ родъ молотилки. Последняя состоитъ изъ четырехугольной деревянной рамы, въ которой вставлены по одному или по нѣскольку (часто по три), вращающихся деревянныхъ катка, съ насаженными на нихъ шипами. Иногда поверхъ такой рамы устраивается сидѣнье въ родѣ стула, сидя на которомъ молотильщикъ править запряженною въ снарядъ скотиною, гоня ее въ кругу по снопамъ расложеннымъ въ гумнѣ ¹.

Фиг. 150.

VI. Своеобразный способъ веденія войны свойственный древнимъ арабамъ, какъ надо полагать, былъ причиною, что этотъ народъ, не любившій осадной войны, не выработалъ у себя никакихъ осадныхъ орудій, и даже не заимствовалъ таковыхъ отъ грековъ и римлянъ, но пользовался ими уже въ гораздо позднѣйшее время, и то лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Еслибы не такъ, то Византія наврядли могла бы устоять противъ грознаго натиска арабовъ, между тѣмъ какъ сохраненіемъ своимъ она главнымъ образомъ обязана была военнымъ снарядамъ своимъ и греческому огню (стр. 162 стр. 163). Вѣроятно не ранѣе какъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, и послѣ того какъ тайна этого разрушительнаго состава черезъ посредство египетскихъ арабовъ сдѣлалась извѣстною арабамъ ², послѣдніе стали вообще приниматься за изготовленіе особыхъ метательныхъ снарядовъ, вѣроятно для бросанія огня, что впрочемъ могло ихъ навести на производство тоже другихъ военныхъ снарядовъ. Судя по тому что арабы такъ поздно ознакомились съ употребленіемъ греческаго огня, должно казаться нѣсколько страннымъ предположеніе, что туркамъ еще въ седьмомъ вѣкѣ извѣстенъ былъ порохъ, и что это вещество было принесено въ Испанію арабами еще въ тринадцатомъ столѣтіи ³. Такое предположеніе опирается отчасти на китайскихъ свидѣтельствахъ и извѣстіяхъ о природныхъ мѣстахъ рожденія селитры преимущественно въ Индіи и юговосточныхъ странахъ Азіи ⁴; потомъ также на одно мѣсто въ древнеарабскомъ сочиненіи, въ которомъ въ подробности описывается не только составъ пороха, но и способъ заряжанія имъ пушки ⁵.

VII. Погребальная утварь, у всѣхъ „правовѣрныхъ“ съ древнѣйшихъ временъ ограничивается главнымъ образомъ деревянными носилками у изготовленія коихъ утверждены отвѣсно невысокіи шесты ⁶. При погребеніи тѣло

¹ См. изображеніе такого орудія у С. Niebuhr въ прив. мѣстахъ. таб. XIII стр. 50. и виньетку II. у W. Wilkinson. A popular account of the ancient Egyptians. London. 1854. I. стр. I. — ² E. Gibbon. гл. LIII. — ³ Подробно у G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte VII. стр. 338 и сл. — ⁴ A. Ermann. Reise um die Erde. Отдѣлъ I. стр. 504. — ⁵ J. v. Hammer—Purgstall въ „Fundgruben des Orients“. I. стр. 248.— ⁶ Изображено у W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter. III. таб. 55. B. H. von Mayr u S. Fischer. Genrebilder aus dem Orient. таб. XLVII, фиг. 25.

умершаго, завернутое въ полотно, полагается на носилки и точно такъ какъ и самый шестъ покрывается ковромъ, затѣмъ, для обозначенія званія умершаго на шестъ кладется его головной уборъ, послѣ чего тѣло относится на кладбище четырьмя особо назначаемыми для этого носильщиками. Смотря по тому какіе замѣчательные подвиги совершалъ при жизни умершій, носилки его убираются соответственными тому украшеніями. Такъ напр. носилки богомольцевъ или нищихъ, заслужившихъ имя святыхъ тѣмъ что ходили въ Мекку, украшаются множествомъ мелкихъ значковъ зеленаго цвѣта ¹.— Исключеніе изъ этого составляетъ почти только погребальный обрядъ тѣхъ персовъ которые держатся еще первоначальнаго ученія „Зендъ-Авесты“, предписывающаго выставять тѣла умершихъ на открытомъ полѣ ².

¹ W. Lane въ прив. мѣстахъ III. стр. 154 и сл. гдѣ приводятся другія еще отличія.—
² Ср. Вѣщній бытъ народовъ и пр. I. стр. 208—209.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ ПО ИХЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Введеніе.

- Фиг. 1. *a.* Th. Hope. Costume of the Ancients II. Fig. 237. —
b. Real Mus. Borbon. VI. tav. XLI. — *c.* VII. tav. XLIX.
- 2. *a.* Croze Magnan. Musée français. IV. Part. 2. (Aesculape). — *b.* Part. 3. (Ménandre).
- 3. *a.* G. Becker. Augusteum. III. Pl. 117. — *b.* Real Mus. Borbon. I. tav. L. — *c.* G. Becker. Augusteum. III. Pl. 118.
- 4. Real Mus. Borbon. VIII. tav. V.
- 5. W. Lübke. Grundriss der Kunstgeschichte стр. 199.
- 6. *a.* Real Mus. Borbon VIII. tav. XXXIV. — *b.* III tav. VI. — *c.* Landon. Annales du musée etc. XIV. tab. XXVIII.
- 7. Real. Mus. Borbon. VIII. tav. XVIII.
- 8. *a.* J. Ferrarii re vestiaria. Tab. XVII. — *b.* Malliot et Martin. Recherches sur le costume etc. I. T. III. T. IV. 3. 2. — *c.* тамъже въ др. м. — *d.* O. Müller. Denkmäler der alten Kunst. B. LXI. 789. *a.* — *c.* Real. Mus. Borbon. IV. tav. A.
- 9. *a.* S. Bartoli. arcus veteres Augustor. p. 46. — *b. c.* тамъже въ др. м.
- 10. K. E. Förstemann. Neue Mittheilungen aus dem Gebiete histor. antiquar. Forschungen. VII. Heft. 2. (Hal-le 1844).
- 11. *a b. c.* Seroux d'Agincourt. Sculpt. Pl. IX. 6. 7.
- 12. K. E. Förstemann. Neue Mittheilungen aus dem Gebiete histor. antiquar. Forschungen. VII. Heft. 2.
- 13. S. Bartoli arcus veteres Augustor. Fol. 47. (Сережня полоса). — *b. c.* Th. Hope, Costume of the Ancients. I. стр. 284.
- 14. *a.* S. Bartoli columna Trajana. Fol. 10. — *b.* Fol. 14.
- 15. *a.* S. Bartoli arcus veteres Augustor. (Trajan in arc. Constant). p. 43. — *b.* p. 42. — *c.* p. 43.

- Фиг. 16. L. Lindenschmidt. Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. V. B. Heft III. Taf. 7. фиг. 1.
- 17. *a.* S. Bartoli columna Trajana. Fol. 2.—*b.* Arcus veteres. *p.* 13. Tab. *D.*—*c.* тамъже *p.* 12.—*d.* тамъже.
- 18. *a. b.* L. Lindenschmidt. Die Alterthümer unserer heidn. Vorzeit. V. B. Heft IV. Taf. 6.
- 19. *a.* Real. Mus. Borbon. VII. tav. IX. — *b.* Admiranda Romanar. antiquitat. tab. 19.
- 20. *a.* W. Winckelmann's Werke (Ausc. v. Eiselein). Atlas. 1. № 22.—*b.* Mittheilungen der K. K. österr. Central-Commission. III. (1858). стр. 26. сравн II (1857) стр. 223.—*c. d.* S. D'Agincourt. Sculpt. Pl. IX.
- 21. *a.* J. Overbeck. Pompeji. Fig. 227. *e.*—*b.* Real. Mus. Borbon. IV. tav. XXX. 2.—*c.* J. Overbeck. Pompeji. Fig. 227. *u.* — *d.* тамъже Fig. 227. *b.*—*e.* тамъже Fig. 227. *p.* —*f.* Real Mus. Borbon. IV. tav. LVIII. 1.—*g. h. i. k.* J. Overbeck. Pompeji. Fig. 227 *c. f. a. r.*
- 22. *a.* Real. Mus. Borbon. I. tav. LIV.—*b.* J. Overbeck-Pompeji. Fig. 230. *m.*—*c.* тамъже Fig. 229. *c.*—*d.* Real Museo Borbon. III. tav. LIX.—*e.* J. Overbeck. Pompeji. Fig. 230 и слѣд.
- 23. *a. b.* Real Museo Borbonico. VI. tav. XXVIII.
- 24. M. Lenormant. Notice sur le fauteuil de Dagobert. Paris. 1849. Fig. 1.
- 25. H. Rheinwald. Die kirchliche Archäologie. Taf. II.
- 26. *a. b.* L. Perret. Les catacombes de Rome III. Pl. II. сравн Pl. III и IV.—*c.* III. Pl. XVII.
- 27. *a.* W. Salzenberg. Altchristl. Baudenkmale etc. Bl. XXX. 2.—*b.* S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. XXXIV. 1.—*c.* тамъже Pl. LXII. 3.
- 28. L. Perret. Les catacombes de Rome. IV. Pl. XXII.
- 29. *a.* L. Perret. Les. catacombes de Rome. II. Pl. XXXV.—*b.* S. D'Agincourt. Sculpt. Pl. V. Fig. 5.—*c.* L. Perret. IV. Pl. IV. II. Pl. LI.
- 30. *a.* L. Perret. Les catacombes de Rome. II. Pl. VII.—*b.* тамъже.—*c.* III. Pl. X.
- 31. *a.* L. Perret. Les catacombes de Rome. IV. Pl. V.—*b. c.* тамъже.—*d.* H. Rheinwald. Die kirchliche Archäologie. Taf. II. Aringhi. Roma Subterranea. II. стр. 571.—*e.* F. Bellermann. Die Catacomben von Rom und Neapel etc. Taf. XI.—*f.* L. Perret. Les catacombes de Rome. IV. Pl. V. 3.—*g. h.* IV. Pl. XVII. 2—6.

Византийцы.

- 32. Mittheilungen der K. K. österr. Central-Commission. IV. стр. 257.
- 33. S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. XLVI. 1.
- 34. *a.* J. и L. Kreutz. Basilica di S. Marco. Taf. XLIV.—*b.* Taf. XXIII. 2. — *c.* S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. XLIII. 3.

- Фиг. 35. *a.* S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. LVII. 3.—*b.* Pl. LI. 3.—*c.* Pl. LVII. 3.
- 36. Revue archéologique etc. 7. année. 16. livrais. Paris 1850. стр. 351; ср. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters. I. Taf. 92.
- 37. J. и L. Kreutz. Basilica di S. Marco. T. II.
- 38. *a. b. c. d.* J. G. Gutensohn и Knapp. Die christlichen, Basiliken. Heft. III.
- 39. Real. Mus. Borbon. XII. tav. 5.—*b. c.* XI. tav. 2.—*d.* VIII. tav. IV.—*e.* VIII, tav. V.
- 40. F. Kugler. Handbuch der Kunstgeschichte. 3 изд. I. стр. 286. (По W. Salzenberg. Altchristl. Bauwerke in Constantinopel).
- 41. *a.* E. Gerhard. Denkmäler und Forschungen etc. Archäologische Zeitung. 1860. Taf. CXXXVI. 3—*b.* Н. Rheinwald. Die Kirchliche Archäologie. Taf. II. 17.
- 42. L'abbé Barrault et A. Martin. Le bâton pastoral (mélanges d'archéologie IV); сравни Delgado. Sitzungsbericht der Wiener Akademie. Histor. philos. Klasse. III. стр. 220.
- 43. F. Kugler. Handbuch der Kunstgeschichte. 3 изд. I. стр. 269. (По S. D'Agincourt); ср. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Fig. 91.
- 44. Revue archéologique etc. 7 année. Paris. 1850. стр. 351; ср. v. Hefner-Alteneck въ прив. мѣстахъ.
- 45. F. Kugler. Handbuch der Kunstgeschichte. 3 изд. I. стр. 270; ср. слѣд. №.
- 46. W. Salzenberg. Die altchristlichen Baudenkmale zu Constantinopel. Bl. XXVII.
- 47. Revue archéologique etc. page 351; ср. Fig. 44.—*b.* L. Perret. Les catacombes de Rome. II. Pl. I. (вишьетку).—*c.* тамъже I. (вишьетку).
- 48. *a. b.* J. и L. Kreutz. Basilica di San Marco. Taf. II. и III.
- 49. *a. b.* Didron. Annales archéologiques XVIII. стр. 197; ср. X. Willemin. Monuments français inédits. I. Pl. 40.—*c.* Ch. Louandre и Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. IX. siècle 2. moitié (tab. 32).
- 50. Mittheilungen der K. K. österreichischen Central-Commission. II. стр. 86 и сл. 201 и сл.
- 51. *a. b.* Ch. Louandre и Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. V. et VI siècle (tab. 1 et 2) съ присоединеніемъ сюда оригинальныхъ гипсовыхъ слѣпковъ находящихся въ берлинскомъ музеѣ.
- 52. Th. Hope. Costume of the Ancients. I. стр. 270.
- 53. *a. b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taf. 91. G. F. ср. флг. 44.—*c.* S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. XXXII. 4.

- Фиг. 54. S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. XXXII. 2.
- 55. *a.* O. Müller и Österlei. Denkmale der alten Kunst. A. Taf. LXXII. 114, ср. Mongez. Iconographie rom. Pl. 62. Nro. 1.—*b.* E. Gerhard. Denkmäler und Forschungen. Archäolog. Zeitung. Jahrg. XVIII. Nro. 36. ср. Real Mus. Borbon. XIV. Taf. XXV.
- 56. J. Malliot и P. Martin. Recherches sur le costume etc. (нѣмецкое изд.) I. Taf. LVIII.—*b.* S. D'Agincourt. Sculpt. Pl. IX. 5.—*c.* J. Malliot и P. Martin въ прив. мѣст.
- 57. J. Malliot и P. Martin въ пр. м. I. Pl. LVIII. 1.
- 58. Revue archéologique 7 année. 16. livrais. стр. 391; ср. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taf. 91. Galli Knight. Ecclesiastical architecture I. T. 92.
- 59. Ernst aus'm Werth. Denkmäler der bildenden Kunst etc. I. Bd. II. Abth. Taf. XXXIII. 6.
- 60. *a.* S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. XLVII 5.—*b.* XXXII. 3.—*c.* LVII. 7.—*d.* XXXII. 5.
- 61. *a. b. c. d. e. f.* J. v. Hefner-Alteneck и J. Becker. Geräthschaften des christl. Mittelalters. II. Taf. 40.
- 62. *a. b. c.* J. и L. Kreutz. Basilica da San Marco. Taf. XIV. XLVII.
- 63. *a.* S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. LVII. 6.—*b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taf. 95.—*c.* Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. IX. siècle 2. moitié (Pl. 31).
- 64. *a. b. c.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taf. 91.
- 65. W. Salzenberg. Altchristliche Baudenkmale in Constantinopel. Bl. XXVIII.
- 66. J. и L. Kreutz. Basilica da San Marco. Taf. VII. 5.
- 67. S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. LVIII. 1.
- 68. J. и L. Kreutz. Basilica da San Marco. Taf. VII. 5.
- 69. *a.* Didron. Annales archéologiques. I. стр. 159.—*b.* J. Elssner. Neueste Beschreibung der griechischen Christen. Fig. 1. стр. 62.
- 70. *a.* J. Elssner и пр. Fig. 6. стр. 103.—*b.* тамъже Fig. 4 стр. 98.
- 71. Aloh. Galerie royale de Costumes. (Cost. algériens). T. 28.
- 72. M. d. Caumont. Abécédaire ou rudiment d'archéologie. 3 изд. Paris. 1854. стр. 58.
- 73. Du Sommerard. Les arts du moyen-âge. Paris. 1841. Vol. I. Ser. I. (Chap. V et VII). Pl. XI.
- 74. *a.* Didron. Annales archéol. XVII. стр. 363.—*b.* Galli Knight. The ecclesiastical Architecture in Italy. I.
- 75. *a. b. c.* S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. LIX.
- 76. S. D'Agincourt. Peint. I. Pl. LIX. 5.

- Фиг. 77. *a.* M. Lenormant. Notice sur le fauteuil de Dagobert. (Извлечение изъ Mélanges d'archéologie). Paris 1849. стр. 14.—*b.* тамъже Pl. XXIX. В.—*c.* тамъже Pl. XXIХ. С.
- 78. Didron. Annales archéolog. III. стр. 277.
- 79. G. Heider. Mittelalterliche Kunstdenkmale des österr. Kaiserstaats II. стр. 27. Taf. XXV.
- 80. G. Heider. и пр. II. стр. 130. Fig. 1. ср. Ernst aus'm Werth. Mittelalterliche Kunstdenkmale. I. Abtheil. I. Taf. XVII.
- 81. G. Heider. Mittelalterliche Kunstdenkmale des österr. Kaiserstaats. II. стр. 27. Fig. 24.
- 82. G. Heider. и пр. стр. 28. Fig. 25.

Ново-Персы, до установленія владычества арабовъ.

- 83. *a.* Ch. Texier. Description de l'Arménie, la Perse etc. Pl. III.—*b.* тамъже Pl. 98.—*c.* тамъже Pl. 101.
- 84. *a.* Ch. Texier. и пр. Pl. 99. fig. 1.—*b.* fig. 2.
- 85. *a.* Dubois de Montpréaux. Voyage en Caucase. IV. Ser. Arch. Pl. XXI. 5.—*b.* тамъже Pl. XVII. 6.—*c.* тамъже Pl. XXI. 1.—*d.* тамъже. 3.—*e.* тамъже Pl. XXII.
- 86. M. de Caumont. Abécédaire ou rudiments d'archéologie II. стр. 21. ср. G. Semper. Der Stil in den techn. und tekton. Künsten. I. стр. 155.
- 87. *a. b. c.* Ch. Texier. Description и пр. Pl. 146.
- 88. *a.* Ch. Texier и пр. Pl. 141.—*b.* тамъже Pl. 139.
- 89. *a. b. c. d.* Ch. Texier. и пр. Pl. 134.—*e.* тамъже Pl. 153.—*f.* тамъже Pl. 129.
- 90. Ch. Texier и пр. Pl. 130.
- 91. F. Kugler. Handbuch der Kunstgeschichte. 3 изд. I. стр. 295. (По Ch. Texier).
- 92. Ch. Texier. Description de l'Arménie etc. Pl. 129.
- 93. Ch. Texier. и пр. Pl. 149. 150.
- 94. Monumenti inediti dall'instituto di corrispondenza etc. III. tav. LI.
- 95. *a. b.* H. Gosse. Assyria стр. 459. 461.—*c.* A. Layard. Nineveh and Babylon стр. 150.
- 96. *a.* Th. Норе. Costume of the Ancients. I. 15.—*b.* тамъже. I. 16.—*c.* тамъже I. 15.
- 97. *a. b. c. d.* Th. Норе. Costume и пр. I. 16. съ указаніемъ на подлинныя монеты изъ кабинета медалей въ Берлинѣ.
- 98. *a. b. c. d.* Съ подлинныхъ монетъ кабинета медалей въ Берлинѣ.
- 99. S. Bartoli. Columna Trajana. tab. 27.
- 100. Ch. Texier. Description de l'Arménie etc. Pl. 132.
- 101. Ch. Texier. и пр. Pl. 131.
- 102. Ch. Texier. и пр. Pl. 147.
- 103. Dibdin. Bibliographical Decameron etc. III. стр. 475.
- 104. *a. b.* Ch. Texier. Description de l'Arménie etc. Pl. 133.

Арабы.

- Фиг. 105. *a.* C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien B. I. Tab. LIV.—*b.* c. David Roberts. The Holy Land.
- 106. *a.* David Roberts и пр.—*b.* Н. в. Meyer. Genrebilder aus dem Orient. Taf. XLI. 30.—*c.* Prisse d'Avennes. Miroir de l'Orient. S. 5.—*d.* e. C. Niebuhr. Beschreibung von Arabien. Taf. II. E. G.
- 107. *a.* A. Layard. Nineveh and Babylon. стр. 538.—*b.* Н. в. Meyer. Bilder aus dem Orient. Taf. XVIII. 6.—*c.* тамъже 9. 8.—*d.* тамъже 41.—*e.* тамъже 61.—*f.* *g.* тамъже Taf. VI. 42. 61. 43.
- 108. *a.* Aloph. Galerie royale de Costumes, (Cost. Algériens.) 26.—*b.* W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Aegypter. I. Taf. 20.—*c.* C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien. I. Taf. XXIII.—*d.* W. Lane. Sitten und Gebräuche. III. Taf. 64 (7).—*e.* тамъже 5.—*f.* Н. в. Meyer. Genrebilder etc. Taf. XXIV. 38.—*g.* *h.* *i.* тамъже 43. 63. 64.
- 109. F. Kugler. Geschichte der Baukunst. I. стр. 560.
- 110. F. Kugler. тамъже. I. стр. 505. 547.
- 111. F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder. I. Taf. VI.
- 112. D. Caumont. Abécédaire ou rudiments etc. II. стр. 255. Violet-le-Duc. Приложение въ видъ продолженія (Etoffes etc.) къ: Dictionnaire du mobilier français.
- 113. O. Jones and M. Gury. Alhambra. Plans, elevations etc. I. стр. 18.
- 114. J. и L. Kreutz. Basilica da San Marco. Tav. XLVI.
- 115. *a.* *b.* По оригинальнымъ акварельнымъ снимкамъ E. Gerhard, хранящимся въ кабинетѣ гравюръ въ Берлинѣ; ср. O. Jones and M. Gury. Alhambra etc. I. Pl. XLVI и сл.
- 116. *a.* *b.* тамъже.
- 117. O. Jones und M. Gury. Alhambra etc. I. стр. 16.
- 118. C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien. (1774). I. Taf. LXXI.
- 119. Aloph. Galerie royale de costumes, (Cost. Algériens.) 24.—*b.* тамъже (Cost. de l'empire Ottoman) 8.
- 120. По рисунку E. Gerhard (ср. № 115); O. Jones and M. Gury. Alhambra I. Pl. XLVI.
- 121. *a.* *b.* Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes etc. de S. M. l'Empereur de toutes les Russies. Pl. XVIII.
- 122. *a.* Древности російскаго государства. III. № 40.—*b.* тамъже № 55.—*c.* Rockstuhl. Musée d'armes и пр. Pl. CXXXI.
- 123. G. de Prangey. Monuments arabes et moresques etc. Souvenir de Grenade. Pl. 19.
- 124. *a*—*i.* Н. в. Meyer. Genrebilder etc. Taf. XVIII. 4. 5. 2. 3. 24. 25. 32. 29. 30. 31. 40. 54.

- Фиг. 125. O. Jones and M. Gury. Alhambra etc. стр. 18.
 — 126. C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien (1774.)
 I. Taf. LIX.
 — 127. *a.* Aloph. Galerie Royale de costumes. (Cost. de
 l'empire Ottoman). 1.—*b.* тамъже 10.
 — 128. W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Aegypt-
 ter. I. Taf. 18.
 — 129. *a—p.* H. v. Meyer. Genrebilder aus dem Orient. Taf.
 XXIV. 87. 11. 46. 16. 3. 54. 73. 82. 75. 68. 43. 23.
 26. 19. 10.
 — 130. J. и L. Kreutz. Basilica da San Marco Taf. XLVIII.
 — 131. J. и L. Kreutz. и пр. Taf. XLV.
 — 132. *a.* Aloph. Galerie Royale de Costumes. (Cost. Per-
 sians). 4.—*b.* тамъже 3.—*c.* тамъже 7.
 — 133. F. Kugler. Handbuch der Kunstgeschichte 3 изд. I.
 стр. 378.
 — 134. Aloph. Galerie Royale de costumes (Cost. Persans). 1.
 — 135. *a.* Aloph. и пр. 2.—*b.* тамъже (Cost. de l'empire Otto-
 man) 9.
 — 136. *a.* Aloph. и пр. (Cost. Persans) 5.—*b.* тамъже 10.
 — 137. J. B. Waring and F. Bedford. Art treasures of the
 United kingdom. стр. 20.
 — 138. *a.* J. B. Waring и пр. Vitreous art. Pl. 1.—*b.* тамъ-
 же Ceramic art. Pl. 1.
 — 139. O. Jones and M. Gury. Alhambra. I. Pl. XLV.
 — 140. *a—i.* H. v. Meyer. Genrebilder aus dem Orient. Taf.
 XXXVI. 48. 18. 20. 4. 7. 61. 63. 13.
 — 141. *a. b.* W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen
 Aegyptier. I. Taf. 23.—*c.* тамъже I. Taf. 35.
 — 142. *a. b.* H. v. Meyer. Genrebilder aus dem Orient. Taf.
 XLVII. 19. 20.
 — 143. *a. b.* H. v. Meyer. Genrebilder и пр. Taf. XLVII.
 11. 13.
 — 144. *a. b. c.* H. v. Meyer. Genrebilder и пр. Taf. XLVII.
 8. 9. 6.
 — 145. *a. b. c.* H. v. Meyer. Genrebilder и пр. Taf. XXX.
 60. 41. 38.
 — 146. *a—h.* H. v. Meyer. Genrebilder и пр. Taf. XLII. 28.
 26. 40. 42. 25. 55. 68. 36. 36.
 — 147. *a. b. c.* H. v. Meyer. Genrebilder и пр. Taf. XLII.
 19. 23. 3. 1. 54.
 — 148. *a—g.* H. v. Meyer. Genrebilder и пр. Taf. XLII. 11.
 17. 13. 14. 9. 7. 6.
 — 149. *a.* J. Rosellini. Monumenti II. Tav. XCIII. 2.—*b.*
b. тамъже Tav. LXXXV. 2.
 — 150. Th. Panofka. Bilder antiken Lebens. XIV. 6.

ВНѢШНІЙ
БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Проессора и преподавателя при корол. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

ТОМЪ II.

Съ 336 отдѣльными изображеніями по рисункамъ сочинителя.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1875.

ИСТОРИЯ
ОДЕЖДЫ И УТВАРИ
ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

ОТЪ 4-ГО ДО 14-ГО СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при Берлинской Академіи Художествъ.

„Mit Erlaubniß Man muss auch in der gelehrten Welt hübsch leben und leben lassen. Was uns nicht dient, dient einem Andern. Was wir weder für wichtig, noch für anmuthig halten, hält ein Anderer dafür. Vieles für klein und unerheblich erklären, heisst öfter die Schwäche Seines Gesichts bekennen, als den Werth der Dinge schätzen“.—
E. Lessing.

(„Позвольте! Вѣдь, и въ ученомъ мірѣ нужно жить и давать жить другимъ. Что не годится для насъ, пригодится другому. То, въ чемъ нѣтъ ни значенія, ни привлекательности для насъ, сочтеть важнымъ и прелестнымъ кто-либо другой. Смотрѣть на многія вещи какъ на желочи и пустыи, еще не значить оцѣнивать ихъ; нерѣдко этимъ мы только обнаруживаемъ свою собственную недалекость“.—
E. Дессингъ.)

Часть 2-я.

ЕВРОПЕЙСКІЕ ПАРОДЫ.

Съ нѣмецкаго И. Васильева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Копп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1875.

Рисунки Дозволены Цензурой. Москвз. 4 Июня 1875 г.

Отдѣлъ второй.

Внѣшній бытъ европейскихъ народовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКІЕ НАРОДЫ:

Славяне ¹.

Предварительное замѣчаніе.

Когда опустошительные набѣги Гунновъ прекратились на западѣ, когда страшныя волны великаго переселенія народовъ хлынули на югъ и наводнили наконецъ западную римскую имперію (476 г.), только тогда на сѣверѣ Европы, обокъ съ Кельтами и Германцами, появились какъ бы новымъ со-всѣмъ народомъ „Славяне“. Древнѣйшіе по времени писатели, вѣроятно, вклю-чали ихъ безразлично въ смутную толпу разноплеменныхъ сарматскихъ ордъ, проходившихъ одна за другой по востоку Европы, и не ранѣ середины шес-таго столѣтія выступили они на свѣтъ исторіи подъ именемъ Славянъ. ² Тѣмъ не менѣе принимается за достовѣрное, что уже съ самыхъ раннихъ поръ они осѣли многочисленнымъ племенемъ преимущественно Польшу, Пруссію, Лит-ву и области южной Россіи. Изъ этихъ первобытныхъ своихъ жилищъ увле-кались они бурнымъ стремленіемъ переселявшихся народовъ и обыкновенно занимали мѣстности, покидаемыя племенами, идущими впередъ. Изначала склонные къ земледѣлію, они вездѣ становились осѣдлы, такъ что при первомъ упоминеніи объ нихъ исторіей, они населяли уже наибольшую часть пространства отъ Дона до Эльбы и отъ Балтійскаго моря до Адриатики.

¹ См. о Славянахъ вообще: I. Thunmann. Untersuchungen über, die alte Geschichte einiger nordischer Völker. Berlin 1772. K. G. Anton. Erste Linien eines Versuchs über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. M. 2 Kpfrn. Leipzig. 1783. J. Dobrowski. Slavin. Botschaft aus Böhmen an alle slavischen Völker u. s. w. 2. Aufl. von Wenzeslaus Hanka. M. 6 Tafeln. Prag 1834; въ особенностяхъ: P. J. Schafarik. Slavische Alterthümer. Deutsch von Mosig von Aehrenfeld, herausgegeben von H. Wutke. Leipzig. 1843—44. Здѣсь же (стр. 7) пространный обзоръ источниковъ и пособій; также у Гауша: J. J. Hanusch. Die Wissenschaft des slavischen Mythos im weitesten, den altpreussisch-lithauischen Mythos mitumfassenden Sinne. Lemberg, Stanislawow u. Tarnow. 1842. Стр. 7 и слѣд.—² J. Dobrowski. Slavin. Стр. 106.

Область ихъ, начинаясь отъ Люнебурга, обнимала Мекленбургъ, Померанію, Бранденбургъ, Саксонію, Лаузицъ (Лужицу), Богемію, Моравію, Силезію, Польшу, Молдавію, Валахію и всю почти Россію, къ сѣверу до Ладожскаго озера; она простиралась сверхъ-того и въ Далмацію, куда призвалъ ихъ на поселеніе императоръ Ираклій и гдѣ они постепенно основали царства Славонію, Боснію, Сербію и Далмацію,—простиралась наконецъ еще въ Паннонію и въ юговосточные края Каринтіи, Крайны и Сирія. ¹

Ближайшимъ и естественнымъ послѣдствіемъ такого безпрепятственнаго расширенія была разбивка всего племени на множество отдѣльныхъ общинъ. Разлученныя временемъ и пространствомъ, да постепенно обособившись притомъ и внутри, благодаря условіямъ расселенія и физическаго свойства занятыхъ ими мѣстностей, эти общины разрослись каждая въ собственныхъ своихъ предѣлахъ самостоятельно и подъ особымъ какимъ-либо названіемъ. Уже первые, упоминающіе прямо о Славянахъ писатели, каковы именно Юрнандъ и Прокопій, писавшіе оба въ шестомъ вѣкѣ, говорятъ о „безчисленномъ множествѣ“ и притомъ „разныхъ“ славянскихъ племенъ.

То, что старѣйшіе писатели говорятъ о нравахъ и бытѣ древнихъ Славянъ во обще, даетъ намъ о нихъ довольно неясное лишь представленіе, отчасти еще умышленно затемненное пристрастіемъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстія эти, если и можно считать мѣроположными, то развѣ для определенной только эпохи, когда они были писаны, и для той части племени, къ которой они собственно относились, а уже отнюдь не для совокупности его въ цѣломъ. Такъ-какъ Славяне рано расселились по огромному протяженію восточной Европы, и какъ, смотря по свойству занятыхъ ими странъ, они подвергались, конечно, самымъ разнообразнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, то и культура ихъ должна была уже рано пріобрѣсть далеко не одинаковый отпечатокъ. Поэтому выводы, какіе можно сдѣлать изъ часто противорѣчащихъ другъ другу описаній различныхъ племенъ относительно славянскаго быта въ цѣломъ, ограничиваются весьма немногими общепримѣняемыми или полносильными для всѣхъ Славянъ чертами.

На основаніи этихъ данныхъ, Славяне ² представляются тихимъ, миролюбивымъ и благорасположеннымъ ко всякому народу, преданнымъ домашней жизни, и хотя не безъискуснымъ въ войнѣ, однакоже рѣшавшимся на нее только по необходимости и никогда не ведшимъ ее какъ промыселъ. Любимыми занятіями ихъ были земледѣліе и скотоводство, торговля и нужныя для домашняго обихода ремесла. При этомъ любили они плясъ и музыку, ведя беззаботную вообще жизнь, до тѣхъ поръ, пока другія племена не тревожили ихъ съ насиженаго мѣста. Не смотря на многосложность своего богослуженія, они изначала приносили богамъ въ жертву только плоды и животныхъ.

¹ J. Schafarik. Slavische Alterthumskunde. II стр. 530; сверхъ-того II. Storch. Historisch-statisches Gemälde des russischen Reichs. Riga 1797. I. стр. 44; сравни однакожъ J. Voigt. Geschichte Preussens. Königsberg 1827 и слѣд. I. стр. 124 и далѣе. —² Сравни G. Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. 4 Aufl. Leipzig. 1841. II. стран. 244. J. Schafarik. Geschichte der slavischen Sprache und Literatur. Ofen. § 5. J. Dobrowski. Slavin, стран. 353 и слѣд. J. Schafarik. Slavische Alterthumskunde. I. стр. 535 и сл. J. Hanusch. Die Wissenschaft des slavischen Mythus. Стран. 16. и сл.; стр. 340 и сл.

Государственный союзъ ихъ носилъ на себѣ печать народовластія при патриархальномъ господствѣ отцовъ семействъ, какъ прирожденныхъ думцевъ общины, которые смѣнялись по выбору обычнымъ искони порядкомъ. ¹

Всякъ владѣеть челядью своею;
 Мужи пашутъ, жены шьютъ одежду;
 А умереть глава, начальникъ дома,—
 Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
 И становятъ надъ собой владыку,
 Чтѣ за нихъ всегда на сеймы ходитъ;
 Вмѣстѣ съ нимъ для пользы братій ходятъ
 Думцы-вметы, леги и владыки.

Изъ этихъ думцевъ, составлявшихъ ядро народной сходки, послѣдняя выбирала себѣ наибольшихъ (леховъ, пановъ, владыкъ, жупановъ, бояръ, князей и т. д.), которымъ поручалось главное завѣдываніе всѣми государственными и богослужебными дѣлами, какъ въ мирѣ, такъ равно и въ войнѣ. Впослѣдствіи эти наибольшіе, благодаря отчасти воинскому своему первенству, а отчасти приобрѣтенію въ свою собственность земель, повели къ возникновенію господствующей родовитой знати, аристократіи, и вмѣстѣ къ переходу прежняго свободнаго народовластія въ монархическій уже порядокъ. Однакожь и при новомъ этомъ устройствѣ, всѣ прочіе, неродовитые, Славяне оставались вездѣ при полной личной свободѣ до тѣхъ самыхъ поръ, пока земли ихъ не были покорены чужими государями. Только гнетъ чужевластія впервые ознакомилъ ихъ съ холопствомъ, съ закрѣпощеніемъ.

Бракъ, какъ и у всѣхъ вообще первобытныхъ народовъ, не ограничивался одноженствомъ. Но послѣднее, кажется, преобладало, и многоженство было за обычай только между знатными. Женщина уважалась въ своемъ достоинствѣ и отнюдь не замыкалась отъ общества, какъ у народовъ Востока, а напротивъ пользовалась такою же свободою въ быту, какъ и германская. При этомъ со всѣхъ сторонъ идутъ единогласныя свидѣтельства о цѣломудрїи Славянъ, равно какъ и о томъ, что они высоко чтутъ старѣйшинство, и въ особенности — глубокую старость.

Въ противоположномъ этому смыслѣ, главными недостатками ихъ характера и вмѣстѣ главною виной постигшаго ихъ покоренія выставляютъ неуговорную сварливость, взаимное недоверіе и постоянныя неладѣи, а сверхътого всегдашнюю склонность подражать чужому обычаю.

Если трудно и даже почти невозможно представить общую картину славянскаго житья-бытья, то еще труднѣе изобразить чисто-внѣшнія отношенія этихъ племенъ между собою. Любой такой попыткѣ препятствуетъ именно крайняя разбросанность народа и пестрота его быторазвитія, обусловленная столь различнымъ вліяніемъ мѣстностей. Хотя и можно допустить, что развитіе это само по себѣ шло въ цѣломъ гораздо ровнѣе и однороднѣе въ періодъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ (то-есть до начала четырнадцатаго вѣка), особенно же до полной побѣды христіанства надъ язы-

¹ J. Hanusch, Wissenschaft des slavischen Mythos. Стр. 367.

чествомъ (около двѣнадцатаго вѣка); однакожь для предположенной нами цѣли все-таки необходимо будетъ принять подѣлъ славянства на западное и восточное уже и по одному тому, что двѣ вѣтви эти политически развивались совершенно различно.

Западные Славяне ¹.

Историческій обзоръ.

Большинство западно-славянскихъ народовъ, особенно въ сѣверозападныхъ краяхъ, сперва при жестокой борьбѣ съ Карломъ Великимъ, потомъ съ Саксами и впоследствии вплоть до начала тринадцатаго столѣтія, было частію оттѣснено на востокъ и на югъ, частію истреблено, такъ что, только въ видѣ слабыхъ остатковъ, сохранились изъ нихъ Поляки съ Кашубами, Чехи (Богемцы), Мораване, Словаки, да еще Сербы по сую сторону Эльбы, распавшіеся по своимъ нарѣчіямъ на Верхнихъ и Нижнихъ Лужичанъ ².

Причиною и предлогомъ этой кровавой борьбы, въ которой такъ совершенно изнемогли Славяне, было обращеніе ихъ къ христіанству ³, а послѣдствіемъ вышло, разумѣется, то, что они упорно отъ него оборонялись. Только послѣ многихъ кровопролитныхъ войнъ, и то скорѣе уже мирнымъ путемъ удалось подготовить къ принятію христіанской вѣры прежде всего великоморавское населеніе. Это совершили два греческіе монаха, Кириллъ и Меѳодій, ⁴ начавшіе съ 863 г. проповѣдывать этому народу Евангеліе на славянскомъ языкѣ. Сами они примкнули потомъ ближе къ римско-католической церкви. Вслѣдствіе чего Меѳодій былъ посвященъ въ моравскіе архіепископы, и основанная имъ народная славянская церковь утверждена папою въ 880 г. Она просуществовала однакожь только до 908 г., когда Моравія подверглась кровавому расторженію въ борьбѣ между Чехами и Венграми.

Правда, что около половины девятаго вѣка уже и въ Чехіи многіе изъ знати приняли христіанскую вѣру, ⁵ а около 871 г. чешскій князь Буривой былъ окрещенъ Меѳодіемъ вмѣстѣ съ своей супругою, святою Людмилою; однакожь новое ученіе не пустило еще прочныхъ корней въ народѣ. ⁶ Напротивъ, онъ оставался къ нему враждебенъ, такъ что немного лѣтъ спу-

¹ См. объ этомъ, кромѣ вышеназванныхъ сочиненій, L. A. Gebhardi. Geschichte aller wendisch-slavischen Staaten. Halle 1790. J. F. Mone. Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa. Leipzig 1822. J. E. von Koch-Sternfeld. Beiträge zur deutschen Länder-, Völker-, Sitten- und Staatenkunde. Passau 1825 (особенно 1-й томъ). H. G. Tzschirner. Fall des Heidenthums. Herausgegeben von M. C. W. Niedner. Leipzig 1829. C. Zeusz. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München 1837. О разныхъ отдѣльныхъ племенахъ и проч. см. далѣе въ текстѣ.—² J. Schafarik. Slavische Alterthumskunde. II. Стр. 49.—³ J. F. Mone. Geschichte des Heidenthums. I, стр. 111; въ общихъ чертахъ также К. Haase. Lehrbuch der Kirchengeschichte. Leipzig 1834, стр. 278 и сл.—⁴ J. Dobrowski. Kyrillos und Methodios der Slaven Apos. el. Prag 1823. Его же: Mährische Legende von Kyrillos und Methodios. Prag 1826.—⁵ F. Palacki. Geschichte von Böhmen. Prag. 1836—41.—⁶ Сравни также M. Pelzel. Geschichte von Böhmen. Prag 1774, стр. 37.

стя, подъ державой Венцеслава (между 928 и 938 годами) началось противъ христіанъ сильное гоненіе. Только уже по укрощеніи его Болеславомъ (съ 967 г.) и по основаніи имъ римско-католическаго архіепископства въ Прагѣ около 973 г. христіанство стало укрѣпляться и распространяться наконецъ и здѣсь.¹

Самое упорное сопротивленіе встрѣтило оно себѣ у вендскихъ племенъ между Салюю и Одеромъ,² — племень, сильно раздорившихъ между собою и управлявшихся отдѣльными (вѣроятно — удѣльными) князьями. Владычество, котораго съ большимъ усиленіемъ добился тамъ Оттонъ I, обратилось можно-сказать въ ничто, когда онъ вздумалъ утвердить его введеніемъ христіанства и когда (съ 983 г.) возсталъ противъ него Мистевоу. И даже когда внукъ Мистевоу, окрещенный въ Германіи Готшалкъ, снова попытался обратить эти соединенныя имъ въ одно государство, племена, то не только самъ онъ былъ убитъ (около 1066 г.), но безпощадно истреблены и всѣ прочіе, находившіеся между Вендами, христіане. Новая вѣра прочнѣе укрѣпилась здѣсь только уже послѣ того, какъ польскій князь Болеславъ III успѣлъ покорить язычниковъ Поморянъ³ и побудить ихъ чрезъ епископа Оттона Бамбергскаго къ святому крещенію. И у другихъ племенъ христіанство водворялось по большей части только силою и медленно; настоящій успѣхъ его можно собственно отнести къ тому времени, когда разъединившісь опять съ 1131 г. они между 1142 и 1162 гг. пали одно вслѣдъ за другимъ подъ сокрушительнымъ мечомъ саксонскихъ государей и Генриха Льва (баварско-саксонскаго). Наконецъ-то, съ обращеніемъ Ругіевъ епископомъ Авесаломомъ, разрушено было около 1169 г. послѣднее вендское капище.

Въ Польшѣ,⁴ при посредствѣ моравскихъ бѣглецовъ, обращеніе шло вообще болѣе мирнымъ ходомъ. Христіанство, какъ господствующая религія, водворено здѣсь уже въ 966 г. княземъ Мѣско, и въ особенности его супругою. По смерти послѣдней, державшейся обряловъ греческой церкви, князь, подъ вліяніемъ втораго брака съ дочерью маркграфа Дитриха, сталъ болѣе и болѣе наклоняться къ римскому закону.

Благодаря вышеописаннымъ борьбамъ и тому обстоятельству, что христіанское ученіе распространялось преимущественно изъ Германіи, разумѣется, и сама славянская народность должна была постепенно уступать и наконецъ совсѣмъ подчиниться нѣмецкому вліянію. Въ Моравіи и Богеміи это произошло начиная уже съ конца девятаго вѣка, подъ державой Святополка, прямо отдавашагося около 895 г. подъ покровительство германскаго императора Арнульфа, послѣ того какъ еще ранѣе, около 870 г., непобѣдимый Вратиславъ Моравскій хитростію взять былъ въ плѣнъ и посаженъ въ монастырь на заточенье. Вслѣдъ за тѣмъ, около 963 г., и князь Польскій Мечиславъ вынужденъ былъ Герономъ, маркграфомъ императора Оттона, при-

¹ См. между прочимъ Dobner. Abhandlung der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1786. стр. 417.—² L. A. Gebhardi. Geschichte aller wendisch-slavischer Staaten. Halle 1790.—³ P. F. Kannegiesser. Geschichte von Pommern. Greifswalde 1824.—⁴ A. Bronikowski. Geschichte Polens. 1827; сравни G. v. Friese. Kirchengeschichte des Königreichs Polen. Breslau 1786.

знать надъ собою верховную имперскую власть, къ чему присоединилось въ то же время и формальное подчиненіе всей нижней Саксоніи. Съ тѣхъ поръ германскіе императоры не переставали заботиться о колонизаціи этихъ областей нѣмецкими поселенцами, или же объ отдачѣ ихъ въ ленное владѣніе князьямъ германскаго корня, какъ это было съ весьма раннихъ поръ въ Богеміи, а впоследствии случалось сплошь и рядомъ. — Только сѣверозападное славянство, упорнѣе другихъ противившееся обращенію, отстаивало, даже и при этихъ обстоятельствахъ, извѣстнаго рода независимость по крайней мѣрѣ вплоть до двѣнадцатаго вѣка. ¹ Хотя почти всѣ славянскія племена, осѣвшія между Эльбою и Одеромъ вплоть до береговъ Балтійскаго моря, уже съ самаго начала девятаго вѣка тѣснимы были Саксами и Франками; однакожь только при Конрадѣ III, окончательно же между 1124 и 1157 гг. (когда на нихъ нападали притомъ и Датчане), были они до такой степени одолжны, что отъмеченіе ихъ пошло съ тѣхъ поръ быстрѣйшими шагами. На крайнемъ сѣверѣ этихъ областей остатки славянства сохранялись, хотя конечно лишь по заголустьямъ, еще и въ тринадцатомъ столѣтіи.

Славяне, какъ уже замѣчено, кромѣ земледѣлія и скотоводства, занимались вообще торговлей и промышленностью. Но для древнѣйшей, доступной бытописанію эпохи, это преимущественно касается только тѣхъ племенъ, которыя населяли сѣверный край отъ Балтійскаго моря на югъ между Эльбою и Вислою. ² По крайней мѣрѣ начиная съ осьмага столѣтія существовало по этому берегу, а тѣмъ паче внутрь страны, особенно въ Помераніи (Поморьи) и Мекленбургѣ, не малое число товарныхъ складовъ и торговыхъ городовъ, которыхъ главнымъ средоточіемъ былъ городъ Винета или Юлинь на островѣ Узедомѣ въ устьѣ Одера. Къ концу девятаго вѣка онъ считался однимъ изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ торговыхъ городовъ въ Европѣ вообще и, не смотря на частыя раззоренія, претерпѣваемая до 1043 г. со стороны Шведовъ и Датчанъ, сохранилъ за собою эту славу чуть ли не до самаго конца, когда былъ истребленъ земнымъ проваломъ. По дошедшимъ до насъ древнѣйшимъ извѣстіямъ, онъ былъ сборнымъ мѣстомъ торговыхъ народовъ того времени и, благодаря этому, главнымъ для всего сѣверозапада складомъ всякаго рода естественныхъ и искусственныхъ произведеній, привозимыхъ съ Востока.

Далѣе, торговля эта простиралась вдоль всего балтійскаго берега, а отсюда шла отчасти моремъ, отчасти сухимъ путемъ (черезъ скупщиковъ) къ живущимъ южнѣе племенамъ. Повидимому также съ весьма раннихъ поръ шель въ противоположномъ направленіи подобный же торгъ изъ Греціи и съ

¹ Ср. между прочимъ F. Boll. *Meklenburgs deutsche Colonisation im 12 und 13 Jahrhundert* (въ *Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde* Ф. Лиша XIII, стр. и сл.) — ² C. J. Fischer. *Geschichte des deutschen Handels Hannover 1785* и д. I, стр. 164. H. Storch. *Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs*. IV, стр. 38. F. Barthold. *Geschichte von Pommern und Rügen*. 1839. I, стр. 184 и сл., стр. 298 и сл. J. Hanusch. *Die Wissenschaft des slavischen Mythus*. стр. 385. Сравни съ этимъ Шафарика, *Forst Geschichte Preussens* и мн. др.

Востока по внутреннимъ славянскимъ областямъ къ берегу Балтійскаго моря при посредствѣ лешскихъ или полабскихъ перекуповъ. Какъ торговля эта вообще, такъ и распространеніе ея по балтійскому приморью въ частности, свидѣтельствуется находкою тамъ многихъ древнегреческихъ и древнеарабскихъ монетъ, равно какъ и другого рода азіатскихъ художественныхъ произведеній.¹ Само собою разумѣется, что съ покореніемъ Славянъ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіи торговля дѣла перешли въ руки побѣдителей, а славянскія племена, не возбуждаясь съ тѣхъ поръ ни какимъ уже собственнымъ интересомъ, впали мало по малу въ совершенное бездѣйствіе.

Къ числу тѣхъ промысловъ и ремеселъ, которыми они занимались для удовлетворенія главнымъ образомъ своихъ собственныхъ потребностей, преимущественно принадлежали дубленіе кожъ и производство кожевенныхъ издѣлій, потомъ приготовленіе льняныхъ² или грубыхъ шерстяныхъ тканей, плотничное мастерство для постройки домовъ и кораблей, къ чему присоединялась и рѣзба по дереву,³ наконецъ въ горныхъ мѣстностяхъ — добыча разныхъ металловъ⁴ (золота, серебра, мѣди, свинца и желѣза), а также и сподручная обработка ихъ ковкою, литьемъ и т. д. Въ горномъ дѣлѣ съ весьма раннихъ поръ повидимому особенно искусны были Чехи и Моравяне;⁵ это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что многія техническія выраженія этого промысла въ нѣмецкомъ языкѣ можно безъ всякой натяжки свести на равнозначительныя слова славянскаго корня.⁶

Но какъ далеко ушли сами Славяне во всѣхъ этихъ ремеслахъ, до какой степени совершенства они успѣли довести ихъ, — этого не лзя положительно сказать. Правда, что въ занятыхъ ими нѣкогда краяхъ выкопано изъ могилъ множество разнообразнѣйшихъ древностей, изъ которыхъ Славянамъ приписывались въ особенности тѣ, которыя принадлежатъ позднѣйшему періоду дальней старины, такъ-называемому желѣзному вѣку, однако другіе, противоположные, взгляды присвоиваютъ эти остатки древнимъ Германцамъ.⁷

¹ См. между прочимъ К. Lewezow. Ueber die im Grossherzogthum Posen gefundenen uraltgriechischen Münzen. Berlin 1834. P. v. Bohlen Ueber den wissenschaftlichen Werth der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen. Königsberg 1838. L. v. Ledebur. Ueber die in den baltischen Ländern in der Erde gefundenen Zeugnisse eines Handelsverkehrs mit dem Orient zur Zeit der arabischen Weltherrschaft. Berlin 1840. H. C. v. Minutoli. Ueber einige im hohen Norden unseres europäischen Festlandes aufgefundenen griechische, römische und morgenländische Kunstprodukte. Berlin 1842 — Его же Topographische Uebersicht der Ausgrabungen in den Küstenländern des baltischen Meers. Berlin 1843. Разныя статьи въ нижеозначенныхъ изданіяхъ ученыхъ обществъ, а также у Шафарика въ Slavische Alterthumskunde, II, стр. 520. — ² Такого рода ткани составляли любимый предметъ обмена въ торговлѣ съ Ругіями. Helmoldi Chronica Slavorum, I. c. 38. — ³ Helmold I. c. — ⁴ См. уже Ptolemaeus. Geograph. II, c. 11. — ⁵ J. Fischer. Geschichte des teutschen Handels, I, стр. 166. — ⁶ Kollár. Vykład str. 220 у Гауша. Die Wissenschaft des slav. Mythus, стр. 386. — ⁷ Мнѣніе это стараются отстоять противъ прежнихъ изслѣдователей Г. Клемъ (Handbuch der Germanischen Alterthümer. Dresden 1836, стр. XIII я сл.). Съ нимъ, впрочемъ другихъ расходятся въ этомъ Ф. Ливъ (Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde XVII, стр. 361 и XIX, стр. 321), принимая за несомнѣнное, что желѣзный періодъ принадлежитъ Славянамъ, и что могилы этого періода должно приписать Веидамъ. Такъ же точно полагаетъ I. Э. Воцель (Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde. Prag 1845, стр. 39), что богемскія древности вовсе не германскія, а чисто-славянскія. Шафарикъ (Slavische Alterthumskunde, II стр. 511) выражается въ этомъ случаѣ съ крайней осторожностью, замѣчая, что «древности въ странѣ первобытныхъ Славянъ

Во всякомъ случаѣ внутреннее и внѣшнее сходство тѣхъ остатковъ съ древностями, открытыми въ чисто-германскихъ уже краяхъ, существенно говорить за послѣднее воззрѣніе, развѣ только прямо допустить — къ чему впрочемъ и приводятъ сами данныя — „что за извѣстную пору, начиная съ пятого по десятый вѣкъ такъ-называемаго желѣзнаго періода, во всей средней Европѣ, даже во Франціи и въ Англии, господствовалъ одинъ и тотъ же „художественный вкусъ.“ Тѣмъ не менѣе, при нынѣшней, все еще шаткой точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ сѣверно-европейская археологія (и въ особенности славянская), было бы напрасно произносить рѣшительный приговоръ, и въ предлежащемъ случаѣ все-таки покаместъ вѣрнѣе удовлетворяться тѣмъ, хотя правда и немногимъ, что сообщаютъ намъ о подробностяхъ дѣла вполне благонадежные очевидцы. Съ другой стороны, нѣтъ конечно ни малѣйшаго сомнѣнія, что за долго до войнъ своихъ съ Германцами, равно какъ и въ самыя эти войны, западные Славяне могли пріобрѣтать огромныя массы германскихъ издѣлій, и путемъ мѣны, и въ видѣ военной добычи. Сверхъ-того въ двѣнадцатомъ столѣтіи существовала, кажется, по крайней мѣрѣ въ Мекленбургѣ, довольно прямая связь со скандинавскими землями, и замѣтно даже рѣшительное вліяніе германско-норманской ремесленности на производство того края.¹

Къ упомянутымъ сейчасъ извѣстіямъ очевидцевъ принадлежатъ прежде всего идущія изъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій² описанія художественнаго устройства славянскихъ храмовъ и идоловъ. Хотя бы, по недо-

очень трудно пріурочить этнографически, такъ какъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ разноплеменные народы находились здѣсь въ непрерывномъ и самомъ бурномъ взаимодействіи». — Изъ касающейся этихъ древностей обширной литературы, отчасти приводимой Ганушемъ въ его *Wissenschaft des slav. Mythus*, (стр. 48) съ особеннымъ упоромъ на богослужебный культъ, можно назвать слѣдующія главныя сочиненія: *Verhandlungen der Gesellschaft des vaterländischen Museums in Böhmen. Prag 1830* и сл. *Baltische Studien. Herausgegeben von der Gesellschaft für pommersche Geschichte und Alterthumskunde. Stettin 1840. Archiv des hennbergischen Alterthumsvereins. Herausgegeben von F. Ch. Kumpel. Hildburghausen und Meiningen 1840. Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. Herausgeb. v. G. C. F. Lisch. Schwerin 1836. R. Schröter und F. Lisch. Frederico-Franciseum oder grossherzogliche Alterthumssammlung aus der altgermanischen und slavischen Zeit Meklenburgs zu Ludwigslust. Leipzig 1837. F. Lisch. Erläuterungen zu den Abbildungen des Frederico-Franciseums. Leipzig. 1837. F. Tschiska. Kunst und Alterthum in dem österreichischen Kaiserstaate. Wien 1836. D. Wogen und A. G. Masch. Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obotriten aus dem Tempel zu Rhetra. Berlin 1771 (См. къ этому *F. Lisch. Jahrbücher III*, стр. 190 и *XIX*, стр. 168: *Kritische Geschichte der sogenannten Prillwitzer Idole*; далѣе *XX*, стр. 209: *Nachtrag zu der Geschichte* и т. д.). *F. W. Wolanski. Slavische Alterthümer. Posen 1846. Erg. же: Briefe über slavische Alterthümer. 1 und 2 Sammling mit vielen (meist Münzen-) Abbildungen. Gnesen 1846 — 47; сверхъ-того о нѣкоторыхъ найденныхъ въ Польшѣ древностяхъ см. *F. Lisch. Jahrbücher XII*, стр. 442, о находкахъ въ Венгріи см. тамъ же *V*, стр. 104, *III*, стр. 77 и *Mittheilungen der k. k. Centralcommission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale V*, стр. 102 (Wien 1860); о древностяхъ въ Трансильваніи — тамъ же *V*, стр. 27, равно какъ и въ предъидущихъ годахъ этого изданія, а также въ *Magazin für Geschichte, Literatur und alle Denk- und Merkwürdigkeiten Siebenbürgens. Im Verein mit allen andern Vaterlandsfreunden herausgegeben von E. von Trauschenfels. Kronstadt 1859.* — ¹ Ср. *F. Lisch. Jahrbücher des Vereins für meklenburg. Geschichte, XIX*, стр. 148 и сл. — ² Они собраны между прочимъ у Гануша: *Die Wissenschaft des slavischen Mythus*, стр. 387; см. сверхъ-того *C. J. Fischer. Geschichte des teutschen Handels. I*, стр. 166 и сл.**

статочному художественному развитію самихъ описателей, извѣстія эти и были отчасти преувеличены, все же несомнѣнно однако то, что Славяне достигли необыкновеннаго искусства въ рѣзбѣ по дереву и въ росписи ея красками, а также и въ металлованіи. Кромѣ другихъ, сомнительныхъ отчасти, показаній, что будто бы въ осьмомъ еще вѣкѣ чешскіе князья Примиславъ и Незамыслъ велѣли изготовить золотые идолы въ натуральную величину человѣка, благонадежные писатели удостовѣряютъ насъ въ томъ, что пестро расписанныя древорѣзные изображенія людей и животныхъ, которыми былъ извнѣ украшенъ штеттинскій храмъ, отличались такой художественностью исполненія, что были какъ живые, и что кумиры другого храма, въ Гюцковѣ, были удивительно обдѣланы, не смотря на громадную свою величину. Съ этимъ соглашается и Гельмольдъ, говоря о кумирахъ и храмахъ вообще. ¹ Подобнымъ же образомъ описываетъ Титмаръ Мерзебургскій ² знаменитое и богатое капище въ Ретрѣ, ³ что въ Мекленбургѣ, замѣчая притомъ относительно выставленныхъ въ немъ идоловъ, что они были въ полномъ ратномъ вооруженіи, со шлемами и бронями, и что на нихъ страшно было смотрѣть. Эти писатели особенно останавливаются еще на томъ обстоятельстве, ⁴ что хранившіяся въ капищахъ бого служебныя принадлежности, ⁵ приносные дары и т. п. состояли въ цѣломъ кладѣ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, изъ которыхъ иные, каковы напримѣръ турьи питьевые рога, богато осыпаны благородными камнями,—при чемъ конечно можно допустить, что многія такого рода драгоценности пошали сюда изъ Византіи и съ Востока.

Одежда и утварь.

I. На основаніи подобныхъ извѣстій и описанныхъ выше торговыхъ связей конечно слѣдовало бы полагать, что особенно у сѣверныхъ Славянъ, еще до покоренія ихъ Нѣмцами, одежда и домашняя утварь, а также вся внѣшняя обстановка общественнаго быта, неизбѣжно подверглись извѣстной выработкѣ и улучшенію. На это нѣтъ у насъ болѣе опредѣленныхъ свидѣтельствъ, можно однако, по крайней мѣрѣ относительно одежды зажиточныхъ, найти нѣкоторое подтвержденіе тому въ отзывѣ о поморянской знати ⁶ (хотя только уже изъ одиннадцатаго столѣтія), что она особенно цѣнитъ тонкія и дорогія ткани, и ихъ по преимуществу вымѣниваетъ у Франковъ на мѣха.—Впрочемъ, кажется, что и въ Мазовіи предпочтительно только достаточные люди носили цвѣтную одежду; такъ какъ именно одежды этого рода составляли главную часть дани, возложенной на мазовецкаго князя въ видѣ мирнаго условія.

A. Въ противоположность этому, одежду Славянъ вообще, при первомъ появленіи ихъ въ исторіи, то-есть около середины шестаго вѣка, разные

¹ Helmold. Chron. Slav. I, c. 83.—² Thietmar. VI, c. 17: cp. Adam von Bremen, II, c. 18.—³ О мѣстоположеніи Ретры см. F. Lisch. Jahrbücher des Vereins u. sp. III, стр. 1 и сл.—⁴ См. у Фишера: Geschichte des deutschen Handels, I, стр. 169 not. 1.—⁵ О предполагаемо-вендской жреческой утвари см. F. Lisch. Jahrbücher d. Vereins, VII. 33, XIV. 324, ⁶ Cp. J. Voigt Geschichte Preussens, I, стр. 550.

очевидцы находятъ довольно скудною. ¹ Они положительно замѣчаютъ — говоря впрочемъ только о мужчинахъ — что у нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ ни сорочки, ни верхняго платья, что (даже и въ битвѣ) они щеголяютъ только въ однихъ порткахъ, едва доходящихъ до бедра; что ни одинъ изъ нихъ не прикрытъ броней и что все вооруженіе ихъ состоитъ изъ щита, деревяннаго лука съ маленькими ядомъ напитанными стрѣлами, и нѣсколькихъ дротиковъ. Щитъ, да и тотъ далеко не у всѣхъ, а только у нѣкоторыхъ, былъ или малъ, но зато при этомъ вполне сподрученъ, или ужь дотога огроменъ и толстъ, что съ нимъ трудно было совладать; главнымъ оружіемъ былъ дротикъ, и каждый воинъ имѣлъ ихъ при себѣ два. ² — Съ этимъ описаніемъ вполне согласны разныя фигуры, представленныя на Траяновой колоннѣ, ³ о которыхъ, правда, не лзя навѣрное сказать, какой именно народъ онѣ изображаютъ, хотя очень правдоподобно, что это одна изъ отраслей еракійскаго племени, жившаго во время дакской войны по низовьямъ Дуная. Быть можетъ даже, что описаніе это основано на воспоминаніи о томъ смѣшеніи остатковъ помянутаго племени или же того, которое разумѣлось подъ обширнымъ именемъ Сарматъ, съ Славянами, а не то, дѣло возможное, что и Славяне заняли у этого народа свою одежду и вооруженіе. Какъ бы то ни было, такъ-какъ вышеприведенное описаніе упоминаетъ о всеобщемъ ношеніи длинныхъ портокъ, а о недостаткѣ рубахи и плаща говорить какъ объ

Фиг. 151.

излѣтїи (положительно ограничивая его словомъ „нѣкоторые“), то оно во всякомъ случаѣ указываетъ этимъ на однообразіе одежды у обоихъ народовъ.

¹ См. свидѣтельства источниковъ относительно древнихъ Славянъ у Шафрика: *Slavische Alterthümer*, II, стр. 649 и сл., особенно стр. 658 и дал.; вромѣ того J. Dobrowski's *Slavin von W. Hanka*, стр. 92, и L. Georgi. *Alte Geographie*, II, стр. 332, особенно же стр. 337 и сл. — ² Такъ говорятъ императоръ Маврикій (582—602) въ *Strategic*. XI. 5. — ³ Сравни Внѣшній бытъ народовъ Т. I. фиг. 218 и сл.

Вотъ почему изображенія нѣкоторыхъ придунайскихъ народовъ, находящіяся на побѣдныхъ памятникахъ Римлянъ и представляющія какъ мужчинъ, такъ

Фиг. 152.

и женщинъ, можно не безъ основанія принять за подходящія по крайней мѣрѣ образчики одежды и наряда древнихъ западныхъ Славянъ (сравни фиг. 151 *a — d*; фиг. 152 *a—c*).

Предположеніе это подтверждается еще и тѣмъ, что одежда древнихъ Пруссовъ почти не разнилась съ тою по описаніямъ.¹ И она состояла для мужчинъ изъ длинныхъ и широкихъ портовъ, изъ доходившаго до колѣнъ зипуна, холщеваго или некрашеной сермяжной ткани, кожанаго набедрянаго пояса, башмаковъ изъ звѣриныхъ шкуръ или просто—плетеныхъ лаптей, а зимою—изъ мѣховыхъ сверхъ-того охабняи шапки.—Женщины носили обыкновенно холщевое платье, длинное по щиколотку, съ короткими рукавами и до вольно широкимъ вокругъ шеи выемомъ, или и по нѣсколько такихъ платьевъ, отчасти съ длинными и узкими рукавами. Къ этому присоединялось разнаго рода убранство, именно янтарныя понизи, бронзовыя, золотыя или серебряныя запястья, кольца и серги,² застѣжки для прикрѣпленія платья, головныя шпильки или иглы, пряжки и т. п. Всѣ эти вещи часто были находимы въ глубинѣ туземныхъ могилъ.³

Б. 1. О дальнѣйшихъ перемѣнахъ одежды вплоть до совершеннаго отмеченія этого племени нѣтъ у насъ надежныхъ извѣстій. Какъ сами послѣднія, такъ и тѣ памятники скульптуры и живописи, которые можно бѣ было сюда отнести, насколько они до сихъ поръ обнаружены,⁴ не восходятъ ранѣе начала, а

¹ J. Voigt. Geschichte Preussens. I, стр. 549 и сл.—² Ср. J. Hanusch. Ueber die alterthümliche Sitte der Angebinde bei Deutschen, Slaven und Littauern. Prag 1855. —³ См. указанную на стр. 315 литературу. —⁴ См. въ особенности относительно Богеміи J. E. Wocel. Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde. Mit 8 lithograph. Tafeln Prag 1845, стр. 214; Его же: Böhmisches Trachten im Mittelalter (Oesterreichische Blät.

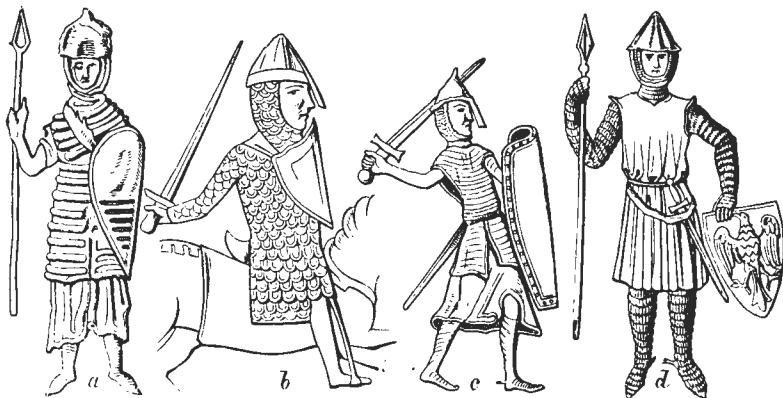
большую частью даже и конца той эпохи, и потому представляютъ вообще только все тѣ же опять нѣмецкіе наряды. Много-много, если нѣкоторыя особенности старобытнаго одѣянія уцѣлѣли по преданію въ нѣкоторыхъ и донынѣ еще употребительныхъ славянскихъ народныхъ костюмахъ. ¹ Сюда принадлежитъ, можетъ-быть, сохранившееся у Поляковъ нѣкоторыхъ сродственныхъ имъ племенъ верхнее платье, корзино, подбитое обыкновенно мѣхомъ и снабженное проймами, куда вдѣвать руки, такъ что нижняя часть рукавовъ виситъ затѣмъ уже совершенно свободно. ² Но, говоря вообще, нынѣшняя народная одежда нижнихъ классовъ носитъ на себѣ такую явную печать или совершеннаго искаженія, или же столь многообразныхъ вліяній позднѣйшаго и даже очень недавняго времени, что на основаніи ея можно прійти только къ весьма скуднымъ и ненадежнымъ догадкамъ относительно прошлаго. Всматриваясь въ нее, мы можемъ сказать развѣ лишь одно, ³ что самая ранняя одежда Славянъ была мѣховая, и что за нею уже появились потомъ рубаха и верхнее платье. Это подтверждается по крайней мѣрѣ общимъ наименованіемъ рубахи кошуля, насколько оно происходитъ отъ кореннаго слова *Коза*, какъ означающаго всякій вообще мѣхъ или кожухъ. Уже въ глубокой повидимому древности принадлежалъ къ мужской одеждѣ короткій сравнительно „камзолъ“ (или камизелька) и можетъ-быть еще родъ верхняго платья, „сукня“, при башмакахъ съ высокими подошвами, или „черевикахъ“ (*Dschrej, Zrew, Zriwei, Trzewik, Strewic*). Чулки вѣроятно еще не употреблялись, — по крайней мѣрѣ нѣтъ въ славянскомъ языкѣ особаго для нихъ названія. ⁴ По изображенія подъ исходомъ тринадцатаго вѣка заставляютъ предполагать, что взамѣнъ чулокъ обвертывали ноги портянками. ⁵ Обувью знати, особенно же князьямъ, служили, вѣроятно по греческому образцу, красные башмаки или полусапожки. ⁶ Изъ головныхъ покрывшекъ чуть ли не древнѣйшею былъ посамый Морлаками валяный цилиндрической „клубукъ“ или „колпакъ“ (фиг. 151).

ter 1844, № 65) и Miniaturen aus Böhmen въ Mittheilungen d. k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. V. (Wien 1860), стр. 10, 33, 75; относительно Польши *Przedziecki et Rastawiecki. Monuments du moyen âge et de la renaissance dans l'ancienne Pologne jusqu' à la fin du 17-me siècle.* (Роскошное изданіе на франц. и польскомъ языкахъ съ хромолитографіями). F. A. Vossberg. *Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Mit XXV Kupftaf.* Berlin 1854. — ¹ J. Dobrowski. *Slavin.* Стр. 27: Хорваты; стр. 30: Пилры; стр. 53: Морлаки; стр. 112: Гейльталерецъ и Гейльталерница; стр. 115: Крапонецъ и Крапина (изображеніе послѣднихъ взето изъ Гакетова описанія югозападныхъ и юговосточныхъ Славянъ). L. Gerson. *Costumes polonais dessinés d'après nature. Lithograph. par E. Demaison. Publiés par Daziario à Varsowie. Paris (Moscou et St. Petersburg).* L. Zienkiewicz. *Les costumes du peuple polonais, suivis d'une description exacte de ses moeurs, de ses usages et de ses habitudes.* Paris 1841. J. Lavallée. *Voyage historique et pittoresque d'Istrie et de la Dalmatie etc. avec 65 grav. Gr. fol. C. Simlich. Vollständige Sammlung der merkwürdigsten National-Costüme von Ungarn und Kroatien.* Wien 1819. R. Townson. *Voyage en Hongrie.* Paris 1800. A. Gerasch. *Nationaltrachten in Ober-Oesterreich, Böhmen, Mähren und Schlesien, Dalmatien, Illyrien.* Wien 1855. S. Graenicher. *Sächsische (und sächsisch-wendische) Kleidertrachten.* Dresden bei H. Rittner. *Sammlung europäischer Nationaltrachten. I und II Theil. Joh. Mart. Witt excudit. Augsburg.* (Особенно толь II). *Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837. Sous la direction de M. Anatole de Demidoff etc. dessiné d'après nature et lithogr. par Raffet.* Paris 1837, fol. — ² Ср. Wocel. *Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde.* стр. 216. — ³ Ср. для слѣдующаго преимущественно G. Anton. *Erste Linien eines Versuchs über der alten Slaven Ursprung.* стр. 110 и дал. — ⁴ J. Dobrowsky. *Slavin.* стр. 112. — ⁵ Ср. F. Kopp. *Bilder und Schriften der Vorzeit.* Mannheim 1819, I, стр. 64 и 123. — ⁶ Тамъ же стр. 123.

2. Относительно женской одежды можно сказать то же самое, что замѣчено насчетъ мужскихъ рубахъ, съ тою только разницей, что названіе женской сорочки, кошуля, *Koszula*, означаетъ также кофту и юбку вообще. Въ видѣ добавочныхъ принадлежностей (но въ позднѣйшее уже время) упоминаются носимое сверху платно или „рубашко“, родъ полусорочки или кофточка, называемый „кителькъ“ и „китель“, и наконецъ родъ головной покрывки— „чепецъ“, очипокъ, повойникъ (*Серец, Czierz*). Такой или схожій съ этимъ головной нарядъ играетъ важную роль при уборкѣ къ вѣнцу вендской невесты; ¹ онъ же одинъ изъ главныхъ предметовъ щегольства у Далматинокъ и Черемисинокъ, которыя украшаютъ его множествомъ монетъ и другихъ серебряныхъ или мѣдныхъ привѣсокъ. ² Всѣ вообще женщины, и вѣроятно искони, обвѣшиваютъ себѣ также шею понизьями изъ пестрыхъ бусъ, коралловъ, монетъ и т. д. Замѣчательна еще наконецъ та черта, что, по древнѣйшему же, кажется, обычаю, траурное платье Вендовъ состояло изъ бѣлаго платна или савана. ³

3. Что касается до вооруженія въ эту отдаленную эпоху, то судя по употребительному и доселѣ у западныхъ Славянъ оружію едва ли можно заключить что-нибудь кромѣ того, что съ древнѣйшихъ уже временъ сверхъ вышеописанныхъ видовъ оружія ⁴ они сплошь еще носили ножъ, и что названіе влагалища его, „ножны“, было впоследствии примѣнено и къ саблѣ. — Изъ числа упомянутыхъ нами прежде оружій, дротики, какъ и собственно лучныя стрѣлы, назывались также „стрѣлами“ (*Strjela, Strela, Strzala*), деревянные луки—*Lucca, Lucisste*, а малый щитъ—*Schit, Schkit, Schzit*. При этомъ съ весьма раннихъ поръ употреблялись мечи (*Mecz, Miecz, Mec*,

Фиг. 153.

Maz), длинныя копьа (*Корј, Коріе*) ⁵, и—по образцу преимущественно Франковъ—бывшія особенно въ ходу у этого народа съквыры или бердыши;

¹ Подробности объ одеждѣ вендскихъ невестъ см. у G. Anton. *Erste Linien eines Versuchs* и пр. стр. 122.—² G. Anton. *Erste Linien* и пр. стр. 133. J. Graenichen. *Sächsische Kleidertrachten* № 12.—³ G. Anton. *Erste Linien* и пр. стр. 82.—⁴ См. выше стр. 10.—⁵ E. Wocel. *Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde*, стр. 47 и сл. упоминаетъ объ одномъ копѣ подъ именемъ *osčer*.

отъ нихъ же заняты принадлежащія имъ виды шлема и другія оборонительныя орудія. Последнее для позднѣйшей сравнительно эпохи подтверждается отчасти изображеніями на печатяхъ польскихъ князей начала тринадцатаго вѣка (фиг. 153 *a—d*), отчасти разными описаніями въ древнемъ стихѣ „Забой и Честмиръ“¹ Краледворской рукописи, ¹ гдѣ между прочимъ говорится: ²

Чмиръ встаетъ, веселый духомъ,
И беретъ онъ щитъ свой черныи,
О двухъ зубьяхъ, ³ — съ нимъ и бердышъ,
И шелохъ несокрушимый.

Потомъ въ другомъ мѣстѣ указанъ ближе и самый составъ щита:

Людекъ поднялъ мечъ тяжелый
И просѣвъ въ щитѣ три кожи.

Наконецъ, относительно употребленія, сперва каменнаго, а впослѣдствіи желѣзнаго молота (Mlat) и желѣзной же сѣкиры (Sekega), можно привести слѣдующія мѣста той же опять рукописи:

Вотъ Забой свой молотъ тяживъ поднялъ
И пустилъ имъ въ прямо супостата;
Молотъ хватъ—и вражій щитъ разбился;
А за нимъ разбилась грудь Людека,
И душа изъ тѣла полетѣла:
Молотъ выпугнулъ оттуда душу
И пронесся въ войско на пять сажень.

Выйди, Воймиръ, выйди ты изъ башни
Съ милой дочерью своей на волю!
Утро въ небѣ ясное играетъ!
Ты увидишь, какъ Крувою злому
Буйну голову сѣкирою отрубать!

Впрочемъ еще и Титмаръ говоритъ, ⁴ что Лютичи употребляли въ битвѣ родъ знамени, на которомъ была изображена ихъ (ратная?) богиня. ⁵

4. Существовало ли у языческихъ жрецовъ особеннаго рода облаченіе, — вопросъ этотъ еще не рѣшенъ. ⁶ Достоверно одно, что для руководства жертвоприношеніями и другими торжественными обрядами дѣйствительно имѣлись особые старшины, которыхъ названіе „князь“ (Kniez, Knjze, Xiŕže) показываетъ однозначительность съ верховнымъ главой народа, и что отъ нихъ нарочито отличались предсказатели (Westec, gadacz, гадатель, вѣщунъ) и волхвы (Wolchowec). Последніе совершали свои чудеса обыкновенно съ помощью музыкальнаго инструмента, гуслей.

II. Почти еще менѣе нежели объ одеждѣ можно что-нибудь сказать объ утвари. ⁷ Помимо тѣхъ общихъ указаній у немногихъ христіанскихъ пи-

¹ Králedvorsky Rukopis. Zbirka staročeskými spiewu. Издали W. Hank и A. Swoboda въ Прагѣ 1829.—² E. Wocel. Grundzüge и пр. стр. 49 и сл. — ³ У Гануша: Die Wissenschaft des slavischen Mythus, стр. 382, тутъ сказано: «о двухъ турахъ», вмѣсто «зубьевъ». — ⁴ Thiethmar. Chron. VII, стр. 48. — ⁵ J. Hanusch. Die Wissenschaft des slav. Mythus, стр. 380; въ этому еще G. Anton. Erste Linien eines Versuchs и пр. стр. 88.—⁶ G. Anton. Erste Linien eines Versuchs и пр., стр. 59, и J. Hanusch. Wissenschaft des slav. Mythus, стр. 253 и 397.—⁷ См. и объ этомъ особенно G. Anton, стр. 97 и сл., 105 и сл.

сателей, о которыхъ было уже говорено, остается развѣ упомянуть еще о такихъ вещахъ, которыя всущности разумѣются сами собою (уже и безъ положительныхъ свидѣтельствъ).

1. Обыкновенная домашняя утварь (называемая въ обширнѣйшемъ смыслѣ „столь“) заключала въ себѣ, смотря по достатку каждаго, бѣльшее или меньшее число лучше или хуже выдѣланныхъ сосудовъ, каковы наприм. котлы и горшки, да сверхъ-того еще нѣсколько принадлежностей нужнѣйшаго обихода. Первые дѣлались частію изъ обожженной глины, частію изъ бронзы или желѣза, а послѣднія сплошь почти изъ дерева.

а. Изъ числа разнаго рода сосудовъ кажется съ весьма раннихъ поръ стали придавать особую форму предпочтительно сосудамъ для питья. Быть-можетъ, что изъ глубокой уже древности идутъ тѣ довольно первобытные кувшины, которые и теперь еще употребительны у славянскаго простонародія. Это — или большіе жбаны, или глиняные кувшинцы съ ручкою, помешіе, или наконецъ—деревянныя кружки съ ручкою и крышкой. Кромѣ такого рода сосудовъ, для питья употребляли еще рога, а у юговосточныхъ племенъ или иногда, уже совершенно по-скиѣски, и изъ вражьяго черепа.¹— При ѣдѣ употребляли ножъ, который носилъ при себѣ обыкновенно каждый, и по всей вѣроятности — деревянныя ложки и вилки.²

б. Главный комнатный скарбъ былъ, надо думать, почти тотъ же самый, какой мы видимъ и теперь у простонародья въ Россіи и въ Славоніи. Тамъ вообще ограничиваются деревянными лавками по стѣнамъ, незначительнымъ числомъ грубо сплоченныхъ скамеекъ, большимъ четырехугольнымъ столомъ и тяжелою смазанною изъ глины печью. Постель располагается на печи или на полу.—Жилье освѣщалось просто зажженою лучиною.

2. Хотя Славяне особенно любили пляску и музыку, какъ увѣряли въ этомъ императора Маврикія „посланцы Славянъ отъ западнаго Океана“ къ Аварамъ,³ однакожь музыкальные инструменты ихъ тѣмъ не менѣе были повидимому очень просты. Сами эти посланцы явились безоружные, „потому (объясняли они императору), что въ родномъ краѣ ихъ нѣтъ вовсе желѣза“, но при каждомъ изъ нихъ былъ музыкальный инструментъ, вродѣ цитры. Быть-можетъ, это и донынѣ еще распространенная у Славянъ „гуся“, имѣющая видъ довольно крутобокой грубой скрипки, о трехъ или болѣе струнахъ и съ колками наисполь.—Изъ другихъ употребительныхъ теперь инструментовъ, чуть ли не отдаленнѣйшую древность слѣдуетъ приписать „балалайкѣ“, которая въ ходу у Русскихъ, Поляковъ и Татаръ, хотя дѣло возможное, что она первоначально занесена, пожалуй, съ Востока. Въ томъ же смыслѣ первобытно-славянскими представляются не менѣе употребительные у Поляковъ, Русскихъ, Далматинцевъ и Сербовъ рожки, пицалки (дудки, свирѣли, сопѣлки) и волынки (duda, kosslo). Рожки состоятъ иногда просто лишь изъ козьяго рога съ проверченными въ немъ звуковыми скважинами, а иногда изъ берестяной трубы; дудки дѣлаются изъ дерева, а волынки изъ козлиной шкуры съ прикрѣпленнымъ къ ней особымъ дульцемъ, или устьецомъ.⁴

¹ G. Anton I. с. стр. 88, со словъ Теофана, который однакожь сказываетъ это объ однихъ Булгарахъ.—² Онъ же, стр. 105 и сл.—³ Mauritiū Strategicon. XI. с. 5.—⁴ Ср. Вышній бытъ народовъ. Т. II. фиг. 147 е.

3. Относительно пахатныхъ и вообще земледѣльческихъ орудій должно съ увѣренностью предполагать, что именно они-то весьма рано и приобрѣли известную степень выработки (стр. 2). Это прежде всего касается плуга, и хотя объ его устройствѣ нѣтъ у насъ ни какихъ ближайшихъ подробностей, но такъ-какъ названіе „плугъ“—чисто-славянское, то несомнѣнно, что вмѣстѣ съ именемъ Германцы заняли у Славянъ и самую вещь.¹ Рано также известны были коса, серпъ, цѣпъ и борона.—Для перевозки сухимъ путемъ употреблялись вozy (телѣги) и сани.

Восточные Славяне.²

(Руссы).

Историческій обзоръ.

Восточные Славяне, по всей вѣроятности болѣе и болѣе тѣснимые къ сѣверу какимъ-нибудь народнымъ движеніемъ на югъ изъ первобытныхъ своихъ обиталищъ при Черномъ Морѣ, тѣмъ свободнѣе могли расширяться на пути своемъ, что необъятныя степи, по которымъ пришлось имъ проходить, заняты были только кочевниками, да и то весьма скудно. Это крайне разсѣянное населеніе принадлежало къ финскому или чудскому и угрскому племенамъ, съ примѣсю Сарматъ, Татаръ и Скифовъ. Оно вынуждено было или просто уходить отъ Славянъ, или же сливаться съ ними, при чемъ было не-

¹ J. Hanusch. Die Wissenschaft des slav. Mythos, стр. 371; G. Antonl. с. стр. 138 и сл. —² N. M. Karamsin. Geschichte Russlands. (Nebst Erläuterungen und Zusätzen, deutsch von F. von Hagenschild und A.) Riga 1828—31. Ph. Strahl und Hermann. Geschichte des russischen Staats. Hamburg 1832 и д. P. J. Schafarik. Slavische Alterthümer. Deutsch von Mosig von Achrenfeld, herausgeg. von H. Wuttke. Leipzig 1843, II, стр. 51 и сл. — J. B. Scheerer. Des h. Nestor älteste Jahrbücher der russischen Geschichte. Leipzig 1774. A. L. Schlözer. Nestor. Russische Annalen. Göttingen 1802—1809. C. M. Frähn. Jhn Fozzlan und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Text und Uebersetzung u. s. w. St. Petersburg 1823. J. v. Hammer. Sur les origines russes. St. Pétersbourg 1827. L. Georgi. Alte Geographie u. s. w. Stuttgart 1838 bis 1840, II, стр. 327 и сл.—J. B. Rakowecki. Prawda ruska. Warszawa 1820. J. Ph. G. Ewers. Das älteste Recht der Russen u. s. w. Dorpat 1826.—J. B. Scherer. Histoire raisonnée du commerce de la Russie. Paris 1788. II. Storch. Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs. Riga 1797. (О торговлѣ см. особенно томъ IV и сл. Riga 1800). Ph. Strahl. De commercio quod Germani cum Russis, praecepit cum Novogardensibus aeco medio exercuerunt. Bonn 1834. — О новѣйшей Россіи съ отношеніемъ къ ранней эпохѣ смотри: C. Meiners. Vergleichung des älteren und neueren Russlands in Rücksicht auf die natürliche Beschaffenheit der Einwohner, ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche u. s. w. Leipzig 1789 и сл. (съ критическимъ спискомъ путешествій и старыхъ географическихъ сочиненій о Россіи); особенно G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit. Bd. X: Das christliche Osteuropa. Leipzig 1852. — О древностяхъ, преимущественно балтійскихъ провинцій: Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Esth- und Kurlands, herausgeg. von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russ. Ostseeprovinzen. Riga und Leipzig 1837 и сл. F. Krnse. Russische Alterthümer. Dorpat und Leipzig 1844 и сл. Его же: Necrolivonica oder Geschichte und Alterthümer Liv-, Esth- und Kurlands u. s. w., gefunden auf einer allerhöchst befohlenen archäologischen Untersuchungsreise und durch spätere Nachforschungen wissenschaftlich erläutert. Neue verbesserte und mit mehreren Tafeln vermehrte Ausgabe, nebst Nachtrag. Leipzig 1859. J. K. Bähr. Die Gräber der Liven. Ein Beitrag zur nordischen Alterthumskunde und Geschichte. Nebst 21 lithogr: Tafeln u. s. w.

избѣжно, что мѣстами инныя славянскія отрасли, мѣстами то или другое племя (инородцевъ), одерживали перевѣсъ. Еще къ началу седмаго вѣка многіе славянскіе народы находились въ подданствѣ у Аваровъ, послѣ того какъ въ прежнія времена, по крайней мѣрѣ начиная съ Юстиніана (т. е. съ 527 г.), они, заодно съ Аварами, Антами, Гуннами, Булгарами и друг., производили опустошительныя набѣги въ предѣлы греческой имперіи.

Насколько идутъ историческія наши свѣдѣнія, восточные Славяне расселились по обширному пространству отъ Буга и Днѣстра къ востоку до береговъ Волги и Дона, и отъ Чернаго и Азовскаго Морей къ сѣверу до Ладожскаго Озера.—Говорятъ, въ доисторическое еще время, на югѣ, къ западу отъ Днѣпра, племя Полянъ построило, въ видѣ торговаго перепутья, городъ Кіевъ, а на сѣверѣ, у священнаго озера Ильмена „истыми“ Славянами основанъ, можетъ-быть на мѣстѣ какого-нибудь бывшаго „Славенска“, новый городъ, Повгородъ. Черезъ оба эти города шель чрезвычайно живой торговый оборотъ съ Византією и Востокомъ, и они скоро пріобрѣли значеніе столицъ или главныхъ мѣстъ восточно-славянскихъ племенъ, какъ скоро послѣднія успѣли мало по малу освободиться отъ временнаго ига, порою налагаемаго на нихъ финно-уральскими Хазарами и другими подобными ордами. Иго это, начиная съ пехода осьмого вѣка, тяготѣло на населеніи восточныхъ и южныхъ областей, угрожая вѣроятно и сѣверу. Такъ-какъ, по словамъ древнѣйшаго славянскаго лѣтописца, ¹ тогда же возникли между Славянами раздоры за первенство и нарушились все узы порядка, то они пришли наконецъ къ общему соглашенію призвать для управленія надъ ними князя изъ Скандинавіи. Для этого, вполонинѣ девятаго вѣка, отправили они посольство за море къ норманскимъ Варягамъ (которыхъ Греки называли Росъ) и выбрали себѣ верховнымъ главой Рюрика. Благосклонно принявши вызовъ, онъ явился около 862 г. къ Славянамъ съ двумя братьями, Синеусомъ и Труворомъ и съ родами ихъ, и основалъ три „великія княжества“. — Изъ этого разсказа, который въ своихъ дальнѣйшихъ подробностяхъ, конечно, принадлежитъ еще области баснословныхъ сказаній, ² выясняется какъ историческій фактъ то, что собственно русское государство основано дружиноводцами или князьями ратныхъ ватагъ, пришедшихъ изъ-за Балтійскаго Моря, изъ Скандинавіи. Сверхъ-того, по другимъ еще сказаніямъ, отчасти подтверждающимъ тотъ же самый фактъ, становится очевидно, что уже начиная съ шестого вѣка Норманны были въ непрерывной связи съ восточными Славянами и давно собирали дань съ нѣкоторыхъ изъ ихъ сѣверныхъ родовъ. ³

Dresden 1850. Много отдѣльныхъ замѣтокъ и статей въ: Mémoires de la société royale des Antiquaires du Nord. Copenhagen 1836 и сл.; Antiquarisk Tidsskrift, udgivet af det Kongelige nordiske Oldskrift-Selskab. Kiøbenhavn (1849 — 51) 1852; Записки русскаго археологическаго Общества и мног. друг.—Сочиненія о разныхъ предметахъ средневѣковой и новѣйшей эпохи (объ утвари, и оружія и т. п.) на русскомъ и отчасти на французскомъ языкѣ: Древности государства русскаго, Описаніе коробановскаго музея, составленное Г. Филимоновымъ, Памятники Московской древности, Снегирева, Русская Старина его же и Мартынова, Théophil Gautier. Trésors de l'art de la Russie ancienne et moderne (съ 200 фотографич. иллюстрацій).— Дальнѣйшія указанія см. ниже. ¹ Несторъ преподобный, монашествовавшій въ Кіевѣ между 1056 и 1111.— ² Сравни новѣйшую критику этой саги въ P. A. Munch Det norske Folks Historie. Есть итальскій переводъ двухъ первыхъ отдѣловъ этой книги Г. Ф. Клауссена. Lübeck 1853. Стр. 100 и сл. — ³ J. Schafarik. Slavische Alterthümer, II, стр. 66 и 67.

При всей шаткости этого извѣстія, оно остается единственною исходной точкою для исторіи русскаго государства. Въ немъ говорится далѣе, что изъ трюихъ братьевъ старшій, Рюрикъ, сѣлъ въ Новгородѣ, Синеусъ въ Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ, что послѣдніе черезъ два года умерли, что Рюрикъ сталъ тогда единодержавцемъ и роздалъ своимъ подручникамъ, одному Полоцкъ, другому Ростовъ, третьему Бѣлоозеро.—Спустя нѣсколько послѣ того, около 865 г., двое изъ его главныхъ дружинниковъ, Аскольдъ и Диръ, поднялись со множествомъ Варяговъ на Константинополь. Они покорили себѣ Хозаръ, владѣвшихъ Кіевомъ, и основали здѣсь особое, независимое великое княжество. Но замыселъ противъ Византіи имъ не удался, потому что буря совершенно уничтожила весь флотъ ихъ.—Когда Рюрикъ умеръ около 879 г. послѣ энергическаго властвованія, онъ назначилъ временнымъ по себѣ правителемъ родственника своего, Олега, пока сынъ его, малолѣтній Игорь, достигнетъ совершенныхъ лѣтъ.

Ближайшею цѣлью опекуна было соединеніе кіевскаго великокняжества съ новгородскимъ, для чего онъ и ополчился противъ Малороссіи около 882 г. Походу его поблагопріятствовало счастье, такъ что силою и хитростью онъ успѣлъ захватить Аскольда и Дира, и немедленно казнилъ ихъ, а Кіевлянъ заставилъ признать надъ собою верховную власть Игоря. Чтобы оградить себя отъ мятежа, онъ сдѣлалъ Кіевъ своей главною резиденціей и съ тѣмъ вмѣстѣ столицей государства. Отсюда покорилъ онъ себѣ почти всю южную Россію, освободивъ въ слѣдующемъ же году Сѣверянъ и Радимичей отъ ига Хозаръ, потомъ обложивъ данью многихъ родственныхъ имъ народцевъ и наконецъ прогнавъ около 885 г. на югозападъ за Днѣпръ многочисленное племя Мадьяръ (Угровъ). Около 904 г., женивъ напередъ Игоря на поселанкѣ, по имени Ольгѣ, обложилъ онъ съ значительнымъ флотомъ Константинополь и довелъ Грековъ до того, что послѣ трехгодичной обороны они были вынуждены платить ему дань и заключить миръ на невыгодныхъ условіяхъ. Такъ, можно-сказать на вершинѣ славы, кончилъ жизнь свою около 911 г. Олегъ.

Съ воцареніемъ Игоря скоро начались опаснѣйшія смуты. Впервыхъ пришлось ему бороться съ Древлянами, хотѣвшими во что бы то ни стало освободиться отъ Кіева, и едва онъ успѣлъ осилить ихъ, какъ былъ вынужденъ воевать съ воспорскими народами и съ Византіяцами, при чемъ нѣрѣдко терпѣлъ тяжкія потери. Когда наконецъ, черезъ много лѣтъ (около 945 г.) успѣлъ онъ примириться съ Греками, то попался въ плѣнъ мятежнымъ Древлянамъ и былъ ими жестокосердо умерщвленъ. Послѣ этого въ главѣ правленія стала супруга его, Ольга, а малолѣтнаго сына своего, Святослава, отдала на воспитаніе боярину Асмуду.

Ольга, хотя и низкаго происхожденія, обладала однако всѣми качествами энергической правительницы. Ближайшимъ тому доказательствомъ былъ удачный походъ ея на Древлянъ. За тѣмъ, она такъ мудро и неустанно заботилась о порядкѣ въ своемъ государствѣ, что сумѣла въ короткое время обезпечить ему совершенное спокойствіе. Воспитанная въ язычествѣ, она тѣмъ не менше склонна была къ христіанской вѣрѣ, распространявшейся уже довольно съ давнихъ поръ въ Кіевѣ. Наконецъ, рѣшившись сдѣлаться христі-

анкою, она обратилась за этимъ въ Византію и приняла тамъ св. крещеніе подъ именемъ Елены (около 955 г.).

Старанія ея склонить къ тому же и Святослава, вступившаго около 965 г. въ управленіе остались совершенно безуспѣшны; но онъ по крайней мѣрѣ не мѣшалъ дальнѣйшему распространенію христіанской религіи. Самъ онъ былъ воспитанъ только для войны, заранѣе пріученъ ко всѣмъ ея трудностямъ, а потому не мудрено, что война и завоеванія были исключительнымъ его стремленьемъ. Побѣдоносный вездѣ, куда ни обращалъ онъ мечъ свой, Святославъ одолѣлъ силою разныя восточныя племена, въ томъ числѣ и Хозарь, не покоренныхъ еще въ землѣ Вятичей, потомъ на югѣ — Печенѣговъ, и наконецъ вызванный къ тому греческимъ императоромъ Никифоромъ, — богатый южноболгарскій край, котораго порубежный городъ Переяславъ (Преславу) онъ скорѣе избралъ своею резиденціей. По просьбѣ матери воротился онъ однакожь въ Кіевъ и оставался тамъ до ея кончины приблизительно въ 969 г. Но потомъ онъ раздѣлилъ свое государство между тремя сыновьями такимъ образомъ, чтобъ Олегъ получилъ Древлянскую землю, Владиміръ — Новгородъ, а Ярополкъ — Кіевъ; самъ же онъ снова пустился въ Булгарію, которую почти долженъ былъ вторично завоевать. Но едва лишь успѣвъ овладѣть ею, Святославъ подвергся нападенію со стороны греческаго императора, Іоанна Цимисхія, и въ продолженіе трехлѣтней борьбы (до 973 г. приблизительно) такъ жестоко потерпѣлъ отъ Грековъ, что долженъ былъ обратиться въ бѣгство, и на возвратномъ пути безпощадно убить Печенѣгами.

Вслѣдствіе вышеупомянутаго раздѣла, между тремя его сыновьями разгорѣлся страшный споръ за верховное первенство. Изъ этой борьбы, ведомой всѣми сторонами съ равнымъ ожесточеніемъ, побѣдителемъ вышелъ Владиміръ, послѣ того какъ около 977 г. палъ Олегъ, а около 980 погибъ Ярополкъ. Самъ Владиміръ обязанъ былъ побѣдою храброй варяжской дружинѣ, набранной имъ для своихъ цѣлей въ Скандінавіи, куда онъ передъ этимъ убѣжалъ. Онъ избралъ Кіевъ своимъ мѣстопробываніемъ и немедленно заявилъ себя полносильнымъ единовластцемъ. Суровый отъ природы и воспитанный въ язычествѣ, онъ началъ съ ревностной заботы о возстановленіи языческихъ обрядовъ и кумировъ, которымъ старался придать всевозможный блескъ. Потомъ предпринялъ расширить свое государство новыми завоеваніями, и въ теченіе осьми лѣтъ (до 988 г. приблизительно) покорилъ себѣ часть Литвы, Лифляндіи и землю Ятвяговъ, а съ другихъ сторонъ Галицію и греческой городъ Херсонъ.

Пользуясь обстоятельствами, укрѣпившими за нимъ военную славу, онъ засваталъ у греческаго императора Анну, дочь императора Романа. Она была обѣщана ему съ условіемъ, чтобы онъ сталъ Христіаниномъ. Въ тотъ же самый годъ (приблизительно 988-й) онъ принялъ крещеніе и получилъ руку царевны. Затѣмъ, въ сопровожденіи многочисленнаго священства воротился онъ въ Кіевъ и принялся такъ же усердно распространять христіанство, какъ прежде радѣлъ о возстановленіи язычества. Сооруженный имъ нѣкогда кумирь Перуна былъ разбитъ, весь народъ Кіевскій крестился въ

водахъ Диѣпра торжественнѣйшимъ образомъ, да и остальное населеніе государства по волѣ князя должно было внимать проповѣди греческихъ священниковъ. Основаны были церкви и училища и по пустыннымъ еще степямъ застроены новыя села и города, изъ числа которыхъ быстро зацвѣлъ передъ другими особенно Владиміръ на Волыни.

Не смотря на то, что подѣлъ государства Святославомъ оказался пагубенъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ удержанъ и Владиміромъ и его преемниками. Такъ какъ у Владиміра было двѣнадцать наслѣдниковъ мужескаго пола, то край подвергся тѣмъ большому раздробленію и взаимная ненависть разожглась тѣмъ скорѣе. Ему самому пришлось еще быть очевидцемъ подобнаго раздора и дожить до того, что одинъ изъ сыновей его, князь Новгородскій, даже поднялъ противъ него мечъ. Однакожь, прежде чѣмъ дошло между ними до рѣшительнаго столкновенія, Владиміръ около 1015 г. скончался.

По смерти его тотчасъ же возобновилась со всеми ужасами прежняя картина братоубійственной борьбы. И борьба эта повторялась теперь чуть не при каждой смѣнѣ правителя благодаря неуклонному соблюденію пагубнаго обычая раздѣловъ, — повторялась въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, изрѣдка только прерываясь на короткое время появленіемъ какого нибудь отличнаго властителя. — Въ войнѣ между сыновьями Владиміра побѣдителемъ остался Ярославъ, энергически и мудро отстаивавшій державную свою власть вплоть до самой кончины (около 1054 г.). Мало того, что онъ сумѣлъ усмирять постоянныя безпокойства въ обширномъ краѣ и водворялъ въ немъ внутренній урядъ; ему удалось посредствомъ счастливыхъ войнъ расширить еще и внѣшніе его предѣлы.

Зато правленіе это надолго осталось послѣднею свѣтлою полосой, озарившей русскую землю. Со времени борьбы, возникшей по смерти Ярослава между четырьмя его сыновьями, и среди послѣдовавшихъ за тѣмъ продолжительныхъ усобицъ, осложнявшихся еще напоромъ внѣшнихъ враговъ, государство вскорѣ внутренне распалось до такой степени, что даже и лучшимъ государямъ, каковы между прочимъ были Мстиславъ Великій (съ 1125 по 1132) и братъ его, Ярополкъ (съ 1132 по 1139), не представлялось возможности укрѣпить его надежно. Хотя при дальнѣйшемъ ходѣ княжескихъ междоусобій являлись личности, захватывавшія власть сильною рукою, однакожь возвышеніе ихъ было по большей части кратковременно, такъ-какъ и они сами оставались жертвою народнаго своеправія и произвола, дошедшаго до крайности вслѣдствіе всѣхъ этихъ смуть. Среди опустошеній и общаго нравственнаго разврата, порожденнаго такимъ шатаціемъ, около 1147 г. князь Юрій, возставъ противъ избраннаго народомъ великаго князя Изяслава III-го, успѣлъ съ помощію Венгровъ основать отдѣльное великое княжество въ сѣверовосточной части средней Россіи, что и стало потомъ поводомъ къ усиленію Москвы, но напередъ послужило конечно новымъ яблокомъ раздора. Борьба князей усложнилась, перепугалась тогда еще болѣе, и велась со всѣхъ сторонъ съ величайшимъ ожесточеніемъ. — Около 1169 г. Кіевъ взятъ былъ приступомъ, и этимъ навсегда лишенъ прежняго своего величія. Вскорѣ потомъ сожжена недавно возникшая Москва; тутъ вмѣшались въ

русскія дѣла Поляки, и помогая великому князю Всеволоду III, около 1190 г. выгнали изъ Руси опустошившихъ ее Венгровъ. Когда, наконецъ, истощились всѣ силы, народъ до крайности обѣднѣлъ, и государство распалось на множество отдѣльныхъ княжествъ, по крайней мѣрѣ титулъ единоподержавца, великаго князя остался за внукомъ Юрія I-го, Юріемъ II (около 1219 г.).

Между тѣмъ надвинули изъ Азіи, подъ предводительствомъ Чингисхана (Дженгисъ-хана), дикія орды Монголовъ. При описанномъ сейчасъ положеніи вещей почти не было и возможности противустать ихъ быстрому напору. Въ первой же рѣшительной битвѣ при Калкѣ (ок. 1224 г.) Русскіе были побѣждены. Не смотря на то, Монголы удовлетвоваались на этотъ разъ только награбленною добычею, распространивъ свои хищническіе набѣги на восточный покамѣтъ край. Но даже и въ виду такой явной опасности, усобицы удѣльныхъ князей продолжались все съ возрастающимъ ожесточеніемъ. И когда около 1231 г. Монголы пришли снова, то встрѣтили уже такой слабый и не единодушный отпоръ, что одержали вездѣ легкую и рѣшительную побѣду. Послѣ того какъ временный полководецъ ихъ Батый, подручникъ Чингисханова преемника, Окая, сначала совершенно раззорилъ восточныя великія княжества, Москву и Владиміръ, а потомъ опустошилъ и бѣольшую часть западныхъ областей Руси, онъ сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ на побережьи Дона, откуда быстрыми набѣгами одолѣвалъ и другія земли по усмотрѣнію. — Уже около 1238 г. вся почти Русь была сплошь наводнена Монголами, господство ихъ надъ нею утвердилось прочно, и бѣольшая часть князей была вынуждена испрашивать у нихъ ярлыки или ставленныя грамоты на свои владѣнія. При такихъ обстоятельствахъ, даже и независимѣйшіе сравнительно князья, каковы наприм. были Новгородскіе, пришли мало по малу къ необходимости признать надъ собою верховное господство хановъ. И владычество этихъ варваровъ, не обнаружившихъ изначала ни склонности, ни способности къ усвоенію себѣ высшихъ человѣчныхъ нравовъ, держалось почти можно-сказать неуклонно въ теченіе безъ малаго двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ, то-есть приблизительно до 1480 г.

Вообще можно принять, что нравы и образъ жизни восточныхъ Славянъ мало разнились отъ первобытной простоты Славянъ западныхъ, до тѣхъ поръ, пока, нетронутые внѣшнимъ вліяніемъ, они оставались при своихъ собственныхъ основахъ. Подобно западнымъ, и восточные Славяне жили преимущественно скотоводствомъ и земледѣльствомъ, какъ широкò разсѣянный народъ, разбитый на многочисленные родовые союзы. Но уже одно ближайшее соприкосновеніе ихъ съ финскими или чудскими и сармато-скинскими ордами, какое постоянно испытывали они съ самыхъ раннихъ поръ и которое быть-можетъ искони вело къ многоразличной помѣси между ними и послѣдними, должно было отозваться въ ущербъ чистому славянству тѣхъ по крайней мѣрѣ славянскихъ племенъ, которыя наиболѣе подвергались подобнымъ вліяніямъ. Къ такимъ рано выродившимся племенамъ принадлежали, по сви-

дѣтельству Прокопія и другихъ писателей, 6-го вѣка ¹ (не говоря о Славянахъ, жившихъ на югъ отъ Дуная), преимущественно Древлане, простиравшіеся даже за предѣлы Кіева, Радимичи, Вятичи и многія еще другія отрасли, которыя впрочемъ почти исключительно и жили въ областяхъ, сильно наводненныхъ Сарматами. ²

Уже совсѣмъ иначе было оно съ населеніемъ сѣверныхъ и западныхъ областей Руси. Эти, и особенно первыя изъ нихъ, хотя, пожалуй, и не мѣте соприкасались съ вышеупомянутыми ордами, но зато своей исконною связью съ Византіяцами и съ германскими Скандинавами были естественно оспособлены къ болѣе свободному и богатому развитію своихъ природныхъ силъ. Здѣшній-то именно народъ явился потомъ основателемъ русскаго государства, и вмѣстѣ главною исходною точкой для культуры всего восточнаго славянства вообще. Чѣмъ прочнѣе при норманскомъ господствѣ устанавливались всѣ прежнія отношенія, тѣмъ болѣе стали обращать вниманія на постоянную связь съ Греками, съ знаменитою тогда Византіей. Неослабныя старанія Рюрика и ближайшихъ его преемниковъ совершенно прибрать къ рукамъ эту выгодную связь не остались безъ успѣха, и уже между 912 и 945 гг. Олегу и Игорю удалось вынудить у Грековъ мирный договоръ, обезпечившій Руссамъ свободу торговли въ греческой имперіи. ³ — Договоромъ этимъ византійскому вліянію дано было постоянное направленье. Оно не ограничивалось уже только однимъ Новгородомъ и Кіевомъ, но распространилось почти равномерно и на всѣ промежуточные края. Если это способствовало постепенному водворенію у Славянъ Византійскихъ нравовъ и обычаевъ, то послѣдніе достигли чуть не совершеннаго господства при Владимірѣ, благодаря непосредственной связи его съ византійскимъ дворомъ и особенно его собственному обращенію въ христіанство. Съ той поры онъ ни о чемъ такъ не заботился, какъ о подражаніи греческой образованности и объ усвоеніи себѣ, разумѣется, соединенной съ тѣмъ пышной внѣшней обстановки, при чемъ находилъ сильную опору въ греческомъ духовенствѣ, которымъ былъ предусмотрительно окруженъ. Онъ вызвалъ къ себѣ изъ Греціи много ученыхъ и художниковъ, ⁴ и самъ для собиранія свѣдѣній, отправлялъ посольства въ дальніе края. Онъ старался даже, хотя и безуспѣшно, установить болѣе прямую торговую связь съ восточною Индіей.

Подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, да притомъ и своего мѣстоположенія, въ особенности Кіевъ сравнительно уже рано явился главнымъ средоточіемъ русскаго образованія и русской пышности. ⁵ По свидѣтельствамъ нѣкоторыхъ писателей девятаго и десятаго еще вѣка, сюда съѣзжались купцы со всѣхъ странъ свѣта, а отсюда отправлялись цѣлые торговые флоты въ Грецію. О жизни въ Кіевѣ рассказываютъ они какъ о

¹ J. Schafarik. Slavische Alterthümer, II, стр. 658. L. Georgi. Alte Geographie, II, стр. 334.—² J. Schafarik тамъ же, II, стр. 63, особенно 65. ³ См. этотъ договоръ въ J. B. Scheerer. Des heilig. Nestors älteste Jahrbücher, стр. 70, 76, и въ H. Storch. Historisch-Statistisches Gemälde, IV, стр. 93. — ⁴ Ср. между прочимъ J. D. Fiorillo. Kleine Schriften artistischen Inhalts. Göttingen 1806, II, стр. 1 и сл. ⁵ H. Storch. Historisch-Statistisches Gemälde, IV, стр. 82. J. Schafarik. Slavische Alterthumskunde, II, стр. 127.

какомъ-то чудѣ и даже сравниваютъ этотъ городъ съ Византією. Во времена Титмара Мерзебургскаго, около начала одиннадцатаго вѣка, въ Кіевѣ было не менѣ четырехъ-сотъ церквей, восемь большихъ рынковъ, и народу видимо-невидимо. Онъ обыкновенно слыль „богатымъ“ и сохраниль это прозвище вплоть до своего паденья (ок. 1169 г.).

Велѣдъ за Кіевомъ, около половины десятаго столѣтія, возвысился до тако-го же почти процвѣтанія и Новгородъ.¹ Онъ, кажется, еще пользовался особеннымъ родомъ первенства, какъ исходный пунктъ русскаго государства,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока Олегъ не перенесъ резиденціи уже въ богатѣйшій тогда Кіевъ. Впрочемъ онъ и вообще сохранялъ за со-бой важное преимущество постоянныхъ сношеній со Скандинавами, а также съ промышленнымъ и торговымъ населеніемъ балтійскаго побережья, что во всякомъ случаѣ обезпечивало ему первенство въ ряду русскихъ торго-выхъ городовъ. Онъ одинъ платилъ Владиміру 3000 гривенъ серебра по-дати.²

Для дальнѣйшаго распространенія той образованности,³ которую поощ-рялъ преимущественно Владиміръ, по примѣру Грековъ, немаловажнымъ оказался и допущенный имъ подѣлъ русскихъ областей. Ибо сколь ни пагу-бенъ былъ послѣдній въ чисто-государственномъ отношеніи, онъ все-таки рѣшительно подѣйствовалъ на общественность размноженіемъ дворовъ, какъ главныхъ средоточій богатства и утонченнаго сравнительнаго обычая. Изъ сыновей его особенно Ярославъ озабочивался успѣхами въ этомъ направле-ніи: онъ вызвалъ еще болѣе художниковъ изъ Греціи, урядилъ съизнова го-сударство, велѣлъ свести существовавшее дотолѣ обычное право въ уложе-ніе (подъ названіемъ Русской Правды) и наконецъ основалъ въ Новгородѣ на-стоящее училище.

Между тѣмъ завоеванія, особенно въ восточныхъ краяхъ значительно об-легчили торговлю съ Индією; обладаніе Булгарією, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оно продолжалось, доставило русскимъ князьямъ новый источ-никъ матерьяльнаго довольства, и наконецъ торговыя связи съ живущимъ на сѣверовостокѣ богатымъ пермяцкимъ народомъ,—все это расширило тор-говлю дотого, что Русскіе могли теперь поспорить въ богатствѣ съ Грека-ми и что относительно роскоши ихъ великіе князья ни въ чемъ не уступали греческимъ императорамъ. Такъ между прочимъ разсказывается съ разныхъ сторонъ,⁴ что сынъ и преемникъ Ярослава, Изяславъ I, убѣжавъ въ 1068 г. въ Польшу захватилъ съ собою несмѣтное сокровище, состоявшее изъ зо-лотой и серебряной посуды, роскошно отдѣланныхъ одеждъ и драгоценныхъ камней, съ тѣмъ чтобы задарить ими польскаго короля Болеслава и импера-тора Генриха IV, и что послы, отправленные потомъ Генрихомъ къ велико-му князю Всеволоду Ярославичу нашли роскошь и пышность его двора пре-

¹ G. Lizakewitz. Essai de l'histoire de Nowgorod. Copenh. 1771. —² J. Schafarik. Slavische Alterthumskunde, II, стр. 511. ³ О вліяніи Грековъ на гражданское образованіе Руся вообще сравни Домбровскаго въ Ermans Archiv für die wissenschaftliche Kunde in Russland, I, стр. 355. —⁴ См. выписки въ Н. Storch. Historisch-Statistisches Gemälde, IV, стр. 123. D. Fiorillo. Kl. Schriften, II, стр. 2. J. Fischer. Geschichte des deutschen Handels, I, стр. 252.

вышающими всякое описаніе, да и сами воротились такъ щедро одаренные золотомъ, серебромъ и великолѣпно изукрашенными одеждами, что увѣряють, будто бы до тѣхъ поръ (до 1075 г.) никогда и не ввозилось въ Германію за одинъ разъ столь значительнаго богатства.

Извѣстіе это даетъ вмѣстѣ поводъ заключать и о немалыхъ тогда успѣхахъ ремесленной промышленности. Не лзя въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы подобныя сокровища были чисто лишь добыткомъ побѣдоносныхъ войнъ и привозной за тѣмъ торговли; кромѣ того, что оно въ высшей степени невѣроятно само по себѣ, да этому противорѣчатъ и разныя показанія древнѣйшихъ писателей: уже около 996 г. упоминаются тутъ серебряники, около 1015-го говорится о работахъ изъ мрамора и о золоченыхъ дверяхъ и наконецъ около 1089-го—прямо о кирпичныхъ постройкахъ.¹ Но при этомъ не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что мастера-художники были по большей части изъ иностранцевъ, преимущественно изъ Грековъ, и что произведения ихъ носили вообще почти одинаковый съ византійскими характеръ. Во всякомъ случаѣ послѣднія служили объ эту пору для русской ремесленности главнымъ и важнѣйшимъ образцомъ, точно такъ же, какъ и въ послѣдующія времена, когда туземная промышленность болѣе и болѣе клонилась къ упадку. Русскіе всегда обращались къ иноземной помощи для производства художественныхъ работъ (см. ниже „Утварь“).

Кромѣ смуть, порожденныхъ раздѣломъ государства, первый толчокъ къ упадку торговыхъ сношеній въ половинѣ одиннадцатаго вѣка причиненъ быстро возросшимъ въ Черномъ Морѣ распространеніемъ венеціанскихъ купеческихъ кораблей, которые постепенно дали подвозу изъ Византіи и съ Востока совсѣмъ другое направленіе. Впослѣдствіи благоприятствовало тому же самому усиливающееся вліяніе крестовыхъ походовъ и утрата Русью въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Лифляндіи и Эстляндіи, которыя отошли къ германскимъ Скандинавамъ. Вотъ почему на сѣверѣ главный верхъ одержали тогда Нѣмцы, и старались за тѣмъ утвердить свое первенство сначала учрежденіемъ такъ-называемаго ордена Меча, а потомъ черезъ союзы съ Ганзою прочно отстаивали свое вліяніе и на Новгородъ, тогда какъ, въ противоположность этому, на югѣ взятіе крестоносцами Константинополя можно-сказать окончательно рѣшило перевѣсъ Венеціанъ. Это открыло широкій путь въ Россію нѣмецкимъ и итальянскимъ обычаямъ, а также сообщило и ея издѣльной промышленности образцы нѣмецкихъ и итальянскихъ формъ, что конечно должно было произвести крайнее замѣшательство въ ея преимущественно византійскомъ направленіи.

Но само собою разумѣется, что это относилось только къ населенію южныхъ и сѣверныхъ окраинъ, съ одной стороны Владиміра на Волыни и Галича, съ другой—Новгорода, тогда какъ вся остальная часть Руси, при возрастающемъ одичаніи среди непрерывныхъ смуть, наставшихъ послѣ Ярополкова правленія, отвыкала болѣе и болѣе отъ всякой правильной торговли и промышленности.

¹ Н. Storch. I. с. III, стр. 4.

Последніе остатки прежняго благоденствія и немногихъ, еще сочившихся тогда источниковъ его, совершенно изсякли и уничтожились подъ господствомъ Монголовъ. Съ водвореніемъ его вся торговля и промышленность стянулись къ немногимъ лишь знатнѣйшимъ городамъ, именно къ Новгороду, Пскову, Владиміру на Клязьмѣ и Москвѣ. Остальныя части края высасывались съ тѣхъ поръ произвольно предводителями наводнившихъ его ордъ, при чемъ главный ханъ заботился только объ одномъ, — накоплять въ своемъ удусѣ или станѣ несмѣтныя богатства, стекавшіяся къ нему въ видѣ дани со всего Востока, по горло утопать въ роскоши и выражать свое достоинство всевозможно пышною обстановкой.¹ Чтобы вполне удовлетворить этому стремленію, вскорѣ овладѣвшему цѣлою Золотой Ордой, самъ ханъ и его подручники выводили съ собою изъ покоренныхъ областей искуснѣйшихъ ремесленниковъ и художниковъ, вслѣдствіе чего та пышность, какою они старались себя окружить, разумѣется, представляла самую диковинную и варварскую смѣсь разнообразнѣйшихъ формъ восточнаго происхожденія.

Чѣмъ далѣе расширялось владычество ихъ надъ Русью, тѣмъ болѣе подвергалась подобнымъ вліяніямъ и завоеванная страна, которой собственное образованіе не было еще настолько крѣпко, чтобы оказать духовный перевѣсъ надъ побѣдителемъ, да притомъ и своенародный ея бытъ самъ по себѣ сильно наклонялся къ ориентализму. Поэтому не могло обойтись безъ того, чтобы вопервыхъ кланявшіеся Хану русскіе князья, и потомъ и знатнѣйшіе изъ ихъ придворныхъ, не усвоили себѣ болѣе или менѣе пестрой роскоши Монголовъ, и чтобы дикая эта пышность, въ теченіе двухвѣкового слишкомъ владычества, положительно не вкоренилась при княжескихъ дворахъ. Хотя по освобожденіи и возстановленіи Руси Иваномъ III (съ 1462 г.), особенно со времени женитьбы его на Софіи, дочери изгнаннаго греческаго императора, Иммануила Палеолога, и потомъ благодаря усиліямъ Ивана Грознаго (съ 1534 по 1584 г.) начались и повозможности развивались сношенія преимущественно съ Западомъ, однакожь прежнее варварское великолѣпіе, по крайней мѣрѣ въ случаѣ торжественныхъ церемоній, соблюдалось вообще даже и до воцаренія Великаго Петра. — Сравнительно убереглись отъ него только духовенство, да простой народъ. Первое оставалось по конецъ пятнадцатаго вѣка въ зависимости отъ прародительницы своей, Церкви константинопольской, а потому и внѣшнія свои обряды сообразовало съ литургическими ея уставами. У низшихъ же классовъ не было, конечно, потребныхъ для той роскоши денежныхъ средствъ, да съ другой стороны не могло развиваться и живого къ ней смысла при томъ загнанномъ („сиротскомъ“) положеніи, въ какомъ они издавна находились.

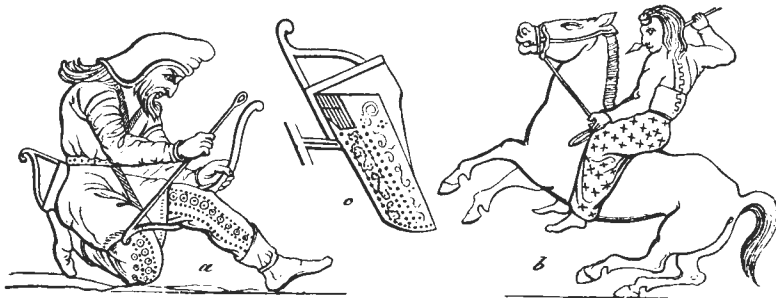
Одежда.

I. Раннія сношенія обитателей Россіи съ Скандинавами и восточными народами преимущественно съ богатою Византіей, заставляють навѣрно пред-

¹ J. v. Hammer-Purgstall. Geschichte der goldenen Horde. Wien 1834.

положить, что еще задолго до рассматриваемой здѣсь эпохи обитатели эти носили уже болѣе или менѣе искусственно построенную одежду. Для коренныхъ племенъ или туземцевъ южной части края—Скиоовъ, Аваръ, Масагетовъ, Роксоланъ и др. — это подтверждается съ древнѣйшихъ еще временъ извѣстiями самыхъ раннихъ писателей греческой древности, да также и многочисленными остатками монументальныхъ изображенiй.¹ Изъ послѣднихъ, принадлежащихъ болѣею частiю Херсонесу Таврическому, и въ особенности изъ находящихся между ними изображенiй босфорскихъ, скинскихъ воиновъ (фиг. 154 а. б. с., фиг. 155 а. б. с. d. e), въ то же время очевидно, что у многихъ тамошнихъ степняковъ, какъ напр. донскихъ казаковъ, Калмыкъ, Татаръ и друг.,² одежда и вооруженiе съ едва замѣтными отмѣнами остаются почти все тѣ же и донинѣ.

Фиг. 154.

То же самое можно повидимому сказать и о женскихъ костюмахъ помянутой отрасли народовъ, хотя у насъ, къ сожалѣнiю, нѣтъ по этой части подобныхъ изображенiй.

Фиг. 155.

¹ Подробности см. во II-мъ томѣ этой книги.—² Сравни относящiеся сюда рисунки въ: P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. St. Petersburg 1771

А. Какъ вообще относился къ описанной одеждѣ нарядъ всего остального населенія, и въ особенности нарядъ первобытныхъ Славянъ, этотъ вопросъ, за недостаткомъ достовѣрныхъ извѣстій, мы должны оставить подъ сомнѣніемъ. Всего вѣроятнѣе однако предполагать, что сѣверозападные племена, и преимущественно южные Славяне, еще до распространенія своего на сѣверъ, имѣли въ одеждѣ много общаго съ тѣми сосѣдними имъ народами, а впоследствии, сталкиваясь при движеніи на сѣверъ съ пароянскими или сарматскими степняками, перенимали у нихъ нѣкоторыя особенности одѣянія, а иногда заимствовали его и вполне. Въ пользу такой догадки говоритъ по крайней мѣрѣ значительное сходство нынѣшней простонародной одежды русскихъ мужиковъ (фиг. 156 а. б) съ одеждою Пароянъ и другихъ срод-

Фиг. 156.

ственныхъ имъ племень, часто встрѣчающагося на древнеримскихъ памятникахъ. ¹ Тутъ замѣтно такое же отношеніе древности къ настоящей порѣ, какъ и въ выше приведенномъ нарядѣ, такъ что и вразсужденіи собственно русской простонародной одежды позволительно предполагать, что она не потерпѣла съ того времени ни какой слишкомъ рѣзкой перемѣны. ²

bis 73. J. G. Georgi. Beschreibung aller Nationen des russischen Reichs u. s. w. St. Petersburg 1777. J. Han way. Beschreibung seiner Reise von London durch Russland und Persien 1742 bis 50. Hamburg und Leipzig 1754. M. Breton. La Russie ou moeurs, usages et coutumes des habitans de toutes les provinces de cet empire. Paris 1813. Rechenberg. Les peuples de la Russie ou description des moeurs etc. des diverses nations de l'empire de Russie. Avec 40 Pl. color. Paris 1813. Особенно: Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837 sous la direction de M. Anatole de Démidoff par MM. de Sainson, Le Pluy Huot, Léveillé, De Nordmann, Rousseau et du Ponceau. Dessiné d'après nature et lithographié par Raffet. Paris 1837.—¹ Въ особенности видно это на выгравированныхъ С. Бартоли Colonna Trajana, Colonna Antonina и на Veteres arcus Augustorum.—² Если же Веберъ въ Verändertes Russland (Frankfurt und Hannover 1721. 1739. 1740) Ч. I, стр. 129 говоритъ: «Мужики носили прежде долгонолые кафтаны до самыхъ пятъ. Но чтобы отучить ихъ отъ этой одежды принята была рѣшительная мѣра,

а. Одежда эта состоитъ вообще ¹ изъ довольно широкихъ холщевыхъ или сарматскихъ портокъ, изъ рубахи того же матерьяла, подпоясанный по бедрамъ, изъ валяной съ широкими (?) полями шляпы или вмѣсто нея изъ шапки съ мѣховымъ околышемъ. Зимомъ накидывается сверхъ того овчинный тулупъ, и надѣваются сшитые изъ грубой ткани вареги или рукавицы. Ноги либо остаются босыми, либо обвертываются (включая нерѣдко и голени) какою-нибудь ткашью (портянками) съ подвязною за тѣмъ подошвой (сандалией). Последняя или прямо выкроена изъ невидѣланной бычачьей, а не то и свиной кожи, или сплетена изъ лыка и для прикрѣпленія къ ногѣ снабжена веревочками или ремешками. Въ иныхъ, отдѣльныхъ впрочемъ, случаяхъ встрѣчаются и высокіе отворотные сапоги. Для одежды вообще любили выбирать цвѣтныя ткани.—Волосы носили обыкновенно довольно короткіе, подстригая ихъ вдоль лба прямолинейно. Этотъ исконный можно-сказать, обычай вѣроятно состоитъ въ связи съ священными жертвоприношеніями волосъ, общепотребительными у древнеязыческихъ Славянъ въ седмомъ столѣтіи. ² Бороду отращивали на всей волѣ; однакожъ, по словамъ арабскихъ писателей, иные изъ древнѣйшихъ Руссовъ ³ брили себѣ бороду, а другіе красили ее въ желтошафранный цвѣтъ.

б. Національный женскій нарядъ (фиг. 157 *a. b.*) состоитъ у незамужнихъ изъ бѣлой холщевой рубашки съ длинными въ сборкахъ рукавами, изъ длиннаго безрукавчатаго или съ короткими рукавами платья (сарафана или шубки), спереди всегда усаженнаго въ длину мелкими пуговками, изъ нѣкотораго рода накидки (душегрѣйки) съ короткими же рукавами, застегнутой или опоясанной высоко (поль самую грудь), изъ головного платка и кожаныхъ башмаковъ для обуви.—Замужнія накрываются сверхъ этого большимъ плащеобразнымъ платомъ, надѣвая его иногда такъ, что съ головы онъ спускается имъ по спинѣ чуть не донизу. И тутъ царитъ въ одеждѣ та же опять крайняя пестрота. Женщины любятъ притомъ украшать себя разными блестящими побрякушками (будь онѣ хоть изъ простой желтой мѣди),

Выставленные у городскихъ воротъ солдаты должны были задерживать тѣхъ крестьянъ, которые еще не укоротили себѣ кафтановъ по царскому приказу, урѣзывать имъ верхнее платье до колѣнъ и еще взымать съ нихъ за то денежную пеню. Теперь мужикъ ходитъ въ полукафтаны и т. д.—это вѣроятно относится не ко всему простонародью, а больше къ тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ которыя усвоили себѣ монгольскую одежду, хотя, по соображенію съ различными реформами Петра, Веберовъ разсказъ вообще заслуживаетъ вѣроятія. Сравни далѣе примѣчаніе къ извѣстіямъ Ибнъ-Фодлана.—¹ Насчетъ слѣдующаго сравни между прочимъ Chr. Meiners, Vergleichung des älteren und neueren Russlands II, стр. 220 и сл. G. Klemm, Allgemeine Culturgeschichte X, стр. 36 и сл., и рисунки, кроиъ вышеуказанныхъ сочиненій, въ Martinow, Costumes de la Russie. Collection de 37 Planches coloriées. Fol K. Buddeus, Volksgemälde und Charakterköpfe des russischen Volks, 2 Hefte mit französischem und deutschem Text. Leipzig 1820. A. G. Houbigant, Moeurs et costumes des Russes représentées en 50 planches color. avec texte explicatif. Fol. Paris 1821. A. Orłowski, Album russe ou Fantaisies dessinées lithographiquement. St. Petersbourg 1826: за тѣмъ множество гравюръ 17-го и 18-го вѣка Ле Пренса, Бальцера, Дальштейна и др. и относящихся сюда серія эстамповъ I. A. Клейна, выходившія съ 1811 по 1826 г.—² J. Hanusch, Die Wissenschaft des slavischen Mythus. Стр. 341; ср. стр. 156. И тотъ болгарскій посолъ, котораго Лудпривадъ (Посольское донесеніе, гл. 19) видѣлъ въ Византіи, также былъ «остриженъ по-угорски».—³ Ибнъ-Фодланъ у Френа. Стр. 73, 248, 266.

мелкими бренчащими подвѣсками, множествомъ цѣпочекъ и т. д., а также мишурнымъ шитьемъ, бусами и бисерными понизьями. Молодыя женщины въ торжественные дни убираютъ голову

Фиг. 157.

известнаго рода діадемой (кокошникомъ) чисто азійскаго пошиба.

На сколько эта одежда первобытнымъ своимъ складомъ принадлежитъ далекой старинѣ и относится ли она къ той же исконной древности, какъ и мужская, — на это едва ли можно положительно отвѣчать. Между тѣмъ уже и на вышеприведенныхъ памятникахъ изъ временъ позднеримской древности часто попадаются изображенія неримскихъ женщинъ, а уроженокъ сѣверо-восточныхъ (придунайскихъ) областей, въ такой именно одеждѣ (фиг. 158 *a. b.*; сравни фиг. 152 *a. b.*), которая своимъ согласіемъ съ только-что описанною нами выше при-

даетъ довольно вѣроятности предположенію, что изъ названныхъ тамъ принадлежностей по крайней мѣрѣ шубка и душегрѣйка, а равно и складчатый

Фиг. 158.

плащеобразный платъ, илугъ уже изъ очень ранней эпохи, и что развѣ только преобразование глухого сзади сарафана въ разстегай со множествомъ пуговокъ вдоль разрѣза относится къ позднѣйшему періоду, можетъ-быть ко времени утвержденія монгольскаго ига, подъ вліяніемъ котораго оно, пожалуй, и распространилось. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что и ос-

новная форма народно русской женской одежды также идетъ изъ глубокой древности.

Б. Древнѣйшее сколько-нибудь подробное изображеніе нравовъ, обычаевъ и одежды Руссовъ, писанное очевидцемъ, Арабомъ Ибнъ-Фодланомъ, во время посольства его къ волжскимъ Булгарамъ около 922-го года, ¹ представляетъ во многомъ довольно существенное дополненіе къ сказанному выше. Но на бѣду объ одеждѣ въ тѣсномъ смыслѣ, о ея покроѣ и составѣ именно у простоародія, оно даетъ лишь весьма скудныя и неудовлетворительныя извѣстія. Полнѣе говорить оно, напротивъ, относительно во оруженія, женскаго убранства и одежды высшихъ сословій. „Руссы—говоритъ разсказчикъ сначала о народной одеждѣ вообще — не носятъ ни персидской курты, ни персидскаго (персидско-арабскаго) кафтана ²; каждый мужчина накидываетъ у нихъ на плечи родъ сермяжнаго плаща, такъ что одна рука остается при этомъ свободною. У всякаго непременно есть топоръ, (короткій) ножъ и мечъ. Мечи ихъ о широкихъ клинкахъ, исполосованныхъ струйками (дамаскированныхъ), европейской или (точнѣе) фряжской работы. На одной сторонѣ, начиная отъ конца острія и вплоть до „шейки“ или рукояти, изображены деревья, разныя фигуры и т. п.“

„Женщины носятъ на груди маленькую лядунку изъ желѣза, мѣди, серебра или золота, смотря по достатку мужа. У лядунки есть кольцо, къ которому на груди же привѣшенъ ножицъ. Шею убираютъ золотыми и серебряными цѣпочками. Если напримѣръ мужъ наживетъ десять тысячъ диргемовъ (арабскихъ серебряныхъ монетъ), то даритъ женѣ одну цѣпочку, если двадцать тысячъ, то двѣ; на каждые десять тысячъ жена получаетъ по одной новой цѣпочкѣ сверхъ прежняго; вотъ почему на шеѣ русской женщины иногда видишь по многу такихъ цѣпей. Но главнымъ ихъ украшеніемъ считаются зеленыя стеклянныя бусы, вродѣ корабельныхъ. ³ Руссы цѣнятъ ихъ по этому очень высоко, такъ что платятъ по диргему за каждую бусину и низуть изъ нихъ ожерелья своимъ женамъ“. — Сверхъ-того, какъ видно изъ того же извѣстія, ⁴ молодыя женщины любили носить запястья и пѣножи.

Объ одеждѣ высшихъ сословій, впрочемъ исключительно лишь мужской, упоминаетъ тотъ же опять разсказчикъ при подробномъ описаніи языческихъ обрядовъ по случаю похоронъ одного старшины, но ограничивается однимъ перечисленіемъ того, во чтѣ было одѣто мертвое тѣло. ⁵ На покойномъ были холщевые исподніе и потомъ верхніе порты, быть-можетъ вродѣ тѣхъ суконныхъ шароваръ, какія носятъ еще и нынѣ люди татарскаго племени, кожаные сапоги, (персидскій) куртакъ или короткая поддевка, парчевой кафтанъ съ золотыми застежками и такая же златотканая шапка съ собольей опуш-

¹ Ibn-Fozlan у Френа, стр. 5 и слѣд. съ относящимися сюда примѣчаніями; далѣе о Руссахъ въ 10-мъ вѣкѣ вообще см. Liudprand. Buch der Vergeltung. V. 15.—² Носили Руссы длинную одежду испони, какъ слѣдовало бы предположить по вышеприведенному разсказу Вебера, то, конечно, арабъ Ибнъ-Фодланъ, самъ носившій такое платье, не указалъ бы здѣсь нарочито на отсутствіе этой именно одежды. ³ — Френъ и Сильвестръ де-Саси того мнѣнія, что бусами, о которыхъ здѣсь говорится, убиралась корабельная корма, и что онѣ служили не столько украшеніемъ, сколько талисманомъ. Прии. перев. — ⁴ Ibn-Fozlan у Френа, стран. 17 съ примѣчаніями 152 и 153.—⁵ Тамъ же, стр. 114, примѣч. 127.

кою,—повидимому стало-быть одежда, подходящая въ главныхъ своихъ частяхъ къ обычному наряду зажиточнѣйшихъ племенъ поволжскаго Востока, то-есть именно Булгарь. Далѣе рассказчикъ сильно порицаетъ Русскихъ за ихъ крайнюю нечистоплотность, ¹ называя ихъ „самыми неопрятными изъ созданныхъ Богомъ людей“. А между тѣмъ уже и Геродотъ, говоря о Тавро-Скивахъ, и апостоль Андрей о Новгородцахъ, упоминаютъ о частомъ употребленіи ими паровыхъ бань. ²

Кромѣ выше приведеннаго разсказа, слѣдуетъ разсмотрѣть еще нѣсколько древностей, ³ которыя, хотя конечно и условнымъ образомъ, но все-таки могутъ послужить къ тому, чтобы дополнить намъ въ извѣстныхъ частяхъ общую картину стародавней одежды сѣверно русскаго населенія. Всѣ онѣ, за немногими лишь исключеніями, открыты при раскопкѣ языческихъ кладбищъ или могилъ, которыя, судя по существу найденныхъ въ нихъ остатковъ, можно съ приблизительной достовѣрностью отнести къ періоду отъ осьмого до двѣнадцатаго столѣтія. ⁴ Кладбища эти принадлежатъ большею частью балтійскому побережью, — Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи. Но подобныя же могилы съ совершенно сходными остатками встрѣчаются и южнѣе Лифляндіи, въ витебскомъ краѣ, начиная отъ лѣваго берега рѣки Евста и идя далѣе въ глубь страны, а также на востокъ по Волгѣ и Уралу вплоть до сибирскихъ границъ. Содержаніе могилъ состоитъ вездѣ частью изъ бронзовыхъ (рѣже серебряныхъ или тѣмъ паче золотыхъ) украшеній, изъ желѣзнаго оружія и разныхъ орудій, съ серебряною иногда насаѣчкой, изъ глиняныхъ слегка обожженныхъ широкобокихъ гончарнаго дѣла урнъ и изъ попадающихся мѣстами слѣдовъ темной шерстяной ткани съ нашитыми на ней бронзовыми трубочками или съ вплетенною въ нее бронзовою проволокой. Все это у многихъ оставовъ найдено еще на первоначальныхъ своихъ мѣстахъ, такъ что относительно стародавняго употребленія каждой вещи не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній (сравни фиг. 159 *a. b. c.*)

Какъ на важнѣйшіе изъ этихъ остатковъ слѣдуетъ въ особенности указать на: ⁵

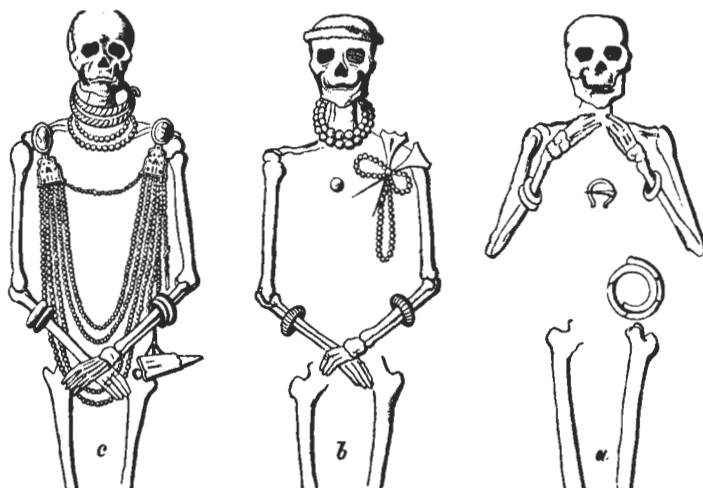
1. Головныя покрывки и повязки. Первые состоятъ изъ бронзовыхъ колець въ величину перстня или изъ мелкихъ бронзовыхъ спиралей, нанизанныхъ на пеньковую кудель или на мочалу и связанныхъ въ нѣсколько лежащихъ другъ на другѣ оборотовъ наподобіе шапки, заканчивающейся вверху бубенчикомъ (фиг. 160 *a. b.*).

Головныя повязки устраиваются почти такъ же, только въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ, иногда подѣленныхъ между собою пластинкой или бляхой (фиг. 160 *c. d.*).

¹ Jbn — Foszlan у Френа, стран. 13. — ² L. Georgi. Alte Geographie. II. стр. 335. — ³ См. приведенныя уже нами сочиненія: F. Kruse. Russische Alterthümer, и его же Necrolivonica; J. K. Bähr. Die Gräber der Liven; Mémoires de la société des antiquaires du Nord; Antiquarisk Tidskrift, и т. д. — ⁴ Сравни между прочимъ и F. Lisch. Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde (zu F. Kruse's: Necrolivonica) IX, стр. 323. — ⁵ Тутъ я исключительно держусь сочиненія I. K. Bera: Die Gräber der Liven.

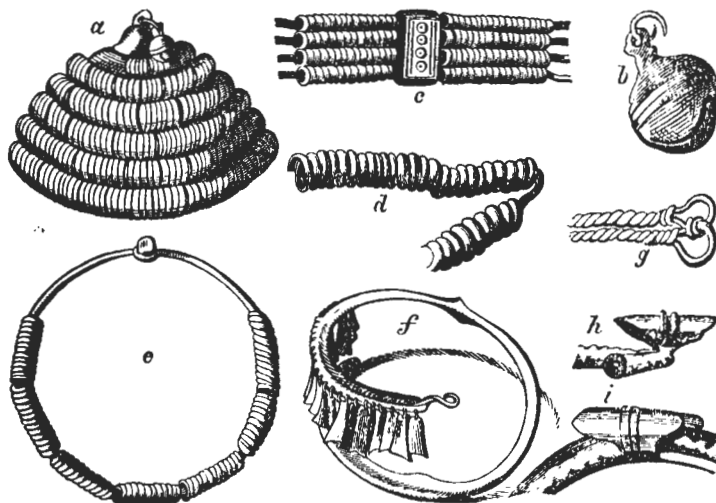
2. Шейныя кольца, гривны, грудныя подвѣси и грудныя цѣпи
Шейныя кольца имѣютъ обыкновенно форму веревко-образно извитаго обру-

Фиг. 159.

ча и бываютъ одиночныя и двойныя, или просто походятъ на спираль. Въ обо-
ихъ случаяхъ къ нимъ нерѣдко привѣшиваются бубенчики и побрякушки
(фиг. 160 *e. f. g. h. i*). — Гривны состоятъ по большей части изъ тѣсно

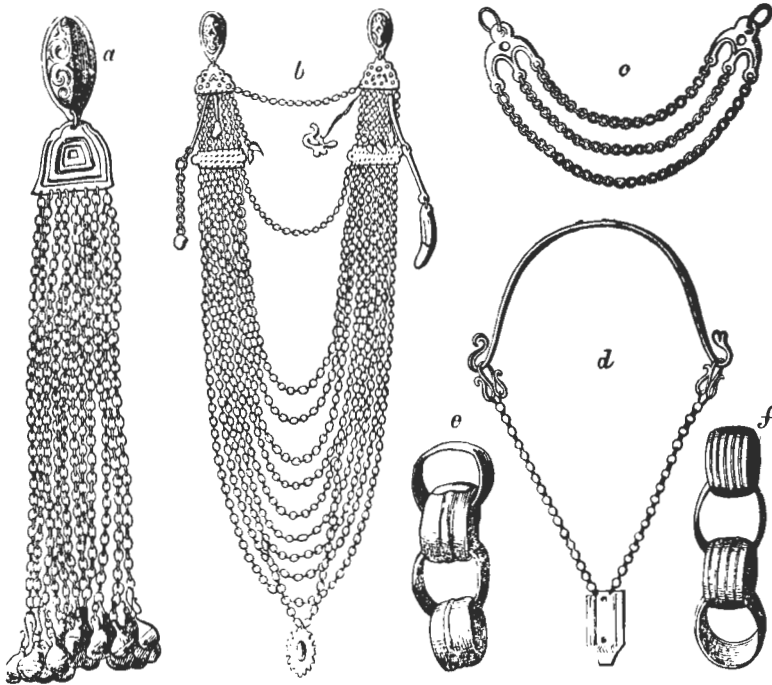
Фиг. 160.

снизанныхъ серебряныхъ (арабскихъ) монетъ или изъ охватывающаго толь-
ко загнутокъ половиннаго обруча съ прикрепленными къ нему цѣпочками
(фиг. 161 *d.*); или это наконецъ довольно длинныя цѣпи изъ согнутыхъ въ
кольцо широкихъ бронзовыхъ пластинокъ (фиг. 161 *e. f.*). —

Схожія съ ними грудныя подвѣси отличаются только тѣмъ, что носились не на шеѣ, а прикрѣплялись двумя застежками къ плечамъ, и сверхъ-того украшались еще множествомъ мелкихъ побрякушекъ (фиг. 161 *b. c.*; сравни

Фиг. 161.

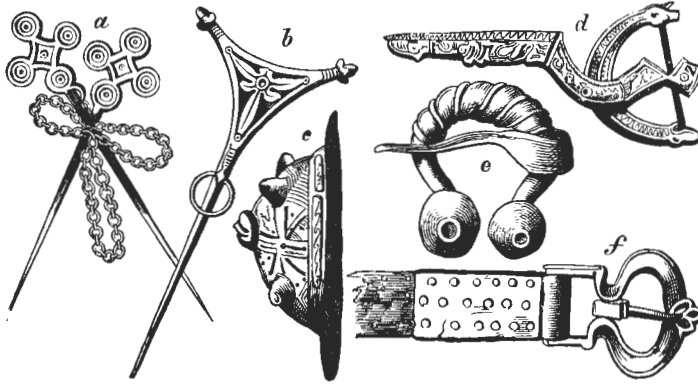
фиг. 159 *c.*) — Какъ на разновидность этого украшения должно указать на цѣлыя связки цѣпочекъ, многообразной отдѣлки и орнаментаціи. Доселѣ ихъ находили впрочемъ только близъ Ашерадена, и онѣ вѣроятно подвѣшивались для прикрасы къ плечевой застежкѣ у плаща (фиг. 161 *a.*).

3. Привѣски и амулеты. Сюда относится множество мелкихъ, по большей части бронзовыхъ вещицъ, — колокольчиковъ, бубенчиковъ, звѣздъ, колесъ, крестовъ, фигуръ животныхъ и т. д., назначенныхъ для прикрѣпленія къ вышеупомянутымъ груднымъ цѣпямъ, шейнымъ кольцамъ и т. п. Далѣе — разной величины бусы, зеленого или вообще цвѣтного стекла; изъ нихъ нѣкоторыя покрыты металломъ (бронзою, серебромъ, золотомъ), другія сдѣланы изъ глины (отчасти круглыя, отчасти кубической формы), изъ янтаря и изъ бронзы всею сплосью; наконецъ много бронзовыхъ пластинокъ съ прорѣзнымъ узоромъ и маленькими притомъ цѣпочками и подвѣсками: по всей вѣроятности это — серьги.

4. Грудныя запоны и наплечныя булавки. Запоны (бронзовыя и серебряныя) похожи иногда на полукругло-выдутыя пуговицы (фиг. 162 *c.*) иногда же онѣ плоски или рейковой формы и смотря по особому своему виду украшены то выщуклымъ орнаментомъ, то какою-нибудь прорѣзью

(фиг. 162 *d*; сравни *e* и *c*). — Булавки находили всегда попарно, и притомъ связанными цѣпочкою, какъ бы образовавшею изъ себя бантъ. Онѣ отъ четырехъ до двѣнадцати дюймовъ длиною и заканчиваются по большой

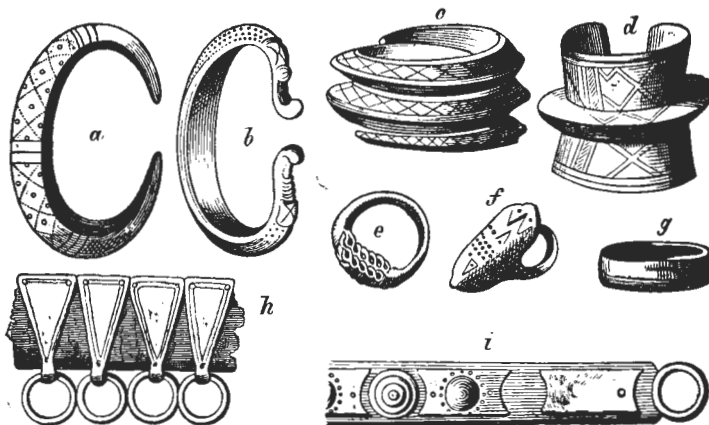
Фиг. 162.

части треугольнымъ или трехлопастнымъ плоскимъ наверхъемъ (фиг. 162 *a. b*). Запоны употреблялись для застежки на груди исподняго платья (сравни фиг. 159 *a*), а парныя булавки для скалыванія на плечѣ верхняго (сравни фиг. 159 *b*).

5. Запястья (или, вѣрнѣе обручки), Пѣножи и разные перстни. Оба первые рода украшеній, за немногими лишь изъятіями, почти одинаковаго вида, по большой части дутыя, гладкія или спиральныя, съ вытисненною или накладною отдѣлкой, и притомъ отчасти полныя, отчасти совѣмъ замкнутыя (фиг. 163 *a. b. c*). Къ исключеніямъ принадлежитъ своеобразнаго

Фиг. 163.

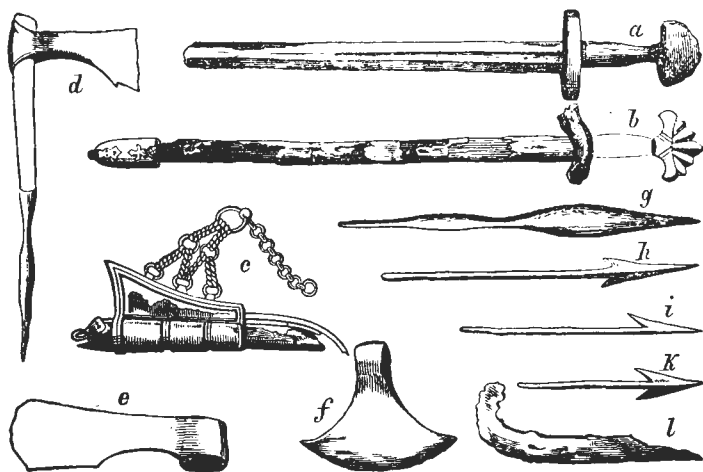
вида пѣножь, найденная при одномъ мужскомъ оставѣ (фиг. 163 *d*). Какъ видно по скелетамъ носили обыкновенно по нѣскольку такихъ колець на ру-

кахъ и на ногахъ (фиг. 159 *a. b. c*). — Перстни также бываютъ отчасти въ гладкомъ, отчасти въ спиральномъ видѣ, при чемъ первые накрываются иногда маленькою изукрашеною бляшкою (фиг. 163 *e. f. g*).

6. Пояса, набедряныя кольца и разнаго вида поясныя застѣжки или пряжки. Найдено много остатковъ кожаныхъ поясовъ съ бронзовымъ наборомъ. Последній состоялъ то изъ круглыхъ, то изъ угловатыхъ бляхъ съ вышуклымъ отчасти чеканомъ (фиг. 163, *i*), заканчивающихся иногда мелкими кольцами, къ которымъ очевидно привѣшивались разныя обиходныя вещи (фиг. 163 *h*). Такъ на примѣръ на одномъ поясѣ нашли кинжалъ въ кожаныхъ ножнахъ, перевитыхъ бронзовою проволокою. — Лудпрандъ ¹ говоритъ, что видѣлъ въ Константинополѣ болгарскаго посла, опоясанаго „бронзовою цѣпью“, подъ которой вѣроятно должно разумѣть такого именно рода наборный поясъ. — Пряжки, отъ трехъ четвертей дюйма и до четырехъ дюймовъ величиной, часто отличались наряднымъ орнаментомъ, но вообще походили на употребительныя и нынѣ пряжки ременныхъ портупей и поясовъ (фиг. 162 *f*).

7. Оружіе и доспѣхи. Назовемъ здѣсь въ особенности: обломки желѣзныхъ мечей и сабель, съ бронзовою иногда головкою, съ однолезвийными или же обоюдоострыми клинками, отъ двухъ съ половиною до трехъ съ половиною футовъ (фиг. 164 *a. b*); потомъ желѣзные кинжалы на цѣпочныхъ портупейкахъ (фиг. 164 *c*; сравни фиг. 159 *c*), разнovidные топоры (фиг. 164 *d. e. f*), пожи (фиг. 164 *l*), желѣзные наконечники копѣй (фиг. 164 *g. h*) и стрѣль (фиг. 165 *i. k*), шпоры, стремяна, удила, гвозди, просверленныя ядра и мн. др., а также бронзовую оправу колчана съ остатками деревяннаго станка.

Фиг. 164.

8. Разныя обиходныя вещи: ножницы, подобныя употребительнымъ нынѣ для стрижки овецъ, желѣзныя шила, вѣсовыя чашки, гири, урны

¹ Gesandtschaftsbericht, гл. 19.

и очень большія кольца или обручи, по всей вѣроятности употреблявшіяся при языческомъ богослуженіи.

Смотря по тому, какіе изъ этихъ предметовъ находились при мужскихъ и какіе при женскихъ оставахъ, можно было заключить, что колпаковидныя шапки, бронзонаборные пояса, отрытыя близъ Ашерадена, длинныя грудныя цѣпи и привѣски, а такъ же и оружіе, исключительно принадлежатъ мужчинамъ; напротивъ того металлическія головныя повязки, серьги съ подвѣсками, широкія грудныя запоны и парныя наплечныя булавки преимущественно женщинамъ, тогда какъ всѣ остальные за тѣмъ украшенія общи обоимъ поламъ.

Какъ, съ одной стороны, несомнительно происхожденіе всѣхъ этихъ остатковъ изъ вышеуказанной позднѣйшей эпохи язычества, именно изъ періода отъ осьмого до двѣнадцатаго вѣка, такъ различны, съ другой, мнѣнія насчетъ того народа, которому они принадлежатъ. Нѣкоторые археологи прямо относили ихъ къ Варяго-Руссамъ и даже старались возстановить по нимъ въ рисунокѣ всю одежду послѣднихъ¹; другіе, съ большимъ основаніемъ, приурочили ихъ первобытному финскому и чудскому населенію. Какъ на главную опору такой догадки² справедливо указывали, съ одной стороны, на разность большинства этихъ древностей отъ найденныхъ въ Скандинавіи и западныхъ странахъ вообще остаткахъ того же времени, а съ другой — на сходство ихъ съ разными и донынѣ употребительными украшениями у нѣкоторыхъ чудскихъ народовъ: „Какъ, не смотря на ихъ различіе, у всѣхъ народовъ этихъ вообще распространено пристрастіе къ фантастическому убранству, со множествомъ побрякушекъ, цѣпей, амулетовъ и бусъ, такъ въ однѣхъ только русскихъ могилахъ (сравнительно со всѣми другими могильными древностями того же самаго періода) открыты длинныя металлическія грудныя подвѣсы съ прикрѣпленными къ нимъ амулетами и побрякушками, цѣпочныя вязи съ колокольчиками и бубенцами, большія парныя наплечныя булавки, увитыя бронзой шапки, саженыя бляхами шейныя кольца, привѣски самаго многообразнаго вида и т. д.³ Въ пользу этого же воззрѣнія указывали далѣе на особенное искусство въ кузнечной работѣ нѣкоторыхъ племенъ монгольскаго происхожденія, а также поставляли на видъ вопервыхъ то, что въ финскомъ языкѣ слова, обозначающія ткача (кангаръ) и кузнеца (зепъ), идутъ изъ самой глубокой древности, во вторыхъ то въ высшей степени вѣроятное соображеніе, что Чудъ на Алтаѣ и Уралѣ съ весьма раннихъ поръ занималась горнымъ промысломъ,⁴ да наконецъ еще и то, что

¹ См. въ особенности F. Kruse, *Necrolivonica* (и Nachtrag къ ней) Beilage C. *Anastasis oder Analyse der Kleidung, des Schmucks und der Bewaffnung der alten Nordmannen oder Waräger-Russen*; то же: *Anastasis der Waräger oder die heidnischen Einwohner von Liv-, Esth und Kurland*. Reval 1841; и на основаніи его: H. v. Minutoli, *Ueber einige im hohen Norden unseres europäischen Festlandes aufgefundene griechische, römische und morgenländische Kunst-Produkte* (aus *Lüddes Zeitschrift für vergleichende Erdkunde* I. Heft 5. bes. abgedruckt) nebst einer lithograph. Beilage, стр. 21 и сл.—² K. Bähr, *Gräber der Liven etc.* стр. 25 и сл.—³ На это же, согласно съ К. Беромъ (стр. 26), указываетъ и самъ Ф. Крузе въ *Mémoires de la société royale des Antiquaires du Nord*, Copenh. 1836 до 1839, стр. 354 и сл.—⁴ Сравни объ этомъ К. Бера въ приведенномъ соч., стр. 40 и сл., съ Ф. Лихемъ въ *Jahrbücher des Vereins für mecklenburg. Geschichte und Alterthumskunde*, IX, стр. 352 и сл.

западные племена съ незапамятныхъ временъ приобрѣтали главные металлы, каковы желѣзо (булатъ), мѣдь (латунь), серебро и золото мѣною отъ Скандинавовъ, а также знали и обрабатывали весьма издавна олово и цинкъ. Последнiя эти обстоятельство въ особенности приводили къ тому заключенiю, что наибольшая часть открытыхъ могильныхъ древностей была изготовлена самимъ же первобытно-чудскимъ народомъ. Принимая при томъ въ расчетъ вышеприведенное описанiе Араба Ибнъ-Фодзлана, мы во всякомъ случаѣ имѣемъ право допустить, что эта, какъ предполагаютъ, древне-чудская одежда по крайней мѣрѣ отчасти перешла на норманно-славянское или русское населенiе и другихъ ближайшихъ къ сѣверу странъ.

На ряду съ этою одеждою, состоявшею стало-быть изъ всѣхъ вышеописанныхъ принадлежностей, когда завязались потомъ ближайшiя сношенiя съ византийскою имперiей, — вѣроятно уже при Рюрикѣ и Олегѣ, — у высихъ по крайней мѣрѣ сословiй конечно начала входить въ обычаи еще и греческая. На первыхъ порахъ это могло идти только постепенно и врозницу. Но прежде чѣмъ такому преобразованiю совершиться вполне, оно довольно долгое время касалось только выбора тканий или матерiй. Вѣдь самостоятельно-русское производство въ этомъ родѣ, не говоря объ исконной споровкѣ въ выдѣлкѣ кожи и мѣховъ, ограничивалось (такъ же какъ ограничивается еще и нынѣ) изготовленiемъ сурьмаги, грубаго холста и пестреди ¹. За исключенiемъ дорогихъ мѣховъ, которыми Руссы преимущественно торговали, ² почти всѣ другiя принадлежности роскошной одежды приходилось имъ добывать изъ чужихъ странъ. Естественно, что по сближенiи ихъ съ Греками, особенно со временъ Олега и Игоря, богатая Византия сдѣлалась для нихъ главнымъ источникомъ по этимъ именно статьямъ. Съ тѣхъ поръ всѣ доставляемые греческою промышленностью и торговлею товары развозили они по всѣмъ, даже отдаленнѣйшимъ, мѣстамъ сбыта неизмѣримой Руси, завели въ Византию собственную свою факторiю, да тамъ же притомъ водворилась и на жительство цѣлая толпа русскихъ купцовъ. ³ Къ числу важнѣйшихъ вывозныхъ товаровъ принадлежали багряницы, червленъ, шелковыя ткани, пояса, бусы и жемчугъ, золотыя нарядныя вещицы, парчи и т. п. ⁴ Однакожь заключеннымъ между обоими народами торговымъ договоромъ было постановлено ⁵, „что Руссы не должны покупать ни какихъ тканей или одеждъ, свыше пятидесяти золотниковъ цѣною, и что всѣ сторгованные ими товары обязаны они предъявлять греческому чиновнику, который, (въ случаѣ правильности покупки) по наложенiи клеймъ, возвратитъ ихъ кому слѣдуетъ.“

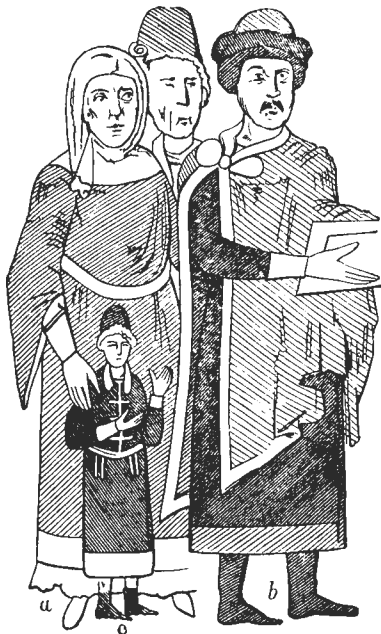
Вѣроятно, только въ княженiе Владимира, и именно велѣдствiе брака его съ греческою царевной Анной, наравнѣ съ другими византийскими вѣшно-

¹ Н. Storch. Historisch-statistisches Gemälde III, стр. 40 и 50. — ² Въ древнѣйшiя времена повидимому особенно цѣнились бѣлочки шкурки: рассказываютъ по крайней мѣрѣ, что Хозары въ видѣ дани съ подвластныхъ имъ Славянъ брали съ каждаго двора по таковой шкуркѣ: J. Schafarik. Slavische Alterthumskund. II, стр. 63. Всего больше вывозились мѣха рѣчной выдры, соболя и горноста: Н. Storch Hist. statist. Gem. IV, стр. 82 и сл. Уже съ давнихъ поръ извѣстнѣйшiе югорскiе мѣховые рынки находились на нижней Оби: K. Bähr. Gräber der-Liven, стр. 36.—³ Н. Storch. Hist. Statist. Gemälde, IV, стран. 82 до 88.—⁴ Тамъ же, и слѣхъ-того сравни еще статьи, указанныя подъ Византией въ первомъ отдѣлѣ нашей книги.—⁵ См. выше, стр. 23 прим. 3.

стями, ¹ принята была вполнѣ и византійская одежда, сначала при дворѣ самого Владиміра, а вскорѣ потомъ и между знатью вообще.

Наглядный этому образчикъ даетъ намъ, правда, нѣсколько позднѣйшее

Фиг. 165.

Фиг. 166.

живописное изображеніе на пергаментѣ 1073 года, которое, не смотря на сильныя поврежденія, все таки на столько сохранилось, что мы можемъ довольно ясно распознать цвѣта одежду ² (фиг. 165 а. в. с). Оно представляетъ, въ грубой конечно обдѣлкѣ, нѣсколько мужчинъ, одну женщину и одного ребенка; и за исключеніемъ послѣдняго, на которомъ преобладаетъ еще древне-русская одежда, а также еще и русскихъ шапокъ у мужчинъ, мы видимъ здѣсь во всемъ остальномъ нарядѣ, употребительной въ то время у византійской знати ³ того и другого пола (сравни фиг. 166). Все уцѣлѣвшее въ другихъ дошедшихъ до насъ этого рода образчикахъ ранней эпохи, къ которымъ должно между прочимъ отнести одну болгарскую лицевую рукопись, идущую, какъ полагаютъ, отъ 13-го или 14-го вѣка, ⁴ обнаруживаетъ какъ въ способѣ обдѣлки, такъ и въ отношеніи къ формѣ одеждъ, столь рѣшительно византійскій отпечатокъ, что не лзя не принять этихъ произведеній за дѣло рукъ греческихъ художниковъ. Притомъ, такъ какъ греко-русское искусство, (при изображеніи въ особенности священныхъ предметовъ) соблюдаетъ, сходно съ чисто-византійскимъ, почти и до настоящаго времени все разъ установившіяся по преданію формы въ неизмѣнномъ можно-сказать видѣ, ⁵ то все относящееся сюда изобразительные остатки не предста-

¹ Сравни Dombrowski въ Ermans Archiv für die wissenschaftliche Kunde Russlands, I, стр. 356 и сл.—² Вотъ они какіе: у мужчинъ: Шапка свѣтло-синяя съ темнымъ мѣховымъ околышемъ. Исподникъ зеленый съ красной каймою. Плащъ свѣтлосиній, окаймленный желтымъ, и съ золотою застежкой на плечѣ. Перчатки желтыя. Чулки зеленые; у женщины: Головной платокъ бѣлый. Платье красное. Поясъ золотой. Перчатки желтыя; у дитяти: Шапка свѣтло-синяя съ темнымъ мѣхомъ. Платье коричне-вое съ желтой оторочкою. Поясъ желтый. Башмаки красные.—³ См. I-й Отдѣлъ: Византия.—⁴ S. D'Agincourt I. таб. LXI.—⁵ См. между прочимъ Du Sommerard. L'art du moyen âge . I. Série 2 Pl. XXXVI. Русская живопись 17-го вѣка.

вляють противъ самихъ чисто-греческихъ памятниковъ ни какихъ существенно-наглядныхъ чертъ, которыя указывали бы на постепенное развитіе русской одежды. Тѣ же почти легкія измѣненія, какія мы видимъ иногда у Грековъ, встрѣчаются намъ весьма изрѣдка и съ примѣсю малыхъ лишь развѣ особенностей и въ старинно-русскихъ работахъ, отчего какъ тѣ такъ и другія не даютъ себя навѣрно приурочить ни къ какому въ-точности времени. Вотъ почему и въ предлежащемъ случаѣ мы должны ограничиться чуть не чистыми только догадками; тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ подобныхъ работъ, принадлежащихъ, правда, уже сплошь гораздо позднѣйшей эпохѣ, должно кажется предпочтительно обратить вниманіе на двѣ раскрашенныя фигуры, ¹ которыя по соотношенію одеждъ своихъ съ настоящими византійскими могутъ дать намъ нѣкоторое понятіе о дальнѣйшемъ преобразованіи греко-русскаго костюма въ цѣломъ и хотя бы только примѣрно изобразить церемоніальное одѣваніе русскихъ великихъ княгинь и знатныхъ особъ вообще (фиг. 167 а. b. c; фиг. 168; сравни фиг. 166).

Фиг. 167.

Фиг. 168.

Б. Занятый у Византійцевъ родъ и видъ наряда не подвергся, надо полагать, вплоть до монгольскаго владычества ни какимъ существеннымъ переѣнамъ. Къ сожалѣнію, вопросъ о томъ, на сколько оный постепенно измѣнялся подъ влияніемъ этого владычества (то-есть съ 1250-го года по зна-

¹ Фиг. 167: Корона золотая, Головной платокъ бѣлый. Платье зеленое съ золотымъ орнаментомъ. Мантия красная съ золотой каймою и драгоценными камнями. Башмаки красные. Фиг. 168: Шапка коричневая. Неподникъ темная празелень съ золотымъ кантомъ. Мантия красная съ золотой каймою. Башмаки красные.

чительную часть 15-го вѣка включительно), долженъ остаться нерѣшеннымъ по причинѣ выше объясненной косности русскаго искусства особенно въ украшеніи лицевыхъ рукописей. Кромѣ того, и эти рукописи, насколько намъ извѣстно, также идутъ отчасти изъ позднѣйшихъ уже эпохъ, и представляютъ намъ тотъ же опять чисто-византійскій, типическій способъ обдѣлки; такъ что и при воспроизведеніи всѣхъ костюмныхъ подробностей въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ, когда дѣло идетъ объ изображеніи торжественныхъ придворныхъ событій, типическій этотъ пріемъ нѣсколько отступаетъ передъ умысломъ точнѣе передать дѣйствительность. Итакъ только на подобнаго рода исключительные примѣры, да и изъ нихъ развѣ лишь на тѣ изображенія, которыя принадлежатъ новѣйшей сравнительно порѣ, можемъ мы опереться для нашей цѣли, имѣя поводъ предполагать, что въ нихъ преобладаетъ извѣстная безотчетно унаслѣдованная наглядка къ тому именно формоизводу, какой первоначально вышелъ отъ Монголовъ; но изъ всего этого всущности слѣдуетъ только одно, что многія сохранившіяся у Русскихъ „національныя“ особенности одежды высшихъ сословій по преимуществу монгольскаго происхожденія. Это въ особенности относится къ церемональному костюму самихъ царей, къ пышному коронаціонному облаченію или орнату и къ одеждѣ зажиточныхъ сословій въ большихъ торговыхъ городахъ южныхъ и восточныхъ губерній, — особенно къ одеждѣ богатыхъ купцовъ.

1. а. Если взглянемъ во первыхъ на царскій орнатъ, не теряя приэтомъ изъ виду того отношенія, въ какомъ болѣе или менѣе древнія изображенія стоятъ къ позднѣйшей его наличности, мы невольно должны будемъ распознать въ немъ двоякій характеръ или пошибъ. Первый — но дѣйствительно ли онъ ранній? мы не знаемъ — сохраняетъ еще во многихъ подробностяхъ нѣкоторое сходство съ одеждою греческихъ императоровъ; другой — вѣроятно уже позднѣйшій — носить на себѣ явный отпечатокъ того напыщеннаго великолѣпія, какое вообще свойственно Монголамъ и Татарамъ. Тотъ первый родъ одежды, который можно считать за переходный ко второму отъ первоначально-занятаго у Византійцевъ образца, состоитъ (на подобіе послѣднему) изъ длиннаго исподника (становаго кафтана) съ рукавами пошире или поуже, изъ длинной богатоокаймленной, распахнутой спереди наплечной мантии (платна) съ широкимъ висячимъ воротникомъ (бармами, оплечіемъ или ожерельемъ) и изъ красныхъ узорчатыхъ, съ бѣлвязами, башмаковъ (фиг. 169 b; сравни фиг. 166). Второго рода нарядъ состоитъ, напротивъ, изъ исподника съ узкими всегда рукавами, изъ длинной, похожей на кафтанъ верхней одежды (оцашня) съ широкими полурукавами и съ разрѣзомъ напередѣ, обсаженнымъ двойными рядами пуговицъ, изъ подобнаго же вышеописанному оплечія и изъ богато раззолоченныхъ полусапожекъ (фиг. 169 а). Въ первомъ изъ упомянутыхъ орнатовъ основнóй цвѣтъ или поле одежды, какъ бы впрочемъ ни была она изукрашена золотымъ шитьемъ и позументами, — всегда красный съ свѣтлосинимъ отливомъ; ¹ а въ послѣднемъ она вся сплошь изъ золотой парчи. Одинаково присвоенное и тому и другому орнату

¹ Слѣдовательно это по всей вѣроятности подражаніе византійской царской баграницѣ.

оплечіе всегда богато унизано самоцвѣтными камнями и множествомъ разныхъ золотыхъ прикракъ, и такъ-какъ оно соотвѣтствуетъ тѣмъ узорчатымъ

Фиг. 169.

палатинамъ или бармамъ, какими въ позднѣйшую эпоху украшались греческія императрицы ¹, то оно конечно византійскаго происхожденія.—Нѣтъ, далѣе, ни какого сомнѣнія въ томъ, что къ обоимъ тѣмъ орнатамъ равно принадлежали скипетръ, корона и держава. Но едва ли можно сказать что-нибудь болѣе определенное насчетъ того, когда именно эти знаки достоинства вошли въ употребленіе и какимъ видоизмѣненіямъ подвергалась ихъ форма въ-теченіе той продолжительной эпохи, о которой идетъ здѣсь рѣчь, ²

¹ См. въ 1-мъ Отдѣлѣ этой книги фиг. 47 а. б. — ² Сравни Ch. Meiners. Vergleichung des älteren und neueren Russlands II, стр. 83 и сл. — По словамъ Герберштейна «бармы», принадлежащія къ коронаціонному орнату, не что иное какъ широкая цѣпь или точнѣе тесьма шелковой ткани, искусно шитая золотомъ и унизанная дорогими камнями. Утверждаютъ, что Владимиръ отнялъ это украшеніе у одного Генуэзца, именованнаго Кафы, или изъ Кафы по мѣсту жительства. Великокняжескій клобукъ зовется у Русскихъ «шапкою». Объ немъ также говорятъ, будто бы онъ сдѣланъ изъ листового или изъ волоченаго золота и драгоцѣнныхъ камней по заказу Владимира Мономаха, который и уподобилъ его въ дѣло первый, прежде всѣхъ. Ch. Meiners въ привед. сочин., стр. 89 и далѣе стр. 98: «А дабы царское величество объявилось и внѣшними каковыми-нибудь знаками, то Иванъ Васильевичъ надѣвалъ при извѣстныхъ случаяхъ императорскую мантию и корону и бралъ въ руки императорскій скипетръ, на мѣсто жезла

извѣстно только, что усвоеніе русскому государственному гербу двуглаваго (византійскаго) орла, а слѣдовательно и обычай украшать имъ помянутые

Фиг. 170.

знаки, ведутъ свое начало съ 1473-го года, когда они были приняты Иваномъ III-мъ, впервые назвавшимъ себя также и „Самодержцемъ вся Руси“.

б. Облachenіе царицъ, особенно въ отношеніи къ покрою одежды, повидимому такъ близко примыкало изстари къ орнату царей, что вѣроятно всущности отличалось отъ послѣдняго развѣ только наружною отдѣлкой и какими-нибудь весьма немногими подробностями (фиг. 170; сравни фиг. 169 а). Что касается отдѣлки, то главное богатство орнаментации золотомъ и дорогими камнями сосредоточивалось, повидимому, на воротникѣ, тогда какъ напротивъ опашень состоялъ не изъ тяжелой и жесткой золотой парчи, какъ царскій, а по большей части изъ одноцвѣтной шелковой ткани пурпуроваго цвѣта, съ узорочьемъ только по краямъ. Дальнѣйшимъ же отличіемъ для царицъ служила, надо полагать, особеннаго вида корона, съ поддѣваемымъ поднизъ (бѣлымъ) вродѣ покрывала или убруса надголовникомъ, отвѣчавшимъ вѣроятно древнегреческой теристрѣ ¹.

2. а. Что касается до одежды знати и придворныхъ то она несомнѣнно была болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ одеждѣ самой царской четы. А потому и въ ней — конечно на первыхъ порахъ въ мужской — должно было произойти главнымъ образомъ то измѣненіе, что мѣсто древняго греко-римскаго исподника (глухаго, сорочкообразнаго хитона или туника) постепенно заступилъ распахнутый спереди монгольскій или татарскій зипунъ, а мѣсто прежняго накиднаго плаща (chlamys, sagum, paludamentum) — также разрѣзной спереди и узкорукавый восточный кафтанъ. — Но и здѣсь опять не лзядать ни какого рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, когда и при какихъ условіяхъ совершилась эта перемѣна, и какія предшествовали ей промежуточные помѣси прежде чѣмъ она успѣла установиться окончательно и вполне; можно только случайно указать на тотъ или другой сомнительный примѣръ, взятый все изъ тѣхъ же опять позднѣйшихъ изображеній. Тутъ въ особенности заслуживаютъ вниманія нѣсколько древнорѣзныхъ (мужскихъ) фигуръ со слѣдами давней на нихъ росписи (фиг. 171 а. б. с.). Такъ, представительницею начала вышеозначенной переходной эпохи можно

или «посоха», какими довольствовались его предки и какой носилъ онъ обыкновенно и самъ». Последнее кажется одною только догадкой не имѣющей ни какого историческаго основанія. — ¹ См. въ дополненіяхъ въ 1-му Отдѣлу этой книги.

принять одну изъ этихъ фигуръ, одѣтую чуть ли не на старовизантийскій еще ладъ въ нѣсколько глухихъ исподнихъ платьевъ съ накинутымъ поверхъ

Фиг. 171.

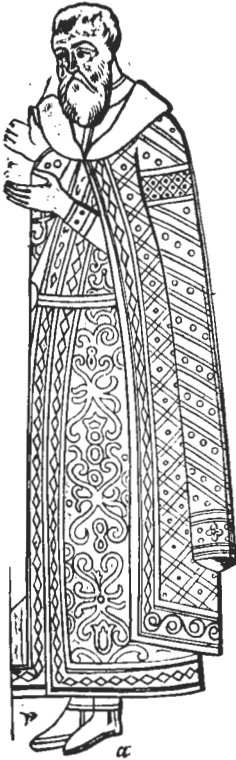
широкимъ плащемъ (фиг. 171 а); представительницею позднѣйшей за тѣмъ поры можетъ служить другая фигура, на которой одинъ изъ исподниковъ разрѣзанъ спереди по татарскому образцу и перетянутъ широкою поясомъ (фиг. 171 б); наконецъ третья, при полномъ согласіи своей одежды съ достовѣрными изображеніями новѣйшаго (монголо-)русскаго костюма (фиг. 171 с; сравни фиг. 172), является представительницею окончательнаго завершенія той переходной эпохи. Потому что одѣяніе этой фигуры, помимо только приданной ему условной обдѣлки, едва ли чѣмъ разнится отъ нынѣшней „народной“ одежды всѣхъ болѣе зажиточныхъ русскихъ людей,¹ — одежды, главнымъ образомъ состоящей изъ первоначально-татарскаго зипуна на пуговицахъ и съ узкими рукавами, опоясаннаго шалью, и изъ долгополаго азіатскаго кафтана поверхъ его; кафтанъ этотъ шился прежде обыкновенно изъ добротной матеріи и опушался какимъ нибудь дорогимъ мѣхомъ (фиг. 173).

б. Съ этимъ сходствуетъ, вѣроятно тоже съ древнѣйшихъ уже временъ, такъ называемая „народная“ одежда знатныхъ женщинъ, съ тою лишь разницею, что у нихъ исподнее платье по большей части еще длиннѣе, и что вмѣсто кафтана поверхъ платья накинутъ разрѣзной спереди, длинный плащъ безъ рукавовъ (фиг. 174). При этомъ, изъ различныхъ обычныхъ между ними головныхъ покрывашекъ онѣ предпочитаютъ носить либо богато украшен-

¹ Сравни кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій о костюмѣ, въ особенности еще рисунки въ Cornelis de Bruin Reizen over Moskowien door Persie en Indie; verrykt met driehondert Kunstplaten etc. t'a Amsteldam 1714, fol.

ный наголовокъ, либо (преимущественно въ зимнее время) мѣховую шапку; мужчины между тѣмъ, вообще носятъ или кругловатую, или четырехуголь-

Фиг. 172.

Фиг. 173.

ную, высокую суконную шапку опушенную мѣхомъ, или же наконецъ колпакъ, нерѣдко съ подстеганнымъ толстымъ подбоемъ, какіе употреблялись скивами еще въ древнѣйшія времена (фиг. 175; ср. фиг. 154 а, фиг. 155 а. б). Такого рода колпакъ и въ настоящее время составляетъ принадлежность военной одежды въ нѣкоторыхъ частяхъ русскихъ ирегулярныхъ войскъ (см. далѣ).

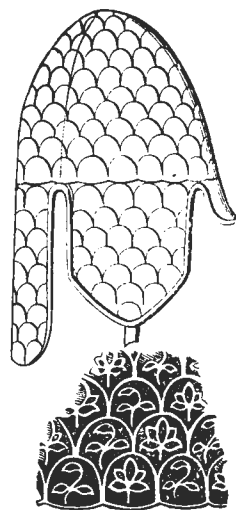
II. О развитіи вооруженія и о формахъ оружія вплоть до начала одиннадцатаго столѣтія, представляютъ намъ достовѣрныя свидѣтельства приведенныя уже выше балтійскія могильныя древности, (стр. 31) и описаніе путешествія Ибнъ-Фозлана. Упомянутыя древности какъ и это описаніе, какъ будто другъ къ другу служатъ дополненіемъ. Такъ, когда арабскій путешественникъ положительно говоритъ что каждый Русьъ вооруженъ, что онъ носить при себѣ—„мечъ, ножъ и топоръ“,—то это извѣстіе не только подтверждается раскопкою могилъ, но и самое вооруженіе предстаетъ въ дѣйствительности передъ нашими глазами. На такой общій обычай носить оружіе указываютъ впрочемъ съ одной стороны, особое постановленіе въ приводи-

момъ лѣтописцемъ Несторомъ руссо-греческомъ торговомъ договорѣ, ¹ по-
ловины десятаго столѣтія, и съ другой стороны одно предписаніе великаго

Фиг. 174.

Фиг. 175.

князя Ярослава въ изданной имъ въ 1039 г. „русской правдѣ“. ² Впрочемъ, изъ сообщенныхъ уже выше свѣдѣній относительно обработки металловъ у югорскихъ племенъ (стр. 36. 37), можно съ достовѣрностью заключить, что до распространенія торговыхъ сношеній съ Византією и восточными народами, именно этими племенами изготовляема была бѣльшая часть оружія которое употреблялось въ Россіи. Сказанное сейчасъ подтверждается еще тѣмъ, что въ древнѣйшихъ исландскихъ сагахъ восхваляется особенное искусство въ кузнечной работѣ финскаго племени, ³ и что, въ числѣ предметовъ торговли получаемыхъ норманнскими купцами отъ богатыхъ пермянъ по преимуществу упоминаются какъ цѣнный товаръ желѣзо и мечи ⁴.

¹ Относительно этого договора см. стр. 22 прим. 3. Въ немъ выговорено что русскіе, отправляясь въ Константинополь не должны имѣть при себѣ оружія, число ихъ не должно превосходить болѣе 50-ти человѣкъ за разъ, ихъ обязанъ сопровождать особоназначаемый отъ императора чиновникъ. Входить въ городъ и выходить они должны только въ извѣстныя ворота. — ² За ударъ нанесенный кулакомъ, палкою, рогомъ изъ котораго пьютъ, тупой стороною клинка платилось по 12 гривенъ пени; неодушевленные предметы напр. платье, оружіе (щиты, копья) и пр. тоже обложены были особою таксою. G. Ewers. Das älteste Recht der Russen и пр. стр. 264.—³ K. Bähr. Gräber der Liven. стр. 43 и сл. — ⁴ Егоже стр. 36. по G. Geyer. Geschichte Schwedens I. стр. 83 и 85; потомъ L. Schlözer. Nestor. Russische Annalen I. стр. 45.

1. Относительно дальнѣйшаго развитія оружія и вооруженія съ возрастаніемъ торговыхъ сношеній, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно совершалось въ тѣсной связи съ преобразованиемъ одежды. Какъ въ формѣ одежды такъ и въ способѣ вооруженія первоначально слѣдовали византійскимъ образцамъ, а потомъ, съ владычества монголовъ стали брать примѣръ съ послѣднихъ, съ тою лишь незначительною разницею, что при измѣненіи вооруженія въ немъ удержалось еще болѣе греческихъ своеобразностей чѣмъ при измѣненіи одежды, такъ что собственно къ прежнему вооруженію примѣшались

Фиг. 176.

теперь и приспособились лишь новыя (монгольскія) формы. — Наглядными примѣрами какъ перваго, такъ и позднѣйшаго переворота могутъ служить, отчасти нѣкоторые памятники 16-го и 17-го столѣтій, отчасти же различнаго рода хорошо сохранившіеся оружія носящихъ весьма вѣроятный отпечатокъ монголо-русскаго происхожденія ¹. Такъ, напр. по отношенію къ древнѣйшему способу вооруженія съ болѣе греческимъ еще характеромъ, укажемъ нѣсколько изображеній всадниковъ (фиг. 176. а. в. с); потомъ, какъ образчики позднѣйшей, монголо-русской формы вооруженія, разныя оружія 15-го столѣтія ² (фиг. 177; ср. фиг. 154 а).

2. Основываясь на изложенныхъ нами сейчасъ отношеніяхъ, все что можно бы было еще сказать о внѣшней формѣ оружія въ отдѣльности, по

¹ Относительно подробностей см. въ особ. Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes et orientales de S. M. l'Empereur de toutes les Russies. St. Petersburg et Carlsruhe 1841; и роскошные хромолитогр. рисунки въ III томѣ «Древностей россійской имперіи»; потомъ относительно формъ вооруженія русское сочиненіе.... Объ одеждѣ и вооруженіи древняго русскаго войска. С-Петербургъ. 1841; ср. также Ch. Meiners. Vergleichung des älteren und neueren Russlands II. стр. 74 и сл. — ² Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes et orientales etc. Табл. CXXXII.

отношенію къ древнѣйшему періоду выяснится тѣмъ что сказано было объ оружіи византійцевъ и персовъ, а относительно монгольскаго времени сообщенными тоже въ предъидущемъ свѣдѣніи

Фиг. 177.

ми объ оружіи арабовъ и народовъ востока, такъ какъ вообще сохранившееся донинѣ позднѣйшее средневѣковое русское оружіе по большей части схоже съ оружіемъ употребляемымъ и теперь еще на востокѣ ¹.

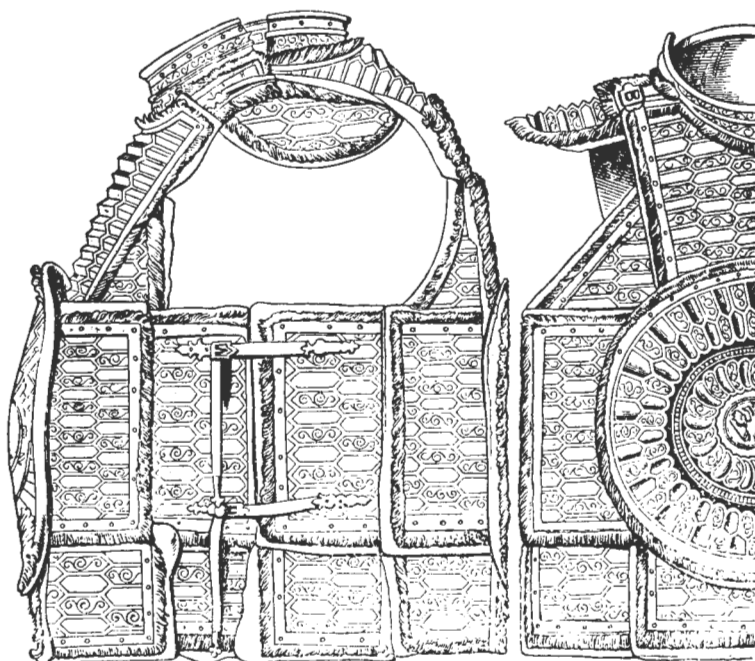
Къ вышесказанному можно прибавить развѣ еще то, что изъ существующаго оружія нѣкоторые отдѣльные виды какъ по формѣ, такъ и по исключительнымъ внѣшнимъ своеобразностямъ явно обличаютъ монгольское происхожденіе.

а. Изъ оружія служившаго для обороны сюда слѣдуетъ отнести особаго рода нагрудники и различной формы шлемы:—нагрудникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей четырехугольной формы, составляющихъ самый нагрудникъ, спинку, боковыя части, и составного тоже изъ нѣсколькихъ частей ворота съ прикрѣпленными къ нему ошелчниками (фиг. 178; ср. фиг. 177). Всѣ упомянутыя части кожаныя или изъ чрезвычайно плотнаго войлока, и густо обложены либо большими стальными бляхами, либо множествомъ мелкихъ бляшекъ изъ того же металла, отчасти спаянными между собою, отчасти же

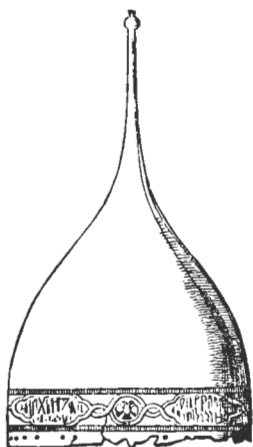
раскрываемыми (какъ напр. на подрукавныхъ частяхъ), и снабженными пряжками и ремнями. На нѣкоторыхъ изъ этихъ бронь плитки одинаково продолговаты, на другихъ косою четырехугольной формы, или осмиугольной продолговатой; иногда плитки эти плоски, иногда выпуклы, а на дорогихъ броняхъ выложены золотыми украшеніями. Сверхъ того, дабы придать бронѣ еще больше крѣпости, передняя и задняя части ея покрывались круглымъ щитомъ, соотвѣтствовавшимъ по украшеніямъ убранству плитокъ. Общій видъ такой брони, несмотря на роскошную облѣлку, совершеннымъ отсутствіемъ формъ и негибкостью своею производитъ впечатлѣніе грубое и тяжеловатое.—Къ названнымъ особаго рода головнымъ покрывкамъ принадлежатъ частію, стройные остроконечные шлемы (если они не персидско-арабскаго происхожденія, что весьма вѣроятно), отчасти не очень высокіе, круглые шишаки изъ стали съ длинною кольчужною повѣскою (фиг. 179; фиг. 180).

¹ См. въ этомъ же сочиненіи отноенія сюда главы въ I Отдѣлѣ.

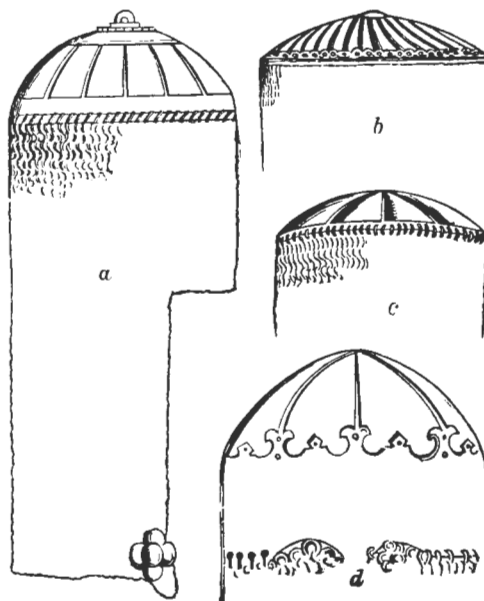
Фиг. 178.

Фиг. 179.

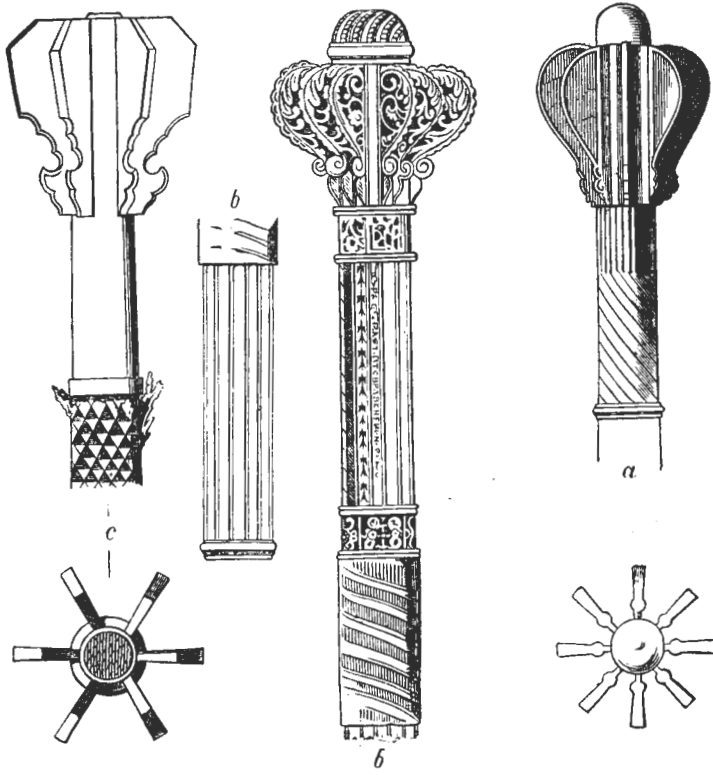

Фиг. 180.

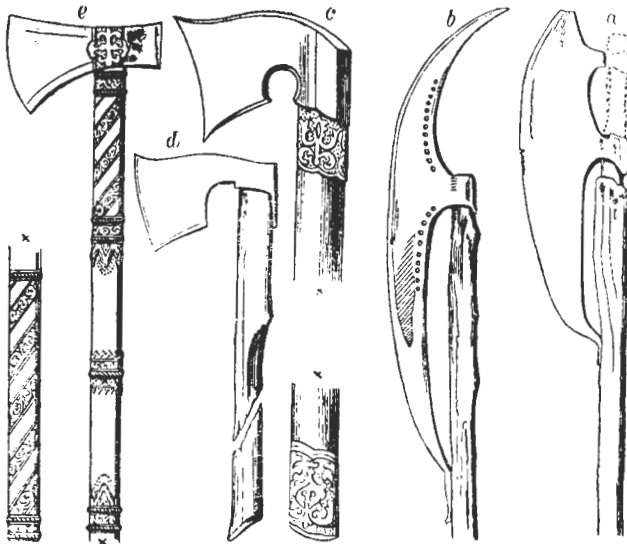

б. Тотъ же монгольскій отпечатокъ высказывается сверхъ того еще въ нѣкоторыхъ родахъ нападательнаго оружія. Сюда относятся прежде

Фиг. 181.

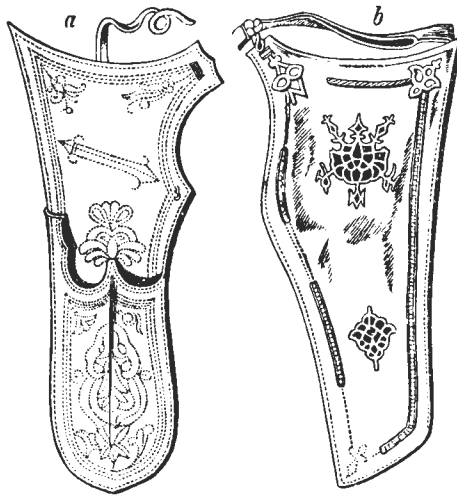
Фиг. 182.

Вѣйсъ. IV.

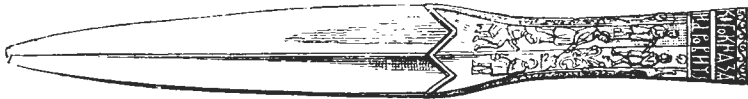
всего боевыя булавы ¹ (фиг. 181. а. б. с), о которыхъ упомянуто было уже прежде при разборѣ арабскаго оружія; потомъ нѣсколько видовъ топоровъ на долгихъ древкахъ (фиг. 182 а—с), и въ томъ числѣ нѣкоторые съ длиннымъ, узкимъ и изогнутымъ лезвіемъ, прикрѣпленнымъ отвѣсно къ древку (фиг. 182 а. б), и вполне сходственные съ боевыми топорами бывшими въ употребленіи у древнихъ египтянъ ²; затѣмъ еще луки и колчаны изъ крѣпкой кожи съ пестрымъ шитьемъ (фиг. 183; ср. фиг. 177), и наконецъ нѣсколько родовъ короткихъ ножей, формы копейнаго желѣзка. Одинъ

Фиг. 183.

изъ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ экземпляровъ подобныхъ кинжалообразныхъ, или обоюдоострыхъ ножей принадлежитъ къ 1425 г. (фиг. 184). Рукоять его сдѣлана изъ слоновой кости и украшена рѣзбою послѣдую впрочемъ уже отпечатокъ западнаго искусства.

Фиг. 184.

III. Наконецъ, что касается церемоніальнаго наряда языческихъ жрецовъ, то объ немъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Даже самъ Ибнъ-

¹ Подробнѣе о булавахъ у Fr. Adelung. Sammlung von Ansichten, Gebräuchen Bildnissen, Trachten и пр. стр. 277; потомъ В. Köhne. Des Kardinals Ascanio Maria Sforza Feldherrenstab. Berlin 1845. стр. 5 и сл. — ² Ср. въ первомъ отдѣлѣ фиг. 149. а. потомъ превосходные рисунки у Le Prince и къ нимъ Mayerberg's. Reise von F. Adelung. Atlas. таб. III. фиг. 1.

Фозланъ не упоминаетъ о такомъ нарядѣ, хотя въ описываемой имъ со всею подробностью погребальной церемоніи которой онъ былъ очевидцемъ, участвовали безъ всякаго сомнѣнія также жрецы ¹. — Вообще можно принять, что какъ въ обстановкѣ языческаго культа, такъ и во внѣшнихъ отличіяхъ представителей его было много общаго съ удержавшимся донныѣ еще шаманствомъ и фантастическимъ нарядомъ жрецовъ этой вѣры у угрейскихъ и татарскихъ племенъ. — При Владиміръ все богослужебное благолѣпіе византійской матери-церкви было перенесено въ русскую церковь ², въ которой оно сохранилось донныѣ, въ особенности что касается богослужебныхъ облачений, лишь съ незначительными измѣненіями вкравшимися въ нихъ уже къ исходу среднихъ вѣковъ (стр. 25), какъ можно видѣть по многочисленнымъ изображеніямъ духовныхъ лицъ (фиг. 185) греко-россійской церкви.

Фиг. 185.

Утварь. ³.

Если принять въ соображеніе, что не ранѣе какъ въ царствованіе Петра великаго въ русскомъ государствѣ установилось особое сословіе ремесленниковъ, благодаря, главнымъ образомъ влиянію переселившихся туда иноземныхъ и большею частью нѣмецкихъ ремесленниковъ ⁴, то наврядъ ли возможно будетъ придавать большаго значенія чисто русской, самостоятельной ремесленности существовавшей ранѣе названной эпохи, а тѣмъ менѣе современной той средневѣковой эпохѣ о которой теперь идетъ рѣчь. Нѣтъ никакихъ данныхъ опровергающихъ высказанное нами, напротивъ, всѣ художественно-ремесленные остатки того періода времени, (какъ единственныя свидѣтельства) суть положительно издѣлія нерусскихъ мастеровъ, но частью византійскихъ, частью западныхъ. Такъ, напр. кромѣ нѣсколькихъ дорогихъ церковныхъ предметовъ древнегреческой работы, время происхожденія которыхъ однако нельзя съ точностью опредѣлить, къ упомянутымъ произведеніямъ принадлежатъ: мраморная гробница Ярослава въ кіевскомъ каедральномъ соборѣ, византійской работы половины одинадцатаго вѣка ⁵, потомъ

¹ Ibn-Fozzlan u M. Frähn стр. 13. — ² Ср. J. M. Heineccii. Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche. Leipzig. 1711. J. G. King. Die Gebräuche und Ceremonien der griechischen Kirche in Russland. Riga. 1773. E. v. Murald Lexidion der morgenländischen Kirche. Leipzig. 1838. Ероже. Briefe über den morgenländischen Gottesdienst, aus dem Russischen übersetzt und aus dem Griechischen erläutert. Leipzig. 1838. въ нему превосходные рис. въ «Древн. россійск. государства» и пр. —

³ См. въ особенности приведенныя выше (стр. 16 и 17). роскошныя сочиненія на русскомъ языкѣ. — ⁴ G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte X. стр. 56 и сл. особенно стр. 73 и сл. — ⁵ K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste. III. стр. 307.

нѣсколько церковныхъ вратъ изъ бронзы и отчасти съ рельефными украшениями, двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣка ¹, и въ томъ числѣ замѣчательныя „корсунскія врата“, нѣмецкой работы и принадлежащія къ началу тринадцатаго столѣтія ². — Вся остальная сохранившаяся древняя утварь принадлежитъ уже къ исходу средневѣковаго періода и къ семнадцатому столѣтію.

Сказанное сейчасъ, въ связи съ общимъ ходомъ исторіи, приводитъ къ тому заключенію, что организація коренной русской ремесловой промышленности какъ и обиходная обстановка этого народа, по крайней мѣрѣ вплоть до семнадцатаго столѣтія оставались почти въ томъ положеніи въ какомъ онѣ находятся донынѣ въ русскомъ крестьянскомъ быту. Здѣсь каждый крестьянинъ для собственныхъ ограниченныхъ потребностей своихъ, и плотникъ, и каменщикъ, печникъ, столяръ, и кузнецъ и пр. и, оставляя въ сторонѣ отсутствіе стремленія къ художественности, онъ во всѣхъ этихъ занятіяхъ выказываетъ замѣчательную природную техническую сноровку ³. Вообще, почти всѣ рассказы путешественниковъ посѣщавшихъ Россію въ теченіе шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій ⁴, вполне согласны въ томъ, что даже въ эту эпоху еще многіе дворяне жили не лучше чѣмъ крестьяне ихъ, и что домашній обиходъ первыхъ, за малыми исключеніями почти ничѣмъ не отличался отъ бѣдной крестьянской обстановки ⁵. Приведемъ одно изъ такихъ извѣстій для примѣра:

1. „Дома въ Россіи вообще“—сказано въ одномъ посольскомъ донесеніи 1665 года ⁶. — „срублены изъ сосновыхъ бревенъ (обтесанныхъ въ лину), такимъ образомъ, что круглая сторона дерева остается снаружи, а плоская внутри дома. Пазы законопачиваются мхомъ. По причинѣ холодовъ дома строятся невысокіе, и покрываются либо дранью либо нетолстымъ дерномъ. Оконъ не болѣе двухъ или трехъ въ каждомъ домѣ, они очень малы и вмѣсто стекла въ нихъ вставляется слюда. Внутреннее пространство рѣдко разделено, но большею частью составляетъ одну только комнату. Въ ней помѣщается обыкновенно высокая печь сложенная изъ обожженныхъ кирпичей; лишь въ немногихъ домахъ существуютъ каминны. Обиходная утварь вообще бѣдна и плоха“.

Эта утварь, по извѣстіямъ другаго путешественника 1676 го г. ⁷,—

¹ F. Adeling. Die Korssunschen Thüren in der Cathedral Kirche zu Nowgorod. Съ 1 гравированнымъ изображеніемъ и 8 литографиров. таблицами. Berlin. 1823 (съ приложеніемъ перечня мѣстоахожденія всѣхъ извѣстныхъ древнихъ бронзовыхъ дверей). Превосходно срисованы въ «Древн. росс. государств». IV таб. 21 по 26.—² Тамъ же стр. 101.—³ H. Storch. Historisch statistisches Gemälde. III. стр. 50 со многими свидѣтельствами природной ловкости русскихъ. Потомъ: G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte X. стр. 55. въ особ. стр. 73 и сл.—⁴ См. перечень описаній путешествій по Россіи у Ch. Meiners. Vergleichung des älteren und neueren Russland. I. стр. 3 и сл.—⁵ Я слѣдую здѣсь извлеченіямъ изъ Ch. Meiners въ прив. мѣстахъ II. стр. 235 и сл. потомъ также изъ G. Klemm. Allgemeine Culturgeschichte X. стр. 41 и сл.—⁶ La relation des trois Ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle de la part de и пр. Charles H. Roy de la grande Bretagne vers leurs S. Maj. Alexiei Michailowitz и пр. и пр. commencées au moi de juillet 1663 et finies au mois de Janvier 1665. Второе изд. и исправленное Amst. 1672. 335 стр.—⁷ Jacobus Reutenfels de rebus Moschoviticis ad serenissimum magnum Neturriae duccem Cosmum tertium. Patavii. 1680. III. c. 15 pag. 195. 196; p. 94. 95.

состояла какъ и нынѣ въ крестьянскихъ избахъ ¹, изъ простыхъ лавокъ, расположенныхъ вдоль четырехъ стѣнъ, большого деревяннаго стола, нѣсколько деревянныхъ или роговыхъ ложекъ, ножей, глиняныхъ мисокъ и горшковъ, солоницы, рукомошника и висящаго на стѣнѣ лика какого либо угодника.

2. Незначительную разницу сравнительно съ описанною крестьянскою обстановкою представлялъ домашній комфортъ знати, помѣщиковъ или „бояръ“, судя по рассказамъ другаго путешественника Майерберга (1659 г.) ². Въ его время только немногіе бояре стали строить себѣ дома изъ кирпича, при чемъ однако для спальныхъ и жилыхъ покоевъ по стародавнему обычаю употребляли лѣсъ. Дома ихъ, сами по себѣ хотя и больше и виднѣе ³ чѣмъ вообще избы крестьянъ, но снабжены большею частью самою обыкновенною и скудною утварью: „стѣны комнатъ“ — по рассказу приведеннаго путешественника — „либо сплошь голы, либо покрыты паутиною. Только у немногихъ комнаты были обтянуты расписанными или золочеными, нидерландскими кожаными обоями, но до такой степени небрежно, что отъ этого онѣ нисколько не казались красивѣе. Простые деревянные столы и скамьи составляли всю мебель этихъ жилищъ“, а иконы единственное въ нихъ украшеніе.

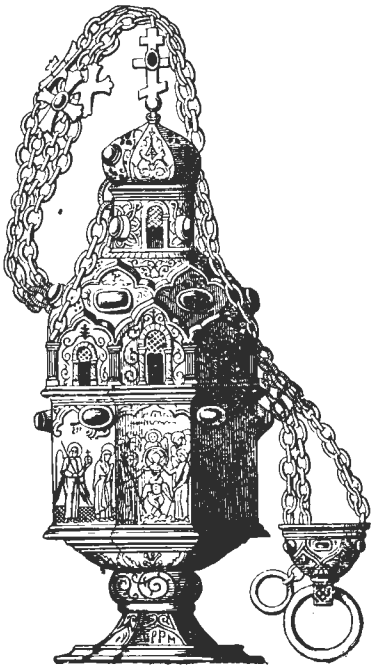
3. Въ противоположность такому крайне незатѣйливому домашнему обиходу, преобладавшему въ массѣ населенія, обстановка великокняжескаго двора отличалась необыкновенною пышностью. По всѣмъ имѣющимся даннымъ ⁴, и здѣсь намъ приходится указать на фактъ о которомъ упомянуто было уже прежде, что даже въ такое относительно позднее время, большинство художниковъ — ремесленниковъ трудилось исключительно только для царя. „Они ему доставляли постоянно множество дорогихъ матерій, одѣяній, ковровъ, мѣховъ, посуды, оружія, драгоценныхъ камней, перловъ и всякаго рода сосудовъ“, ⁴ которые царь собиралъ въ своей сокровищницѣ. Самые правдивые очевидцы почти безъ исключенія, утверждаютъ, что „цари самые богатые государи въ Европѣ, что ни при одномъ другомъ дворѣ не видно такого невѣроятнаго множества жемчуга и драгоценныхъ камней, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и утвари, какъ въ казнѣ московскихъ царей; что блюда, сосуды и бокалы, въ которыхъ имъ подаются кушанья и питье, по крайней мѣрѣ изъ чистаго серебра, но часто даже изъ золота. Средоточіемъ же всего великолѣпія являются особа государя, его регалии и тронъ. Последній изъ чистаго серебра, съ густою позолотою и на три ступени выше чѣмъ сѣдалища бояръ, помѣщающіяся на возвышеніи въ четыре ступени по сторонамъ царскаго трона. „Описаніе это въ главныхъ чертахъ сходно съ

¹ Chr. Meiners. II. стр. 245. — ² Iter in Moschoviam Augustini Liberi Baronis de Mayerberg etc. et Pogatii Gulieemi Calvucci equitis etc. ab Aug. Romanor. imperatore Leopoldo ad Tzarem et magnum Ducem Alexium Michalowitz anno MDCLXI a legatorum etc. (Швейцкій переводъ съ поясненіями Fr. Adelung. St. Petersburg 1827) стр. 33 и сл. — ³ Дома бояръ и богатыхъ были часто двухэтажные, считая за этажъ и подвальный помѣщенія, но никогда выше. Почти всегда вокругъ домовъ дворы и сады окруженные заборомъ изъ досокъ. На дворѣ помѣщались отдѣльно отъ дома баня и службы. Надъ воротами или входомъ устроены были деревянные вышки въ которыхъ по ночамъ сторожа биломъ возвѣщали часъ. «Ch. Meiners. Vergleichung и пр. II. стр. 238. — ⁴ Ch. Meiners. II. стр. 83; въ особенности стр. 110 и сл.

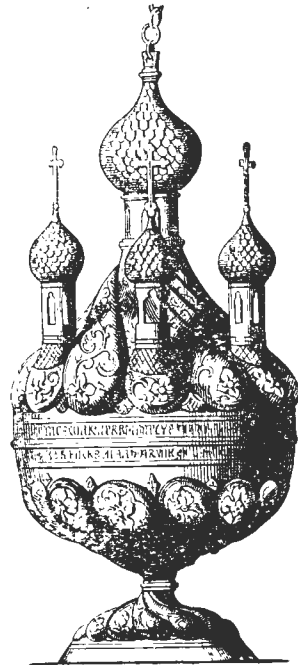
тѣмъ, что еще въ десятомъ столѣтїи Ибнъ-Фозлаиъ сообщаетъ о тронѣ великаго князя московскаго ¹, стоящемъ на возвышенномъ мѣстѣ, и украшенномъ драгоценными камнями, и о сѣдалищахъ бояръ, числомъ до четырехсотъ и расположенныхъ у подножія трона. — Упомянувъ о различныхъ предметахъ обиходной утвари ², этотъ же путешественникъ приводитъ въ числѣ самыхъ употребительныхъ и общихъ вещей, деревянную скамью, большой тазъ для умыванія, гребни и деревянные истуканы; потомъ, (по поводу погребенія какогого знатнаго лица), въ числѣ погребальной утвари онъ упоминаетъ о носилкахъ украшенныхъ вышитыми коврами, византійскою золотою парчевою матеріею, съ такогото рода подголовьемъ, и о музыкальномъ инструментѣ. О послѣднемъ онъ упоминаетъ разсказывая что умершій до торжественнаго сожженія его положенъ былъ въ гробницу, куда въ числѣ другихъ предметовъ (яствъ, питья и пр.) вложена была тоже цитра. Обстоятельство это замѣчательно какъ доказательство, что восточные славяне точно такъ какъ и западные въ особенности любили музыку (стр. 15). Быть можетъ что упомянутый инструментъ походилъ на „балалайку“, бывшую издревле въ ходу у русскаго народа.

Послѣ всего что сказано было въ предъидущемъ о ходѣ развитія русскаго народа какъ въ общемъ, такъ и въ отдѣльности, едвали есть надобность

Фиг. 186.

Фиг. 187.

доказывать, что въ продолженіе того именно періода среднихъ вѣковъ о которомъ теперь идетъ рѣчь, предметы отличавшіеся роскошною и велико-

¹ Ibn-Fozslian у М. Frähn стр. 21.—² Тамъ же стр. 7; стр. 9; стр. 13, и стр. 21.

лѣшюю отдѣлкою и заказываемые великими князьями и дворомъ, изготовлялись либо иностранцами внутри Россіи, либо получались торговлею изъза границы, и что въ этомъ отношеніи опятьтаки главнымъ источникомъ была Византія, обилувавшая художниками всякаго рода. Перенесенный такимъ образомъ въ Россію, вкусъ къ византійскимъ художественнымъ предметамъ, вскорѣ въ этой странѣ пустилъ такіе глубокіе корни, что въ основныхъ чертахъ своихъ онъ заявляетъ себя и до настоящаго времени. Изъ всего сказаннаго можно съ достовѣрностію заключить, что какъ у другихъ культурныхъ народовъ такъ и здѣсь, существовало близкое отношеніе между чисто-внѣшнимъ отпечаткомъ утвари, въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова, и архитектурнымъ стилемъ, носившимъ въ Россіи своеобразный греческій характеръ по крайней мѣрѣ вплоть до начала пятнадцатаго столѣтія, и лишь послѣ этого времени ищущаемихъ примѣсью различныхъ азіатскихъ формъ удержавшихся въ немъ донынѣ ¹. Нагляднымъ доказательствомъ тому служитъ значительное число сосудовъ и въ особенности предметовъ церковной утвари принадлежащихъ даже къ семнадцатому уже вѣку (фиг. 186; фиг. 187; ср. фиг. 188). — ². По недостатку свѣдѣній не только, но и

Фиг. 188.

уцѣлѣвшихъ образцовъ утвари относящихся къ ранней порѣ средневѣковой эпохи, мы не можемъ входить въ подробный разборъ отдѣльныхъ предметовъ.

¹ Ср. въ особ. К. Schnaase, Geschichte der bildenden Künste III, стр. 284 и сл. F. Kugler, Geschichte der Baukunst I стр. 570 и сл. — ² См. въ особ. Didron, Annales archéologiques X, стр. 109; XI, стр. 313. Orfèvrerie russe par M. de Vegué; то же XV стр. 76 и сл.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народы сѣверной Европы или Скандинавіи. ¹

(Датчане, Шведы, Норвежцы, Исландцы.)

Историческій обзоръ.

Лишь поздно и постепенно народы сѣверной Европы вступаютъ въ историческую жизнь. О существованіи ихъ не знали ни древніе греки, ни римляне, и понятіе ихъ о „Скандіи, Неригонѣ и Тулѣ“, основывалось ско-

¹ D. G. Eckendahl. *Gesch. des schwed. Volkes und Reichs.* Weimar. 1824. E. G. Geijer. *Svenska Folkets Historia Örebro.* 1832 и сл. (Нѣмецк. переводъ Н. Leffler Hamburg 1832—1836). F. C. Dahlmann. *Gesch. Dänemarks.* Hamburg und Gotha 1840 и сл. P. A. Munch. *Det norske Folks Historie.* Christiania 1851. (Изъ этого сочиненія переведено на нѣмецкій языкъ и издано отдѣльно G. F. Claussen: *Die nordisch-germanischen Völker, ihre ältesten Heimathsitze, etc.* Lübeck 1853; потомъ: *Das heroische Zeitalter der nordisch-germanischen Völker und die Wikinger-Züge.* Lübeck. 1854.) Въ области сѣверной археологіи послѣ многихъ одиночныхъ попытокъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ выходомъ въ свѣтъ: *Antiquariske Annaler etc.* Kjöbenhavn. 1808 и сл. но въ особенности съ основаніемъ «Сѣвернаго археологическаго общества» въ 1824 г., сѣверные ученые принялись съ необычайною ревностью собирать и обнаруживать древнія литературныя сокровища, саги и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ стали также изслѣдовать часто вещественныя остатки прежнихъ временъ, такъ что, благодаря ихъ трудамъ составилась богатый матеріалъ письменныхъ и изобразительныхъ памятниковъ. Въ числѣ сочиненій нынѣшнихъ прямое отношеніе къ «костюмовѣдѣнію» и въ коихъ преимущественно обращено вниманіе на вещественныя древности, назовемъ въ хронологическомъ порядкѣ главнѣйшія: *Suecia antiqua et hodierna.* fol. 1690—1708. J. Strutt. *L'Angleterre ancienne etc. Bretons, Anglo-Saxons, Danois, Normands.* Ouvrage trad. de l'anglois etc. par M. V. etc. 2 Vols. avec 67 planches. Paris 1789. P. H. Mallet. *Northern Antiquities etc.* Translated from Mallets introduction à l'histoire de Danemark. With notes by the engl. translator Perci. London. 1770. H. Sjöborg. *Inledning til kändedom of fäderneslandets antikiteter.* Lund. 1797 (здѣсьже включенъ обстоятельный обзоръ пренной литературы); потомъ цѣлый ворохъ трактатовъ о золотыхъ рогохъ найденныхъ при Галлахусѣ, въ числѣ коихъ лучшій: P. E. Müller. *Antiquarische Untersuchung der unweit Tondern gefundenen goldenen Hörner.* Перев. съ датскаго W. H. F. Abrahamson: съ 5 грав. Kopenhagen 1806. Потомъ F. Magnussen. *Bidrag til nordisk Archäologie.* Kjöbenhavn 1820, и H. Sjöborg. *Samlinger for Nordens fornälskare innehaltende Inskrifter, Figurer Ruiner etc.* 3 T. Stockholm. 1822—1830. Затѣмъ результатомъ дѣятельности названнаго выше общества явилась *Nordisk Tidsskrift for Oldkjndighet, т. е. Журналъ для сѣверной археологіи, Kopenhagen 1832 и сл.* Руководство къ археологіи сѣвера изданное сѣвернымъ археологическимъ обществомъ. Коп. 1837. *Memoires de la société royale des antiquaires du Nord.* Съ рис. Copenh. 1836 и сл. *Die Königliche Gesellschaft für nordische Alterthumskunde.* Отчеты годичныхъ собраній. Съ рис. Kopenh. 1836 и сл. *Antiquarisk Tidsskrift udgivet af det kongelige nordiske Oldskrift-Selskab.* Kjöbenh. 1854 и сл. J. J. Worsaae. *Afbildninger fra det kongelige Museum etc.* Kjöbenh. 1854. Второе дополненное изд. подъ заглавіемъ: *Nordiske Oldsager и пр.* Kjöbenh. 1859 *Atlas de l'Archäologie, représentant des échantillons de l'âge de bronze et de l'âge de fer.* Publié par la société royale des Antiquaires du Nord. fol. Leipzig. 1857. Къ приведеннымъ сочиненіямъ примыкаютъ многочисленные самостоятельныя труды и трактаты отдѣльныхъ ученыхъ: J. A. Worsaae. *Danmarks Oldtid oplyst ved Oldsager og Gravhöie.* Kyobenh. 1843. (Нѣмецк. перев. N. Bertelsen. Kopenh. 1844). Еромже. *Zur Alterthumskunde des Nordens.* съ 20 табл. Kopenh. 1847. F. Klee. *Steen-Bronze-og Jern-Culturens Minder, after viiste etc.* Kjöbenh. 1854. N. G. Bruzelius. *Svenska Fornlemingar etc.* Lund 1853—1860. Больше пространныя и иллюстрированныя сочиненія въ особенности относительно древней архитектуры на сѣверѣ: J. C.

рѣе на сказочныхъ извѣстiяхъ и смутныхъ представленихъ, чѣмъ на личномъ знакомствѣ съ названными странами. Даже послѣ того какъ германскiе народы уже распространились почти по всей Европѣ и въ ней основали прочныя государства, сѣверный мiръ оставался еще долго замкнутымъ въ самомъ себѣ. Не ранѣе какъ послѣ осьмаго столѣтiя, въ могущественное правленiе Карла великаго, невѣдомый сѣверный мiръ изъ мрака полумифической древности выступаетъ постепенно въ область всеобщей исторiи.

О бытѣ, или внѣшнихъ явленiяхъ жизни сѣверныхъ народовъ въ глубокую древность можно судить единственно только по нѣмымъ свидѣтельствамъ, какими являются многочисленныя вещественныя остатки, или гробничныя древности, найденныя частью подъ землею, и состоящiя изъ разнообразной утвари изъ камня и кости, довольно грубыхъ, чисто первобытныхъ формъ. Затѣмъ изъ утвари, оружiя и предметовъ украшенiя по большей части изъ бронзы, по отчасти тоже изъ золота, сработанныхъ съ технической умѣlostью и не лишенныхъ вкуса, и отличающихся даже подчасъ весьма красивыми формами. Наконецъ, сюдаже слѣдуетъ включить нѣсколько вещей византийской или римской работы изъ бронзы, византийскiя и римскiя монеты, множество оружiя преимущественно изъ желѣза и предметы украшенiя по большей части изъ серебра. Кромѣ того открыто много глиняныхъ сосудовъ, соответствующихъ какъ по формѣ, такъ и по обдѣлкѣ прочимъ предметамъ съ которыми они были найдены.

Древности эти служатъ доказательствомъ, что первобытное населенiе на всемъ сѣверѣ составлялъ народъ занимавшiйся охотою и рыбною ловлею, употреблявшiй для своихъ орудiй только камень и кость, и по всей вѣроятности принадлежавшiй къ чудскому племени. Этотъ народъ еще въ глубокой древности былъ вытѣсненъ изъ первобытныхъ жилищъ своихъ далѣе къ сѣверу другимъ народомъ, обладавшимъ большимъ культурнымъ развитiемъ и уже вполне знакомымъ съ обработкою бронзы, но который въ свою очередь опять долженъ былъ уступить мѣсто новымъ пришельцамъ, знакомымъ съ употребленiемъ желѣза и утвердившимъ окончательно владычество свое на сѣверѣ. Кромѣ того, по мѣстопахожденiю своему остатки эти показываютъ что первоначальное населенiе занимало сперва Данiю и южную Швецию и лишь въ относительно позднее время, но едва ли ранѣе эпохи послѣдняго передвиженiя народовъ, распространилось на западную часть Норвегiи. Судя

Dahl. Denkmale einer sehr ausgebildeten Holzbaukunst aus den frühesten Jahrhunderten in den Landschaften Norwegens. fol. Dresden 1837. A. v. Minutoli. Der Dom zu Drontheim und die mittelalterlich christliche Baukunst der scandinav. Normannen. Berlin. 1853. Inbydelse til at indtraede i Foreningen til norske Fortids mindesmaerkeres bevaring. fol. Christiania 1845 и сл. N. Nicolaysen. Mindesm. af middelald. Kunst i Norge. Udg. af Foreningen til norske Fortids mindesm. bevaring. fol. Christiania 1854. и сл. Изображенiя стѣнописей, надгробныхъ плитъ и пр. позднѣйшей христіанской поры средневѣковой эпохи, у N. M. Mandelgreen. Monuments Scandinaviques du moyen âge avec les peintures et autres ornemens qui les décorent. Copenhagen 1855 и сл. fol.—Относительно Исландiи, кромѣ древнихъ описанiй путешествiй на этотъ островъ Olafsen и Povelsen и пр. см. роскошное соч. P. Gaimard. Voyage en Islande et Groenland. Publié par ordre du Roi. Paris (1842) 2 Тома. fol. Въ заключенiе слѣдуетъ еще назвать K. Weinhold. Altnordisches Leben. Berlin. 1856, сочиненiе, которое по пространному изслѣдованiю въ особенности древнихъ литературныхъ источниковъ нашъ извлекаетъ отъ труда приводитъ множество отдѣльныхъ цитатъ.—Другiя сочиненiя указаны въ текстѣ.

по тѣмъ же остаткамъ не подлежитъ почти сомнѣнію, что вторая изъ названныхъ народныхъ группъ, знакомая съ употребленіемъ бронзы, была отраслью великаго кельтійскаго племени, занявшаго въ послѣдствіе времени Галлію и Британію, и что послѣдовавшій за нимъ народъ,—что подтверждается и другими свидѣтельствами,—принадлежалъ къ великому германскому племени, первобытною родиною котораго нѣкоторые считаютъ области лежащія между Волгою и Ураломъ. Отсюда, тѣснимые вѣроятно восточными ордами, въ незапамятное время они двинулись къ сѣверозападу, и уступая натиску слѣдовавшихъ за ними народовъ достигли до береговъ и приморскихъ областей скадинавскихъ земель. Покоривъ себѣ эти страны въ кровавыхъ схваткахъ съ тамошнимъ осыдлымъ населеніемъ, постоянно возраставшій потокъ ихъ неудержимо двинулся на югъ между (восточными) славянами и (западными) кельтами, такъ что къ исходу пятого вѣка, основавъ готто-римскую имперію, самой южной границею ихъ стала Италия.

Что касается дальнѣйшаго хода событій вплоть до конца осьмага столѣтія по Р. Х. и еще позднѣе, то, за исключеніемъ немногихъ, болѣе или менѣе исторически достовѣрныхъ по краткихъ извѣстій, все относящіяся сюда свѣдѣнія носятъ положительно сказочный характеръ, и хотя по происхожденію своему они принадлежатъ безсомнѣнно къ самому раннему времени, по тѣмъ не менѣе они были поэтически обработаны и обнародованы только въ одиннадцатомъ столѣтіи, (а значительнѣйшая часть изъ нихъ даже гораздо позднѣе). Въ этихъ извѣстіяхъ совершившіяся событія превращены въ сказанія, а сказанія въ исторію; и потому, все что въ нихъ можетъ быть принято какъ историческій фактъ по отношенію къ быту сѣверныхъ народовъ въ самыя раннія времена, сводится на одинъ лишь общій обзоръ этого быта, и развѣ немногіе и притомъ же сомнительные, главные въ немъ моменты.

Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, мною связываетъ съ божествами начатки государственныхъ учреждений, заставляетъ боговъ подобно людямъ вращаться среди людей, имъ помогать совѣтомъ, ихъ наставлять. Въ такомъ родѣ сѣверная сага рисуетъ общую картину развитія общественной жизни и происхожденія различныхъ сословій. Она выводитъ передъ нами и представляетъ намъ раба „träl“, противопоставляя ему свободнаго землепашца, а этому опять, въ качествѣ „karl“, (мужа) благороднаго воина „iargl“, упоминая о послѣднемъ какъ о самомъ могущественномъ послѣ другихъ. Многое повѣствуетъ она и о кровавыхъ битвахъ возбужденныхъ местию, о походахъ отдѣльныхъ вождей, о необычайномъ мужествѣ ихъ и о возникновеніи царственныхъ родовъ и взаимныхъ между ними распряхъ. Среди ихъ, подобно могучимъ свѣтиламъ сквозь густой туманъ блистаютъ богатыри въ родѣ Гальфданъ Гамле и датчанина Скіольда, перваго героя саги Скандіи и Зеландіи. Съ его именемъ связанъ родъ Скіольдунговъ и быть можетъ учрежденіе верховнаго королевства въ Скандіи въ готскій періодъ, какъ повидимому указываетъ самое имя ¹. Съ неменьшею храбростію выступаютъ наряду съ ними Ингве и Фроде, потомъ Вельсуинги, Нифлунги и многіе другіе.

¹ Sköld, шить, sköldunger стало бытъ почти тоже что «щитородный», названіе происходящее быть можетъ отъ древнегерманскаго обычая поднимать на щитъ нововзбраннаго короля; ср. P. A. Munch. Das heroische Zeitalter der nordischgermanischen Völker и пр. перевод. F. Claussen, стр. 18.

Впрочемъ, можно вообще принять, что подъ нѣкоторыми изъ приведенныхъ здѣсь именъ, олицетворены скорѣе поэтическіе образы въ обширнѣйшемъ значеніи, чѣмъ дѣйствительныя лица. Такимъ лицемъ, въ продолженіе упоминаемаго здѣсь періода времени, можно считать почти только короля Германарика.¹ Относительно его по крайней мѣрѣ извѣстно, что до конца четвертаго вѣка имъ было основано большое сѣверное государство, простиравшееся къ востоку до чернаго моря, а къ сѣверозападу обнимавшее страны пруссовъ, латышей, эстовъ и чудь, вмѣстѣ съ готскими землями и южною Норвегіею. Не подлежитъ сомнѣнію, что царствованіе этого короля нѣсколькими столѣтіями предшествовало образованію датскоготическаго царства, олицетворяемаго вообще такъ называемыми „Скѣльдунгами“. Царство Германарика погибло вмѣстѣ съ нимъ, судя по преданію, около 375 г. во время неудержимаго набѣга монголовъ нахлюнувшихъ опустошительною волною на западъ.

Все что мы сказали сейчасъ о герояхъ сѣверныхъ сагъ, примѣнно также къ древнему богатырю Данъ, прародителю датскаго народа, и къ Пваръ Видфадме, равно и ко всѣмъ потомкамъ шведскаго рода Инглинговъ. Последніе изъ этого рода, какъ повѣтствуется, пали въ борьбѣ противъ Видфадме, который, вышедъ изъ Скониі покорилъ себѣ всю Данію и Швецію. Ему, принадлежавшему къ роду Скѣльдунговъ, наслѣдовалъ сильный Гаральдъ „Гильдетандъ“, самый могущественный повелитель Норвегіи и счастливый завоеватель этихъ странъ. Управлявъ могущественнымъ государствомъ въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ, между Гаральдомъ и близкимъ ему по родству вассальнымъ королемъ Сигурдомъ Рингомъ вспыхнула ожесточенная и губительная народная война, во время которой Гаральдъ палъ на Бравалльскомъ полѣ, (вѣроятно между 715 и 730 г.)² После этого Сигурдъ Рингъ предложивъ миръ, завладѣлъ государствомъ Гаральда „Гильдетанда“, и резиденціею своею избралъ западную Готландію вмѣсто древней Лейдры или Летры, главнаго мѣстопробыванія прежнихъ королей. Съ этою перемѣною прекратилось датскоготическое могущество на сѣверѣ, такъ какъ съ этихъ поръ высшую власть въ Швеціи и въ датскоготическихъ земляхъ захватили въ свои руки сѣверогерманскіе вожди.

Съ этого времени многочисленныя дружины отважныхъ морскихъ воиновъ—„викинги“, изъ сѣверныхъ гаваней стали пускаться по морямъ, сперва въ ближайшее, а въ послѣдствіи также по западнымъ и южнымъ морямъ.³ Сильные отъ природы и закаленные въ привычной имъ смолоду мор-

¹ P. A. Munch въ прив. м. стр. 49 и сл. — ² Въ этомъ побойцѣ Гаральдъ вывелъ въ бой готское и датское населеніе сѣвера; Сигурдъ съ своей стороны сѣверогерманскихъ народовъ Швеціи, Норвегіи и даже Россіи. см. P. A. Munch въ прив. м. стр. 75 и сл. особенно стр. 96, потомъ о самомъ сраженіи J. A. Worsaae. Zur Alterthumskunde des Nordens. Abhdlg. II. Rumano und die Braavallerschlacht. — ³ О морскихъ походахъ Викинговъ въ особ. G. B. Depping. Histoire des expéditions maritimes des Normands. 2 изд. Paris 1844. (датскій переводъ M. Petersen; Kjöbenhavn 1830); вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ явился нѣмецк. переводъ F. Ismar. Die Heerfahrten der Normannen etc. Hamburg 1829. A. M. Strinholm Svenska folkets historie. Stockh 1834. и сл. Томъ II. Scandinavien under hednaldern (перев. F. Frisch. Wikingszüge, Staatsverfassung und Sitten der alten Scandinavien. Hamburg 1839 и сл.) G. Foss. Die Wikinger. Berlin. 1854. P. A. Munch. Det norske Folks Historia (перев. F. Claussen. Das heroische Zeitalter der nordgermanischen Völker und die Wikingerzüge. Lübeck. 1854. стр. 108 и сл.),

ской жизни, они вскорѣ сдѣлались страшилищемъ всей Европы. Еще въ прежнія времена они дѣлали набѣги на сосѣднія прибрежныя страны, и при Сигурдѣ Рингѣ, какъ говорятъ, проникли даже до Англїи. Хотя извѣстіе это пока еще вопросъ, зато почти не подлежитъ сомнѣнію, что при сынѣ и преемникѣ Сигурда, Рагнарѣ, промыселъ этотъ процвѣталъ, и что около 787 г. послѣдній съ ютландскихъ береговъ повелъ въ Англїю флотъ и на страну эту наложилъ контрибуцію. Вскорѣ послѣ этого похода предпріяты были другіе, за которыми въ теченіе времени, приблизительно съ 793 г., послѣдовали походы въ Ирландію, къ шотландскимъ островамъ и къ югозападнымъ странамъ. Въ началѣ девятаго столѣтія такого рода разбойничьи эскадры стали появляться у фрисландскихъ и сѣверофранцузскихъ береговъ, опустошая все на своемъ пути огнемъ и мечомъ. Позднѣе эти пираты проникли до Испанїи и вдоль испанскаго побережья до Сициліи и даже до Константинополя, пытаясь утвердить владычество свое почти вездѣ куда ни проникали. Даже родныя скандинавскія земли не были пощажены этими хищниками. Хотя жители тѣхъ странъ куда они приставали, старались всеми силами имъ давать отпоръ, но почти безъ успѣха, пока наконецъ не удалось уничтожить ихъ уже въ началѣ тринадцатаго столѣтія, благодаря главнымъ образомъ усиліямъ могущественнаго „ганзейскаго союза“.

Но задолго до этого времени, и еще послѣ первыхъ значительныхъ походовъ этихъ пиратовъ, нѣкоторые изъ начальниковъ ихъ успѣли утвердиться въ наиболѣе привлекавшихъ ихъ отдаленныхъ странахъ. Такъ напр. около половины девятаго вѣка они осѣлись въ Шотландїи и въ Ирландїи, а спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ тоже въ сѣверной Франціи, гдѣ, благодаря крайней слабости Карла, имъ даже удалось основать большое самостоятельное княжество, не говоря о томъ что они тоже успѣли утвердиться въ южной Италїи и въ Сициліи. Кромѣ того около этого же времени они проникли до Шетландскихъ, Ферроскихъ и Оркнейскихъ острововъ, и кажется до отдаленной Исландїи. Въ Норвегіи, послѣ многократныхъ битвъ, ихъ отразилъ Олафъ Триггвасонъ и послѣ него осторожный Канутъ Свейнсонъ; а въ Германїи имъ не дала утвердиться энергія саксонскихъ императоровъ. Съ другой стороны, подъ именемъ Варяговъ имъ удалось болѣе мирнымъ образомъ основать особое государство на сѣверѣ Россїи, откуда многіе изъ нихъ потомъ перешли въ Византію и поступили на службу къ греческимъ императорамъ (см. стр. 17).

Съ появленіемъ „Викинговъ“ въ исходѣ осьмаго столѣтія, начинается исторїя сѣверныхъ странъ. Кромѣ того въ это самое время на сѣверѣ посѣяны были первыя сѣмена христіанскаго ученїя, и съ этойже эпохи начинается та же борьба язычества противъ Христіанства.

Послѣ смерти смѣлаго викинга Рагнара „Долброка“ преемника Сигурда Ринга, около исхода осьмаго или начала девятаго вѣка, сыновья его раздѣлили между собою государство. Одному изъ нихъ, Бьёрну „Ярсида“ (железная сторона) досталась Свіарике, т. е. вся южная часть Швеціи, другому, Сигурду II „Снокёга“ (ужевиный глазъ) Дацарике, т. е. собственно Данїя.

Исторїя почти ничего не говоритъ о ближайшихъ преемникахъ Бьёрна и брата его Сигурда, зато въ числѣ ютландскихъ вассальныхъ королей вы-

даются какъ могущественнѣйшіе изъ нихъ сперва Гаральдъ, потомъ сынъ его Гормъ и Гальфтанъ, раздѣлившіе между собою Ютландію. Изъ сыновей Горма царствовали Сигфридъ и Годрѣдъ, при которомъ въ особености Шлезвигъ достигъ высокой степени процвѣтанія. Ему наследовалъ Геммингъ, онъ умеръ спустя два года, и тотчасъ послѣ смерти его возникли ожесточенные споры о наследствѣ койми глубоко потрясено было государство. Изъ этой борьбы побѣдителями вышли Рагнфридъ и Гаральдъ; но счастье вскорѣ измѣнило Гаральду, такъ что онъ принужденъ былъ бѣжать. Онъ бросился къ двору Людовика благочестиваго прося у этого государя помощи. Здѣсь онъ ознакомился съ христіанскою вѣрою, и принявъ крещеніе во время вторичнаго пребыванія своего при этомъ дворѣ, онъ пытался возвратитъ себѣ государство помощью оказанной ему сильной поддержки. Попытка эта удалась, но при такихъ опасныхъ для Гаральда обстоятельствахъ (отчасти вслѣдствіе отпаденія его отъ язычества), что онъ принужденъ былъ вторично бѣжать не долго спустя въ 827 г. Всѣ послѣдовавшія затѣмъ попытки возвратитъ Гаральду утраченное царство были отражены энергическимъ королемъ Эрикомъ, нарушившимъ не только мирный договоръ заключенный имъ съ Лудовикомъ благочестивымъ, но и послѣ его смерти объявившимъ себя открыто врагомъ преемника его Лудовика германскаго (845). Въ добавокъ Эрикъ выступалъ яримъ противникомъ Христіанства, покрайней мѣрѣ еще послѣ кончины Гаральда, когда послѣ продолжительной борьбы противъ потомковъ его, ему пришлось Гудрѣду и Рѣреку возвратитъ слѣдовавшую имъ по праву наследственности часть собственнаго государства (850). Оба названные князья въ одно время съ Гаральдомъ приняли святое крещеніе.

Въ Швеціи, вплоть до этого періода господствовалъ такой же разладъ послѣ того какъ ближайшій наследникъ Бьёрна Эрикъ Эймундсонъ, какъ гласитъ преданіе, державъ своей покорилъ всю эту страну. Вслѣдъ за покореніемъ Швеціи по всей вѣроятности многіе мелкіе короли возставали, и вражду между собою управляли своею землею. Эрику третьему, одному изъ числа этихъ малыхъ королей наследовали Эймундсоновы сыновья Эмундъ и Бьёрнъ II. При нихъ, около 829 г. кажется, проповѣдниками Христіанства въ Швецію явились впервые христіанскіе миссіонеры Ансгаръ въ сопровожденіи Витмара, но посольство ихъ не имѣло успѣха такъ какъ Эмундъ отвергалъ новое ученіе. Другая попытка, предпринятая Ансгаромъ уже въ 853 г. съ цѣлью насадить на сѣверѣ Христіанство, встрѣтила такіе же препятствія, такъ что послѣ смерти названнаго епископа (865), въ продолженіе семидесяти лѣтъ никто не рѣшался на крайне опасную и мало обѣщавшую новую духовную миссію. — Между тѣмъ, послѣ кончины Эмунда вступилъ на царство Эрикъ (IV). Правленіе его ознаменовано непрерывными завоевательными набѣгами на прибалтійскія провинціи російскаго государства и противъ Гаральда „Гарфагра“ норвежскаго изза обладанія Вермеландіею.

Въ самой Норвегіи и преимущественно въ восточной части ея, въ Вестфольденѣ и Вермеландіи, упрочили власть свою потомки Гальфдаца „Витбеина“. Вскорѣ по смерти Сигурда Ринга эти вестфольдскіе короли были уже настолько сильны, что не только отложились отъ верховнаго владычества Швеціи, но даже выступили на войну противъ Даніи. Вслѣдствіе этой

войны и благопріятнаго также стеченія обстоятельствъ, Сигфриду удалось на югѣ Даніи, — въ Ютландіи, приобрѣсти владѣнія и основать тамъ особое государство, то самое которое сдѣлалось такъ страшнымъ своими морскими витязями, „викингами“ (782). Средоточіемъ ютландскаго государства стала Шлезвигъ, о благосостояніи котораго заботился въ особенности Гудрѣдъ, „король-охотникъ“, направляя туда торговлю. Сверхъ того Гудрѣдъ постоянно стремился расширить владѣнія свои къ югу. Въ войнѣ противъ Оботритовъ онъ столкнулся съ Карломъ великимъ, старавшимся безуспѣшно заключить съ нимъ договоръ. Для защиты государства своего отъ внѣшнихъ враговъ онъ возвелъ поперекъ южной части Даніи валъ, такъ называемый „датскій валъ“ (danawall), между тѣмъ какъ Карлъ для огражденія себя на границѣ построилъ крѣпость — Гамбургъ (?) и положилъ основаніе Итцегё. Еще во время этой борьбы Гудрѣдъ погибъ отъ меча своихъ царедворцевъ. — Всѣ эти событія имѣли прямое отношеніе въ сущности только для южной части Даніи, и лишь косвенно затрогивали положеніе норвежскихъ владѣній. Последнія приобрѣли самостоятельное значеніе вообще только по смерти короля Эрика, когда король этотъ палъ въ битвѣ за будущій порядокъ престолонаслѣдія (854), и споръ этотъ улаженъ былъ провозглашеніемъ юнаго Эрика и уступкою фрисландскихъ острововъ сыновьямъ Гудрѣда. Изъ нихъ Гальфданъ „Сварте“ (т. е. черный) утвердился въ юго-восточной Норвегіи, въ такъ называемой вестфольдско й области, и этимъ положилъ основаніе рѣшительному отдѣленію Норвегіи отъ Ютландскаго государства и виѣсть съ тѣмъ упроченію самостоятельнаго норвежскаго королевства, третьяго сѣвернаго государства. Еще при Гальфданѣ, исторія котораго большею частью теряется въ преданіяхъ, это новое государство достигло высокаго значенія, благодаря благодѣтельнымъ законамъ изданнымъ самимъ Гальфданомъ, между тѣмъ какъ ютландскимъ царствомъ завладѣла Данія. Гальфдану около 860 г. наслѣдовала дочь его и жены его Гельги, Гаральдъ, „Гарфагръ“, упомянутый уже выше противникъ Эрика (IV) шведскаго. Дѣянія Гаральда хотя и принадлежатъ болѣе къ области сказаній, чѣмъ къ дѣйствительной исторіи, тѣмъ не менѣе кажется, что имъ окончено было покореніе всей Норвегіи (875). Такъ какъ еще въ его правленіе, какъ при Эрикѣ шведскомъ, между (девятью) сыновьями его возникъ споръ о наслѣдственномъ правѣ на престолъ, то каждому изъ нихъ онъ удѣлилъ по особому княжеству, уступивъ самъ верховныя права свои Эрику „Глодэкса“ (кровавому топору). Однако, именно уступка эта по смерти Гаральда „Гарфагра“ сдѣлалась поводомъ къ возобновленію спора о наслѣдіи, такъ что съ цѣлью положить конецъ брани, противъ Глодэкса призванъ былъ на помощь изъ Англіи Гаконъ добрый, братъ Эрика (939). Вытѣснивъ и убивъ Глодэкса, Гаконъ затѣялъ войну съ датскимъ королемъ Гаральдомъ „Блотандомъ“ (синимъ зубомъ) и тоже погибъ.

Попытки насадить Христіанство въ Скандинавіи ¹ повторялись почти въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, прежде чѣмъ удалось сломить упорное

¹ Кромѣ относящихся сюда отдѣловъ въ приведенныхъ выше (стр. 56) сочиненіяхъ Е. G. Geijer, G. Eckendahl и С. Dahlmann, см. въ особ. F. Münter. Kirchengesch. v. Dänemark und Norwegen. Leipzig. 1823. Потомъ К. Naase. Kircheng. Leipzig 1834. стр. 275 и С. Iudae. Gesch. der christl. Kirche. Berlin 1838. стр. 333 в сл.

сопротивленіе язычества. Прежде всего Христіанство принялось къ Даніи. Здѣсь первое основаніе ему положено было миссіями Ансгара и крещеніемъ Гаральда, сыновей его и многихъ знатныхъ сопровождавшихъ его въ франкскую страну. И хотя ближайшіе преемники его, какъ напр. Эрикъ I. и Эрикъ II. враждебно относились къ христіанскому ученію, зато ему дѣятельно покровительствовали нѣкоторые изъ послѣдовавшихъ королей, мж. пр. сынъ Эрика II, потомъ и Канутъ. Тѣмъ не менѣе христіанская вѣра стала распространяться съ большимъ успѣхомъ лишь по обращеніи Гаральда „Блотанда, т. е. между 936 и 986 годами; и хотя въ лицѣ сына его, Свено, оно встрѣтило еще разъ жестокаго гонителя, однако то была уже послѣдняя вспышка угасавшаго язычества. При сынѣ его и наследникѣ, Канутѣ великомъ (1014), покорителѣ Англіи, язычество было отвергнуто закономъ, а христіанство взамѣнъ объявлено было государственною религіею. Послѣ этого христіанское ученіе въ Канутѣ IV (1086) брѣобрѣло себѣ поборника котораго за его ревность церковь даже причислила къ лику „святыхъ“.

Еще медленнѣе Христіанство распространилось въ Швеціи. Послѣ неудачныхъ миссій Ансгара, въ продолженіе семидесяти лѣтъ въ эту страну не только не являлся ни одинъ христіанскій священникъ (стр. 61), но самое водвореніе въ ней новой вѣры сопровождалось на первыхъ порахъ нѣкоторыми уступками языческой обрядности, что въ значительной степени замедлило окончательное торжество Христіанства. Попытки подобнаго рода къ распространенію Христіанства въ Швеціи, исходили главнымъ образомъ отъ соборнаго капитула въ Бременѣ, пользовавшагося постоянно наравнѣ съ гамбургскимъ капитуломъ энергической поддержкою соксонскаго царственнаго дома. Христіанство утвердилось въ Швеціи только въ 1001 г., когда король Олафъ „Скотконунгъ“, самовольно принявъ новую вѣру сталъ дѣятельнымъ поборникомъ ея. Остатки языческихъ вѣровацій однако изгладились изъ народной памяти только постепенно, уже послѣ того какъ благочестивый король Инге, царствовавшій до 1112 г., послѣ упорной борьбы разрушилъ древнія народныя капища, и около двѣнадцатаго столѣтія король Эрикъ святой окончательно во всемъ государствѣ ввелъ христіанскую религію ¹.

Еще ранѣе, приблизительно въ одно время съ Даніею, Норвегія была обращена въ Христіанство. Вѣроятно еще въ продолженіе десятаго столѣтія, многочисленными возвращавшимися изъ чужихъ, христіанскихъ странъ „викингами“, принесены были въ Норвегію семена христіанскаго ученія. На первыхъ порахъ и здѣсь почва для нихъ оказалась хотя и не очень благоприятною, но всетаки не вполне неблагоприятною. Несмотря на то что ни Гаральду „Блотанду“, ни Гакону доброму не было суждено водворить въ этой странѣ христіанскую вѣру, однакожъ старанія ихъ здѣсь не встрѣтили такого рѣзкаго противодѣйствія какъ въ Даніи и Швеціи. Народъ оставался безучастнымъ зрителемъ пріостановки дѣла обращенія. Однако, то въ чемъ они не успѣли, того энергіею и хитростью достигъ король Олафъ „Тригвесонъ“. Воспитанный подобно прежнимъ королямъ, въ христіанской вѣрѣ, онъ посвятилъ на дѣло

¹ Ср. E. G. Geijer. Geschichte des schwedischen Volks I. стр. 141.

обращенія значительнѣйшую часть своего кратковременнаго царствованія (995—1000). Послѣдніе остатки язычества существовавшіе еще послѣ него изгладила потомъ главнымъ образомъ кончина Олафа тучнаго (1017—1030), павшаго за вѣру въ борьбѣ противъ языческихъ норвежцевъ, визигнически предавшихъ государство датскому королю Кануту великому. Процарствовавъ надъ норвежцами не болѣе года, Кануть до такой степени сталъ ненавистенъ всѣмъ, что народъ, скорбя объ Олафѣ, вырылъ останки его, и найдя ихъ нетлѣнными, оказалъ имъ величайшую почесть. Вскорѣ послѣ этого Олафъ, будучи причисленъ къ лику святыхъ, сталъ патрономъ Скандинавіи.

Съ утвержденія Христіанства въ скандинавскихъ государствахъ исторической ходъ этихъ странъ почти одинаковъ. Въ продолженіи всего долгаго періода распространенія христіанства, въ нихъ не прекращались взаимныя ссоры, частыя внутреннія кровавыя стычки и заморскіе набѣги въ коихъ главнымъ образомъ принимала участіе Данія. Еще небыли забыты ожесточенныя битвы между Гормомъ и Генрихомъ I, продолжавшіяся до 931 г., и между „Блотандомъ“ и императоромъ Оттономъ (948), когда новую войну съ Оттономъ III затѣялъ „Блотандовъ“ преемникъ Свено I „Твескіегъ“. Свено, въ виду нанесенныхъ ему потерь, обратился противъ Англіи, откуда возвратился съ богатою добычею. При вторичномъ вторженіи въ эту страну ему удалось овладѣть государствомъ и въ полномъ смыслѣ покорить своей державѣ. Послѣ его смерти Англія досталась сыну его Кануту, а другой сынъ его Гаральдъ III получилъ Данію, когдаже спустя два года умеръ послѣдній то и его государство перешло къ Кануту.—Кануть, котораго исторія величаетъ „великимъ“, былъ страшилищемъ своего времени. Все вниманіе его сосредоточивалось на Англію въ ущербъ Даніи. Въ 1027 г. онъ предпринялъ путешествіе въ Римъ. Получивъ здѣсь извѣстіе что Данія готова отпастъ и достаться узурпатору, онъ въ 1031 г. поспѣшилъ назадъ въ свое государство, и укрѣпившись въ немъ овладѣлъ даже норвежскимъ королевствомъ. При всемъ томъ онъ постоянно старался смягчать нравы своего народа, не только содѣйствуя развитію земледѣлія, но также установленіемъ благотѣльныхъ законовъ, такъ что до самой кончины его (въ 1036 г.) народъ наслаждался всеобщимъ спокойствіемъ.—Сыновья его, какъ законные наслѣдники его, раздѣлили между собою отцовское наслѣдіе, но правленіе ихъ небыло счастливо. Кануть III овладѣвъ Англію сталъ вести распутную жизнь отъ которой умеръ нѣсколько лѣтъ спустя (1041). Данія, угрожаемая Норвегіею, подъ конецъ была покорена королемъ норвежскимъ Магнусомъ I. Только по смерти этого завоевателя, въ 1047 г., племяннику Канута, Свену Магнусъ Эстритсонъ удалось опять овладѣть Даніею и утвердить на престолѣ свою династію, династію Ульфинговъ. Покончивъ потомъ борьбу съ Гаральдомъ „Гардраге“ за корону, Свенъ главнымъ образомъ позаботился объ устройствѣ христіанской церкви. Онъ учредилъ четыре новыя епископства — Выборгское, Борглумское, Лундское и Дальбійекое назначивъ каждому доходы. Онъ умеръ въ 1076 г. во время войны которую съ перемѣннымъ счастіемъ велъ противъ Вильгельма завоевателя англійскаго.

Между тѣмъ какъ дѣятельность Свена Магнуса обращена была на устрой-

ство различныхъ внутреннихъ отраслей государственнаго управленія, дворянство мало по малу успѣло присвоить себѣ особыя преимущества, коими оно жестоко угнетало народъ. Положеніе это усилилось еще болѣе когда вступилъ на царство сынъ Свена, слабый характеромъ Гаральдъ IV „Гейнъ“, и благодаря врожденному безсилію его, наконецъ произвело броженіе грозившее охватить всю страну. Въ добавокъ, преемникъ Гаральда, Кануть IV святой, отдавшись вполне духовенству, и расточая на него щедрою рукою милости свои, въ то же время обременялъ народъ податями. Все это вмѣстѣ, и несчастливый походъ предпринятый Канутомъ противъ брата своего Олафа въ Англію, вызвало наконецъ заговоръ, послѣдствіемъ котораго было окончательное разстройство государства (1086). Неопредѣленность престолонаслѣдія, возникшая изъ такого положенія дѣлъ, породила между ближайшими наслѣдниками Олафа безпрерывныя кровавыя стычки сопровождаемыя преступленіями и ужасами. Безотрадное положеніе это продолжалось почти семьдесятъ лѣтъ, и лишь тогда Вальдемару великому удалось возстановить опять порядокъ (въ 1157 г.). Благодаря врожденнымъ этому королю уму и энергіи, онъ въ скоромъ времени расширилъ предѣлы своего государства важными завоеваніями въ Помераніи и Мекленбургѣ, и въ добавокъ покорилъ державѣ своей языческой островъ Рюгенъ. Несмотря на почти непрерывную борьбу съ Вендами и возмущенія родственниковъ своихъ внутри государства, вызывавшія его многократно на кровавыя бои, Вальдемаръ тѣмъ не менѣе успѣлъ ввести многія мудрыя установленія. Отчасти въ этомъ дѣлѣ ему помогалъ Абсалонъ (Авессаламъ), епископъ Рёскильдскій, въ лицѣ котораго онъ пріобрѣлъ себѣ энергическаго помощника, въ особенности по управленію внутренними дѣлами. Такъ жж. пр. Абсалонъ успѣшно занимался обращеніемъ языческаго населенія Рюгена.—Послѣ смерти Вальдемара бразды правленія наслѣдовалъ сынъ его Кануть IV. Удачными завоеваніями онъ увеличилъ отцовское наслѣдіе, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ всю Померанію съ Штеттинномъ и Вальгастомъ. Двинувшись затѣмъ далѣе по сѣверному побережью къ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, онъ силою (1196) принудилъ къ принятію христіанства побѣжденное имъ населеніе этихъ областей. Въ это время возсталъ противъ него Вальдемаръ, епископъ шлезвигскій, сынъ Канута V, но былъ посаженъ въ тюрьму по приказанію Канута. Между тѣмъ враждебное послѣднему вмѣшательство Оттона бранденбургскаго и Адольфа нассаускаго принудило Канута обратиться къ родственнику своему, императору германскому Оттону IV брауншвейгскому, съ предложеніемъ принять его въ ленника. Кануть VI однако умеръ не увидѣвъ государства своего на возвратномъ пути туда въ 1202 году.

Верховная власть послѣ него перешла къ меньшему брату его Вальдемару II, принявшему длинный титулъ „короля датчанъ и Вендовъ, герцога Ютландскаго и верховнаго владѣтеля сѣвернаго Альбинга“. Покровительствуемый постоянно счастіемъ въ первое время, Вальдемаръ II покорилъ сперва Лауэнбургъ, затѣмъ вскорѣ въ 1204 г. Норвегію, и потомъ прибалтійскія области, усѣвшія отчасти отложиться, а въ 1209 Данцигъ, который занять былъ поляками. Послѣ различныхъ другихъ войнъ, жж. пр.

противъ маркграфа бранденбургскаго и имперскаго пфальцграфа, и кромѣ того наказавъ за отступничество свое отъ христіанской вѣры ливонцевъ, король этотъ назначилъ въ соправителя себѣ сына своего Вальдемара. Но съ этого времени счастье стало ему измѣнять, къ чему впрочемъ онъ самъ первый подалъ поводъ обезчестивъ графиню Шверинъ, которую супругъ ей ему поручилъ отправясь на богомолье въ Іерусалимъ. По возвращеніи графа, онъ сталъ тотчасъ же до крайности преслѣдовать противника своего. Пользуясь возникавшими оттого непрерывными мелкими войнами, померанцы, а за ними венды и ливонцы стали отложиться отъ Даніи, такъ что одно за другимъ Вальдемаръ лишился всѣхъ славянскихъ владѣній своихъ. Въ тщетныхъ стараніяхъ возвратить себѣ утраченное онъ умеръ въ 1241 г. Памятникомъ царствованія его осталось учрежденіе ордена Данеброга. — Такъ какъ во время его царствованія умеръ сынъ его Вальдемаръ, то, съ обоюднѣемъ старшаго сына его Канута, возведенъ былъ теперь на престолъ младшій его сынъ Эрикъ подъ именемъ Эрика IV „Плогпеннингъ“. Такое незаконное избраніе вызвало фамилные раздоры жертвою коихъ въ 1250 г. палъ насильственною смертію Эрикъ, и расшатавшіе государство въ самомъ основаніи его въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ, т. е. до 298 года, отъ воцаренія хитраго брата Эрика IV Абеля до Эрика VI Менведъ“.

Почти такую же картину представляетъ исторія Швеціи и Норвегіи за все это время. — Въ Швеціи, Олафу „Скотконунгъ“, первому христіанскому королю этой страны, вскорѣ по достиженіи имъ совершеннолѣтія пришлось вести многія упорныя войны противъ Олафа норвежскаго, „Тригвезонъ“, и въ то же время усмирять внутри государства подвластныхъ ему мелкихъ королей истощая постепенно ихъ силы. Послѣ него, въ 1014 г. государство перешло къ сыну его Якову, бывшему уже соправителю его. Яковъ, почти вплоть до кончины своей (1051 г.) велъ удачную войну противъ датчанъ; равнымъ образомъ и преемникъ его Эмундъ, послѣдній потомокъ изъ рода Ивара Видерамнестъ, погибшій въ этой датской войнѣ въ 1060 году. Когда послѣ него шведская корона перешла къ Стенкилю, сыну вестгота Ярла Рагвальда, внутри государства вспыхнули раздоры, продолжавшіеся какъ въ Даніи, лишь съ немногими свѣтлыми промежутками за которыми послѣдовали самыя гнусныя злодѣянія, вплоть до убіенія Инге II въ 1130 году. Съ нимъ прекратился родъ Стенкилей. Возобновилась опять борьба за престолъ породившая полнѣйшее анархическое своеволие, изъ котораго наконецъ вырвалъ страну Сверкеръ I, потомокъ Блотъ Свенса. Водворивъ до нѣкоторой степени спокойствіе въ государствѣ, причемъ въ особенности духовенству предоставлены были значительныя преимущества, онъ въ 1152 г. вступилъ въ войну съ датчанами и спустя три года умеръ. Начиная съ этого времени шведскій тронъ попеременно занимали потомки либо вестготскаго рода Сверкеровъ, либо кореннаго, древнешведскаго рода Бондесовъ, что однако опять таки только возбудило новую борьбу партій и въ концѣ концовъ истощило вышнія и внутреннія силы государства. При такихъ обстоятельствахъ и здѣсь, какъ въ Даніи, сословіе дворянъ успѣло завладѣть въ свою пользу особыми преимуществами въ ущербъ народныхъ правъ. Однако захваты

ихъ ознаменовались такиимиже послѣдствіями какъ и въ Даніи, увеличивъ все болѣе и болѣе разстройство государства, отъ котораго наконецъ оправилась страна при Вальдемарѣ I, вступившемъ на тронъ въ 1250 г. находясь еще подъ опекою отца. По достиженіи имъ полновлестія въ странѣ мало по малу водворились порядокъ и спокойствіе, хотя впрочемъ еще далеко не все было исправлено имъ. Такое положеніе, поддерживаемое притязаніями братьевъ его, продолжалось до возшествія на тронъ Биргера II въ 1303 году.

Норвегія, по кончинѣ Гаральда „Гарфагра“, и въ особенности по сверженіи правнука его Эрика „Блотэкса“, вплоть до смерти Олафа I „Тригвесонъ“, т. е. до 1000 г., переживала періодъ самыхъ жестокихъ внутреннихъ смуть, окончившихся раздѣломъ государства между Швеціею и Даніею. Раздѣлъ этотъ существовалъ однако только до смерти Канута датскаго, т. е. до 1036 г., когда норвежцы, по смерти Олафа святаго, погибшаго въ сраженіи за освобожденіе государства своего, провозгласили королемъ сына его Магнуса I, (стр. 63). Благодаря ему Норвегія стала опять независимою и сверхъ того къ ней присоединена была и Данія. Вслѣдствіе этого возникли вновь кровавыя войны, окончившіяся новымъ раздѣломъ государства. Кромѣ того послѣ смерти его (въ 1047 г.) между ближайшими наслѣдниками престола, Гаральдомъ III „суровымъ“ получившимъ Норвегію, и королемъ Свено Эстридсономъ, которому досталась Данія, вспыхнула ожесточенная борьба, принявшая болѣе примирительный оборотъ только при воцареніи Магнуса II, Гаральдова сына въ 1066 г. Магнусъ умеръ въ 1069 г., оставивъ престолъ брату своему Олафу III „миролюбивому“, бывшему соправителю своему. Мудрою экономіею и особыми мѣрами направленными къ увеличенію благосостоянія гражданъ, равно также покровительствованіемъ гильдейскимъ учрежденіямъ; и введеніемъ при дворѣ великолѣпія соответствовавшаго возрастанію промышленности, Олафъ счумѣлъ придать государству новую жизнь и обезпечить ему извнѣ миръ. Это благотворное спокойствіе было однако нарушено слишкомъ рано и на долгое время послѣ его смерти (1093) сыномъ и преемникомъ его Магнусомъ III „босымъ“. Такъ какъ многіе не хотѣли признать его законнымъ наслѣдникомъ престола, то между различными партіями возникли раздоры благопріятствовавшіе проискамъ нѣкоторыхъ искателей престола. Споры эти съ обѣихъ сторонъ продолжались почти до самой его смерти, послѣдовавшей послѣ различныхъ удачныхъ походовъ противъ шведскаго короля Инге и противъ Ирландіи въ 1103 году, на обратномъ пути его съ этого острова.

Вышеописанными событіями государство до такой степени было потрясено, что оно не могло оправиться ни при одномъ изъ ближайшихъ преемниковъ Магнуса. Напротивъ, почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія смуты возобновлялись еще съ большею яростью, пока наконецъ, при поддержкѣ „Гиркбейнеровъ“ и „Баглернеровъ“, не былъ провозглашенъ королемъ Гаконъ V. Ему удалось утишить народныя страсти и возвратить опять государству почти совершенно утраченное значеніе, благодаря изданному имъ закону о престолонаслѣдіи и заботамъ о поощреніи торговли и земледѣлія, для чего имъже заключены были договоры съ „ганзою“.

женіи государство отъ него перешло къ Магнусу VII, который съ благоразуміемъ продолжалъ итти по пути начертанному предшественникомъ его. Послѣ удачной войны противъ Шотландіи (съ 1262 по 1266), рядомъ новыхъ законоположеній онъ еще болѣе упрочилъ, не только порядокъ престолонаслѣдія, но также и внутреннія ленныя отношенія, какъ и вообще все государственное управленіе, при чемъ явное преимущество оказываемо было имъ духовенству, вслѣдствіе чего въ послѣдствіе времени, при сынѣ его и наслѣдникѣ Эрикѣ II, возникли споры навлекшіе на послѣдняго даже прозвище „ненавистника духовенства“. Противъ Даніи онъ велъ продолжительную войну, и также поссорился съ „ганзою“, съ которою помирился (въ 1285 г.) присоединившись къ ея союзу и предоставивъ ему неограниченную свободу внутри предѣловъ своего государства. По смерти наслѣдника и брата его Гакона VII, воевавшего почти безпрерывно съ Данією, Швецією и Россією съ 1299 до 1309 г., Норвегія досталась наконецъ внуку его Магнусу Смеку королю Швеціи.

Исландія по исторіи своей составляетъ часть Норвегіи ¹. Вообще этотъ островъ былъ открытъ совершенно случайно, лишь около половины девятаго вѣка, вышедшимъ изъ Норвегіи викингомъ Наддъ-Оддомъ ². Вскорѣ послѣ открытія Исландіи туда отправилось нѣсколько человѣкъ удальцевъ изслѣдовать островъ, тѣмъ не менѣе однако можно вообще принять, что онъ оставался необитаемымъ вплоть до 870 г., когда, вслѣдствіе деспотическаго правленія Гаральда „Гарфагра“, туда переселилось нѣсколько человѣкъ норвежцевъ знатнаго рода. Мало-по-малу къ нимъ стали присоединяться другіе недовольные въ значительномъ числѣ за которыми послѣдовали потомъ цѣлыя семейства датчанъ и шведовъ, такъ что въ короткое время населеніе Исландіи не только значительно увеличилось, но и на столько даже окрѣпло, что оно въ состояніи было дать отпоръ Гаральду попытавшемуся силою овладѣть островомъ. При такихъ обстоятельствахъ вскорѣ въ Исландіи водворился прочный государственный порядокъ. Еще въ 928 г. однимъ изъ знатнѣйшихъ переселенцевъ, Ульфліотомъ, исландцамъ дано было особое уложеніе, составленное по древнескандинавскому образцу и соответствовавшее до такой степени народному характеру, что оно удержалось безъ измѣненія въ продолженіи почти трехъ столѣтій. Съ одинаковою готовностію съ какою населеніемъ принято было это уложеніе, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, (въ 1000 г.) всѣ жители Исландіи въ силу постановленія сейма, приняли христіанскую вѣру, которая передъ этимъ проповѣдана была въ странѣ миссіонерами въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, отъ 981 до 996 г. Когда въ послѣдствіе времени исландцы открыли восточную часть Гренландіи, то главною заботою ихъ стало, распространеніе въ этой странѣ христіанской вѣры. Такое положеніе дѣлъ измѣнилось

¹ С. F. Köppen. Literarische Einleitung in die nordische Mythologie. Berlin 1837. стр. 24 и сл. P. A. Munch. Det norske folks Historie и пр. K. Weinhold. Altnordisches Leben стр. 25 и сл.—² Таково общее предположеніе. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ однако, Исландію открылъ впервые норманнъ Гардартъ, датчанинъ шведскаго происхожденія въ 863 г. Лишь нѣкоторыя мѣста по берегамъ этого острова были посѣщены за послѣдствія до этого времени отшельниками изъ Ирландіи. Одинадцать лѣтъ спустя, въ 874 г. норвежцы предприняли колонизацію Исландіи окончившуюся въ шестьдесятъ лѣтъ. С. Rafu въ прибавл. къ Memoires de la société royale des Antiquaires du Nord. 1848, до 1849 г. Copenh. 1852.

однако въ тринадцатомъ столѣтіи вслѣдствіе борьбы за исключительное господство, возникшей между древними дворянскими родами и свободными гражданами, борьбы, окончившейся тѣмъ, что для возстановленія мира островъ въ 1261 г. подчинился Гакону V. Съ этого времени Исландія осталась подвластною Норвегіи до тѣхъ поръ, когда съ кончиною Гакѳна VII страна эта сама не досталась шведской коронѣ.

Въ то время когда на сѣверъ Скандинавіи не проникло еще благотворное вліяніе христіанскаго ученія, нравы первобытныхъ жителей этой страны вообще носили отпечатокъ суровой независимости, и какъ ни своеобразны были въ тѣ раннія времена формы въ какихъ проявлялся этотъ духъ независимости, всетаки онѣ развивались всегда сообразно съ условіями мѣстности, хотя естественно тому содѣйствовали тоже и врожденныя народамъ этимъ духовныя силы. Нигдѣ однако мѣстныя условія не представляли столько серьезныхъ преградъ какъ именно въ сѣверныхъ странахъ. Природа въ которую здѣсь вступалъ переселенецъ съ востока, по самому свойству ея вызывала его на такого рода дѣятельность для добыванія однихъ лишь жизненныхъ потребностей, которая весьма мало благопріятствовала итѣ. Значительнѣйшая часть этихъ земель была покрыта первобытными лѣсами, а тамъ гдѣ тянулись обширныя дуга какъ напр. на датскихъ островахъ и въ серединѣ датскаго материка, дуга эти перестѣкались по всѣмъ направленіямъ широкими топями и болотами¹. Вообще же на сѣверѣ было не много дѣйствительно удобныхъ для воздѣлыванія земель², такъ что германскому племени здѣсь приходилось довольствоваться въ первое время охотою, скотоводствомъ и рыбною ловлею, т. е. тѣмъ, что ему давали лѣса и море, не смотря на то что племя это еще съ дѣтства было знакомо съ земледѣльческими работами³.

Среди такой обстановки, требовавшей отъ человѣка неустанной борьбы за одно лишь существованіе и совмѣщавшей въ себѣ сверхъ того самаго для него тяжелаго климатическаго явленія зимней поры и непогоды, понятно если въ обитателѣ сѣвера утвердилось понятіе, полагавшее высшую изъ добродѣтелей въ личной физической силѣ и мужествѣ, и не оставлявшее большаго простора проявленію болѣе глубокихъ чувствованій. Но не смотря на то что въ особенности въ германскомъ племени, суровый нравъ часто доходитъ до крайней грубости, племя это было надѣлено въ тоже время всѣми основными качествами способствующими высшему нравственному развитію, такъ что благодаря имъ сглаживалась его природная суровость. Основныя черты эти, коими германское племя отличалось отъ предшествовавшего ему, и вѣроятно азійскаго, населенія страны, заключались главнымъ образомъ въ сознаніи тѣсной семейственной связи, и въ свойственномъ искони племени этому уваженіи къ женскому полу. Преимущественно въ этихъ двухъ основныхъ чертахъ таились зачатки той способности германскаго племени къ духовному развитію которая высказалась вскорѣ въ стремленіи къ болѣе широкому пониманію и болѣе правильному опредѣленію внѣшнихъ отношеній жизни.

¹ Ср. Общее описаніе у Adam v. Bremen. IV. 1 и сл.—² Такъ напр. въ Норвегіи годная для земледѣлія почва составляетъ не много болѣе двадцатой части всего пространства. A. Munch. Das heroische Zeitalter der nordisch-germanischen Völker. (Перев. F. Claussen) стр. 2.—³ Даже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ въ Даніи число землепашцевъ было ничтожно сравнительно съ богатыми владѣльцами стадъ. Ср. K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 36.

Когда, какъ въ этой странѣ, строптивая природа сама отъ чело- вѣка уже требуетъ напряженія всѣхъ его силъ, то вообще ему остается немно- го простора для другихъ занятій, и вслѣдствіе этого въ немъ развиваются лишь медленно новыя потребности. Вся дѣятельность сѣверныхъ жителей такимъ образомъ на первыхъ порахъ должна была ограничиться удовлетво- реніемъ однихъ насущныхъ потребностей. Умѣренность, нѣкоторымъ обра- зомъ для нихъ стала закономъ и ихъ приучала съ твердостью и терпѣніемъ переносить всякаго рода внѣшнія лишенія.

До какого времени населеніе это находилось въ такомъ положеніи, доволь- но трудно опредѣлить. По всей вѣроятности оно продолжалось еще долго спустя переселенія германскаго племени въ Скандинавію, и бытъ можетъ даже еще послѣ первыхъ воинственныхъ столкновеній его съ богатыми племенами населявшими южныя и западныя области. Хотя довольно вѣроятно что гер- манское племя нѣкоторыми практическими свѣдѣніями обязано было предше- ствовавшему ему населенію, но въ сущности вліяніе это не могло быть продолжительно, и наврядъ ли даже оно не ограничилось тѣмъ, что германцы отъ кореннаго населенія страны переняли коекакіе свойственные ему издавна ручныя промыслы и техническіе приемы. Сказанное сейчасъ заслужи- ваетъ тѣмъ болѣе вѣроятія, что еще задолго до переселенія германцевъ, ко- ренное населеніе страны значительно превосходило ихъ въ технической сноровкѣ судя по вещественнымъ остаткамъ приписываемымъ этому населе- нію и также сравнительно съ существующими образчиками ремесловой дѣятель- ности германскаго племени, или такими о какихъ вообще упоминають писатели.

Съ другой стороны, достовѣрнѣе упомянутаго вліянія, установившаяся въ раннія времена связь Скандинавіи съ Италією, Византією и Восто- комъ,¹ засвидѣтельствуемая открытыми древностями, обличающими безспорно происхожденіе римское и византійское², но въ особенности монетами най- денными въ довольно значительномъ количествѣ въ южной части Сканди- навіи (стр. 57). Самыя раннія въ числѣ этихъ монетъ принадлежать къ временамъ римскихъ императоровъ вплоть до втораго вѣка; древнѣйшія за ними византійскаго происхожденія и вообще относятся къ пятому и шесто- му столѣтію. Затѣмъ слѣдуютъ арабскія монеты за періодъ времени отъ исхода седьмаго до половины одиннадцатаго столѣтія, и преимущественно монеты 890 до 955 года³.

Но хотя находки эти безъ всякаго сомнѣнія показываютъ, что въ эпо- хи къ коимъ онѣ относятся, между Скандинавією, Югомъ и Востокомъ существовали торговыя сношенія, то всетаки было бы поспѣшностью изъ такого факта заключить, будтобы въ теченіе времени до седьмаго столѣтія жители сѣвера вообще подвергались какому либо болѣе рѣшительному влія- нію со стороны Италіи и Византіи. Всѣ предметы какіе во все это время и даже позанѣ еще, сѣверяне получали изъ названныхъ странъ, имъ достав- лялись весьма окольными путями, чрезъ посредство другихъ племенъ. Нав-

¹ Относительно сношеній норманновъ съ Востокомъ ср. замѣтку изъ С. С. Каfn. *Antiquités Russes et Orientales d'après les monuments historiques des Islandais, et des anciens Scandinaves* въ *Mémoires de la société royale des Antiquaires du Nord* 1848—49. Кopenh. 1852. Прибавленіе.—² Ср. I. A. Worsaae. *Nordiske Oldsageri det Kongelige Museum i Kjöbenhavn*. 2 изд. стр. 69 и сл. рисунки отъ № 269 до 318; и стр. 83 рас. № 397 и сл.—³ К. Weinhold, *Altnordisches Leben* стр. 98.

рядъ ли въ это время могла быть уже рѣчь о прямыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ какою либо изъ помянутыхъ странъ. Еслиже такимъ образомъ сѣверяне стали обладателями многихъ превосходныхъ произведеній искусства, то тѣмъ не менѣе, по отношенію къ дальнѣйшему своему развитію они все еще предоставлены были своимъ собственнымъ силамъ.

Всѣ эти разнообразныя торговыя сношенія, знакомя скандинавскій народъ исподоволь съ предметами болѣе утонченной жизни, по всей вѣроятности не остались безъ вліянія и на его образъ воззрѣнія. Между тѣмъ, если въ обширномъ смыслѣ это дѣйствительно и было такъ, и хотябы въ скандинавскомъ народѣ подобнымъ вліяніемъ вызываема была самостоятельная дѣятельность, то тѣмъ не менѣе собственная страна ему отказывала въ средствахъ къ осуществленію его предпріятій. Дерево и глина, составляли въ тѣ времена почти единственныя произведенія страны пригодныя для ремесловаго промысла. Богатства Швеціи заключающіяся въ металлахъ, преимущественно въ мѣди и желѣзѣ, были открыты лишь въ довольно позднѣйшее время ¹. Даже въ тринадцатомъ еще вѣкѣ Шведы все потребное для нихъ количество этихъ металловъ получали отчасти изъ чужихъ странъ, преимущественно изъ Англіи, отчастиже они добывали желѣзо изъ находившихся подъ рукою болотной руды и желѣзистой глины. Вообще же для удовлетворенія потребностей своихъ, имъ приходилось довольствоваться главнымъ образомъ сырыми матеріалами какіе имъ доставляли охота и скотоводство.—Вслѣдствіе всего этого задерживалось вообще развитіе самостоятельной ремесловой дѣятельности, такъ что, по крайней мѣрѣ до двѣнадцатаго столѣтія, всякій челоуѣкъ въ отдѣльности все необходимое долженъ былъ заготавливать либо собственными руками, либо помощью рабовъ у себя въ домѣ. Лишь въ теченіе этого столѣтія въ значительнѣйшихъ торговыхъ городахъ стало возникать „сословіе ремесленниковъ“ ².

При такомъ общемъ недостаткѣ въ житейскихъ средствахъ, который для сѣверянъ становился еще чувствительнѣе по мѣрѣ того какъ передъ ними раскрывались сокровища другихъ народовъ и они научались ими наслаждаться, весьма понятно если они стали ревностными сторонниками иноземной торговли. Быть можетъ даже что именно эти лишенія и послужили поводомъ къ походамъ Викинговъ ³; во всякомъ же случаѣ, благодаря этимъ походамъ въ Скандинавію привозилось болѣе сокровищъ, чѣмъ дорого стоившимъ путемъ мирныхъ торговыхъ оборотовъ ⁴. Хотя походы эти и не имѣли большаго вліянія на общее положеніе дѣлъ, тѣмъ не менѣе они не прошли совершенно безъ пользы для страны. Черезъ нихъ наѣздническія шайки приходили въ непосредственныя сношенія съ наиболѣе просвѣщенными народами, умственный кругозоръ ихъ становился шире, и пріобрѣтаемые ими понятія и многосторонняя опытность сообщались такимъ образомъ массѣ народа.

¹ K. Weinhold. Altnordisches Leben. стр. 96 и сл.—² Ср. иж. пр. E. Wilda. Das Gildewesen im Mittelalter. Halle 1831. стр. 70 и сл. 316 и сл.—³ См. въ особ. K. Weinhold. Altnordisches Leben. стр. 103 и сл. противъ мнѣнія A. Munch (Det norske Folks Historie) переводъ F. Claussen. Das heroische Zeitalter der nordisch germanischen Völker стр. 96 и сл. стр. 231 и сл. къ нему см. и литературу приведенную ниже стр. 59 прим.—⁴ Такъ напр. Адамъ бременскій (IV. гл. 6), говоря о Зеландіи замѣчаетъ что «въ ней было много золота награбленнаго морскими разбойниками».—⁵ Объ этихъ Верингерахъ или Варягахъ, см. A. Munch. Det norske Folks Historie Перев. F. Claussen, Das heroische Zeitalter der nordisch-germanischen Völker. стр. 100 и прим.

Но какъ ни значительно было количество произведеній искусства какія пріобрѣтали скандинавы торговыми сношеніями въ тѣ раннія времена изъ дальнихъ заморскихъ странъ, всетаки начатки переворота въ образѣ жизни ихъ, со всеми вѣншними послѣдствіями его, слѣдуетъ отнести по всей вѣроятности уже къ эпохѣ большаго распространенія „викинговыхъ походовъ“, т. е. не ранѣе какъ къ девятому столѣтію.

Переворотъ этотъ однако, какъ надо полагать, на первыхъ порахъ едва ли много измѣнилъ обычную дотолѣ дѣятельность скандинавовъ, направленную лишь къ усвоенію всего того, что въ постоянно возроставшемъ изобиліи имъ предлагали болѣе богатыя иноземныя страны, а что касается вещественнаго, къ извлеченію прямой для себя пользы изъ добытаго ими на войнѣ добра. Въ особенности послѣ походовъ предпринятыхъ ими въ позднѣйшее время въ южную Англію, въ Германію, Францію и пр. они всегда возвращались домой съ богатою добычею, состоявшей не только изъ драгоценныхъ предметовъ, но также изъ плѣнниковъ которыхъ они либо продавали, либо оставляли при себѣ для собственныхъ домашнихъ услугъ.

Благодаря пріобрѣтаемымъ этими способами богатствамъ, на сѣверѣ стало все болѣе развиваться стремленіе къ болѣе спокойному образу жизни и къ чисто личному вѣншнему щегольству. То что „викингамъ“ удалось пріобрѣсти преодолевая опасности моря и войны, то послѣ нихъ „верингеры“ (варяги) старались достигнуть менѣе опасными путями въ Россіи и въ Византіи (стр. 60) ¹. Такимъ образомъ въ послѣдствіи времени, т. е. приблизительно съ начала десятаго вѣка, варяги содѣйствовали установленію болѣе прочныхъ торговыхъ сношеній сѣверянъ съ Византіею и народами Востока ². Съ этихъ поръ преимущественно Новгородъ и нѣкоторые мѣста около Ладожскаго озера (стр. 22 и сл.) стали главными складочными мѣстами для этихъ торговыхъ сношеній. Впрочемъ, еще до этого времени, благодаря колоніямъ основаннымъ сѣверянами въ особенности въ Англіи и Франціи, торговля на сѣверѣ вообще значительно оживилась сравнительно съ прежними временами ³, такъ что еще въ девятомъ столѣтіи въ самой Скандинавіи образовались довольно большіе и оживленные рынки, средоточіемъ коихъ былъ Тунсбергъ, и въ числѣ которыхъ, (покрайней мѣрѣ вплоть до тринадцатаго вѣка), отличались въ особенности Шлезвигъ, и въ Швеціи Бирка близъ Упсалы. — Велѣдствіе всѣхъ этихъ условій, неустановившіяся еще у сѣверянъ до того времени бытовыя отношенія, должны были неминуемо уступить мѣсто болѣе опредѣленнымъ формамъ жизни которыя стали уже господствующими у прочихъ европейскихъ народовъ. По этому, самую раннюю эпоху проявленія болѣе самостоятельныхъ попытокъ въ области художества слѣдуетъ отнести не далѣе какъ къ этому времени, стало бытъ къ началу одиннадцатаго вѣка. Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ прежнія попытки къ подражанію азійскимъ и византійскимъ об-

¹ Ср. С. Ф. Кёррен. Einleitung и пр. стр. 184. — ² К. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 98 и сл. —

³ О такомъ подражаніи въ относительно ранній еще періодъ, свидѣтельствуетъ мж. пр. рядъ найденныхъ на сѣверѣ воспроизведеній византійскихъ и вифическихъ монетъ грубой отливки, служившихъ подвѣсочными украшеніями ср. А. Worsaae и пр. № 399 по 409. Сюда же можно отнести и золотые рога, открытые близъ Галлехусъ въ Шлезвигѣ въ 1699 и 1744 гг. и которые считались даже за настоящія восточныя произведенія. См. Р. Е. Müller. Antiquar. Untersuch. и пр. съ 5 гравиров. табл. 1806.

разцамъ, можно съ достовѣрностью принять, что помянутая художническая дѣятельность, держась преимущественно англійскихъ и франкскихъ образцовъ, и сохраняя притомъ свойственное сѣверу издревле направленіе къ фантастическому ¹, выработала тѣ формы, въ какихъ она вращается и до нынѣ почти безъ измѣненія въ нѣкоторыхъ областяхъ на крайнемъ сѣверѣ ².

Однако, несравненно важнѣе чѣмъ всѣ приведенныя выше отношенія, по послѣдствіямъ своимъ для дальнѣйшаго развитія и переустройства быта сѣверянъ, было обращеніе ихъ въ Христіанство. Даже самыя раннія попытки къ распространенію Христіанства на сѣверѣ не остались безъ вліянія. Но по мѣрѣ того какъ стало возрастать число послѣдователей новой вѣры, должны были неминуемо и быстро измѣняться стародавнія бытовья особенности сѣверянъ имѣвшія тѣсную связь съ язычествомъ, такъ что наконецъ, съ обращеніемъ въ Христіанство почти всего сѣвернаго міра, т. е. приблизительно въ одиннадцатомъ вѣкѣ, особенности эти все больше и больше смѣшались съ элементами новаго ученія. Но, не одну эту перемѣну Христіанство произвело въ своихъ послѣдователяхъ, которымъ и теперь еще приходилось подвергаться вліянію различныхъ постороннихъ отношеній, связанныхъ непосредственно съ перенесеніемъ къ нимъ изъ франко-германскихъ странъ новой вѣры ³. Вскорѣ послѣ того какъ въ этихъ странахъ утвердилось Христіанство, и ему перестало угрожать опасностью, германцы изъ такого положенія преимущественно принялись усердно и по возможности извлекать для себя пользу. Для этого имъ представляли надежную и прибыльную точку опоры нѣкоторыя изъ многочисленныхъ епископствъ, усилившіяся еще въ первой половинѣ десятаго столѣтія, преимущественно въ Даніи, потомъ въ Швеціи и Норвегіи благодаря значительному покровительству оказываемому духовенству ⁴. Гдѣ только представлялась возможность они зоволили колоніи и захватывали въ свои руки мало по малу всѣ ремесла и торговлю. Въ особенности что касается ремеслъ, имъ это удавалось тѣмъ скорѣе, что въ ту пору дѣятельность подобнаго рода была весьма мало развита. Впрочемъ, и по отношенію къ торговлѣ, они скоро достигли своей цѣли, поселившись въ значительномъ числѣ главнымъ образомъ въ большихъ торговыхъ мѣстахъ, гдѣ въ тѣсномъ союзѣ между собою и удачными спекуляціями они приобрѣтали значительныя богатства.

Благодаря такой дѣятельности и торговымъ сношеніямъ, нѣсколько городовъ отличавшихся благопріятнымъ для торговли положеніемъ своимъ, вскоре достигли небывалой прежде степени процвѣтанія, въ ущербъ древнимъ торговымъ мѣстамъ въ Скандинавіи (стр. 72); такъ иж. пр. Висби на островѣ Готландѣ, и основанный въ 1093 г. Олафомъ тихимъ купеческій городъ Бергенъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ въ особенности, нѣмцы еще въ раннее время настолько успѣли брать верхъ надъ туземнымъ населеніемъ,

¹ Ср. описаніе блестящаго, но довольно первобытнаго, наружнаго вида флота Свейнса Габельбарта, у F. C. Dahlmann. 1. стр. 97.—² См. въ особ. предувѣдомленіе у I. C. Dahl. Denkmale и пр. A. Worsaae и пр. K. Schnaase. Gesch. der bild. Künste и пр.—³ Послѣ соединенія Даніи съ Англіею при Канутѣ слятомъ, т. е. съ 1019, многіе англійскіе духовные переселились въ Скандинавію: ср. H. Münter. Kirchengeschichte von Dänemark und Norwegen Leipzig. 1823. I. стр. 411.—⁴ Такъ напр. около 948 г. возникли епископства въ Даніи: Шлезвигъ, Рипенъ, Аархусъ, потомъ при Канутѣ 11 (съ 1026 г.) три епископства; Шоонентъ, Зеландъ и Финленъ, и при Сveno (въ 1047) Виборгъ, Боргдумъ, Лундъ и Дальби;—въ Швеціи, около 1164 г. епископство Удсальское;—въ Норвегіи при Олафѣ III «Ярре» въ 1070 г. соборъ въ Дрентгейнѣ и пр.

что въ 1186 г. въ силу строгаго предписанія они были изгнаны изъ этого города. Однако въ 1271 г. они опять усилились до такой степени, что имъ уже нельзя было отказать въ правѣ основать склады для товаровъ своихъ въ городѣ. Послѣже этого, успѣвъ выговорить себѣ особыя преимущества они окончательно сгубили туземную торговлю.—¹ Въ общемъ, торговля на сѣверѣ значительно усилилась. Съ начала двѣнадцатаго столѣтія торговцы изъ сѣверныхъ странъ стали посѣщать послѣ Ирландіи и Франціи также Александрійскіе рынки. Въ тринадцатомъ вѣкѣ Гаконсонъ норвежскій вступилъ въ торговыя сношенія на собственный счетъ съ правителемъ Туниса.

Съ упомянутымъ переселеніемъ въ Скандинавію среди населенія этой страны стали распространяться нѣмецкіе нравы и обычаи, и хотя въ первое время перемѣна эта коснулась почти только одной внѣшней стороны ² жизни, притомъ же и не обошлась безъ колебаній, такъ какъ нѣкоторые короли и въ числѣ ихъ Эрлингъ норвежскій (1162—1184) даже упорно держались старины, тѣмъ не менѣе однако нѣмецкій духъ въ скоромъ времени всюду одержалъ верхъ. Прежде всего это случилось въ Даніи, гдѣ, покрайней мѣрѣ при дворѣ, нѣмецкій элементъ положительно сталъ господствующимъ еще съ начала двѣнадцатаго вѣка ³. Потомъ онъ распространился вскорѣ и на прочіе сѣверные дворы и населенія богатыхъ торговыхъ городовъ, такъ что конецъ двѣнадцатаго столѣтія слѣдуетъ считать эпохою въ которую, (за исключеніемъ конечно обитателей крайняго сѣвера и малыхъ городковъ внутри страны), все населеніе сѣверныхъ странъ вообще поклонялось нѣмецкимъ нравамъ и обычаямъ.—Въ заключеніе слѣдуетъ привести и то, что еще съ одиннадцатаго столѣтія нѣкоторые сѣверные короли, движимые вѣрою, ходили на поклоненіе въ Римъ, и что, по примѣру ихъ, въ послѣдствіи тудаже отправлялись и многіе частныя лица, и даже предпринимали путешествія въ болѣе отдаленныя мѣста, (такъ жж. пр. и въ Палестину), что безъ всякаго сомнѣнія не могло не имѣть вліянія на способъ воззрѣнія сѣверянъ вообще.

Въ дальней Исландіи древніе нравы и обычаи сѣвера удержались безъ примѣси долѣе нежели въ другихъ странахъ. Островъ этотъ сталъ заселяться именно въ то время когда господствоваша въ Скандинавіи бытовыя формы еще мало утратили первоначальной своей чистоты. Въ такомъ видѣ формы эти перенесены были въ Исландію, гдѣ въ скоромъ времени, благодаря изданному Ульфлѣотомъ закону, онѣ приобрѣли твердую почву, обезпечившую за ними покрайней мѣрѣ завѣтное право преданія. Изъ этого замкнутаго, такъ сказать, въ самомъ себѣ, кореннаго германскаго духа, въ исходѣ двѣнадцатаго столѣтія развилась богатая поэзією литература основаніемъ которой служило древнее историческое сказаніе, и составляющая почти единственный источникъ для подробнѣйшаго изслѣдованія бытовыхъ отношеній древнихъ обитателей сѣвера ⁴.

¹ К. Weinhold. *Altnord. Leben* стр. 110 и сл.—² Такъ напр. Олафъ Кирре норвежскій (1066—1093) ввелъ при своемъ дворѣ нѣмецкіе (нѣмецкіе) одежду и обычаи, а въ городахъ нѣмецкіе гильдейскіе порядки. F. C. Dahlmann. *исторія Даніи*. II. стр. 134.—³ К. Weinhold. *Altnord. Leben*, стр. 405.—⁴ О «важности и богатствѣ» названной литературы ср. вступительныя примѣчанія въ «*Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde*» и пр. Коренн. 1837. Къ нимъ же и критическій обзоръ в С. F. Körppen. *Literarische Einleit. in die nord. Mythologie* стр. 23 и сл.

ИЗДАНИЯ К. СОЛДАТЕНКОВА.

Аонаксеева.....	Народныя Русскія сказки. 4 части Изд. 2.	6 р.
—.....	Поэтическое воззрѣніе Славянъ на природу. 3 части	8 р.
Берга.....	Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части.	2 р. 50 к.
—.....	Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ)	7 р.
Вейса.....	Вышшій бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ вре- менъ. Т. I, Ч. 1 и 2-ая. Пер. В. Чаева.	8 р.
Вольскаго.....	Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами-собственниками.	2 р. 50 к.
Гартмана.....	Сущность міроваго процесса или философія безсознатель- наго, въ 2-хъ книгахъ. А. Козлова	4 р. 50 к.
Геттнера.....	Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣка. Т. III, Кн. I. Перев. А. Пыпина и А. Плещеева.	2 р.
Грановскаго.....	Сочиненія. 2 части	2 р.
Ешевскаго.....	Сочиненія. 3 части.	6 р.
Забланина.....	Опыты изученія русскыхъ древностей и исторіи 1 и 2-ая части; за каждую	2 р.
—.....	Куново и древній сътунскій станъ.	2 р.
Игеринга.....	Борьба за право. Перев. П. Волкова	75 к.
Кавеллина.....	Сочиненія. 4 части.	5 р.
Карьера.....	Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Перев. Е. Корша.	16 р.
Ключевскаго.....	Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ.	2 р.
Кольцова.....	Стихотворенія. Изд. 6.	20 к.
Кугелера.....	Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. Ча- сти I и II.	10 р.
—.....	Руководство къ исторіи живописи. Перев. И. Васильева.	7 р.
Лотце.....	Мировоззръ. 3 части. Перев. Е. Корша	6 р. 50 к.
Любеке.....	Исторія пластики. Перев. В. Чаева	6 р.
Огарева.....	Стихотворенія. Изд. 3.	50 к.
Попова.....	Россія и Сербія. 2 части.	4 р.
Рихтера.....	Вліяніе целлулярной патологіи.	1 р.
Рышетникова.....	Сочиненія 2 части.	5 р. 50 к.
Талста.....	Лѣтопись. 2 тома. Перев. К. Кронеберга.	1 р. 50 к.
Трачевскаго.....	Польское безкоролье.	3 р.
Тзна.....	Чтеніе объ искусствѣ	2 р.
Тренделенбурга.....	Логическія изслѣдованія. 2 части.	4 р.
Фела.....	Стихотворенія. 2 части	2 р.
Фрикена.....	Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіан- скаго искусства. Часть I-я.	1 р.
Фивель-Кулавижъ.....	Гражданская община античнаго міра. Переводъ Е. Корша.	2 р. 50 к.
Чичерина.....	Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2 и 3. за каждую	3 р.
—.....	Нѣсколько современныхъ вопросовъ.	1 р.
—.....	О народномъ представительствѣ.	3 р.
—.....	Областные учрежденія.	3 р.
—.....	Опыты по исторіи русскаго права.	1 р.
—.....	Очерки Англіи и Франціи.	1 р.
Шекспира.....	Драматическія сочиненія. Перев. Н. Кетчера. Ч. 1—7-ая; за каждую.	1 р.
Шилова.....	Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи С. Со- ловьева. Съ 6-ю родословными таблицами.	3 р.

Принимая во вниманіе значительный объемъ II-го тома сочиненія Вейса, заключающаго въ себѣ до 60 печатныхъ листовъ, изъ коихъ 19 только приходятся на I-ю часть, а остальные на 2-ю, мы сочли умѣстнымъ, къ издаваемой нынѣ 1-й части II-го тома присоединить 5 листовъ слѣдующей части, дабы этимъ способомъ дѣленіе болѣе соответствующее объему вышедшихъ еще въ 1873 и 1874 годахъ двухъ частей 1-го тома этого труда.—Вторая же часть второго тома выйдетъ сполна въ слѣдующемъ году.